ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН

ЦЕНТР ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

*

INSTITUTE OF WORLD HISTORY

CENTRE FOR INTELLECTUAL HISTORY

RUSSIAN SOCIETY OF INTELLECTUAL HISTORY

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

71

DIALOGUE WITH TIME

INTELLECTUAL HISTORY REVIEW

2020 Issue 71

EDITORIAL COUNCIL

Carlos Antonio AGUIRRE ROJAS
La Universidad Nacional
Autónoma de Mexíco

Mikhail V. BIBIKOV
Institute of World History RAS

Vera P. BUDANOVA
Institute of World History RAS

Tamara A. BULYGINA
North-Caucasus Federal University

Wojciech WRZOSEK
Uniwersytet im. Adama Mickiewica
w Poznaniu

Piama P. GAIDENKO
Institute of Philosophy RAS

Stefano GARZONIO
Università di Pisa, Italia

Galina I. ZVEREVA
Russian State University
for the Humanities

Valentina P. KORZUN
Omsk State University

German P. MYAGKOV
Kazan Federal University

Igor V. NARSKIJ
National Research
South Ural State University,
Cheljabinsk

Valery V. PETROFF
Institute of Philosophy RAS

Jefim I. PIVOVAR
Russian State University
for the Humanities

Jörn RÜSEN
Kulturwissenschaftliche Institut, Essen

Irina M. SAVELIEVA
Higher School of Economics
National Research University

Gyula SZVÁK
Eötvös Loránd University,
Budapest, Hungary

Andrej B. SOKOLOV
Yaroslavl State Pedagogical University
named after K. D. Ushinsky

Rolf TORSTENDAHL
Uppsala Universitet, Sweden

Victoria I. UKOLOVA
Moscow State Institute of International
Relations (University) MFA of Russia

Nina A. KHACHATURIAN
Lomonosov Moscow State University

Chen QINENG
The Institute of World History,
Chinese Academy of Social Sciences

Pavel P. SHKARENKOV
Russian State University
for the Humanities

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ
АЛЬМАНАХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
2020 Выпуск 71

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Карлос Антонио АГИРРЕ РОХАС
Национальный автономный
университет Мехико

М. В. БИБИКОВ
Институт всеобщей истории РАН

В. П. БУДАНОВА
Институт всеобщей истории РАН

Т. А. БУЛЫГИНА
Северо-Кавказский
федеральный университет

Войцех ВЖОСЕК
Университет им. Адама Мицкевича,
Познань, Польша

П. П. ГАЙДЕНКО
Институт философии РАН

Стефано ГАРДЗОНИО
Пизанский университет, Италия

Г. И. ЗВЕРЕВА
Российский государственный
гуманитарный университет

В. П. КОРЗУН
Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского

Г. П. МЯГКОВ
Казанский
федеральный университет

И. В. НАРСКИЙ
Национальный исследовательский
Южно-Уральский государственный
университет, Челябинск

В. В. ПЕТРОВ
Институт философии РАН

Е. И. ПИВОВАР
Российский государственный
гуманитарный университет

Йорн РЮЗЕН
Институт наук о культуре, Эссен, ФРГ

И. М. САВЕЛЬЕВА
Высшая школа экономики
Национальный исследовательский
университет

Дюла СВАК
Будапештский университет
имени Лоранда Этвеша

А. Б. СОКОЛОВ
Ярославский государственный
педагогический университет
им. К. Д. Ушинского

Рольф ТОШТЕНДАЛЬ
Уппсальский Университет, Швеция

В. И. УКОЛОВА
Московский государственный институт
международных отношений
(Университет) МИД России

Н. А. ХАЧАТУРЯН
Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова

Чен ЧИНУН
Институт мировой истории
Академии социальных наук, КНР

П. П. ШКАРЕНКОВ
Российский государственный
гуманитарный университет

ББК 63.3

Издание подготовлено при поддержке
Фонда содействия развитию политической науки (Москва)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН
Лорина Петровна РЕПИНА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АФАНАСЬЕВА А. Э., кандидат исторических наук, доцент
ВЕДЕШКИН М. А., кандидат исторических наук (отв. секретарь)
ВИШЛЕНКОВА Е. А., доктор исторических наук, профессор
ВОРОБЬЕВА О. В., кандидат исторических наук, доцент
ГОРЕЛОВ М. М., кандидат исторических наук
ИОНОВ И. Н., кандидат исторических наук
КИСЕЛЕВА М. С., доктор философских наук, профессор
КОРЧИНСКИЙ А. В., кандидат филологических наук, доцент
МАЛОВИЧКО С. И., доктор исторических наук, профессор
НЕДАШКОВСКАЯ Н. И., кандидат филологических наук, доцент
ПЕТРОВА М. С., доктор исторических наук, доцент (зам. гл. редактора)
РУМЯНЦЕВА М. Ф., кандидат исторических наук, доцент
СЕЛУНСКАЯ Н. А., кандидат исторических наук
СЕРЕГИНА А. Ю., доктор исторических наук
СТОГОВА А. В., кандидат исторических наук, доцент
ЭКШТУТ С. А., доктор философских наук

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ 71
СЛОВА И СМЫСЛЫ

М.: Аквилон, 2020. — 432 с.

Журнал «Диалог со временем» посвящен проблемам интеллектуальной истории, которая изучает исторические аспекты всех видов творческой деятельности человека, включая ее условия, формы и результаты.

ISSN 2073–7564
Эл. № ФС 77-53624

АКВИЛОН

DIALOGUE WITH TIME 71
WORDS AND MEANINGS

Moscow: Aquilo-Press, 2020. — 432 p.

Journal “Dialogue with Time” is specially intended for consideration of the problems of intellectual history understood as a study of historical aspects of all kinds of human creative activity, including its conditions, forms and products.

Подписной индекс в общероссийском каталоге «Роспечать» — **36030**

© Общество интеллектуальной истории, 2020
© Институт всеобщей истории, 2020
© Издательство «Аквилон», 2020
© Журнал «Диалог со временем», 2020

Репродуцирование (воспроизведение) данного издания или его части любым способом без письменного соглашения с издателем запрещается

К.В. Хвостова

ЕЩЕ РАЗ ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ СОБЫТИЙНОСТИ

В настоящей статье автор ставит своей целью осуществить сравнительную характеристику понимания события в исторической науке и в философии. Согласно философии Хайдеггера и Делёза, только большие феномены, превосходящие границы повседневности, могут быть названы «событием». Опираясь на эпистемологические и методологические принципы постнеклассической научной парадигмы и принимая в расчет тесные взаимоотношения крупных универсальных событий и феноменов повседневности, автор утверждает, что последние также обладают статусом события.
Ключевые слова*: событие, историческое событие, философия, историческая наука, Хайдеггер, Делёз, повседневность.*

Изучение проблемы исторического события в настоящее время отличается целым рядом научных достижений. Событие находится в центре внимания ряда направлений исторической и философской мысли. Многие современные достижения отечественных и зарубежных школ при рассмотрении соответствующей проблематики отмечены и положительно оценены в фундаментальной монографии Л.А. Микешиной[1].

Акцентируя в данной статье специфические особенности конкретно-исторического и философского подходов к данной проблеме, отметим, что для первого из них характерна тесная связь с критическим источниковедением. В рамках источниковедческого анализа устанавливается подлинность соответствующих сведений, их датировка, особенность идеологии и степень осведомленности их авторов, и ряд других проблем, раскрывающих представления о событии авторов источников. На втором уровне анализа материала формируются отношения современного историка и философа к соответствующей информации.

Основываясь на ряде достижений постнеклассической научной парадигмы, полагаем, что в рамках исторической науки историческое событие правомерно определить как научное умозаключение современного исследователя, фиксирующее устойчивую совокупность результатов физических и интеллектуальных действий исторических агентов в фиксированном пространственно-временно́м ареале. Соответственно, исторический факт понимается как подобное умозаключение относительно единичных результатов названных действий. Таким образом, понятия исторических событий и фактов отражают представления о результатах социального поведения исторических агентов и соответственно являются объектом поведенческой науки о прошлом как части историописания. Иногда авторы конкретно-исторических и теоретических работ отождествляют события и факты[2]. В известных исследовательских ситуаци-

[1] Микешина 2015: 187, 175. См. также: Событие и время… 2018.
[2] Про 2000: 59.

ях при анализе конкретных пространственно-временны́х диапазонов отдаленного прошлого подобная практика представляется не только допустимой, но и оправданной, поскольку в историческом исследовании иногда трудно фиксировать точные пределы названных протяженностей произошедшего. В зависимости от постановки проблем и авторских акцентов такие границы могут интерпретироваться по-разному.

Для прояснения названных понятий обратимся к лингвистическим данным. В древне- и новогреческом языках, как и в русском, со-бытие означает некоторое единство однородных явлений[3]. Событие, таким образом, как правило, состоит из одного, нескольких или многих фактов. Их число определяется историком на основе анализа источников. Однако необходимо учитывать, что понимание фактов и событий во многом связано с ценностными представлениями исследователя и его индивидуальной интерпретацией изучаемой исторической ситуации. К тому же выводы историка формируются на материале исторических источников, которые в свою очередь отражают ценностные установки их авторов. Проиллюстрируем авторское понимание соотношения фактов и событий на примере анализа деловых документов Византии XIV в., явившихся предметом собственных исследований автора данной статьи[4].

Сохранились и частично изданы документы, оформлявшие пожалование византийским императором земельных владений крупным монастырям на Афоне. Эти акции оформлялись серией фактов, образующих в своей совокупности названное событие. Процедура начиналась с факта обращения физического представителя соответствующего юридического лица – обычно настоятеля монастыря – к императору с просьбой осуществить пожалование, затем следовал письменно выраженный факт согласия императора выполнить данную просьбу. Наконец следует факт издания документа, юридически оформляющего соответствующее пожалование. Характеристика совокупности названных фактов составляет умозаключение исследователя, констатирующее событие пожалования земельного владения соответствующему юридическому лицу. Очевидно, каждый из перечисленных фактов, в свою очередь, может быть представлен (при наличии в источниках соответствующих сведений) как событие, т.е. сумма более мелких фактов, характеризующих, в частности, психологические настроения агентов, например, степень заинтересованности сторон. Совокупность всех выявленных историком основных и сопутствующих фактов и составляет в данной исследовательской ситуации историческое событие, значимое в системе религиозных, юридических, экономических и политических отношений эпохи.

То, что понятия «факт» и «событие» могут при соответствующих акцентах замещать друг друга, свидетельствует о том, что они наряду с эпистемологическим и методологическим содержанием включают еще

[3] Вейсман 1991: 1175–1176.
[4] Хвостова 2009: 20–45.

и ценностный аспект. Он проявляется в том, что в историческом нарративе всегда явно или неявно присутствует психологическая и ценностная составляющая взглядов исследователя. Она проявляется как в личностной интерпретации сведений, так и в их отборе. Детальность при понимании соответствующей проблематики отличает позицию историка от позиции философа, оперирующего общими понятиями, не вдаваясь в рассмотрение их структуры, о чем будет сказано ниже.

Понимание события в исторической науке отличается от такового в современной теории вероятностей, в рамках которой событие связывается с понятием факта. «Под событием понимается всякий факт, который может произойти или не произойти», говорится в основополагающем труде по теории вероятностей[5]. Факт, таким образом, мыслится как потенциальная возможность события, тогда как событие – это реализованный факт. Далее, как в теории вероятностей, так и в исторических исследованиях событие или факт в некоторых исследовательских ситуациях именуется «случай». В теории вероятностей случай определяется как шанс, т.е. вероятность появления события[6]. В историописании случай, случайное событие или случайный факт – это понимание результата единичных или коллективных действий агентов как нередуцируемых или слабо редуцируемых к предыдущим фактам, событиям или итоговым ситуациям. То обстоятельство, что в историописании в ряде исследовательских ситуаций событие, факт и случай отожествляются, является, на наш взгляд, эпистемологическим оправданием применения в исторических исследованиях количественных показателей, составляющих исторические тенденции, а также вероятностно-статистических методов, характеризующих случайно-вероятностные процессы[7]. Для автора данной статьи, занимавшейся византийской историей, важно то, что в древнегреческом языке понятия события и факта не только отождествляются, но и обозначаются тем же наименованием, что и случай[8].

Для современного понимания события, факта и случая в историописании неприменимо характерное для Дюркгейма и других последователей позитивизма отождествление исторический факт с фактом в естественнонаучном знании[9]. Исторический факт и событие только условно и образно могут характеризироваться как вещь, поскольку их понимание связано с ценностно-психологическими представлениями, как современного историка, так и авторов исторических источников.

Например, случайным событием в рамках современного знания целесообразно считать результаты субъективной оценки историческими

[5] Вентцель 1969: 23.
[6] Там же: 24.
[7] Хвостова 2009: 111.
[8] Вейсман 1969: 24.
[9] Дюркгейм 1991: 394.

агентами прошлого некоторой современной им ситуации в обществе, как благоприятный временно́й момент для принятия определенного решения и свершения некоторого действия. Понятие такого момента в Античности и в Византии обозначалось «кайрос»[10]. Кайрологическое время, зафиксированное в источниках, отражает, таким образом, чувственно-психологические представления, целевую установку, индивидуальную ориентацию агента в сложившейся ситуации, т.е. его личную оценку происходящего и соответствующую заинтересованность.

Акцентирование современным исследователем роли чувственно-психологических факторов при оценке кайрологического времени учитывает сложные философские традиции изучения феномена времени, восходящие к Платону, Канту, Бергсону, представителям разных философских школ. Кроме того, при анализе понятия «кайрос», отражавшего античные и византийские традиции понимания социального поведения агента, напрашивается, возможно, не совсем корректная аналогия с Августином, отражавшая западные традиции и также ассоциирующая короткое время с чувственно-психологическими переживаниями агента[11].

В любой ситуации выбор кайроса деятелями прошлого носил ценностный характер, так как не только учитывал логику вещей, но также оценивал полезность предполагаемого поступка. Античное и византийское понятие кайроса – не только образная метафора современной логической импликации, вводимой союзами «если… то», оно отражало стереотипность, цикличность социального поведения агентов.

Изучение количественных характеристик однорядных фактов и событий, образующих пространственно-временны́е тенденции и традиции, имеет для историка, анализирующего особенности временны́х процессов, еще и дополнительный интерес. Подобные сведения позволяют констатировать в соответствующих регулярностях наличие относительно строгого временно́го ритма. Так, например, в Византии практиковалась строгая регламентация системы и сроков взимания налогов, осуществляемая регулярными кадастерскими ревизиями. Иными словами, такие события следовали через определенные, фиксированные промежутки времени. Что же касается кайрологического времени то оно, хотя и предполагало ситуации, повторяющиеся во времени, однако подобные циклы не отличались строгой ритмичностью. Время наступления благоприятного момента для свершения определенного действия остается непредсказуемым для исторического агента.

Проблема исторической событийности находится в центре внимания не только историков, но и философов. В частности, Хайдеггер, подчеркивал неповторимость и значимость исторических событий, противостоящих усредненной повседневности. Он полагал, что, оценивая повседневную общественную жизнь, ее не следует именовать подлинным

[10] Хайдеггер распространил понятие «кайрос» на всякое историческое время, назвав его “*время для…*” – Хайдеггер 2002: 1414.
[11] Творения Блаженного Августина 1880: 379.

социальным бытием, и, соответственно, отдельные проявления подобной усредненности не могут называться событием[12]. Повседневность – это единая расплывчатая целостность, неподлинное бытие, не имеющее онтологического статуса и не представляющее интереса для философа. Действия человека в условиях подобной будничности связаны с инерцией привычной повседневной деятельности, которая не дает ему возможность проявить себя как личность, т.е. совершить нечто, заслуживающее названия события. По отношению к подобным усредненным периодам правомерно говорить не о личностях, а о людях, как единой массе. Подлинное бытие следует понимать, как «онтологический просвет» в усредненной повседневности и создание благоприятных условий для творческой активности человека. Результаты подобной деятельности правомерно называть событием[13]. Событие, отражая неповторимость бытия, характеризует онтологию, сущность исторического процесса.

Идеи, близкие к рассмотренным представлениям Хайдеггера, высказывает Делёз. В соответствии с общими постмодернистскими идеями философ понимает событие как «эффект», разрывающий повседневную усредненность. Делёз развивает идею характерной для повседневности молекулярности, непрерывного становления, рассредоточенности признаков, ризомы. Иными словами, он выступает против идеи периодизации социального развития путем выделения его этапов, отвергая предпринимаемые историками и социологами попытки вычленить в непрерывном становлении отдельные качественно различающиеся эпохи. Событие, как его понимает Делёз, вырывается из процесса бесконечного становления как «эффект», отличный от обыденности бытия, как постбытие, не изменяя при этом хода и содержания поступательного развития, понимаемого как вечное повторение[14].

Современный отечественный политолог М.М. Федорова присоединяется к рассмотренным взглядам выдающихся философов, а также упоминает близкие по содержанию идеи Х. Арендт, М. Мерло-Понти и др.[15] Автор ссылается и на ученых, признающих событийность повседневности, в частности, говорится о такой позиции М. Блока и М. Фуко. Действительно, Блок, признавая критический метод изучения прошлого, отстаивал идею необходимости и значимости анализа историком всей совокупности сохранившихся фактов прошлого[16]. А Фуко не исключал даже правомерность применения в истории математических методов при изучении однородных фактов-вещей[17]. Очевидно, столь существенные различия во взглядах объясняются акцентированием одними из

[12] Хайдеггер 1997: 126, 129.
[13] Хайдеггер 1993: 198.
[14] Делёз 1995: 21-22.
[15] Федорова.2019: 43, 45, 47.
[16] Блок 1986: 11.
[17] Фуко 1994: 369.

них только глобальных факторов исторического развития и вниманием других к их разнообразным детальным проявлениям.

Полагаем, что рассмотренные философские идеи Хайдеггера, Делеза и других исследователей, развивающих близкие взгляды, целесообразно оценить с учетом некоторых традиций понимания бытия и события в античной философии. Согласно воззрениям Парменида и Платона бытие рассматривается как вид реальности, имеющей завершенность, т.е. предел. Именно наличие предела делает бытие доступным для нашего сознания и соответственно постижения. Наряду с этим существует беспредельная множественная реальность, не являющаяся в силу отсутствия предела объектом познания[18]. Можно считать, что идеи Хайдеггера о подлинном бытии, онтологическом просвете или событии, отличные от неподлинного бытия, а также представления Делёза об обыденном бытии и постбытии, эффекте, именуемом событием, в известной мере сопоставимы с названными античными традициями. Полагаем, что идеи Хайдеггера и Делёза о событийности переводят онтологические идеи античности о бытии и его пределе-событии в феноменологическую, конкретно-историческую и даже социологическую плоскости.

Несомненно, в обобщающих работах по истории наибольшее внимание уделяется крупным событиям мирового значения, но при этом оценивается и общий уровень развития соответствующего региона, содержатся общие характеристики культуры, экономики, политики. Что же касается конкретно-исторических исследований, составляющих базу обобщающих работ, то они всегда включают анализ повседневности, понимаемой как событийность и бытийность, о чем свидетельствует понимание события как свершившегося факта теории вероятности. Кроме того, применение математических методов при анализе экономических, социальных, правовых тенденций прошлого, позволяет, как уже отмечалось, получать обобщающие характеристики этих явлений, сопоставимые с крупными событиями, имеющими качественное выражение.

Сведéние понятия «событие» только к крупномасштабным проявлениям, на наш взгляд, недостаточно для понимания истории еще и потому, что подобный подход не позволяет рассматривать такое исторически значимое явление как правовая история, состоящая из серии правовых казусов, как малых событий социального бытия. В целом позиция историков, относящаяся к пониманию события, очевидно существенно отличается от таковой в философии.

В этой связи стоит отметить, что в рамках постнеклассической научной парадигмы в отличие от классического и неклассического знания, огромное значение придается таким исследовательским процедурам как фрактальность, детализация, деструкция целостности, формирование ее нового образа с помощью трансдисциплинарности, а также анализ коротких временны́х интервалов. Соответственно, при репре-

[18] Доброхотов 1986: 10, 68, 90.

зентации научных выводов возрастает роль нарратива. Распространенность и значимость подобных методологических приемов свидетельствует, по мнению лидеров современной синергетики И. Пригожина и К. Майнцера о тенденции к сближению естественнонаучного и исторического знания и даже о влиянии методологии и эпистемологии историописания на общенаучную исследовательскую практику[19].

Принимая во внимание названные представления лидеров синергетики, а также практику конкретных исторических исследований, полагаем, что философская позиция, акцентирующая роль всемирных значимых явлений исторической жизни и однозначно закрепляющая за ними понятие «событие», не отвечает не только задачам и целям исторической науки, но и современной методологии в целом.

Историк в своем стремлении представить развитие прошлого во всем его разнообразии подчеркивает то обстоятельство, что крупные события, влияющие на ход всемирной истории, подготавливаются длительными процессами повседневности, содержащими их причины и факторы. Поэтому процессы повседневности не только заслуживают пристального внимания, но и наименования «событие».

Для историков также существенно, что крупные события мирового значения – «эффекты» и «просветы» в повседневности, – не мгновенны, они имеют временную и пространственную протяженность и, соответственно, могут быть представлены как совокупность отдельных более коротких во времени проявлений, каждое из которых заслуживает специального изучения и наименования «события».

Без пристального анализа малых событий и фактов невозможно понять значимость крупных событий. Соответственно, временной ряд малых однородных событий, образующих тенденции и традиции и характеризующий роль в истории пространственно-временного фактора, представляет, как мы полагаем, не только исторический, но и философский интерес. А именно изучение пространственно-временны́х тенденций в рамках исторического исследования (политического, социально-экономического, культурологического) иллюстрирует значимость фрактальности, детализации, нарративности, признаваемых в рамках постнеклассической парадигмы неотъемлемыми атрибутами научного знания.

Анализ однородных исторических тенденций, образуемых малыми событиями, обнаруживает такую особенность историописания как специфическая роль индукции в историческом нарративе. Известно, что согласно традициям, восходящим не только к Попперу и Лакатосу, но и к герменевтике Дильтея, в современной науке констатируется ограниченная роль индукции в научном знании. Считается, что индукция не позволяет в полной мере распространить результаты эксперимента на необследованную совокупность соответствующих данных. Иными сло-

[19] Пригожин 1991: 513; Майнцер 2010: 186.

вами, индукция не позволяет на основе знания о прошлом судить о будущем[20]. Однако историк не прогнозирует будущее, а изучает ограниченный пространственно-временно́й диапазон прошлого.

Соответственно, индукция лежит в основе сравнительно-исторического метода, позволяющего получать обобщающие выводы о рядовых, однородных событиях повседневности, образующих тенденции и традиции. Кроме того, индукция лежит в основе применения в исторических исследованиях вероятностно-статистических методов, дает возможность получать обобщающие числовые легко сопоставимые характеристики тенденций повседневности.

В современной исторической науке наряду с практикой получения общего знания на основе индуктивного анализа сведений о конкретной событийности имеет место и противоположная стратегия, подразумевающая изучение конкретной повседневной событийности, на основе знания об общих понятиях. Обратимся в целях иллюстрации подобной процедуры к результатам собственного исследования автора данной статьи в области византийской истории.

В византийском богословии существовало понятие «пронция», означавшее божественное провидение. Его содержание восходит к еще более абстрактному понятию с аналогичным наименованием в античности, означающему любое попечение, заботу. На протяжении многовековой истории Византии происходило постепенное расширение смыслового диапазона данного понятия, завершившееся его внедрением в повседневную практику. Во многих деловых и других источниках поздней Византии данное понятие употребляется в значении пожалования императором чиновнику в качестве вознаграждения за службу определенной налоговой квоты[21]. Имеет место, таким образом, радикальная фрактальность, детализация и фрагментация обобщающего, первоначально абстрактного понятия «пронция». В своем новом значении «пронция» характеризует отдельные повторяющиеся события повседневности. Можно считать, что данный вывод правомерно оценить в рамках современной эпистемологии как результат трансдисциплинарности, подразумевающей создание с помощью интеллектуальной рефлексии единого образа гетерогенных явлений. В данной исследовательской ситуации в основе подобной процедуры лежит язык. А именно смысловой диапазон античного понятия «пронция» в результате многих уточняющих процедур получил свое конечное конкретное расширенное содержание.

В современной исторической науке связь представлений о конкретной событийности, усредненности с абстрактными понятиями о бытии обнаруживается при употреблении в конкретных исследованиях таких глобальных понятий как цивилизация, культура, общество, государство и т.д. Каждое из этих понятий имеет в своем семантическом

[20] Миллер 2012: 113.
[21] Хвостова 2009: 63.

диапазоне образ многих конкретных событий. Можно вспомнить в этой связи известное мнение Кассирера относительно особенностей связи в гуманитарном знании дедуктивного представления и единичных конкретных свидетельств[22]. Все сказанное выше можно рассматривать как эпистемологическое оправдание представлений историка о научной значимости взаимосвязи конкретной исторической событийности с крупномасштабными событиями.

Обращение к повседневной исторической событийности возвращает повествование к идее временности, точнее к понятию короткого исторического времени, характеризующего временные границы событийности. Понятие этих границ, как и другие гуманитарные понятия имеют размытые очертания. Мы имеем дело с образом и представлениями о нем в рамках современного конструктивизма. Названная проблематика связана с пониманием реальности, независимой от нашего сознания, восходящим к идеям Канта о «вещи в себе» и к Риккерту, сводящему всякое знание к сознанию человека. Академик В.Я. Лекторский на основе детального изучения современных нейрофизизиологических исследований, в которых отсутствует однозначное мнение о характере реальности, в которой живет и ориентируется человек, предлагает некоторое условное ее понимание: «Человек не демиург вселенной. Его сознание не создает реальный мир. Человек познает мир в формах своей деятельности и своими действиями создает новый уровень реальности[23]. Подобный тип реальности условно можно обозначить как реальность «для нас». Однако различение реальности «для нас» и реальности, не зависимой от нас, не исключает признания значимости идей конструктивизма, подразумевающего особенности авторского индивидуального и ценностного подхода к изучаемым событиям прошлого.

Относительный индивидуальный временно́й характер научных выводов, признаваемый в рамках постнеклассической парадигмы, проявляется, в частности, в переходе в современной физике от ньютоновской классической детерминистской парадигмы к синергетике с ее вероятностно-статистическими идеями самоорганизации.

Подводя итоги данного исследования, повторяем, что на идеях постнеклассической парадигмы основан авторский вывод о тесной взаимосвязи в исторической перспективе событий мирового масштаба и усредненной будничной событийности. О едином познавательном образе этих событий свидетельствуют лингвистические традиции древнегреческого языка, в котором событие обозначается как единство произошедшего и отожествляется с понятием случая.

Вывод автора о взаимосвязи и взаимозависимости малых повторяющихся событий повседневности с крупномасштабными событиями,

[22] Кассирер 1998: 76.
[23] Лекторский 2017: 21.

имеющими мировое значение, имплицитно учитывает идеографические идеи Виндельбанда, историцизм и герменевтику Дильтея, идеи современной аксиологии. Иными словами, в центре внимания автора данной статьи находятся многие научные представления, в рамках которых явно или неявно осуществлялась критика метафизики в науке.

Однако, как было сказано выше, большую роль в авторской концепции тесной взаимосвязи и взаимозависимости крупномасштабных и мелких повторяющихся по своей структуре и значимости событий, играют современные исследовательские практики. В частности, говорилось о роли применения вероятностно-статистических методов (добавим, и дифференциальных уравнений), позволяющих получить единые обобщающие характеристики тенденций, состоящих из мелких событий и рассматриваемых как сопоставимые по своей исторической роли с крупномасштабными событиями.

Возвращаясь еще раз к идее кайроса, подчеркнем его циклический характер. Как отмечалось, можно считать, что кайрос является метафорой логической импликации, вводимой союзами «если… то», т.е. подчеркивает связь соответствующих временны́х составляющих, характерную как для мелких, так и крупномасштабных событий.

В итоге приходим к выводу о необходимости в историческом знании, в отличие от философского, изучать глобальные события в тесной связи с составляющими их и обусловившими их появление событиями повседневности.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1986 [Blok M. Apologiia istorii ili remeslo istorika. M., 1986].

Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. СПб., 1991 [Veisman A.D. Grechesko-russkiy slovar. SPb., 1991].

Вентцель Е.С. Теория вероятностей. М., 1969 [Venttcel` E.S. Teoriya veroyatnostey. M., 1969].

Делёз Ж. Логика смысла. М., 1995 [Deleuze J. Logika smysla. M., 1995].

Добронравов А.Л. Категории бытия в классической западноевропейской философии. М., 1986 [Dobronravov A.L. Kategorii bytiya v classicheskoy zapadnoevropeiskoy filosofii. M., 1986].

Дюркгейм Э. Метод социологии // Эмиль Дюркгейм. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991 [Dürkheim E. Metod sotciologii // Emil Dürkheim. O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotciologii. M., 1991]

Кассирер Э. Логика наук о культуре // Кассирер. Избранное. Опыт наук о человеке. М., 1998 [Kassirer E`. Logika nauk o kul`ture // Kassirer. Izbrannoe. Opyt nauk o cheloveke. M., 1998].

Лекторский В.Л. Познание, действие, реальность // Вопросы философии. 2017. № 9. С. 19–27 [Lektorskiy V.L. Poznanie, deistvie, realnost // Voprosy filosofii. 2017. № 9. S. 19–27].

Майнцер К. Вызовы сложности в XXI веке // Вопросы философии. 2010. № 10. С. 84–98 [Mainster K. Vyzovy slozhnosti v XXI veke // Voprosy filosofii. 2010. № 10. S. 84–98]..

Микешина Л.А. Современная эпистемология гуманитарного знания: междисциплинарные синтезы. М., 2016 [Mikeshina L.A. Sovremennaya epistemologiya gumanitarnogo znaniya: mezhdistciplinarnye sintezy. M., 2016].

Миллер Д. Машинное угадывание // Вопросы философии. 2012. № 7. С. 110–119 [Miller D. Mashinnoe ugadyvanie // Voprosy filosofii. 2012. № 7. S. 110–119].

Пригожин И. Переоткрытие времени // Вопросы философии. 1989. №8. С. 3–18 [Prigozhin I. Pereotkrytie vremeni // Voprosy filosofii. 1989. № 8. S. 3–18].

Про А. Двенадцать уроков по истории. М., 2000 [Praut A. Dvenadtcat urokov po istorii. M., 2000].

Событие и время в европейской исторической культуре XVI – начала XX в. / Под общ. ред. Л.П. Репиной. М.: «Аквилон», 2018. 512 с. [Sobytie i vremya v evropejskoj istoricheskoj kul'ture XVI – nachala XX v. / Pod obshch. red. L.P. Repinoj. M.: «Akvilon», 2018. 512 s.]

Творения Блаженного Августина, епископа Иппоникийского. Киев, 1850. Ч. 1 [Tvoreniya Blazhennogo Augustina, episkopa Ipponikiyskogo. Kiev, 1850. Ch. 1.].

Федорова М.М. Событие: современные подходы к формированию понятия // Вопросы философии. 2019. № 6. С. 40–49 [Fedorova M.M. Sobytie: sovremennye podhody k formirovaniyu poniatiya // Voprosy filosofii. 2019. № 6. S. 40–49].

Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994 [Foucauet M. Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk. SPb., 1994].

Хайдеггер М. Время и бытие М., 1993 [Heidegger M. Vremya i bytie M., 1993].

Хайдеггер М., Бытие и время. М., 1997 [Heidegger M. Bytie i vremya. M., 1997].

Хвостова К.В. Византийская цивилизация как историческая парадигма. М., 2009 [Khvostova K.V. Vizantiyskaya tcivilizatciya kak istoricheskaya paradigma. M., 2009].

Хвостова Ксения Владимировна*: доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН; hvks@mail.ru*

Once more of historical events

The article is devoted to the analysis of difference in the interpretation of the concept of the Event in philosophy and historical sciences. According to philosophy of Heidegger and Deleuz3e, only great phenomena, which exceed the bounds of everyday life, can be called the Event. The everyday phenomena of cannot be defined as Events. Taking in account the close relations of great universal Events and everyday events, and on the basis of contemporary post-nonclassical scientific paradigm, the author concludes that everyday phenomena can also be classified as Events.

Keywords: *the Event, historical event, philosophy, Heidegger, Deleuze, daily life*

Kseniya Khvostova*: Dr.Sc. (History), Chief Researcher, Institute of World History RAS; hvks@mail.ru*

С.Г. Кцоева

ПСИХОИСТОРИЧЕСКИЙ МЕТОД КАРЛА ЯСПЕРСА: ОСОБЕННОСТИ И АПРОБАЦИЯ

В рамках психоистории изучаются психологические последствия конкретных исторических событий, особенности психики исторических личностей, ее воздействие на мотивацию их действий, складывание психотипов под воздействием социокультурной среды. В статье исследуются теоретические основы психоисторического метода немецкого мыслителя, психиатра, философа-экзистенциалиста Карла Ясперса, а также анализируется один из примеров его апробации. Сформированный под влиянием феноменологических идей В. Дильтея, метод Ясперса, неоспоримо уникален. Он был разработан им для подлинного понимания выдающихся мыслителей прошлого. Чтобы изучать историю рождения и трансформации идей в умах великих интеллектуалов необходимо учитывать максимальное количество условий, повлиявших на этот процесс. Применение этого метода предполагает в качестве цели стремление к постижению экзистенции того, чья интеллектуальная биография исследуется. Только исследование личности в ее целостности со всеми предпосылками и условиями ее становления и развития дает шанс на ее адекватное понимание.

Ключевые слова: *Карл Ясперс, психоистория, метод, эмпатия, экзистенция, «Великие» мыслители, интеллектуальная биография*

Особенное оживление научного интереса к проблемам соотношения психического и исторического, как правило, отмечалось в моменты революционных потрясений. Великая Французская революция дала своеобразный толчок к началу разработок в области психоистории. Предметом изучения стало соотношение между историческими и психолого-психиатрическими феноменами, а также особенности взаимодействия истории и личности, феномен толпы и массового психоза. Л. Леви-Брюль[1] и Пьер Жане[2] изучали процессы мышления, памяти, представлений, личности с позиций историзма.

Первые попытки применения психоанализа к изучению исторических событий и воссозданию образов их главных действующих лиц были предприняты во второй половине XIX в. В качестве основных предпосылок превращения психоистории в отдельную дисциплину можно считать идеи немецкого философа, социолога, историка и психолога Вильгельма Дильтея[3], классифицировавшего науки в зависимости от предмета исследования и используемой методологии на естественные («науки о природе»), имеющие целью изучение и истолкование внешнего опыта, и социально-гуманитарные («науки о духе»), ориентированные на постижение внутреннего опыта человека, восприятия им тех или иных событий и явлений. Особая роль отводилась им психологии, которую он считал методологическим ключом к пониманию дистанциро-

[1] Леви-Брюль 1980.
[2] Жане 2010.
[3] Дильтей 2000: 270-730.

ванных в пространстве и времени событий посредством реконструкции мотивов, установок, чувств и представлений их участников.

В зависимости от установок и методов исследования Дильтей выделяет два типа психологии: 1) «объяснительную» – сближающуюся с естественными науками в рациональном поиске причинно-следственных связей и закономерностей тех или иных психических явлений и 2) «понимающую», которая основывается на описании эмоциональных и интеллектуальных процессов людей в определенных исторических обстоятельствах, а также их сопереживании. Таким образом, эмпатия как способность исследователя «вжиться», «вчувствоваться», «вдуматься» в мир другого человека понималась Дильтеем в качестве основы для любой интерпретации в целом (герменевтический метод) и исторической интерпретации в частности. Эти идеи Дильтея получили дальнейшее развитие в трудах представителей школы психоистории.

Карл Ясперс был одним из крупнейших психиатров своего времени. Его «Общая психопатология»[4] стала библией экзистенциальной психиатрии, настольной книгой любого специалиста в этой области. Ясперс, вероятнее всего, не считал себя психоисториком. Тем не менее, он внес неоценимый вклад в становление психоистории как самостоятельной науки. Цель настоящей статьи – в определении теоретических основ психоисторического метода Ясперса и его особенностей в сравнении с методами других представителей данного направления.

Патографии «великих сумасшедших»: первая попытка синтеза психиатрии и интеллектуальной биографии. Первыми трудами Ясперса, которые уже можно считать историческими биографиями, стали патографии «великих сумасшедших»: Стриндберга, Ван Гога, Сведенборга, Гельдерлина и Ницше[5]. В них он акцентирует внимание на взаимосвязи патологии их психики и гениальности, выявляя их взаимозависимость. Экзистенциальное восприятие, а точнее то, что Ясперс называл «общением на уровне экзистенции», осуществляемое не только в психиатрии, но и при знакомстве с творческим наследием людей прошлых эпох, по мнению Ясперса, вполне может способствовать аутентичному восприятию подлинного его смысла даже в том случае, если автор этих сочинений – душевнобольной: «Вполне мыслимо, что, руководствуясь психиатрическими представлениями, в каком-либо стихотворении можно обнаружить неестественность, стереотипы, отсутствие упорядоченности, бессвязность, словотворчество и.т.д., но в то же время попытка понимания позволит ощутить в нем нечто внутреннее, уловленное смещением психических функций и выраженное во внешнем»[6].

Основой исследовательской уникальности подхода Ясперса, таким образом, служит его собственная интеллектуальная гетерогенность как профессионального психиатра, разработавшего в психиатрии собствен-

[4] Ясперс 1997.
[5] Ясперс 1999.
[6] Там же: 155.

ный метод, и неординарного философа с неохватной эрудицией. С профессиональных позиций он мог более чем кто-либо в философской среде судить о психологических особенностях изучаемых личностей. Кроме того, он был тверд в убеждении, что великие мыслители прошлого, несмотря на множество аналитических трудов, посвященных изучению их творчества, в основном остались неверно понятыми. Причину он видел в неправильном их прочтении, он был уверен: адекватное понимание великих мыслителей невозможно без погружения в обстоятельства их жизни. Постичь ситуацию – значит постичь идею, в ней родившуюся: «Каждый первостепенный философ требует адекватного ему изучения. Лишь в ходе такого изучения осуществляется внутренняя работа, составляющая суть подлинного понимания… Нужно как можно более ясно выявлять сущность данного философа, притом так, чтобы в диалоге с самой мыслью становилось понятно, о чем идет речь»[7].

Интеллектуальные биографии «кризисных» мыслителей. Позднее, уже став профессиональным философом, Ясперс составляет ряд интеллектуальных биографий «здоровых» великих мыслителей на основе собственного, уникального метода. К числу наиболее ярких из них можно отнести биографии Августина Блаженного, Николая Кузанского и, конечно, Фридриха Ницше. Вероятнее всего, они, как самые «кризисные» философы, были наиболее близки ему. Психоисторический метод Ясперса, касающийся только изучения интеллектуального наследия «Великих» (так Ясперс называл некоторых выдающихся философов прошлого), может быть выражен в следующих пунктах:

1) *не изучать интеллектуальное наследие «Великих» как некую систему взглядов.* Ясперс считал ошибочным систематизацию отдельных концепций как самостоятельных достижений. Подобное «вырывание» из контекста ведет к вопиющему искажению идей и, как следствие, их неверной интерпретации;

2) *не изучать интеллектуальное наследие «Великих» изолированно от обстоятельств их рождения, формирования и становления.* Иными словами, недостаточно просто заниматься тем, что Великий создал как мыслитель, поэт, писатель, творец собственной биографии. Мало знать о нем как о гении, необходимо двинуться путем самого гения, стремясь постигать мотивы, вызванные внешними и внутренними обстоятельствами. Этого невозможно достичь без подробного изучения обстоятельств жизни, выделяя в их ряду поворотные;

3) *Великая личность должна постигаться полностью, в ее максимальной целостности.* Нельзя делить интеллектуальное наследие на аспекты и составлять о них суждения как об отдельных, изолированных друг от друга объектах (скажем, Августин Блаженный как создатель «первой мировой истории»), характеризуя их как отдельные объекты, а тем более выделять в их ряду преобладающие. Тем более необходимо

[7] Ясперс 2004: 4.

избегать суждений об авторе по отдельным объектам его творчества. Это – ложный путь, ведущий к упрощению и, как следствие, препятствующий адекватному пониманию истины. Ясперс считает такой подход к пониманию мыслителя некорректным, поскольку подобные попытки ведут к сужению Великого, делая его более однозначным, чем он был. Иными словами, невозможна систематизация отдельных концепций как «самостоятельных» достижений мыслителя. По мнению Ясперса, это ведет к их неверной интерпретации;

4) *для каждого «Великого» мыслителя необходим свой уникальный способ понимания*. Каждый «Великий» мыслитель совершенно уникален, именно в этом и состоит сущность его величия. Это, в свою очередь, означает, что нет, и не может быть универсального ключа, некоего единого, общего алгоритма, подходящего к пониманию каждого. Различные способы мышления должны и постигаться по-разному, поскольку среди «Великих» мыслителей прошлого нет двух одинаковых учений, жизней и судеб;

5) *суть индивидуализирующего метода – в погружении в ситуацию.* Истина всегда конкретна. Погружение же в ситуацию способствует конкретизации, а, следовательно, приближению к истине. Рассуждать о предмете без этого конкретизирующего погружения все равно что, опираясь на общетеоретическое положение «температура кипения воды = 100˚С», считать, что температура, при которой кипит вода, не может меняться в зависимости от изменения условий, скажем, от смены атмосферного давления (т.е. от ситуации). Таким образом, при составлении интеллектуальной биографии «Великого» необходимо «следовать за ним в его действительности».

6) *объяснять поведение и идеи «Великих» с позиций психолога:* «Ценность и истинность чего бы то ни было определяется посредством выяснения того, как он к этому пришел»[8], а это возможно лишь путем применения методов психологии. Реализация этого пункта является наиболее сложной, поскольку не любой интеллектуальный историк, подобно Ясперсу, имеет в кармане диплом психиатра и является разработчиком метода экзистенциальной психиатрии. Однако уникальность психоисторического метода Ясперса в том и состоит. Психоистория являет собой интегральную дисциплину и требует от исследователя определенной степени квалификации в области обеих наук о человеке.

Апробация метода на примере с Ницше. Проиллюстрируем апробацию данного метода на примере составленной Ясперсом интеллектуальной психобиографии Ницше. Цель данной книги виделась ее автору в устранении вопиющего непонимания большинством философии Ницше, причину чего он видел в неправильном ее прочтении. Говоря о необходимости погружения в ситуацию, что единственно способствует адекватному пониманию Ницше, Ясперс пишет: «Необходимо от

[8] Там же: 8.

простого чтения Ницше перейти к его изучению, понимая последнее как некое усвоение посредством общения с ним – обращение к тому опыту мысли, каковой Ницше представлял собой для нашей эпохи…»[9].

В стремлении постичь учение Ницше, читатели, как правило, пытаются выделить в ряду созданных им произведений наиболее существенное, главное, в котором были бы сведены воедино все его идеи. Ясперс считал применение подобного подхода, «сужающего» такого философа, как Ницше, недопустимым: «Все правы относительно друг друга, и никто не прав сам по себе. Каждая из этих оценок сужает Ницше, выставляет его более однозначным, чем он был; но Ницше как таковой будет понятен лишь в том случае, если мы все сведем воедино, чтобы в многообразии подобных отражений в конечном счете собственным умом действительно постичь изначальное философствование движения его существа»[10]. Говоря о заблуждении, к которому ведет изолированное изучение вырванных из контекста отдельных достижений Ницше, Ясперс указывает на вопиющее искажение идей Ницше и, как следствие, их неверную интерпретацию: «объединительную главную мысль подобной мистической системы можно усмотреть в *воле к власти,* и тогда из нее неизбежно исключаются мистические взлеты Ницше и учение о вечном возвращении»[11]. На это указывал и сам Ницше: «Худшие читатели – те, что подобно мародерствующим солдатам тащат то, что им нужно, пачкая и приводя в беспорядок все прочее, и обрушиваются с ругательствами на целое»[12].

Подобное понимание Ницше, где его личность неотделима от его философии, можно считать формулой, выведенной Ясперсом для решения задачи адекватного постижения философии. Иными словами, невозможно понимание сути учения без понимания личности, а понимание личности невозможно без погружения в ее эпоху и ситуацию.

Ясперс стремится к прояснению экзистенции каждого великого интеллектуала. Подобный метод не является шаблонным: у него нет заданной схемы, которая в равной степени была бы применима к изучению любого мыслителя. Скорее, суть метода в индивидуальном постижении, в необходимости выработки отдельного метода для каждого.

Безусловно, в основе постижения Великого мыслителя лежит интерпретация его текстов. Ясперс прекрасно понимал, что любая интерпретация субъективна, и риск впасть в заблуждение, так и не достигнув истины, чрезвычайно велик. Поэтому он применяет следующий принцип интерпретации: «Если мысль того или иного автора получила безусловное значение, то непозволительно по своему разумению вырывать из нее что-либо и вкладывать нечто другое; напротив, каждое слово следует воспринимать серьезно». «Тем не менее, не все высказывания

[9] Там же: 4.
[10] Там же: 6.
[11] Там же: 7.
[12] Ницше: 194.

имеют равную ценность. Они находятся в определенной иерархии относительно друг друга, которую, однако, нельзя обнаружить, руководствуясь каким-либо заранее намеченным критерием»[13].

Возникает логичный вопрос: какова же методика отделения «зерен от плевел»? Как определить, какие из высказываний заключают в себе сущностные характеристики их автора, а какие вообще можно не брать в расчет при интерпретации? Как распределить их по степени значимости? Сам Ясперс так отвечает на этот вопрос: «…иерархия эта явствует из никогда не достижимого целого данной мысли»[14]. Иными словами, значимость конкретного высказывания автора определяется тем, какую смысловую нагрузку оно несет в деле обоснования его главной идеи.

При этом к ошибкам толкования текста Ясперс отнес:

1) изолирование отдельных концепций от общей системы взглядов мыслителя и исследование каждой из них в отдельности как самостоятельных;

2) создание единого образа из личности, что неизбежно ведет к упрощениям и грубым обобщениям;

3) создание из образа философа некоего мифологического символа (например, Иуда – символ тотальной негативности, рыцарь – отваги и т.п.). Подобная символизация героя также чревата упрощениями;

4) убежденность в том, что поведение и идеи героя можно объяснить психологически, а понимание механизма формирования идей тождественно пониманию самих идей. Эта ошибка тоже ограничивает целостное, а значит, адекватное постижение.

Возникает вопрос: возможно ли такое толкование Ницше, такое средство его освоения, которое лишь негативным образом использует четыре этих пути для выявления подлинного Ницше. В отличие от ориентации на систематизацию той или иной его концепции, на его личность как некую форму, на мифологическую символику и на психологическое освещение движущих им мотивов, оно способствовало бы взгляду, имеющему целью *коснуться самой субстанции, сделаться причастным ей и даже действительно стать ею*. Вместо того чтобы просто заниматься тем, что Ницше создал как мыслитель, писатель, как творец собственной биографии, вместо того, чтобы просто знать о нем, как о другом, мы сами бы двинулись путем собственного Ницше.

«Ницше становится человеком, который, благодаря тому, что рисковал собою, в целом смог правдиво и по существу передать свое понимание бытия и самого себя»[15]. Несмотря на явную трудность обнаружения подхода, обеспечивающего подлинное освоение, Ясперс убежден: адекватное понимание Ницше невозможно вне этого подхода, помещающего героя «на такую почву, где начинают проявляться первоистоки и границы, мысль и образ», а «диалектическая система и поэзия

[13] Ясперс 2004: 9.
[14] Там же.
[15] Там же: 8.

становятся в равной степени выразительны»[16]. Ясперс сформулировал принципы составления интеллектуальной биографии Ницше:

1) Ницше противоречив в своем изложении (высказывал часто противоположные по смыслу идеи). Вместо того чтобы сразу счесть его хаотичным и несерьезным мыслителем, необходимо вникнуть в причину выявленных противоречий. При этом предпочтение одной из взаимоисключающих возможностей есть ошибочное упрощение бытия, следовательно, противоречивость Ницше есть признак не ошибочного мышления, а его правдивости: «Двусмысленность есть защита истинного от его восприятия тем, кто не имеет на это права»[17]. Следовательно, *задача интерпретатора заключается в том, чтобы повсеместно отыскивать эти противоречия, пытаясь понять их причину*.

2) Необходимость постижения объекта в экзистенциальной целостности всех его подходов, в которой, на первый взгляд разрозненное изобилие тезисов на определенном этапе подобного исследования иерархически упорядочиваются (по их значимости, по существенному или случайному и т.д.).

Идеи Ницше, по Ясперсу, можно рассматривать двумя путями: 1) как целое всех мысленных связей без учета хронологической последовательности их появления (идея современного системного целого) и 2) как временнòе системное целое. Здесь каждая мысль (!) рассматривается в жизненном контексте, как вписанная во временной процесс развития жизни Ницше, его познания и заболевания. Два подхода, на первый взгляд, исключают друг друга. Но Ясперс убежден: понять Ницше можно только путем применения обоих подходов. Каким образом?

Ясперс признает, что у Ницше есть основные идеи, сформировавшиеся еще в ранней юности; претерпев в дальнейшем кардинальные изменения, они, тем не менее, занимают главенствующее положение в его философии. При их изучении применим первый подход. В то же время у Ницше есть и такие идеи, которые сформировались у него в результате скачка в развитии. При их постижении особенно важно учесть, *когда* они рождались: «…действительность человека такова, что самая глубокая и истинная система его мысли неизбежно проявляется во временнòй форме»[18]. При этом Ясперс предостерегает исследователя от чрезмерной абсолютизации значимости биографических моментов, «не относящихся к делу причинных связей, которые вносят отклонения в эмпирическую действительность данного конкретного человека»[19].

Ясперс говорит о трех способах повествования: 1) обсуждение; 2) рассказ; 3) изложение. Причем предпочтение отдается изложению, так как в отличие от обсуждения оно показывает сам предмет, а в отличие от рассказа имеет целью проявление существенных черт предмета.

[16] Там же.
[17] Там же: 15.
[18] Там же: 11.
[19] Там же.

В отличие от первых двух форм изложение включает интерпретацию и свободу для собственной мысли того, кто излагает. Таким образом, цель изложения – «усилие, направленное на мысль другого человека».

Отдавая предпочтение изложению как способу повествования, если речь идет о Ницше, Ясперс выделяет в нем три основные части:

1) его жизнь, которую надо рассматривать как «никогда не устранимый субстрат события, именуемого “Ницше”»[20];

2) основные идеи Ницше, выделенные из многообразия его мыслей и выступающие в качестве проявления изначальных основополагающих импульсов;

3) целостность его образа мысли (постижение которой и является основной целью, и которая кроется в его экзистенции).

Изложение как высшая форма описания духовных достижений возможно не всегда, а только когда речь идет о предмете творчества, к которому обращается вновь и вновь и которое не перестает быть объектом для обсуждения.

В целом же достижения духовного творчества Ясперс делит на две категории: те, что являют собой законченную систему, и те, что, подобно наследию Ницше, могут быть бесконечно постигаемы. Задача заключается в том, чтобы оставить возможности освоения этого мыслителя открытыми в силу невозможности их целостной окончательной интерпретации. Ключевое, по мнению Ясперса, значение имеет «зависимость понимания от природы понимающего». Способность понять его сам Ницше называет «отличием, которое надо заслужить» (!)[21]. Этот момент содержит в себе вызов еще и потому, что Ясперс совершенно не собирается спорить с Ницше, соглашаясь с ним: «Как следствие, не все имеют равные права на идеи Ницше, в особенности на его оценки; полным правом на них располагают лишь те, кто одного с ними ранга»[22]. Далее Ясперс разъясняет возникающие вопросы.

Вывод очевиден: в постижении Ницше Ясперс следует рекомендациям самого Ницше в том, как его правильно постигать, что, в свою очередь, наглядно демонстрирует психоисторический метод Ясперса, который сродни тому, что он применял к своим пациентам, еще, будучи сотрудником психиатрической клиники: изучаемая личность не объективируема. Отношение Ясперса к Ницше при составлении его интеллектуальной биографии являет собой не субъект-объектное отношение. Он вступает в диалог с Ницше, а тот, в свою очередь, ведет Ясперса своими путями, раскрывая в этой дружеской беседе свои сокровенные тайны.

Ясперс в контексте развития психоистории. Тем не менее, о психоисторике Ясперсе мало кто слышал. Вероятно, причина такого скромного признания столь явных заслуг Ясперса в области психоистории состоит в его потрясающей многогранности: очень уж много сфер,

[20] Там же: 13.
[21] Ницше 1990: 724.
[22] Ясперс 2004: 16.

где он оставил свой след, и в его грандиозном творческом наследии эта отрасль несколько «затерялась», а потому продолжает оставаться малоизученной. Несмотря на это, некоторые исследователи, работавшие в данном направлении, шли теми же путями, что и Ясперс. Прежде всего, это Эрик Эриксон[23] (1902–1994), выделивший психоисторию в самостоятельную дисциплину. По одной из версий, термин «психоистория» был придуман им во время долгого путешествия в США, куда он эмигрировал с семьей после прихода нацистов к власти в Германии. Прообразом его дальнейших изысканий стало исследование личности Адольфа Гитлера и того влияния, которое он оказывал на немецкую молодежь. Основные результаты этого исследования в дальнейшем в качестве одной из глав вошли в книгу Эриксона «Детство и общество» (1950).

Автор книги был убежден, что психология отдельной личности и психология той эпохи, в которой данная личность живет и действует, являются важнейшими факторами социального анализа, которые необходимо рассматривать в единстве и взаимовлиянии. По его мнению, принадлежность к конкретной исторической эпохе определяет набор свойств, черт и качеств личности, позволяющий ей адекватно аккумулировать ценности своего времени и своей культуры, органично интегрируясь в базовые институты данного типа общества. Подобный «усредненный» тип личности можно считать «базисным», в известной мере репрезентирующим данную эпоху и данную культуру.

Но в то же время человек является не только выразителем системы норм и идеалов своей эпохи, но и выходит за рамки статистически наиболее распространенных черт, свойств и качеств «базисной» личности и результатами собственной деятельности оказывает заметное влияние на общественное развитие. В продолжение традиции патографических исследований Мёбиуса, Фрейда и Ясперса, Эриксон создает психопатографии видных деятелей политики, науки и культуры, среди которых Франциск Ассизский, Вудро Вильсон, Махатма Ганди, Максим Горький, Томас Джефферсон, Мартин Лютер, сам Зигмунд Фрейд, Бернард Шоу. Во многом Эриксон идет примерно теми же путями, что и Ясперс: прежде всего, он отказывается от жесткого биологического детерминизма, характерного для классического психоанализа Фрейда, и приходит к убеждению о необходимости подробного изучения воздействия социального окружения и историко-культурного контекста жизни человека, указывая на адаптационный характер психики человека в многообразии социокультурных норм и правил поведения.

В основу понимания проблем идентичности Эриксон положил принцип универсального эпигенетического развития (от греч. epi – «на», «над», «сверх», «после» и греч. genesis – «зарождение»). Согласно данному принципу, жизнь человека есть непрерывный цикл изменений и развития, цель которого в обретении и сохранении собственной иден-

[23] См.: Эриксон 1996.

тичности, т.е. целостности и самотождественности личности. Этот процесс, который, по мнению Эриксона, продолжается всю жизнь, предполагает неизбежное переживание ряда личностных кризисов путем выбора какого-либо из альтернативных путей их преодоления.

Подобно Ясперсу, Эриксон критикует предшествующую фрейдистскую традицию, изучавшую закономерности психопатологического развития личности, но, в отличие от Ясперса, считает, что человека нельзя рассматривать в качестве объекта, и подобно Фрейду объективирует личность. По его мнению, отдельные люди настолько остро чувствуют социально-исторический и культурный контекст своей эпохи, что превращаются в выразителей как ее сознательно формулируемых идей, так и подсознательных иррациональных настроений, и восприятий. В этой связи его интерес к созданию психологических портретов выдающихся личностей в рамках концепции психобиографий представляется не случайным. Как и Ясперс, составивший психобиографии «Великих», Эриксон составляет психобиографии «Выдающихся», которыми он считает людей, чьи кризисы индивидуальной идентичности и способы их преодоления в такой степени созвучны исканиям всего поколения в целом, что анализ переломных моментов их жизни и судьбы может способствовать пониманию потребностей личности целого исторического периода и социальных кризисов эпохи: «их чувство идентичности выходит далеко за пределы навязанных ролей».

Таким образом, Эриксона как психоисторика, подобно Ясперсу, интересуют выдающиеся личности, в которых, кроме сугубо индивидуального, явственно прослеживаются основные характеристики эпохи. Не эпоха отражается в них, а они отражаются в эпохе, они ее определяют. По Эриксону, подобные люди были движимы довлеющей над их жизнью преданностью идеалам, придававшей их жизни и деятельности высший гуманистический смысл. Их судьбы могут служить примером силы духа и верности идее для последующих поколений. Подобным личностям Эриксон отводил роль преобразователей социальной действительности эпохи.

Исследовательскую же традицию, заложенную Эриксоном, продолжил американский социальный философ и психоаналитик Ллойд Демоз[24] (р. 1931), благодаря которому психоистория приобрела статус одного из наиболее влиятельных направлений современной психоаналитической социальной философии.

Несмотря на очевидные преимущества, психоистория продолжает оставаться тем направлением, к которому многие ученые относятся скептически. К числу слабых сторон психоисторических исследований обычно относят уязвимость используемой в них методологии с точки зрения ее нестрогого соответствия принятым критериям научности, в первую очередь критерию объективности. С момента зарождения пси-

[24] Демоз 2000.

хоистории, это обстоятельство было и остается центральной мишенью критики со стороны представителей других направлений, течений и школ. Вместе с тем стоит иметь в виду, что понимание глубинной мотивации человеческих действий на уровне индивидов (Ясперс, Эриксон), групп или общества (Демоз), провозглашенное целью психоистории, требует комплексного подхода к проблеме исследования, вследствие чего дополнение традиционных методов рационального познания эмпирическим материалом самонаблюдения субъекта и ориентация на достижение понимания через эмпатию представляются целесообразными.

Невзирая на известную субъективность психоисторических исследований, связанную с преломлением интерпретации общественно-исторических явлений сквозь личность интерпретатора, становление психоистории существенно обогатило психоаналитическую социальную философию не только новыми способами решения исследовательских задач, но и нетривиальной постановкой проблем. В первую очередь, речь идет о таких ориентирах психоисторического анализа, как ретроспективное моделирование психологических портретов и психобиографий выдающихся личностей, поиск бессознательной мотивации поведения социальных групп в общности детских психических переживаний и последующем отыгрывании коллективных фантазий, а также о создании психогенной теории истории, вскрывающей бессознательные установки, настроения, страхи и стремления участников исторического процесса.

В целом новые измерения социально-философского и исторического анализа, открытые в исследованиях Эриксона, Демоза и их последователей, позволяют психоистории с 1970-х гг. по наше время сохранять влияние на западную социальную мысль в ее теоретическом и прикладном измерениях.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Демоз Л. Психоистория. Ростов-на-Дону: Феникс, 2000 [Demoz L. Psihoistoriya. Rostov-na-Donu: Feniks, 2000]

Дильтей В. Введение в науки о духе. // Дильтей В. Собрание сочинений в 6 тт. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000 [Dil'tej V. Vvedenie v nauki o duhe. // Dil'tej V. Sobranie sochinenij v 6 tt. M.: Dom intellektual'noj knigi, 2000].

Жане П. Психологическая характеристика личности. М.: Академический проект, 2010 [Zhane P. Psihologicheskaya harakteristika lichnosti. M.: Akademicheskij proekt, 2010]

Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. М.: Изд-во МГУ, 1980 [Levi-Bryul' L. Pervobytnoe myshlenie. M.: Izd-vo MGU, 1980]

Ницше Ф. Ecce homo. // Сочинения в 2-х тт. Т. 2. М.: Мысль, 1990 [Nicshe F. Ecce homo. // Sochineniya v 2-h tt. T. 2. M.: Mysl', 1990]

Ницше Ф. Странник и его тень. М.: REFL-book, 1994 [Nicshe F. Strannik i ego ten'. M.: REFL-book, 1994]

Эриксон Э. Г. Молодой Лютер. Психоаналитическое историческое исследование. М.: МЕДИУМ, 1996 [Erikson. E. G. Molodoj Lyuter. Psihoanaliticheskoe istoricheskoe issledovanie. M.: MEDIUM, 1996]

Ясперс К. Ницше. Введение в понимание его философствования. СПб.: Владимир Даль, 2004 [Yaspers K. Nicshe. Vvedenie v ponimanie ego filosofstvovaniya. SPb.: Vdadimir Dal', 2004]

Ясперс К. Общая психопатология. М.: Практика, 1997 [Yaspers K. Obshchaya psihopatologiya. M.: Praktika, 1997]

Ясперс К. Стриндберг и Ван Гог. Опыт сравнительного патографического анализа с привлечением случаев Сведенборга и Гельдерлина. СПб.: Академический проект, 1999 [Yaspers K. Strindberg i Van Gog. Opyt sravnitel'nogo patograficheskogo analiza s privlecheniem sluchaev Svedenborga i Gel'derlina. SPb.: Akademicheskij proekt, 1999]

Кцоева Султана Гильмидиновна, *доктор исторических наук, профессор, кафедра Всеобщей истории и исторической политологии, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова; sultana_t@mail.ru*

Psycho-historical method of Karl Jaspers: features and approbation

Psychohistory is a research direction that studies various interrelations of psychological phenomena and historical events. Within its framework, a psychological approach to history is used: the psychological consequences of specific historical events, the peculiarities of the psyche of historical personalities, as well as its impact on their motives, the folding of psycho-types under the influence of the socio-cultural environment. This article explores the theoretical foundations of the psycho-historical method of the German thinker (psychiatrist, philosopher-existentialist) Karl Jaspers, and analyzes one of the examples of his approbation. Jaspers' method was apparently formed under the influence of the phenomenological ideas of Wilhelm Dilthey, but it is unique. The method was developed by Jaspers for a genuine understanding of the eminent thinkers of the past. In order to study the history of the birth and transformation of ideas in the minds of great intellectuals, it is necessary to take into account the maximum number of conditions that influenced this process. This requires the qualification of a psychiatrist/psychologist, but also a philosopher. By virtue of an existential nature, its application presupposes an aim to comprehend the existence of the subject. Otherwise the researcher will inevitably come to one-sided conclusions. Only the study of the personality in its integrity, with all the prerequisites and conditions of its formation and development,3 gives a chance to achieve its adequate understanding.

Keywords. *Karl Jaspers, psychohistory, empathy, existence, "Great" thinker, intellectual biography.*

Sultana Ktsoeva*, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of General History and Historical Political Science, North Ossetian State Universiry, Vladikavkaz; sultana_t@mail.ru*

А. Ю. Шутов, В. А. Соболев

СТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ В СССР: К 30-ЛЕТИЮ ОФИЦИАЛЬНОГО ПРИЗНАНИЯ

В статье рассматривается актуальная теоретическая задача – осмысление проблемы становления политической науки в России. Утверждается, что советская политическая наука является неотъемлемой и органической частью российской политологии. Советский период – один из исторических периодов, в котором, как уже происходило прежде, российская политическая наука приняла оригинальную форму, пройдя тернистый путь от полного отрицания и забвения до официальной легализации в 1989 г. Констатируется, что к настоящему времени политологами разработан соединяющий прошлое с настоящим биографический контур истории российской политической науки. Делается вывод о необходимости создания интеллектуальной истории российской политологии, включающей детальное описание всех тенденций, направлений и школ от XI в. до настоящего времени.

***Ключевые слова**: Ф.М. Бурлацкий, А.А. Галкин, политическая наука в СССР, история политической науки России, политическая история СССР*

Советская политическая наука является неотъемлемой и органической частью российской политологии. Советский период – один из исторических периодов ее развития, в котором, как уже происходило прежде, российская политическая наука приняла оригинальную форму, пройдя тернистый путь от полного отрицания и забвения до официальной легализации в 1989 г. Отечественная политология является составной частью мировой политической науки, истоки советской (и современной российской) политологии укоренены не только в научном коммунизме, зарубежных теориях и концепциях, но и в традиции социально-политической мысли России, в трудах отечественных мыслителей[1].

Отсчет исторического пути отечественной политической мысли обычно начинают с записанного в XI в. «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона[2], но институциональные рамки она начала обретать лишь в XVIII в. В Московском университете в 1755 г. была создана кафедра политики, а в 1804 г. открыто нравственно-политическое отделение[3]. В Харьковском университете в 1808 г. И.Ф. Тимковским была произнесена речь «О применении знаний к состоянию и цели Государства», а в 1837 г. Г.Ф. Степановым – «Речь о сущности, важности и назначении политических наук». В 1862 г. после доклада Д.И. Каченовского «О современном состоянии политических наук в Западной Европе и в

[1] См: Баталов 2005; Ильин 2001; Капто 2018; Пивоваров 2011; Пляйс 2005; Политическая наука в России… 2006; Русская социально-политическая мысль… 2005; Соболев 2019; Соболев, Ширинянц 2016.

[2] Подробнее см.: Ирхин 2011; Перевезенцев 2019.

[3] См.: Ирхин 2015; Коваленко 2009; Нравственно-политический факультет… 2014; Очерки истории политической науки… 2009; 2011; Шутов 2011; 2014.

России» Александр II распорядился ввести в программы многих российских университетов политические дисциплины. Все это свидетельствовало о том, что у власти были рычаги, которые регулировали востребованность знаний о политике и его престижность. Создание университетов и академических структур позволило сформировать системный и устойчивый характер политологических исследований. Кроме того, развитию помогало существование интереса власти к использованию теоретических наработок в практической плоскости государственной политики, например, при подготовке Крестьянской реформы 1861 г.

Именно с эпохой «эмансипации» некоторые ученые связывают начало российской политологии. А.А. Галкин считает, что «…первым этапом в развитии российской политологии было время после отмены крепостного права и последующих реформ: с 1861 г. примерно до 1905 г. После 1905 г., когда появились новые сферы изучения, расширился общественный интерес к политическим явлениям, и до 1917 г. наметился второй этап… Потом политология как специальная наука фактически исчезла, и потому, что на нее не было общественного заказа, и по причине "утечки мозгов". Для того чтобы она возникла опять, нужно было наработать необходимый культурный и научный потенциал, подготовить кадры, которые этим интересовались бы»[4]. Существует и другое мнение. Так, Г.Х. Шахназаров утверждает, что «в качестве самостоятельной научной и учебной дисциплины политология начала возрождаться лишь в XX веке, а окончательно оформилась только после Второй мировой войны»[5]. Противоположные позиции «отцов-основателей» советской политической науки – свидетельство того, что до сих пор не существует «канонической», признанной всеми, истории становления российской политологии.

Как бы то ни было, но после утверждения в 1917 г. новой власти, в российском обществоведении вектор развития начали задавать указания руководителей коммунистической партии и советского государства. Однако, это не означало существования тотального единомыслия и унификации оценок и интерпретаций политических процессов, происходивших в стране. Несмотря на идеологизацию, засилье в науке искусственных нормативных и теоретических конструкций, некоторые интеллектуалы даже с помощью официальной марксистско-ленинской терминологии пытались сохранить академические традиции исследований.

Во второй половине 1950-х гг., после смерти И.В. Сталина, ситуация изменилась, наступила «оттепель». Одной из первых ласточек либерализации стало возобновление в 1954 г. издания журнала «Международная жизнь», который патронировался МИД СССР. Главной задачей журнала стало информирование широкой общественности о международном положении, внешнеполитических инициативах советского руко-

[4] Галкин 2001: 23.
[5] Шахназаров 2001: 196.

водства и научная разработка соответствующей проблематики. Спустя два года в системе Академии наук СССР был образован Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО, первый директор А.А. Арзуманян). По мере развития ИМЭМО в 1960–1970-е гг. часть его секторов и отделов выросло в отдельные научные институты: Африки, Дальнего Востока, Европы, Латинской Америки, Международного рабочего движения, Соединенных Штатов (позднее США и Канады) и Экономики мировой социалистической системы. В ИМЭМО был создан журнал «Мировая экономика и международные отношения», а в Институте востоковедения – журналы «Азия и Африка сегодня» и «Народы Азии и Африки». К 1968 г. от Института философии отделился Институт конкретных социальных исследований (ИКСИ, первый директор А.М. Румянцев). Новым институтам необходимо было обеспечить доступ к зарубежным информационным каналам. Для этого на базе Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР был в 1968–1969 гг. образован Институт научной информации по общественным наукам (ИНИБОН, с 1972 г. – ИНИОН, директор В.А. Виноградов), которому поставили задачу реферировать и издавать материалы зарубежной периодики и специальной литературы (в 1970-е гг. институт получал литературу из 115 стран, в том числе – 4 тыс. журналов).

Именно в этих институтах и возникли первые политологические научные коллективы, которые впоследствии стали настоящими научными школами[6]. Это группы Ф.М. Бурлацкого (Институт конкретных социальных исследований); А.П. Бутенко (Институт экономики мировой социалистической системы); А.А. Галкина (Институт международного рабочего движения); Г.Г. Дилигенского (Институт мировой экономики и международных отношений); Н.Н. Разумовича (Институт научной информации по общественным наукам).

Реорганизация затронула не только систему институтов АН СССР, но и международные службы ЦК КПСС. В 1957 г. Международный отдел ЦК был разделен на два: Отдел по связям с коммунистическими партиями капиталистических стран (заведующий Б.Н. Пономарев) и Отдел по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран (заведующий Ю.В. Андропов). Как свидетельствовал Е.М. Примаков, именно Ю.В. Андропов в начале 1960-х гг. смог окружить себя «одаренными людьми… партийными интеллектуалами… которые помогали приближать партию к реальному пониманию действительной, а не "марксистско-книжной" обстановки в мире»[7]. Их исследования разворачивались вокруг важнейших тем: гонки вооружений (прежде всего ядерных), разрядки международной напряженности, они давали оценку ситуации в развитых капиталистических странах[8]. Ини-

[6] О развитии политологического сообщества в то время см.: Воробьев 2004.
[7] Примаков 2006: 29.
[8] См.: Сморгунов 2015: 125–137.

циатором и заказчиком этих исследований была власть, поэтому их результаты имели и теоретическое и практическое значение, так как оказывали влияние не только на развитие собственно политической науки, но и на принятие государственных решений. Конечно же, именно востребованность властью давала исследовательским коллективам относительную идеологическую свободу.

Что касается исследований по внутриполитической проблематике, то определенное движение в этой области также началось в «оттепель», после XX съезда КПСС, когда было снято табу на осмысление прошлого своей страны[9]. Это время можно назвать эрой критики, в русле которой определились два противоположных вектора исследований: критика, не выходящая за в рамки господствующей идеологии (ряд «международных» институтов АН СССР, Академия общественных наук при ЦК КПСС, Высшая партийной школа при ЦК КПСС) и критика вне таких рамок (Институт всеобщей истории и Институт философии АН СССР, частично МГУ им. М.В. Ломоносова и другие вузы). В это время обозначилась тенденция проводить политические исследования в отвлеченном «философском» ключе. «Официальная» же критика антикоммунизма и капитализма, позволила вводить в научный оборот новые имена, концепции, подходы, категории и понятия, что, в свою очередь, создавало возможность фиксировать различия в системах правления западных стран и СССР, характерные черты организации государственной власти, политического устройства государства, и др.

Участники этих событий и исследователи отмечают: «оттепель» придала определенную динамику научным исследованиям, стала внутренним источником развития политической науки в России. В это же время сложилась противоречивая ситуация – на фоне бурного развития официальной науки предпринимались попытки пересмотра наиболее догматических ее представлений. Г.А. Арбатов, А.П. Бутенко, Ф.М. Бурлацкий, Г.Г. Водолазов, А.А. Галкин, Г.Г. Дилигенский, А.С. Капто, А.М. Ковалев, Ю.А. Красин, С.П. Перегудов, И.Т. Фролов, К.Г. Холодковский, А.С. Черняев и др., работая в методологическом русле марксистского подхода, внесли существенный вклад в развитие научного анализа политических процессов. Их работы отличала впервые появившаяся систематизированная критика догматических установок марксизма. Конечно, методологические построения каждого из них отличались разной степенью проработанности[10], но в целом, их труды открывали дорогу новым аналитическим подходам и теоретическим построениям.

Изменения стали возможны благодаря не только усилению академических институтов, но и получению Советской ассоциацией политических наук (САПН) с 1955 г. членства в Международной ассоциации политической науки (МАПН)[11]. Организация печатного издания САПН

[9] См.: Галкин 2010: 257–269.

[10] С течением времени их оценки менялись, как и сегодняшние оценки их мнений.

[11] Об истории становления САПН см.: История Российской ассоциации… 2015.

– «Ежегодника» позволила официально рассказывать обо всем разнообразии проводившихся в СССР политико-юридических исследований.

Ключевым событием в процессе становления политической науки в СССР можно назвать проведение в Москве в 1979 г. XI Всемирного конгресса МАПН[12]. Это стало возможным во-многом благодаря усилиям президента САПН и вице-президента МАПН Г.Х. Шахназарова[13].

Конгресс не просто активизировал процесс становления политологии в стране, но и продемонстрировал возможности применения политической теории на практике, что предполагало придание импульса прикладным исследованиям. Дополнительным источником развития политической науки стали впервые подготовленные к Конгрессу научно-аналитические сборники под общим названием «Современная буржуазная политическая наука», в которых были охарактеризованы политологические школы США, Великобритании, Франции и Германии.

Активное содействие официальной легализации политической науки в СССР оказывали консультанты Отдела по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран ЦК КПСС Ф.М. Бурлацкий, Г.А. Арбатов, А.Е. Бовин, О.Т. Богомолов, Г.Х. Шахназаров и др. Они были вынуждены оппонировать многим партийным руководителям, убежденным в том, что все марксистские науки и так являются политическими, поэтому нет нужды в их искусственном разведении, вновь и вновь доказывать необходимость выделения из перечня наук отдельной самостоятельной науки – политологии.

Вот как об этом свидетельствует Ф.М. Бурлацкий. Когда он только перешел на работу в ЦК, ему поручили подготовку новой программы КПСС, в процессе которой появилась идея о необходимости создания отдельной политической науки: «как раз на меня легла подготовка разделов "О государстве", потом "О теории революции", и я написал статьи об этом, потом о мирном существовании с Западом, и в особенности о критике культа личности, где я смог включить вместо диктатуры пролетариата, которая была обоснованием массовых репрессий, тезис, который сейчас может показаться наивным и смешным: "отмена диктатуры пролетариата и обоснование общенародного государства и развитие демократии". И как раз в процессе теоретического борения, потому что в Президиуме ЦК поначалу эти предложения поддерживали только два человека: Куусинен и Хрущев. Вот тогда-то и зародилась идея о том, что нужна наука, которая обосновала бы преобразования нашего, как его ни назови, диктаторского, прокультовского, антитоталитарного государства в современное цивилизованное демократическое, поскольку нам было совершенно очевидно, что позаимствовать что-то у Запада (не у марксизма, речи об этом не могло быть) очень трудно. Мы же прекрасно понимали, что диктатура не просто порожде-

[12] О подготовке, ходе и итогах XI Всемирного конгресса МАПН см.: Ирхин 2016.
[13] Г.Х. Шахназаров руководил САПН с 1973 по 1990 г.

ние коммунизма и что до этого у нас веками была централизованная императорская власть. Вот это были интенции или побуждения для выдвижения такого предложения, которое, конечно, было само по себе абсолютно необычным, неожиданным и даже странным»[14].

В газете «Правда» от 10 января 1965 г. вышла статья Ф.М. Бурлацкого под названием «О политической науке»[15]. Эту статью можно считать программной, так как она открыла первую публичную дискуссию по вопросу целесообразности выделения политологии в самостоятельную дисциплину. Сам автор оценивал свою статью как первую постановку вопроса о «необходимости развития политологии в СССР» и отмечал: «Статья вызвала живейший интерес ученых, публицистов и политиков. По материалам опубликованной работы состоялась дискуссия в ИГП АН СССР с участием А. Галкина, А. Бовина, Г. Шахназарова, Г. Арбатова, Е. Амбарцумова, Ф. Петренко, В. Гулиева, В. Чхиквадзе и других крупных исследователей и общественных деятелей, поддержавших идеи автора по развитию политической науки.

Участники дискуссии обратили внимание не только на возросшую роль конкретно-социологических исследований, но прежде всего именно на необходимость разработки проблем политической науки в связи с важными и сложными задачами, возникшими перед страной. В сущности, мы оказались перед необходимостью углубления теории, научного анализа всех клеток общественной жизни, отражения всего ее многообразия. Развитие политической науки представляет неотъемлемый этап процесса углубления теории, важнейшую составляющую приращения знаний о нашем обществе в целях дальнейшего совершенствования его устройства»[16]. Некоторые итоги этой дискуссии были подведены спустя пятнадцать лет, когда в 12 номере журнала «Вопросы философии» за 1980 г. вышла знаковая статья Ф.М. Бурлацкого и Г.Х. Шахназарова «О развитии марксистско-ленинской политической науки»[17]. В ней были намечены контуры предметного поля политологии: от концептуальных и методологических установок – до конкретного перечисления необходимых направлений исследований. Авторы призвали перейти обществоведов-политологов от господствовавших тогда юридических и правовых подходов, к поиску собственных методологических приемов и средств, разработать категориальный аппарат политологии.

[14] Бурлацкий Ф.М. Федор Михайлович Бурлацкий (1927–2014). Интервью Д.М. Воробьеву 13 июня 2004 г. // История Российской ассоциации… 2015: 312–313.

[15] См.: Бурлацкий 2013. «Газета "Правда", – вспоминал Ф.М. Бурлацкий, – опубликовала эту статью только потому, что я работал в ЦК. Поскольку я был как бы заместителем секретаря ЦК, то они думали, что "наверху" существуют такие веяния, хотя в последний момент главный редактор газеты спохватился, и на периферию пошло название "О политической науке", а на Москву – "Политика и наука"». Бурлацкий Ф.М. Федор Михайлович Бурлацкий (1927–2014). Интервью Д.М. Воробьеву 13 июня 2004 г. // История Российской ассоциации… 2015: 313.

[16] Бурлацкий 2012: 15–16.

[17] См.: Бурлацкий, Шахназаров 1980.

Заметим, что поиск своего предметного поля и новых подходов для политологии совсем не означал отказа от наработок других наук. В советское время политическая наука во многом обогатилась не только за счет философии, социологии, но и системных и организационных исследований. Постепенно в научный обиход были введены такие понятия, как «политическая система» и «политический процесс», «политическая культура» и «политическое поведение», «политическое лидерство» и «политическая элита» и др. Происходило укрепление научной традиции.

***

В период перестройки в СССР (1985–1991) происходившие тектонические политические и идеологические преобразования, в том числе объявленные «сверху» «новое мышление» и «гласность», позволили академической науке «шагнуть из кабинета в массы» – оказывать воздействие на принятие решений и политический процесс. Однако «вхождение в массы» произвело негативный эффект, породив в среде ученых крен от фундаментальных работ к публицистике, что даже сформировало особый стиль научного знания о политике. По общему признанию, наиболее яркими обществоведами того периода были Л.И. Абалкин, Г.К. Ашин, А.Е. Бовин, Ф.М. Бурлацкий, Г.Г. Водолазов, Ю.А. Красин, Е.М. Примаков. Но, несмотря на разную степень активности, так или иначе, все обществоведы были вовлечены в анализ текущей политической повестки. Даже если ученый позиционировал себя как серьезный академический исследователь, ему все равно приходилось занимать и отстаивать ту или иную позицию в рамках бурных политических и идеологических дискуссий. Не случайно, поток публикаций того периода несет отпечаток многочисленных противоречий, как по вопросам истории и марксистско-ленинской теории, так и по оценке внутриэлитной борьбы и ситуативных решений руководства страны, свидетельствует о поляризации обществоведов, как по идеологическим основаниям, так и по линии сторонники/противники реформ.

Именно в период перестройки процесс становления политической науки в СССР завершился ее официальным признанием. В Постановлении Государственного комитета СССР по науке и технике № 386 от 4.11.1988 «О номенклатуре специальностей научных работников» в области общественных наук были выделены «политические науки», а приказ ВАК СССР № 1 от 25.01.1989 утвердил это новшество[18]. В стране начали открываться специализированные кафедры, отделения, сектора,

[18] В рамках «политических наук» вводились следующие специальности: «23.00.01 – Теория и история политической науки; 23.00.02 – Политические институты и процессы; 23.00.03 – Политическая культура и идеология; 23.00.04 – Политические проблемы международных систем и глобального развития». В разделе «социологические науки» к политологии были отнесены специальности: «22.00.05 – Социально-политические процессы, организация и управление» и «22.00.07 – Общественное мнение». См.: Бюллетень ВАК… 1989: 18.

в 1990 г. были сформированы первые диссертационные советы (при Институте общественных наук при ЦК КПСС и при Уральском отделении АН СССР), заработал Экспертный совет по политическим наукам ВАК СССР, состоялись первые защиты диссертаций[19].

***

На фоне многовекового процесса накопления знаний о политике в нашей стране парадоксальным выглядит факт, что официальный статус политическая наука получила только тридцать лет назад. Понятно, что это обстоятельство вполне объясняется спецификой того или иного исторического периода в становлении отечественной политологии и политической науки в СССР, тем, что ее развитие имеет нелинейный характер, и как в прошлом, так и сегодня центры приращения политологического знания в России неравномерно распределены по территории страны[20]. Важно, что получение официального признания не привело к статичности или консервации политологии; как наука и учебная дисциплина она продолжает развиваться в институциональном, теоретико-методологическом и методическом отношениях. Эти процессы хорошо описаны в литературе. Отечественные исследователи разработали биографический контур российской политической науки, соединяющий прошлое с настоящим. В то же время создание полноценной интеллектуальной истории российской политологии, включающей детальное описание всех тенденций, направлений и школ от ее истоков до наших дней, остается актуальной исследовательской задачей.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Баталов Э.Я. Восхождение к политической науке // Общественные науки и современность. 2005. № 3. С. 34–47. [Batalov E.Ya. Voskhozhdenie k politicheskoi nauke // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2005. № 3. S. 34–47.].

Буренко В.И. О началах и истоках современной российской политологии (30-лет российской политической науке) // PolitBook. 2019. № 3. С. 164–179. [Burenko V.I. O nachalakh i istokakh sovremennoi rossiiskoi politologii (30-let rossiiskoi politicheskoi nauke) // PolitBook. 2019. № 3. S. 164–179.].

Бурлацкий Ф.М. О политической науке: Избранные произведения. М.: Издательство Московского университета, 2013. 328 с. [Burlatsky F.M. O politicheskoi nauke: Izbrannye proizvedeniya. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2013. 328 s.].

Бурлацкий Ф.М. От истоков к современному этапу развития политической науки в России: состояние предметной области, перспективные направления исследований и новые задачи // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2012. № 5. С. 15–27. [Burlatsky F.M. Ot istokov k sovremennomu ehtapu razvitiya politicheskoi nauki v Rossii: sostoyanie predmetnoi oblasti, perspektivnye napravleniya issledovanii i novye zadachi // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki. 2012. № 5. S. 15–27.].

Бурлацкий Ф.М., Шахназаров Г.Х. О развитии марксистско-ленинской политической науки // Вопросы философии. 1980. № 12. [Burlatsky F.M., Shakhnazarov G.Kh. O razvitii marksistsko-leninskoi politicheskoi nauki // Voprosy filosofii. 1980. № 12.].

[19] Об официальном признании политологии в качестве академической дисциплины и о развитии политической науки в России см: Гуторов 2015; Пляйс 2007; Соловьев 1998; Шестопал 1999.

[20] См.: Буренко 2019.

Бюллетень ВАК при Совете Министров СССР. 1989. № 3. [Byulleten' VAK pri Sovete Ministrov SSSR. 1989. № 3.].

Воробьев Д.М. Политология в СССР: формирование и развитие научного сообщества // Полис. Политические исследования. 2004. № 4. С. 169–178. [Vorobyev D.M. Politologiya v SSSR: formirovanie i razvitie nauchnogo soobshchestva // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2004. № 4. S. 169–178.].

Галкин А.А. Академическая политология (1960–1980). А.А. Галкин. Интервью С.В. Патрушеву 17 июля 2000 г. // Политическая наука. 2001. № 1. С. 22–37. [Galkin A.A. Akademicheskaya politologiya (1960–1980). A.A. Galkin. Interv'yu S.V. Patrushevu 17 iyulya 2000 g. // Politicheskaya nauka. 2001. № 1. S. 22–37.].

Галкин А.А. У истоков возрождения политической науки в России (1960–1985 гг.): субъективные заметки // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2010. № 3–4. С. 257–269. [Galkin A.A. U istokov vozrozhdeniya politicheskoi nauki v Rossii (1960–1985 gg.): sub"ektivnye zametki // Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz. 2010. № 3–4. S. 257–269.].

Гуторов В.А. Политика и образование: историческая традиция и современные трансформации // Полис. Политические исследования. 2015. № 1. С. 9–29. [Gutorov V.A. Politika i obrazovanie: istoricheskaya traditsiya i sovremennye transformatsii // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2015. № 1. S. 9–29.].

Ильин М.В. Отечественная политология: осмысление традиции // Политическая наука. 2001. № 1. С. 5–21. [Ilyin M.V. Otechestvennaya politologiya: osmyslenie traditsii // Politicheskaya nauka. 2001. № 1. S. 5–21.].

Ирхин Ю.В. Начала российской политологии: факультет нравственных и политических наук в Московском университете // Вопросы политологии. 2015. № 1. С. 32–44. [Irhin Yu.V. Nachala rossiiskoi politologii: fakul'tet nravstvennykh i politicheskikh nauk v Moskovskom universitete // Voprosy politologii. 2015. № 1. S. 32–44.].

Ирхин Ю.В. Российская политология: четверть века или 255 лет? // Социально-гуманитарные знания. 2011. № 2. С. 34–50. [Irhin Yu.V. Rossiiskaya politologiya: chetvert' veka ili 255 let? // Sotsial'no-gumanitarnye znaniya. 2011. № 2. S. 34–50.].

Ирхин Ю.В. Российский вектор в генезисе Международной ассоциации политической науки (к 35-летию Всемирного конгресса политологов в Москве) // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2016. № 1. С. 87–101. [Irhin Yu.V. Rossiiskii vektor v genezise Mezhdunarodnoi assotsiatsii politicheskoi nauki (k 35-letiyu Vsemirnogo kongressa politologov v Moskve) // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki. 2016. № 1. S. 87–101.].

История Российской ассоциации политической науки / Под ред. С.В. Патрушева, Л.Е. Филипповой. М.: Аспект Пресс, 2015. 360 с. [Istoriya Rossiiskoi assotsiatsii politicheskoi nauki / Pod red. S.V. Patrusheva, L.E. Filippovoi. M.: Aspekt Press, 2015. 360 s.].

Капто А.С. К вопросу об институализации политической науки // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 2. С. 67–77. [Kapto A.S. K voprosu ob institualizatsii politicheskoi nauki // Sotsial'no-gumanitarnye znaniya. 2018. № 2. S. 67–77.].

Коваленко В.И. Политическая наука и политологическое образование в России и в Московском университете // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2009. № 1. С. 4–9. [Kovalenko V.I. Politicheskaya nauka i politologicheskoe obrazovanie v Rossii i v Moskovskom universitete // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki. 2009. № 1. S. 4–9.].

Нравственно-политический факультет Московского университета: 1804–1835 / Отв. ред. А.Ю. Шутов. М.: Издательство Московского университета, 2014. 64 с. [Nravstvenno-politicheskii fakul'tet Moskovskogo universiteta: 1804–1835 / Otv. red. A.Yu. Shutov. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2014. 64 s.].

Очерки истории политической науки в Московском университете (1755–1835) / Под. ред. А.Ю. Шутова. М.: Аспект Пресс, 2009. 288 с. [Ocherki istorii politicheskoi nauki v Moskovskom universitete (1755–1835) / Pod. red. A.Yu. Shutova. M.: Aspekt Press, 2009. 288 s.].

Очерки истории политической науки в Московском университете (1835–1922): Материалы к спецкурсу / Под. ред. А.Ю. Шутова. М.: Альфа-М, 2011. 240 с. [Ocherki istorii politicheskoi nauki v Moskovskom universitete (1835–1922): Materialy k spetskursu / Pod. red. A.Yu. Shutova. M.: Al'fa-M, 2011. 240 s.].

Перевезенцев С.В. Русские смыслы: Духовно-политические учения России X–XVII вв. в их историческом развитии. М.: Вече, 2019. 608 с. [Perevezentsev S.V. Russkie smysly:

Dukhovno-politicheskie ucheniya Rossii X–XVII vv. v ikh istoricheskom razvitii. M.: Veche, 2019. 608 s.].

Пивоваров Ю.С. Русская политическая мысль как предпосылка русской политической науки // Политическая наука. 2011. № 3. С. 50–63. [Pivovarov Yu.S. Russkaya politicheskaya mysl' kak predposylka russkoi politicheskoi nauki // Politicheskaya nauka. 2011. № 3. S. 50–63.].

Пляйс Я.А. В начале нового этапа развития политической науки в России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2007. Т. 3. № 2. С. 32–48. [Plyais Ya.A. V nachale novogo ehtapa razvitiya politicheskoi nauki v Rossii // Politicheskaya ehkspertiza: POLITEHKS. 2007. T. 3. № 2. S. 32–48.].

Пляйс Я.А. О генезисе, предмете и современном состоянии политической науки в России // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. 2005. № 1. С. 9–32 [Plyais Ya.A. O genezise, predmete i sovremennom sostoyanii politicheskoi nauki v Rossii // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12: Politicheskie nauki. 2005. № 1. S. 9–32].

Политическая наука в России: вчера, сегодня, завтра. Материалы научного семинара / Т.А. Алексеева, Ф.М. Бурлацкий, Д.М. Воробьев и др. // Полис. Политические исследования. 2006. № 1. С. 141–156. [Politicheskaya nauka v Rossii: vchera, segodnya, zavtra. Materialy nauchnogo seminara / T.A. Alekseeva, F.M. Burlatsky, D.M. Vorobyev i dr. // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2006. № 1. S. 141–156.].

Примаков Е.М. Минное поле политики. М.: Молодая гвардия, 2006. 360 с. [Primakov E.M. Minnoe pole politiki. M.: Molodaya gvardiya, 2006. 360 s.].

Русская социально-политическая мысль X – начала XX века. Ч. I. История политических учений России X–XVII вв.: От Киевской Руси до Московского царства. М.: Ихтиос, Социально-политическая мысль, 2005. 156 с. [Russkaya sotsial'no-politicheskaya mysl' X – nachala XX veka. Ch. I. Istoriya politicheskikh uchenii Rossii X–XVII vv.: Ot Kievskoi Rusi do Moskovskogo tsarstva. M.: Ikhtios, Sotsial'no-politicheskaya mysl', 2005. 156 s.].

Сморгунов Л.В. Региональные политологические сообщества в советское время // Политическая наука. 2015. № 3. С. 125–137. [Smorgunov L.V. Regional'nye politologicheskie soobshchestva v sovetskoe vremya // Politicheskaya nauka. 2015. № 3. S. 125–137.].

Соболев В.А. Ф.М. Бурлацкий (1927–2014): Жизнь и труды. Становление политической науки в СССР. М.: Издательство Московского университета, 2019. 224 с. [Sobolev V.A. F.M. Burlatsky (1927–2014): Zhizn' i trudy. Stanovlenie politicheskoi nauki v SSSR. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2019. 224 s.].

Соболев В.А., Ширинянц А.А. Ф.М. Бурлацкий и становление политической науки в СССР // Политическая наука. 2016. № S. С. 25–42. [Sobolev V.A., Shirinyants A.A. F.M. Burlatskii i stanovlenie politicheskoi nauki v SSSR // Politicheskaya nauka. 2016. № S. S. 25–42.].

Соловьев А.И. Мозаичная парадигматика российской политологии // Полис. Политические исследования. 1998. № 4. С. 5–20. [Soloviev A.I. Mozaichnaya paradigmatika rossiiskoi politologii // Polis. Politicheskie issledovaniya. 1998. № 4. S. 5–20.].

Шахназаров Г.Х. С вождями и без них. М.: Вагриус, 2001. 590 с. [Shakhnazarov G.Kh. S vozhdyami i bez nikh. M.: Vagrius, 2001. 590 s.].

Шестопал Е.Б. Трансформация политологического сообщества в постсоветской России // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 1999. № 1. С. 23–39. [Shestopal E.B. Transformatsiya politologicheskogo soobshchestva v postsovetskoi Rossii // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18: Sotsiologiya i politologiya. 1999. № 1. S. 23–39.].

Шутов А.Ю. «Услышьте, судии земные, и все державные главы…» [Общественно-политическая проблематика в трудах и творчестве М.В. Ломоносова] // Ломоносов М.В. В университете должен быть профессор политики… Сборник материалов и исследований к 260-летию проекта М.В. Ломоносова об учреждении Московского университета / Общ. ред. и вступ. ст. А.Ю. Шутова. М.: Издательство Московского университета, 2014. С. 9–27. [Shutov A.Yu. «Uslysh'te, sudii zemnye, i vse derzhavnye glavY…» [Obshchestvenno-politicheskaya problematika v trudakh i tvorchestve M.V. Lomonosova] // Lomonosov M.V. V universitete dolzhen byt' professor politikI… Sbornik materialov i issledovanii k 260-letiyu proekta M.V. Lomonosova ob uchrezhdenii Moskovskogo universiteta / Obshch. red. i vstup. st. A.Yu. Shutova. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2014. S. 9–27.].

Шутов А.Ю. Предмет политической науки: взгляд из XVIII века // Лангер К.Г. О пределах и важнейших представителях политической науки: Торжественное слово по случаю празднования рождения Августейшей и Могущественной Всероссийской императрицы и самодержицы Екатерины II Великой, 1771 г. апреля 22 дня / Общ. ред. и вступит. ст. А.Ю. Шутова. М.: Издательство Московского университета, 2011. С. 6–16. [Shutov A.Yu. Predmet politicheskoi nauki: vzglyad iz XVIII veka // Langer K.G. O predelakh i vazhneishikh predstavitelyakh politicheskoi nauki: Torzhestvennoe slovo po sluchayu prazdnovaniya rozhdeniya Avgusteishei i Mogushchestvennoi Vserossiiskoi imperatritsy i samoderzhitsy Ekateriny II Velikoi, 1771 g. aprelya 22 dnya / Obshch. red. i vstupit. st. A.Yu. Shutova. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2011. S. 6–16.].

Шутов Андрей Юрьевич, *доктор исторических наук, профессор, заведующий, кафедра истории и теории политики, декан, факультет политологии МГУ имени М.В. Ломоносова; shutov.msu@gmail.com*

Соболев Владимир Андреевич, *кандидат политических наук, научный сотрудник, кафедра истории и теории политики, факультет политологии МГУ имени М.В. Ломоносова; sobvlad1992@yandex.ru*

Formation of political science in the USSR: to the 30th anniversary of official recognition

The article reflects on the formation of political science in Russia. It is argued that Soviet political science is an integral and organic part of Russian political science. This is one of its historical periods, when, like it had happened before, Russian political science took an original form, going through a thorny path from complete denial and oblivion to official recognition in 1989. It is stated that political scientists have developed a biographical outline of the history of Russian political science connecting the past with the present. It is concluded that it is necessary to create an intellectual history of Russian political science, including a detailed description of all trends, approaches and schools from the XI century to the present time.

Keywords: *Burlatsky, Galkin, political science in the Soviet Union, history of political science, political history of the Soviet Union*

Andrei Shutov, *Dr. Sc. (History), Professor, Head of the Department of History and Theory of Politics, Dean of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University; shutov.msu@gmail.com*

Vladimir Sobolev, *PhD (Pol. Sci.), Researcher of the Department of History and Theory of Politics of Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University; sobvlad1992@yandex.ru*

Н.М. Мухарямов, О.Б. Януш

ИСТОРИЧЕСКАЯ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В РОССИЙСКОМ ПРАВОВОМ ДИСКУРСЕ О ЯЗЫКАХ

В статье рассматриваются некоторые дискурсивные свойства корпуса позднесоветских, российских (федеральных) и региональных нормативно-правовых актов, касающиеся регулирования этноязыковых отношений и языкового многообразия, как в стране в целом, так и в ее бывших автономиях. Тема рассматривается в диахронных и синхронных перспективах интертекстуальности. Многие юридические конструкции языковых законов, вызывающие обоснованную критику со стороны лингвистов и правоведов, возникли благодаря дискурсивным инициативам из центра. Материал посвящен происхождению ряда ключевых регулятивных формул в области языковой политики. Историко-текстологический анализ действующего в этой области законодательства может принести пользу в деле его назревшей корректировки.

***Ключевые слова**: языковые отношения, языковая политика, языковое регулирование, планирование статуса, двуязычие, диахронная и синхронная интертекстуальность*

Зародившись в рамках литературной семиотики, интертекстуальность изучается в различных областях социально-гуманитарного знания, в том числе применительно к теории языкового планирования и с учетом «контекстов действий по языковому планированию и языковой политике, когда макро-дискурсы вступают в интеракцию с мезо- и микро-дискурсами»[1]. В общем виде интертекстуальность отражает то, каким образом смыслы, содержащиеся в одних текстах, ведут свое происхождение из других текстов – диахронно и по вертикали, а также синхронно и по горизонтали (в режиме диалога). Перемещаясь из одной ситуации в другую, эти смыслы претерпевают реконтекстуализацию, трансформируются и по-новому интерпретируются, оказывая воздействие на отношения, представления, идеологии и на курс практической политики по поводу языкового функционирования.

В разные эпохи истории нашей страны противоречивым образом взаимодействовали два начала, характерных для политики властей Российской империи и СССР в отношении языковой жизни общества. Одни аспекты здесь выражались в признании и даже в поощрении многоязычия. Другие выдвигали на передний план задачи, связанные с укреплением доминирующей роли единого языка как символа государственности, как главнейшего средства коммуникации, как инструмента власти и управления. Иногда эти два момента обозначают в научной литературе в виде «восточной» традиции и «западной» традиции.

В России сильнее проводилась линия «восточного» типа. Это воплощалось и в разработке графических основ (алфавитов) для ранее бесписьменных языков, и во внимательном учете языковых особенно-

[1] Johnson 2013: 158-164.

стей существования, присоединявшихся в разное время и в разных обстоятельствах народов финно-угорской, тюркской и иной принадлежности, и в миссионерской деятельности православных кругов (преимущественно в Поволжье, и на восточных и южных окраинах Империи). Вместе с тем, для западных земель применялись методы принудительной русификации и практиковались запретительные меры в отношении, скажем, польского и украинского языков[2]. Используемые политико-управленческие стратегии и иинструменты отражались в обширном комплексе официальных документов – уложений, царских манифестов, циркуляров и проч. Однако формально статус государственного был придан русскому языку лишь в 1906 г. в условиях обострения «языкового вопроса» во время Первой русской революции 1905–1907 гг. В ст. 3 Основных законов Российской Империи тогда было закреплено положение: «Русский язык есть язык общегосударственный и обязателен в армии, во флоте и во всех государственных и общественных установлениях. Употребление местных языков и наречий в государственных и общественных установлениях определяется особыми законами»[3].

В советский период собственно законодательное регулирование языковой жизни многонационального общества не предполагалось. Исходной установкой при этом служили положения В.И. Ленина, изложенные им в «Критических заметках по национальному вопросу». «Чем демократичнее будет строй России, тем сильнее и шире разовьется капитализм, тем настоятельнее потребности экономического оборота будут толкать разные национальности к изучению языка, наиболее удобного для общих торговых сношений»[4].

Следует разграничивать моменты идеологической риторики тех времен, с одной стороны, и несомненные достижения практики языкового строительства (от ликвидации неграмотности и до создания литературных основ для десятков языков). Управление этноязыковым многообразием предполагало разработку обширного корпуса нормативных документов – декретов, постановлений, решений съездов партии и Советов различного уровня. Однако какое-либо правовое закрепление статуса языков тогда не осуществлялось. В соответствии с этим и сам термин «языковая политика» в официальном обиходе не использовался.

Исторический генезис нормативно-правового дискурса о языковом устройстве современного российского общества и о принципах языкового регулирования связан с исключительно противоречивыми контекстами. Первые законодательные тексты в этой законодательной отрасли начали появляться в ситуации глубоких кризисов – как в социально-экономической сфере, так и в самих основах национально-государственного устройства, партийно-советской системы управления на рубеже

[2] Вахтин, Головко 2004: 180-181.
[3] Цит. по: Акишин 2016: 58.
[4] Ленин 1973: 115.

1980–1990-х гг. Это происходило на волне политизации «языкового вопроса», в ситуативном контексте противостояния союзного Центра и правящих элит в союзных республиках, а также инструментальной роли «мобилизованного лингвицизма», провозглашения «титульных» языков этих республик государственными. Как пишет российский этнолог М.Н. Губогло, «тщательно замаскированный, слава Богу, бескровный, первый штурм твердыни Союзного центра начался с пересмотра языковой политики и незыблемых в прошлом основ коммунистической идеологии. Высшее руководство Центра “прозевало” тот очевидный теперь факт, что принятие законов о государственном языке означало в том, 1989, году не столько ревизию концепции «ленинской языковой политики», сколько подрыв основополагающих постулатов союзной государственности. Разработка и принятие законов о языке (и языках) определяли новые взаимоотношения не между языками и их носителями, а между союзными республиками и Москвой»[5].

В самый поздний период существования Советского Союза, на рубеже 1980-х – 1990-х г., был принят Закон СССР «О языках народов СССР» (от 24 апреля 1990 г.). Тогда впервые за русским языком был закреплен статус официального языка страны и средства межнационального общения. В республиках, имевших статус союзных национально-государственных образований в рамках советского федеративного устройства, этот процесс происходил в «явочном» порядке – без санкционирования со стороны центра в лице Москвы. В бывших же автономиях в составе РСФСР в начале 1990-х гг. правовой ранг языков был поднят до уровня государственного уже после того, как были приняты некоторые важные законодательные шаги со стороны Центра. Фактически региональные законодатели воспользовались правом, которое им было предоставлено Москвой.

В Законе СССР «О языках народов СССР» были установлены такие общие принципы языковой политики, как гарантии свободного развития и использования языков народов СССР, правовой режим официальных взаимоотношений. Союзный законодатель, как можно судить по приведенной формуле, по-прежнему избегал правовой категории «государственный язык» применительно к союзному государству в целом. Русский язык с «учетом исторически сложившихся условий и в целях обеспечения общесоюзных задач» наделялся статусом официального языка и предполагался к использованию в качестве средства межнационального общения. Однако союзным и автономным республикам было предоставлено (в некотором смысле *post factum*) право самостоятельно определять «правовой статус языков республик, в том числе устанавливать их в качестве государственных языков» (ст. 4).

Изначальная редакция первого российского языкового закона, принятого практически в канун распада союзной государственности,

[5] Губогло 1998: 168.

объяснимым образом несла на себе печать риторической конъюнктуры момента. На пике противостояния союзных и российских центров власти и в преддверии того, что вскоре будет названо «парадом суверенитетов», в «Законе о языках народов РСФСР» (от 25 октября 1991 года № 1807-1) появилась юридическая конструкция, положенная в основу отдельной статьи «Государственные гарантии языкового суверенитета народов и личности» (Ст. 2). Под этим принципом было предложено понимать «совокупность прав народов и личности на сохранение и всестороннее развитие родного языка, свободу выбора и использования языка общения» (п. 1, Ст. 2). «На территории РСФСР государством гарантируется языковой суверенитет каждого народа независимо от его численности и правового положения и языковой суверенитет личности независимо от его происхождения человека, его социального и имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, пола, образования, отношения к религии и места проживания» (п. 2, Ст. 2).

Спустя десятилетия можно расценивать эти формулы и как своеобразную дань терминологической моде, и как прагматичную меру, рассчитанную на привлечение политических элит из тогдашних российских автономий на сторону российских властей. Однако сам дух декларативности, возникнув в языковом законодательстве с самого начала, надолго определил идеологический смысл и генетически обусловленную лозунговую стилистику принимаемых актов. Дело даже не столько в том, что суверенитет – это свойство публичной власти, выражающееся в верховенстве законодательствующей воли, и никак не принцип языкового поведения отдельных народов и индивидов. Важнее то, что «свободный выбор и использование языка общения» не может распространяться на регламентируемые сферы так называемого официального общения.

Наконец, языковой выбор в процессе коммуникации в большинстве конкретных жизненных ситуаций как раз напрямую зависит и от «численности» народа, и «от происхождения человека, его социального и имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, пола, образования, отношения к религии и места проживания» самым прямым образом. Ни у кого не получится притязать в процессе общения на «языковой» суверенитет» вне именно этих обстоятельств.

С точки зрения интертекстуальности через несколько лет норма о суверенитете была просто замещена формулой «равноправия языков народов Российской Федерации» при сохранении прежнего определения (в редакции Федерального Закона от 24 июля 1998 № 126-ФЗ). Таким образом «суверенитет» и «равноправие» оказались в отношениях взаимной заменимости. С другой стороны, рассматриваемая конструкция, можно сказать, механически перекочевала в правовые акты о языках на республиканском уровне. В большинстве региональных актов впоследствии положения о суверенитете были переделаны в нормы о равноправии. Однако это положение в прежнем виде до наших дней сохраняется,

например, в законодательстве о языках Республики Адыгея (в редакции от 2011 года), Республики Ингушетия (в редакции от 2002 года).

Ранние подходы к определению ключевых ориентиров при законодательном регулировании языковой политики содержали намерения (или – правовые предписания), несбыточность которых обнаружилась по прошествии нескольких лет. Так, в Статье 27 российского языкового закона в первоначальной редакции было записано: «В отношениях РСФСР с республиками в составе РСФСР используются на равноправной основе государственный язык РСФСР, государственные языки республик в составе РСФСР, иные языки в соответствии с законодательством РСФСР и республик в составе РСФСР». Организационное и ресурсное обеспечение службы переводов – и тогда, и в наши дни – задача, которая по своим масштабам выглядит заведомо неподъемной.

Энтузиазм в политико-языковой атмосфере тех лет выразился также в постановке некоторых целевых ориентиров (которые были бы весьма желательны, разумеется). В частности, в «Декларации о языках народов России», которая была принята одновременно с законом 25 октября 1991 года, Верховный Совет РСФСР провозгласил некоторые принципы. Среди них, в частности, значилась «желательность и необходимость овладения языками межнационального общения и другими языками народов РСФСР, проживающих на одной территории».

Наконец, в Постановлении Верховного Совета РСФСР «О порядке введения в действие Закона РСФСР «О языках народов РСФСР»» (от 25 октября 1991 г.) было записано: «…С 1992 года предусмотреть в республиканском бюджете РСФСР выделение средств на разработку и реализацию Государственной программы РСФСР по сохранению и развитию языков народов РСФСР, созданию института языков народов РСФСР и Российской государственной службы языковых переводов». Никто и сегодня не станет спорить о том, насколько целесообразно и полезно было бы осуществление намеченных почти тридцать лет тому назад замыслов. Однако возможности разностороннего обеспечения языковой политики всеми необходимыми ресурсами не позволяют добиться реализации таких целей и поныне.

Ряд дискурсивных свойств отечественного правового пространства, предназначенного для регулирования языковых (национально-языковых) отношений, демонстрирует своего рода нормативную недостаточность или соответствующие дисфункции. Раз возникнув, эти свойства интертекстуально – через имплантацию конкретных формулировок – распространяются во времени и в политико-управленческом пространстве, вплетаясь в общую ткань макро-текста общефедеральных и региональных актов. Исследователи отмечают многие моменты несовершенства российского законодательства о языках – декларативность, расплывчатость, нечеткость формулировок (которые сложно толковать, тем более применять), терминологическую запутанность, оторванность от

реального состояния языкового функционирования, отсутствие разработанных механизмов реализации закрепленных в правовых актах норм[6].

Эти оценки правотворческой техники, используемых в нормативных актах терминов и конструкций, юридических предписаний и правового режима языковых отношений можно было бы дополнить еще и суждениями более общего порядка. Прежде всего это понимание ключевых законодательных методологем – равноправия и шире – правосубъектности применительно к области языкового устройства российского общества. Как пишет правовед С.А. Белов, возглавляющий Институт проблем государственного русского языка при Санкт-Петербургском университете, «соотношение пределов использования общефедерального государственного языка и государственного республик в составе Российской Федерации является одной из основных проблем российского законодательства о языках»[7].

С формальной точки зрения весь корпус действующих российских законов в рассматриваемой отрасли исходит из презумпции равноправия языков. Это закреплено в Статье 2 федерального языкового закона «Государственные гарантии равноправия языков народов Российской Федерации», первый пункт которой определяет: «Равноправие языков народов Российской Федерации – совокупность прав народов и личности на сохранение и всестороннее развитие родного языка, свободу выбора и использования языка общения» (в редакции Федерального Закона от 24 июля 1998 № 126-ФЗ). При этом, как пишет комментатор, «в правовой литературе вопрос о равноправии языков считается одним из трудных вопросов государственного права, имеющим разноаспектный подход к поиску ответов». Над этим вопросом, как цитирует автор российского правоведа В.Н. Дурденевского, писавшего на эту тему в 1920-е годы, «ломали головы уже римские юристы… над ним, вероятно, не раз еще задумаются юристы будущего»[8].

С одной стороны, принцип равноправия, закрепленный в Статье 68 Конституции Российской Федерации, предоставляет по своему духу возможности каждого пользоваться родным языком, свободно выбирать язык общения, применять язык в воспитании и обучении. Это распространяется вплоть до права народов с бесписьменными языками создавать собственную письменность и ожидать от государства соответствующих условий для этого (п. 4, Ст. 10 в редакции Федерального Закона от 24 июля 1998 № 126-ФЗ). Закон запрещает ограничения и привилегии при использовании языков кроме случаев, предусмотренных законодательством. Правовой режим культурно-языкового многообразия в России оценивается отечественными и зарубежными экспертами как отвечающий в целом признанным международным стандартам.

---

[6] Орешкина 2016: 835-847.
[7] Белов. Законодательное регулирование статуса государственного языка…
[8] Васильева 2007: 7.

С другой стороны, декларируемое равноправие языков может стать основанием для различающихся интерпретаций. Если не по духу, то по букве рассматриваемая норма способна трактоваться и как «совокупность прав народов и личности», и как нечто, предполагающее равнозначность используемых кодов, их паритетное положение в коммуникативных ситуациях. В интертекстуальном плане в региональных законах о языках фигурирует некоторый нюанс. В соответствующих нормативно-правовых актах, например, Адыгеи, Башкортостана, Ингушетии, Калмыкии, Татарстана, Тывы, Удмуртии, Хакасии присутствует стереотипно сформулированная статья о компетенции этих республик «в сфере охраны, изучения и использования» языков. К разряду подлежащих ведению этих субъектов отнесено «равноправное функционирование языков», имеющих статус государственных языков этих республик и общегосударственного русского языка (также наделенного статусом государственного языка этих республик).

Очевидным образом юридическая конструкция «равноправное функционирование языков» демонстрирует смысловую амбивалентность и, как минимум, слабо сообразуется с реальным состоянием языковых ситуаций в конкретных республиках. Согласно социолингвистическим оценкам, коммуникативная мощность языков (в т.ч. имеющих статус государственных языков республик), показатели их витальности, и самое главное – именно функциональная развитость – фундаментальным образом не одинаковы. Есть языки, которые не способны самостоятельно обеспечивать общение ни в одной из значимых сфер и используются лишь в софункционировании с русским языком. Есть языки, заметным образом утрачивающие престижность. Есть, наконец, языки, находящиеся в угрожаемом положении. «Если языки в своем использовании, по своим возможностям и статусу не равны, – говорит карачаевский филолог Харун Акбаев, – то в чем же заключается их равноправие? Да ни в чем! Это юридическая абракадабра, прием, часто используемый политическими авантюристами»[9]. Однако справедливость требует признать: артикулировать принципы управления культурно-языковым многообразием в таких юридических конструкциях, в нормах и предписаниях, которые гарантировали бы эффективную правоприменительную практику, крайне затруднительно.

Тексты законодательных актов, касающиеся языковых отношений, это, вероятно, всегда что-то в дискурсивном отношении компромиссное, в чем легко убедиться, обратившись к такому документу, как «Европейская хартия о региональных языках и языках меньшинств». В соответствующем Пояснительном докладе говорится: «Хартия нацелена на защиту и поддержку региональных языков и языков меньшинств, а не самих языковых меньшинств. …Понятие языка, используемое в Хартии, базируется, главным образом, на культурной функции

[9] Смерть языка 2020: 26.

языка. Именно поэтому он не определяется субъективно таким образом, чтобы закрепить конкретное право человека – право говорить на «своем» языке, поскольку право определять такой язык есть у каждого человека. В Хартии также отсутствуют социально-политическое и этническое определение языка, где язык характеризуется как инструмент общения той или иной социальной или национальной группы. Таким образом, в Хартии удалось обойти стороной вопрос об определении языкового меньшинства, поскольку целью Хартии является не закрепление прав национальных и/или культурных меньшинств, а защита и поддержка региональных языков или языков меньшинств как таковых»[10].

Формально понимаемая интертекстуальность, далее, проявляется в прямом воспроизводстве многих норм российского законодательства о языках на уровне соответствующих республиканских правовых актов. Одним из показательных моментов здесь выступает способ артикуляции такого ключевого концепта в деле управления культурно-лингвистическим разнообразием, как «языковая политика». В нормативном текстологическом плане этот термин помещен, скорее, в частный контекст. В российском языковом законодательстве он фигурирует не в качестве стратегического ориентира в повестке конструирования языкового устройства общества и властно-управленческого воздействия на этноязыковые отношения, а в своеобразном прикладном ключе. В Законе «О языках народов «Российской Федерации» в той части, где говорится о гарантиях защиты языков народов Российской Федерации, содержится положение «Социальная защита языков предусматривает проведение научно обоснованной языковой политики, направленной на сохранение, развитие и изучение всех языков народов Российской Федерации на территории Российской Федерации» (п. 2, Ст. 4, в ред. Федерального закона от 24 июля 1998 № 126-ФЗ). Эта формула далее была воспроизведена в языковых законах Республик Башкортостан, Республики Ингушетия, Кабардино-Балкарской Республики, Республики Калмыкия, Республики Марий Эл, Республики Саха (Якутия), Республики Татарстан, Республики Чувашия. Словом, в данном случае возникает очередная линия механического интертекстуального взаимодействия между федеральными и региональными уровнями правовых актов относительно столь сложной и чувствительной области общественных отношений. Вопрос даже не в том, что принципы федерального законодательного регулирования буквально заимствуются применительно к неповторимым условиям коммуникативной среды регионов без учета социолингвистических параметров конкретных языковых ситуаций. Проблема имеет существенно более серьезную смысловую природу.

Рассматриваемый в ограниченном контексте «социальной защиты языков, концепт «научно обоснованной языковой политики» значительным образом утрачивает смыслы, связанные с пониманием сущности

[10] Хартия 1992.

политического. Действия в этой области задаются целедостижением, устремлениями, замыслами и, следовательно, предполагают сообразные этому перформативные формулы – речевые акты, которые сами по себе уже являются делом[11].

На уровне руководства Российским государством, в отечественном академическом сообществе высказаны содержательные предложения на предмет совершенствования правового дискурса относительно языкового устройства общества. Их смысл связан с преодолением в новых исторических контекстах дисфункциональных сторон этого дискурса – декларативности, противоречивости, разрозненности. Это предполагает также ликвидацию интертекстуальных «разрывов», когда законодательство о языках носит преимущественно символический характер и содержит, главным образом, диспозитивные нормы, когда субъект права распоряжается своими правами по своему усмотрению, а императивные нормы изложены в основном в «секторальных» правовых актах. Примером здесь может служить резонансная поправка к федеральному закону «Об образовании» (2018 г.), вводящая принцип свободного выбора родного языка в качестве школьного предмета изучения.

Все более неотложной становится необходимость в обобщающем документе стратегического планирования, касающегося основ государственной языковой политики, и в едином законе, который содержал бы «полное системное регулирование принципов правового регулирования отношений по использованию различных языков в Российской Федерации»[12]. Придание правовому российскому дискурсу о языках ясности – задача в высшей степени ответственная и принципиальная. И предполагает она не очередной виток ценностной риторики, но создание институциональных условий для свободного доступа каждого гражданина к ресурсам коммуникативного участия.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Акишин М.О. Государственный и юридический языки Российской империи XIX века // Genesis: исторические исследования. 2016. № 5. С. 56–73. [Akishin M.O. Gosudarstvennyj i juridicheskij jazyki Rossijskoj imperii XIX veka // Genesis: istoricheskie issledovanija. 2016. № 5. S. 56–73.].

Белов С.А. Законодательное регулирование статуса государственного языка в Российской Федерации // Официальный сайт Санкт-Петербургского гос. ун-та «Русский язык как государственный». URL: http://rus-gos.spbu.ru/public/files/articles/ С.А.Белов. Законодательноерегулирование_537c978e51477.pdf [Belov S.A. Zakonodatel'noe regulirovanie statusa gosudarstvennogo jazyka v Rossijskoj Federacii // Oficial'nyj sajt Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta «Russkij jazyk kak gosudarstvennyj». URL: http://rus-gos.spbu.ru/public/files/articles/S.A.Belov.Zakonodatel'noeregulirovanie_537c978e51477.pdf]

Васильева Л.Н. Комментарий к Закону Российской Федерации «О языках народов Российской Федерации». М.: Юстицинформ, 2007. 88 с. [Vasil'eva L.N. Kommentarij k Zakonu Rossijskoj Federacii «O jazykah narodov Rossijskoj Federacii». M.: Justicinform, 2007].

Вахтин Н.Б., Головко Е.В. Социолингвистика и социология языка. СПб.: «Гуманитарная Академия»; Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2004. 336 с.

[11] Ильин 2016: 262-270.

[12] Белов, Кропачев, Соловьев 2017: 57.

[Vahtin N.B., Golovko E.V. Sociolingvistika i sociologija jazyka. SPb.: «Gumanitarnaja Akademija»; Izd-vo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2004. 336 s.].

Губогло М.Н. Языки этнической мобилизации. М.: «Языки русской культуры», 1998. 816 с. [Guboglo M.N. Jazyki jetnicheskoj mobilizacii. M.: «Jazyki russkoj kul'tury», 1998].

Европейская Хартия региональных языков или языков меньшинств // Официальный сайт справочно-информационной системы «Гарант». URL: https://base.garant.ru/4089634/ [Evropejskaja Hartija regional'nyh jazykov ili jazykov men'shinstv // Oficial'nyj sajt spravochno-informacionnoj sistemy «Garant». URL: https://base.garant.ru/4089634/].

Ильин М.В. Что может дать анализ перформативов? //Политическая наука. – 2016. - № 4. – С. 262-270. [Il'in M.V. Chto mozhet dat' analiz performativov? //Politicheskaja nauka. – 2016. - № 4. – S. 262-270.].

Ленин В.И. Критические заметки по национальному вопросу. Полн. собр. соч. М.: Издательство Политической литературы, 1973. Изд. 5. Т. 24. 567 с. [Lenin V.I. Kriticheskie zametki po nacional'nomu voprosu. Poln. sobr. soch. M.: Izdatel'stvo Politicheskoj literatury, 1973. Izd. 5. T. 24. 567 s.].

Орешкина М.В. Языковое законодательство в Российской Федерации // Язык и общество. Энциклопедия. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2016. С. 835-847. [Oreshkina M.V. Jazykovoe zakonodatel'stvo v Rossijskoj Federacii // Jazyk i obshhestvo. Jenciklopedija. M.: Izdatel'skij centr «Azbukovnik», 2016. S. 835-847.].

Смерть языка – смерть народа? Языковые ситуации и языковые права в России и сопредельных государствах. М.: Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Горячая линия – Телеком, 2020. 260 с. [Smert' jazyka – smert' naroda? Jazykovye situacii i jazykovye prava v Rossii i sopredel'nyh gosudarstvah. M.: Institut jetnologii i antropologii im. N.N. Mikluho-Maklaja RAN, Gorjachaja linija – Telekom, 2020. 260 s.].

Johnson D.C. Language Policy. L., N-Y.: PALGRAVE MACMILLAN, 2013. P. 158–164.

***Мухарямов Наиль Мидхатович**, доктор политических наук, профессор, заведующий, кафедра Социологии, политологии и права, Казанский государственный энергетический университет; n.mukharyamov@yandex.ru*

***Януш Ольга Борисовна**, кандидат политических наук, доцент, кафедра Социологии, политологии и права, Казанский государственный энергетический университет; yanush_ob@yahoo.com*

Historical intertextuality in Russian legal discourse on languages

The article discusses some of the discursive properties of the corps of late Soviet, Russian (federal) and regional legal acts related to the regulation of ethnic language relations and linguistic diversity in the country as a whole and in its former autonomies. The topic is considered in diachronic and synchronous perspectives of intertextuality. Many legal constructions of language laws, which cause reasonable criticism from linguistic scholars and legal scholars, have arisen due to discursive initiatives from the center. The material is devoted to the origin of a number of key regulatory formulas in the field of language policy. A historical-textological analysis of the legislation in force in this area can be useful in the case of its overdue adjustment.

***Keywords**: language relations, language policy, language regulation, status planning, bilingualism, diachronous and synchronous intertextuality*

***Nail' Mukharyamov**, Dr.Sc. (Political Science), Professor, Head of the Department of Sociology, Political Science and Law, Kazan State Power Engineering University, n.mukharyamov@yandex.ru*

***Ol'ga Yanush**, Ph.D. in Political Science, Associate Professor of the Department of Sociology, Political Science and Law, Kazan State Power Engineering University, yanush_ob@yahoo.com*

С.В. Володенков

ОДНОМЕРНОЕ ОБЩЕСТВО 3.0: ОТ Г. МАРКУЗЕ К ЦИФРОВОМУ МИРУ XXI ВЕКА

Работа посвящена анализу роли массовых коммуникаций в процессах управления традиционным обществом. В статье демонстрируется актуальность неомарксистского подхода в современных условиях становления цифрового общества и доказывается, что коммуникация в современном обществе по-прежнему выступает инструментом идеологического контроля над массами и обеспечения стабильности существующей политической системы.

***Ключевые слова**: массовое сознание, массмедиа, коммуникация, управление, медиареальность*

Появление и стремительное развитие Интернета как пространства глобальных коммуникаций на первых порах было встречено восторженными отзывами и оптимистичными ожиданиями со стороны ученых и специалистов. Основные ожидания были связаны с широкими экстерриториальными возможностями демократического транзита, «освобождением людей» от доминирования средств массовой информации в публичном пространстве. Казалось, что простой человек получит свободу выбора источников информации, возможности использования каналов коммуникации по своему усмотрению, свободу слова. Все это должно было привести к демократизации традиционных институтов власти, освободить современное общество от авторитарных режимов, создать условиях для «народного управления» своими государствами. Предыдущие же классические подходы к определению роли массмедиа в процессах управления обществом должны были уйти со сцены.

По прошествии достаточно длительного времени можно с уверенностью констатировать, что оптимизм, связанный с демократической революцией и «истинным освобождением» масс, оказался неоправданным. Как демонстрирует современная практика, Интернет трансформировался в глобальное коммуникационное пространство, обладающее высоким манипуляционным потенциалом. По сути, digital mass media развиваются по пути, во многом схожему с традиционными «оффлайновыми» средствами массовой информации. Более того, возможности по контролю над массовым сознанием в цифровом пространстве оказались даже более значительными. В связи с этим многие классические концепции массовой коммуникации, в рамках которых определялся инструментальный потенциал средств массовой информации, оказались сегодня не только актуальными, но и приобрели новое звучание.

Особый интерес для нас представляет анализ взглядов Г. Маркузе на роль ресурсов массовой коммуникации в процессах управления об-

ществом. Несмотря на то, что ключевая в данном отношении работа «Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества» была написана Маркузе более полувека назад, основные позиции автора находят, по нашему мнению, свое подтверждение и на современном этапе общественного развития в условиях стремительного формирования цифрового общества.

Обстоятельства постижения массами реальности посредством цифровых медиаресурсов и каналов массовой коммуникации являются на сегодняшний день определяющими при восприятии общественным сознанием окружающей действительности, оставляя при этом обстоятельства ее существования в пространстве ноуменов. И по-прежнему «смысл интеллектуальной свободы состоит в возрождении индивидуальной мысли, поглощённой в настоящее время средствами массовой коммуникации и воздействия на сознание, в упразднении «общественного мнения» вместе с теми, кто его создаёт»[1].

Можем ли мы сегодня с уверенностью утверждать, что цифровая эпоха благоприятно повлияла на развитие гражданских прав и свобод, позволила простому человеку стать более информированным и свободным в выборе информации? Ответ на этот вопрос представляется нам отрицательным. Как пророчески писал Г. Маркузе, «развитая индустриальная цивилизация – это царство комфортабельной, мирной, умеренной, демократической несвободы, свидетельствующей о техническом прогрессе»[2]. И прогресс в сфере технологий цифровой коммуникации не стал исключением.

Несмотря на появление широких возможностей быстрого и комфортного доступа к разнообразной информации со стороны массового потребителя система управления массовым сознанием принципиально не изменилась. Расширение числа каналов массовой коммуникации, появление новых доступных каналов получения информационного контента, по сути, лишь усугубляют ситуацию, связанную с несвободой современного человека, несвободой мыслить самостоятельно. Если сегодня человек готов мыслить самостоятельно и отказывается становиться участником глобального информационного потребления, он, как это не парадоксально, сталкивается с проблемами поиска информации. Поисковые службы, новостные порталы, ресурсы социальных медиа на любой запрос предоставляют тысячи претендующих на истину и при этом противоположных мнений. Но, несмотря на разнообразие предлагаемого информационного контента, мы по-прежнему находимся, выражаясь языком Гегеля, «за занавесом», не имея возможности увидеть и понять реальную картину мира. Как писал в этой связи Ф. Уэбстер, «мы живем не в мире, о котором у нас есть какая-то информация, напротив, мы обитаем в мире, созданном информацией»[3]. При этом цифровая

[1] Маркузе 2003: 5.
2 Там же: 15.
3 Уэбстер 2004: 331.

реальность глобального постиндустриального общества – это еще и совершенно новый вид информационной реальности[4], в основе которой лежит цифровой контент.

Вместо открытого пространства, позволяющего получить доступную и объективную информацию, в мире сформировалось глобальное пространство массового потребления цифровых медиапродуктов – заменителей реальности, обладающих такими характеристиками, как удобство, высокая скорость и низкая стоимость потребления, а также привлекательность контента, доступность и распространенность «точек потребления». И это пространство агрессивно трансформирует традиционные культуры, ценности, идеологии в интересах контролирующих средства массовой онлайн-коммуникации элитарных групп. На наш взгляд, Маркузе, был прав, высказав мнение о том, что «высокая культура Запада – нравственные, эстетические и интеллектуальные ценности которой попрежнему исповедует индустриальное общество – была как в функциональном, так и в хронологическом смысле культурой дотехнологической»[5]. В современных условиях глобальной смены технологического уклада и перехода цивилизации к формату так называемого цифрового общества представляется неизбежной и смена ценностных парадигм, носителями которых выступают массы, но формируют которые элитарные группы, обладающие возможностями контроля над информационно-коммуникационными ресурсами. Осуществление власти в подобных условиях осуществляется «на основе производства и распространения культурных кодов и информации. Контроль сетей коммуникации становится тем рычагом, при помощи которого интересы и ценности превращаются в руководящие принципы человеческого поведения»[6]. Однако, чьи интересы и чьи ценности имплементируются в массовое сознание – табуированный в современном обществе вопрос.

При этом для многих развитых государств данное положение дел не является значимой проблемой. Как пишет Н. Хомски, «в соответствии с преобладающими в США представлениями, демократия не ущемляется, если информационная система контролируется несколькими корпорациями: на самом деле в этом и заключается суть демократии»[7]. По сути, речь идет о создании корпоративных «фабрик коммуникаций»[8], которые задают «каждой человеческой единице соответствие заданной цели»[9]. В результате подобной «свободы общества», по словам С. Батлера, «общественность покупает свои мнения так же, как покупают мясо и молоко, потому что это дешевле, чем держать собственную корову. Только тут молоко состоит в основном из воды»[10].

4 Подопригора 2018: 9.
[5] Маркузе 2003: 75.
[6] Кастельс 2004: 193.
7 Chomsky 1990: 29.
[8] Дружинин 2017.
9 Московичи 1998: 46.
[10] Butler 2011: 261.

По сути, современная медиаиндустрия сформировала своего рода цифровые медиамаркеты, в которых предлагается сомнительного качества продукт в красочной привлекательной упаковке, доступный и комфортный в потреблении. И здесь мы можем снова вспомнить пророческие слова Маркузе: «то, что средства массовой коммуникации гармонично, часто незаметно смешивают искусство, политику, религию и философию с коммерческой рекламой, означает, что эти сферы культуры приводятся к общему знаменателю – товарной форме»[11]. Только сегодня можно говорить уже о цифровом товаре – простых объясняющих реальность медиамоделях, предназначенных для массового информационного потребления в Интернет-пространстве: «Вместо нормативного регулирования поведения обывателя – соблазнение потребителя; вместо насаждения идеологии – реклама; вместо легитимации власти – пресс-центры и пресс-бюро»[12]. К перечню З. Баумана необходимо добавить аккаунты в социальных медиа, корпоративные и правительственные сайты, новостные ленты, каналы в мессенджерах, и его описание будет соответствовать актуальному положению дел в цифровом пространстве.

И вновь крайне актуальное звучание, но уже применительно к цифровому пространству, приобретает поставленный 50 лет назад Маркузе вопрос: можно ли реально провести черту между средствами массовой информации как инструментами информации и развлечения и как агентами манипулирования и воздействия на сознание? Ответ на данный вопрос не изменился, более того, интенсификация информационных потоков, их экстерриториальность, использование мультимедийных форматов, потенциал вирусного распространения цифрового контента в пространстве социальных медиа лишь усугубляют ситуацию, формируя хаотичное и фрагментарное восприятие массами противоречивой информации о происходящих процессах, событиях, явлениях в скрытой гегелевским занавесом от глаз простого человека реальности.

Массовый человек по-прежнему, как и во времена Маркузе, остается заложником системы, находится в своего рода медиаизоляторе, будучи вынужденным конструировать свои представления о реальности на основе доступных ему медиазаменителей. «Загнанный в свою субъективность, как в изолятор»[13] при помощи отсекающих и отдаляющих его от реального мира информационных потоков, современный человек имеет дело со своего рода суррогатными медиамоделями, репрезентующими недоступную для осмысления действительность, а также симулякрами, претендующими из формата медиафеноменов перейти в разряд ноуменов в системе массового сознания. В силу невозможности получить в прямом опыте знание о большинстве реальных событий, явлений, процессов, массы вынуждены взаимодействовать с репрезентующими реальность медиафеноменами, монопольно реализующими объясни-

[11] Маркузе 2003: 74.
[12] Бауман 2005: 73-74.
[13] Арендт 2000: 76.

тельную в отношении окружающей действительности функцию. Сегодня, как и прежде, «непосредственными носителями и, особенно, распространителями знаний и другой социально значимой информации являются средства массовой коммуникации»[14]. Цифровые медиаресурсы лишь расширили спектр инструментов генерирования и трансляции в массовое сознание соответствующего информационного контента.

В силу значительных объемов информации, транслируемой по интернет-каналам политической коммуникации, восприятие содержания сообщений становится клиповым, а сознание интернет-пользователя – рассеянным и диверсифицированным, неспособным обработать интенсивный информационный поток[15]. При этом, безусловно, «мы сопротивляемся воздействию медиа, подозревая, что нами манипулируют, но по существу это ничего не меняет, потому что знания, полученные нами из массмедиа, словно сами собой складываются в замкнутый каркас, элементы которого укрепляют друг друга»[16].

В результате, цифровое общество не только не освобождает человека, но лишь еще более жестко ограничивает его познавательные возможности, способность к критическому и самостоятельному мышлению. При этом возможности манипулятивного управления массовым восприятием и поведением, а, следовательно, и контроля над массами, значительно увеличиваются. «То, как люди представляют себе мир, определяет в данный конкретный момент, что они будут делать. То есть определяет их усилия, их ощущения, надежды, но не определяет достижений и результатов»[17], другими словами, возможности реальных изменений окружающей действительности становятся недоступными для большинства людей, которые оказываются, по сути, бессильными, но при этом зачастую вполне удовлетворенными на уровне своих субъективных ощущений и переживаний, что полностью укладывается в допустимые рамки существования масс в контролируемом обществе. В подобных условиях непосредственно реальный мир, от которого отсечен массовый потребитель информации, «находится за пределами досягаемости, видимости и за пределами сознания»[18]. Такое положение дел можно представить в виде одномерной[19] виртуальной матрицы, в которой сознание человека прочно подключено к сетям информационных потоков, основное назначение которых – конструировать субъективно комфортную иллюзию реального существования индивида. «Контроль над информацией, поглощение индивида… приводят к упадку сознания, дозированности и ограничению знания. Индивид не знает, что происходит в действительности; сверхмощная машина образования и развлече-

[14] Грачев, Мельник 1999: 293.
15 Назаров 2000: 142.
[16] Луман 2005: 8.
[17] Липпман 2004: 46.
[18] Там же: 49.
[19] Имеется в виду медиаизмерение.

ния объединяет его вместе со всеми другими в состоянии анестезии, из которого исключаются все вредоносные идеи. И поскольку знание всей истины вряд ли способствует счастью, именно такая общая анестезия делает индивида счастливым»[20].

Массовому человеку доступна лишь кем-то сконструированная медиакартина мира, и эта картина является основой управления обществом, неготовым к саморефлексии и критическому восприятию предлагаемых медийных версий реальности. «Когда высокие слова о свободе и исполнении надежд произносятся соревнующимися лидерами и политиками, а затем тиражируются с помощью экранов, радио и трибун, они превращаются в пустые звуки, имеющие какой-то смысл только в контексте пропаганды, бизнеса, дисциплины и релаксации»[21]. Даже общественное мнение, к которому принято апеллировать при принятии различных государственных решений в политической, экономической либо социальной сфере, по сути, становится искусно созданным эфемерным конструктом – производной от постоянной и массированной информационно-коммуникационной работы в публичном пространстве. Такое общественное мнение определяет и поддерживает стереотипизированные ориентиры в мировосприятии и поведении масс. Независимо от того, говорим ли мы о традиционных группах людей, или же о сетевых сообществах, «картины, в соответствии с которыми действуют группы людей или индивиды, действующие от имени групп, – это Общественное Мнение с большой буквы»[22].

Поддержание удобной версии объективной реальности, обеспечение контроля за массовыми представлениями – становятся критичными условиями для стабильного и легитимного существования современных институтов власти, а также политических и экономических элит, которые осуществляют «тотальную мобилизацию всех средств массовой информации для защиты существующей действительности»[23]. В итоге, приходит к выводу Маркузе, лишь «отключение телевидения и подобных ему средств информации могло бы, таким образом, дать толчок к началу того, к чему не смогли привести коренные противоречия капитализма – к полному разрушению системы»[24]. В наши дни к предлагаемому Маркузе сценарию остается лишь добавить отключение Интернета, как пространства, в котором формируются, транслируются в массовое сознание и поддерживаются в нем необходимые для сохранения существующей системы поведенческие и мировоззренческие импланты.

Как показывает анализ современной практики массовых коммуникаций в цифровом пространстве, «новая технология может стать опасным проводником тирании... Более опасной тирании, чем невидимая и

[20] Эрос и цивилизация 2002: 94.
[21] Маркузе 2003: 74.
[22] Липпман 2004: 50.
[23] Маркузе 2003: 88.
[24] Там же: 323.

мягкая, не существует. Такая тирания, в которой подданные становятся соучастниками своего собственного жертвоприношения и в которой порабощение является результатом не намерений, а обстоятельств»[25]. И теоретическое осмысление Маркузе роли и функций средств массовой коммуникации в процессах управления обществом по-прежнему сохраняет свою высокую актуальность при изучении современных технологий коммуникации в условиях становления цифрового общества.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни. СПб.: Алетейя, 2000. 437 с. [Arendt H. Vita activa, ili O deyatel'noj zhizni. SPb.: Aletejya, 2000. 437 s.].

Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005. 390 с. [Bauman Z. Individualizirovannoe obshchestvo. M.: Logos, 2005. 390 s.].

Грачев Г., Мельник И. Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия. М.: ИФ РАН, 1999. 235 с. [Grachev G., Mel'nik I. Manipulirovanie lichnost'yu: organizatsiya, sposoby i tekhnologii informatsionno-psikhologicheskogo vozdeistviya. M.: Institut filosofii RAN, 1999. 235 s].

Дружинин А.М. От диалога к манипуляции: критический анализ современных медиапрактик // Философская мысль. 2017. № 1. С. 1–16. URL: https://nbpublish.com/ library_read_article.php?id=18534 [Druzhinin A.M. Ot dialoga k manipulyacii: kriticheskij analiz sovremennyh media-praktik // Filosofskaya mysl'. 2017. № 1. S. 1–16.

Кастельс М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. 328 с. [Kastels M. Galaktika Internet: razmyshleniya ob Internete, biznese i obshchestve. Ekaterinburg: U-Faktoriya, 2004. 328 s.]

Липпман У. Общественное мнение. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с. [Lippman U. Obshchestvennoe mnenie. M.: Institut Fonda «Obshchestvennoe mnenie», 2004. 384 s.].

Луман Н. Реальность массмедиа. М.: Праксис, 2005. 256 с. [Luman N. Real'nost' massmedia. M.: Praksis, 2005. 256 s.].

Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества. М.: 2003. [Markuze G. Odnomernyj chelovek. Issledovanie ideologii razvitogo industrial'nogo obshchestva. M.: 2003.]. URL: https://gtmarket.ru/laboratory/basis/5440/5450

Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества М.: АСТ, 2002 [Markuze G. Eros i civilizaciya. Odnomernyj chelovek. Issledovanie ideologii razvitogo industrial'nogo obshchestva M.: AST, 2002. 526 s.].

Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М.: «Центр психологии и психотерапии», 1998. 480 с. [Moskovichi S. Vek tolp. Istoricheskij traktat po psihologii mass. M.: «Centr psihologii i psihoterapii», 1998. 480 s.].

Назаров М.М. Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследований. М.: УРСС, 2002. 239 с. [Nazarov M.M. Massovaya kommunikaciya v sovremennom mire: metodologiya analiza i praktika issledovanij. M.: URSS, 2002. 239 s.].

Подопригора А.В. Левиафан и сеть: философия власти в цифровом обществе // Социум и власть. 2018. №2 (70) С.7-17. [Podoprigora A.V. Leviafan i set': filosofiya vlasti v cifrovom obshchestve // Socium i vlast'. 2018. №2 (70) S.7-17.] .

Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М.: Аспект Пресс, 2004. 400 с. [Webster F. Teorii informatsionnogo obshchestva. M.: Aspekt Press, 2004. 400 p.].

Barber B. Three Scenarios for the Future of Technology and Strong Democracy // Political Science Quarterly, 1998-1999. Vol. 113, N 4. P. 573-589. URL: https://doi.org/10.2307/2658245

Butler S. The Notebooks of Samuel Butler. Auckland: The Floating Press, 2011. 311 p. URL: https://archive.org/stream/cu31924013448299#page/n1/mode/2up

Chomsky N. Necessary Illusions, Thought Control International Democratic Societies. Boston, South End Press, 1990. 183 p. URL: http://vho.org/aaargh/fran/livres5/ILLUSNS.PDF

[25] Barber 1998: 581-582.

Володенков Сергей Владимирович, *доктор политических наук, профессор, кафедра государственной политики, факультет политологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, s.v.cyber@gmail.com*

One-dimensional society 3.0: from H. Marcuse to the digital world of the XXI century

The work is devoted to the analysis of the role of mass communications in the management processes of traditional society. The article demonstrates the relevance of the neo-Marxist approach in the contemporary conditions of the formation of a digital society. The author proves that communication in contemporary society is still an instrument of ideological control over the masses and ensuring the stability of the existing political system.

Keywords: *mass consciousness, mass media, communication, control, media reality*

Sergey Volodenkov, *Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Public Policy, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, s.v.cyber@gmail.com*

О.М. Михайленок, А.В. Назаренко

«ЖЕЛАЮЩИЕ МАШИНЫ», СЕТЕВАЯ АКСИОМАТИКА И КВАНТОВАЯ МЕХАНИКА

В статье предпринята попытка проследить, как интуитивная смена общественной аксиоматики в пользу сети как диссипативной системы, повлияла на смыслы политических, социальных, культурных и исторических событий и процессов, инициируемых ее узлами, делезовскими «желающими машинами». Показана логическая связь квантовой механики с сетевой аксиоматикой, позволяющей отказаться от «лапласовского» исторического детерминизма социальной системы и заглянуть за его теоретический горизонт.

Ключевые слова*: сеть, диссипативная система, квантовая механика, сетевая аксиоматика, желающая машина, цифра, кибернетика, эмпатия, время*

Мир стремительно меняется на наших глазах и, хотя причиной этих изменений считается революция в информационно-технологической сфере, первой, с чего все началось, была все же гуманитарная сфера, т.е. все то, что связано с бытием человека – онтология, мораль, культура, социальность, психология и политика. Человек все больше осознает себя человеком. Расширялись горизонты его разума, а, значит, множились научные открытия, теоретические разработки и практические результаты. Возникают закономерные вопросы – кто мы, по какой дороге и куда идем? Ведь революции случались и раньше, кардинально меняя общество, его политику, экономику и психологию.

В результате Английской революции открылся путь к промышленной революции. Великая французская революция, с ее знаменитым и по прежнему актуальным лозунгом «свобода, равенство, братство», показала всему миру новую модель социального устройства. Американская революция, положила начало единому федеративному государству, республике с сильной центральной властью и полным отсутствием сословий и сословных привилегий. Русская революция инициировала вал взаимосвязанных событий и процессов, которые прокатились по всему миру – военный коммунизм, германский национал-социализм, антифашизм, деколонизация, китайский и северокорейский национальный социализм, антитоталитаризм, и, в конце концов, перестройка, завершившаяся новым революционным потрясением – распадом государства и его возрождением в новом качестве.

Каждая из революций происходила из человеческой коллизии – «давления неустранимой социально-политической заданности», автором которой был сам человек, возможности и границы которого были до конца не ясны[1]. Религиозный человек, поддерживаемый верой, признавал Бога как «другого», политический человек, поддерживаемый той или иной идеологией, признавал власть как «другого», психологический

[1] Гефтер 2017: 25.

человек уже сам по себе был сознателен и рационален, в результате чего каждая его социальная «итерация» неизбежно подходила к своему закономерному концу. Человеку всегда казалось, что он – результат собственного сознательного выбора, а, значит, способен создать такую идеальную модель социума, которая бы могла изменить его самого. Правда для этого нужно было отказаться от «лапласовского» исторического детерминизма социальной системы, которая должна быть устойчивой к «малым» возмущениям, и следовать прямо противоположному принципу – ее зависимости от управляющего воздействия каждого человека. Согласимся с Бодийяром в том, что каждый новый порядок отделяется от порядка предыдущего революцией, но все они так или иначе привязаны к предыдущей фазе системы, а значит «оружие каждой из них» – это «ностальгически воскрешаемая реальность во всех ее формах» – диалектика, потребительная стоимость, прозрачность и целенаправленность производства, «освобождение» бессознательного, вытесненного смысла (т.е. означающего и означаемого по имени «желание») и т.д. Отсюда, идеальным содержанием любых революционных освобождений оказываются «призраки, поглощенные системой в ходе ее прежних революций и искусно воскрешаемые ею в виде революционных фантазмов»[2].

Дабы избежать замкнутого круга, человеку придется прекратить рефлектировать наличную данность и создавать понятия о том, что уже есть, а попытаться заглянуть за горизонт и понять то, чего еще нет, но что, даже в противовес здравому смыслу, способно возникнуть и проявиться. Ведь как доказала современная физика, знания о мироустройстве невозможно получить только благодаря непосредственным наблюдениям за вещами, видимыми и воспринимаемыми человеком. Квантовая теория, как фундаментальная теория микрообъектов оказалась столь фундаментальной, что область ее применения расширилась от описания наблюдаемых явлений до пределов, которые пока невозможно даже установить[3]. Графические фейнмоновские диаграммы взаимодействия, потоки в ренормализационной группе и пространство преобразования симметрии, интуитивно понятны человеку, хотя и крайне сложны для рационального технического представления и описания. Теория просто начала опережать практику.

Заметим, что многие на первый взгляд «завиральные» идеи физиков нашли свое продолжение в философии. Бергсоновское понимание интуиции как «вполне развитого метода» в философии, который имеет свои строгие правила, позволило в конечном счете показать, что интеллект человека – это способность интуитивно ставить проблемы и интуитивно различать в них истинное и ложное, тогда как инстинкт позволяет их решать. Проблема обретает решение в зависимости от способа ее постановки, условий возникновения и располагаемых к этому моменту терминов и средств. История человека в этом контексте «как с теорети-

[2] Бодрийяр 2000: 25.
[3] Иванов 2012: 1.

ческой, так и с практической точек зрения» видится как «история конструирования проблем» и «осознание такой деятельности подобно обретению свободы»[4]. Следуя по этому пути, попробуем определить, как интуитивная смена общественной аксиоматики в пользу сети повлияла на смыслы событий и процессов, инициируемых ее узлами, роль которых будут играть делезовские «желающие машины».

Никто не планировал заранее ни информационный взрыв, ни сетевое общество. Мы просто стали свидетелями стихийной бифуркации в осмыслении сущности социальной системы по мере роста ее открытости. Способность социальной системы обмениваться материей, энергией и информацией с внешним миром, ее неравновесность в силу возникновения многополярности и ее нелинейность в силу усиливающегося влияния действий человека на действия других существенно возросли. Научные открытия и информационные технологии лишь подстегнули процесс создания новых связей не только между людьми как агентами, но и между ними и «невитальными» «квазиагентами» и силами-актантами, ранее воспринимаемыми исключительно в терминах объектов человеческого «желания»[5]. Возникли объективные предпосылки для возникновения новой версии комплексной социальности, воспринимаемой теперь как диссипативная система, сложность которой локализуется «на уровне интеракций между индивидами»[6]. Поскольку характерный размер флуктуаций, т.е. откликов на внешние воздействия, в этом случае, стал сравним с масштабом системы, она начинает реагировать на любое внешнее воздействие уже как целостная структура.

Рассуждая об источниках возникновения и развития сетевого общества, М. Кастельс отметил, что его генезис был обусловлен ходом истории. В начале 1970-х гг. в мире, по его мнению, параллельно протекали три важнейших, независимых друг от друга процесса – «информационно-технологическая революция»; «культурные и социальные движения» и кризис, «приведший к переструктурированию существовавших в то время социально-экономических систем» – капитализма и этатизма[7]. Остановимся на этом поподробнее, ибо невозможно избавиться от интуитивного ощущения взаимосвязанности этих процессов, один из которых, в результате окажется «ведущим». Несомненно, что капитализм как единственный существующий на настоящий момент способ устроения социальности со своими знаменитыми «300 процентами», ради которых «даже под страхом виселицы» стоит рискнуть, а также готовностью способствовать «шуму и брани» ради прибыли, можно рассматривать в роли социальной машины суицида, разрушающей мораль, культуру, и заодно, саму себя[8]. Поскольку задача социальной машины

[4] Делез 2001: 229, 237.
[5] Латур 2018: 266.
[6] I. Prigogine: 892.
[7] Кастельс 2000: 28.
[8] Маркс 1960: 770.

всегда сводилась к «кодированию» потоков желания, их записи и регистрации таким образом «чтобы никакой поток не оставался незакрытым, неканализированным, неупорядоченным»[9], речь, как мы видим, идет как раз об обратном – о раскодировании потоков, «компенсируемых пережитками и преобразованиями государства» как власти, пребывающей в состоянии перманентного риска со стороны их скрытых способностей, мощи и энергии[10]. Стремление человека окончательно освободиться от всякого влияния власти и оказаться, наконец, в циничном, прагматичном и бесконтрольном мире, в конечном счете, разрушит любую из его привязанностей к государству, последнему бастиону власти в современном социуме. В результате мыслимым пределом подобного десоциализированного экспериментирования видится анархия. Поскольку любое «дионисическое освобождение от оков индивида», ведет к исчезновению «principii individuationis» без которого не могут жить ни государство, ни патриотизм, человек окончательно избавляется от ностальгии по принадлежности и от всех модусов своей цивилизованности[11].

Все более и более абсурдная рационализация человеческого поведения вкупе с абстрактным трудом способствует «новой» конъюнкции в социальной машине, в корне изменяя ее аксиоматику на «машинную». Человек и машины, которые перестают быть инструментами, в ней оцениваются одинаково – как машины – с точки зрения выгоды инвестиций. Социум фактически «растворяется» в машинах, которые в свою очередь детерриторизуются на обломках социума – в людях. Благодаря этому бессознательное как «безличный машинизм», превращает человеческое желание в «положительный нерепрезентативный поток»[12].

Согласимся с Делезом в том, что «общая для них теория – это обобщенная теория потоков»[13]. И если это так, то мы имеем дело с кибернетикой – «новым взглядом *на технику связи и на автоматы как устройства связи* (курсив наш – *О.М., А.Н.*)» с ее происходящим, усугубляющим самое себя»[14]. Человеческое действие становится тем, что его к этому действию побудило – «желание», которому можно придать тот или иной смысл. Делезовское восприятие человека в качестве объекта – бинарной «желающей машины» с ассоциативным режимом функционирования, делает поток «желания» непрерывным, но фрагментированным, поскольку «каждая машина-орган интерпретирует весь мир согласно своему собственному потоку, согласно энергии, которая истекает из нее»[15]. Все это очень напоминает квантовую механику в которой все фундаментальные взаимодействия между частицами осуществляются

[9] Делез, Гваттари 2007: 59.
[10] Там же: 387.
[11] См.: Ницше 2009: 549-550.
[12] См.: Делез, Гваттари 2007: 532-533.
[13] Там же: 413.
[14] Винер 1983: 308.
[15] Делез, Гваттари 2007: 19.

посредством испускания или поглощения ими «безличного» кванта поля, в результате чего они, в зависимости от их первоначальной внутренней степени свободы, превращаются в другие частицы[16].

Поскольку «внутреннее» объекта программирует его же перепрограммирование через внешнее, т.е. «не только порождение вторично по отношению к циклу, но и передача вторична по отношению к информации или коммуникации», можно говорить о том, что человек действительно оказался на пороге настоящей кибернетической революции. Вывод о том, что «не существует передачи потоков в собственном смысле, а существует коммуникация кода или аксиоматики и комбинаторики, оформляющей потоки» (именно это исходно «определяют в нем коммуникацию бессознательных»), заставляет взглянуть на причины генезиса сетевого общества по-другому[17]. По нашему мнению, все дело в закономерной, хотя и интуитивной, смене общественной аксиоматики в пользу сети, рассматриваемой как совокупность связей между ее узлами – «желающими машинами», подкрепленной «помощью» со стороны «мощных рычагов техники»[18]. Подобная интуитивная смена аксиоматики, но основательно подкрепленная математикой, произошла и в физике, благодаря чему были разрушены классические «лапласовские» предрассудки, прочно ассоциируемые со здравым смыслом, к квантовой механике, которая была способна дать основу для понимания того, что происходило, происходит и может происходить на атомном и субатомном уровнях. То есть позволило заглянуть за «горизонт событий» – вперед и назад.

Нельзя сбрасывать со счета «кризисы» и «социально-культурные» движения, но в свете вышесказанного они приобретают не причинную, а несколько иную, событийную интерпретацию. Капитализм как «социальная машина суицида», оказался «бессмертным» благодаря переходу с внешнего уровня капитала на внутренний – на уровень «желающих машин». Социальные различия полностью «растворились», переходя в имманентную интенсивность «желания». Стремление современного человека, включенного в производственные цепочки, к «совершенству» подводит его к пределу, за которым он превращается в желающего «зомби», а значит путь от социальных вершин к «изгою» может оказаться весьма коротким. «Социальная смерть» не означает смерти физической. Ее можно рассматривать как переход к другому состоянию внешнему и внутреннему – человек остается жить, но в другом качестве. В этом контексте любые протестные «социально-культурные» движения окажутся направленными не на борьбу с обществом потребления, а на восстановление «многочисленных» человеческих ценностей, разрушенных безличной продуктивностью «желающей машины». По меткому выражению У. Эко, «достаточно одной правильно выбранной цитаты»,

[16] См.: Иванов 2012: 3.
[17] Делез, Гваттари 2007: 455.
[18] Там же: 397.

чтобы из одной социальной группы человеку «пришлось перейти в противоположную». Если его немного перефразировать: на улицу всегда выходят структуры, тогда как «постструктуры» всегда остаются внутри безопасного и тихого места – человека, до момента, когда его желание и им же искусственно созданное совпадут между собой [19].

Что касается «информационно-технологической революции», то тут оказалось все сложнее, поскольку далее речь пойдет о достаточно неоднозначной роли «мощных рычагов техники», заявленных выше в качестве помощников сетевой аксиоматики. Информационно-технологическая революция, действительно открыла перед человеком немыслимые прежде возможности и горизонты знаний о себе и окружающем мире в контексте «желания». Вместе с тем возникли и ограничители со стороны – «цифры», которая лежит в основе всей современной техники. Архитектура и вычислительные мощности, обеспечивающие ее функционирование, достигли такого триумфа количественности, что неизбежно их превращение в средства прославления оккультной качественности «цифры». Вопрос в том, как ее интерпретировать, по каким правилам? Поскольку мы рассуждаем о возможностях вычислительной техники, оперирующей «цифрой», можно говорить не об открытии и изобретении новых математических правил в угоду человеческим желаниям, а о конструировании правил толкования цифрового текста в соответствии с ними. Ведь процесс вычислений можно представить как «игру» по правилам, диктуемым «желающей машиной», поступать именно так. Это еще больше усугубляет процесс абсурдной рационализации человеческого поведения, ибо «машина, заключенная в свое структурное единство», и «живое, заключенное в свое специфичное и даже персональное единство», становятся массовыми внешними феноменами или *молярными системами*, отсылающими друг к другу[20].

Правда, нельзя обойти и еще один факт. Речь идет о попытках развернуть машинное «желание» к эмпатии, причем не к старым призракам, которые продолжают его подталкивать к «клише» – к организации в очередную молярную социальную машину, а к новым культурным и социальным формам, позволяющим представить себя и мир иначе. Трудно не согласиться с делезовской интерпретацией «образов движения» при субъективизации «желающей машины». Несмотря на то, что его рассуждения проистекают из несколько другой сферы – кино, именно творческое начало, лежащее в его основе, и позволяет заглянуть за горизонт «машинной» реальности и переосмыслить ключевые проблемы нашего времени – субъективность, восприятие и время. Если «желающие машины» «являются схватываниями тотальными и объективными», то их восприятия могут быть «частичными и частными, субъективными»[21]. Освобождение от тотального «схватывания» образа «же-

[19] Эко 2012: 27.
[20] Делез, Гваттари 2007: 450.
[21] Делез 2004: 116.

лающей машины» ведет к появлению субъективного центра неопределенности – «образа-перцепции» как первому перевоплощению ее «образа-движения». Мир начинает «искривляться» вокруг «перцептивного центра». Вторым перевоплощением «образа-движения» «желающей машины», является ее «образ-действие», «искривляющий» мир, от «которого происходят сразу и виртуальное воздействие вещей» на нее, и «возможное воздействие ее на вещи». Интервал между «перцептивной» и «активной» гранью «желающей машины» занимает эмоция, возникающая в центре неопределенности, «то есть в субъекте, между в определенных отношениях смущающей перцепцией и нерешительным действием». Эмоция «представляет собой совпадение субъекта и объекта, или же способ, которым субъект воспринимает самого себя, а скорее, даже то, как субъект ощущает или чувствует себя «изнутри». То есть, всегда есть какая-то часть внешних движений «желающей машины», которыми «отмечается совпадение субъекта и объекта в беспримесном качестве», не преобразующих ни объектов перцепции, ни ее действий как субъекта. Таково третье, и последнее, перевоплощение «образа-движения», «образ-эмоция». «Желающие машины» «будучи живой материей или же центрами неопределенности», специализировали одну из своих граней и определенные точки, «превратив их в рецептивные органы» в то время как свою «активность делегировали органам реагирования, именно тогда освободив их»[22]. Можно говорить о том, что процесс «машинной» рационализации человеческого поведения на субъективном уровне замещается эмоциональным. То есть этика обрела потенциальную возможность трансформироваться из абстрактного набора учений об эмоциях и чувственности в комплекс связей и передаточных механизмов между содержанием «желаний», эмоционально-аффективно-рациональным поведением и общественными настроениями.

Остается еще один момент, связанный с информационно-технологической революцией – закономерная «дематериализация» «образа движения» «желающей машины» посредством «образа времени», который является «виртуальным». Благодаря возможностям современной вычислительной техники, позволяющей обеспечивать оккультную качественность «цифры» и конструировать математические правила толкования цифрового текста в соответствии с «желаниями» человека, появилась реальная возможность соединять виртуальный «образ-время» с актуальным «образом-движения» посредством «монтажа». Даже если представить, что эти «образы» противостоят друг другу, то очевидно, что «виртуальное» никак не противостоит реальному. Это очень важное положение, полностью совпадающее с положением квантовой теории о реальности, описываемой как суперпозиция «макроскопически различных состояний. То есть «сослагательное наклонение» в квантовой «многомировой истории» реализуется в бесчисленных вариантах, «в различных

[22] Там же: 116-118.

параллельных мирах»[23]. Возможность монтажа «виртуальности» дает возможность изменить его смысл, благодаря новой функции – «вместо того чтобы быть направленным на образы-движения, из которых он извлекал косвенный образ-время, он указывает на сам образ-время и извлекает из него отношения времени, от которых аберрирующее движение теперь может лишь зависеть»[24]. «Желающая машина» получила возможность переходить из одного мира в другой, вход в другой мир, «взламывать» и «разведывать» его, поскольку речь больше не идет «о переходе из одного обобщенного реального мира в частные призрачные миры, поскольку единственный реальный мир уже предполагал бы некие сходни, которые не даны нам в мирах, состоящих из образов грез»[25]. Множественная «виртуальность» заставляет, в частности, взглянуть на социальную и культурную память, как на «образ-время», предполагающий аберрацию от распространенной вертикальной иерархической формы «подлинной истории»[26].

Из всего вышеизложенного напрашивается один вывод. Интуитивная смена общественной аксиоматики в пользу сети, подобно квантовой теории позволила взглянуть на происходящие в мире процессы с другого ракурса, с микроуровня, который в конечном счете определяет макроуровень. Мы видим, что субъективные «макросуждения» линейны, но ненаправлены, в то время как объективные «машинные» «микросуждения», наоборот – нелинейны, но направлены. То есть возможен реальный переход – замещение линейных цепей, нелинейными, а ненаправленных логических связей, направленными материальными потоками. То есть, при сетевой аксиоматике наблюдается кибернетический распад суждений – переход от трансцендентности к имманентности, от смыслов к функциям, и от господства к контролю. Все это напоминает падение Алисы в кроличью нору, где происходит бифуркация «желаний», которые обретают иные, отличные от привычных нам – традиционных, смыслы, а значит реальность может «искривляться» и «мультиплицироваться» до состояния, в котором будет возможны переходы между миром машин и миром людей.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. 387 с. [Bodrijyar ZH. Simvolicheskij obmen i smert'. M.: Dobrosvet, 2020. 387 s.].

Буллер А., Линченко А. А. Культурная память как предмет философского осмысления // Диалог со временем. 2019. № 66. С. 5-18. Buller A., Linchenko A. A. Kul'turnaya pamyat' kak predmet filosofskogo osmysleniya // Dialog so vremenem. 2019. Vyp. 66. S. 5-18].

Винер Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. 2-е изд. М.: Наука; Главная редакция изданий для зарубежных стран, 1983. С. 308-314. [Viner N. Kibernetika, ili upravlenie i svyaz' v zhivotnom i mashine. 2-e izd. M.: Nauka; Glavnaya redakciya izdanij dlya zarubezhnyh stran, 1983. 308-314 s.].

[23] Иванов 2012: 473.
[24] Делез 2004: 338.
[25] Там же: 461.
[26] См.: Буллер, Линченко 2019: 17

Гефтер М. 1917: неостановленная революция. Сто лет в ста фрагментах. Разговоры с Глебом Павловским. М.: «Европа», 2017. 219 с. [Gefter M. 1917: neostanovlennaya revolyutsiya. Sto let v sta fragmentakh. Razgovory s Glebom Pavlovskim. M.: Evropa, 2017. 219 s.].

Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 672 с. [Delez ZH., Gvattari F. Anti-Edip: Kapitalizm i shizofreniya. Ekaterinburg: U-Faktoriya, 2007. 672 s.].

Делез Ж. Кино. М.: Ад Маргинем, 2004, 624 с. [Delez ZH. Kino. M.: Ad Marginem, 2004].

Делез Ж. Эмпиризм и субъективность: опыт о человеческой природе по Юму. Критическая философия Канта. Бергсонизм. Спиноза М.: ПЕР СЭ, 2001. 480 с. [Delez ZH. Empirizm i sub"ektivnost': opyt o chelovecheskoj prirode po YUmu. Kritiche-skaya filosofiya Kanta. Bergsonizm. Spinoza M.: PER SE, 2001. 480 s.].

Иванов М. Г. Как понимать квантовую механику. М.- Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотичная динамика», 2012. 516 с. [Ivanov M. G. Kak ponimat' kvantovuyu mekhaniku. M.-Izhevsk: NIC «Regulyarnaya i haotichnaya dinamika», 2012. 516 s.].

Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000. 608 с. [Kastel's M. Informacionnaya epoha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura. M., 2000. 608 s.].

Латур Б. Политика природы. Как привить демократию. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. 336 с. [Latur B. Politika prirody. Kak privit' demokratiyu. M.: Ad Marginem Press, 2018. 336 s.].

Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. М.: ИПЛ, 1960. Т. 23. 907 с. [Marks K. Kapital // Marks K., Engel's F. Sochineniya. Izd. 2-e. M.: IPL, 1960. T. 23].

Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки // Ницше Ф. Так говорил Заратустра. К генеалогии морали. Рождение трагедии. Воля к власти. Предсмертные афоризмы. Минск: Харвест, 2009. С. 436-572. [Nicshe F. Rozhdenie tragedii iz duha muzyki // Nicshe F. Tak govoril Zaratustra. K genealogii morali. Rozhdenie tragedii. Volya k vlasti. Predsmertnye aforizmy. Minsk: Harvest, 2009. P. 436-572.].

Эко Р. Маятник Фуко. М.: АСТ, 2012. 832 с. [Eko R. Mayatnik Fuko. M.: AST, 2012. 832 s.].

I. Prigogine Festschrift for Immanuel Wallerstein / Journal of World-System Research. Vol. 6. No.1 Spring 2000.Special Issue. Part II. P. 892-898.

Михайленок Олег Михайлович, *доктор политических наук, профессор, заведующий, отдел исследования социально-политических отношений, Центр политологии и политической социологии, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук; m-oleg-m@yandex.ru.*

Назаренко Алексей Владимирович*, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, отдел исследования социально-политических отношений, Центр политологии и политической социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук; alek_nazarenko@mail.ru.*

Desiring-machines, network axiomatics and quantum mechanics

The article attempts to trace how an intuitive change in public axiomatics in favor of a network as a dissipative system has influenced the meanings of political, social, cultural and historical events and processes initiated by its nodes, Deleuze's "desiring-machines". A logical connection between quantum mechanics and network axiomatics, which makes it possible to abandon Laplace's historical determinism of the social system and look beyond its theoretical horizon, has been shown.

Keywords*: network, dissipative system, quantum mechanics, network axiomatics, desiring-machine, digit, cybernetics, empathy, time*

Oleg M. Mikhaylenok*, Dr. Sc. (Pol.), Prof.; Head of the Department for Research of Social and Political Relations, Center of political science and political sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences; m-oleg-m@yandex.ru*

Aleksey V. Nazarenko*, PhD (Pol.); Senior Researcher, Department for Research of Social and Political Relations, Center of political science and political sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences; alek_nazarenko@mail.ru*

С. А. Спартак

«ЗОЛОТОЕ ПРАВИЛО» ТОМАСА ФЕРГЮСОНА

Статья посвящена Томасу Фергюсону (род. в 1949 г.), который является одним из наиболее значимых теоретиков-политологов в США. Именно он в 1995 г. предложил теорию, основанную на логике монетизированных финансовых отношений в политике. Его предметом исследования стали инвестиции в выборные кампании. Он первым точно объяснил фундаментальный парадокс: почему в демократии, основанной на голосах и воле избирателей, деньги имеют столь большое значение. Инвестиционная концепция партийной конкуренции Фергюсона доказывает, что в политических системах ведущую роль играют не избиратели, а бизнес-элиты. Сформулировав ставшее классическим «золотое правило» политического анализа: «Чтобы узнать, кто правит, нужно следовать за золотом», т.е. выяснить источники финансирования избирательной кампании, Фергюсон внес значительный вклад не только в политическую науку, но и оставил особый след в интеллектуальной истории.

Ключевые слова: *политическая мысль США, Томас Фергюсон, теория инвестиций, «золотое правило», инвестиционная концепция партийной конкуренции*

В наши дни в американском обществе все чаще встает вопрос о том, насколько финансовая составляющая общественно-политической жизни страны влияет на политическую, иными словами, насколько результаты политической борьбы зависят от экономических интересов различных групп влияния.

В целом, идея о высоких рисках трансформации экономической власти в политическую, не является новой. Уже в конце XVIII в. Адам Смит в своей работе «Исследование природы и причин богатства народов», предостерегал, что «люди одной профессии, обладающие крупным достатком, редко собираются вместе, даже для веселья и развлечений, но если такие встречи происходят, то они, как правило, заканчиваются заговором против общественности или каким-то иным вероломством с целью удовлетворения своих материальных интересов»[1].

Современник Смита, философ и историк Адам Фергюсон в своих трудах также затрагивал тему влияния крупного капитала на сферу политической жизни государства, писал о том, что накопление богатства, независимо от источников его происхождения, создает спрос на сохранение достигнутых привилегий, и поэтому, с целью обеспечения этих интересов, крупный капитал всегда будет стремиться оказывать влияние на политическую повестку[2]. В наше время, на рубеже XX–XXI вв., на эту проблему обратил внимание нобелевский лауреат по экономике Джозеф Стиглиц, подчеркнув, что экономическое «неравенство неизбежно ведет к неравенству политическому»[3].

[1] Смит 1962: 16-18.
[2] См: Ferguson 1792; Ferguson 1800.
[3] Стиглиц 2015: 43.

В своем исследовании Т. Фергюсон отходит от традиционной точки зрения на партийное устройство, как систему, ориентированную на избирателей, он описывает «инвестиционный подход», когда крупные инвесторы, а не неорганизованные избиратели, доминируют при определении исхода избирательных кампаний. Согласно Фергюсону, представители крупного капитала инвестируют в политические партии и выборные кампании их кандидатов, поэтому изменения в промышленно-финансовых структурах (между крупными компаниями и экономическими секторами) могут изменить и направление партийной повестки, и курс всей государственной политики.

Среди многочисленных работ, посвященных данной проблеме, выделяется объемный труд «Золотое правило: теория инвестиций партийной конкуренции и логика движения денег в политической системе» (1995). Это «золотое правило» политического анализа формулируется Фергюсоном довольно просто: «Чтобы узнать, кто правит, нужно следовать за золотом». В свою очередь, «следование за золотом» означает выяснение источников финансирования избирательной кампании[4].

Основываясь на теории демократии медианных избирателей, Фергюсон формулирует свою концепцию в качестве альтернативы последней. Анализируя положения работы Энтони Даунса «Экономическая теория демократии»[5], Фергюсон соглашается с выводом ее автора о том, что расходы на вовлеченность в политическую повестку столь велики, что ни один гражданин не может позволить себе нести это бремя во всех сферах политической жизни общества, даже если он сможет извлекать из такой активности большую выгоду. Фергюсон кладет этот вывод в основу своей инвестиционной концепции партийной конкуренции, признавая: «если избиратели не могут поддерживать свою разностороннюю политическую активность, то у них остается мало надежд на то, что они смогут успешно контролировать происходящие в стране политические процессы»[6]. Иными словами, основная претензия теории инвестиций заключается в том, что, поскольку «обычные граждане не могут позволить себе получать информацию, необходимую для инвестирования в политические партии, в политической системе будут доминировать те, кто может»[7]. Развивая эту мысль, Фергюсон подчеркивает: «Реальный рынок для политических партий определяется основными инвесторами, у которых, как правило, есть веская и понятная причина для инвестирования с целью получения контроля над политическими решениями в будущем... Блоки крупных инвесторов определяют ядро и направление деятельности политических партий и отвечают за основное взаимодействие партии со своим электоратом»[8]. Исходя из этого, при

[4] См.: Ferguson 1995: 35.
[5] См.: Downs 1957.
[6] Ferguson 1995: 24.
[7] Ibid: 27.
[8] Ibid.: 206.

исследовании степени влияния избирателей, политических партий и крупных инвесторов на политические процессы, Фергюсон предлагает анализировать политические партии как блоки инвесторов, которые объединяются для выдвижения кандидатов, представляющих их интересы.

Истоки проблемы и анализ политики «Нового курса»

В работе «От нормальности к новому курсу: промышленная структура, партийная конкуренция и американская публичная политика в период Великой депрессии»[9], которая впоследствии будет включена в его основной труд «Золотое правило: теория инвестиций партийной конкуренции и логика движения денег в политической системе», Фергюсон обратился к политике «Нового курса» администрации Ф.Д. Рузвельта, анализ которой привел его к выводу, что эта политика стала возможной благодаря изменяющейся природе американской экономики и появившимся в результате новым коалициям политических инвесторов.

По наблюдениям Фергюсона, влияние крупных инвесторов на политические процессы стало заметно с появлением таких капиталистических гигантов, как Standard Oil и General Electric. Эти компании отличались от других крупных промышленно-финансовых групп начала XX века, поддерживавших протекционистские тарифы и агрессивную внешнюю политику. Отличало их то, что для них менее остро стояли проблемы в области трудовых отношений, и то, что они выступали за более низкие тарифы для стимулирования мировой торговли и открытия новых рынков[10]. Поскольку доминирующее положение в мировой экономике делало их основными бенефициарами политики свободной торговли «Нового курса», новые транснациональные корпорации сформировали коалицию и поддержали Рузвельта. Нужно добавить, что, как замечает Фергюсон, эти компании «терпели политику Нового курса в области трудовых отношений и по-разному ее поддерживали, будучи совершенно с ней не согласны»[11], благодаря чему в США стало расти количество независимых профсоюзных движений, а массы американских избирателей впервые в истории США успешно объединили свои ресурсы и стали самостоятельными крупными инвесторами.

О роли политических партий и простых избирателей

В отличие от исследований о «медианном избирателе», концепция Фергюсона утверждает, что «реальная область конкуренции для политических партий – это крупные инвесторы, которые проявляют заинтересованность в инвестировании для дальнейшего контроля над политическими процессами»[12]. В каком-то смысле политические партии становятся заложниками существующей в США модели политической системы, в рамках которой для успешных кампаний необходимы круп-

[9] Ferguson 1984.
[10] Ibid.: 63-64.
[11] Ferguson 1995: 82.
[12] Ibid.: 22.

ные финансовые средства, поэтому для привлечения инвестиций политические партии вынуждены придерживаться курса, отвечающего интересам не «медианных избирателей», а основных инвесторов. Это происходит даже в том случае, «если выбранный курс не поддерживается большинством населения, поскольку партиям бесполезно занимать даже популярную позицию, если она не может позволить себе расходы, связанные с проведением кампании»[13].

Более того, Фергюсон предсказывает, что во многих случаях политические партии с «большей вероятностью будут пытаться изменить позицию общественности в соответствии с позицией своих инвесторов, чем наоборот»[14]. Еще одним выводом Фергюсона является положение о том, что в тех областях жизни, где крупные инвесторы согласны с проводимой политикой, никакой партийной конкуренции не возникнет. И такая ситуация «будет иметь место независимо от мнения населения в целом и до тех пор, пока рядовые граждане не могут сами стать основными инвесторами»[15].

Инвестиционная концепция партийной конкуренции не отрицает возможности того, что массы избирателей могут быть основными инвесторами в избирательной системе. Однако для этого, считает Фергюсон, требуются определенные каналы связи, способные обеспечивать широкое обсуждение разных мнений. Как правило, в качестве таких каналов выступают организации, способные обеспечить высокий поток информации для граждан и сделать политические дебаты и актуальные политические процессы частью их повседневной жизни, но, по мнению Фергюсона, пока обычные граждане не могут позволить себе достаточную активность и вовлеченность, чтобы контролировать политические процессы и политическую систему[16]. Обусловлено это не глупостью или усталостью избирателей, а тем, что «электорат просто слишком беден»[17]. «Нет необходимости предполагать, – отмечает Фергюсон, – что голосующее население глупо или просто безответственно относится к политике, чтобы объяснить, почему оно часто будет голосовать за партии, политика которых противоречит их собственным интересам»[18].

На самом деле, население заинтересовано в результатах выборов и часто стремится к пониманию актуальной политической повестки. Однако, в конечном итоге, решение при голосовании принимается избирателем на основе имеющейся у него информации. И если процесс производства информации является дорогостоящим (с точки зрения времени или денег), то, скорее всего, решение избиратели будут принимать на основе информации, субсидируемой состоятельными инвесторами.

---

[13] Ibid: 382.
[14] Ibid: 36.
[15] Ibid: 28.
[16] Ibid: 29.
[17] Ibid.: 384.
[18] Ibid: 26.

Действительно, современная статистика подтверждает нарастание проблемы бедности электората и увеличивающееся экономическое неравенство в США[19]. Более того, эти тенденции, скорее всего, будут усиливаться в связи с пандемией коронавируса, вызвавшей экономический кризис и рост безработицы. Разбалансированность системы медицинского страхования и сокращение социальных программ в США в условиях пандемии может привести к обострению социальной и политической напряженности.

О роли состоятельных инвесторов

Одной из причин, по которой крупные инвесторы могут влиять на политику в своих интересах, является то, что значительная часть политически значимой информации, которая так дорого обходится обычным гражданам, совершенно естественно поступает бизнесу в ходе ежедневной деятельности. В качестве примера Фергюсон приводит международные банки, чьи деловые контакты составляют «первоклассную внешнеполитическую сеть». Аналогичным образом, бизнесу дает преимущество перед обычными избирателями эффект и другого масштаба: «крупные инвесторы будут регулярно консультироваться с юристами, консультантами по связям с общественностью, лоббистами и политическими консультантами, прежде чем действовать. Стоимость таких советов непомерно высока для большинства граждан»[20].

Поскольку инвесторы не могут гарантировать результатов выборов или точно предсказать, какого политического курса будет придерживаться кандидат после прихода к власти, они нередко вынуждены поддерживать одновременно нескольких кандидатов, иногда даже из разных партий. В случаях же, когда известно о том, что определенный кандидат или партия не примут желаемую политическую повестку, инвесторы концентрируют свои возможности на поддержке их политических оппонентов. Фергюсон отмечает, что, несмотря на всю важность финансовых вкладов в политические партии, прямые денежные взносы «вероятно, не самый важный способ, которым действительно крупные инвесторы влияют на политическую конъюнктуру»[21]. Он подчеркивает, что на выборах не обязательно победит партия, способная потратить больше всего денег на избирательную кампанию[22]. Инвесторы могут выступать в качестве сборщиков средств для кандидата, организаторов нужных ему связей. Наконец, они способствуют легитимации кандидата, в частности, путем поддержки в средствах массовой информации[23].

В определенном смысле, концепция Фергюсона стимулирует конспирологический дискурс в политике, поскольку инвесторы не всегда

[19] См.: Income Inequality 2020.
[20] См.: Ferguson 1995: 29-30.
[21] См.: Ibid: 41.
[22] Ibid: 384.
[23] См.: Ibid: 41.

известны, а, как правило, неизвестны широкой общественности, и их «разоблачение» становится одной из самостоятельных задач политической кампании.

Несмотря на то, что роль крупных финансовых инвестиций в определении политической повестки давно очевидна для американского общества, многие исследователи не желают с этим соглашаться[24]. Даже на фоне стремительного роста расходов на избирательные кампании, в академических кругах продолжает поддерживаться вера в то, что ход политической борьбы определяют избиратели, а не представители крупных коммерческих структур. В пику таким представлениям, Фергюсон «одним из первых с достаточной точностью исследовал фундаментальный парадокс: почему в демократии, основанной на голосах и воле избирателей, деньги имеют столь важное значение»[25]. Отвечая на этот вопрос, Фергюсон пришел к выводу, что проблема влияния денег на политику обусловлена стоимостью информации, и предложил свой вариант разделения таких расходов между обычными гражданами, а именно – государственное субсидирование, которое пока не очень развито в США. По его мнению, именно государственное субсидирование не только «позволит услышать мнение простых граждан, но также ограничит вред, который может нанести частное финансирование»[26].

В целом, исследованная Фергюсоном в конце XX века проблема влияния представителей бизнес-элит на результаты избирательных кампаний и иных политических процессов, до сих пор является для США особенно чувствительной и чрезвычайно актуальной. Во время президентской избирательной кампании в 2016 г., кандидат в Президенты США от Демократической партии Берни Сандерс открыто заявлял с трибуны, что «миллионеры и миллиардеры вкладывают невероятные суммы денег в политический процесс, чтобы финансировать президентские избирательные кампании и выбирать кандидатов, которые представляют их интересы, а не интересы трудящихся»[27]. Во время президентской гонки в 2020 г. этот вопрос также не остался в тени. В речи на праймериз в Нью-Хэмпшире в феврале 2020 г. Сандерс заявил, что ему «приходится вести эту избирательную кампанию, отстаивая подлинные интересы народа, либо против миллиардеров, либо кандидатов, которых поддерживают миллиардеры, преследуя свои корыстные цели!»[28].

Сформулировав ставшее классическим «золотое правило» политического анализа: «Чтобы узнать, кто правит, нужно следовать за золотом», т.е. выяснить источники финансирования избирательной кампании, Фергюсон внес значительный вклад не только в политическую науку, но и оставил особый след в интеллектуальной истории нынеш-

[24] См.: Congleton 2004: 707-712.
[25] Стиглиц 2015: 490.
[26] Ferguson 1995: 354-355.
[27] Full Transcript 2015.
[28] Pramuk 2020.

него века. Многие известные современники Фергюсона, например, Ноам Хомский, Джозеф Стиглиц и др., в своих работах основывались на разработанной Фергюсоном концепции «Золотого правила», принимая и развивая тем самым смыслы и идеи его теории[29].

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1962. 684 с. [Smit A. Issledovanie o prirode i prichinah bogatstva narodov. M.: Izdatel'stvo social'no-ekonomicheskoj literatury, 1962. 684 s.].

Стиглиц Дж. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. М.: Эксмо, 2015. 512 с. [Stiglic Dzh. Cena neravenstva. Chem rassloenie obshchestva grozit nashemu budushchemu. M.: Eksmo, 2015. 512 s.].

Chomsky N. Who Rules the World? Hamish Hamilton, 5 may, 2016. 320 p.

Congleton R. The median voter model // The encyclopedia of public choice / ed. by C.K. Rowley; F. Schneider. N.Y.: Kluwer Academic Publishers, 2004. P. 707-712

Downs A. An Economic Theory of Democracy. Harper and Row, 1st Edition, 1957. 320 p.

Ferguson A. Principles of Moral and Political Science: being chiefly a Retrospect of Lectures deliviered in the College of Edinburgh. Edinburgh: Strahan A. & T. Cadell. V. I. 1792. 339 p.

Ferguson A. Institutes of Moral Philosophy. Basil: printed and fold by Decker J., 1800. 241 p.

Ferguson T. From Normalcy to New Deal: Industrial Structure, Party Competition, and American Public Policy in the Great Depression // International Organization, 1984. N 38 (1). P. 41-94.

Ferguson T. Golden Rule: The Investment Theory of Party Competition and the Logic of Money-Driven Political Systems (American Politics and Political Economy Series). University of Chicago Press, 1995. 440 p.

Full Transcript: Democratic Presidential Debate // The New York Times, 14.10.2015. URL: https://www.nytimes.com/2015/10/14/us/politics/democratic-debate-transcript.html.

Income Inequality in the United States // URL: https://inequality.org/facts/income-inequality/

Pramuk J. Bernie Sanders is saying “millionaires” less often, one way his 2020 message has changed // CNBC / Politics, 13.02.2020. URL: https://www.cnbc.com/2020/02/13/bernie-sanders-says-millionaires-less-in-2020-democratic-primary.html

Спартак Сергей Андреевич, *кандидат политических наук, старший преподаватель, философский факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова; sspartak@yandex.ru*

Thomas Ferguson’ Golden Rule

Thomas Ferguson is one of the most theoretical political scientists in the US who proposed back in 1995 a concept that explains the modern international political system as competitive and based on the logic of monetized financial relations. A special subject in his concept is investment. A feature of T. Ferguson's approach is that he turns to the history of international relations and argues his theory primarily with historical facts and documents.

Keywords: *Investment Theory, Golden rule, Political History, Thomas Ferguson, USA.*

Sergey Spartak*, Ph.D. in Political Science, Lomonosov Moscow State University; sspartak@yandex.ru*

[29] См.: Стиглиц 2015; Chomsky 2016.

Ю. Д. Артамонова

ВОЗВРАЩЕНИЕ “SENSUS COMMUNIS” В СОВРЕМЕННЫЕ СТРАТЕГИИ СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В современных исследованиях проблематизированы ключевые для трактовки текста понятия «автор», «текст и контекст», «знак» (в т.ч. показана их историческая размерность); ряд стратегий (Б. Фливберг и школа «реалистических социальных наук», Х. Уайт, Ф. Анкерсмит) предлагают новые и достаточно продуктивные прочтения восходящей к Аристотелю стратегии «здравого смысла». Они будут представлены и проанализированы в настоящей статье.

Ключевые слова: *sensus communis (здравый смысл), проект «реалистической социальной науки», исследовательский стиль, вкус историка.*

В XXI веке в социальные и гуманитарные исследования возвращается понятие «здравого смысла» (греч. φρόνησις, лат. *sensus communis*) и связанные с ним исследовательские стратегии.

Б. Фливберг, глава школы социально-политических исследований – школы «реальной социальной науки» (Real Social Science), в известном исследовании 2001 г. «Делать социальную науку значимой и понятной» (Making Social Science Matter) говорит о «фронетической социальной науке». Кстати, само название книги предполагает два смысла: сделать науку значимой в плане результатов и сделать значимой (понимаемой) для людей. В исследовании 2012 г. он четко обозначил источник исследовательского подхода: «Real Social Science представляет новый практический подход к социальным исследованиям. Теоретические и методологические идеи, лежащие в его основе, вдохновлены учением Аристотеля о фронесис; они открывают новую исследовательскую перспективу в общественных науках»[1]. К тому времени уже утвердился взгляд, что «фронетическая социальная наука» существовала и до артикуляции этого проекта, однако не имела организационной структуры и специфического имени[2]. В рамках этой школы осуществляется много исследований, иллюстрирующих, как прикладной фронесис выглядит на практике.

Рассуждая о политике, Ф. Анкерсмит заметил, что она, в первую очередь, опыт. Переосмысление опыта других предполагает отсутствие разрыва между осмыслением и действием, а понятия выполняют роль каркаса, строительных лесов, используя которые можно пережить то, что заставило говорить и действовать данного мыслителя или политика, понять его стиль. Поэтому он делает вывод о том, что «в политику можно и нужно возвращать такие понятия, как рассудительность политика, такт политика, здравомыслие политика, вкус политика». «Стиль в политике может быть связан с вопросом о том, какими должны быть государство, бюрократия или судопроизводство – строгими или мягкими,

[1] Real social science… 2012, P.II.
[2] См.: Schram, Caterino 2006, P. 2006: 5-7.

активными или сдержанными, морализующими или либеральными, умеренными или подавляющими, щедрыми или экономными и т.д. Для среднего гражданина это гораздо более важные вопросы, чем вопрос о том, как вычислить с точностью до третьего знака после запятой финансовые последствия политического компромисса…»[3]. Для Анкерсмита также важно, что за счет этого достигается единство граждан.

На место этих ключевых понятий анализа происходящего в традиции, берущей начало в античности, в XIX в. пришли идеи «мировоззрения» как конструкции реальности с определенной (и ограниченной) точки зрения, социального класса (слоя), высказывания (текста) как отражения мировоззрения, научности и метода.

Понятие «здравого смысла» (лат. sensus communis) – это первоначально переложение в систему латинской культуры греческого понятия «фронесис». Аристотель, как известно, различал три типа знания – техне, эпистеме и фронесис. Первое – знание ремесленника, не знающего ни математических истин, ни устройства гончарного круга, но умеющего создать прекрасный горшок «по наитию». Техне стало затем латинским ars – искусством, за которым долго сохранялась характеристика «неосознаваемой причастности к истине мира». Образцом второго типа знания выступает математика. Здесь мы говорим о вечных и равных себе истинах, общезначимых и очевидных (и тем самым доказуемых – демонстрируемых). Целое знание здесь разбиваемо на фрагменты, каждый из которых истинен. Однако бывают ситуации, когда нам нужно знать о мире в целом – например, ситуации нашего поступка. Этого знания у нас нет – есть лишь фрагменты эпистеме, кое-что от техне, а также причастность души гармонии мира, которая позволяет нам различать хорошее и плохое (мы точно знаем, что попасть в колодец – вовсе не одинаково хорошо или нехорошо). Мы вынуждены действовать, исходя из этого, явно недостаточного знания, поэтому оценить правильность поступков мы можем только апостериори – не нарушив гармонию мира своим поступком, мы чувствуем ее и тем самым устанавливаем, что поступили правильно [Аристотель 1139b15-1141a].

Это и есть «фронесис», некая «интеллектуальная добродетель», о которой Гадамер заметил: «Хотя проявление этой добродетели обуславливает различение подходящего и неподходящего, это не просто практический ум и общая находчивость. Различение подходящего и неподходящего также подразумевает различение уместного и неуместного и подразумевает некоторую нравственную позицию, которую, в свою очередь, развивает»[4].

Это знание к тому же невозможно транслировать – во-первых, потому, что изменяются ситуации, и правильное действие в одной из них может быть явно неподходящим в другой; во-вторых, сама истина неформулируема в качестве общего правила. Образцом трансляции учения

[3] Анкерсмит 2014: 29, 195.
[4] Гадамер 1988: 64.

о «фронесис», кстати, были сказы про дурака, существующие практически во всех европейских культурах, когда герой, узнав, что надо делать то-то и то-то, бездумно переносил это действие в другую ситуацию (услышав похвалу за доброе слово об огромном урожае «Таскать вам – не перетаскать», он повторил его и процессии, несущей покойника, за что был бит и т.д.). Не случайно греческая история учит на примерах (парадигмах) – примеряясь к ситуации и зная поступок героя, мы проясняем для себя, чем же надо руководствоваться, чтобы действовать правильно. Геродот заметил, что знание передается посредством парадигм (примеров), однако это вовсе не значит, что ситуация воспроизведется.

Таким образом, речь идет об «общем начале», проявления которого различны, и которое, в силу этого, не поддается формулировке в виде общезначимых постулатов. Эти смысловые моменты сохраняются в латинском переводе “sensus communis” – речь идет о «общем смысле», который руководит всеми правильными поступками, позволяя гармонии воспроизводиться, и его невозможно жестко зафиксировать в формулировке. Объясняя его, латинские авторы найдут интересные акценты. Цицерон определит его как «чувство социальности», которое руководит общественной жизнью. Правильность здесь – умение, руководствуясь опытом прошлого как примером, совершить самостоятельный и заранее не просчитываемый поступок в конкретной ситуации, при этом сообразуясь с благом как гармонией мира. Однако римские классики вносят нюансы, отличающие это понятие от греческого, поскольку они «в противоположность греческому образованию придерживались ценностей и смысла своих собственных традиций государственной и общественной жизни»[5]. Нравственное знание оказывается возможным благодаря общности жизни, ее укладу.

Проделанный экскурс в историю слова позволяет нам еще раз зафиксировать следующие принципиально важные моменты: во-первых, речь идет не о возможных моделях и выборе правильной из них, а об «универсальном» принципе, который, однако, невозможно жестко зафиксировать; во-вторых, этот принцип мы должны каждый раз «открывать» в себе заново, действуя и размышляя в соответствии с ним.

Идея оказалась вновь востребованной в XX веке, и эта востребованность связана с тремя основными факторами. Первый – засилье бесконечного и лишенного оснований конструирования, в т.ч. в рамках общественных проектов. Философские основания этого конструирования созданы окончательно к XIX в. Понятие «мировоззрение», как конструкция по поводу действительности с определенной точки зрения, предполагало, в том числе, невозможность притязаний на правильность и тем самым постоянную взаимную критику этих конструкций. При этом если действительность еще оставалась мерилом конструкций, то говорить о каких-то общих началах конструирования стало бессмыс-

[5] Там же: 61-62.

ленным. В социальной области мы получаем набор конструкций, проверка которых в реальном опыте может стоить очень дорого.

Второе. Подтолкнули к этой новой постановке вопроса и исторические реалии. Трагедия мировых войн и революций, когда цивилизованный человек очень быстро забывает о своей «культурности» и идет убивать себе подобных, заставила искать основания культуры не в техниках воспитания и образования, связанных с Новым временем, его идеей метода и объективных законов, а в «неотменимом» индивидуальном опыте понимания. Не случайно более чуткая к настроениям общества литература меняет логику повествования – вместо рассказа о формировании характера под влиянием среды и обстоятельств появляется экспозиция внутреннего мира, из которой мы видим все остальное, внешний мир (Д. Джойс, Ф. Кафка, Дж. Оруэлл и др.). И именно этот внутренний мир является тоже гарантией неложности предлагаемых конструкций.

Третье. Ускорение темпов жизни, фундаментальные изменения, происходящие в течение жизни одного поколения, с одной стороны, просто не позволяют квалифицированно («научно») разобраться в происходящем. С другой, в ситуации этих быстрых изменений приходится действовать, а ориентиры для этого действия открывать каждый раз заново. Важно то, что эти ориентиры должны «инкорпорировать» социальность, позволять выживать всем вместе.

Как предполагается реализовывать исследования в режиме «здравого смысла» на практике? Техника работы с текстами на основе этого подхода предполагала поиск «общих мест», вовлечение в игру «предрассудков» и прояснение на основе этого мест «темных». Здесь не действуют понятия «текст», «автор», «контекст» и др. – они действительно появились позже и как раз маркировали постепенный отход от старой традиции «здравого смысла». Здесь вовсе не предполагается целостность текста – ведь до начала Нового времени тексты и писались, и читались в ином режиме. Понятия «автор» и «текст» – две стороны одной медали. Вспомним замечательный пример П.М. Бицилли, который предложил поставить в один ряд произведения, которые отделяют друг от друга полтора века: «Декамерон» – «Дон Кихот» – любой роман воспитания XVIII в.[6] Первое – сборник обособленных новелл и вовсе не предполагает чтения от начала до конца. Второй писался в том же режиме (именно так – эпизодами про губернаторство или сражение с мельницами мы его воспринимаем сейчас), но там уже появляется канва, на которую эти эпизоды нанизаны. А третий читать фрагментами не стоит – мы упустим ключевые вещи. К тому же времени относится и появление фигуры автора[7]. Современные идеи гипертекстовости, дискуссии о «смерти автора», понятия «ризома» и др. – это скорее негативистские формулировки. А что же в качестве позитивных приемов?

[6] Бицилли 1995: 90.
[7] Подробнее см.: Артамонова 2016.

Б. Фливберг считает, что речь идет, как и раньше, об обучении на примерах; и что именно кейс-стадис должны быть центральным моментом. В частности, он констатирует: «1. При описании кейсов я воздерживаюсь от роли всезнающего рассказчика и обобщителя. Напротив, я пересказываю историю в ее разнообразии, позволяя ей разворачиваться из многогранных, сложных и иногда конфликтующих историй, которые акторы данного случая мне рассказывали. 2. Я избегаю связывать свой случай со специальными теориями любой науки. Вместо этого я его связываю с широкими философскими позициями, не укладывающимися в какую-либо одну специальность… Читателям придется самим находить путь и истину в этом случае… Записанные таким образом рассказы о случаях нельзя ни кратко пересказать, ни суммировать в форме неких главных выводов. Сама история случая – результат. Это, так сказать, “виртуальная реальность”. Для читателя, готового войти в эту реальность, исследовать ее изнутри и снаружи, наградой будет чувствительность к имеющимся проблемам, которую не дает теория… Истинное мастерство основано на интимном опыте, на тысячах индивидуальных случаев и на способности различать ситуации со всеми их нюансами, различиями, не отфильтровывая их до состояния формул или стандартных образцов»[8]. Ряд других исследователей, работающих в рамках этой стратегии, предлагают сделать ключевыми понятия «сцены» и «стиля».

В своей работе «Язык как символическое действие» К. Берк показывает, что, рассматривая терминологию как отражение реальности, мы должны отдавать себе отчет в том, что она также означает выбор определенной реальности и в этом смысле отклонение реальности[9]. Поэтому любая коммуникация есть вовлечение в спектакль, который, в свою очередь, может быть представлен через «драматургическую пентаду» – действие, сцена, деятель, средства и цель. Для Берка очень важна именно риторическая составляющая коммуникации – она прежде всего предполагает «общее поле», здравый смысл, понятый как «чувство социальности»; именно за счет этого и оратор, и слушатели вовлекаются в драму, или разыгрывают спектакль; именно как спектакль и надо понимать социальное взаимодействие (коммуникацию в широком смысле слова). Этот спектакль является «оборудованием для жизни» – за счет этой вовлеченности и происходит понимание или изменение истории. Мы либо принимаем этот спектакль, и тогда имеет место идентификация убеждающего с группой, в т.ч. готовность воспроизводить ряд действий, либо отклоняем – и тогда осуществляется поиск иной, приемлемой, в буквальном смысле слова, реальности. Современные исследования часто описывают политические спектакли прошлого – в частности, во время борьбы за папский престол Иннокентия II и Анаклета II в XII в. и правления «короля-солнце» Людовика XIV[10].

[8] Фливберг 2004: 16.
[9] Burke 1935: 70.
[10] Fischer-Lichte 2000: 10; Burke 1993: 158.

Х. Уайт формулирует понятие «стиль» в классической для постмодернизма работе «Метаистория» (1973 г.), где он выявляет четыре «стиля» историков XIX века. Он показывает, что на самом деле в исторических штудиях нас интересует не только и не столько происходившее, сколько «родство» взглядов на устройство и динамику общества.

Поскольку историк вынужден как минимум отбирать (ставшие ему известными) события, выстраивать их связи, то «историческое знание – это всегда знание второго порядка, то есть оно основано на гипотетических конструкциях возможных объектов исследования, требующих толкования с помощью процессов воображения, имеющих больше общего с “литературой”, чем с какой-либо наукой»[11]. Даже если историк полагает, что он ведет рассказ о том, что было «в действительности», на самом деле он лишь особым образом конструирует конкретный мир. «Объективности» событий противопоставляется конструктивность фактов и их связи. Поэтому предметом изучения должна быть логика этого конструирования – «метаистория», благодаря которой историк может представить нам некоторую последовательность событий в их связи – и тем самым истории придается «понятность».

Уайт различает пять моментов конструирования истории: хроника, история, тип построения сюжета (*emplotment*), тип доказательства (*argument*), идеологический подтекст (*ideological implication*). Хроника – «простое» перечисление событий (здесь происходит разделение важного / неважного для историка), она превращается в историю, когда выстраивается цепочка событий. Далее, анализируя историографию XIX в., Уайт сосредотачивается на трех последних составляющих.

Прежде всего, историк обладает специфическим представлением о самом устройстве общества, события жизни которого он представляет. Опираясь на идею «мировых гипотез» Берка, Уайт выделил 4 основные интуитивно ясные «философии общества» в XIX в. – органицизм, формизм, механицизм, контекстуализм. Для первой общество представляется целостным организмом, существующим во времени; это понимание единства и преемственности в существовании общества и заставляет его рассматривать «синтетически». Для формизма, напротив, кон-кретное общество – лишь специфическая, хотя и целостная конфигурация. Внимание историков, исповедующих формизм (Уайт причисляет к формистам, например, Ж. Мишле и Т. Карлейля), будет направлено на описание целостности и специфичности данного конкретного общества – вспомним, что Ж. Мишле ввел понятие «эпоха Возрождения». Задача историка выполнена, если «идентифицирован данный набор объектов, определены его класс, общие и специфические атрибуты и ему придано наименование, удостоверяющее его специфичность»[12]. Механицизм и контекстуализм, в свою очередь, обсуждают уже не «внутреннюю» ло-

[11] Уайт 2002: 12.
[12] Там же: 33.

гику, а наличие выходящих за рамки конкретного общества закономерностей, управляющих развитием и сменой обществ; представители механицизма утверждают их объективность (механицистом, по Уайту, будет, к примеру, К. Маркс и А. де Токвиль; само сближение марксизма и позитивизма в отношении закономерностей довольно интересно); контекстуалисты же предполагают, что именно контекст, т.е. возникающее в определенных обстоятельствах наложение друг на друга различных факторов, приводит к уникальным, но устойчивым конфигурациям (к формистам будут отнесены, например, Я. Буркхард и Б. Кроче).

Кроме того, у историка есть представления и о социальной динамике. Описывая типы такого представления у историков XIX века, Уайт опирается на исследования идеологии К. Маннгейма, но из классификации выбирает только четыре типа: консерватизм, либерализм, анархизм и радикализм. Наконец, существенным является также способ компоновки сюжета. Здесь Уайт опирается на идеи канадского литературоведа Н. Фрая, считающего, что за основу в XIX в. берется пара «герой–обстоятельства жизни», и, соответственно, выделяет четыре типа взаимоотношений: в романе, герой борется с обстоятельствами и выходит победителем, в сатирическом произведении – та же победа оборачивается бессмыслицей, в трагедии герой не побеждает, но «сквозь» события его жизни проступают глобальные истины, в то время как в рамках комедии все проблемы в жизни героя при его достаточно «нелепых» действиях неожиданно самим ходом обстоятельств разрешаются в его пользу.

Комбинация трех компонентов (устройство общества – социальная динамика – роль и смысл действия) составляет «стиль» историка. Уайт выделил несколько часто встречающихся комбинаций. Например, консервативному взгляду на изменения обычно соответствует органицизм как «мировая гипотеза» и выстраивание сюжета как «комедии» по классификации Фрая. Типологически в основе этого стиля – такой троп как синекдоха. Заметим, что, гипотеза Уайта подтверждается многими примерами, в частности, даже название работы ведущих отечественных исследователей консерватизма – «Хранители России» – является синекдохой[13]. Радикализм обычно коррелирует с механицизмом и прибегает к трагедийному повествованию; он тяготеет к метонимии (способу «препарирования» жизни, связывания частного и общего). То, что нам кажется ошибкой в радикальной пропаганде – мгновенный переход от одного конкретного случая к глобальному обобщению – на самом деле неизбежная стилистика радикализма. Анархизм, требующий «иного общества», тяготеет к формизму и разворачивает роман; базовым тропом будет метафора (ироничным примером могли бы служить названия повестей Б. Савинкова). Либерализм приобретает доказательность за счет контекстуализма и любит сатирическое повествование; ирония будет той риторической фигурой, к которой он тяготеет.

[13] См.: Хранители России 2018.

Последовательность фактов, согласно Х. Уайту, организуется историком тем или иным образом в соответствии с его «стилем». В своей последней прижизненно изданной книге «Практическое прошлое» он заметил, что «историческое прошлое» существует только как конструкт, и поэтому оно не может «указать, как действовать в настоящем или предвидеть будущее»; «практическое прошлое» – это «прошлое вытесненной памяти, мечты и желания в такой же мере, в какой оно есть также прошлое, необходимое для принятия решения, стратегии и тактики жизни, личной и совместной»[14]. Здесь стиль будет выполнять роль «конструктора» действительности и помогать в «собирании–осознании» себя и происходящего вокруг, в конструировании определенной реальности. Поэтому не случайно «стильность», как способ вовлеченности в понимание, «включение» в ту же реальность, в настоящее время становится центральной в оценке предметов, явлений, людей и т.д. Именно через признание стиля мы выражаем ощущение согласованности представляемой нам реальности и признание наличия определенной «логичности» в ней. Однако при этом мы оцениваем не «содержание», не результат работы этой логики, а просто солидаризуемся с ней и ее основаниями.

Для Ф. Анкерсмита значима политика вне факта (что вполне согласуется с Уайтом) и вне ценности. При этом под ценностью он понимает абстрактные ценности индивида и свободы, как они, например, представлены у Дж. Роулза, задавшего «систему координат» современным политическим дискуссиям. В этом смысле «политика не представляет собой раздел этики, она – нечто иное и существенно большее»[15]. Она – именно обсуждение опыта; устойчивые понятия выполняют роль каркаса, строительных лесов, «используя» которые мы можем пережить то, что заставило говорить данного мыслителя; именно за счет понимания «сцены» мы можем его понять. В основе же единства сцен – единство опыта, разделяемое всеми, включающимися в данную игру.

«Стилевой» анализ политики представляется весьма перспективным; он позволяет описать «собирание» субъекта в ситуации все дальше идущего фрагментирования. Однако идеи Анкерсмита не всегда подтверждаются на практике. Так, анализируя события 1980-х гг., он заметил, что «стиль» М. Горбачева отличался от стиля его предшественников. С точки зрения Анкерсмита, Горбачев был «приличным человеком» и уважал ту общность, к которой принадлежал. Это сделало его уязвимым среди носителей другого стиля. «…Если вернуться к Горбачеву, то не «гласность» и «перестройка» означали конец советского коммунизма, а политическое приличие этого человека, то есть его мудрость, проявившаяся в признании бессмысленности благополучно пережить шторм, который он невольно вызвал, стремясь устранить его причины. Горбачев имел приличие не начинать с уничтожения своих оппонентов в тра-

[14] White 2014: 9.
[15] Анкерсмит 2014: 25.

диционном советском духе, поскольку у него достало мудрости понять, что прямая конфронтация с реалиями российского общества была бы катастрофой и для него самого, и для народа»[16]. «Здравый смысл» жителей России точно будет возмущен такой интерпретацией деятельности Горбачева, отношение к этой фигуре у подавляющего большинства россиян другое. Отметим, что такое суждение о происходящем Анкерсмит выносит, исследуя современные ему политические реалии и руководствуясь своей методологией стилистического анализа. Между тем, здравый смысл, чувство общности должны были бы удержать от невзвешенного суждения и дать воспроизвести общезначимое и консенсусное. Этого не происходит, и не происходит из-за простой ошибки Анкерсмита, корень которой – игнорирование исторической размерности. Здравый смысл был «работающим» именно в рамках домодерного общества, когда строй жизни был более-менее единообразным, и опыт, соответственно, тоже. Сейчас ни строй жизни, ни базирующийся на нем опыт таковым не является. Единство опыта в лучшем случае возможно в духе Ю. Хабермаса: жизненный мир как дорефлексивные очевидности, требующие согласия действовать сообща большинства живущих именно в этих условиях людей. Буквальное же применение «здравого смысла» требует как раз знания реалий жизни другой страны, а не очищенного от всего «обыденного опыта» и, тем самым, поневоле подхода с точки зрения общечеловеческих ценностей (когда Анкерсмит при трактовке личности Горбачева аттестует его милейшим человеком и гуманистом на основе переноса абстрактного смоделированного простейшего опыта взаимодействия). Анкерсмит здесь противоречит сам себе.

В заключение отметим, что и подход здравого смысла как обучение на примерах, и «стилистическое» восприятие имеют право на существование. Популярность «школы реальных социальных наук» растет; что же касается идей драматической «пентады» и «стиля», то, несмотря на спорность конструкции Уайта и неудачу Анкерсмита при практическом применении данного понятия, «стилевое» понимание политики успешно используется[17].

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Александер Дж. Смыслы социальной жизни: культурсоциология / Пер. с англ. Г.К. Ольховикова. М.: «Праксис», 2013. 630 с. [Aleksander Dzh. Smysly social'noj zhizni: kul'tursociologija / Per. S ang. G.K. Olchovikova. M.: «Praksis», 2013. 630 s.].

Анкерсмит Ф. Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности / Пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Изд. дом ВШЭ, 2014. 432 с. [Ankersmit F. Esteticheskaja politika. Politicheskaja filosofija po tu storonu fakta i cennosti / Per. S angl. D. Kralechkina. M.: Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2014. 432 s.].

Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Сочинения Т. 4 / Пер. с древнегреч.; общ. ред. А.И. Доватура. М.: Мысль, 1984. 830 с. [Aristotel'. Nikomahova jetika // Aristotel'. Sochinenija. T. 4 / Per. s drevnegrech.; obshh. red. A.I. Dovatura. M.: Mysl', 1984. 830 s.].

[16] Там же: 24.

[17] См., например, Martin-Algarra 2003: 115–124; Александер 2013.

Артамонова Ю.Д. Фигура автора и понимание политического текста // Вестник МГОУ. 2016. № 4, с. 1-8 [Artamonova Ju.D. Figura avtora i ponimanie politicheskogo teksta // Vestnik Moskovskogo gos.udarstvennogo oblastnogo universiteta, 2016, № 4, s. 1–8.].
Бицилли П.М. Элементы средневековой культуры. СПб.: МИФРИЛ, 1995. 244 с. [Bicilli P.M. Elementy srednevekovoy kul'tury. SPb: MIFRIL, 1995. 244 p.].
Гадамер Х.-Г. Истина и метод / Пер. с нем., общ. ред. Б.Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704 с. [Gadamer Kh.-G. Istina i metod / Per. s nem., obshch. red. B.N. Bessonova. M.: Progress, 1988. 704 s.].
Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX в. / Пер. с англ. под ред. Е.Г. Трубиной и В.В. Харитонова. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2002. 527 с. [White H. Metaistorija: Istoricheskoe voobrazhenie v Evrope XIX v. / Per. S angl. pod red. E.G.Trubinoi I V.V. Kharitonova. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo un-ta, 2002. 527 s.].
Фливберг Б. Кейс-стади в контексте качественно-количественной проблематики / Пер. с англ. Н.В. Романовского // Социологические исследования, 2004, № 9. https: // www.isras.ru/files/File/Socis/2004-09/flivberg.pdf [Flivberg B. Kejs-stadi v kontekste kachestvenno-kolichestvennoj problematiki // Sociologicheskie issledovanija, 2004, № 9. https://www.isras.ru/files/File/Socis/2004-09/flivberg.pdf].
Хранители России. Антология. Т. 6. Крестьянское дело. 1840-е – нач. 1860-х гг. / Под ред. С.В. Перевезенцева, А.А. Ширинянца, А.С. Абрамян, Д.А. Ананьев, К.А. Горшкова. М.: ООО Новые решения, 2018. 1174 с. [Hraniteli Rossii. Antologija. T. 6. Krest'jan-skoe delo. 1840-e – nachalo 1860-h gg. / Pod red. S.V. Perevezenceva, A.A. Shirinjanca, A.S. Abramjan, D.A. Anan'ev, K.A. Gorshkova. M.: OOO Novye reshenija, 2018. 1174 s.].
Burke K. Language as Symbolic Action: Essays on Life, Literature, and Method. Berkeley: University of California Press, 1966. 514 p.
Burke K. Permanence and Change. N.-Y.: New Republic, Inc., 1935. 351 p.
Burke P. Ludwig XIV. Die Inszenierung des Sonnenkönigs. Berlin: Wagenbach, 1993. 278 s.
Fischer-Lichte E. Theatralitat und Inszenierung // Fischer-Lichte E. (Hg.) Inszenierung von Theatralitat. Tubingen: Francke, 2000. S. 11-23. https://doi.org/10.1007/978-3-322-89797-8_3
Martin-Algarra M. Teoría de la comunicación: una propuesta. Madrid: Tecnos, 2003. 179 p.
Real social science: applied phronesis / Bent Flyvbjerg, Todd Landman, Sanford Schram. Cambridge: Cambridge University Press. 2012. 308 p.
Schram S. F., Caterino B. (eds.) Making Political Science Matter. N.Y.: Univ. Press, 2006. 304 p.
White H. The Practical Past. Evanston, IL: Northwestern University Press, 2014. 158 p.

Артамонова Юлия Дмитриевна, *кандидат философских наук, доцент, кафедра истории и теории политики, факультет политологии, МГУ им. М.В. Ломоносова; juliaartamonova@yahoo.com*

The return of “sensus communis" in modern strategies of socio-humanitarian research

In modern research, the key concepts of “author”, “text and context”, and “sign” are problematized (including their historical dimension); a number of strategies (first of all, B. Flyvbjerg and the school of “realistic social sciences”, H. White, and F. Ankersmit) offer new readings of the “common sense” strategy that dates back to Aristotle, and are quite productive. They will be presented and analyzed in the article.

Keywords: *sensus communis (common sense), “real social science", research style, historian's taste.*

Yulia Artamonova, *PhD. in Philosophy, associate professor of Department of History and Theory of Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University; juliaartamonova@yahoo.com*

С. С. Царегородцев

«ВСЯКОЕ ИСКУССТВО ЕСТЬ ПОДРАЖАНИЕ ПРИРОДЕ»: ИСТОРИЯ ИДЕИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В статье, на примере крылатого латинского выражения «Omnis ars imitatio est naturae», показана историческая преемственность идей античного Рима и Европы эпохи Возрождения. Мысли Сенеки (младшего) о том, что человеческое счастье заключается не в материальных благах, а в том, чтобы жить сообразно с законами природы, нашли продолжение в трудах Марка Аврелия, который считал, что всякое искусство, лучшие образцы человеческого творчества являются, по сути, отражением подлинной природы вещей, подражают природе, максимально возможно сообразуясь с ее законами. Опираясь на эту идею, Ф. Бэкон описал ее в качестве правила, которым нужно руководствоваться в практической, политической деятельности. В статье раскрывается рационально-инструментальный смысл этого правила и его актуальность.

Ключевые слова: *история мысли, политика, идеология, мировоззрение, социально-политические идеи.*

Крупнейший римский философ, писатель и государственный деятель Луций Анней Сенека (ок. 4 до н.э. − 65 гг.) в одном из своих «нравственных писем к Луцилию» начинает разговор «о первопричине мироздания» с того, что первопричина всего, что нас окружает – «деятельный разум», который «ворочая материю» и, изменяя ее форму, «лепит всяческие предметы». Этот разум «расщепляя» природу, изучая и воспроизводя ее отдельные элементы, хочет доискаться до ответов: в чем начало всех вещей? Кто создатель этого мира? По какой причине наш громадный мир обрел закон и порядок? Видимо поэтому «любое искусство подражает природе, − заключает Сенека, − так что сказанное мною можешь приложить ко всем делам рук человеческих»[1]. Главным направлением поиска для Сенеки является «решение проблем практической философии, проблем выбора и обоснования жизненного поведения людей»[2], поэтому он и пытается заложить принцип «подражания природе» в основание определенной нормы морали, некой привлекательной модели нравственного поведения: «Не надо тратить время на пустяки, они ни одной из страстей не уймут, ни от одного из вожделений не избавят. …Для меня важнее те занятия, которые утешают душу, поэтому я сначала исследую себя, а потом вселенную. …Я не так мал и не ради такой малости рожден, чтобы быть только рабом своему телу»[3].

[1] Сенека 1986: 122, 125.
[2] Ошеров 1986: 5.
[3] Сенека 1986: 124, 125.

Через столетие к принципу «подражания природе» обратился император Марк Аврелий Антонин (121–180 гг.). Этот «философ на троне» полагал, что всякое искусство, лучшие образцы человеческого творчества являются, по сути, отражением подлинной природы вещей, подражают природе, максимально возможно сообразуясь с ее законами. «“Искусства выше всякое природное” – оттого искусства и подражают природам, – отмечал Марк Аврелий в своих «Размышлениях». – А если так, то уж совершеннейшая и самая многообъемлющая из природ не уступит, думается хотя бы и самой искусной изобретательности»[4].

Наконец, в начале XVII века выдающийся английский ученый и государственный деятель Фрэнсис Бэкон (1561–1626), описывая искусство успешного человеческого поведения в обществе, вновь заговорил о правиле (действии ограниченном рамками принципа), которое предписывает людям подражать природе[5].

Обращает внимание, что жизнь этих, без сомнения, выдающихся мыслителей, в значительной мере была заполнена политической деятельностью, оперативным и стратегическим государственным управлением высшего уровня, которое неизбежно накладывает ограничения на поведение любого человека, ставит его в определенные жесткие рамки. Постоянный цейтнот, большой объем и масштаб решаемых задач, вынуждают деятеля, находящегося на высоком административном посту, заниматься только самыми важными и неотложными делами. Поэтому внимание всех троих к принципу или правилу «подражания природе», конечно, не случайно. Речь, в данном случае, идет о действенном инструменте познания и преобразования окружающего социального мира, который даже сегодня не утратил ни грана своей актуальности и может быть использован с большим успехом.

Примером, подтверждающим непреходящую значимость этого правила, может служить его применение для исследования современного духовного, социального и политического мира, в частности для оценки различных концептуально оформленных представлений и идей, например, коммунистической идеологии[6]. На протяжении семи десятилетий XX века население нашей страны испытывало воздействие коммунистических идей, и, несмотря на то, что этот социальный эксперимент тридцать лет назад закончился крахом, до настоящего времени его результаты не только обычными людьми, но и экспертами оцениваются неоднозначно. Определенное число граждан, политических деятелей и ученых, представляющих Россию и постсоветские страны даже сейчас считает, что потенциал «левых» идей не исчерпан, что у левого движения – социалистических, коммунистических партий и движений, стоя-

[4] Марк 1993: 12, 62.
[5] См.: Бэкон 1977: 467.
[6] См.: Гуторов 2018: 9-15.

щих на основах «научного» марксизма, есть перспектива осуществления социалистических преобразований общества, они до сих пор живут надеждой, что идеи социальной справедливости в их марксистской интерпретации когда-нибудь будут реализованы[7].

Такое положение вещей свидетельствует, прежде всего о том, что российским научным экспертным сообществом до настоящего времени не сформирован не только реальный, но и идеальный предмет стремления, на который должен быть направлен процесс социального развития. В экспертном сообществе (которое в этом отношении является калькой общества), нет не только конвенции по поводу идеала, отсутствует четкое понимание цели движения, размыт образ предвосхищаемого результата, но и, соответственно, отсутствуют точные критерии оценок: что правильно, а что нет, что хорошо, а что плохо?[8].

Между тем, уже мыслители прошлого предоставили в распоряжение человечества точно выверенное лекало, надежный шаблон, сравнение с которым позволяет уверенно делать выводы о достоинствах и недостатках различных идеологических концепций. Ведь, с одной стороны, любой идейный концепт представляет собой искусство – творение человеческих рук, с другой, в какой-то мере, является отражением мировоззрения одного или нескольких авторов и направлен на то, чтобы формировать мировоззрение большого количества людей, выполнять роль матрицы для массового производства стереотипов человеческого мышления, т.е. непосредственно связан с природой человека. Таким шаблоном или лекалом, с которым можно сравнить тот или иной идейный концепт, служат научные представления о природе человека. Сравнивая их, можно делать достоверные суждения о том, насколько одно соответствует другому. Конечно, такой подход не решает всех проблем науки, например, не дает всестороннего представления о цели общественного развития, зато хорошо высвечивает органические, врожденные недостатки идеологических концепций и, как следствие, позволяет обходить стороной тупики и экономить время и человеческие ресурсы.

Понятно, что, говоря о природе человека, в первую очередь следует обращать внимание на те признаки, которые в равной мере присущи всем людям. Пытаясь раскрыть это всеобщее, тот же Ф. Бэкон, в сочинении «О достоинстве и приумножении наук», указывает на двойственность человеческой натуры, на дихотомию индивидуального и социального: «Каждому предмету внутренне присуще стремление к двум проявлениям природы блага: к тому, которое делает вещь цельным в самой себе, и тому, которое делает вещь частью какого-то большего целого. … Мы назовем первое индивидуальным, или личным благом, второе – общественным благом». Бэкон ставит задачу обосновать преобладающую

[7] См.: Царегородцев 2018: 66-67.
[8] См.: Ширинянц 2014: 167.

роль социального блага: «Сохранение более общей формы почти всегда подчиняет себе менее значительные стремления. Эта преобладающая роль общественного блага особенно заметна в человеческих отношениях, если только люди остаются людьми»[9].

Но в нашем контексте более важно именно то, что дихотомия индивидуального и социального и является тем самым признаком, который присущ всем представителям человеческого рода. Каждый человек является кузнецом своего счастья, мастером своей судьбы и одновременно членом человеческого сообщества – сообщества, которому в итоге достаются все победы, триумфы и свершения, все достижения и завоевания, все активы, приобретения и результаты того, что достигает человек в течение своей жизни.

Проявление дихотомии индивидуального и социального в человеческом сознании можно иллюстрировать таким примером: в наше время, как в сфере предпринимательства, так и в государственном аппарате, у значительной части людей сложился комплекс, система мотиваций, в которой безусловный приоритет отдан личным интересам, когда должностное положение и решение любой задачи рассматривается через призму корысти. Причем корыстно мотивированные люди искренне полагают, что единственно действенной человеческой мотивацией является личный интерес, выраженный в некоем материальном эквиваленте. Между тем, в реальной жизни, проживаемой этими же людьми, определяющее воздействие на них оказывают не личные, а именно социальные мотивации, так как, например, большую часть результатов своего труда и своих усилий они тратят на других людей, на семью.

Вернемся к Бэкону. Реконструируя (и интерпретируя) его позицию в вопросе о причинах возникновения дихотомии индивидуального и социального, можно утверждать, что человеческие устремления, желания, страсти и склонности, направленные на различные формы личной самореализации, самосовершенствования и самосохранения сталкиваются с необходимостью продолжения собственного рода[10] и жаждой знаний[11], состоящей в приобретении и умножении своих знаний о действительности[12]. По Бэкону, основную роль в процессе производства, сохранения и распространения знаний играет общество в целом[13], поэтому этот процесс и характеризуется как социальный. Добавим, что неразрешимое противоречие между индивидуальным и социальным не может быть снято каким-то единым установлением или правилом. Эта дихотомия существовала и будет существовать всегда, поэтому представляет-

[9] Бэкон 1977: 389.
[10] Бэкон 1977: 394–395.
[11] Бэкон 1978: 21.
[12] Бэкон 1977: 449–450.
[13] Там же: 199.

ся, что человек должен оценивать происходящее и принимать решение о приоритете того или другого в каждом конкретном случае, в соответствии со сложившейся ситуацией в данном месте и в данное время.

Таким образом, двойственность человеческой природы является существенной характеристикой или признаком, который в полной мере присущ всем людям, а значит, может служить тем самым искомым лекалом, которое можно накладывать на любую идеологическую концепцию, чтобы выяснить, как в ней отражен поиск оптимального соотношения (баланса) индивидуального и общественного блага, к которому стремятся человек и общество на всем протяжении всего существования. Полюсами, точками опоры в этом поиске служат, с одной стороны, индивидуальное начало, выражающееся в стремлении человека к самосовершенствованию, к знаниям, а, с другой - общественное благо, выражающееся в основных общественных приоритетах, обеспечивающих существование человеческого общества: политической стабильности, общественном согласии, безопасности страны и государства, образовании и воспитании подрастающего поколения, здоровье людей.

Нетрудно заметить, что решение проблемы соотношения общего и индивидуального блага существенно отличается как от коммунистических установок, в которых принижается роль индивидуального начала и превалируют общественные обязанности, так и от либеральных идеологических конструкций, где старательно замалчивается существование общих человеческих интересов и превалируют личные права и свободы. Так как индивидуальное начало для либерализма, а социальное для коммунизма являются основанием их идейного фундамента, очевидно, что эти недостатки неустранимы. Наконец, становится очевидным и то, что либерализм и коммунизм являются неразрывной диалектической парой, наглядной демонстрацией одного из принципов диалектики: «борьба и единство противоположностей», поэтому следование любой из этих идеологий обрекает наше общество на бесконечные метания из одной крайности в другую.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Бэкон Ф. Новый Органон // Бэкон Ф. Сочинения: в 2-х тт., Т.2. / сост., общ. ред. и вступ. ст. А.Л. Субботина; пер. Н.А. Федорова, Я.М. Боровского. М.: Мысль, 1978. С. 5–214. (АН СССР, Ин-т философии. Филос. наследие) [Bekon F. Novuj Organon // Bekon F. Sochineniya: v 2-kh tt., T.2. / sost., obshch. red. i vst. st. A.L. Subbotina; per. N.A. Fedorova, Ya.M. Borovskogo. M.: Muisl', 1978. S. 5–214. (AN SSSR, In-t filosofii. Filos. nasledie)].

Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук // Бэкон Ф. Сочинения: в 2-х тт., Т.1. / сост., общ. ред. и вступ. статья А.Л. Субботина; пер. Н.А. Федорова, Я.М. Боровского. М.: Мысль, 1977. С. 81–524. (АН СССР, Ин-т философии. Филос. наследие) [Bekon F. O dostoinstve i priumnozhenii nauk // Bekon F. Sochineniya: v 2-kh tt., T.1. / sost., obshch. red. i vstupitelnaia stat'a A.L. Subbotina; per. N.A. Fedorova, Ya.M. Borovskogo. M.: Muisl', 1977. S. 81–524. (AN SSSR, In-t filosofii. Filos. nasledie)].

Гуторов В.А. Посткоммунизм и некоторые проблемы интерпретации марксистской традиции // Журнал Белорусского гос. ун-та. Философия. Психология. 2018. № 3. С.

9–15. [Gutorov V.A. Postkommunizm i nekotoruie problemui interpritatsii marksistskoj traditsii // Zhurnal Belorusskogo gos. un-ta. Filosofiya. Psikhologiya. 2018. № 3. S. 9–15.].

Марк Аврелий Антонин. Размышления / пер. с лат. и прим. А.К. Гаврилов; подг. изд, статьи и коммент. А.И. Доватур, А.К. Гаврилов и Я. Унт. СПб.: Наука, 1993. 248 с. (Литературные памятники) [Mark Avreli' Antonin Razmuishlenia / per. s lat. i primech. A.K. Gavrilov i Ya. Unt. SPb.: Nauka, 1993. 248 s. (Literaturnuie pamyatniki)].

Ошеров С. Сенека: философ, прозаик, поэт // Сенека Л.-А. Нравственные письма к Луцилию; Трагедии. М.: Худож. Лит., 1986. С. 5–30. (Б-ка античной литературы) [Osherov S. Seneka: filosof, prozaik, poet // Seneka L.-A. Nravstvennuie pis'ma k Lutsiliyu; Tragedii. M.: Hudozh. Lit., 1986. S. 5–30. (Biblioteka antichnoj literaturui)].

Сенека Л.-А. Нравственные письма к Луцилию; Трагедии / пер. с лат. и вступ. статья С. Ошерова; сост. и научн. подгот. текста М. Гаспарова; коммент. С. Ошерова и Е. Рабинович. М.: Худож. Лит., 1986. 543 с. (Б-ка античной литературы) [Seneka L.-A. Nravstvennuie pis'ma k Lutsiliyu; Tragedii / per. s lat. i vstup. stat'ya S. Osherova; sost. i nauchn. podgot. teksta M. Gasparova; comment. S. Osherova i E. Rabinovich. M.: Hudozh. Lit., 1986. 543 s. (Biblioteka antichnoj literaturui)].

Ширинянц А.А. Консерватизм и политические партии в современной России // Тетради по консерватизму: Альманах Фонда ИСЭПИ. № 3. М.: Некоммерческий фонд – Институт социально- экономических и политических исследований (Фонд ИСЭПИ), 2014. С. 166–183. [Shirinyants A.A. Konservatizm i politicheskie partii v sovremennoj Rossii // Tetradi po konservatizmu: Al'manakh Fonda ISEPI. № 3. M.: Nekommercheskij fond – Institut sotsial'no- ekonomicheskikh i politicheskikh issledovanij (Fond ISEPI), 2014. S. 166–183.].

Царегородцев С.С., Ширинянц А.А. В поисках смысла: идеи как фактор политики // Вестник Российской нации. 2018. №1. С. 64–78. [Tsaregorodtsev C.C., Shirinyants A.A. V poiskakh smuisla: idei kak factor politiki // Vestnik Rossiiskoi natsii. 2018. № 1. S. 64–78.].

Царегородцев Сергей Станиславович, *соискатель, кафедра истории социально-политических учений, факультет политологии, МГУ имени М.В. Ломоносова; sergtsar@phoibos.ru*

"All art is an imitation of nature": history of the idea and modernity

The article, setting the aphoristic Latin quotation "Omnis ars imitatio est natūrae" as an example, shows the historical succession of the ideas of ancient Rome and Renaissance Europe. The thoughts of Seneca (junior) that the height of human happiness does not lie in material wealth, but in living in accordance with the laws of nature, found their continuation in the oeuvre of Marcus Aurelius, who believed that all art, the best examples of human creativity were, in essence, a reflection of the true nature of things, imitating nature, as much as possible in accordance with its laws. Based on this idea, the outstanding English scientist and politician F. Bacon described it as a rule that should be guided in practical, political activity. The article reveals the rational and instrumental meaning of this rule and its relevance/

Key words: *history of thought, politics, ideology, worldview, socio-political ideas.*

Sergey Tsaregorodtsev*, the competitor of scientific degree for the Department of the History of Social and Political Doctrines, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University; sergtsar@phoibos.ru*

П.Л. Карабущенко

ЭЛИТОЛОГИЯ ИСТОРИИ В ПОИСКАХ СМЫСЛА ИДЕИ БЛАГА

В статье исследуется категория блага в контексте элитологии истории, которая понимается как средство объяснения роли выдающейся исторической личности во всей совокупности ее профессиональной деятельности и бытовых практик. Обосновывается положение о том, что в наши дни особую актуальность приобретает идея меритократии. Актуализация меритократии означает конец общества потребления, венчающего собой индустриальный этап развития человечества. Меритократия тесно связана с системой образования и производства научных знаний, она и есть синтез культурной, научной и образовательной (профессионально подготовленной) элит.
Ключевые слова: *элитология истории, элита, творчество, благо, ценность, смысл, выдающаяся личность, меритократия*

Вся история человечества есть история поиска и определения блага. Человечеству хочется верить, что в этом поиске оно поэтапно и целенаправленно продвигается по иерархической лестнице блага, к некому абсолюту, и само это продвижение оно именует прогрессом. Благо детерминирует поведение человека (его цели и средства их достижения) на всем протяжении его жизненного пути и всей истории человечества. Однако каждый по-своему понимает, что есть благо для него и остальных. Вследствие этого расхождения и возникают ситуации многочисленных конфликтов, с непредсказуемым результатом.

Что приносит человечеству благо? Согласно Платону, это способность заниматься творчеством[1]. Творчество является источником и залогом успеха и блага. Конечная цель творчества – обретение нового качества блага. Для политической элиты смыслом блага является величие политика, не просто позитивная, а апологетическая оценка его деятельности, тогда как для культурной элиты смысл блага раскрывается в итогах творчества субъекта, создающего новые культурные ценности.

Элитология истории занимается анализом прошлого элит, оценивая «плюсы» и «минусы» их деятельности, вынесением объективного (справедливого) приговора конкретным личностям и их делам, повлиявшим на сам ход истории. В принципе, всю элитологию истории можно свести к анализу сущности блага, ибо именно поиск блага лежит в основе мотивации деятельности всех великих людей. С одной стороны, элитология истории дешифрует секретные коды деятельности политической элиты, с другой – раскрывает культурные константы творчества элиты духа. Её главная цель – показать сущность и многообразие элитности, как главной ценности человеческого бытия. Но разные исторические эпохи давали разную оценку этого качества. Идея блага оставалась неизменной, но наполняемость ее зависела от господствующих в кон-

[1] Платон 1993: 115.

кретную эпоху представлений о хорошем и прекрасном. Выдающиеся личности (деятели культуры) определяли параметры этики и эстетики своего времени. Именно формируемое из них творческое меньшинство всегда отвечало за формирование ответа на вызов своей эпохи[2].

Роль выдающейся личности в истории часто или переоценивалась (преднамеренно и неоправданно возвеличивалась ее сторонниками и апологетами) или недооценивалась (злонамеренно искажалась и принижалась ее критиками и врагами). Великие исторические личности, став примерами успешной профессиональной деятельности и реализации своих жизненных проектов, сникали наибольшее количество земных благ, конвертировав их в свою славу и почет.

Великие люди входят в руководящий состав элит своего времени. Элиты творят историю в меру своего понимания исторических процессов и располагаемых ценностей, главными из которых являются не материальные, а духовные (смыслы). Тот, кто управляет смыслами, контролирует время. Уходящие из жизни представители элит попадают или в забвение, или на страницы истории. Исторические элиты это те, кто победил забвение при помощи памяти. Именно элиты чаще всего определяют параметры блага, присваивая его себе по праву сильного или хитрого. Анализ всей политической истории свидетельствует, что там, где элита, там и максимальная концентрация земных благ.

В типологии блага выделяются истинное благо и благо ложное. Первое реально изменяет человека в лучшую сторону, тогда как второе всего лишь имитирует, выдает желаемое за действительное, фальсифицирует благо. Если первое связано с производством ценностей, то второе с их потреблением; именно в первом обнаруживает себя истинное творчество. Фальсификация тоже требует креативности, но креативности иного рода – умения выдавать ложь за достоверность.

В своих лекциях о Ф. Ницше М. Хайдеггер отмечал, что настоящий мыслитель это тот, кто мыслит какую-то одну мысль, вокруг которой и крутится всё сущее[3]. В нашем случае это – категория блага, одним из элементов которой является понятие элита /элитное. Именно всесторонним исследованием этого качества и занимается элитология.

Элитология истории и интеллектуальная история

В истории людей важнейшее место отводится истории их идей. Еще Платон отмечал, что Мир Идей ведет человека в мир прекрасного, раскрывая ему смысл идеального, то, к чему человек должен стремиться в своей жизни. Сами идеи открыты лишь понимающему уму, который является возвышенной частью души. Прекрасное и Идеальное не зависят от вкусовых предпочтений. Идеи доступны лишь наиболее возвышенной части души – понимающему уму. Но полноценная интеллектуальная жизнь возможна только как самостоятельный акт творчества.

[2] См.: Тойнби 2001: 333-339.
[3] См.: Хайдеггер 2006: 410.

Интеллектуальная история претендует на постижение «тайны творчества» (Н.А. Бердяев), которая заключается в том, что творческий процесс всегда уникален и неповторим: «те, кто отрицают возможность творчества из ничего, те неизбежно должны поместить творчество в детерминированный ряд и тем самым отвергнуть свободу творчества»[4]. Таким образом, у элитологии истории и интеллектуальной истории общие цели и задачи. В определении роли выдающейся личности в истории развития идей и смыслов они практически составляют единое целое. «Талант поэта, художника, ученого – это высший уровень развития интеллекта. Интеллектуальная история вторгается в споры психологов по поводу причин и проявлений интеллектуальной одаренности личности. Историку не безразлично, является ли интеллект даром природы или продуктом социализации». Исследователи признают: «один из смыслов интеллектуальной истории связан с анализом механизма принятия решений историческими субъектами. В сущности, все, что происходило в истории, было реализацией тех или иных решений политических, духовных, социальных лидеров. По последствиям этих действий историки судят о гениальности или бездарности человека, принявшего решение, приведшее к позитивным или негативным результатам. Принятие решений – это особая форма интеллектуальной деятельности»[5]. История идей напрямую выводит нас к теме творчества выдающейся личности. Элитность в истории проявляется силой духа, а закрепляется искусством интеллекта выносить за скобки истории все лишнее и второстепенное, оставляя только самое ценное и важное.

В христианской традиции принято различать блага преходящие (земные) и блага вечные (истинные). Политическая элита чаще всего обладала избыточно первым благом, тогда как культурная элита испытывала его дефицит. Интеллект не передавался по наследству, а взращивался в ходе тщательного самообразования личности. Но социальная элита хотела бы получать интеллектуальное превосходство вместе с наследуемыми правами на земные богатства и привилегии. Такие элиты готовы на любые ухищрения, лишь бы доказать или показать то, что они достойны своих великих предков. И когда у них этого не получалось, они шли на откровенную фальсификацию своего элитного статуса.

Особенности элитогенеза в конкретном случае можно проследить на примере отдельно взятой личности. Существенной проблемой является верификация имеющихся биографических фактов, которые весьма часто подвергаются фальсификации. История является ареной борьбы мнений и ценностей, научных идей, идеологических и политических интересов. Борьба эта усиливается, по мере того, как историческая наука подпадает под контроль конкретной политической идеологии, продвигающей свое понимание категории «блага».

---

[4] Бердяев 2002: 130.
[5] Лаптева 2018: 76, 78.

Благо как категория философии избранности

История развития идеи блага показывает, какими путями шло становление идеала совершенства и как это качество раскрывалось в конкретной исторической личности, относимой к элите. Историческая элитология дает развернутый анализ субъекта элиты, оставившей заметный след в культуре и политике прошлого. Источником блага является творчество, и те, кто принес человечеству наивысшие блага, считаются культурной (творческой) элитой. *Ключевым моментом в диагностике качества элиты является не то, насколько она на самом деле соответствует принципам избранности и лучшего, а то, какого качества блага она приносит обществу и всему человечеству в целом*.

Благо является центральной категорией элитологии. Элитология исповедует комплексный подход в изучении феномена элиты и элитности[6], причем саму элиту она воспринимает как форму, а элитность – как ее содержание. Концепты элиты и элитности начали создаваться в древнегреческой философской традиции, а затем нашли продолжение в римской и европейской преимущественно политической философии. Поэтому к классическим элитологическим концепциям мы относим не только классические теории элит (В. Парето, Г. Моска, Р. Михельс), но и те исторические традиции, на которых эти теории были основаны (Пифагор, Гераклит, Платон, Сенека, Макиавелли, Ницше, Бердяев).

В определении сущности блага решающую роль играет правильный выбор цели (и средств ее достижения), путем установления заложенных в ней ценностей. Это можно выразить формулой: *цель (+ средства) + ценности = благо*. Сложность выбора цели зависит не только от точно определенных ценностей, но и от свободы воли самого человека. Великие люди – это те, кто способен максимально использовать свою свободу воли в достижении правильно выбранной цели. Совпадение этих двух величин и приводит их к успеху. Но в оценке качества элиты существует еще одна шкала измерений – этическая оценка деятельности элиты. Для антропологической элитологии – это наивысшая система оценки субъекта элиты, тогда как для политической элитологии – всего лишь дополнительная второстепенная подробность.

Сама по себе элита уже должна представлять некую ценность, поскольку обладает явными признаками превосходства над другими (избранность, могущество, высшие иерархические позиции и т.д.)[7]. Но на практике идея элиты и реальные элиты часто не совпадают или даже напротив – реальная элита самим фактом своего существования противоречит и нарушает все законы элитологии. Политическая история элит свидетельствует о фальсификации ими своей элитной сущности, проистекающей из фатального несовпадения формы (элитарного статуса) и содержания (элитного персонального достоинства).

---

[6] См.: Ашин 2010: 440-444.

[7] См.: Карабущенко 2016: 54.

Элитология истории в поисках смысла творчества выдающейся личности

Главное благо для личности – возможность реализовать в полном объеме свои достоинства. Но сделать это можно только посредством творчества, которое гарантируется свободой нашего духа. Творчество есть подлинная свобода, ограниченная только законами природы, с одной стороны, и требованиями разума, с другой. Творчество понимается, прежде всего, как сотворение нового блага, новой ценности. Творчество есть преобразование духа, поэтапное возведение его по ступеням совершенства. Смысл творчества заключается в поэтапном становлении творящей новые ценности и себя личности. Личность постоянно подвергается испытанию моралью, ей постоянно надо доказывать, что она самодостаточна и сама отвечает за свою свободу. Сила личности возрастает по мере роста в ней творчества и убывает с прекращением в ней творческих преобразований духа. Политики столь часто отказываются от моральных оценок своей деятельности, потому что чувствуют, что в структуре их личности существуют серьезные моральные проблемы. Личность формируется культурой и разлагается политикой. Жизнь общества до выдающейся исторической личности и после нее существенно отличается вследствие того, какое благо или какой вред она принесла. Гениальные личности – аномалии истории. Они словно из ниоткуда появляются и редко (практически никогда) передают свои дарования потомству. В отличие от элитологии культуры, которая занимается расшифровкой внутренних кодов творчества великой личности, элитология истории исследует оказанное ими влияние на ход исторических процессов.

По нашему ощущению, понятие «личности» все-таки появилось задолго до Возрождения. Еще в Античности выдающиеся умы этой эпохи жили с ощущением присутствия личности в себе и в наиболее великих своих современниках. Так Л.И. Шестов, ссылаясь на Плотина, который, рассуждая о Сократе, «не захотел топить его в общем понятии человека», делает при этом вывод, что «без живого Сократа философии никак не обойтись»[8]. Именно яркая, самобытная личность Сократа и выделяет его на фоне унылой серости афинских граждан, осудивших его за «разврат молодежи». Личность молодого Платона тогда еще не совсем себя проявила, и он не решился встать рядом со своим учителем.

Ф. Ницше считал, что «критерий истины лежит в повышении чувства могущества» и добавлял: «творить – значит выбирать и сообщать законченную форму избранному»[9]. Философ имел здесь в виду элитность. Из истории культурной элиты мы знаем, как часто гении могли свой недостаток или недуг обернуть во благо своего творчества. Они разрабатывали свои особые «механизмы» восприятия действительности и свои специфические методы творчества. Таков был Л. Бетховен, ко-

[8] Шестов 1993: 224.
[9] Ницше 1994: 248, 309.

торый научился «слышать» музыку, не имея для этого физической возможности. Борясь со своим недугом, они достигали вершин творчества, концентрируя все свои силы на достижения поставленной ими цели.

Главная цель профессиональной деятельности элит – достижение успеха и оставления своего следа в истории. По существу, элиты заняты тем, что создают тексты, главным образом тексты о себе. Когда реальность расходилась с их идеальными представлениями, элиты без зазрения совести прибегали к фальсификации. Увлеченные достижением своих целей, политические элиты могут выйти за рамки науки и тем самым дискредитировать себя фальсификацией[10].

Полнота славы политической элиты зависит от того, насколько успешно ее деяния опишут интеллектуальные элиты. Все великие правители прошлого требовали, чтобы о них были составлены великие труды, восхваляющие их деяния. В европейской традиции было принято приписывать те или иные исторические дела к конкретной исторической личности, объявляя ее «Великой». возникает законный вопрос: насколько мы можем доверять сегодня этой апологии?

Когда разум начинает вторгаться в исторический текст, его начинают шлифовать и придавать ему некий смысл, якобы скрывавшийся в самом историческом процессе. К.Н. Батюшков в письме Н.И. Гнедичу признавался в невозможности читать русскую историю «хладнокровно, то есть с рассуждением»[11]. Там, где заканчиваются документы, начинается идеология в виде политической мифологии.

Хронотоп элит

Пробивая себе место в истории, элиты пытаются установить свой контроль над временем. В повседневной реальности политические элиты контролируют конкретное пространство своего времени. Над будущим они не властны, если исповедуемые ими идеи не выходят за границы их хронотопа. Не передавшие преемникам актуального блага и базовых ценностей, элиты бесследно уходят в прошлое. Выражаясь языком Ж. Дерриды, история есть онтология уходящих от нас «следов», вскрывающих действительное отношение «одного живого существа к другому существу»[12]. На основе анализа культуры и языка элиты можно составить портрет любой эпохи. И смысл каждой идеи должен измеряться в соответствии с традицией трактовки смысла конкретной исторической эпохи[13]. У каждой элиты имеется свой хронотоп[14], свой характерный

[10] Вульгаризация и фальсификация всякой теории, по мнению А.Я. Гуревича, наступает там и тогда, где и когда в идеологических целях власти начинают выводить идеи данной теории за пределы науки, делая их «предметом веры и компонентом принудительной идеологии тоталитарного строя» (Гуревич 1990: 36).

[11] Батюшков 1988: 290.

[12] Деррида 2000: 420.

[13] См.: Луман 2004: 53.

[14] Известно, что хронотоп представляет собой закономерную связь пространственно-временных координат. Когда А.А. Ухтомский вводил этот термин в контексте своих

для ее времени набор ценностей и смыслов. «История – летопись изменений, напоминание о том, что всему наступает конец. Но она же подсказывает, что некоторым вещам дарован долгий век, а их исчезновение отнюдь не означает возрождения предшествовавших реальностей»[15].

«Закат» одних элит и «восход» других – самое яркое событие смены хронотопа. В отношениях со временем у элит постоянно возникают три ситуации: они или оказываются за углом истории (забвение), или загоняют себя в угол истории (неудачники), или же находятся на вершине угла (успех). В последних двух случаях они остаются в исторической памяти (но с разными знаками: «+» или «-»), в первом – исчезают из нее навсегда. Все зависит от оценки результатов их деятельности. Первые оказались в забвении потому, что ничего ценного сделать не смогли; вторые делали, но достигли отрицательного результата, и лишь последним удалось в полной мере реализовать заложенный во всех трех типах элитный потенциал. Они и передали свой исторический код последующим поколениям элит. Вопрос о наследии прошлого для элит носит принципиально важный характер: их реальное положение во многом зависит от того, наследниками чего и кого они являются.

И.М. Ильинский в трактовке Прошлого, Настоящего и Будущего отмечал: «то, что окружает тебя, это – Прошлое, некогда бывшее Будущим и Настоящим»[16]. Прошлое одних элит является настоящим для других. Для элит (особенно научных) время само по себе уже является ценностью, определяющей характер приносимого им блага. Для политических элит их время – это бремя власти.

Политические ценности отражают базовые представления человека о благе в политике: власть, могущество, господство, иерархия, избранность… Все эти ценности и складываются в единое понимание блага. Борьба внутри самих политических элит идет за власть, которая понимается ими как высшая ценность. Победа над противником считается высшим видом блага для такой элиты.

Если для политических элит власть и достижения наивысшего могущества является пределом желаний, то для культурной или научной

исследований, то исходил из того, что гетерохрония есть условие возможной гармонии. По его мнению, в контексте человеческого восприятия «существуют уже не отвлеченные точки, но живые и неизгладимые из бытия события» (Ухтомский 2002: 342, 347). В значительной мере «хронотоп как формально-содержательная категория определяет и образ человека.., [который] всегда существенно хронотопичен» (Бахтин 1975: 253). Описывая ноосферу, В.И. Вернадский характеризовал ее единым пространством-временем, связанным с духовным измерением жизни. В отличие от психологического восприятия пространства и времени, хронотоп подразумевает одновременно духовную и материальную реальность, в центре которой находится человек (Вернадский 1991: 170). А.Я. Гуревич указывал на особенности восприятия человеком исторического времени, которое для него или стремительно бежит, или же стоит на месте (Гуревич 1984: 39).

[15] Бжезинский 2005: 15.

[16] Ильинский 2011: 809.

элиты политические идеалы сводятся к тому, чтобы власть поддерживала их проекты и не ограничивала свободу творчества.

В свете этого особую актуальность приобретает идея меритократии. Актуализация меритократии означает конец общества потребления, венчающего собой индустриальный этап развития человечества. Предложенное англосаксами материальное безумство – обогащение ради потребления и потребление ради обогащения – стимулирует капиталистический способ массового производства. Совершенно иной сценарий событий предлагает меритократический подход. Элита знаний (меритократия) качественно отличается своим образом жизни от элиты крови (аристократии) и элиты богатства (олигархии). Вокруг себя она создает принципиально новое информационно-культурное пространство, изменяя под новые постиндустриальные ценности социальную структуру (нормы) жизни. Высокие технологии стимулируют не только развитие новых научных направлений, но и активизируют новые потребности, новый образ жизни. В прямую обязанность меритократии входит переоценка ценностей индустриального общества, и на основе этого – выработка новых стандартов, влияющих на качество жизни.

Меритократия тесно связана с системой образования, культуры и производства научных знаний. Меритократия и есть синтез культурной, научной и образовательной (профессионально подготовленной) элит. Именно на основе анализа феномена блага элитологией истории должен строиться прогноз меритократии как блага будущего.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Ашин Г.К. Элитология: история, теория, современность**.** М.: МГИМО (У), 2010. 600 с. [Ashin G.K. Elitologiya: istoriya. teoriya. sovremennost. M.: MGIMO (U). 2010. 600 s.].

Батюшков К. Н. Избранная проза. М.: Советская Россия, 1988. 524с. [Batyushkov K.N. Izbrannaya proza. M.: Sovetskaya Rossiya. 1988. 524s.].

Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики: Сб. М.: Худ. лит., 1975. С. 234-407. [Bakhtin M. M. Formy vremeni i khronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoy poetike // Bakhtin M.M. Voprosy literatury i estetiki: Sb. M.: Khud. lit., 1975. S. 234-407.].

Бердяев Н.А. Смысл творчества. Опыт оправдания человека. Харьков: Фолио; М.: АСТ, 2002. 688 с. [Berdyayev N.A. Smysl tvorchestva. Opyt opravdaniya cheloveka. Kharkov: Folio; M.: AST. 2002. 688 s.].

Бжезинский З. Выбор. Глобальное господство или глобальное лидерство. / Пер. с англ. М.: Международные отношения, 2005. 288 с. [Bzhezinskiy Z. Vybor. Globalnoye gospodstvo ili globalnoye liderstvo. M.: Mezhdunarodnyye otnosheniya. 2005. 288 s.].

Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 271 с. [Vernadskiy V.I. Nauchnaya mysl kak planetnoye yavleniye. M.: Nauka. 1991. 271 s.].

Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984. 350с. [Gurevich A.Ya. Kategorii srednevekovoy kultury. M.: Iskusstvo. 1984. 350 s.].

Гуревич А.Я. Теория формаций и реальность истории // Вопросы философии. № 11. 1990. С. 31-40. [Gurevich A.Ya. Teoriya formatsiy i realnost istorii // Voprosy filosofii. № 11. 1990. S. 31-40.].

Деррида Ж. О граммотологии. М.: AdMarginem, 2000. 512с. [Derrida Zh. O grammotologii. M.: AdMarginem. 2000. 512 s.].

Ильинский И.М. Прошлое в Настоящем: Избранное. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 2011. 840 с. [Ilinskiy I.M. Proshloye v Nastoyashchem: Izbrannoye. M.: Izd-vo Mosk. gumanit. un-ta. 2011. 840 s.].

Карабущенко П.Л. Элита как ценность: смысл избранности // Ценности и смысл. 2016. №1(41). С. 48-62. [Karabushchenko P.L. Elita kak tsennost: smysl izbrannosti // Tsennosti i smysl. 2016. №1(41). S. 48-62.].

Лаптева М.П. Профессор Кертман в контекстах и смыслах интеллектуальной истории // Диалог со временем. 2018. № 62. [Lapteva M.P. Professor Kertman v kontekstakh i smyslakh intellektualnoy istorii S.72-80 // Dialog so vremenem. 2018. № 62. S. 72-80].

Луман Н. Общество как социальная система. М.: Изд-во «Логос», 2004. 232с. [Luman N. Obshchestvo kak sotsialnaya sistema. M.: Izd-vo «Logos». 2004. 232s.].

Ницше Ф. Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей. М.: «REFL-book», 1994. 352 с. [Nitsshe F. Volya k vlasti: opyt pereotsenki vsekh tsennostey. M.: REFL-book. 1994. 352 s.].

Платон. Собрание сочинений в 4 т. / Общ. ред. А.Ф. Лосева и др. Вст. ст. А.Ф. Лосев; примеч. А.А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1990-1994. Т. 2. М., 1993. 528 с. [Platon. Sobraniye sochineniy v 4 t. / Obshch.red. A.F. Loseva i dr. Vst. st. A.F. Losev; primech. A.A. Takho-Godi. M.: Mysl. 1990-1994. T. 2. M. 1993. 528 s.].

Тойнби А. Дж. Постижение истории. М.: Рольф, 2001. 640 с. [Toynbi A. Dzh. Postizheniye istorii. M.: Rolf. 2001. 640 s.].

Ухтомский А. А. Доминанта. СПб.: Питер, 2002. 448 с. [Ukhtomskiy A. A. Dominanta. SPb.: Piter. 2002. 448 s.].

Хайдеггер М. Ницше. Т. I. СПб.: Владимир Даль, 2006. 608 с. [Khaydegger M. Nitsshe. T. I. SPb.: Vladimir Dal. 2006. 608 s.].

Шестов Л.И. Mementomori // Шестов Л.И. Сочинения. М.: Наука, 1993. Т. 1. 667 с. [Shestov L.I. Mementomori // Shestov L.I. Sochineniya. M.: Nauka. 1993. T. 1. 667 s.].

Карабущенко Павел Леонидович, *доктор философских наук, профессор, Астраханский государственный университет, pavel_karabushenko@mail.ru*

Elitology of history in search for meaning of the idea of goodness

The elitology of history studies the elite and elitism from the point of view of all their previous diverse experience. It faces the main fundamental task – to reveal the meaning codes of the phenomenon of the creative minority, which ensures the constructive and consistent development of mankind. At the same time, a creative minority is understood to mean the group of people that produces new values and sets new standards for their evaluation. It is such a creative minority that brings humanity the greatest amount of good. The greatest number of problems comes from the political minority. According to Plato, goodness is the main value of human being, which occupies the pinnacle in the axiological hierarchy. It is the elites who claim the right not only to control this hierarchy of values, but also to determine their properties and order to produce new ones and to store already produced values. Moreover, each professional group of elites has its own unique set of values and ideals that are decisive for it. For the egoistic subjects of the elites, goodness is that what corresponds to their private interests. Therefore, the elites are constantly confronting the values of utilitarian egoism and altruism.

Keywords: *elitology of history, elite, creativity, good, value, meaning, outstanding personality, personalism, hierarchy, domination*

Karabushenko Paul L., *doctor of Philosophy, professor. Astrakhan state university. 414056, Astrakhan, Tatischev 20a, pavel_karabushenko@mail.ru*

В. В. Миронов

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ Г. БАТТЕРФИЛЬДА И БАЛАНС СИЛ

Статья посвящена изучению одной из важных проблем научного наследия сэра Герберта Баттерфильда. Цель – продемонстрировать особенности его взглядов на международные отношения и специфику его участия в работе Британского комитета по изучению международной политики. История международных отношений, с точки зрения историка, представляла комплекс определенных идей, и среди них ведущее место занимал баланс сил. С точки зрения ученого, опыт исторического изучения европейского баланса сил мог бы помочь избежать новых мировых войн.

Ключевые слова: *Герберт Баттерфильд, Английская школа международных отношений, историография, баланс сил*

Имя Герберта Баттерфильда (1900–1979) широко известно в научном сообществе. Отечественные специалисты считают его знаковой фигурой для английской исторической науки XX века, а его творчество не раз становилось предметом специального изучения[1]. Обычно исследователей интересовала теоретико-методологическая сторона взглядов британского ученого[2]. Этому в немалой степени способствовало то обстоятельство, что одна из его ранних работ «Вигская интерпретация истории» (1931) была признана своего рода манифестом консервативного направления английской исторической науки XX века. Во второй половине прошлого века он принял участие в теоретико-методологических спорах о так называемых, «новых и старых путях» изучения истории. Ряд исследователей считают достижением и его теологические работы. Например, в предисловии к одной из книг историка Рут Аншен отмечала, что современный человек привык считать мир непосредственным результатом собственной деятельности. С ее позиции такой подход выступает следствием секуляризма Нового времени и вульгарного натурализма современности. Баттерфильд, будучи серьезным ученым, продолжал отстаивать и веру в трансцендентное начало. Такая позиция ученого предполагала видение мира не столько в качестве последовательной смены этапов непрерывного исторического прогресса, но как сложное взаимодействие субъективных и объективных сил[3].

Творческим расцветом для Герберта Баттерфильда, безусловно, стали годы после Второй мировой войны. И.И. Шарифжанов считает, что вместе с Арнольдом Тойнби Г. Баттерфильд может считаться символической фигурой, олицетворявшей ключевые тенденции развития

[1] Согрин, Зверева, Репина 1991. С. 8. Шарифжанов 2004. С. 73-84.
[2] Coll 1985. Herbert Butterfield. Writing on Christianity and History. 1979. P. XI-XVI.
[3] Butterfield 1974. P. 7-15.

британской исторической науки во второй половине XX века[4]. При этом для некоторых английских историков, даже в сравнении с Тойнби, Баттерфильд выглядел более популярным в сознании читающей публики Великобритании того времени. Именно в послевоенные годы Баттерфильд показывает почти универсальный исследовательский диапазон как историк, социальный философ, религиозный мыслитель и историограф. Символично, что в 1944 г. он становится профессором Кембриджа. Между тем, будучи известным специалистом, профессором новой истории Кембриджского университета, он выступил еще и как участник и организатор Английской школы международных отношений. Такое сочетание качеств консервативного историка, крупного религиозного мыслителя и пионера междисциплинарного подхода к международной политике заслуживает более пристального внимания. В этой связи одной из центральной тем его творчества выступает проблема баланса сил в истории международного сообщества.

Баттерфильд видел в историческом процессе борьбу идей и тенденций. Он подходил к истории международных отношений с позиций особенной ответственности государств за мир и рассматривал мировую политику как борьбу определенных сил. Постепенно ключевой для исследователя становится идея баланса сил. В работе «Христианство, дипломатия и война» (1953) он попытался объединить разные исторические идеи в общую логику анализа международной жизни. Он писал: «Нет парадокса более странного, чем отношения между силой и этическим порядком в международных отношениях. В ходе мировой истории в осмыслении этого парадокса господствовали две взаимоисключающие идеи. Первая – христианская традиция, считавшая необходимым осуществить отказ от применения силы, вторая, идущая от Клаузевица, напротив, рассматривала силу в качестве лучшего арбитра в международных отношениях»[5]. Совмещение этих двух идей и подготовило интерпретацию баланса сил ученым в истории международных отношений в качестве центральной темы изучения истории европейской дипломатии.

Как христианский мыслитель, он видел в международных отношениях если не провидение, то определенную логику, отступление от которой было чревато трагедией для людей. В этом смысле баланс сил выступал обобщающей основой, объединяющей в себе внешние политики различных стран. Именно ему принадлежит сравнение баланса сил с законами физики в Английской школе международных отношений. Он писал, что это понятие играет роль закона для международных отношений, как законы Ньютона играют важную роль в физике[6]. И хотя такая аналогия поверхностна, она поднимала понятие политического

[4] Шарифжанов. 2004. С. 73-79.
[5] Butterfield 1953. P. 66.
[6] Butterfield 1966a. P. 132.

равновесия на уровень стержня исторической методологии изучения международных отношений. Это сравнение отличает британский подход 1950–1960 гг. от американской теоретической традиции, где балансу сил внимания почти не уделялась, а в центре оказывалась концепция национальных интересов государств.

Г. Баттерфильд прослеживает путь формирования этой идеи в европейской политической мысли от XV–XVI вв. Он отмечает главенствующую роль Н. Макиавелли в формулировании и развитии этой идеи в политическом дискурсе. Правда, одновременно Баттерфильд полагал, что последнему не хватало теоретической основы для ее глубокого понимания. Поэтому симпатии английского историка находятся на стороне исторического наследия Ф. Гвиччардини в развитии и интерпретации этой идеи. Отмечалась роль Филиппа де Коммина во Франции в утверждении рациональной основы концепции баланса сил.

Применительно к XVII–XVIII вв. Баттерфильд выделяет уже сформировавшиеся недостатки концепта в истории европейской политики: его консервативный характер, проявившийся, в частности, в практике разделов Речи Посполитой. Однако ученый отмечает стабилизирующую роль баланса сил в отношении Европы в целом. Как англичанин, он корректно подметил, что если Австрия, Пруссия и Россия в этот период объединялись, то Англия и Франция были не в состоянии остановить данную коалицию. Поэтому разделы Речи Посполитой в известном смысле были предопределены. Вовсе не стремясь ни объяснить, ни, тем более, оправдать исторические разделы этой страны, Баттерфильд лишь констатирует факт разделов на основе проведения политики баланса. Поэтому, он не считает разделы формами девиантного поведения крупных государств по отношению к слабым странам, как это следовало из традиций либеральной трактовки международной политики. Это лишь этап и эпизод в развитии определяющей международной идеи[7].

В отличие от американских реалистов, считающих баланс сил выдумкой, демонстрирующей политический, а не научный характер, Баттерфильд видел в нем фактор, помогающий выжить слабым государствам в международной системе. Например, Османская империя в XVIII–XIX вв. самостоятельно была уже не в состоянии защитить себя, но уберегало ее то, что она значилась во внешнеполитических расчетах европейских стран. Учитывая, что Англия была основным проводником поддержки «смертельно больного человека» в описываемый период, в этой идее британского историка можно увидеть попытку преодоления этноцентричного взгляда на внешнюю политику указанного периода.

Стабилизирующая, хотя и консервативная по существу, роль идеи баланса сил проявляется и в отношении малых стран. «Баланс сил не только гарантирует существование малых государств, но и утверждает

[7] Ibid. P. 144-146.

за ними некоторую автономию и право на самостоятельную внешнюю политику. Он дает возможность выбора внешнеполитических партнеров и право определения своих приоритетов. Он сделал возможным существование малых стран, которые теперь выступают не просто сателлитами. В истории европейских международных отношений нового времени малые страны были даже более свободны в выборе союзников, чем крупные государства при формировании альянсов»[8].

В целом, Баттерфильд считал баланс сил порождением определенного исторического типа европейской политики, а затем уже инструментом общей практики дипломатии Нового времени. Истоки идеи баланса – в необходимости поддержания мира и сохранения свободы христианских европейских стран. Но, сформировавшись как консервативный механизм в конкретном поле международного взаимодействия XVII–XVIII вв., он со временем стал служить общей цели – сохранению мира в международных отношениях. Поэтому его нельзя рассматривать только в качестве «неписанной конституции Европы». Для Баттерфильда баланс сил был необходимым элементом сохранения свободы в системе государств, а не условием оправдания территориальных захватов.

Как фактор международной жизни, баланс сил отображает, прежде всего, историческую тенденцию, требующую абстрактного мышления, и практику, учитывающую конкретный исторический контекст. Баланс сил ограничивает анархию, но система государств складывается не только на основе его одного. Она отражает комплекс идей и ценностей, формирующих международный порядок. Здесь он ссылается на взгляды немецких историков на природу международной системы. Сам термин «система государств» Баттерфильдом был заимствован у немецких историков геттингенской школы XIX века.

Почти все представители Английской школы международных отношений, вслед за Баттерфильдоми, уделяли балансу сил ту или иную долю внимания. Х. Булл, один из центральных теоретиков школы дал развернутый функциональный анализ баланса сил, считая его центральным институтом международного общества до середины XX в.[9] Мартин Уайт в своем понимании системы государств считал данный термин одним из ключевых для международной теории[10]. Такие параллели порождают идею преемственности и даже создают не совсем верное представление о тождестве трактовки баланса сил у центральных фигур Английской школы международных отношений в 1960–1970 гг.

Подход Баттерфильда, как раз, демонстрировал индивидуальные нюансы понимания существа истории европейской политики Нового времени. Позиция историка по данному вопросу не только объясняет

---

[8] Ibid. P. 142-143.
[9] Bull H. 1977. P. 101-126.
[10] Wight M. 1966. P. 148-175. Wight M. 1973. P. 85-116.

его вклад в создание Английской школы международных отношений, но и причины охлаждения его интереса к международной проблематике в 1960 гг. В 1967 г. Баттерфильд оставляет пост Председателя Британского комитета по изучению международной политики, как тогда именовали себя члены Английской школы и постепенно отходит от лидирующей роли в проекте. Напротив, М. Уайт и Х. Булл становятся здесь центральными фигурами. В этом смысле показательной для демонстрации специфики подхода ученого к проблеме баланса выступает концептуальная статья «Новая и историческая дипломатия», опубликованная в 1966 г. в первой коллективной монографии школы[11].

Здесь ученый определяет баланс с позиций его исключительной роли в истории международных отношений XVI–XVIII вв. Он явно переоценивал его значение. Ему казалось, что, противопоставив «историческую дипломатию», основанную на принципе баланса сил, «новой» дипломатии XX века, можно будет избежать ряда проблем в международных отношениях. Здесь, безусловно, свою роль сыграли две мировые войны, свидетелем которых был ученый, и его система консервативных моральных ценностей. В связи с последними обстоятельствами Баттерфильд замечал, что баланс сил – это не подарок, но подход, который нуждается в заботе, вдумчивом отношении и осторожном воплощении в практике дипломатии[12]. Этим объясняется его интерес к широким обобщениям дипломатической истории Европы.

По стилю, эссе Г. Баттерфильда, написанное для программной монографии Английской школы международных отношений, напоминает моральные наставления в духе «Политического завещания» кардинала Ришелье. Историк стремится сформулировать некоторые дипломатические максимы, и, видимо, в этом он видел практический смысл собственного участия в данном проекте.

Выводы кембриджского профессора были основаны на частных примерах, эмпирически они не всегда подкреплялись материалом, а сами заключения носили предельно широкий характер. Они несли следы системы своеобразных индивидуальных ценностей историка и отражали специфический нормативный подход: Баттерфильд считал институты и нормы европейской дипломатии исключительными христианскими ценностями, унаследованными из средневековья. Эти дипломатические нормы стали разрушаться в связи с «восстанием масс»[13].

Такие взгляды ученого можно легко соотнести с определенными формами британского консерватизма XX века. В работе «Христианство, дипломатия и война» он писал: «Идея греха как преступления перед Богом была заменена идеей греха как преступления перед человеком, но

[11] Butterfield H. 1966б. P. 181-192.
[12] Ibid. P. 182-183.
[13] Sharp P. 2002. P. 1-25

это не означало искоренение жестокости»[14]. Гуманизм в международных отношениях он поэтому считал не избавлением от проблем, а отходом от магистральной линии развития дипломатии, предопределенной историей европейских государств и религиозным кредо региона. Его историческое видение идеи баланса сил было основано на опыте изучения Вестфальской системы международных отношений, когда международный порядок обеспечивали Великие державы, а остальные государства Европы вынуждены были балансировать между их интересами. Если бы этот подход можно было воспроизвести в условиях XX века, то, по мысли ученого, это позволило бы стабилизировать отношения между государствами, не допустить возникновение новых мировых войн. По сути истоки такой позиции – реакция исследователя на Первую мировую войну, которая проявилась еще в работах межвоенного периода, задолго до создания Английской школы. Уже тогда он считал, что дипломатические отношения, как и практика внешней политики нуждаются в хладнокровии и расчете. Работой по Наполеоновским войнам Баттерфильд как раз показывал, что высокомерие и надменность в отношении данного принципа, как и переоценка своих сил Австрией, Пруссией и Францией, представляли назидательные уроки при проведении политики, основанной на соотношении сил.

Сегодня баланс сил в международных отношениях не является необходимым компонентом ни их теоретического изучения, ни практическим требованием современной дипломатии. В американской традиции теоретического анализа международной жизни он неоднократно подвергался критике, а в политике – отрицается как аберрация европейской дипломатии. Все меньше говорят о нем и в Европе. На этом фоне идеи Герберта Баттерфильда, вошедшие в практику исследований Английской школы международных отношений, по-прежнему выглядят нетривиально, заставляя смотреть на изучаемое понятие как необходимое условие существования международной системы. Осмысление истории Первой и Второй мировых войн заставило его не только внимательно заниматься историей европейских международных отношений Нового времени, но при этом провести четкое различие между исторической и современной дипломатией. Своим участием в работе Британского комитета по изучению международной политики Баттерфильд, как историк и христианин (он был методистским священником), стремился не допустить новые человеческие трагедии. Однако его историческая рефлексия искала причины мировых войн в отходе от базовых ценностей «исторической дипломатии». Кроме того, консервативные теоретические максимы Баттерфильда вступали в противоречие с его же собственной идеей о недопустимости целеполагания в исторической науке. Как честный историк он видел пределы в широкой трактовке «уроков

[14] Butterfield H. 1953. P. 76.

истории» и вынужден был уступить место более молодым коллегам. Поэтому дальнейшие теоретические обобщения в школе были осуществлены М. Уайтом и Х. Буллом, не боявшимися широких теоретических трактовок, а Г. Баттерфильд обозначил в 1960-е гг. ряд важных для становления сообщества международников идей.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Согрин В.В., Зверева Г.И., Репина Л.П. Современная историография Великобритании. М., Наука. 1991. 232 с. [Sogrin V.V., Zvereva G.I., Repina L.P.. Sovremennaya istoriografiya Velikobritanii. Moscow, Nauka. 1991]

Шарифжанов И.И. Английская историография в XX веке. Казань: Изд-во Казанского университета. 2004. 278 с. [Sharifzhanov I.I. Anglijskaya istoriografiya v XX veke. Kazan: Kazan State University Press. 2004]

Bull H. The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics. N.Y.: Colombia University Press, 1977. 335 p.

Butterfield H. Christianity, Diplomacy and War. London, Epworth Press.1953. 125 p.

Butterfield H. Balance of Power // Diplomatic Investigations. Essays in the Theory of International Politics. Ed. by H.Butterfield and M.Wight. L., 1966(a) P. 132-148.

Butterfield H. The New Diplomacy and Historical Diplomacy // Diplomatic Investigations. Essays in the Theory of International Politics. L., 1966(б). P. 181-192.

Butterfield H. International Conflicts in Twentieth Century. A Christian View. Connecticut. Greenwood press. 1974. 123 p.

Herbert Butterfield. Writing on Christianity and History / Ed. and introduced by C.T. McIntire Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 1979. 273 p.

Coll Alberto R. The Wisdom of Statecraft. Sir Herbert Butterfield and philosophy of International Politics. Durham: Duke University Press. 1985. P. 141-152.

Sharp P. The English School, Herbert Butterfield and Diplomacy //
URL: http://www.clingendael.nl/sites/default/files/20021100_cli_paper_dip_issue83.pdf

Wight M. Balance of Power // Diplomatic Investigations. Essays in the Theory of International Politics / Ed. by H. Butterfield and M. Wight. L.: Allen & Unwin 1966. P. 148-175.

Wight M. The Balance of Power and International Order // The Bases of International Order. Essays in honour of C.A.W. Manning / Ed. by A. James. L.; N.Y.: Oxford University Press. 1973. P. 85-116.

***Миронов Виктор Владимирович**, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и теории международных отношений, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского; vvm_512@rambler.ru*

Historical diplomacy by H. Butterfield and the balance of power

This article is devoted to one of the important problems of the scientific heritage by Sir Herbert Butterfield. The aim of the article is to demonstrate the features his views on International Relations and to show the specific of his participation in the work of British Committee of International Politics. History of International relations, from his points of view, represented a complex of certain ideas. Balance of power takes the central role among them. Lessons of the study balance of power in modern time gave him opportunity to divide historical and modern diplomacy. Experience of the historical study of the balance of power in Europe could help avoid new world wars for modern diplomacy from his point of view. At the same time, Herbert Butterfield spoke out against an extended interpretation of some historical ideas in his early works. The result of this position by the historian was the loss of interest to wide interdisciplinary study of International relations in 1970.

Keywords: H. Butterfield, English school, theory of international relations, historiography, balance of power

***Victor Mironov,** PhD (History), Associate Professor, Department of the History and Theory of International Relations, Omsk State University; vvm_512@rambler.ru*

С. В. Перевезенцев, А. С. Абрамян

ИДЕЙНЫЕ ИСТОКИ ФОРМИРОВАНИЯ КОНЦЕПЦИЙ МЕССИАНИЗМА В ЕВРОПЕЙСКОЙ СОЦИАЛЬНО–ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Ранние идеи о политике и управлении и последующие национальные идеологемы в европейских государствах развивались в русле духовно–политической образности, а точнее – христианской образности. Именно в рамках христианского мировоззрения в Средние века в государственной идеологии многих стран Европы формируются протомессианские концепции. Данные концепции призваны объяснить историческую роль и значимость тех или иных народов. В данной работе представлена попытка проанализировать возможное влияние ветхозаветной израильской символики на формирование данных концепций в интеллектуальной истории Европы.

***Ключевые слова**: социально–политическая мысль, духовно–политическая мысль, христианство, мессианизм, мессианские концепции*

История многих европейских государств знает периоды, когда видные религиозные, политические деятели, мыслители, литераторы или другие значимые фигуры, осмысливая прошлое, реагируя на актуальные проблемы настоящего или пытаясь ответить на вопросы о будущем, выходили на авансцену с идеями, которые, – отчасти с опорой на известные образы, а отчасти с привнесением в интеллектуальную жизнь страны новой оригинальной тематики, – претендовали на то, чтобы дать существованию общности некий исключительный смысл. Иногда эти идеи между строк прочитываются на страницах романов, стихотворений и публицистических заметок, иногда полновесно формулируются в философских трактатах, иногда обращены с кафедры на слушателей проповедей или поучений. Некоторые из них остаются существовать в виде обрывочных образов и сюжетов, а некоторые оформляются в целостные доктрины. Но объединяет их общий мотив – особое назначение, отличающее общность от остальных, и ее особая историческая роль.

На особую роль «защитной крепости» и «последнего бастиона» по–католически понятых христианских истин претендовали в Польше[1]. Уже на контрасте с католицизмом у британских религиозных авторов формируется представление об особой роли Англии, положившей своим церковным выбором начало освобождения западного мира от «римских заблуждений»[2]. В это же время на страницах посланий «Филофеева цикла» отчетливо формируется образ Русского царства как последнего оплота истинной веры[3]. Перед нами три примера избраннических концепций в трех различных текстовых культурах, выросших в рамках

[1] Ramet 2017: 23.
[2] Ryrie 2013: 249.
[3] Перевезенцев 2019: 282.

трех разных христианских деноминаций. Однако мы имеем дело со сходным сюжетом: в истории европейской политической общности, текстовая культура которой развивается в русле христианской традиции, на определенном этапе формируются образы или даже отдельные идеи о предназначении, апеллирующие к христианской социально–политической символике. Природу этой образности можно назвать религиозно–политической или духовно–политической[4].

Христианство, как главная религиозная доминанта, – а затем, по мере роста разделивших Церковь как общеевропейский институт богословских споров, скорее мета-доминанта, – оказало существенное влияние на характер политической рефлексии европейских философов, политических и религиозных мыслителей. В результате европейские государства обретали свою целостность, политическую субъектность, национальную историю и связанные с ней идеи, образы и мифологемы под сенью проникнутой библейской образностью культуры. И одной из важнейших составляющих библейского повествования, знакомого всем христианизированным культурам, является история об избранном народе, которому была вверена истинная вера и которому впоследствии надлежало стать и колыбелью личностного Избранника. Как следствие, культуры, испытавшие на себе влияние христианства и знакомые с библейскими текстами, имеют прямое соприкосновение с мессианскими идеями и сюжетами. Учитывая наличие мессианских сюжетов в христианской традиции и значение библейских текстов в европейской духовно–политической и социально–политической рефлексии, попытка проанализировать возможные связи мессианских сюжетов в истории европейской социально–политической мысли с библейскими мессианскими сюжетами представляется вполне обоснованной.

***

Введенное в общий философский, религиоведческий и даже социологический оборот слово «мессианство», несмотря на его применимость и к неавраамическим религиозным традициям, имеет конкретные библейские истоки: слово «мессия» происходит от слова «машиах» (משיח), тождественного греческому слову «христос» (χριστός), т.е. «помазанник». Помазание елеем, оливковым маслом, в иудейском обществе являлось частью церемонии возведения правителей на престол или посвящения священнослужителей, т.е. атрибутом некоторого инструментального предназначения. Таким образом, «помазание» могло попеременно как указывать на должность и задачу, так и являться синонимом «миссии» как таковой. Примечательно, что в Библии эти смыслы манифестируются даже за пределами собственно израильского повествования. Так, «помазанником» называется персидский царь Кир Великий, не

[4] Концепция «духовно-политической мысли» разрабатывается С.В. Перевезенцевым и его учениками: Перевезенцев 2008, 2015, 2019; Русская социально-политическая мысль 2011; Абрамян 2014; Страхов 2014; Хелик 2017.

являющийся ни политическим предводителем евреев, ни священником, ни пророком: «Так говорит Господь помазаннику (χριστω) Своему Киру: Я держу тебя за правую руку, чтобы покорить тебе народы, и сниму поясы с чресл царей, чтоб отворялись для тебя двери, и ворота не затворялись» [Ис. 45: 1]. Важна здесь не столько личность Кира, сколько сама структура пророчества о пленении евреев и их последующем свершившемся освобождении. Следовательно, библейская история знает примеры нееврейского, неизраильского и даже неиудейского мессианства, однако по-библейски справедливого и действующего в соответствии с конечным намерением Бога Израиля. Тем не менее, в первую очередь слово «мессианство», если говорить о библейской истории, относится к событиям непосредственной истории ветхозаветного избранного народа. И в иудейской, и в христианской традициях евреи мыслятся народом, который был избран единым Богом и получил Завет и различные исторические обетования. В числе этих обетований: сила и множество потомков Авраама, спасение евреев из Египта, обладание спасшимися из египетского плена евреями собственной землей, а также кое–что еще: из колена Давида в мир должен прийти окончательный Мессия или Царь–Мессия, который увенчает пророческие ожидания евреев.

Но в какой мере мессианский мотив сказался на жизни избранного народа и как он отразился на его государственности и идентичности? Прежде всего, стоит отметить, что, говоря об «избранности» еврейского народа, нужно иметь в виду одно фундаментально важное обстоятельство: не представляется возможным под словом «избранность» понимать выделение существующего народа или еврейского государства из числа других. Влияние мессианской идеи на иудейскую историческую традицию гораздо глубже: само существование народа стало возможно благодаря Завету, поскольку до избрания Авраама и обещания об умножении его наследников, до выведения потомков Иакова из египетского плена и до обретения обетованной земли о едином еврейском народе и государственности говорить не приходится. Так это комментирует сама Библия, посредством прямой речи Бога у Исаии: «Этот народ Я образовал для Себя; он будет возвещать славу Мою» [Ис. 43: 21]. Ветхозаветная общность не просто центрирована вокруг идеи своей миссии по хранению божественных истин – сама эта общность складывается, как следует из священных текстов, не добровольно (очевидно перекликается с этим обстоятельством и новозаветное «Не вы Меня избрали, а Я вас избрал» [Ин. 15: 16]). Более того, возникновение этой общности зачастую происходит принудительно и с большим неудовольствием («Доколе злому обществу сему роптать на Меня?» [Чис. 14: 27]). При этом попеременно избранники оставляют свои воззрения в пользу магизма (как в обращении Саула к колдунье [1 Цар. 28: 7–18]), тотемизма (как в хрестоматийном случае с «золотым тельцом» [Исх. 32: 1–4]), или же нравов соседних народов.

Нельзя сказать и того, что религия евреев способствовала превращению Израиля в империю или особенно успешно обслуживала интересы израильской внешней политики. Зачастую попытки Израиля находиться в «большой политике» в ущерб обусловленным Законом представлениям о нравственной чистоте правителей и обычаев государства оборачивались крахом. Свидетельство этому можно найти в Книге пророка Исаии: «Горе тем, которые идут в Египет за помощью, надеются на коней и полагаются на колесницы, потому что их много, и на всадников, потому что они весьма сильны, а на Святаго Израилева не взирают и к Господу не прибегают! <…> И Египтяне – люди, а не Бог; и кони их – плоть, а не дух. И прострет руку Свою Господь, и споткнется защитник, и упадет защищаемый, и все вместе погибнут» [Ис. 31: 1–3]. Мотив противоречия интересов правителей мессианского народа и требований мессианской морали представлен и в Книге пророка Иеремии, когда из уст проповедника Бога Авраамова еврейский народ получает фактически пораженческое приказание подчиниться Вавилону [Иер. 27: 6–7].

Интересно, что и внутренняя политика Израиля, согласно ветхозаветному повествованию, во многом оказывалась в противоречии с изначальными требованиями Бога. Особенно показателен в этом вопросе Первой книги Царств, описывающий появление института царства в истории Израиля – того самого института, вокруг которого через помазание впоследствии также сложится определенный мессианский ореол. Из описываемой в книге истории можно узнать, что единоличное правление не было изначальным императивом – оно было во многом требованием народа. Более того, требованием, во многом вдохновленным языческим опытом: «…Итак поставь над нами царя, чтобы он судил нас, как у прочих народов» [1 Цар. 8: 5]. Ответ Господа на последовавшую молитву Самуила обрисовывает еще более жесткую оценку решения евреев: «И сказал Господь Самуилу: послушай голоса народа во всем, что они говорят тебе; ибо не тебя они отвергли, но отвергли Меня, чтоб Я не царствовал над ними» [1 Цар. 8: 7].

Нельзя, однако, сказать, что выбор еврейского народа категорически отвращает Бога от своих избранников. Несмотря на укор в недоверии, Бог принимает просьбы евреев и уже через царей, как следует из дальнейшего ветхозаветного повествования, вершит угодное. Даже Мессия – с большой буквы – ожидается именно из числа потомков царя Давида. И не только Давида, но и Вирсавии, взятой им в жены через убийство ее мужа, что навлекло на него наказание – тем не менее, библейская история помещает свои мессианские ожидания именно здесь [2 Цар. 11, 12; Пс. 50]. Думается, это можно считать наглядной иллюстрацией обусловленного библейской текстовой традицией отношения к мироздaнию: Бог Библии не выглядит только лишь трансцендентным неподотчетным сувереном. Он проявляет интерес к просьбам людей и соглашается участвовать в истории, к их благу, даже если предоставленные для

этого людьми средства противоречат тому, что могло бы мыслиться как изначальный идеал.

Именно целью блага, мыслимого Богом ради людей, в библейской традиции объясняется феномен образования такой религиозно-политической общности, как древний Израиль. Так совершалось, говоря языком уже христианской религии, «домостроительство» общечеловеческого спасения[5], в котором закон Израиля – своеобразная форма «икономии»[6], исторически–адекватной меры, сообразной с конечными не только израильскими, но и общечеловеческими провиденциальными целями.

Исходя из всего этого, можно выделить следующие основные составляющие израильского мессианства. Во-первых, народ Израиля был обязан сыграть уникальную среди прочих народов роль в истории, став первичным проводником божественных истин в языческом мире – миссия носит суверенный божественный характер. Во-вторых, еврейский народ был не столько избран, сколько, по тексту Ветхого Завета, сформирован Богом посредством самой миссии по охране Закона, сформирован вместе с государством и уникальной теократической системой исполнения религиозных предписаний. В-третьих, форма правления еврейского государства претерпела историческую перемену, и сам характер развития Израиля как политической общности имеет форму некоторого общения Бога с избранными людьми, но не монолога, а диалога: Бог как утверждает через пророков и откровения суверенную волю, так и слушает просьбы своих избранников. В-четвертых, миссия Израиля не всегда предполагала прочный политический успех: Израиль оказался разделенным и даже захваченным, притом даже захват избранного государства, по тексту Ветхого Завета, был санкционирован непосредственно Богом с целью вразумления своих избранников и осуществления более широкого плана исторического блага и человеческого спасения.

Вопрос о конечном историческом благе проводит разделительную черту между иудаизмом и христианством. Для евреев личность Иисуса из Назарета не является осуществлением пророчеств о Машиахе. Для христиан же реальность личности Иисуса Христа как осуществления пророчеств всемирной значимости является основанием для базового духовного единства. Базовое единство в отношении личности Иисуса Христа во многом определяет и то, как христиане понимают влияние этой Личности с большой буквы на концепцию «мессианства». Думается, что полнее эту концепцию выражают слова апостола Павла, комментирующего ветхозаветные времена в свете прихода в мир Иисуса Христа: «Итак закон был для нас детоводителем ко Христу, дабы нам оправдаться верою; по пришествии же веры, мы уже не под руководством детоводителя» [Гал. 3: 24–25]. Учитывая, что хранение иудейского закона было, согласно доктрине иудаизма, основополагающей месси-

[5] Зайцев 2007: 642–643.
[6] Димитрий Пашков, свящ. 2009: 51–58.

анской задачей евреев, то можно сказать, что последний личностный Мессия, по крайней мере в христианском представлении, замещает ветхозаветную концепцию общественно-политического избранничества. Больше нет «ни еллина, ни иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос» [Кол. 3: 11].

Впоследствии в ходе развития христианской догматики во многих мейнстримных деноминациях данные интуиции оформились в идеи суперсессионизма[7]. Атрибуты и символы избранного Господом Израиля, потомков Авраама в данной парадигме, переносятся на, пользуясь выражением из Никео–Цареградского Символа веры, «Единую, Святую, Соборную, Апостольскую Церковь», т.е. на сообщество верующих христиан, вне зависимости от их национальности или социального положения составляющих «духовное потомство Авраама» – «Новый Израиль».

Впрочем, отношения между духовно–политическими мессианскими идеями, вдохновляемыми библейской образностью, и собственно христианским вероучением в европейской социально–политической мысли были довольно сложными. Ведь «новоизраильские» образы и метафоры зачастую находят свое отражение в европейской именно национальной рефлексии. Например, уже упомянутая английская израильская образность в конце XVII века[8] или новоизраильское понимание Руси у Вассиана Рыло в конце XV столетия[9].

Противоречивое сплетение образности и догматики – важный аспект исторического развития христианской мысли. Наглядной иллюстрацией может служить еще один пример отношения к образам, уже из иконографии. Запрет на изображение Бога Отца, сформулированный на Большом Московском соборе 1666–1667 гг., накладывался в российской церковной реальности на широкое не только народное, но и церковное распространение икон, содержащих данный сюжет[10]. Но христианство мыслится как всемирное предприятие, и его универсализм неизбежно оказывает влияние на характер периодически зарождающейся в рамках христианства национальной мессианской социально-политической рефлексии. В случае с римским католицизмом универсалистские тенденции оформлены в предельно зримой институциональной форме. Однако и православная церковная модель не означает априорных национальных симпатий православного христианства, как показывает осуждение «филетизма» на Константинопольском соборе 1872 года и введение этого слова в церковный оборот с негативной коннотацией[11].

Христианское мировоззрение неизбежно ставит вопрос: возможно ли использовать библейские образы, в том числе и мессианские, в качестве идеальных «образцов» для того, чтобы полноценно воспроизвести

[7] Мак–Ким 2004: 391.
[8] От слова «supersession» – «замещение». – Claydon 2004: 129.
[9] Послание на Угру Вассиана Рыло 1999: 397.
[10] Тарасов 1995: 143.
[11] Соловьев 2015: 133.

их в собственном историческом существовании? Христианство видит ветхозаветный избранный народ как результат уникального творческого акта Бога. В свою очередь, библейский израильский опыт рассматривается как исторически необходимое для конечных универсальных провиденциальных целей «домостроительство», увенчанное приходом уже личностного Мессии. Следовательно, говорить в рамках христианского мировоззрения о принципиальной возможности «нового израильского» мессианского опыта – не Церкви, а социально–политической общности, государства или народа – едва ли возможно.

Таким образом, библейская израильская символика, даже играя определенную роль в формировании концепций избранничества в европейской интеллектуальной истории, едва ли может стать источником мессианского видения в строгом смысле этого слова. По крайней мере, так видится данная проблема с позиций христианской ортодоксии, насколько можно о ней судить в контексте церковного разделения. Тем не менее, неоднозначные отношения творчески-образного и догматического, духовного и канонического потоков христианской мысли, наблюдаемые в истории различных христианских деноминаций, не дают совершенно сбрасывать со счетов социально-политическую мессианскую тематику как один из компонентов христианской рефлексии.

Интересной концептуальной схемой для понимания генезиса социально-политических мессианских концепций в рамках европейского христианского мировоззрения представляется разделение «мессианизма» и «миссионизма» в работах Н.О. Лосского[12], Н.А. Бердяева[13] и ряда других авторов. Христианские мыслители могли находить в том или ином аспекте государственного и национального существования частичное израильское подобие, указание на пусть и частичную, но все же общемировую значимость, которая, не являясь Мессианской с большой буквы, может быть творчески осмыслена через призму тех или иных представлений о конечных провиденциальных целях. И это даже несмотря на христоцентричность и экклезиоцентричность христианской рефлексии, а также на осознание самими христианскими авторами уникальности ветхозаветного израильского опыта. Оставляя за скобками вопрос о соответствии данной тематики христианской ортодоксии и сотериологии, стоит признать, однако, ее принципиальную возможность.

Кроме того, сами обстоятельства жизни той или иной политической общности, будь то рассеяние, завоевание, или же, напротив, неожиданная победа, могут вызывать у религиозных авторов интерес к израильской образности, что особенно актуально для средневековой духовно–политической мысли. Соотнося обстоятельства жизни своего народа и государства с описанными в Библии обстоятельствами жизни Божиих избранников, христианские авторы могли делать те или иные выводы о происходящих с их народом событиях и формировать специфическую

[12] Лосский 1991: 321–330.
[13] Бердяев 2007: 409–429.

стратегию толкования библейских текстов. Так, еще до оформления полноценных доктрин об особой роли страны в мировой истории, духовно–политическая мысль Руси эпохи ордынского ига знала не только личный, но и коллективный покаянный мотив, выраженный, в частности, в посланиях и поучениях Серапиона Владимирского – мотив, вдохновленный, не в последнюю очередь, ветхозаветным повествованием о судьбах израильских избранников, в том числе об израильских поражениях и бедах[14]. Можно привести пример с другого конца европейского континента – пример Арбротской декларации, обосновывающей необходимость шотландского суверенитета. В данном документе ведущий шотландцев к независимости Роберт Брюс уподоблен Иуде Маккавею и Иисусу Навину, переносившим подобным же образом труды и лишения ради свободы Израиля[15]. При всех возможных условностях, кажется резонным предположить, что составители декларации, вольно или невольно, находят в библейской истории мотивы, наблюдаемые ими и в жизни своих соотечественников, что дает им подспорье к выработке схемы восприятия шотландской борьбы или, по крайней мере, снабжает их стратегией легитимации своих претензий.

***

Библейские мессианские образы изначально могли укореняться в социально-политической мысли европейских государств не столько в рамках прямой мессианской рефлексии, сколько в опыте поиска в библейских текстах ответов на конкретные исторические вызовы, брошенные тому или иному политическому сообществу. И уже затем в некоторых случаях эти образы при ряде обстоятельств могли начать трансформироваться и достраиваться до мессианских образов.

Кроме того, как уже было отмечено выше, впоследствии к такого рода «историческим вызовам», дающим повод для обращения к образу ветхозаветного Израиля, добавятся вызовы особого порядка: вызов «папства и его духовных наследников» для православных, вызов «схизматиков и раскольников» – для католиков, вызов «отклонений от апостольского христианства» – для протестантов. Новая духовная реальность разделенного христианства даст дополнительный смысловой пласт европейской мессианской общественно-политической рефлексии, рождая параллельные социально-политические образы «избранников, совершивших правильный выбор».

Впрочем, необходимо заметить, что богоизбранный ветхозаветный Израиль не является единственным избраническим социально-политическим образом, знакомым европейскому христианству. Значительную роль в истории христианской социально-политической мысли в Европе играет образ Константина и его империи. История становления Римской империи как христианизированного государства и исто-

[14] Слова и поучения Серапиона Владимирского 1997: 381.
[15] Broun, Finlay, Lynch 1998: 40.

рия обращения императора к вере, накладываясь на рефлексию о рождении самого Иисуса Христа в эпоху римского владычества, слагает собой новый и отличный от ветхозаветного избраннический образный поток. Благодаря нему «новым Константином» в европейском духовно-политическом наследии становится и древнерусский князь Владимир[16], и английская королева Елизавета[17], а «Новый Израиль» начинает соседствовать с «Новым Римом»[18]. Изучение переплетений израильского и римского символизма в европейских концепциях избранничества представляется перспективным проблемным полем для дальнейших исследований идейных истоков формирования концепций мессианизма в европейской социально–политической мысли.

ИСТОЧНИКИ

Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Издательство Московской Патриархии, 2013. 1376 с.

Послание на Угру Вассиана Рыло // БЛДР. Т. 7: Вторая половина XV века. СПб.: Наука, 1999. С. 386–399.

Русская социально-политическая мысль. XI–XVII вв.: Хрестоматия / Сост. С. В. Перевезенцев; подг. текстов: С. В. Перевезенцев, Г. В. Талина, Д. В. Ермашов, А. С. Ермолина, В. С. Зубова; под ред. А. А. Ширинянца, С. В. Перевезенцева. М.: Издательство Московского университета, 2011. 728 с.

Слова и поучения Серапиона Владимирского // БЛДР. Т. 5: XIII век. СПб.: Наука, 1997. С. 370–385.

Слово о законе и благодати митрополита Илариона // БЛДР. Т. 1: XI–XII века. СПб.: Наука, 1997. С. 26–61.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Абрамян А.С. О связи «Слова о погибели Русской земли» и «Повести о житии Александра Невского» в контексте ветхозаветных параллелей // Историческое образование. 2014. № 2. С. 89–99. [Abramyan A.S. O svyazi «Slova o pogibeli Russkoy zemli» i «Povesti o zhitii Aleksanda Nevskogo» v kontekste vetkhozavetnykh paralleley // Istoricheskoye obrazovaniye. 2014. № 2. S. 89–99]

Бердяев Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли. Алексей Степанович Хомяков. М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2007. 445 с. [Berdyayev N.A. Konstantin Leontyev. Ocherk iz istorii russkoy religioznoy mysli. Aleksey Stepanovich Khomyakov. M.: AST: AST Moskva: Khranitel', 2007. 445 s.]

Димитрий Пашков, свящ. Икономия // Православная энциклопедия. Т. 22. М.: Церковно–научный центр «Православная энциклопедия», 2009. С. 51–58. [Dimitriy Pashkov, svyash. Ikonomiya // Pravoslavnaya entsiklopediya. T. 22. M.: Tserkovno–nauchnyy tsentr «Pravoslavnaya entsiklopediya», 2009. S. 51–58.]

Зайцев А.А. Домостроительство // Православная энциклопедия. Т. 15. М.: Церковно–научный центр «Православная энциклопедия», 2007. С. 642–643. [Zaytsev A.A. Domostroitel'stvo // Pravoslavnaya entsiklopediya. T. 15. M.: Tserkovno–nauchnyy tsentr «Pravoslavnaya entsiklopediya», 2007. S. 642–643.]

Лосский Н.О. Условия абсолютного добра: Основы этики; Характер русского народа. М.: Политиздат, 1991. 368 с. [Losskiy N.O. Usloviya absolyutnogo dobra: Osnovy etiki; Kharakter russokogo. M.: Politizdat, 1991. 368 s.]

Перевезенцев С.В. Истоки русской души. Обретение веры. X–XVII вв. М.: Изд-во Э, 2015. 528 с. [Perevezentsev S.V. Istoki russkoy dushi. Obreteniye very. X–XVII vv. M.: Izdatel'stvo E, 2015. 528 s.]

[16] Слово о законе и благодати митрополита Илариона 1997: 49.

[17] Lake 2017: 352–380.

[18] Rowland 1996: 591–614.

Перевезенцев С.В. К вопросу о специфике русской политической мысли XI–XVII вв. // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2008. № 4. С. 11–22. [Perevezentsev S.V. K voprosu o spetsifike russkoy politicheskoy mysli XI–XVII vv. // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki. 2008. № 4. S. 11–12.]

Перевезенцев С.В. Русские смыслы: Духовно–политические учения России X–XVII вв. в их историческом развитии. М.: Вече, 2019. 608 с. [Perevezentsev S.V. Russkiye smysly: Dukhovno–politicheskiye ucheniya Rossii X–XVII vv. v. Ikh istoricheskom razvitii. M.: Veche, 2019. 608 s.]

Соловьев В. С. Великий спор и христианская политика. М.: Директ–Медиа, 2015. 213 с. [Solovyev V. S. Velikiy spor i khristianskaya politika. M.: Direkt–Media, 2015. 213 S.]

Мак-Ким Д.К. Вестминстерский словарь теологических терминов. М.: Республика, 2004. 503 с. [Mak-Kim D.K. Vestminsterskiy slovar' teologicheskikh terminov. M.: Respublika, 2004. 503 s.]

Страхов А.Б. О духовно–политических смыслах «Слова об убиении злочестивого царя Батыя» // Историческое образование. 2014. № 2. С. 100–105. [Strakhov A.B. O dukhovno–politicheskikh smyslakh «Slova ob ubiyenii zlochestivogo tsarya Batyya» // Istoricheskoye obrazovaniye. 2014. № 2. S. 100–105.]

Тарасов О.Ю. Икона и благочестие. Очерки иконного дела в Императорской России. М.: Прогресс–культура, 1995. 495 с. [Tarasov O.Yu. Ikona i blagochestiye. Ocherki ikonnogo dela v Imperatorskoy Rossii. M.: Progress–kul'tura, 1995. 495 s.]

Хелик А.С. Идейные источники русской социально–политической публицистики конца XV – начала XVI вв. // Политика и общество. 2017. № 3. С. 149–154. [Khelik A.S. Ideynyye istochniki russkoy sotsial'no–politicheskoy publitsistiki kontsa XV – nachala XVI vv. // Politika i obschestvo. 2017. № 3. S. 149–154.]

Broun D., Finlay R.J., Lynch M. Image and Identity: The Making and Re–Making of Scotland Through the Ages. Edinburgh: John Donald, 1998. 236 p.

Claydon T. William III and the Godly Revolution. Cambridge: C.U.P., 2004. 272 p.

Lake P. 'Puritans' and 'Anglicans' in the History of the Post-Reformation English Church // The Oxford History of Anglicanism. Vol. I: Reformation and Identity c. 1520–1662. Oxford: Oxford University Press, 2017. P. 352–380.

Ramet S.P. The Catholic Church in Polish History: From 966 to the Present. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2017. 300 p.

Rowland D. B. Moscow – The Third Rome or the New Israel? // The Russian Review. 1996. Vol. 55, No. 4. P. 591–614.

Ryrie A. The Age of Reformation: The Tudor and Stewart Realms, 1485–1603. New York: Routledge, 2013. 360 p.

Перевезенцев Сергей Вячеславович*, доктор исторических наук, профессор, кафедра истории социально-политических учений, МГУ имени М.В. Ломоносова, serp1380@yandex.ru*

Абрамян Арман Суренович*, аспирант, кафедра истории социально–политических учений, МГУ имени М.В. Ломоносова, asabramyan@gmail.com*

The ideological origins of the genesis of messianic concepts in european sociopolitical thought

The early ideas of politics and governance and the subsequent national ideologemes in Europeans states were grounded in religiopolitical imagery, namely Christian imagery. During the medieval era, the Christian worldview became the foundation of protomessianic concepts within the framework of state ideologies in many European countries. Those concepts were meant to explain the historical role and significance of different national entities. This article analyses the possible influence of the Old Testament imagery of Israel in relation to the genesis of those concepts in European intellectual history.

Key words*:* sociopolitical thought, Christianity, messianism, messianic concepts

Sergei V. Perevezentsev*, Dr.Sc (History), is a Professor at the Department of History of Social and Political Doctrines, Faculty of Political Science, Moscow State University*

Arman Abramyan *is a postgraduate student at the Department of History of Social and Political Doctrines, Faculty of Political Science, Moscow State University*

А. А. Чанышев

И.Г. ФИХТЕ О РОЛИ ЯЗЫКА И ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ В СТАНОВЛЕНИИ СУВЕРЕНИТЕТА НЕМЕЦКОЙ НАЦИИ

В статье анализируется проблема создания основ национального суверенитета в произведении И.Г. Фихте «Речи к немецкой нации» (1808). Обосновывается положение о том, что историософская телеология нравственной свободы – источник оптимистической уверенности Фихте в неизбежности конечной победы царства абсолютного долженствования и освобождения всего человечества. Данное обстоятельство позволяет противопоставить «всемирно-гражданский» национальный проект Фихте мифу национально-расового превосходства.

Ключевые слова: *нация, национальный суверенитет, праязык, этимон, денотат, самость, образование, воспитание, этический идеализм, нравственная свобода*

В историософском плане «Речи к немецкой нации» (1808) Фихте представляют собой продолжение его предыдущего сочинения «Основные черты современной эпохи» (1806)[1]. К мысли о переходно-срединном, «осевом» характере «современной эпохи», которую он считал началом совершенно нового времени автор добавляет концепцию духовно-политического нациеобразования. Эта концепция, как и прежний проект экономического замыкания государства, рассматривается Фихте в перспективе наследуемого от Канта телеологического понимания истории, основанного на «этическом идеализме», т.е. на понимании нравственной свободы как *предназначения* отдельного человека и одновременно – *последней цели* исторического развития всего человечества[2].

Фихте полагал, что современная эпоха кризисная, но, вместе с тем, кризис этот преодолим. Возможность преодоления кризисных явлений «современной эпохи» заложена в *смысловом субстрате* суверенного государства нового времени – в «абсолютном государстве» («государстве разума»), программирующем историческую задачу по достижению высших исторических целей. Поэтому, если непосредственные цели «государства в обычном смысле слова» изначально определяются задачами самосохранения, то одновременно государство в абсолютном отношении – это еще и своего рода инструмент, служащий средством для достижения высших целей духовного развития человека.

В этом пункте Фихте перешагивает определенный рубеж в развитии «проекта Просвещения» – своего рода «предел невозможного», обозначенный Кантом. Кантовская перспектива всемирного республикан-

[1] Фихте сам объявляет свои «Речи» продолжением предыдущего сочинения «Основные черты современной эпохи». – См.: Фихте 2009: 50.

[2] «Этический идеализм» – термин О.Г. Дробницкого, относящийся к этике Канта, использовавшего в обосновании нравственности логику самого морального сознания. – См.: Дробницкий 2002; о телеологии свободы в философии истории Канта и Фихте см.: Коллингвуд 1980: 90 – 107.

ского строя, цель которого заключается в достижении «вечного мира», основывалась на установке смысловой необходимости поглощения и вытеснения политики – как узко инструментальной практики отношения к человеку – моралью. В свою очередь, в политической теории это оформлялось в концепции *правового государства* и в соответствующем последней принципе неотчуждаемости гражданского достоинства личности[3]. Фихте же исходит из факта крушения данного проекта, объявляя оба этих пункта просветительской программы проваленными, и концентрирует внимание на объективных экономических и социально-политических причинах такого результата. В целом, центром тяжести политико-правовой концепции Фихте остается проблема свободы, как это было в политической мысли Просвещения и у Канта. Вместе с тем, Фихте не ограничивается анализом одних только формально-правовых оснований свободы и политических условий ее реализации – в их связности с моральной автономией индивида; он «открывает» социальное и экономическое измерение свободы и, по сути, ставит проблему ее укорененности не только в личном произволении отдельного человека, но и в структуре общественных отношений – в интерсубъективных порядках взаимодействия людей. Однако Фихте – рубежный мыслитель еще по одному основанию. Он – ради преодоления фрагментации социокультурного бытия – апеллирует к эпохально-исторической необходимости растворения личности (как он полагает, предстающей в настоящее время в качестве социально-изолированного, эгоцентричного индивида) в органической целостности *рода*, – и тем самым отказывается от концепции нравственной автономии человека, в той «редакции», в какой она служила у Канта основанием всей политико-правовой теории[4].

Иными словами, принципиально значимым мотивом для Фихте становится характерная установка на деперсонализацию социокультурной и политической коммуникации, что создает теоретические «условия возможности» для отхода от либеральной политической позиции[5] к обоснованию необходимости осуществления государством политики обобществления социальных отношений, прежде всего отношений собственности. Он обосновывает тезис о возможности и необходимости использования государственной власти для достраивания правового государства и формальной свободы до социально-экономической «полноты», и ради этого – для тотального овладения объективными структурами общественного бытия, установления политико-инструментального контроля над ними и их коррекции. Именно в дополнении политического суверенитета государства суверенитетом экономическим, в образовании «замкнутого торгового государства» заключена, по Фихте, перспек-

[3] О связи кантовской философии права с Просвещением по данному основанию см.: Соловьев 1974; Кант 1965.
[4] См: Чанышев 2010.
[5] См. Гайденко 1990.

тива создания условий возвращения личности в лоно «органической» тотальности человеческого рода и обретения высшей свободы.

В «Речах к немецкой нации» историософская диспозиция, не изменяясь в целом, оставляя в силе прежнюю целевую причину, *идею* достижения свободной, *органической целостности* человека и общества, одновременно модифицируется посредством введения в ткань философски осмысляемого исторического процесса еще одного, дополнительного условия прогрессивного продвижения вперед, наполняя при возникновении новых обстоятельств (оккупации германских земель французским войсками) идею свободы не только конкретным *социальным* смыслом (как в концепции «замкнутого торгового государства»), но и содержанием *национальным*, подчиняя созидаемую в процессе духовной (культурной) революции *немецкую нацию* – и народ, и образованные слои (а вместе с ними и посредством этих последних) – все человечество, единой конечной цели. Высвобождение из-под исторически чуждых завалов и наслоений, воссоздание и новое обретение немцами своей субстанциональной *самости* есть условие возможности достижения народом национального единства и духовного суверенитета и, таким образом, оно становится теперь предшествующим звеном мирного завоевания ею политической и экономической суверенизации.

Политическое содержание исторического момента как отправная точка нациеобразования. Провозглашаемая автором «Речей» оценка исторического содержания современности заключается в следующем: в настоящем (европейское) человечество обрело момент, когда настал черед «свободно сделать» себя тем, что оно собственно есть изначально, т.е. переступить водораздел между временем несвободного развития человеческого рода и эпохой «свободного и обдуманного его развития»[6]. Началом этой подлинной эпохи осуществления исторического предназначения человечества, в которой человеческий род явится нам преображенным, *теперь* должно стать восстановление *духовного суверенитета немецкой нации* – как единственное средство возвращения ей суверенитета политического. Такая возможность, по мнению Фихте, ранее уже существовала, но не была использована[7]. Теперь же, когда нам нанесено поражение силой, претендующей на мировое господство, нам выпала «великая удача» – основать «империю духа и разума»[8].

Сегодня, однако, немцы – *народ*, поставленный под угрозу лишения своего духовного стержня, и теперь им может помочь только своего рода духовная революция. Для осуществления подобной революции необходимо, прежде всего, следующее: очистить пространство национальной культуры – убрать ложные ориентиры, заблуждения в понимании современной ситуации. Время ушло вперед, но основные препят-

[6] См.: Фихте 2009: 102.

[7] Фихте имеет в виду свою рекомендацию по созданию суверенного государства в работе «Замкнутое торговое государство» (1800).

[8] Фихте. Там же: 334.

ствия на этом пути – все те же, утверждает мыслитель, и повторяет критику некоторых «основных черт современной эпохи», данную им в одноименном сочинении.

В области международных отношений такое препятствие составляет, *во-первых*, *теория европейского равновесия*. В рамках данной теории современный мир характеризуется как война всех против всех. Единственное средство сохранить покой в этом мире заключается в том, чтобы никто не становился настолько сильным, чтобы его нарушить, и каждый знал, что на другой стороне именно столько сил для сопротивления, сколько на его стороне – для нападения; чтобы, таким образом, возникло равновесие и противовесы всей совокупной силы, посредством которых, после того как исчезли все другие средства, только и будут удерживаться, каждый – в своем нынешнем состоянии и все – в покое. Но, правда, равновесие было бы средством сохранить покой только в том случае, если бы было найдено средство создать это равновесие.

Во-вторых, *учение о* (*свободной*) *мировой торговле и производстве для мира*, т.е. об экономике отдельной страны, которая необходимо представляет собой *часть* всемирной экономической системы в условиях международного разделения труда. Это учение годится для иностранцев и принадлежит как раз «к их оружию, с помощью которого они с давних пор воюют с нами»[9].

В-третьих, приобретшая в последнее время актуальность старая фантазия об *универсальной монархии*, которая начинает предлагаться публичному почитанию вместо равновесия, становящегося с некоторых пор все более невероятным.

Рецепт действенного исправления положения – предотвратить закат нашей нации, слияние ее с зарубежьем, вновь добыть *самость*, покоящуюся только на себе самой и совершенно неспособную впасть в какую бы то ни было зависимость, мы можем исключительно только посредством общего всему немецкому фундаментального свойства[10].

Важно уточнить, что такое «немецкая нация» как адресат обращения в «Речах». Фихте следующим образом понимает свой адресат: обращаясь к образованной части всей немецкой нации, «я говорю просто о немцах, не признавая, но откладывая в сторону и отбрасывая все разделяющие различия, которые были созданы в *единой нации* (курсив мой. – *А.Ч.*) злосчастными событиями в течение столетий»[11]. При этом *эгоизм* – общая черта «современной эпохи»[12] – главное препятствие на пути

[9] Фихте 2009: 298.
[10] Там же: 55.
[11] Там же: 52.
[12] *Эгоизм*, по Фихте, – установка, согласно которой человек «по доброй воле» не хочет видеть «никакой другой цели, кроме себя самого». – Фихте 2009: 61. – Не ясно, почему Фихте не замечает, что термин «эгоизм» (продукт философии XVIII в.) – тоже иноязычное, латино-романское образование – и, казалось бы, согласно логике автора «Речей», должен быть столь же непривычен и непонятен немецкому уху, как и другие подобные языковые заимствования, упоминаемые Фихте.

восстановления *национального единства*, катализатор свойственных эпохе деструктивных процессов, корень всякой моральной порчи. Эгоизм при достижении максимума своего развития распространяется от подвластных (народа) к правящим, и охватывает все общество. Если же эгоизм полностью разъедает моральную сердцевину и правящих, и подвластных, становясь *единственным жизненным побуждением*, то возникает положение крайне опасное, чреватое полной утратой национальной *самости* (в узком смысле – неповторимого, *уникально-образцового* ансамбля особенностей немецкого народа, служащих основой его *идентичности* и целостности[13]) и государственного *суверенитета.*

В первую очередь это проявляется *во внешней политике* правящего слоя – в пренебрежении союзническими обязательствами, которые «связывали его собственную безопасность с безопасностью других государств, отказе от целого, членом которого являются»[14]. *Внутренняя политика* лишается твердости и заключается в «вялом использовании поводьев государства, что называют иностранными словами *гуманность*, *либеральность*, *популярность*. Тогда всеобщая испорченность губит *общее существование*[15], и оно «гибнет при первой же серьезной угрозе».

Эгоизм, хочет сказать философ, – совершенно провальная стратегия самосохранения для правящих, потому что он разделяет народ и последних, и живое единое тело нации распадается на части. Мало того, эгоизм в случае предельного его развития (когда *я* превращает себя в *абсолютный* центр мира, перевешивающий по своей значимости все содержание последнего), самоуничтожается, – «и тем, кто по доброй воле не хочет видеть никакой другой цели, кроме себя самих, внешнее насилие навязывает такую другую цель». Единственная *надежда*, остающаяся в этом положении, по словам Фихте, – на «создание совершенно нового порядка вещей»[16].

В этом созидательном деле первостепенную значимость имеют более высокие и значимые мотивы, чем непосредственные чувственные побуждения *страха* и *надежды*. Но именно последние могут склонять не только к деструктивным, эгоистичным поступкам, но и к конструк-

[13] *Самость*, в отличие от *национального своеобразия*, все же большее по объему и к тому же *метафизическое* по содержанию понятие, которое обладает глубинно-онтологическим смыслом, обозначая *субстанциональную* основу нации как исторического явления. Самость-субстанция имеет у Фихте прежде всего нравственное определение, которое фиксируется и транслируется *праязыком*, сохраняющим при всех изменениях *неизменное этимологическое ядро*, обеспечивающее исторически-деятельное существование *пранарода* как уникального *абсолютно самостоятельного* духовного образования.

[14] Там же: 58.

[15] *Общее существование,* по-видимому, мыслится как нечто подобное античному *res publica* – «общему достоянию», «общему делу» (Цицерон. О государстве I,39). Причем, «республика» – это не конкретная форма правления, но внутренняя форма (идея) государства («вечный Рим»), пребывающая неизменной, независимо от формы правления. – См.: Утченко 1977: 70, 83–84.

[16] Фихте. Там же: 60.

тивным, ответственным в гражданском отношении действиям, – пробуждая нашу духовную способность к *нравственной оценке*[17]. В этой связи *самообразование* немецкой нации (здесь – синоним *нациеобразования*) через *воспитание* в каждом ее члене способности действия на основе гражданской (моральной) оценки положения дел народной общности и личного в них участия «было бы единственным надежным средством, которое остается нации, потерявшей свою самостоятельность, а с ней и влияние на общественные страх и надежду». «Таким образом, – продолжает Фихте, – средство спасения, указать которое я обещал, состоит в образовании совершенно *новой самости* (новой по сравнению с сегодняшними свойствами немцев, погрязших в эгоизме, заслонившем национальную идентичность. – *А.Ч.*) …одним словом: то, что я предлагаю в качестве средства сохранения существования немецкой нации, есть *полное изменение воспитания*»[18].

Нравственные цели нового воспитания и образования[19]**.** Содержание такого изменения должно быть определено, исходя из недостатков прежнего воспитания: следует переориентироваться на решение задачи придания *жизненности картине нравственного миропорядка*. Для этого необходимо избавиться от прежней дидактики моральных поучений и голых призывов к нравственности. В данном случае воспитанники за крайне редким исключением последуют не за голыми увещеваниями, но отдадут предпочтение побуждениям своего эгоизма, и призывы останутся бесплодными в действительной жизни, «которая образовывалась на совершенно других, полностью недоступных этому воспитанию основаниях»[20].

Моральное бесплодие и бессилие прежней модели воспитания – в идейном ее изъяне. Дело в том, что такая модель исходила из априорного постулата о наличии «свободы воли» у воспитуемого, т.е. рациональной *свободы выбора* между добром и злом (как выражается Фихте, «воли нерешительно колеблющейся» между тем и другим). «Кто вынужден призывать себя, и кто призываем другими к тому, чтобы [лишь] желать добра, тот еще не обладает определенной и всегда готовой к действию волей, но хочет еще только создать таковую на случай действия», – утверждает Фихте[21]. Он хочет сказать, что в условиях, когда *узы страха и надежды* разрушены Просвещением, т.е. когда, по крайней мере, декларативно, отменены сословное неравноправие и деспотическое правление, ориентация системы воспитания на постулат «свободы воли» дает простор не гражданской инициативе и ответственности, а исключительно эгоизму.

---

[17] Там же: 58.
[18] Фихте 2009: 65.
[19] У Фихте понятие «воспитание» (Erziehung) предстает необходимым морально-практическим аспектом более широкого по своему смыслу «образования» (Bildung).
[20] Там же: 70.
[21] Там же: 71.

Если же следовать проекту переориентации воспитания Фихте, то тот, для кого нравственно-гражданский выбор уже *предрешен* – заложенной в него новой системой воспитания – *безусловным* стремлением к следованию живому, наглядно убедительному для него примеру выполнения гражданского долга, – тот будет всегда и при любых обстоятельствах *безальтернативно*, без всяких колебаний желать только *одного*. Для него свобода воли (свобода как возможность рационального выбора, liberum arbitrium) навсегда уничтожена и растворилась в моральной *необходимости*. Иными словами, не свобода, а духовная *необходимость* – вот цель воспитания. В конечном счете, вся нация «во всех своих частях будет движима и оживлена одним и тем же единым настроем»[22] – *необходимостью, заключенной в нравственном законе*.

Если ранее образование было сословным, было образованием *отдельно народа* и *высшего сословия*, то теперь оно должно стать достоянием *всей нации*; следует уничтожить границу между интеллектуальной элитой и народом. Через национальный момент питомец этого воспитания обретает свою идентичность не просто как член конкретного человеческого сообщества, – обитающий на земле короткий срок своей жизни, – но также в качестве звена «вечной цепи духовной жизни как таковой, находящейся в более высоком общественном порядке (нравственном миропорядке едином для всего человеческого рода. – *А.Ч.*)»[23].

Для объяснения хода дальнейших рассуждений Фихте (включающих, в том числе концепцию значимости немецкого языка в процессе нациеобразования), как равным образом и для понимания места мыслителя в идейной истории Нового времени, истолкование его позиции, сопрягающей общечеловеческий прогресс с социокультурной эволюцией немецкого народа, является ключевой задачей. С одной стороны, Фихте в этом пункте продолжает линию кантовской историософии, стержнем которой является этический идеализм (о чем говорилось выше). С другой, – историософия эта получает национальный (но отнюдь не националистический) крен, сходный с идеологией «Закрытого торгового государства» (ведь совет «замкнуться в качестве торгового государства», по словам Фихте, тоже был дан немцам[24]), так как *отдельное* национальное развитие для Фихте выступает как условие универсального *общечеловеческого* прогресса свободы.

Итак, обращение к национальному началу, к национальной изначальности (самости) суть альфа и омега программы нравственно-гражданского воспитания. Каковы же характеристики этой немецкой самости, или глубинной сущности немецкой нации?

Роль праязыка в нациеобразовании. **Критика пустых понятийных заимствований из чужеродных языков и опасность иноязычных интервенций.** Прежде всего, *фундаментальным свойством*, отличаю-

[22] Фихте 2009: 66.
[23] Там же: 91.
[24] Там же: 298.

щим немцев от других народов германского происхождения является то, что немцы (по Фихте, – одно из племен германцев) «говорят на *языке живом*… остальные германские племена [например, скандинавы] – на языке, оживленном только лишь на поверхности, но в корне *мертвом*»[25]. Для пояснения специфики живого языка Фихте вводит понятие *праязыка*: [Немцы] «оставались в непрерывном потоке *праязыка*, развивающегося из действительной жизни, последние же приняли чуждый им язык, который омертвел…»[26]. Как можно понять, основой существования и развития живого языка является сохранение его постоянной связи с совокупностью преемственных (нравственных) практик народной жизни; это значит: от начала, уходящего в доисторическую древность существования народа-предка – и по настоящее время, что обеспечивает такому языку исторически непрерывную *этимологическую связность* и внятность при всех последующих изменениях с ним происходящих.

Итак, *живой* язык – значит исторически сохраняющий свое ядро, свою *этимологическую связность* (а тем самым – и свой нравственный стержень). То, что немецкий язык именно таков, становится ясно из следующего. Образцовыми примерами чужеродных языковых заимствований для Фихте являются «гуманность», «популярность», «либеральность». «Эти слова, – говорит Фихте, – произнесенные перед немцем, не изучавшим никакого другого языка, для него совершенно пустой звук, который не напоминает ему посредством *родства* звуков ни о чем, уже известном ему, и таким образом полностью вырывает его из круга его созерцания и всякого возможного созерцания»[27], т.е. оценки, которые могут быть такими словами выражены, не увязаны в *собственном* языковом сознании немца ни с какими внятно значимыми для него способами поведения; «круг его созерцания» в данном случае – это, по-видимому, *наглядный опыт*, т.е. характер исторически определенной социальной практики[28]. В таком случае немцу *чуждо* само звучание этимона, и потому ему непонятно значение понятия (которое как бы лишено денотата); но он должен с самого начала получить объяснение этого значения, как чего-то ему совершенно нового и *слепо верить ему*.

Коммуникативная тупиковость заимствования мертвых слов из чужого языка усугубляется еще и тем, что самим «новолатинским языкам» свойственна указанная невнятность, поскольку это тот случай, когда у носителей этих языков нет *живого языка*, которым могли бы поверить *мертвый*, точнее, они «вообще не обладают *родным* языком», но в наследство от мертвого получают лишь «разодранное собрание

[25] Там же: 125.
[26] Там же: 128.
[27] Там же: 121.
[28] Здесь проявляется сходство позиции Фихте с основной идеей Д. Вико, который полагал, что этимологическое исследование может быть средством проникновения в историческое (и даже доисторическое) прошлое, ибо слова – непосредственные свидетели, зафиксировавшие изначальное содержание социальных практик («человеческих вещей», как он выражался) и их последующее изменение.

произвольных и больше совершенно непроясняемых знаков и таких же произвольных понятий, которые можно только выучить, и ничего более»[29]. – И, наоборот, в пределах немецкой речи «такое закутывание в непонятность и темноту происходит или из-за неумелости, или по злокозненности; перевод на настоящий истинный немецкий представляет собой подходящее средство избежать этого»[30].

«Злокозненность» иноязычных словесных интервенций, по Фихте, заключается в следующих вещах. Такие интервенции пролагают канал опасного чужеродного вмешательства, позволяющий «сначала увести слушателя из непосредственной понятности и определенности, которую несет с собой каждый *изначальный язык*, в темноту и непонятность; затем к пробужденной в нем этим *слепой вере* обратиться со ставшим теперь необходимым объяснением»[31]. Но, приняв данные объяснения, он слепо *вверяет* себя инородной организации жизни, поскольку, как справедливо замечает Фихте, «язык образует [формирует] людей намного более, чем сами люди образуют язык»[32]. И кроме того, что самое опасное, эти интервенции вносят раскол в единство нации, разделяя ее на привилегированные и образованные сословия (которые начинают гордиться сходством с чужестранцами) и сословия, не имеющие доступа к образованию)[33]. Иными словами, в одном *живом* народе образуется два разных, изначально неравных народа, а одна национальная культура разделяется на две разные культуры, образование и жизнь начинают идти «каждое своим путем»[34].

Свобода как нравственная необходимость для немецкого народа, стержень его духовного единства. Общий тезис мыслителя: немцы – *пранарод*[35]. Это значит, что немецкий народ (по Фихте, первоначально – одно из германских племен) представляет собой «органическую» целостность людей, исконно обладающих нравственными свойствами, – закрепленными в этимологическом ядре *праязыка* и транслируемыми через все этапы исторического развития данной общности; к такого рода свойствам относится прежде всего *свободолюбие*, наиболее полно про-

[29] Там же: 125.
[30] Там же: 124.
[31] Там же.
[32] Там же: 112. Из данного положения следует, что только через *живой* национальный язык происходит трансляция, распознание и присвоение собственной «самости» (национального мировоззренческого кода), причем, присвоение этого вида собственности не может быть частным. Язык – это *мое-общее*, причем общеродное. Иначе говоря, как «собственность» (и условие свободы) родной язык характеризуется тем, что не столько *я* и даже *мы* им владеем, сколько *он* овладевает и владеет нами. – Ср.: Бибихин 2012: 5.
[33] Фихте 2009: 139.
[34] Там же: 129.
[35] Немецкие филологи начала XIX в. считали слово *deutsch* (немецкий, немец) производным от древнего германского корня, обозначавшего принадлежность к роду, народу. – Прим. А.А. Иваненко, переводчика цитируемого в данной статье русскоязычного издания «Речей к немецкой нации».

являющееся как воодушевление любовью к Родине, в «готовности на жертвы общему»[36]. Народ – сообщество, накапливающее, хранящее и передающее потомкам (и находящееся поэтому в живом общении из настоящего со своим прошлым и будущим) собственные исторические достижения и приобретения. В этом отношении немецкий народ достиг наивысшего расцвета в такой исторической форме своего существования как «бюргерство немецких имперских городов средневековья».

Особенностью немецкого народа, считает Фихте, является также то, что «воодушевлением его легко поднять ко всякому воодушевлению и всякой ясности, и его воодушевление не иссякает в жизни и преобразует ее»[37]. Также, как и Гегель, Фихте полагает, что христианская религия, кардинально противопоставляя небесное земному[38], задает парадигму свободы, т.е. предпочтения следования силе духовных ценностей. Наивысший образец такого одухотворения свободой в новое время философ видит в Реформации как форме бескомпромиссного преодолении авторитарных тенденций позднесредневековой католической церкви. У протестантов не было ничего, но «они переносили все мучения, вели кровавые опасные войны только затем, чтобы вновь не подпасть власти проклятого папства, чтобы им и их детям всегда сиял свет Евангелия, один только делающий блаженным»[39].

Реформационному опыту *всеобщего народного воодушевления* у немцев (в деле утверждения свободы совести) Фихте противопоставляет современный опыт европейского зарубежья, где, по его словам, ухватились за задачу создания на основе рационально-философского *искусственного* проекта *совершенного государства*[40], – и вскоре после этого бросили ее. Причину неудачи он видит в том, что дело создания совер-

---

[36] Там же: 163.

[37] Там же: 153.

[38] По Гегелю, исторически христианская религия (он называет ее «религией свободы») представляет собой духовную основу нравственной свободы, поскольку религиозная вера «как чувство, имеющее своим предметом Бога как неограниченную основу и причину, от которой все зависит, содержит в себе момент, который при всех изменениях и утрате действительных целей, интересов и достояний дает сознание непреложности, высшей свободы и величайшего удовлетворения». Гегель 1990: 81, 294.

[39] Фихте 2009: 153

[40] Фихте имеет в виду просветительский проект *правового государства*, который он подверг критике в «Замкнутом торговом государстве», как не оправдавший надежд на достижение действительных равенства и свободы». «Искусственным» такое государство является как потому, что представляет собой артефакт, продукт сознательного конструирования (принцип *создания* «государства как произведения искусства» - по заранее определенным лекалам – восходит к Возрождению. – Буркхардт 1996), так и потому, что в проект такого государства заложена принципиальная ошибка: оно мыслится не как восстанавливаемое органическое единство своих частей, а как результат *договора* отдельных эгоистически ориентированных индивидов. – Об этом напоминает сам Фихте, говоря о том, что такая идея – не немецкое изобретение, но немцам надлежит выполнить задачу ее полноценной реализации, исключая из проекта *конвенционализм*: *самость* как *субстанция* – принципиально неконвенциональна.

шенного государства без воспитания совершенного (духовного) человека «безжизненно»; «соразмерное разуму государство» не может быть построено искусственным образом из любого наличного материала, нация должна быть сначала образована и воспитана для него, причем воспитание национальное должно одновременно осуществляться «во всеобщем и всемирно гражданском духе»[41].

***

Таким образом, специфика нового этапа в эволюции политического мировоззрения Фихте состоит в опосредовании выполнения задачи достижения социально-экономических целей на пути к совершенному государству (в свою очередь выступающему в качестве трамплина для реализации высших духовных целей человечества) еще одним промежуточным звеном – построением *национального* суверенитета.

Выполнение задачи нациеобразования мыслится Фихте как дело *образования* и *воспитания*, осуществляемое через возрождение духовной культуры немецкого народа, – с опорой на такой ресурс, как *праязык*, единственный *живой язык* в германской языковой семье. Определение мыслителем специфики живого языка позволяет понять, что она заключается в следующем: при всех исторических изменениях такой язык сохраняет свое этимологическое ядро, что делает его носителем и транслятором нравственной *самости* немцев, или субстантивного начала этого народа, его общего и неделимого достояния, – в свете значимости которого либерально-конвенциональное понимание основ прогресса представляется заведомо ложным. Обладание живым языком, является свидетельством того, что немцы, как полагает Фихте, представляют собой уникальный *пранарод*, в свойствах которого заключается наивысший потенциал безусловной преданности гражданской свободе как своему нравственному долгу. А это означает, что на вновь образуемую из немецкого народа нацию может быть возложена миссия открытия пути к созданию образцового государства (цель, заявленная еще в 1800 г. в «Замкнутом торговом государстве» и подтвержденная в 1806 г. в «Основных чертах современной эпохи»).

В свою очередь, предназначение такого государства – в реализации высших духовных целей *всего* человеческого рода. По этой причине самого Фихте трудно заподозрить в узком национализме и тем более в национализме, сопряженном с мифом национально-расового превосходства. Очевидно, что его возвышенная апелляция к «самости» немецкого народа – *во всеобщем и всемирно гражданском духе*, как он выражался – кардинально противоположна адресации Розенберга к мифу «нордической расовой души», к которой последний присовокуплял максимально витальную волю высшей, единственно подлинной, как он полагал, «общности духовного слияния крови».

[41] Там же: 175.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Бибихин В.В. Собственность. Философия своего. СПб.: Наука, 2012. 291 с. [Bibikhin V.V. Sobstvennost'. Filosofiya svoego. SPb.: Nauka, 2012. 291 s.].

Буркхардт Я. Культура Возрождения в Италии. М.: Юристъ, 1996. 591 с. [Burkkhardt Ya. Kul'tura Vozrozhdeniya v Italii. M.: Yurist", 1996. 591 s.].

Гайденко П.П. Парадоксы свободы в учении Фихте. М.: Наука, 1990. 127 с. [Gaidenko P.P. Paradoksy svobody v uchenii Fikhte. M.: Nauka, 1990. 127 s.].

Гегель Г.-В.-Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с. [egel' G.-V.-F. Filosofiya prava. M.: Mysl', 1990. 524 s.].

Дробницкий О.Г. Моральная философия: Избранные труды. М.: Гардарики, 2002. 523 с. [Drobnitskii O.G. Moral'naya filosofiya: Izbrannye trudy. M.: Gardariki, 2002. 523 s.].

Кант И. Метафизика нравов в двух частях // Кант И. Сочинения в 6 тт. Т. 4. Ч. 2. М.: Мысль, 1965. С. 107 – 438. [Kant I. Metafizika nravov v dvukh chastyakh // Kant I. Sochineniya v 6 tt. T. 4. Ch. 2. M.: Mysl', 1965. S. 107 – 438.].

Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980. 485 с. [Kollingvud R.Dzh. Ideya istorii. Avtobiografiya. M.: Nauka, 1980. 485 c.].

Соловьев Э.Ю. Теория «общественного договора» и кантовское моральное обоснование права // Философия Канта и современность. М., 1974. С. 223 – 230. [Solov'ev Eh.Yu. Teoriya «obshchestvennogo dogovorA» i kantovskoe moral'noe obosnovanie prava // Filosofiya Kanta i sovremennost'. M., 1974. S. 223 – 230.].

Утченко С.Л. Политические учения Древнего Рима. М.: Наука,1977. 257 с. [Utchenko S.L. Politicheskie ucheniya Drevnego Rima. M.: Nauka,1977. 257 s.].

Фихте И. Г. Речи к немецкой нации / пер. А. А. Иваненко. СПб.: Наука, 2009. 349 с. [Fikhte I. G. Rechi k nemetskoi natsii / per. A. A. Ivanenko. SPb.: Nauka, 2009. 349 s.].

Чанышев А.А. Государство как политический инструмент социально-экономического освобождения человека (политическая теория Фихте) // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 4. С. 245 – 253. [Chanyshev A.A. Gosudarstvo kak politicheskii instrument sotsial'no-ehkonomicheskogo osvobozhdeniya cheloveka (politicheskaya teoriya Fikhte) // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2010. № 4. C. 245 – 253.].

Fichte J.G. Fichtes Reden an die deutsche Nation. Hamb.: SERVUS Verlag, 2013. 298 s.

***Чанышев Александр Арсеньевич**, кандидат политических наук, доцент, кафедра политической теории, факультет управления и политики, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России; chanishev@bk.ru*

J. G. Fichte on the role of language and spiritual culture in the formation of the national sovereignty of the German Nation

The article analyzes the problem of creating the foundations for national sovereignty in the work of I.G. Fichte (Addresses to the German Nation, in German: Reden an die deutsche Nation, 1808). It argues that the historiosophical teleology of moral freedom is the source of Fichte's optimistic confidence in the inevitability of ultimate reign of absolute oughtness and liberation of all mankind. Based on this, one can contrast the 'global civil' national project of Fichte and the myth about racial superiority of a nation.

Keywords: nation, national sovereignty, protopeople, protolanguage, etymon, denotation, uniqueness, education, upbringing, ethical idealism, moral freedom, historiosophy

***Chanishev Alexander**, Ph.D., associate Professor, Moscow state Institute of international relations (University) of the MFA of Russia, School of Governance and Politics, Department of political theory; chanishev@bk.ru*

А. А. Зоткин

ПРОБЛЕМА ВОЙНЫ И МИРА В НЕМЕЦКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XVIII – НАЧАЛА XIX ВЕКА

В статье исследуется эволюция взглядов немецких теоретиков XVIII – начала XIX в. на войну и мир как неизбежные перспективы человечества. В результате проведенного анализа автор приходит к выводу, что взгляды немецких мыслителей в своем развитии совершили завершенный цикл, связанный с политическими и культурными событиями европейской истории того времени. Мыслители начала цикла убеждены в неизбежности установления стабильного мира в международных отношениях и принимают войны лишь в качестве крайнего и временного средства его утверждения. В начале XIX века они не только отказываются от идеи «вечного мира», но и оценивают войны как непременное условие выживания человечества, парадоксальным образом совпадая с первыми в стремлении гарантировать сохранение жизни на земле.

Ключевые слова: *война, «вечный мир», Фридрих II, Гердер, Кант, Фихте, Гегель, Клаузевиц*

Проблема мира и войны для человечества одна из «вечных», на протяжении тысячелетий все чаще обостряющихся и неизменно сопровождаемых «всплеском» связанных с их разрешением дискуссий. Одним из наиболее плодотворных периодов обсуждения проблемы мира и войны в политической мысли Германии стал век XVIII-й и самое начало XIX в. Именно в этот период были сформулированы и всесторонне обоснованы две крайних точки зрения на перспективы человечества в аспекте мира и войны. И. Кант (1724–1804) считал, что «вечный мир» – единственная альтернатива «вечному покою» на кладбище планеты. В то время как его адепт по философской школе и оппонент в политике Г.В.Ф. Гегель (1770–1831) полагал, что «вечный мир» подобен ряске на озерах, из-за которой гибнет все живое в них, что «вечный мир» надежный путь к всемирному погосту. Концепции Гегеля и Канта полезно рассмотреть в контексте мысли их ближайших «собеседников» по веку – Фридриха II (1712–1786), И.Г. Гердера (1744–1803), И.Г. Фихте (1762–1814) и К.Ф.Г. фон Клаузевица (1780–1831), чьи взгляды на проблему войны и мира предстанут в исторической перспективе и творческом развитии ее исследователей. Все они творили в период взлета и краха идеалов Просвещения, надежды просветителей на благие результаты революции во Франции 1789–1794 гг. и всеобщего разочарования в ее итогах.

Фридрих II (король Пруссии с 1740) известен как основоположник прусско-германской государственности, представитель просвещенного абсолютизма, крупный реформатор, полководец и военный теоретик, масон, король-философ[1], в творческом наследии которого проблема ми-

[1] Королем-философом Фридриха II нарек высоко ценивший его как мыслителя и государственного деятеля Гегель: «Фридрих Великий не только сделал Пруссию… одною из великих держав Европы, но он был и королем-философом – совершенно своеобразное и единственное явление нового времени. …он обладал сознанием всеобщно-

ра и войны заняла видное место[2]. О взглядах Фридриха II на данную проблему мы судим по его раннему трактату «Анти-Макиавелли» (1739), которому он в своей монаршей деятельности привержен был далеко не всегда. Но он стал первым немецким мыслителем эпохи Просвещения, затронувшим в своих трудах проблему мира и войны достаточно обстоятельно. Согласно Фридриху II, целью правления государя является поддержание мира как внутри страны, так и за ее пределами. Восстановление попранной справедливости, как он полагал, единственный разумный повод для ведения войны. Отношения между государствами, по Фридриху II, должны быть основаны на договорах, нарушение которых недопустимо. Говоря о возможности установления всеевропейского мира на основе заключения монархами Европы двусторонних договоров, он, по сути дела. предвосхитил идею Канта о возможности «вечного мира» на основе заключения всеобщего мирного договора. В отличие от Канта, выдвинувшего в качестве непременного условия его заключения установление в государствах республиканской формы правления, Фридрих II полагался на европейские монархии: «ничто не в состоянии, – пишет он, – сохранить в Европе мир и спокойствие, кроме согласия государей»[3]. В этом отношении Фридрих II был предтечей участников Венского конгресса 1815 г., которые после реставрации монархии во Франции пытались утвердить в Европе мир всеевропейским соглашением ее монархов.

Иоганн Готфрид Гердер – философ, теолог, литературный критик, один из ведущих деятелей немецкого Просвещения к проблеме войны и мира обращается в рамках своей историософской концепции, сформировавшейся у него под воздействием французских просветителей, в первую очередь, Ш.-Л. Монтескье (1689–1755) и Ж.-Ж. Руссо (1712–1778). Так, во «Фрагментах о новейшей немецкой литературе» (1767–1768) он пишет о возрастах языка, которым соответствовали различные исторические эпохи, в «Трактате о происхождении языка» (1770) рассматривает взаимосвязь генезиса человеческого языка и развития культуры, в сочинении «Ещё один опыт философии истории для воспитания человечества» (1774) говорит о движущих силах, закономерностях и ориентирах развития человечества. Наиболее обстоятельно взгляды Гердера на ход и закономерности развития человечества изложены им в трактате «Идеи о философии истории человечества» (1784–1791), который наряду с его «Письмами для поощрения гуманности» (1793–1797) содержит основные идеи немецкого мыслителя о перспективе «вечного мира» для человечества. Гердер полагал, что человечество прогрессирует в соответствии с увеличением разумности как общества в целом, так и его отдельных представителей. Параллельно прогрессу разума, считал Гердер, развиваются гуманизм, мораль и нравственность, которые со временем утвер-

сти, в которой выражаются самое глубокое в духе и себя сознающая сила мышления». – Гегель 1993: 440.

[2] Гончаров 2018: 13.

[3] Фридрих II 2017: 142.

ждают между народами приоритет мира по отношению к войне. Согласно Гердеру, будущее человечества связано с установлением всеобщего мира и исключением войны как формы международных отношений. Он был уверен в том, что «незаметно возникает союз всех просвещенных народов, направленный против любой агрессивной державы»[4], союз, ведущий к состоянию «вечного мира».

Работ, в которых родоначальник немецкой классической философии Иммануил Кант затрагивает интересующую нас проблему, немало[5], выделим наиболее значимые[6]: «Идея всемирной истории во всемирно-гражданском плане» (1784), «О поговорке "Может это и верно в теории, но не годится для практики"» (1793), «К вечному миру» (1795), «Метафизика нравов» (1797) и «Спор факультетов» (1798). Согласно И. Канту, прогресс человечества основан на противоречии, заключенном в самой человеческой природе, и развивается в направлении увеличения степеней человеческой свободы, которая требует не только морального, но и правового оформления, что возможно только с развитием человеческого разума, поверяемого опытом. Всеобщий мир – одна из целей общественного развития, и человечеству придется рано или поздно *«создать всемирно-гражданское состояние публичной государственной безопасности»*[7]. В качестве непременного правового оформления «вечного мира» Кант в работе с соответствующим названием «К вечному миру» составил проект «всеобщего мирного договора», тем самым предвосхитив проект Лиги Наций, реализованный в XX веке.

Политическое творчество Иоганна Готлиба Фихте, ближайшего последователя Канта по его философской школе, формировалось под воздействием трансцендентальной философии Канта, а также под влиянием процессов, связанных с революцией во Франции 1789 г. и последовавших за ней событий мировой, в первую очередь европейской, истории рубежа XVIII–XIX вв. В развитии политических идей Фихте прослеживается три этапа, на которых его политические воззрения претерпевали существенные изменения, в том числе и на проблему войны и мира. На первом этапе (1789–1799)[8], Фихте увлечен французской революцией, призванной, как полагает он, воплотить в действительность кантовский проект «вечного мира». Основными работами этого периода, в которых

[4] Гердер 2003: 256.

[5] Как справедливо заметил А.В. Гулыга: «что бы и где бы ни писал Кант об обществе, его рассуждения неизбежно заканчиваются постановкой вопроса об устранении войны» (Гулыга 1994: 247).

[6] Проблема войны и мира, нашедшая первоочередную разработку именно в этих произведениях, фундирована всем корпусом сопряженных с ней трудов Канта. Более того, как замечает Т.И. Ойзерман, ««Критика практического разума», а также другие, посвященные этической и философско-исторической проблематике, работы Канта дают все основания утверждать, что кантовская концепция вечного мира является необходимой заключительной частью его системы» (Ойзерман 1994: 572).

[7] Кант 1994: 17, 20, 22.

[8] См. подробнее: Кузнецов 1989: 148–159.

в той или иной мере содержатся рассуждения о проблеме войны и мира, стали «Востребование от государей Европы свободы мысли, которую они до сих пор подавляли» (1793), «Очерки по исправлению суждений публики о французской революции» (1793), «Несколько лекций о назначении ученого» (1794), «Основы естественного права согласно принципам наукоучения» (1796) и «К вечному миру. Философский проект Иммануила Канта» (1796). Второй период политического творчества Фихте отмечен его разочарованием политикой Наполеона, отходом от концепции «вечного мира» Канта и созданием проекта государства, обреченного на проведение войны за установление его «естественных границ». Начало этого периода обозначено работой Фихте «Замкнутое торговое государство» (1800), окончание – публикацией серии работ 1806 года («Основные черты современной эпохи», «О сущности ученого», «Наставление к блаженной жизни»). С 1806 г. начинается третий период в развитии политических идей Фихте, для которого характерен взлет его патриотических настроений, упование на всемирную миссию объединенной Германии по созданию разумного государства и соответствующих ему международных отношений. В этот период Фихте создает историософскую концепцию, в рамках которой особое место в мировой истории отводится немецкой нации, решающей проблемы мира и войны на основании идей, прописываемых Фихте. Помимо названных работ сюда относятся «Речи к немецкой нации» (1808). В это время Фихте в основу представлений об общественном прогрессе положил неустранимое противоречие между, по его мнению, изначально существовавшими народами двух типов – разумного, для которого состояние мира является нормальным, и остальных – неспособных к разумному и, соответственно, стабильно мирному сосуществованию. Согласно Фихте, разумный народ, с которым он отождествил немцев, путем войны за образование самодостаточного государства в «естественных границах» установит мир, основанный на своем подавляющем экономическом и военном превосходстве. Именно немцы, согласно Фихте, с их «созданным для выражения истинного»[9] языком и «идеями, всегда приносящими народам исключительно блага»[10], явятся подлинными спасителями человечества.

Гегель проблему мира и войны затрагивает уже в одной из первых статей политического плана (1793–1796)[11]. В «Первой программе системы немецкого идеализма» (1796) он еще воспроизводит идеи о вечном мире И. Гердера, включая в свои рассуждения требование «вечного мира». В «Жизни Иисуса» (1796) размышляет пока что вполне в русле вышедшей годом ранее кантовской «К вечному миру». Его оригинальную трактовку проблемы войны и мира мы обнаруживаем в таких рабо-

[9] Фихте 2009: 314.
[10] Фихте 2009: 315.
[11] «В Берне он пишет статью об изменении политической сущности войны в связи с переходом от монархической к республиканской форме правления» (Пионтковский 1993: 11).

тах как «Конституция Германии» (1798–1803), «О научных способах исследования естественного права, его месте в практической философии и его отношении к науке о позитивном праве» (1802–1803), «Система нравственности» (1802–1803), «Феноменология духа» (1807), «Энциклопедия философских наук» (1817) и, наконец, «Философия права» (1820). Гегель утверждал приоритет государственного суверенитета по отношению к любым международным договорам, видя в государстве воплощение нравственности народа, а в войне – «логически необходимый момент развития понятия права». Гегель не отрицал значимости международных договоров, более того, он заявлял, что мирные договоры должны быть нацелены на «вечное значение». Но, тем не менее, состояние вечного мира, согласно гегелевской концепции, не может наступить, ввиду действия диалектических законов мировой истории, предполагающих периодическую смену народов на авансцене ее театра, в чем межгосударственные войны играют незаменимую роль. В «Феноменологии духа» Гегель рассматривает войну как «логически необходимый момент развития понятия права, реализации свободы в нравственном мире»[12], говоря о непреходящей значимости для общества и государства ее «нравственной» значимости. Здесь он формулирует нравственный императив государственной политики, заключающийся в непреложном требовании периодического ведения войн, которые должны служить суровым напоминанием увязшим в частной жизни гражданам об их зависимости от государства. Того, кто не захочет это вспоминать, оно должно свести лицом к лицу с войной, несущей смерть[13].

Генерал прусской армии и военный теоретик Карл фон Клаузевиц вошел в историю политической мысли как автор классической формулы, утверждающей приоритет политики по отношению к войне: «война есть не что иное, как продолжение государственной политики иными средствами»[14]. Приведенное высказывание прозвучало в «Пояснении» к недописанному им трактату «О войне»[15], который остается главным в творчестве немецкого мыслителя в аспекте разработки проблем мира и войны. Клаузевиц полагал, что мир является самой главной целью ведения войны. Однако он нигде не утверждал, что этот мир должен быть всеобщим и вечным, допуская возможность возникновения новых войн. Особенностью его концепции является признание таких войн, «которые заключаются только в угрозе противнику и ведутся в подкрепление переговоров»[16], в качестве одного из перспективных направлений государственной политики.

---

[12] Нерсесянц 1998: 85.
[13] Гегель 2006: 241–242.
[14] Клаузевиц 2018: 27.
[15] Над трактатом «О войне», делом всей жизни, Клаузевиц работал с 1816 г. За три года до смерти он успел переработать некоторые главы своего сочинения. Труд, остался незавершенным и был опубликован вдовой Клаузевица в 1832 г.
[16] Клаузевиц 2018: 296.

Политические концепции немецких мыслителей при всем разнообразии представляют собой целостное явление политической мысли Германии XVIII – начала XIX-го вв., в рамках которого подходы к разрешению проблемы войны и мира претерпели законченный эволюционный цикл, отразивший, во-первых, события европейской истории указанного времени, а во-вторых, связанные с ними взлет и крушение идеалов эпохи Просвещения. Так, мыслителей, творивших в начале обрисованного цикла, объединяет убеждение в желательности, возможности и неизбежности установления стабильного мира в международных отношениях и приятие войны лишь в качестве крайнего и временного средства его утверждения. В их взглядах прослеживается эволюция от общих рассуждений о желательности установления мира в международных отношениях на основании договоров «просвещенных» монархов Европы (Фридрих II) до утверждения его неизбежности в качестве «вечного мира» как закономерного результата общественного прогресса (Гердер и Кант).

На рубеже веков, на фоне развернувшихся после революции во Франции войн Наполеона, происходит не только отказ немецких мыслителей от идеи «вечного мира» (Фихте), но и оценка войны как непременного условия выживания человечества (Гегель), а затем некритичное ее принятие в качестве одного из факторов реальной политики, которой безразличны абстрактные рассуждения философов о мирных или пронизанных войнами перспективах человечества (Клаузевиц). При всем разнообразии точек зрения немецких теоретиков на проблему мира и войны, от апологии первого к апологии второй, ведущим мотивом их творчества остается стремление к сохранению разумной жизни на земле.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. СПб.: Наука, 2006. 444 с. [Gegel' G.V.F. Fenomenologiya dukha. SPb.: Nauka, 2006. 444 s.].

Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 1993. 480 с. [Gegel' G.V.F. Lektsii po filosofii istorii. SPb.: Nauka, 1993. 480 s.].

Гердер И.Г. Письма для поощрения гуманности // Трактаты о вечном мире / Сост. И.С. Андреева и А.В. Гулыга. СПб.: Алетейя, 2003. С. 250–258. [Gerder I.G. Pis'ma dlya pooshchreniya gumannosti // Traktaty o vechnom mire / Sost. I.S. Andreyeva i A.V. Gulyga. SPb.: Aleteyya, 2003. S. 250-258.].

Гончаров И.А. Юный «Старый Фриц» // Фридрих II. Анти-Макиавелли, или Опыт возражения на Макиавеллиеву науку об образе государственного правления. Фридрих Великий. М.: РИПОЛ классик; СПб.: «Пальмира», 2018. С. 5–13. [Goncharov I.A. Yunyy «Staryy Frits» // Fridrikh II. Anti-Makiavelli, ili Opyt vozrazheniya na Makiavelliyevu nauku ob obraze gosudarstvenogo pravleniya Fridrikh Velikiy. M.: RIPOL klassik; SPb.: «Pal'mira», 2018. S. 5-13.].

Гулыга А.В. Кант. 3-е изд. М.: Соратник, 1994. 304 с. [Gulyga A.V. Kant. 3-ye izd. M.: Soratnik, 1994. 304 s.].

Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане / Кант И. Сочинения. Т. 8. М.: Чоро, 1994. С. 12–28. [Kant I. Ideya vseobshchey istorii vo vsemirno-grazhdanskom plane / Kant I. Sochineniya. V 8-mi t. T. 8. M : Choro, 1994. S. 12-28.].

Клаузевиц К. О войне. Избранное. М.: АСТ, 2018. 352 с. [Klauzevits K. O voyne. Izbrannoye. M.: AST, 2018. 352 s.].

Клаузевиц К. О войне. М.: Логос, 1998. 451 с. [Klauzevits K. O voyne. M.: Logos, 1998. 451 s.].

Кузнецов В.Н. Немецкая классическая философия второй половины XVIII – начала XIX века. М.: Высшая школа, 1989. 480 с. [Kuznetsov V.N. Nemetskaya klassicheskaya filosofiya vtoroy poloviny XVIII - nachala XIX veka. M.: Vysshaya shkola, 1989. 480 s.]

Нерсесянц В.С. Философия права Гегеля. М.: Юрист, 1998. 352 с. [Nersesyants V.S. Filosofiya prava Gegelya. M.: Yurist, 1998. 352 s.].

Ойзерман Т.И. К вечному миру. Примечания // И. Кант. Соч. в 4-х томах на немецком и русском языках. Т. 1. М.: Фирма АО «Ками», 1994. 586 с. [Oyzerman T.I. K vechnomu miru. Primechaniya // I. Kant. Soch. v 4-kh tomakh na nemetskom i russkom yazykakh. T. 1-ye M .: Firma AO «Kami», 1994. 586 s.].

Пионтковский А.А. Учение Гегеля о праве и государстве и его уголовно-правовая теория. М.: ПАИМС, 1993. 480 с. [Piontkovskiy A.A. Ucheniye Gegelya o prave i gosudarstve i yego ugolovno-pravovaya teoriya. M.: PAIMS, 1993. 480 s.].

Фихте И.Г. Речи к немецкой нации. СПб.: Наука, 2009. 350 с. [Fikhte I.G. Rechi k nemetskoy natsii. SPb.: Nauka, 2009. 350 s.].

Фридрих II. Анти-Макиавелли. М.: Эксмо-Пресс, 2017. 160 с. [Fridrikh II. Anti-Makiavelli. M.: Eksmo-Press, 2017. 160 s.].

Зоткин Алексей Александрович, *кандидат политических наук, старший преподаватель, кафедра истории социально-политических учений, факультет политологии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; al-zo@yandex.ru*

The problem of war and peace in German political thought of XVIII – early XIX centuries

The article considers the evolution of the German political thinkers' views on war and peace as unavoidable perspectives of humanity. As the result of this analysis, the author concludes that these views have completed a definite circle connected with the political and cultural events of European history of that period. The thinkers at the start of this circle are convinced that the establishment of stable peace in international relations is unavoidable and accept wars only as temporal and extreme measure of its adoption. At the end of the 19th century they did not only reject the idea of «the eternal peace», but considered wars as the compulsory condition of the mankind survival, in a paradoxical way coinciding with the first ones in their intention to save life on the Earth.

Keywords: *war, «the eternal peace», Frederick II, Herder, Kant, Fichte, Hegel, Clausewitz.*

Alexey Zotkin*, PhD in Political Science, senior lecturer, Department of the History of Social and Political Doctrines, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University; al-zo@yandex.ru*

О.Ю. Бойцова

КАПКАН ДЛЯ ХИЩНИКА: ОСВАЛЬД ШПЕНГЛЕР О СУДЬБАХ РЕЛИГИИ В ЗАПАДНОМ МИРЕ*

Имя Освальда Шпенглера чаще всего связывают с учением о локальных цивилизациях и пророчеством о гибели западного мира. В то же время, в его работах содержится ряд важных для понимания его учения идей и наблюдений о сущности религии, ее роли в обществе, об отношениях церкви и государства. Свои рассуждения он сопровождает обилием исторических примеров и в свойственном ему стиле подкрепляет заключения парадоксальными выводами. В статье предпринимается попытка реконструировать и представить в системном виде взгляды мыслителя на феномен религии и роль церкви в западном обществе.

Ключевые слова: *О. Шпенглер, социально-политическая мысль XX в., философия жизни, религия, культура, вероучение, церковь, государство, цивилизация*

Освальд Шпенглер называл свои построения философией судьбы. Будучи убежденным противником понятийной строгости и логичности при познании человека и его мира, он неустанно повторял, что для их постижения пригодны только физиогномическое схватывание «родов души» и способность «чувственно копировать предметы и отношения»[1]. Поэтому перед исследователем, стремящимся разобраться в хитросплетениях его взглядов, неизбежно встает задача выбора адекватных инструментов. Можно следовать за ходом повествования и пытаться вместе с немецким мыслителем «переживать словесную звукопись и образы»[2]. Но при таком подходе предпочтительным оказывается личный опыт погружения в шпенглеровскую мысль – в такое путешествие каждому лучше отправляться самому. Альтернативный вариант предполагает упорядочение высказанных идей в некое единство. Он позволяет создать более или менее целостное и последовательное изложение важнейших тезисов учения в их взаимосвязи, перекинуть между ними логические мостики[3]. Однако систематизировать принципиально асистемное мышление – задача изначально неблагодарная. При таком конструировании велик соблазн «додумать» за автора, приписать ему выводы, с которыми сам он вряд ли согласился бы.

И все же путь рационализации учения Шпенглера, даже с учетом неизбежного упрощения, некоторого «насилия» над материалом и дискуссионного характера получившейся реконструкции, представляется достаточно плодотворным, чтобы на него вступить. Такой подход тре-

* Статья написана в рамках деятельности Выдающейся научной школы МГУ имени М.В. Ломоносова «Трансформации культуры, общества и истории: философско-теоретическое осмысление».

[1] Шпенглер О. 1998. 1: 125.

[2] Там же.

[3] См., например: Коришко, Чемшит 2019; Подорога 2014; Felken 2017.

бует вычленения из совокупности идей, выводов, аргументов, иллюстраций и оценок того, что – если бы речь шла о более систематизированном учении – можно было бы назвать теоретико-методологическими основаниями авторской концепции. В случае шпенглеровской мысли, наверное, более правильно говорить об эпистемологических предпочтениях и ориентирах.

Помимо *антилогицизма* и *антирационализма*, о которых уже упоминалось, к числу таких ориентиров, несомненно, принадлежат *холизм* и *витализм*. Рисуя картину бытия, мыслитель вдохновенно смешивает краски на единой палитре – в необозримом многообразии на ней соседствуют исторические факты и мифические сюжеты, имена реальных деятелей и сказочных персонажей, литературные, политические, экономические, военные и прочие идеи. На этой палитре находят место и суждения о религии, которые оказываются неотделимыми от других красок. Соответственно, понимание природы самой религии становится невозможным в отрыве от постижения жизни в целом: «Религия, наука, искусство есть виды деятельности бодрствования, в основе которых лежит существование. Вера, размышление, оформление и все то, чем проявляется в зримой деятельности эта незримая деятельность… – все это суть виды деятельности бодрствования, и ничто иное»[4].

Оставаясь верным себе, философ не стремится дать «жизни» определение, ведь «кто занят дефинициями, тот не ведает судьбы»[5]. Очевидно, что речь идет о некоем таинственном начале бытия – текучем, креативном, противостоящем всему неподвижному, не подчиняющемся внешней детерминации, но, напротив, жестко детерминирующим специфику каждой из тех форм, в которых проявляется. Такой виталистский, даже биологизаторский, подход в шпенглеровской трактовке религии играет особую роль. Аналогия с биологическим организмом является важнейшим аргументом при обосновании фундаментальных тезисов его учения: о преходящем характере всего сущего, о жизненном цикле культуры, о природе человека и т.д.

Главной посылкой здесь выступает признание человека одной из форм жизни, включенной в общую иерархию живого, местом которой определяется и сущность, и предназначение жизненных форм. На низшей ступени находятся растения, которые служат пищей для возвышающихся над ними животных. Принципиальное превосходство представителей фауны обусловлено тем, что в отличие от «недвижимых форм жизни», они могут перемещаться в пространстве и произвольно выбирать образ действий. Дифференциация в мире животных также определена пищевой цепочкой: травоядные стоят ниже хищников и в той же мере обречены быть добычей, в какой пожирающим их зверям предпи-

[4] Шпенглер 1998. 2: 56.
[5] Шпенглер 1998. 1: 125.

сана роль охотника. Именно понимание природы хищника Шпенглер кладет в основу рассуждений о судьбах человека, культуры и религии[6].

Плотоядный зверь, утверждает философ, по природе своей не может не быть убийцей, его жизнь невозможна без уничтожения добычи, а значит, без агрессии, насилия и доминирования. Уже само анатомическое строение обусловливает превосходство хищника: его глаза находятся в одной плоскости, тогда как у травоядного они расположены по боковым частям головы. Взгляд хищника направлен вперед, что дает ему возможность видеть предметы в пространственной перспективе и позволяет выстраивать оптимальную стратегию охоты.

На высшей ступени иерархии Шпенглер отводит место и человеку, поскольку убежден, что сама «тактика его жизни относит человека к великолепным, отважным, хитрым и жестоким хищникам. Он живет атакой, убийством, уничтожением. С тех пор как он существует, он хочет быть господином»[7]. В подтверждение философ ссылается на характерное для человека и общее со всеми хищными животными параллельное зрение: «Бесконечное чувство власти заключено в этом дальнем, спокойном взгляде, то чувство свободы, которое… покоится на большей *силе*, на уверенности в том, что он не станет ничьей добычей. Мир есть добыча – в конечном счете, из этого факта вырастает человеческая культура»[8]. На этой посылке основан и важный для понимания религии тезис о свободе человека как способности к преодолению природы. Мыслитель считает свободу независимостью от нужды в ком бы то ни было[9]. Чем меньше зависимость от внешних факторов, тем больше могущество, и потому чем сильнее охотник, тем более он одинок. Это справедливо и для человека. Одиночество и воля к господству заставляет его, как и любого хищника, строить изощренные пути к победе над жертвой.

При этом человек выбивается из общего ряда животных, поскольку является единственным существом, способным выходить за границы своего биологического вида. Этот уникальный охотник способен преобразовывать мир, создавать нечто не существующее в природе. Именно становление этой способности стало движущей силой человеческой истории. Отдавая дань идее развития, Шпенглер отвергает эволюционизм. По его убеждению, изменение происходит путем спонтанных мутаций: «Массовые души пранародов случайным и преходящим образом собираются в *единое* существование… Всякий раз это словно выкрик. Тупая сутолока боязни и обороны внезапно переходит в чистое и пылкое бодрствование…»[10]. Подобные «выкрики» приводят к возник-

[6] См.: Stumberger 2018.
[7] Шпенглер 1995: 464.
[8] Там же: 463.
[9] См.: Spengler 2007; Beyme K. von 2013; Tartsch 2001.
[10] Шпенглер 1998. 1: 289.

новению социальных институтов, к закреплению различия между людьми по рангу, к переходу от охотников-одиночек к организованным формам и, в итоге, к государству. Но хотя естественное существование и сменяется организованным, суть человека сохраняется прежней, только «характер свободного хищника в значительной степени передается от индивида к организованному народу – зверю с одной душой и многими руками»[11], потому и взаимодействие государств Шпенглер рассматривает как противостояние хищников, каждый из которых желает «держать мир на прицеле»[12].

Таким образом, в шпенглеровском учении витализм соединяется с эпистемологической ориентацией, которую условно можно назвать *инструментально-конструктивистской*. Человек не просто приспосабливается к действительности, а создает, выстраивает для себя особый мир. В этом умении создавать и закреплять искусственные формы, противопоставлять себя природе состоит его верховенство. Поэтому человек одновременно и ведет борьбу с внешним миром, подчиняя его себе, и зависит от него, испытывает перед ним огромный, космический страх. Эту трагическую раздвоенность Шпенглер считает одновременно и движущей силой культуры, и причиной возникновения религии.

Холистский императив диктует, что судьба религии может быть понята только в общем контексте становления и гибели культуры. Религиозность, по убеждению мыслителя, есть универсальная форма отношения человека к миру. Она связана с попыткой постичь тайну бытия и обозначить ее в значимых символах, справиться с ужасом перед незримым и найти пути к «спасению» – под ним понимается «стремление к избавлению от страхов и мук бодрствования… к избавлению и возвышению от одиночества «я» во «всем», от косной обусловленности всей природы и от взгляда, вперенного в неотменимую границу всякого бытия, в старость и смерть»[13].

В изначальной форме религиозности, которую можно и в XX веке встретить в виде профанной набожности, четко видно это двойственное отношение к миру, нераздельная связь трепета и благоговения перед жизнью с тягой к ее пониманию и освоению. Уже на этом этапе религия чужда природе, на высших же ступенях развития их враждебность становится непреодолимой, и тогда религия исключает не только естественные, но и искусственно созданные формы жизни, нацеленные на покорение окружающего мира. «Религией, – пишет Шпенглер, – мы называем бодрствование живого существа в те мгновения, когда оно преодолевает существование: когда оно овладевает им, отрицает его и

[11] Шпенглер 1995: 477.
[12] См.: Подорога 2014: 58.
[13] Шпенглер 1998. 2: 273.

даже уничтожает»[14]. В тот момент, когда человеку удается оторваться от жизни и устремить взгляд в мир потусторонности, появляется вера, «и с нее начинается духовная жизнь человека как таковая»[15]. Таким образом, религия не просто появляется и развивается вместе с культурой – возникновение религии и есть рождение культуры.

Двойственность человеческого отношения к миру неустранима. Будучи по природе охотником, человек жаждет покорить его и испытать «победное чувство хищника, сжимающего в своих клыках трепещущую добычу»[16]. Но ценностные ориентации духовной жизни, в которую он вовлекается культурой в целом и религией в частности, требует отказа от мира и тем самым заставляет его предавать свою природу. «В этом, – констатирует Шпенглер, – отчаянность положения высшего человека: его страстная жажда понимания все время вступает в противоречие с его существованием»[17].

В ходе исторического развития по мере изменения религиозных форм трагизм человеческой судьбы нарастает. Сначала от изначальной религозности, в которой слиты личная вера, миф, культ и обычай, отделяются религиозное сознание как теория мира, определяющая истины, и религиозный ритуал как техника целедостижения, устанавливающая правила поведения. Затем обосабливаются конфессиональные учения, практики и предписания, фиксирующие определенные понятия, объяснительные модели и действия и противопоставляющие их всем другим версиям как истинные – ложным. И, наконец, возникает церковь. Между религией и церковью Шпенглер проводит принципиальное различие: «Религия – это личное отношение к всевышним силам, выражающееся в мировоззрении, в смиренных обычаях и определенном поведении. Церковь – это организация священников для борьбы за мирскую власть. Она дает им власть над религиозными формами жизни и над людьми, которые с ними связаны»[18]. В разных культурах, да и на разных этапах развития одной культуры существуют разные виды церкви, но во всех случаях ее роль двойственна. С одной стороны, она является хранителем религиозности, носителем истин, языка и практик религии, с другой – точкой инверсии, где божественный элемент подминается мирским.

В высшей точке развития культуры противоречие между ориентацией на трансцендентность и стремлением к господству над миром и, соответственно, между религиозностью и жизненностью достигает наибольшего накала: «Существование, пользующееся бодрствованием, или же бодрствование, подминающее существование; такт или напряжение,

[14] Там же: 272.
[15] Там же: 243–274.
[16] Шпенглер 1995: 487.
[17] Шпеглер 1998. 2: 275.
[18] Шпенглер 2009: 143.

кровь или дух, история или природа, политика или религия: здесь дано только или-или, и никакого добросовестного компромисса»[19].

По мере дряхления культуры, истощения ее творческой силы и превращения в цивилизацию вырождается религия. Наиболее ярко это проявляется, по Шпенглеру, в современной ему Европе, где к 1800 году фаустовская культура уже полностью погибла[20]. Вместе с ней одряхлели и религиозные формы, выработанные исторически значимыми народами - итальянцами, французами, испанцами, англичанами и германцами. На стадии цивилизации западные формы религии были «овнешневлены», и в результате религиозное чувство утратило остроту, религиозное сознание превратилось в догматическую теологию, религиозные практики приобрели формальный характер.

Более всего, по Шпенглеру, процесс разложения затронул христианские церкви. Он убежден, что церковь европейцев во всех ее разновидностях теряет влияние и авторитет потому, что в ней практически угасло стремление к власти, она все больше впадает в «искушение быть либеральной, демократической, социалистической, то есть уравнивающей и разрушающей»[21]. В результате западное христианство либо уже оказалось инструментом политики и превратилось в разновидность партийной организации, либо все более приобретает характер мещанского прозябания. Тирания плебса, вырождение идеи мирового господства в пафос гражданственности, трусливое бегство от мира – вот что, по мнению Шпенглера, может предложить отчаявшемуся хищнику цивилизация. «Культура, включающая искусственные, личностные, самодельные формы жизни, развилась в клетку с тесной решеткой для этой неукротимой души»[22]. Все обещания спасения оказались ловушкой. Хищник попался. Капкан захлопнулся.

Такова общая канва аргументации, которую можно вычленить из многостраничных рассуждений Шпенглера о культуре, религии и сущности человека. Она представляет интерес не столько для критического анализа с точки зрения теоретической удовлетворительности конструкции или достоверности приводимых фактов, сколько в ракурсе внутренней релевантности и диахронной применимости. Споры об том, насколько Шпенглеру удается удержаться в рамках данной схемы при переходе от исторических штудий к анализу современного ему положения дел и насколько значимы его прозрения для постижения истории человечества, идут уже более века. Они не прекращаются до сих пор, так что, похоже, идеи и труды одного из величайших «интеллектуальных провокаторов» прошлого столетия еще рано списывать в архив.

---

[19] Там же: 223.
[20] См.: Шпенглер 2002: 39.
[21] Шпенглер 2009: 177.
[22] Шпенглер 1995: 478.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Коришко А.П., Чемшит А.А. Штрихи к портрету О. Шпенглера: мифолог или социальный аналитик? // Вопросы философии. 2019. №10. С. 200–209 [Korishko A.P., Chemshit A.A. Shtrihi k portretu O. Spenglera: mifolog ili social'nyj analitik? // Voprosy filosofii. 2019. №10. S. 200–209].

Подорога Б.В. Идеологические корни философии истории Освальда Шпенглера // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2014. №10 (132). С. 57–65 [Podoroga B.V. Ideologicheskie korni filosofii istorii Osval'da Spenglera // Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sociologiya. Iskusstvovedenie. 2014. №10 (132). S. 57–65].

Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность / Пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К.А. Свасьяна. М.: Мысль., 1998. 663 с. [Spengler O. Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoj istorii. 1. Geshtal't i dejstvitel'nost' / Per. s nem., vstup. st. i primech. K.A. Svas'yana. M.: Mysl'., 1998. 663 s.].

Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 2. Всемирно-исторические перспективы / Пер. с нем. и прим. И.И. Маханькова. М: Мысль, 1998. 606 с. [Spengler O. Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoj istorii. 2. Vsemirno-istoricheskie perspektivy / Per. s nem. i primech. I.I. Mahan'kova. M: Mysl', 1998. 606 s.].

Шпенглер О. Годы решений // Шпенглер О. Политические произведения / Пер. с нем. В.В. Афанасьева. М., 2009. С. 45–221 [Spengler O. Gody reshenij // Spengler O. Politicheskie proizvedeniya / Per. s nem. V.V. Afanas'eva. M., 2009. S. 45–221].

Шпенглер О. Пруссачество и социализм / Пер. с нем. Г.Д. Гурвича. М.: Праксис, 2002. [Spengler O. Prussachestvo i socializm / Per. s nem. G.D. Gurvicha. M.: Praksis, 2002].

Шпенглер О. Человек и техника // Культурология. XX век: Антология. М.: Юрист, 1995. (Лики культуры). С. 454–492 [Shpengler O. Chelovek i tekhnika // Kul'turologiya. XX vek: Antologiya. M.: Yurist, 1995. (Liki kul'tury). S. 454–492].

Beyme K. von. Konservatismus: Theorien des Konservatismus und Rechtsextremismus im Zeitalter der Ideologien 1789–1945. Wiesbaden: Springer VS, 2013. 277 s.

Felken D. Oswald Spengler // Kindler Kompakt: Philosophie 20. Jahrhundert. Stuttgart: J.B. Metzler, 2017. S. 55–59.

Spengler O. Urgefühl Angst // Spengler O. Ich beneide jeden, der lebt: die Aufzeichnungen «Eis heauton» aus dem Nachlaß / Nachw. G. Merlio. Düsseldorf: Lilienfeld-Verl., 2007. S. 8-125.

Stumberger R. Das einsame Raubtier aus der Agnesstraße - Oswald Spengler // Stumberger R. Das Raubtier und der rote Matrose: Fake-News, Orte und Ideologien der Revolution und Räterepublik in München 1918/19. Aschaffenburg: Alibri Verlag, 2018. S. 15–36.

Tartsch T. Denn der Mensch ist ein Raubtier: eine Einführung in die politischen Schriften und Theorien Oswald Spenglers. Datteln, Am Mühlenbach 17: T. Tartsch, 2001. 202 s.

Бойцова Ольга Юрьевна, *доктор политических наук, профессор, заведующий, кафедра философии религии и религиоведения, философский факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; olga.boitsova@gmail.com.*

A Trap for the Predator: Oswald Spengler on the Fate of Religion in the West

The name Oswald Spengler is most often associated with the doctrine of local civilizations and the prophecy of the decline of Western world. At the same time, his works contain a set of important ideas and conclusions of the essence of religion, its role in society, and the relationship between Church and state. He accompanies his arguments with an abundance of historical examples and supports his conclusions with paradoxical conclusions in his own style. The article attempts to reconstruct and present in a systematic way the views of the thinker on the phenomenon of religion and the role of the Church in Western society.

Keywords*: O. Spengler, socio-political thought of the twentieth century, philosophy of life, religion, culture, creed, church, state, civilization*

Olga Yu.Boytsova*, Dr. in Political Science, Professor, Head of the Department of Philosophy of Religion and Religious Studies, the Faculty of Philosophy M.V. Lomonosov Moscow State University; olga.boitsova@gmail.com*

Б. В. Агаев, В. А. Гуторов, А. А. Ширинянц

РОЖДЕНИЕ ИДЕИ ПРАВОВОГО СОЦИАЛИЗМА: С.И. ГЕССЕН

Статья посвящена оригинальной социально-политической концепции С.И. Гессена. Особое внимание уделено биографии философа и контексту написания его политико-правых трудов. Основное содержание исследования составляет анализ работы «Правовое государство и социализм». Главный посыл труда Гессена состоит в доказательстве кризиса либерализма, который одновременно явился и кризисом коммунизма. В статье подробно рассматривается отношение Гессена к либерализму и коммунизму и формирование его собственной смежной концепции правового государства и права как его инструмента. Делается вывод о том, что критика Гессена является крайне плодотворной в истории социально-политической мысли.

Ключевые слова: *С.И. Гессен, история социально-политических учений, «Правовое государство и социализм», критика нового либерализма, идеологический синтез*

Многие знают или слышали фамилию Гессен, оставившую след в истории мысли. Историки и журналисты знают о существовании деятеля Конституционно-демократической партии, председателя судебной комиссии Государственной Думы Российской империи II созыва, адвоката, публициста, мемуариста *Иосифа Владимировича Гессена* (1866–1943) – редактора газет и журналов, издателя 22 томов знаменитого «Архива русской революции» (1921–1937); автора замечательных мемуаров «В двух веках» (1937) и «Годы изгнания» (1979). Юристы и литературоведы знают о существовании его кузена – одного из создателей партии кадетов, члена Государственной Думы Российской империи II созыва (1907), поэта и ученого-государствоведа *Владимира Матвеевича Гессена* (1868–1920) – автора стихотворного сборника «Желтые листья» (1911)[1] и докторской диссертации «Основы конституционного права» (1917). Педагоги и философы знают о существовании неокантианца, ученика Генриха Риккерта, одного из организаторов известного международного журнала по философии культуры «Логос» (1910–1914); теоретика образования, основоположника сравнительной педагогики XX века, рассматривавшего педагогику как прикладную философию, пропагандиста принципа единой трудовой школы *Сергея Иосифовича Гессена* (1887–1950) – автора интересных философских работ и множества педагогических исследований, в том числе фундаментального труда «Основы педагогики» (1923), до сих пор остающегося настольной книгой учителей во многих странах.

Кого же знают политологи? К сожалению, российские политологи часто путают трех Гессенов (а иногда даже путают Гессенов с *Hessen* в Германии – с тем местом, где в висбаденском казино Достоевский про-

[1] Поэтический сборник был замечен создателем школы акмеизма Н. С. Гумилевым (1886–1921), и удостоился сдержанной похвалы: «Желтые Листья» Владимира Гессена почти хороши». - Гумилев 1968: 251.

игрывал в рулетку деньги своей жены). Это, конечно, шутка, но, в действительности очень немногие отождествляют выдающегося педагога XX века Сергея Иосифовича Гессена с автором оригинальной социально-политической концепции правового социализма.

Некоторые исследователи убеждены, что главным достижением «берлинского» и в целом «зарубежного» периода жизни Гессена следует считать книгу «Основы педагогики»[2], другие даже склонны утверждать о центральном месте этого труда во всем творческом наследии Гессена[3]. Не умаляя важность педагогических изысканий Гессена, справедливости ради нужно отметить и значение его разработок в политико-правовой области. На наш взгляд, не меньшую ценность для науки имеет его труд «Правовое государство и социализм», который, в случае его выхода в свет в запланированное автором и издателями время, ожидала бы не менее счастливая судьба, чем книги «Основы педагогики».

Работа над трудом «Правовое государство и социализм» проходила в основном в Праге, куда Гессен уехал весной 1924 года и где провел следующие одиннадцать лет своей жизни. Однако интерес к теме правового социализма возник у Гессена несколько раньше, еще в России. С 1915 по 1917 гг. семья Гессенов жила в Царском селе под Петербургом, где Гессен близко сошелся с двумя людьми, игравшими заметную роль, один – в культурной жизни России того времени, другой – в политической. Это были символист Г.И. Чулков[4] – автор теории «мистического анархизма» и шеститомного собрания стихов, прозы и философских сочинений, и социал-демократ Г.В. Плеханов[5] – один из лидеров так называемых «меньшевиков», вернувшийся из многолетней эмиграции на родину и с мая 1917 г. поселившийся в Царском Селе. Именно он вовлек Гессена в деятельность по поддержке Временного правительства и его политики «войны до победного конца», направленной против большевиков и их курса.

Не оставляя учебных и ученых занятий, Гессен с головой окунулся в политическую деятельность – участвовал в собраниях, выступал на митингах перед рабочими (как он сам оценивал – «всегда неудачно»)[6],

[2] Седова 2019: 103.

[3] Петренко 2010: 19–20.

[4] «Дружба с ним значительно расширила мой литературный и лингвистический кругозор. Пушкин, Тютчев, Вл. Соловьев, А. Блок были темами наших долгих бесед», – писал о Чулкове Гессен. – Гессен 1999. С. 785.

[5] Плеханова, как писал позже Гессен, «видел весьма часто и вел с ним долгие беседы. Он был обаятельным собеседником. Благодаря этим беседам я переосмыслил философские основания марксизма и открыл для себя Плеханова с такой стороны, о существовании которой и не подозревал. В своих сочинениях он был фанатичным и однобоким борцом, и ему часто не хватало объективности. В разговорах со мной, напротив, он был мудрецом, удивлявшим широтой кругозора и желанием как можно глубже понять оппонента. В своих работах он сражал наповал, но в нем самом не было ничего воинственного». – Гессен 1999: 787.

[6] Одна такая «неудачная» речь – о сущности нации была опубликована в сборнике статей известных политических деятелей и теоретиков, таких как, например, лидер

сотрудничал с социал-демократической группой «Единство», созданной Г.В. Плехановым, печатал статьи в ее органе – газете «Единство», издавал брошюры на политические темы. И хотя как сам признавался Гессен, политическая деятельность его была «бесславной», стимулировалась она вполне здравым стремлением «удержать революцию в рамках демократического социализма»[7].

Именно в это время, в брошюре «Политическая свобода и социализм»[8] Гессен наметил контуры важнейшей теоретико-политической проблемы обоснования концепции демократического социализма как этапа в развитии правового государства, «реализующего во всей полноте идею прав человека и его свободу»[9]. Всестороннюю разработку этой проблемы, названной уже прямо «проблемой правового социализма», Гессен предпринял в цикле статей, опубликованных в 1924–1927 гг. в парижском журнале «Современные записки», подготовив затем на их основе рукопись книги под условным названием «Правовое государство и социализм»[10]. Текст книги он структурировал следующим образом: пролог, три части по четыре главы каждая (второй части предпослав отдельное введение) и приложение[11]. Основное содержание книги

конституционно-демократической партии П.Н. Милюков, академик В.М. Бехтерев, профессора М.М.Ковалевский, барон С.А. Корф, барон Б.Э. Нольде, Е.В. Тарле, Н.И. Кареев и др. и вызвала одобрение коллег. - См.: Гессен 1915.

[7] Гессен 1999: 737. «Хотя я давно порвал с марксизмом, – писал Гессен, – душой, однако, я всегда был на стороне социал-демократической группировки Плеханова («Единство»). Несмотря на мое кантианство, я, как и раньше, ощущал себя ближе к правовому марксизму Плеханова, чем к революционному социализму. Полагаю, что причиной тому было мое непреодолимое тяготение к Западу и мой демократический либерализм, заставлявший с подозрением относиться ко всяким проявлениям популизма». - Гессен 1999: 737–738.

[8] См.: Гессен 1917.

[9] Эта проблема, писал Гессен, включала в себя «размежевание с марксизмом, развитие и обоснование концепции демократического социализма как четвертого этапа в развитии современного правового государства [1) абсолютизм, 2) либерализм, 3) новый или демократический либерализм, 4) социализм], реализующего во всей полноте идею прав человека и его свободу». - Гессен 1999: 743.

[10] Гессен собрал и переплел оттиски статей, начал смысловую и корректорскую правку, внес дополнения, особенно к последним главам книги. Поскольку издание не осуществилось, причем во многом по вине самого автора, который, исправляя и дополняя текст книги, пропустил все поставленные ему сроки (См.: Гессен 2010: 796), Гессен хранил этот рукописный том в своем архиве. После смерти ученого его вдова Мария Гессен передала рукопись книги в дар Анджею Валицкому – ученику и другу Гессена (См.: Иванов, Иванова 2010: 830–831).

[11] **Пролог.** Крушение утопизма. **Часть I.** Кризис либерализма (Глава I. Проблема социализма; Глава II. «Новый либерализм»; Глава III. «Новая свобода – старая свобода»; Глава IV. Границы либерализма). **Часть II.** Эволюция социализма (Введение. Проблема правового социализма. Глава I. Утопический социализм как абстрактное отрицание либерально-капиталистического строя [1. Благо и Право. 2. Социализм и консерватизм: индивидуалистическое начало в социализме. 3. Утопический социализм как абстрактное отрицание права и хозяйства. Мнимая положительность утопического социализма]; Глава II. Марксизм как реальное отрицание либерально-

составили семь статей цикла «Проблема правового социализма»[12], а также добавленные Гессеном в качестве введения статья 1924 года и в приложение – еще три статьи 1927, 1928 и 1929 гг., опубликованные в том же журнале «Современные записки»[13].

Текст задуманной Гессеном книги очень сложен для прочтения. Сложен не только и не столько в силу высокой степени формализации языка мыслителя (манеру изложения Гессена один из рецензентов очень точно обозначил как «трудный для непосвященных технический философский язык»[14]), но прежде всего, в силу незавершенности авторской работы над произведением. Текст его книги был опубликован в современной России дважды в издательстве «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), и оба раза как некое законченное целое произведение – сначала в 1999 г. Н.А. Чистяковой и А. Валицким[15], а затем в 2010 г. практически без изменений Е.Л. Петренко[16]. Но при внимательном прочтении в нем можно без труда обнаружить фрагментарность, отсутствие логической связи некоторых частей, их несоразмерность; текст изобилует смысловыми повторами, неоднократными повторениями одних и тех же фраз, прямыми текстуальными заимствованиями из предшествующих работ, особенно из книги «Основы педагогики. Введение в практическую философию», частыми отсылками к тому, что уже было сказано в предыдущих разделах книги, и к тому, что будет сказано в последующих частях; встречается и неверное авторское

капиталистического строя [1. Научный и утопический социализм: теория классовой борьбы, ее положительная и отрицательная сущность. 2. Утопизм марксизма: отрицание им права, государства и хозяйства. 3. Механистическая концепция общества марксизма. Его фатализм. Реальное отрицание как неустойчивое равновесие между уничтожением (Vernichtung) и преображением (Aufhebung)]; Глава III. Вырождение реального отрицания в чистое уничтожение: революционный коммунизм [1. Огосударствление орудий производства: распад собственности, общества и личности 2. Диктатура пролетариата: заимствование личины консерватизма и вырождение в реакцию]; Глава IV. Перерождение реального отрицания в преображающее (утверждающее) отрицание [1. Идеалистический мотив в марксизме. Лассаль и Прудон. 2. Восстановление идеи государства: реформизм. 3. Восстановление идеи хозяйства: синдикализм. 4. Гильдеизм как первая попытка построения положительного (правового) социализма]. **Часть III**. Правовой социализм и новое средневековье (Глава I. Расширенная идея права; Глава II. Государство и общество; Глава III. Автономное хозяйство; Глава IV. Право как орудие духа). **Приложение.** (Новая программа австрийской социал-демократической партии и съезд в Линце; Новые аграрные программы европейских социалистических партий; Генрих де Ман как теоретик социализма).

[12] Гессен 1924; Гессен 1925; Гессен Проблема [1], 1926; Гессен Проблема [2], 1926; Гессен Проблема (Продолжение), 1926; Гессен Проблема (Продолжение), 1927; Гессен Проблема (Окончание), 1927.

[13] Гессен 1924; Гессен 1927; Гессен 1928; Гессен 1929.

[14] Бахрах 1928: 4.

[15] Гессен 1999: 147–542.

[16] Гессен 2010: 43-394. К сожалению, Е.Л. Петренко не смогла завершить научную обработку текстов Гессена, так как ушла из жизни в разгар работы над проектом. Начатое ею, как могли, завершили ее ученики.

цитирование[17]. К этому нужно добавить отсутствие элементарной допечатной подготовки текста – о чем свидетельствуют фактические ошибки и опечатки (например, статья Гессена о единой школе становится статьей о «единственной» школе). Всего этого не было бы, если бы сам Гессен или профессиональный научный редактор поработали над текстом. Однако трудности прочтения не снижают значимости этого текста.

Основной посыл труда Гессена о «правовом социализме» – кризис либерализма, который, с его точки зрения, одновременно явился и кризисом коммунизма. «Говоря о правовом социализме, – подчеркивал Гессен, – я поэтому отнюдь не имею в виду построение норм, которые государство, принципиально отрицающее идею права, захочет, в интересах господствующего в нем класса “трудящихся”, установить как право. Напротив, задачей моей будет раскрытие содержания социализма, понимающего себя как расширение и углубление той же самой *идеи* права, которая, будучи выдвинута либерализмом, получила в нем по необходимости исторически ограниченное воплощение. Всякий беспристрастный наблюдатель современности скажет, что факты говорят в пользу такой постановки проблемы… Что крушение коммунизма должно повести к пересмотру социалистической теории, а отнюдь не означает торжества либерализма в целом (последнее было верно лишь в том случае, если бы было доказано, что коммунизм и либерализм представляют собою члены исчерпывающей альтернативы), – это показывает и несомненный для каждого беспристрастного наблюдателя факт распада либерализма, переживаемой им внутренней растерянности. Если в целом ряде стран, в том числе и в России, либерализму в ближайшем будущем и предстоит еще пережить, по-видимому, свой новый расцвет, то в масштабе мировой истории он несомненно вступил в полосу идейного кризиса, свидетельствующего уже о начале его заката»[18]. Такая постановка основывалась на усвоенном им еще в Гейдельберге и Фрайбурге органическом сочетании научного и философского подходов к анализу эволюции либерализма и социализма в кризисный период конца XIX – начала XX в., а также на принципиальном неприятии утопизма, которое пронизывает все его основные сочинения. «Все политические теоретики – утописты

[17] Например, рассуждая об отрицательном характере марксизма, Гессен опирается на фразу, как ему кажется, из «Коммунистического Манифеста»: «Первый акт, в котором государство выступает действительно как представитель всего общества, есть овладение во имя всего общества средствами производства». – Гессен 2010: 164. На самом деле, это не совсем точная цитата из работы Ф. Энгельса «Анти-Дюринг» (1878). Эту же фразу с небольшими стилистическими изменениями повторил В.И. Ленин в книге «Государство и революция» (1918). На наш взгляд, такое отношение к источниковой базе – неверное цитирование или же цитирование из «вторых рук» (например, Троцкого по Чернову) может быть проявлением известного синдрома, характерного для критиков марксизма, считавших это учение не наукой, а набором идеологических формул и схем, «дух» которых можно критиковать, не обращая особого внимания на точность «факта», т.е. цитируемого текста).

[18] Гессен 2010: 61-62.

в большей или меньшей степени, – отмечал У. Лейсс, характеризуя коллизии либеральной и социалистической культуры в конце XX в. – Немногие среди последователей Платона могли противостоять искушению поддаться соблазну от его смелого схематизма. Но некоторые из них были менее склонны, чем другие, обнаруживать свое слепое увлечение. Таким образом на протяжении столетий возникли две основные формы утопизма: в одной план улучшения мира заявляется во всеуслышание, в другой, более молчаливой, но вовсе не обязательно менее одержимой, сдержанные намеки на необходимость изменения мира вставляются в критику существующих условий»[19]. Гессен, как политический теоретик, был в этом отношении редким исключением. В определенном плане, это связано с тем, что, будучи сторонником синтеза либеральной и социалистической традиции, он, в отличие, например, от своего младшего современника Карло Росселли, не принимал активного участия политике и не стремился претворить свои идеи на практике[20].

Отвергая модную теорию о социализме как «непоследовательном коммунизме», Гессен противопоставляет правоверному либерализму манчестерского толка и коммунизму (во взглядах последователей которых на право и государство он находит много общего) два течения, «требующие углубления основных понятий свободы, равенства, собственности, общей воли»: новый социальный либерализм и демократический социализм. «Пусть это теоретическое самоутверждение социализма, – отмечал он, – хотя бы отчасти искупит тот громадный практический ущерб, который нанесен ему коммунизмом. Это может быть сделано только коренным пересмотром основных понятий социализма, даже тех, которые традиция возвела в ранг почти что самоочевидных догм. Я не думаю здесь совершать этого пересмотра. Своими размышлениями я хотел бы только наметить путь, в направлении которого, мне кажется, пересмотр этот должен быть совершен. Что пересмотр этот должен идти в направлении признания права и, следовательно, правды выдвинувшего идею правового государства либерализма, что, с другой стороны, идея правового государства должна быть понята как неисчерпанная во всей своей полноте даже наиболее «социальными» представителями либерализма идея, — мысль эта далеко не нова. Ее высказывали целый ряд выдающихся и авторитетных социалистов: под влиянием Фихте к ней склонялся Лассаль, ее высказывали Жорес, Вандервельде, Уэбб и недавно Макдональд. Она составляет отличие, как я покажу далее, гильдейского социализма от синдикализма и коммунизма. Все более и более выглядывает она в последних писаниях даже такого заскорузлого марксиста, как Каутский. Но, несмотря на всю свою усиливающуюся популярность, мысль эта далеко еще не осознана во всей своей насущной остроте. Ей все еще отводят место в области тактики и

[19] Leiss 1988: 11.
[20] См. подробнее: Calabrò 2009.

средств, ревниво оберегая от проникновения идеей права и правового государства то, что принято считать самой целью социализма»[21].

Необходимо признать, что именно Гессен одним из первых политических теоретиков XX в. дал блестящую синтетическую характеристику основных принципов нового либерализма, при этом он критически рассмотрел его практические требования и идеологию. Нужно отметить, что критика Гессена продуктивна. Он не только указывает на недостатки, противоречия и незавершенность основных положений этой идеологии, касающихся принципов свободы, равенства, собственности и их воплощения в реальной жизни, но, признавая историческую правоту нового либерализма, дополняет, развивает и доводит до логического завершения то, что не смогли сделать в теоретической области его идеологи и теоретики. При этом Гессен уверен в том, что вектор движения новой либеральной идеологии и практики направлен в сторону социализма, социальной идеи, социализации.

Все это можно назвать попыткой синтеза начал социализма и нового либерализма. Принявшись вслед за эволюцией либерализма анализировать эволюцию социализма навстречу либерализму, Гессен подчеркнул трудность этой задачи: кризис современного социализма «так глубок, что справедливо встает вопрос: да существует ли еще социализм как единое целое»? Если один из учителей Гессена – Павел Иванович Новгородцев готов был считать все основные идеи социализма «утопиями», не дающими ничего реального в сравнении с тем, что дается в новом либерализме, то ученик с ним не согласен: он утверждает, что после того, как большевистский коммунизм «оттянул от социализма все чисто утопические и разрушительные элементы», в социализме имеется «положительное содержание», ему свойственное и делающее его «дальнейшим эталоном – даже по сравнению с новым либерализмом». При этом социализм является «наследником, а не противником либерализма», и, «становясь на почву правового государства», все же идет дальше «неолиберальной идеи права на достойное существование»[22].

Не исключено, что в рамках позитивной аргументации Гессена скрывается и вполне определенный полемический подтекст, связанный со стремлением теоретически дезавуировать тезис об «исторической правомерности» большевизма, в чрезвычайно экспрессивной форме сформулированный Н.А. Бердяевым: «Утопии плохо знали или забыли и слишком воздыхали о невозможности их осуществления. Но утопии оказались гораздо более осуществимыми, чем казалось раньше. И теперь стоит другой мучительный вопрос, как избежать окончательного их осуществления. Большевиков считали у нас утопистами, далекими от реальных жизненных процессов, реалистами же считали кадетов. Опыт жизни научает обратному. Утопистами и фантазерами были кадеты.

[21] Гессен 2010: 63–64.
[22] См.: Гессен 2010: 121.

Они мечтали о каком-то правовом строе в России, о правах и свободах человека и гражданина в русских условиях. Бессмысленные мечтания, неправдоподобные утопии! Большевики оказались настоящими реалистами, они осуществляли наиболее возможное, действовали в направлении наименьшего сопротивления, они были минималистами, а не максималистами. Они приспособлялись к интересам масс, к инстинктам масс, к русским традициям властвования. Утопии осуществимы, они осуществимее того, что представлялось “реальной политикой” и что было лишь рационалистическим расчетом кабинетных людей»[23].

О том, что идеи Бердяева были далеко не беспочвенны, свидетельствует очень важный пример признания Карлом Поппером – непримиримым противником тоталитаризма в любом его проявлении – исторической правомерности тоталитарной идеологии и практики. Тоталитарная тенденция в человеческой практике и в сфере общественной мысли рассматриваются Поппером как неизбежная реакция на величайшую революцию, знаменующую переход от закрытого общества к открытому, положившую начало западной цивилизации с такими ее основополагающими ценностями как индивидуализм и свобода. Эта революция, возникшая в Греции, до сих пор находится, по мнению Поппера, в своей начальной стадии. Платоновское творчество, равно как и возникновение инквизиции в средневековой Европе или распространение и победа марксистского социализма, являются симптомами *напряжения цивилизации*, реакцией традиционного общества, в котором индивид полностью растворяется в коллективе[24].

Еще одно обстоятельство бросается в глаза, при чтении труда Гессена. Он выступает жестким критиком классического либерализма, который называет «утопическим», при этом признает жизненность его основных принципов. Критикуя новый либерализм, он ставит ему в вину связь с либерализмом классическим, «верность заветам правоверного либерализма», при этом порицает его эклектичность, половинчатость («не превзошел» старую механистическую концепцию общества, «не распознал» реальность коллективных сущностей, «пренебрег» проблемой овеществления человека и т.д.), которую стремится преодолеть за счет обращения к социалистическим идеям, идеям демократического социализма, которые, в свою очередь, порицает и стремится преодолеть за счет обращения к праву, правовому государству и т.д. и т.п.

Такого рода критика и теоретические попытки идеологического синтеза постоянно воспроизводились на протяжении всего XX века. «Когда историки будут анализировать выражения, появившиеся в конце XX века, – отмечает французский исследователь С. Одье в книге «Либеральный социализм», – они, возможно, обратят внимание на термины “социальный либерализм” и “либеральный социализм”. Приме-

[23] Бердяев 1990: 37.
[24] Поппер 1992: 220–221.

чательно, что во Франции они стали банальными, причем без всякой попытки внятного определения их смысла. Независимо от того, является ли их смысл пейоративным или нет, они, по всей видимости, обозначают изменения, связанные с эволюцией социал-демократии, а в дальнейшем – с концом коммунизма, а также с экономическими изменениями, неотделимыми от либеральной мондиализации. В целом, сторонники и противники этих изменений понимают под "либеральным социализмом" беспрецедентное переосмысление социализма, который, явно или тайно, отказался от своей классической тематики: не только от классовой борьбы и защиты рабочего мира, но также от вмешательства государства в экономику и социальной защиты, политики солидарности, направленной на защиту индивидов, от масштабного перераспределения богатства… Либеральный социализм, следовательно, обозначает будущее социал-демократии – желаемое или ненавистное – отвергнувшей эти формы вмешательства и обращенной в капиталистическую добродетель... Различие между правой и левой отныне больше не означает *природу*, но только *степень*: в либеральном социализме возможно также видеть центристский путь, приемлемый как для правых, так и для крайне умеренного "левого либерализма". В праволиберальных кругах Франции идее либерального социализма также аплодируют. Однако все указывает на то, что этот идеологический момент озадачивает творцов либерального социализма и что они видят в нем предательство их идеалов»[25].

Приведенные выше коллизии современной политической мысли лишний раз свидетельствуют о том, что критика Гессена является чрезвычайно плодотворной: он стремится подняться над общепринятыми трактовками социализма, предлагая собственное видение свободы, демократии и социализации, исходящее из оригинальной концепции собственности, направленное на разрешение главнейшей проблемы человеческого существования – проблемы эксплуатации – правовыми средствами в пределах реформированного правового государства. Текстологический анализ книги Гессена «Правовое государство и социализм»[26] позволяет определить основные идейно-теоретические источники концепции правового социализма Гессена, синтезирующей достижения классического либерализма (идея правового государства), нового либерализма (идея социального государства), демократического социализма (идея реформизма), синдикализма и тред-юнионизма (идея промышленной демократии), гильдейского социализма (идея функционального федерализма и др.). При этом становится очевидным, что концепция правового социализма Гессена, включая лучшие достижения либеральной и социалистической мысли того времени, основывается прежде всего на идеях нового либерализма и гильдейского социализма.

---

[25] Audier 2006: 3–4.

[26] См.: Агаев, Ширинянц 2010; Ширинянц, Агаев 2011; Агаев 2011.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Агаев Б.В. Концепция правового социализма С.И. Гессена / Под ред. Ширинянца А.А. М.: Изд. дом «Политическая мысль», 2011. 176 с. [Agaev B.V. Koncepciya pravovogo socializma S. I. Gessena / Pod red. Shirinyanca A. A. M.: «Politicheskaya mysl'», 2011. 176 c.].

Агаев Б.В., Ширинянц А.А. Проблема демократического социализма в работе С.И. Гессена «Политическая свобода и социализм» (1917) // Современная демократия: базовые концепты, институты, технологии. Арзамас: АГПИ, 2010. С. 77–83. [Agaev B.V., Shirinyanc A.A. Problema demokraticheskogo socializma v rabote S.I. Gessena «Politicheskaya svoboda i socializm» (1917) // Sovremennaya demokratiya: bazovye koncepty, instituty, tekhnologii. Arzamas: AGPI, 2010. S. 77–83.].

Бахрах А. «Современные записки», XXXV // Дни. 1928. 10 июня. № 1445. С. 4. // URL: http: //www.emigrantika.ru/component/content/article/518 [Bahrah A. «Sovremennye zapiski», XXXV // Dni. 1928. 10 iyunya. № 1445. S. 4.

Бердяев Н. Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы. М: СП Интерпринт, 1990. 82 с. [Berdyaev N. Novoe srednevekov'e. Razmyshlenie o sud'be Rossii i Evropy. M: SP Interprint, 1990. 82 s.].

Гессен С.И. Генрих Де-Ман, как теоретик социализма // Современные Записки. Кн. XL. Париж, 1929. С. 503–527. [Gessen S.I. Genrih De-Man, kak teoretik socializma // Sovremennye Zapiski. Kn. XL. Parizh, 1929. S. 503–527.].

Гессен С.И. Идея нации // Вопросы мировой войны. Сб. статей под ред. проф. М. И. Туган-Барановского. Пг., 1915, с. 562–589. [Gessen S.I. Ideya nacii // Voprosy mirovoj vojny. Sb. statej pod red. prof. M. I. Tugan-Baranovskogo. Pg., 1915, s. 562–589.].

Гессен С.И. Мое жизнеописание // Гессен С.И. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. 960 с. [Gessen S.I. Moe zhizneopisanie // Gessen S.I. Izbrannoe. M.: ROSSPEN, 2010. 960 s.].

Гессен С.И. Избранные сочинения. М.: РОССПЭН, 1999. 812 с. [Gessen S.I. Pravovoe gosudarstvo i socializm // Gessen S.I. Izbrannye sochineniya. M.: ROSSPEN, 1999. 812 s.].

Гессен С.И. Крушение утопизма // Современные записки. Книга XIX. 1924. С. 277–295. [Gessen S. I. Krushenie utopizma // Sovremennye zapiski. Kniga XIX. 1924. S. 277–295.].

Гессен С.И. Новая программа австрийской соц.-дем. партии и съезд в Линце // Современные записки. Кн. XXXIII, 1927. С. 502–522. [Gessen S.I. Novaya programma avstrijskoj soc.-dem. partii i s"ezd v Lince // Sovremennye zapiski. Kn. XXXIII. 1927. S. 502–522.].

Гессен С.И. Новые аграрные программы европейских социалистических партий // Современные записки. Кн. XXXVI. 1928. С. 470–491. [Gessen S.I. Novye agrarnye programmy evropejskih socialisticheskih partij // Sovremennye zapiski. Kn. XXXVI. 1928. S. 470–491.].

Гессен С.И. Политическая свобода и социализм. Пг.: Н.Н. Карбасников, 1917. 40 с. (Библиотека свободного гражданина / Под ред. С.В. Вознесенского. Отдел политический; № 3) [Gessen S.I. Politicheskaya svoboda i socializm. Pg.: N.N. Karbasnikov, 1917. (Biblioteka svobodnogo grazhdanina / Pod red. S.V. Voznesenskogo. Otdel politicheskij; № 3)].

Гессен С.И. Проблема правового социализма (Эволюция либерализма) // Современные Записки. Кн. XXII. Париж. 1924. С. 257–292. [Gessen S. I. Problema pravovogo socializma (Evolyuciya liberalizma) // Sovremennye Zapiski. Kn. XXII. Parizh. 1924. S. 257–292].

Гессен С.И. Проблема правового социализма [1] // Современные Записки. Кн. XXVII. Париж. 1926. С. 382–429. [Gessen S. I. Problema pravovogo socializma // Sovremennye Zapiski. Kn. XXVII. Parizh. 1926. S. 382–429.].

Гессен С.И. Проблема правового социализма [2] // Современные Записки. Кн. XXIX. Париж. 1926. С. 308–341. [Gessen S.I. Problema pravovogo socializma // Sovremennye Zapiski. Kn. XXIX. Parizh. 1926. S. 308–341.].

Гессен С.И. Проблема правового социализма (Окончание) // Современные Записки. Кн. XXXI. Париж. 1927. С. 328–357. [Gessen S.I. Problema pravovogo socializma (Okonchanie) // Sovremennye Zapiski. Kn. XXXI. Parizh. 1927. S. 328–357.].

Гессен С.И. Проблема правового социализма (Продолжение) // Современные Записки. Кн. XXVIII. Париж. 1926. С. 299–344. [Gessen S.I. Problema pravovogo socializma (Prodolzhenie) // Sovremennye Zapiski. Kn. XXVIII. Parizh. 1926. S. 299–344.].

Гессен С.И. Проблема правового социализма (Продолжение). Глава V // Современные Записки. Кн. XXX. Париж. 1927. С. 380–408. [Gessen S.I. Problema pravovogo socializma (Prodolzhenie). Glava V // Sovremennye Zapiski. Kn. XXX. Parizh. 1927. S. 380–408.].

Гумилев Н.С. Статьи и заметки о русской поэзии – Вып. XVII // Гумилев Н. Собрание сочинений в 4 т. / Под ред. проф. Г.П. Струве и Б.А. Филиппова. Вашингтон: Victor

Kamkin, Inc., 1968. T. 4. C. 251-263. [Gumilev N.S. Stat'i i zametki o russkoj poezii – Vyp. XVII // Gumilev N. Sobranie sochinenij v chetyryoh tomah / Pod red. prof. G.P. Struve i B.A. Filippova. Vashington: Victor Kamkin, Inc., 1968. T. 4. S. 251 -263.].

Гессен С.И. Проблемы правового социализма (Либерализм и социализм) // Современные Записки. Кн. XXIII. Париж. 1925. С. 313–341. [Gessen S.I. Problemy pravovogo socializma (Liberalizm i socializm) // Sovremennye Zapiski. Kn. XXIII. Parizh. 1925. S. 313–341.].

Иванов М.И., Иванова Т.В. Комментарии // Гессен С.И. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. С. 827–943. [Kommentarii // Gessen S.I. Izbrannoe. M.: ROSSPEN, 2010. S. 827–943.].

Петренко Е.Л. Сергей Иосифович Гессен // Гессен С.И. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. С. 5-40. [Petrenko E.L. Sergej Iosifovich Gessen // Gessen S.I. Izbrannoe. M.: ROSSPEN, 2010. S. 5-40.].

Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1 Чары Платона. М.: Феникс, «Культурная инициатива», 1992. 448 с. [Popper K. Otkrytoe obshchestvo i ego vragi. T. 1 Chary Platona. M.: Feniks, «Kul'turnaya iniciativa», 1992. 448 s.].

Седова Е.Е. Педагогическое наследие российской эмиграции в мировом образовательном пространстве // Диалог со временем. 2019. Вып. 68. С. 98-109. [Sedova E.E. Pedagogicheskoe nasledie rossijskoj emigracii v mirovom obrazovatel'nom prostranstve // Dialog so vremenem. 2019. Vyp. 68. S. 98-109.].

Ширинянц А.А., Агаев Б.В. Генезис проблемы правового социализма в творчестве С.И. Гессена («Политическая свобода и социализм», 1917) // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки, М., 2011. №1. С. 3–13. [Shirinyanc A.A., Agaev B.V. Genezis problemy pravovogo socializma v tvorchestve S.I. Gessena («Politicheskaya svoboda i socializm», 1917) // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki, M., 2011. №1. S. 3–13.].

Audier S. Le socialisme libérale. Paris: La Découverte, 2006. 128 p.

Calabrò C. Liberalismo, democrazia, socialismo. L'itinerario di Carlo Rosselli. Firenze: Firenze University Press, 2009. 122 p.

Leiss W. C.B. Macpherson: Dilemmas of Liberalism and Socialism. Montréal: New World Perspectives, 1988. 152 p.

Агаев Бекхан Вахаевич, *кандидат политических наук; bekfire@mail.ru*

Гуторов Владимир Александрович, *доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теории и философии политики, факультет политологии, Санкт-Петербургский государственный университет; gut-50@mail.ru*

Ширинянц Александр Андреевич, *доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой истории социально-политических учений, факультет политологии, МГУ имени М.В. Ломоносова; jants@yandex.ru*

Birth of the idea of legal socialism: S.I. Hessen

The article is devoted to the original socio-political concept of S.I. Hessen. Special attention is paid to the biography of the philosopher and the context of writing his political-legal work, the influence of methods and philosophical trends. The main content of the research is an analysis of the work "Legal state and socialism", its structure and features. The main message of Hessen's work is characterized by a crisis of liberalism, which was simultaneously a crisis of communism. The article deals in detail with the question of Hesse's attitude to liberalism and communism and the formation of its own related concept of the rule of law and law as its instrument. The conclusion is made that Hessen's criticism is extremely fruitful in the history of socio-political thought.

Keywords: *S. I. Gessen, history of social and political doctrines, "Legal state and socialism", liberalism, criticism of new liberalism, ideological synthesis*

Bekchan V. Agaev, *PhD in Political Science; bekfire@mail.ru*

Vladimir A. Gutorov, *Dr. Sc. (Philosophy), Professor of the Department of Theory and Philosophy of Politics, Faculty of Political Science, Saint Petersburg State University; gut-50@mail.ru*

Alexander A. Shirinyants*, Dr.Sc. (Pol.), Professor, Department of History of Social and Political Doctrines, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University; jants@yandex.ru*

О. Е. Пучнина

ИДЕЙНЫЕ ПЕРЕЛИВЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ БИОГРАФИИ В.В. РОЗАНОВА

В статье рассматривается неоднозначность восприятия и оценок политического творчества В.В. Розанова, как его современниками, так и следующими поколениями. Делается вывод о принципиальном смещении исследовательского фокуса и подходов к интерпретации идейного наследия мыслителя в XXI веке. Приводятся современные оценки идейно-политической ориентации мировоззрения Розанова.
Ключевые слова: *В.В. Розанов, консерватизм, мировоззрение, идейное наследие*

В.В. Розанов (1856–1919) – один из самых ярких и неоднозначных отечественных мыслителей XIX – начала XX в. Разнообразие тем и оригинальность стиля и содержания его творчества до сих пор привлекают внимание и читателей, и профессиональных исследователей. Причина этого, возможно, кроется в сложности окончательной интерпретации и оценки его мировоззренческой ориентации. Дискуссии о «феномене» Розанова возникли еще при его жизни и продолжаются до сих пор, однако очевидно принципиальное изменение исследовательского подхода к анализу наследия сегодня.

«Исповедальный» характер публицистики, принципиальная установка на искренность с читателем, неизбежная противоречивость идей, сотрудничество в периодических изданиях разного политического толка, злободневные сюжеты и радикальные оценки, – все это выделяет Розанова в ряду своих современников. Однако, не имея возможности рассматривать специфику всей интеллектуальной биографии Розанова, включая его философские, религиозные, эстетические взгляды, остановимся на политическом мировоззрении мыслителя, как наиболее показательном с точки зрения его «полифоничности».

Факт неординарности личности и таланта Розанова признавался еще при его жизни, однако оценки его публицистического творчества были часто полярными – рассуждения об искренности и честности мыслителя соседствуют с обвинениями в лживости и цинизме.

В свое время один из литературных критиков заметил, что указать «место» Розанова в истории русской мысли чрезвычайно трудно, поскольку «в отношении писателя такого углубленного искания, такого гениально смелого размаха мысли, как Розанов, эта классификация от партий более чем где-нибудь недостаточна, мало справедлива и как-то очень уже грубо-поверхностна»[1]. С.А. Левицкий, развивая эту мысль, утверждает даже, что многие, вероятно, оспаривали бы за ним право войти в историю русской мысли[2].

[1] Волжский [Глинка] 1995: 422.
[2] Левицкий 1996: 277.

Можно отметить, что многие авторы начала XX в. акцентировали свое внимание не на смысловых и идейных аспектах творчества Розанова, а на личности самого автора, и своеобразие розановской публицистики ими трактовалось однозначно негативно. Их стараниями сложился целый комплекс критических оценок Розанова. Так, П.Б. Струве в своей знаменитой статье «Большой писатель с органическим пороком»[3] (1910), мрачно перечисляет, как в писаниях «морально невменяемого» Розанова «любовное оправдание революции» сочетается с «невероятной злобой» и «невежеством», с которым он «обличал русскую революцию». Струве называя Розанова нигилистом в политике, культуре, религии, писал, что он человек, «никакому Богу не поклоняющийся, или, что то же, готовый поклониться какому угодно Богу, по внушению исключительно своего «вкуса» в данный момент и разных «наваждений»[4]. Широко известно определение В.С. Соловьевым Розанова как «Иудушки» и «Порфирия Головлева»[5]. Не раз высказывались мнения, что Розанов был на грани сумасшествия (К.П. Победоносцев в 1895 г., А.А. Измайлов о последнем периоде жизни мыслителя и др.)[6]. К.И. Чуковский и В.П. Полонский обвиняли его в политическом «равнодушии», А.В. Карташев – в «общественной недобропорядочности», А.В. Пешехонов называл Розанова политическим «двурушником»[7]. Публицисту В.Р. Ховину он представлялся «непокорным гордецом и публично кающимся грешником, соглядатаем действительности <...> и злобным доносчиком на нее <…>, кротким монастырским послушником и домашним бесом <…>, изувером во имя своего Бога и хулителем всякого божества и всего Божественного»[8]. Н.А. Бердяев указывал на «политическую неосведомленность» и «малограмотность», мешающую Розанову «разобраться в существующих политических течениях», из чего и вытекали его «бестолковая “левость”, его дилетантский и обывательский радикализм»[9].

Подобные критические замечания, конечно же, не оставались без внимания самого Розанова. В статье «Литературные и политические афоризмы (ответ К.И. Чуковскому и П.Б. Струве)» (1910) он изложил свои взгляды на несовместимость индивидуально-психологической и партийной «правды»[10]. В частности, он задается вопросом: «Сколько можно иметь мыслей о предмете?» и решительно отвечает: «Сколько угодно…»[11]. «Я сам себя не знаю. И ни об одном предмете не имею одного мнения. Но сумма моих мнений, однако, есть более полная истина,

---

[3] Статья впервые опубликована в декабре 1910 г. в журнале «Русская мысль».
[4] Струве 1997. С 270-278. 273, 271, 275.
[5] Соловьев 1995: 283.
[6] См.: Фатеев 1995: 14.
[7] Чуковский 1910; Полонский 1916: 421-424; Карташев 1995: 206; Пешехонов 1910.
[8] Ховин 1995: 305.
[9] Бердяев 1995: 36.
[10] См.: Розанов 1910.
[11] Розанов 1910. 25 ноября.

чем порознь “имеемое” (кем-либо мнение)»[12]. Здесь же Розанов подчеркнул, что при всех «идейных» изменениях у него остается неизменным приоритет верной и непредвзятой передачи живого впечатления[13]. Эту позицию Розанова хорошо иллюстрирует такое его высказывание: «“мы не привыкли” и “ересь” – это разница»[14].

Интересно, при этом, что тот же Бердяев видел в Розанове отражение самой сути России, а именно – «вечно-бабьей» женственности русской души. Работы Розанова, по его мнению, – яркий пример идейной пассивности и «биологизма», ведь мыслитель «не хочет и не может противостоять наплыву и напору жизненных впечатлений». Так, он пишет, что «Розанов – это какая-то первородная биология, переживаемая, как мистика. Розанов не боится противоречий, потому что противоречий не боится биология, их боится лишь логика». Однако при этом Бердяев воздает должное таланту Розанова, называя его «первым русским стилистом» и «необыкновенным художником слова»[15]. А Левицкий говорит о «золотых блестках ищущей и страстной мысли» в писаниях этого «Мармеладова от философии»[16].

На наш взгляд, оценки Розанова его современниками были неоднозначны потому, что читающих его тексты обескураживала и, следовательно, раздражала невозможность поставить творчество мыслителя в какие-то конкретные идеологические, эстетические или иные рамки. Некоторые авторы сознательно отказывались давать какую бы то ни было характеристику Розанову, при всем внимании и интересе к его фигуре и творчеству. Например, М. Горький в ответ на настойчивую просьбу Н.В. Розановой написать очерк о ее отце отвечал: «Написать очерк о нем – не решаюсь, ибо уверен, что это мне не по силам. Я считаю В.В. гениальным человеком, замечательнейшим мыслителем, в мыслях его много совершенно чуждого, а порою – даже враждебного моей душе, и – с этим вместе – он любимейший писатель мой. Столь сложное мое отношение к нему требует суждений, очень точно разработанных, очень продуманных, – на что я сейчас никак не способен. Когда-то я, несомненно, напишу о нем, а сейчас – решительно отказываюсь»[17].

В советские годы личность и творчество Розанова были почти преданы забвению. Существенную роль сыграла характеристика, данная ему Л.Д. Троцким: «Розанов был заведомой дрянью, трусом, приживальщиком, подлипалой»[18]. Троцкий по существу «закрыл» Розанова для публикации и изучения на долгие годы[19]. Только в 1980–1990-х гг.

[12] Розанов 1910. 28 ноября.
[13] См.: Розанов 1910. 9 декабря.
[14] Розанов 2004: 21.
[15] Бердяев 1998: 298-299.
[16] Левицкий 1996: 278.
[17]См.: Письма Горького … 1978: 323.
[18] Троцкий 1923: 31
[19] См.: Русская литература … 1990: 23.

появилась возможность открыто высказывать точку зрения, идущую вразрез с официально принятой, согласно которой Розанов был не больше и не меньше, как «двурушником»[20], давать более объективные оценки творчеству Розанова. Именно в 1990-е гг. появились наиболее глубокие отечественные исследования о Розанове А.Н. Николюкина, В.А. Фатеева, С.Н. Носова, С.В. Пишуна, Т.Я. Гринфельда, В.А. Лаврова[21], которые помогли заново «открыть» личность и творчество Розанова во всем многообразии.

Розановедение в XXI веке

В начале XXI в., особенно после публикации собрания сочинений Розанова, исследовательский интерес к интеллектуальному наследию мыслителя значительно возрос. Многочисленные исследования разных аспектов творчества, защита диссертаций, научные конференции розановедов и даже специальный научный журнал[22], посвященный Розанову, позволили сделать вывод о возникновении «моды» на Розанова[23].

Можно отметить, что сегодня большинство исследователей более или менее нейтрально в своих оценках личности и творчества Розанова. Розановские идейная противоречивость и непоследовательность трактуются уже как специфика его творчества, издержки особого познавательного метода и стиля изложения. В большей мере обращается внимание на достоинства работ Розанова и его органичность как мыслителя в общем идейном контексте конца XIX – начала XX в.

По-новому сегодня оценивается и политическое творчество Розанова. Действительно, в наше время сменилась научная оптика, Розанова больше не пытаются рассматривать в привычных и стереотипных идейно-политических координатах, стараясь к анализу его творчества применить индивидуальный подход. Общий вывод научных исследований можно свести к следующему: вопросы власти не интересовали Розанова в их традиционном представлении как политической борьбе. Сам Розанов, часто касаясь острых политических вопросов, подчеркивал свой дилетантизм в политической сфере. То, за что Розанова современники и авторы последующих поколений объявляли политически беспринципным, сегодня чаще всего объясняется прихотливыми переливами самого литературно-творческого процесса и проявлением особого отношения к

---

[20] См.: Кувакин 1980: 67.

[21] Николюкин 1990; Фатеев 1991; Носов 1993; Пишун 1993; Гринфельд 1995; Лавров 1997.

[22] «Энтелехия» — научно-публицистический журнал, издаваемый с 2000 г. в Костроме Межрегиональным научным центром по сохранению и изучению творческого наследия В. Розанова и П. Флоренского, а также Костромским государственным университетом им. Н.А. Некрасова.

[23] Сарычев 2007: 4. В настоящее время изучением и систематизацией розановского наследия занимаются многие авторы: А.Н. Николюкин, В.А. Фатеев, В.В. Горбунов, Ю.И. Сохряков, Е.В. Барабанов, И.А. Едошина, В.А. Емельянов, И.В. Кондаков, В.Г. Сукач, А.В. Ломоносов, Я.В. Сарычев, В.Н. Шульгин и др.

реальности. Показательна характеристика творчества Розанова современным исследователем И.В. Кондаковым: «”Или” пролегает между субъектом миросозерцания и его объектом, самим миром. Никогда у Розанова не ясно до конца, то ли человек не может понять и целостно пережить данный миропорядок <…>, то ли мир таков, что его невозможно осмыслить как содержательное и организованное единство»[24].

Хотя, справедливости ради, нужно сказать, что радикальные оценки личности и творчества Розанова встречаются и сейчас. Некоторые, как, например, А.П. Желобов и Ю.С. Савенко, даже пытаются «исследовать» личность Розанова с точки зрения психиатрии[25].

«Неклассический» консерватизм Розанова

Несмотря на кажущуюся очевидной «внепартийность» Розанова, попытки классифицировать политические симпатии Розанова и вписать его в некую общую идейную канву эпохи все-таки предпринимаются. Однако большинство авторов подходит к вопросу определения его предпочтений, сообразуясь, прежде всего, с позицией самого мыслителя. А Розанов не раз подчеркивал важность преодоления узости и односторонности в политических оценках: «нужно разрушить политику… Нужно создать аполитичность… Перепутать все политические идеи… Сделать “красное – желтым”, “белое – зеленым”, “разбить все яйца и сделать яичницу”…»[26]. При этом он не видел здесь какого-то лицемерия или злого умысла, напротив, именно это стирание границ и барьеров он считал своей главной заслугой: «Вот и поклонитесь все “Розанову” за то, что он, так сказать, “расквасив” яйца разных курочек, – гусиное, утиное, воробьиное – кадетское, черносотенное, революционное, – выпустил их “на одну сковородку”, чтобы нельзя было больше разобрать “правого” и “левого”, “черного” и “белого” – на том фоне, который по существу своему ложен и противен... “удача” моя заключается в том, что я в самом деле не умею здесь различать “черного” и “белого”…»[27].

В принципе, такое понятие, как «эволюция взглядов», мало применимо к Розанову: его политическое мышление синкретично. По верному замечанию современного исследователя, оттенки розановской политической веры, как правило, не сменяют, а «захлестывают» друг друга, создавая совершенно невообразимую гамму, и что уместнее говорить в этом случае не о смене политических убеждений Розанова, а об их доминанте[28]. Добавим, что «консерватизм» Розанова не похож на «консерватизм» М.Н. Каткова и К.П. Победоносцева, а его «либерализм» на «либерализм» П.Н. Милюкова, да и сравнивать эти позиции между собой не совсем уместно, поскольку разработанной политиче-

[24] Кондаков 2007: 69.
[25] См.: Савенко 2006: 5; Желобов 2003: 99.
[26] Розанов 2004: 165-166.
[27] Розанов 2004: 239.
[28] См.: Зябликов 2005: 30.

ской концепции у Розанова как таковой нет[29]. Можно лишь характеризовать общий вектор его идей и взглядов (и то весьма условный).

С этих позиций можно утверждать, что, несмотря на многочисленные идейные повороты Розанова, в его мировоззрении наиболее отчетливо прослеживаются консервативные черты. В этом сходятся многие современные исследователи, причем почти каждый подчеркивает особую специфику розановского консерватизма. Нередко «консервативную позицию» мыслителя даже так и обозначают, беря эти слова в кавычки, или говорят об общей консервативной «тональности» его работ. И это не случайно, так как Розанов был «радикалом» консервативной печати, одновременно чужим и для либералов, и для консерваторов. В пользу «радикальности» консервативной позиции Розанова говорит, в том числе, его жесткая критика либерализма и нетерпимость к идейному наследию «людей 1860-х гг.».

Часто специфика консерватизма Розанова определяется исходя из представлений о консерватизме самих интерпретаторов. Например, В.А. Фатеев пишет, что, «розановский консерватизм, при всем его неистовстве и искренности, носил какой-то чересчур идеально-«демократический» характер», а либералы не принимали его монархические и религиозные взгляды[30]. В.М. Камнев говорит о «семейном» консерватизме Розанова[31]. В.Г. Сукач определяет мировоззренческое кредо мыслителя как «радикальный консерватизм», считая, что символом розановских исканий может служить образ рака: движение направлено вперед, а взгляд – назад[32]. Иногда политические убеждения Розанова связывают со славянофильским или почвенническим течениями мысли и общественно-политическими движениями[33]. С.М. Сергеев, например, относит Розанова к крылу праволиберальных националистов, выражавшему основные программные идеи партий «Союза 17 октября» и Всероссийского союза националистов[34].

С иных методологических оснований подходит к изучению творческого наследия Розанова В.Н. Шульгин. Как идейную доминанту, которая определяла все мировоззрение Розанова, он рассматривает монархизм, а не консерватизм. По мнению Шульгина, именно такое монархическое мировидение обусловило, в конечном итоге, отношение Розанова ко всем социально-политическим явлениям его времени – к радикально настроенной интеллигенции, революции, первым трем Государственным думам и т.д. Шульгин, оценивая Розанова как «пророка-консерватора», находит основания такого дара в соединении блестящих диалектических способностей различения между тем, что «кажется» добром и

[29] См. подробнее: Сорокопудова 2011.
[30] См.: Фатеев 2002: 142.
[31] См.: Камнев 2012: 88-89.
[32] См.: Сукач 1990: 714.
[33] См.: Фатеев 2002: 120; Левицкий 1996: 278; Ломоносов 2006: 56.
[34] См.: Сергеев 2005: 224–229.

тем, что оно фактически «есть на самом деле» и, с другой стороны, – «свободного» исторического консерватизма мыслителя[35].

Большинство сегодняшних розановедов, соглашаясь с М.М. Спасовским (редактором журнала «Вешние воды», в котором сотрудничал Розанов), в том, что «путаного у Розанова и в Розанове ничего нет. Он не прыгал по кочкам, не метался по боковым тропинкам, никогда не делал никаких заячьих петель. Перед ним, в его нутре, развертывалась ясная и прямая дорога, и он в каком-то смысле, как сомнамбула, даже не шел, несся по этой дороге…»[36], сходится во мнении, что, несмотря на видимые противоречия и антиномичность, творчество и мировоззрение Розанова отличает мировоззренческая целостность[37].

Действительно, у Розанова менялись форма выражения, угол зрения, даже оценочные суждения, но неизменным оставалось восприятие проблемы в ее целостности. Видимо, поэтому Розанов до сих пор остается привлекательным для исследователей отечественной интеллектуальной истории, так как противоречивость и неоднозначность его творчества, сочетаясь с психологичностью и проникновением в сущность вещей, дают широкий простор для интерпретаций и толкования.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Бердяев Н.А. Судьба России: Сочинения. М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 1998. [Berdyayev N.A. Sud'ba Rossii: Sochineniya. M.: EKSMO-Press; Khar'kov: Folio, 1998].

Бердяев Н.А. Христос и мир. Ответ В.В. Розанову // В.В. Розанов: pro et contra: Личность и творчество В. Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология / Подгот. В.А. Фатеев. СПб.: РХГИ, 1995. Кн. 2 [Berdyayev N.A. Khristos i mir. Otvet V.V. Rozanovu // V.V. Rozanov: pro et contra: Lichnost' i tvorchestvo V. Rozanova v otsenke russkikh mysliteley i issledovateley: Antologiya. SPb.: RKHGI, 1995. Kn. 2].

Волжский [Глинка А.С.]. Мистический пантеизм Розанова // В.В. Розанов: Pro et contra. СПб.: РХГИ, 1995. Кн. 1. [Volzhskiy [Glinka A.S.]. Misticheskiy panteizm Rozanova // V.V. Rozanov: Pro et contra. SPb.: RKHGI, 1995. Kn. 1].

Гринфельд Т.Я. Вл. Соловьев, В. Розанов, М. Пришвин: Понимание красоты в природе. Сыктывкар, 1995. [Grinfel'd T.YA. Vl. Solov'yev, V. Rozanov, M. Prishvin: Ponimaniye krasoty v prirode. Syktyvkar, 1995.].

Желобов А.П. К вопросу психопатологии творчества В.В. Розанова // Энтелехия, 2003. № 7. С. 99-106. [Zhelobov A.P. K voprosu psikhopatologii tvorchestva V.V. Rozanova // Entelekhiya, 2003. № 7. S. 99-106.].

Зябликов А.В. Политическое мировосприятие художника (В.В. Розанов, А.П. Чехов, П.А. Флоренский). Кострома: КГТУ, 2005. [Zyablikov A.V. Politicheskoye mirovospriyatiye khudozhnika (V.V. Rozanov, A.P. Chekhov, P.A. Florenskiy). Kostroma: KGTU, 2005].

Камнев В.М. Русская консервативная мысль XIX – начала XX века. Опыт типологии. СПб: Наука, 2012. [Kamnev V.M. Russkaya konservativnaya mysl' XIX- nachala XX veka. Opyt tipologii. SPb: Nauka, 2012.].

Карташев А.В. [Речь на заседании Религиозно-философского общества] // В.В. Розанов: Pro et contra. СПб.: РХГИ, 1995. Кн. 2. [Kartashev A.V. [Rech' na zasedanii Religiozno-filosofskogo obshchestva] // V.V. Rozanov: Pro et contra. SPb.: RKHGI, 1995. Kn. 2.].

Кондаков И.В. Русская литература-POST: У истоков культурного самосознания // Энтелехия. 2007. № 15. [Kondakov I.V. Russkaya literatura-POST: U istokov kul'turnogo samosoznaniya // Entelekhiya. 2007. № 15.].

[35] Шульгин 2006.

[36] Спасовский 1995: 439.

[37] Синявский 1982: 197; Сарычев 2006: 7.

Кувакин В.А. Религиозная философия в России М., 1980. [Kuvakin V.A. Religioznaya filosofiya v Rossii M., 1980.].

Лавров В.А. Возвращение Василия Розанова. СПб, 1997. [Lavrov V.A. The return of Vasily Rozanov. SPb, 1997].

Левицкий С.А. Очерки по истории русской философии. М.: Канон, 1996. [Levitskiy S.A. Ocherki po istorii russkoy filosofii. M.: Kanon, 1996].

Ломоносов А.В. Общественно-политические взгляды и публицистика В.В. Розанова (1880-е – 1914): Дис. к.и.н. М., 2006. [Lomonosov A.V. Obshchestvenno-politicheskiye vzglyady i publitsistika V.V. Rozanova (1880-e – 1914): Dis. kand. istor. Nauk. M., 2006.].

Николюкин А.Н. В.В.Розанов: Писатель нетрадиционного мышления. М, 1990. [Nikolyukin A.N. V.V.Rozanov: Pisatel' netraditsionnogo myshleniya. M, 1990.].

Носов С.Н. В.В. Розанов. Эстетика свободы СПб, Дюссельдорф, 1993. [Nosov S.N. V.V. Rozanov. Estetika svobody SPb, Dyussel'dorf, 1993.].

Пешехонов А.В. Бесстыжее светило, или Изобличенный двурушник // Русские ведомости. 1910. 2 декабря. [Peshekhonov A.V. Besstyzheye svetilo, ili Izoblichennyy dvurushnik // Russkiye vedomosti. 1910. 2 dekabrya.].

Письма А.М. Горького к В.В. Розанову и его пометы на книгах Розанова // Контекст. 1978. Литературно-теоретические исследования. М.: Наука, 1978. [Pis'ma A.M. Gor'kogo k V.V. Rozanovu i yego pomety na knigakh Rozanova // Kontekst. 1978. Literaturno-teoreticheskiye issledovaniya. M.: Nauka, 1978.].

Пишун С.В. Социальная философия В.В. Розанова. Владивосток, 1993. [Pishun S.V. Sotsial'naya filosofiya V.V. Rozanova. Vladivostok, 1993.].

Полонский В.П. Исповедь одного современника // Летопись. 1916. № 2. [Polonskiy V.P. Ispoved' odnogo sovremennika // Letopis'. 1916. № 2.].

Розанов В.В. Литературные и политические афоризмы (Ответ К. И. Чуковскому и П. Б. Струве) // Новое время. 1910. 25 ноября, 28 ноября, 9 декабря. [Rozanov V.V. Literaturnyye i politicheskiye aforizmy (Otvet K. I. Chukovskomu i P. B. Struve) // Novoye vremya. 1910. 25 noyabrya, 28 noyabrya, 9 dekabrya.].

Розанов В.В. Опавшие листья. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. [Rozanov V.V. Opavshiye list'ya. M.: OOO «Izdatel'stvo AST», 2004.].

Русская литература в зарубежных исследованиях 80-х годов (Розанов, Хлебников, Мандельштам, Бахтин): Сборник обзоров. М., 1990. [Russkaya literatura v zarubezhnykh issledovaniyakh 80-kh godov (Rozanov, Khlebnikov, Man-del'shtam, Bakhtin): Sbornik obzorov. M., 1990.].

Савенко Ю.С. Гений юродства или Смердяков русской литературы как востребованный нашим временем типаж // Независимый психиатрический журнал, 2006. № 4. С. 5-11. [Savenko YU.S. Geniy yurodstva ili Smerdyakov russkoy literatury kak vostrebovannyy nashim vremenem tipazh // Nezavisimyy psikhiatricheskiy zhurnal, 2006. № 4. S. 5-11.].

Сарычев Я.В. В.В. Розанов: логика творческого становления (1880–1890-е годы). Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2006. [Сарычев Я.В. В.В. Розанов: логика творческого становления (1880–1890-е годы). Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2006.].

Сарычев Я.В. Творчество В.В. Розанова 1900-1910-х годов: феноменология религиозных и художественно-эстетических исканий. Липецк: ЛГПУ, 2007. [Sarychev YA.V. Tvorchestvo V.V. Rozanova 1900-1910-kh godov: fenomenologiya religioznykh i khudozhestvenno-esteticheskikh iskaniy. Lipetsk: LGPU, 2007.].

Сергеев С.М. Национализм в публицистике В.В. Розанова 1900-1916 гг. // Науч. труды МПГУ. Сер.: Социально-исторические науки. М., 2005. [Sergeyev S.M. Natsionalizm v publitsistike V.V. Rozanova 1900-1916 gg. // Nauch. trudy MPGU. Ser.: Sotsial'no-istoricheskiye nauki. M., 2005.].

Синявский А.Д. «Опавшие листья» В.В. Розанова. Париж, 1982. [Sinyavskiy A.D. «Opavshiye list'ya» V.V. Rozanova. Parizh, 1982.].

Соловьев В.С. Порфирий Головлев о свободе и вере // В.В. Розанов: Pro et contra. СПб.: РХГИ, 1995. Кн. 1. [Solov'yev V.S. Porfiriy Golovlev o svobode i vere // V.V. Rozanov: Pro et contra. SPb.: RKHGI, 1995. Kn. 1.].

Сорокопудова О.Е. Либеральный консерватизм В. В. Розанова в социокультурном контексте XIX века // Материалы международной научной конференции «Политика в текстах - Тексты в политике: наука истории идей и учений». М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. [Sorokopudova O.Ye. Liberal'nyy konserva-

tizm V. V. Rozanova v sotsiokul'turnom kontek-ste XIX veka // Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Politika v tekstakh - Teksty v politike: nauka istorii idey i ucheniy». M.: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2011.].

Струве П.Б. Большой писатель с органическим пороком // Струве П.Б. Patriotica: Политика, культура, религия, социализм. М., 1997. [Struve P.B. Bol'shoy pisatel' s organicheskim porokom // Struve P.B. Patriotica: Politika, kul'tura, religiya, sotsializm. M., 1997.].

Сукач В.Г. Примечание // Розанов В.В. О себе и жизни своей. М., 1990. [Sukach V.G. Primechaniye // Rozanov V.V. O sebe i zhizni svoyey. M., 1990.].

Троцкий Л.Д. Литература и революция. М., 1923. [Trotskiy L.D. Literatura i revolyutsiya. M., 1923.].

Фатеев В.А. В.В. Розанов: Жизнь. Творчество. Личность. Л., 1991. [Fateyev V.A. V.V. Rozanov: Zhizn'. Tvorchestvo. Lichnost'. L., 1991.].

Фатеев В.А. Публицист с душой метафизика и мистика // В.В. Розанов: Pro et contra. СПб.: РХГИ, 1995. Кн. 1. [Fateyev V.A. Publitsist s dushoy metafizika i mistika // V.V. Rozanov: Pro et contra. SPb.: RKHGI, 1995. Kn. 1.].

Фатеев В.А. С русской бездной в душе: Жизнеописание Василия Розанова. ГУИПП «Кострома», 2002. [Fateyev V.A. S russkoy bezdnoy v dushe: Zhizneopisaniye Vasiliya Rozanova. GUIPP «Ko-stroma», 2002.].

Ховин З.Р. Не угодно ли-с? // В.В. Розанов: Pro et contra. СПб.: РХГИ, 1995. Кн. 2. [Khovin Z.R. Ne ugodno li-s? // V.V. Rozanov: Pro et contra. SPb.: RKHGI, 1995. Kn. 2.]

Чуковский К.И. Открытое письмо В.В. Розанову // Речь. 1910. 24 октября. [Chukovskiy K.I. Otkrytoye pis'mo V.V. Rozanovu // Rech'. 1910. 24 oktyabrya.].

Шульгин В.Н. Русский пророк-консерватор Розанов // Золотой лев. Издание русской консервативной мысли. М., 2006. № 97–98. [Shul'gin V.N. Russkiy prorok-konservator Rozanov // Zolotoy lev. Izdaniye russkoy kon-servativnoy mysli. M., 2006. № 97–98.].

***Пучнина Ольга Евгеньевна**, кандидат политических наук, старший научный сотрудник, кафедра истории социально политических учений, факультет политологии, МГУ имени М.В. Ломоносова; srkpdv@gmail.com*

Ideological modulations of V.V. Rozanov's intellectual biography

The article considers the ambiguity of perception and evaluation of V.V. Rozanov's political works (1856–1919) by both his contemporaries and the next generations of researchers. It is concluded that the research focus and approaches to the interpretation of the thinker's ideological heritage in the XXI century have shifted in principle. Modern estimates of the ideological and political orientation of Rozanov's worldview are given.

***Keywords:** V.V. Rozanov, political journalism, conservatism, worldview, ideology*

***Olga Puchnina**, Ph.D. (Pol.), senior researcher, Department of History of Social and Political Doctrines, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University; srkpdv@gmail.com*

Б. Хордецки

О НЕКОТОРЫХ КОНЦЕПЦИЯХ *ЧЕСТИ* В ПРОСТРАНСТВЕ ДРЕВНИХ И СОВРЕМЕННЫХ ПРАВОВЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Статья относится к области исследований контекста развития правовых представлений. Текст содержит сопоставление двух исторически отдаленных концептов *чести*. Один из них действовал в древнегреческой традиции, другой относится к нашему времени. Первый связан с представлением *справедливой гордости* и трактует *честь* как особую награду, полагающуюся лучшим из членов общества. Во втором случае честь определяется как *личное благо*, которое принадлежит каждому в силу наследования человеческого достоинства. В статье сопоставляются некоторые убедительные преимущества и недостатки обоих представлений чести. Одновременно концепты изображены как культурно детерминированные регуляторы межличностных отношений. Это позволяет выделить и охарактеризовать некоторые особенности правового сознания как в Древней Греции, так и в современных либеральных демократиях.
Ключевые слова: *честь, справедливая гордость, достоинство, личные блага, правовые концепты, правовые представления, древнегреческое правосознание, современное правосознание, история правовых концептов*

Проблематика *чести* как ключевого правового понятия, а также вопросы его семантической эволюции представляются весьма непростыми. *Честь,* несомненно, является концепцией, интерпретация которой остаётся глубоко контекстуальной и в определённой степени отражает постоянно трансформирующиеся представления и убеждения относительно правильного установления границ человеческой автономии. Метаморфозы, о которых здесь говорится, не происходят произвольно. Существенное влияние на них оказывает прошлое, богатое различными практиками использования правовой и моральной терминологии. На основе этих практик формируется традиция. Её можно прочитывать, в частности, как серию неизменно повторяющихся попыток ответить на вопрос, насколько справедливым должно быть регулирование межличностных отношений. Случается, что в ходе творческого переосмысления упомянутой традиции рождаются новые идеи и нарративы, которые в течение более короткого или более длительного времени пользуются широким общественным одобрением. Они способны в какой-то мере определять ход дискуссий и популярные позиции, касающиеся значения справедливости и родственных ей понятий.

Распространение определённых правовых и моральных концепций связано, несомненно, с их своеобразной практичностью. Как правило, популярностью пользуются такие понятия и формулировки, которые редуцируют некоторый социальный коммуникационный дефицит, принося людям определённый комфорт или ментальное облегчение. Такой характер, в чём весьма интересно убеждает Ян Башкевич, имеет также

понятие «человеческое достоинство». По мнению Башкевича, его «карьера» должна быть связана, прежде всего, со сложностями, возникающими в процессе согласования позиций сторон, вовлечённых в давний философский спор относительно основ прав человека. Как отмечает цитируемый автор, в свете вышеупомянутых проблем «в последние десятилетия все чаще популярным становится довольно уклончивый ответ», согласно которому эти права должны быть следствием именно «прирождённого достоинства» человека. Башкевич считает данную формулировку весьма удобной. Вокруг неё «можно сосредоточить консенсус верующих и неверующих, сторонников того или иного философского течения или политической антропологии. Однако определение *уклончивость* имеет обоснование, поскольку данное понятие человеческого достоинства является расплывчатым и недостаточно определённым, а когда предпринимаются попытки его уточнить, снова начинаются споры. Тем не менее, в социальной философии использование расплывчатых и недостаточно определённых понятий встречается довольно часто и бывает весьма полезным»[1].

Расплывчатое и недостаточно определённое понятие «достоинство» является также основой современных концепций личностных благ. И в этом случае ссылка на него даёт многочисленные преимущества в области коммуникации – прежде всего, отодвигает на дальний план сложный и затруднительный спор, касающийся источника и обоснования необходимости защиты упомянутых благ. Это, в свою очередь, допускает гибкость, которая оказывается необходимой в бесконечном процессе поиска их содержания. Благодаря этому дискурс, связанный с личностными правами, не закостеневает, а развивается, образно выражаясь, в соответствии с изменяющимися обстоятельствами. Одновременно он порождает все более широкую палитру выражений, которые вызывают определённые ощущения, направляя человеческое восприятие и воображение, влияя на способы понимания реальности.

Эти явления в какой-то степени отражают одобрение и неодобрение современных правовых систем *in toto*. Более того, набор понятий, которые используются для решения вопросов, касающихся защиты личностных благ, следует рассматривать как некий комплекс современных убеждений о праве. Тогда как право рассматривается, в частности, в качестве существенного инструмента предостережения. Как следствие, часто ожидается, что оно должно содействовать информированию людей о материальных и моральных угрозах, связанных с конфликтной конфигурацией межличностных отношений. Одновременно в ходе дискурса, касающегося личностных благ и их защиты современный человек зачастую весьма охотно ищет такие формулировки, применение которых позволяет удачно регулировать отношения сторон, участвующих в споре (т.е. укреплять их убеждённость как в рациональном, так и

[1] Baszkiewicz 2009: 492-493.

в эмоциональном плане в том, что существует справедливое и удовлетворительное для обеих сторон решение коллизии).

В то же время следует упомянуть о том, что в Европе размышления о балансе рационального и эмоционального в дискурсах, касающихся того, что правильно и что неправильно, что справедливо и что несправедливо, имеют глубокие корни: не только римские, но и древнегреческие. Нельзя также не упомянуть о том, что правовая мысль древних греков развивалась в тесной связи с развитием риторической рефлексии и практики. При этом риторику можно понимать как обширную область углублённых запросов, касающихся прикладной коммуникации, ищущую пути для правильной гармонизации мыслей и чувств субъекта говорящего и субъектов слушающих.

Риторический образ мышления о правовых нарративах, который бурно развился в греческих *poleis*, впоследствии претерпевал различные культурные и цивилизационные преобразования. В то же время, на протяжении тысячелетий он создавал своего рода интеллектуальную атмосферу, в рамках которой обсуждалось, каким образом следует регулировать динамику межличностных отношений и, в частности, как наказывать эксцессы, разрушающие взаимное уважение[2]. В литературе по этому вопросу в указанном контексте в качестве значимого ориентира приводится римская доктрина о преступности *iniurii*[3], развивавшаяся на протяжении долгих столетий. В то время как намного реже упоминается греческая мысль о явлении, называемом «hybris». Этот термин на польский язык обычно переводится как «zniewaga», т.е. «оскорбление» (хотя, конечно, «zniewaga» в польском правопорядке понимается далеко не так, как *hybris* в Древней Греции)[4]. Понятие *hybris* мы находим, среди прочего, в дельфийских максимах. В число 147 афоризмов вошли следующие сентенции: 41. «Ненавидь гордыню» [*ἴβριν μίσει*], 83. «Держись от дерзости» [ὕβριν ἀμύνου] и 130. «Не будь высокомерным» [μὴ ἄρχε ὑβρίζειν][5]. Таким образом, эти сентенции предостерегают от *hybris*, показывая данное явление как весьма опасное, которого следует решительно избегать. Антипатия и опасения по отношению к этому явлению также появляются во многих более поздних текстах, как литературной, так и философской направленности[6]. На их основе можно предположить, что *hybris* является одним из ключевых слов, с помощью которого предпринималась попытка оценивать и контролировать действия людей, а также... животных, растений, но отнюдь не богов[7].

Довольно много на тему *hybris* пишет Аристотель. Его толкование этого понятия следует расценивать как особенно важное, поскольку он

[2] См.: Lausberg 2002; Lichański 2007; Volkmann 1995; Ziomek 1990; Ziomek 1998.
[3] См., напр.: Koch 1967; Kuryłowicz 1984; Kuryłowicz 1994; Nowicka 2014; 2013.
[4] Hitzig 1899.
[5] Дельфийские максимы.
[6] Богатый обзор соответствующей литературы см.: Cairns 1996.
[7] Убедительные выводы в этом отношении см.: Cairns 1996: 10 и сл.

трактует его как находящееся одновременно в сфере этических и риторических вопросов и, как следствие, юридических и политических. В то же время, если в своей «Риторике» Аристотель определяет *hybris* прежде всего как своеобразное действие, то в «Никомаховой этике» главным образом как свойство характера. Более того, между гибристическими действиями и *hybris* как свойством характера древнегреческий философ усматривает тесную связь (характер является источником действия).

В «Риторике» Аристотель занимается рассмотрением понятия *hybris* прежде всего в тех фрагментах, в которых подробно описывается гнев. Этот аффект философ определяет как: «соединенное с чувством неудовольствия стремление к тому, что представляется наказанием, за то что представляется пренебрежением или к нам самим, или к тому, что нам принадлежит, когда пренебрегать бы не следовало». Цитируемое определение одновременно приводит к приближению сущности пренебрежения, понимаемого как «акт рассудка по отношению к тому, что нам кажется ничего не стоящим». Аристотель утверждает: «ибо зло и добро и то, что с ними соприкасается, мы считаем достойными внимания, а ничего не стоящими мы считаем вещи, совсем [к ним] не [относящиеся], или [относящиеся] очень мало». Это приводит его к утверждению, что: «Видов пренебрежения три: презрение, самодурство и оскорбление (*hybris*)»[8]. Затем появляется обоснование для приведённой точки зрения относительно взаимосвязи между пренебрежением и презрением, самодурством, а также оскорблением. Мы читаем: «Человек, выказывающий презрение, обнаруживает тем самым пренебрежение, ибо люди презирают то, что в их глазах ничего не стоит, а вещами, ничего не стоящими, люди пренебрегают. И человек, выказывающий самодурство, по-видимому, обнаруживает презрение, потому что самодурство есть препятствие желаниям другого, не для того, чтобы [доставить] что-нибудь себе, а для того, чтобы оно не [досталось] другому; и так как [здесь он действует] не [с тою целью], чтобы самому получить что-нибудь, он выказывает пренебрежение [к своему противнику], потому что, очевидно, он считает его неспособным ни причинить ему вред, – так как в этом случае он боялся бы его, а не пренебрегал бы им, – ни принести сколько-нибудь значительную пользу, – так как в таком случае он постарался бы стать его другом. Человек, наносящий оскорбление, также выказывает пренебрежение, потому что оскорблять значит делать и говорить вещи, от которых становится стыдно тому, к кому они обращены, и притом [делать это] не с той целью, чтобы он подвергся чему-нибудь, кроме того, что уже было, [то есть уже заключалось в словах или действии], но с целью получить самому от этого удовольствие. Люди же, воздающие равным за равное, не оскорбляют, а мстят. Чувство удовольствия у людей, наносящих оскорбление, является потому, что они, оскорбляя других, в своем представлении от этого еще более возвышаются над ними.

[8] Аристотель 1978.

Поэтому-то люди молодые и люди богатые легко наносят оскорбления: им представляется, что, нанося оскорбления, они достигают тем большего превосходства. Оскорбление связано с умалением чужой чести, а кто умаляет чужую честь, тот пренебрегает, ибо не пользуется никаким почетом то, что ничего не стоит – ни в хорошем, ни в дурном смысле»[9].

Приведённые выше формулировки являются одним из основных ориентиров в значимой работе Ника Фишера[10]. В ней автор занимает позицию, согласно которой суть древнегреческого *hybris* сводится к «совершению действий преднамеренного оскорбления, действий, которые осознанно покрывают других стыдом или бесчестием». Последнее, однако, связано с тем фактом, что тот, кто оскорбляет, демонстрирует чрезмерную веру в собственные силы, одновременно сводя оскорблённого к роли того, кого можно оскорбить, поскольку он не в состоянии защититься и отомстить за себя. Из этого следует, что *hybris* является действием, которое должно привести к нанесению глубокой обиды и вызвать сильное желание мести. И самое главное – с точки зрения Фишера – не существует *hybris* без жертвы того действия, которое должно быть якобы преднамеренно направлено против кого-либо.

Однако Дуглас М. Макдауэлл и Мэттью В. Дики в своих исследованиях несколько иначе распределяют смысловую нагрузку. По мнению Макдауэлла, *hybris* не должно быть направлено против конкретного человека, но может являться чрезмерным выплеском энергии, благодаря которому виновник эксцесса получает необоснованное удовлетворение[11]. В то же время, по словам Дика, *hybris* является тенденцией проявлять чрезмерную уверенность в себе, а также неправильной самооценкой, в результате которой индивид забывает об ограничениях, являющихся следствием того факта, что он человек, а значит хрупкое, случайное существо[12]. Похожую точку зрения формулирует Кернс, заявляя, что вовсе не обязательно отрицать взгляды Фишера, достаточно их лишь модифицировать. По мнению Кернса, в первую очередь, ситуация не представляется таким образом, что «в определении *hybris* действие является более ранним по отношению к свойству», а также, что «*hybris* следует определять при помощи категории намерения оскорбить конкретную жертву». Однако в то же время действие зачастую является следствием свойства, поэтому можно говорить об определённой закономерности, в соответствии с которой люди, обременённые недостатком высокомерия (*hybris* как свойство характера), готовы попирать честь и оскорблять других (*hybris* как действие)[13].

---

[9] Аристотель 1978.
[10] См.: Fisher 1992; van Wees 2001: 117-144; Bardziński 2016: 31-57.
[11] MacDowell 1974: 14-31.
[12] Dickie 1984: 84 и сл.
[13] В оригинале: “I do not believe that the act is prior to the disposition in the definition of hybris, nor that hybris must be defined in terms of an intention to insult a specific victim”. Cairns 1996: 1-2.

По мнению Кернса, для древних греков *hybris* означало, прежде всего, дисфункциональную черту характера, выраженную в чрезмерной уверенности в себе. Люди, обременённые этим недостатком, считались склонными к эксцессам, которые выходили за рамки уместности, что зачастую было связано – хотя вовсе не обязательно так должно было происходить – с нанесением оскорбления отдельным лицам. В целом *hybris* означало нарушение сознания, вследствие которого происходит завышенная оценка собственных сил и значимости. Ошибки такого рода очень часто приводят к игнорированию существенных аспектов ситуации, в которой находится невоздержанный человек (оскорбитель). Именно это зачастую является источником предпринимаемых им действий оскорбительного свойства, причём они могут иметь как преднамеренный, так и непреднамеренный характер[14].

Hybris также можно определить как вид бесстыдства и, таким образом, «вид презрения и безразличия» по отношению к собственной компрометации. В таком случае это выражается в неспособности понять природу злодеяния, совершенного лицом, имеющим недостаток, о котором идёт речь. Ослеплённый чрезмерной верой в себя, он не в состоянии правильно оценить значимость своих действий. Тем самым он совершает то, чего не понимает и чего совершать не должен, что, собственно, и является причиной возникновения чувства стыда. Стыд, в свою очередь, в свете «Риторики» Аристотеля следует определять как «некоторого рода страдание или смущение по поводу зол, настоящих, прошедших или будущих, которые, как представляется, влекут за собой бесчестье»[15].

Неуместность *hybris* вызывает возражения у всех тех, кто является сознательным наблюдателем за его проявлениями. Это связано с некоторым общим чувством смущения (в некотором смысле от имени оскорбителя, который пребывает в неведении относительно собственной компрометации). В то же время рассматриваемая ситуация должна и часто вызывает стыд у адресатов оскорблений, к которым прибегает оскорбитель (если, разумеется, такие адресаты существуют). Причина, по которой подвергнувшийся оскорблению испытывает чувство стыда, заключается в том, что оскорбление призывает к отмщению. Человек, которому наносят оскорбление, не должен оставлять своих обид без ответа, поскольку таким образом он дал бы понять, что не уважает самого себя. Как указывает Аристотель, его долг в определённом смысле – это не соглашаться с оскорбительными действиями по отношению к себе, которые, будучи эксцессом, выходят за рамки уместности. Таким образом, оскорблённый человек, который не хочет получить удовлетворения за оскорбление, в некотором смысле становится соавтором события, которое не должно было произойти. Следовательно, он является участником действий, которые выходят за рамки того, что является правильным,

[14] Cairns 1996: 3 и сл.
[15] Аристотель 1978.

становится своего рода соучастником разрушения всеобщего чувства справедливости («стыд вызывается и тем, что люди претерпевают со стороны других, именно когда они переносят, перенесли или могут перенести что-либо такое, что ведет к бесчестию и позору; когда, например, оказывают услуги своим телом или являются объектом позорящих деяний, которыми наносится оскорбление. Если эти поступки проистекают от распущенности, [они постыдны], произвольны они или непроизвольны; если они являются следствием насилия, [то они постыдны], если непроизвольны, потому что терпеть и не защищаться значит выказать отсутствие мужества и трусость»[16]).

Противоположностью *hybris*, по мнению Аристотеля, является чувство собственной ценности, т.е. обоснованная гордость[17]. О ней в «Никомаховой этике» говорится, что правильным является её проявление, поскольку отсутствие экспрессии в данном случае несёт в себе угрозу чрезмерной скромности, которая, как и *hybris,* является недостатком. Как утверждает Аристотель «Что величавые имеют дело с честью, ясно и без рассуждения: они ведь считают самих себя достойными прежде всего чести, причем по достоинству. Что касается приниженного, то ему недостает как чувства собственного достоинства, так и [понимания] достоинства величавого человека. Спесивый преступает меру применительно к самому себе, но все же не применительно к величавому»[18].

Из вышесказанного следует определение чести по Аристотелю. Философ характеризует её как награду за этическую доблесть, которую заслуживают только те, кто этически добродетельны. Отсюда, по мнению философа, «величавость – это, видимо, своего рода украшение добродетелей, ибо придает им величие и не существует без них. Трудно поэтому быть истинно величавым, ведь это невозможно без нравственного совершенства (kalokagathia). Величавый, таким образом, прежде всего имеет дело с честью и бесчестьем. При этом удовольствие от великих почестей, воздаваемых добропорядочными людьми, будет у него умеренное, как если бы он получал положенное или даже меньше: дело ведь в том, что нет чести, достойной во всех отношениях совершенной добродетели; он тем не менее примет эту честь, затем что нет ничего большего, чтобы воздать ему»[19].

Итак, в свете изложенных комментариев, стимулом для проявления обоснованной гордости должна быть этическая стойкость человека. Но в то же время, как утверждает Аристотель, довольно часто честью бывают наделены люди благородного происхождения, богатые, имеющие определённую власть («они обладают превосходством, а всякое превосходство в благе заслуживает большей чести»)[20]. Как правило, в

[16] Аристотель 1978.
[17] Аристотель 1997.
[18] Аристотель 1997.
[19] Аристотель 1997.
[20] Аристотель 1997.

упомянутом явлении нет ничего плохого при условии, однако, что те, которые обладают указанными качествами, не лишены и этической добродетели. Ибо по своей сути, согласно мнению Аристотеля, «только добродетельный поистине заслуживает чести, а у кого имеется и то и другое [и добродетель, и удачные обстоятельства), те более достойны чести. Но кто, не будучи добродетелен, обладает подобными благами, не по праву считает себя достойным великого и неправильно именуется он величавым, ибо без добродетели, совершенной во всех отношениях, [величие] невозможно. Гордецами и наглецами (hybristai) также становятся обладатели этих благ, потому что нелегко без добродетели пристойно переносить удачи. Не способные переносить их и мнящие о себе, что превосходят других, они других презирают, а сами совершают какие угодно поступки. Они ведь только подражают величавому, не будучи ему подобны, и делают это, в чем могут, т.е. добродетельных поступков они не совершают, зато презирают других»[21].

Легко заметить, что концепция Аристотеля остаётся внутренне гармоничной, побуждая искать справедливое регулирование межличностных отношений (люди должны получать всё то, что им полагается, принимая во внимание существующие различия и вытекающую из этого иерархичность общественной жизни; в то же время любые действия, выходящие за рамки правил справедливости, требуют решительной реакции, направленной на восстановление нарушенного баланса как в материальном, так и в моральном плане). Согласованность позиции Аристотеля, как и многих аналогичных философских и юридических нарративов, имеет несомненную риторическую привлекательность и призывает к тому, чтобы в отношениях с другими руководствоваться предложенными рекомендациями. Тем не менее, некоторые мысли, высказанные Аристотелем, могут оказаться опасными. В частности, беспокойство может вызывать его умозаключение как относительно справедливого презрения, испытываемого этически стойкими людьми, так и относительно стыда, который становится уделом тех, кто пострадал, и у которых нет достаточного количества сил, чтобы требовать компенсацию за нанесённые им обиды.

Как неоднократно отмечалось в истории правовой мысли, никто не должен быть судьёй в собственном деле. В особенности, согласно замечаниям Джона Локка в «Двух трактатах о правлении», если какой-либо вопрос касается нас лично, мы все в какой-то степени склонны преувеличивать собственные заслуги и нанесённые нам обиды, и, напротив, минимизировать обиды, нанесённые другим и заслуги этих других[22]. Отсюда, на практике, следуя рекомендациям Аристотеля, легко выйти за рамки (слишком много позволяя себе по отношению к другим или слишком мало позволяя другим по отношению к себе).

[21] Аристотель 1997.
[22] См.: Locke 1992.

Более того, истина о том, что не все люди равны и что признание не разделяется в равной степени, по-прежнему остаётся вопросом затруднительным. Таким образом, возможно, во многих ситуациях – особенно в случае применения права – лучше не формулировать её буквально, а спрятать за завесой какой-нибудь искусной метафоры?

Концепцию личностных благ можно понимать именно как такую метафору. Её основное преимущество заключается, прежде всего, в том, что она предполагает презумпцию, согласно которой человеку положена определённая минимальная доза уважения по той простой причине, что он человек. Мы не находим данного предположения в повествовании Аристотеля о *hybris*, согласно которому уважение должно быть разделено в соответствии с естественным порядком (что, однако, не означает, что некоторое равное количество уважения положено всем людям без исключения). Другими словами, в свете теории личностных благ человека следует уважать, чтобы он впоследствии мог подтверждать тот факт, что он достоин уважения. В то же время, согласно предпосылкам Аристотеля, человек должен доказать, что он заслуживает уважения при условии, что он хочет пользоваться уважением.

Как следует из вышесказанного, взгляды Аристотеля относительно *hybris,* в определённой мере призывают к своеобразной конкуренции. Они основаны на предположении о том, что количество признания должно быть неравномерно распределено с учётом критериев этической добродетели. В свете этой концепции справедливость торжествует при условии, что имеет место ситуация, когда низшие существа оказывают честь высшим существам (когда оказываемая честь находится в прямой зависимости от степени этического развития её получателей). С другой стороны, теория личностных благ позволяет выразить эту проблему в определённом смысле опосредованно или вообще абстрагироваться от неё. Благодаря этому мы имеем дело с языком, в котором кроется предположение, что существует определённый пул уважения, который можно и нужно разделить поровну, гарантируя предварительное размежевание индивидуумов. После этого они сами должны принять решение относительно того, хотят ли они отказаться от гарантий размежевания, выражая это не буквально, а путём неоднократных попыток принятия решения в данной области, что они ценят больше, а что меньше. Таким образом, благодаря языку личностных благ, нет необходимости говорить о том, кто заслуживает большей чести, а кто меньшей, и, как следствие, кого мы считаем лучше, а кого хуже. Этот язык, однако, позволяет дискутировать о том, было ли нарушено чьё-то благо или же не было (т.е. выход за рамки определённых границ произошёл с согласия человека, являющегося защитником этих границ, без его согласия или вопреки ему).

В этом контексте защита личностных благ выступает не только в качестве компенсации, но и в качестве превентивной меры. Она должна

не только приносить эмоциональное облегчение тому, в чью пользу предусматривается компенсация. Её целью также является предоставление решения, которое, по мере возможности, как можно меньше уязвляло бы гордость потенциального или фактического оскорбителя. Следовательно, дело в том, чтобы он, по возможности, мог найти такую характеристику своего положения, которая побудила бы его признать правильность решения, применённого судом. В связи с вышеизложенным, очень важно, чтобы он расценивал его как объективированное решение, которое направлено не на него лично (например, как носителя определённых отрицательных черт, в том числе гордыни). Деперсонализация решения уменьшает разочарование проигрывающей стороны. Даёт ей шанс не чувствовать себя оскорблённой. Это, однако, может стать мотивацией того, чтобы в будущем она по собственной воле пыталась избежать вторжения в чью-либо сферу, чтобы ей не хотелось генерировать дальнейшие эксцессы.

Самое главное состоит в том, что современные концепции личных благ основаны на предположении, согласно которому общество может являться суммой гармонично сосуществующих индивидов. В рамках этого видения также возможно повсеместное бесконфликтное распределение нематериальных благ, которые являются необходимой основой субъективности человека. Другими словами, предполагается, что люди могут спроектировать все свои отношения таким образом, чтобы достоинство каждого неизменно уважалось и не принижалось. В связи с этим, конфликты, связанные со сферой достоинства, перестают проявляться как имманентная составляющая человеческого существования. Тем самым можно пропагандировать убеждение, что люди вовсе не обречены на трагедию борьбы за признание и уважение. Это убеждение подкрепляется мнением, что во избежание вышеупомянутой трагедии достаточно гарантировать последовательную защиту разумно установленных границ индивидуальной субъективности. В результате, современное законодательство создаётся с целью предварительного размежевания индивидов. Это означает, что для них предусмотрены конкретные области, в которых индивиды являются лицами, практически монопольно принимающими решения (внешние вмешательства, происходящие без согласия субъекта личностных благ, относятся к чрезвычайным и должны быть чётко предусмотрены и определены правовой системой).

В то же время, следует ещё раз подчеркнуть, что язык, на котором сообщается о защите личностных благ, базируется на значительном количестве эвфемистических понятий. Это связано с убеждённостью в том, что сложные вопросы следует представлять с большой долей осторожности. Отсюда намерение создать такой язык, который помог бы избежать эскалации эмоционального напряжения, сопровождающего конфликты, касающиеся достоинства.

Время покажет, в каком направлении будут эволюционировать представления, связанные с личностными благами. Будущее ответит также на вопрос, сохранится ли в качестве их фундамента представление о прирождённом человеческом достоинстве.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Аристотель. Никомахова этика / Пер. Н. Брагинской. М.: ЭКСМО-Пресс, 1997. URL: http://lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/nikomah.txt [Aristotel'. Nikomahova etika. Per. N. Braginskoj. M., 1997. URL: http://lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/nikomah.txt]

Аристотель. Риторика / Пер. Н. Платоновой // Античные риторики. М.: Изд. Московского университета 1978. URL: http://www.lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/ritoriki.txt [Aristotel'. Ritorika. Perevod N. Platonovoj. // Antichnye ritoriki. M.: Moscow University Press, 1978. URL: http://www.lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/ritoriki.txt]

Дельфийские максимы. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Дельфийские_максимы. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Del'fijskie_maksimy]

Bardziński F. Pojęcie hybris w kulturze i filozofii greckiej // Ethics in Progress, 2016, no 2, pp. 7-17. https://pressto.amu.edu.pl/index.php/eip/article/view/8298/14342

Baszkiewicz J. O niektórych filozoficznych i praktycznych dylematach Praw Człowieka // J. Baszkiewicz. Państwo. Rewolucja. Kultura polityczna. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2009, pp. 487-503.

Cairns D.L. Hybris, Dishonour, and Thinking Big // J-l of Hellenic Studies, 1996, v. 116, p. 1-32. https://www.research.ed.ac.uk/portal/files/11874467/Hybris_Dishonour_and_Thinking_Big.pdf

Cichocka H. Lichański J.Z. – Volkmann R. // Zarys historii retoryki. Od początku do upadku cesarstwa bizantyjskiego – Wprowadzenie do retoryki Greków i Rzymian, Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 1995. 233 p.

Dickie M.W. Hēsychia and Hybris in Pindar // D.E. Gerber (ed.). Greek Poetry and Philosophy: Studies in Honour of Leonard Woodbury. Chicago: Scholars Press, 1984, pp. 83-109.

Fisher N.R.E.. Hybris: A Study in the Values of Honour and Shame in Ancient Greece. Warminster: Aris & Phillips, 1992. 526 p.

Hitzig H.F. Injuria: Beiträge zur Geschichte der Injuria im griechischen und römischen Recht. München: Ackermann, 1899. 110 p. https://archive.org/details/injuriabeitrage00hitzgoog/page/n87/mode/2up

Koch A. Ewolucja deliktu iniuria w prawie rzymskim epoki republikańskiej // Czasopismo Prawno-Historyczne, 1967, no 2, pp. 51-74.

Kuryłowicz M. Paul. D. 47,10,26 i obyczajowo-prawne zagadnienia rzymskiej iniurii // Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska, 1984, no 17, pp. 275-286.

Kuryłowicz M. Prawo i obyczaje w starożytnym Rzymie. Lublin: Lubelskie Wydawnictwa Prawnicze, 1994. 229 p.

Lausberg H. Retoryka literacka. Podstawy wiedzy o literaturze. Bydgoszcz: Homini, 2002. 990 p.

Lichański J.Z. Retoryka: Historia - Teoria – Praktyka (vol. 1). Warszawa: DiG, 2007. 237 p.

Locke J. Dwa traktaty o rządzie. Warszawa: BKF 1992. 353 p.

MacDowell D.M. Hybris in Athens // Greece & Rome, 1974, vol. 23, pp. 14-31.

Nowicka D. Rzymskie uregulowawnia dotyczące ‘iniuria’ a karnoprawna ochrona czci w prawie polskim // Zeszyty Prawnicze, 2014, no 1, pp. 133-158.

Nowicka D. Zniesławienie w prawie rzymskim. Wrocław: Prawnicza i Ekonomiczna Biblioteka Cyfrowa, 2013. 336 p. http://www.bibliotekacyfrowa.pl/Content/42812/Znieslawienie_w_prawie_rzymskim_28_10_2013.pdf

Wees H. van. The law of hybris’ and Solon’s reform of justice // S.D. Lambert (ed.). Sociable Man. Essays on ancient Greek social behaviour, in honour of Nick Fisher. Swansea: Classical Press of Wales, 2011, pp. 117-144.

Ziomek J. O współczesności retoryki // H. Markiewicz (ed.). Problemy teorii literatury (vol. 4). Wrocław-Warszawa-Kraków: Zakład Narodowy im Ossolińskich, 1998, pp. 7-21.

Ziomek J. Retoryka opisowa. Wrocław-Warszawa-Kraków: Zakład Narodowy im Ossolińskich, 1990. 341 p.

***Бартош Хордецки**, доктор политических наук, доктор юридических наук, магистр философии, факультет политических наук и журналистики, Университет Адама Мицкевича, Познань, Департамент философии политики, bartosz.hordecki@amu.edu.pl*

On some concepts of *honor* within the sphere of ancient and contemporary legal imaginings

The article represents a study of the development of legal concepts and their context. It contains a juxtaposition of two historically remote concepts of *honor*. One of these was functioning in the ancient Greek tradition, another belongs to our times. The first is related to the concept of *fair proud* and treats *honor* as a special reward entitled to the best of the society members. The second identifies *honor* as *a personal good* that belongs to everybody as shared human legacy. The article juxtaposes especially some persuasive advantages and disadvantages of both *honor* imaginings. Simultaneously, the concepts were depicted as culturally determined regulators of interpersonal relations. This helps to highlight and characterize some specific features of legal consciousness in ancient Greece as well as in contemporary liberal democracies.

Keywords: honor, fair proud, dignity, personal goods, legal concepts, legal imaginings, ancient Greek legal consciousness, contemporary legal consciousness, history of legal concepts

***Bartosz Hordecki**, PhD in political science, PhD in law, MA in philosophy, Faculty of Political Science and Journalism, Adam Mickiewicz University in Poznań, Department of Political Philosophy, assistant professor, bartosz.hordecki@amu.edu.pl*

А.В. Абрамов

«ЦАРЬ, ЦАРЕВИЧ, КОРОЛЬ, КОРОЛЕВИЧ» ОБРАЗ ПРАВИТЕЛЯ В НАРОДНОЙ РУССКОЙ СКАЗКЕ

В статье на основании анализа политических образов, содержащихся в волшебных сказках из собрания А.Н. Афанасьева, выявляются черты, которыми народная мысль наделяет правителя. По заключению автора, в народном сознании персонажи «царь» («король») и «царевич» («королевич») составляют единую сакральную личность, выполняющую функции героя-воина и мудрого отца-правителя. Делается вывод о воспроизводстве сказочного политического образа правителя в сознании и поведении современных россиян, как политиков, так и рядовых граждан.

Ключевые слова: *народная мысль, сказка, народная русская сказка, архетип, политический образ, образ правителя, царь, политическая культура*

Особое место в культуре России занимала и занимает знакомая всем с детства народная сказка. Её парадоксальные фантастические сюжеты, яркие образы и крылатые фразы навсегда впечатываются в сознание каждого ребёнка, выступая важным компонентом процесса его социализации. Однако представлять народную сказку как произведение, адресованное исключительно детям, неверно. Значение сказки не исчерпывается влиянием на формирование мировоззрения индивида. Сказки выступают неотъемлемой частью историко-культурной памяти народа и в этом качестве представляют собой «механизмы распространения и трансляции из поколения в поколение социально и культурно дифференцированных “образов прошлого”, культурных символов, когнитивных схем»[1]. Таким образом, являясь простенькой развлекательной историей по форме, сказка по содержанию представляет собой своеобразную шараду, ребус, тайное послание, разгадка которого – предмет мечтаний любого интеллектуала.

Сказочный массив неоднороден. Самыми многослойными и потому наиболее сложными для анализа являются волшебные сказки – фольклорные произведения, характеризующиеся откровенно фантастическим сюжетом, наличием чудесных помощников, предметов и невероятных обстоятельств. Трактовки содержания волшебных сказок различны. Одни полагают, что в основе «преданий старины глубокой» лежат события и социально-культурные практики прошлого, обросшие с течением времени множеством фантастических деталей и более поздних подробностей[2]. Другие считают фольклорные произведения своего рода «контейнерами», с помощью которых в индивидуальную психику «доставляется» накопленный предшествующими поколениями социальный опыт, составляющий коллективное бессознательное: архетипы и пр.[3]

[1] Репина 2016: 10.
[2] Рыбаков 1994: 590-596; Пропп 2000; Мелетинский 2005.
[3] Юнг 1996; Сергеева 2016.

Противопоставление исторической и психологической интерпретаций может быть отчасти снято, если сконцентрировать внимание на изучении образов, встречающихся в волшебной сказке. Наибольший интерес при этом вызывают образы политические, ибо, передаваясь от поколения к поколению, они становятся неотъемлемыми компонентами политической культуры общества; выступают эталонами и моделями современного сознания и поведения. Будучи результатом восприятия социальных объектов, политические образы воплощают в себе единство реального и идеального; как указывает Е.Б. Шестопал, представляют «с одной стороны отражение реальных характеристик объекта восприятия, т.е. политической власти, личности лидера и т.д., а с другой – проекцию ожиданий субъекта восприятия»[4]. Таким образом, изучение политических образов в русских сказках полезно не только для восстановления прошлого, но и для понимания настоящего.

Социально-политические сюжеты волшебных народных сказок не раз рассматривались философами, социологами и историками[5], но при этом собственно политическим образам уделялось явно недостаточно внимания. Попытаемся восполнить этот пробел, проанализировав сказочных героев, маркированных словами «царь», «король», «царевич» и «королевич». В качестве источниковой базы исследования выберем наиболее обстоятельное и систематическое собрание русского фольклора, выполненное в XIX в. А.Н. Афанасьевым[6].

Царь или король в народных русских сказках всегда является героем «второго плана». Это персонаж без биографии, не человек, а некий социальный тип, лишённый в большинстве случаев каких-либо индивидуальных черт и особенностей. Показательно, что из 107 проанализированных нами волшебных сказок, лишь в 9-ти царь или король назван по имени. История восхождения на трон сказочного правителя покрыта мраком. Государь неизвестное время правит «в некотором царстве, некотором государстве». Царская семья также описана довольно обще: государь женат или вдов и, как правило, имеет детей «на возрасте».

Народная мысль довольно архаична в своём представлении о царских обязанностях. Правитель – прежде всего *воин*, значительную часть времени проводящий в ратных походах. «Долго-долго шел царь с воинством, много-много земель за собой оставил, вот уж и неприятель близко» (259)[7]. «Ах ты, храбрый воин! – укоряют сёстры царевича, испугавшегося приближающихся врагов. – Чего убоялся? Как же Белый Полянин воюет с бабой-ягою золотой ногою, тридцать лет с коня не слезает, роздыху не знает?» (161). Подробнее чем война в сказках описана только охота, которой правитель занимается «по обычаю царскому, дворян-

[4] Шестопал 2007: 352.
[5] См., напр.: Трубецкой 1990; Вышеславцев 1995; Стрелкова 2011; Лобачева 2019.
[6] Народные русские сказки А.Н. Афанасьева 1984–1985.
[7] Здесь и далее в круглых скобках приведены номера, под которыми сказки размещаются в собрании А.Н. Афанасьева.

скому» (205, 219, 201, 260). Его мирные дела описаны довольно невнятно с помощью самых общих фраз: «правит делом» (125), «устроил своё царство» (231). Исключение составляет лишь функция *судьи*, которую правитель делит с другими государями или приближёнными. «Король созвал большой совет и велел судить своего зятя, зачем-де обольстил его волшебством и сгубил прекрасную королевну» (191). «Осердился царь, послал собирать с разных земель королей и принцев. Собрались короли и принцы; угостил их царь и стал с ними думать-гадать» (124).

Как видно, транслируемый волшебными сказками образ царя глубоко патриархален: это либо неутомимый воин-герой, либо мудрый, но суровый судья, жестоко карающий виновных, ради торжества справедливости и сохранения порядка. В терминологии С.В. Перевезенцева и А.А. Ширинянца, предназначение сказочного государя быть «консерватором-хранителем» своего царства[8]. В одной из сказок царь прямо назван «грозным» – «славным во всех землях, страшным всем королям и королевичам» (199). Впрочем, несмотря на строгость, правитель вполне доступен простонародью. В сказках он спрашивает совета у крестьянина (124, 138), лично принимает солдата на службу (259, 273), становится крёстным отцом сына бедняка (185), выслушивает крестьянку, сватающую государеву дочь за своего сына (191) и т.п. Правда, оказаться перед лицом царя непросто: дорогу к нему преграждают многочисленные солдаты, слуги и вельможи.

Однако даже сказочный правитель не всегда соответствует идеалу. Порой царь труслив, завистлив и жаден; верит злым боярам, которые стремятся «обнести» перед государем хорошего человека (307, 224, 283). Но за неправедную политику и потакание плохим советчикам следует неминуемая расплата. Герой одной из сказок, посланный на тот свет, наблюдает, как на покойном короле черти возят дрова в пекло. «Скажи-ка ты моему сыну, – просит король, – коли он будет королевством управлять так же *не по правде* (курсив мой. – *А.А.*), как я управлял, то и с ним то же будет! Сам видишь, как меня черти замучили, до костей спину и бока простегали» (216). «Правда» трактуется народным сознанием предельно просто: «не обижать ни черни, ни войска» (214). Король, не внимающий несложным рецептам, жестоко наказывается: «Дурак видит, что дело к расплате идет, и крикнул: “Эй, дубинка, бей-колоти!” Дубинка бросилась, раз-другой ударила и убила злого короля до смерти» (216).

Более внимательный взгляд на фигуру царя позволяет выявить еще одну важную особенность восприятия народом государя – *сакрализацию*. Сакрализация, по Б.А. Успенскому и В.М. Живову, «предусматривает не просто уподобление монарха Богу, но усвоение монарху особой харизмы, особых благодатных даров, в силу которых он начинает восприниматься как сверхъестественное существо <…> заняв место визан-

[8] Перевезенцев, Ширинянц 2016.

тийского василевса, русский царь получает – в восприятии своих подданных и в своём собственном – особую харизму»[9].

Позволим уточнить и, в определённой степени, оспорить приведённое выше высказывание применительно к предмету нашего исследования. Во-первых, как представляется, сакрализацией правильнее называть не уподобление правителя Богу (сверхъестественному существу), но веру в связь власть имущего с миром сверхъестественного[10]. Во-вторых, в русском фольклоре сакральный характер имеет не власть и не титул, а личность правителя. Волшебные сказки со всей очевидностью демонстрируют ту самую персонификацию политической власти в России, о которой пишут современные исследователи[11]. Правитель в сказках обладает сверхъестественными способностями (харизмой) не потому, что он царь, но *он царь, потому, что у него есть харизма*.

Образ царя как сакральной личности вырастает из наиболее древних, архаичных родоплеменных представлений о вожде как о маге, умеющем договориться с Иным миром (богами и духами) об удачной военной экспедиции, успешной охоте, хорошем урожае, прекращении эпидемии и т.п. Сверхъестественные способности являются, следовательно, обязательным условием правления. Государь, утративший связь с Иным миром, оказывается бесполезен для племени, а потому закономерно утрачивает власть. При внимательном изучении народных волшебных сказок мы видим, что фабула многих из них – это рассказ о потере харизмы старым правителем и обретении её новым героем, в конечном счёте, занимающим трон.

О наличии у действующего правителя сверхъестественных способностей волшебные сказки говорят намёками. Так, например, они сообщают о пленении государем опасного противника, принадлежащего Иному миру: Кощея Бессмертного (159), духа дикой природы («мужичка руки железны, голова чугунна, сам медный») (123-125) и т.п. Очевидно, что для захвата в плен сверхъестественного существа от правителя требуются и особенные способности: сверхсила, сверхловкость и сверххитрость. Другим доказательством наличия связи правителя с миром сверхъестественного является владение им волшебными предметами. Прежде всего, это разнообразное оружие: меч-кладенец, боевая палица, чудесная рубашка (208-209, 259). Они и делают царя сверхсильным и неуязвимым, потому их потеря приводит к непоправимым последствиям, вплоть до гибели героя. К числу сверхъестественных вещей можно, очевидно, отнести и яблоню с золотыми яблоками из «Сказки об Иван-царевиче, жар-птице и сером волке» (168). Несмотря на то, что в тексте не упоминается о волшебных свойствах плодов, их золотой цвет однозначно свидетельствует о волшебном характере дерева[12]. Секрет яблок

[9] Успенский, Живов 1996: 208, 215.
[10] См. об этом: Андреева 2005.
[11] Романович 2009.
[12] Пропп 2000: 245.

раскрывается в других сказках (171,172,174,176): они являются молодильными, т.е. позволяющими царю победить старость.

Фигура старого царя особенно интересна, поскольку в его лице мы видим человека, утрачивающего харизму. «…Царь, который был одновременно жрецом, магом, от которого зависело благополучие полей и стад, – поясняет В.Я. Пропп, ссылаясь на Д. Фрэзера, – при наступлении старости или незадолго до нее, как полагали, начинал терять свою магическую потенцию, что грозило бедствием всему народу. Поэтому он заменялся более сильным преемником»[13]. В этом контексте становится понятна та роль, в которой выступает престарелый правитель в волшебных русских сказках. Как с иронией замечает А.С. Штемберг, «его [царя] основное развлечение и любимое занятие – изводить героя разными каверзными задачами и трудновыполнимыми или вовсе невыполнимыми поручениями»[14]. В соответствии с вышесказанным, становится ясна истинная цель этих задач и поручений: правитель либо хочет заполучить магические предметы, чтобы восстановить свои сверхъестественные способности и, тем самым, сохранить свою власть, либо стремится найти новую сакральную личность себе на смену. Попытки старика любыми способами удержаться на престоле народом решительно осуждаются. Утерявший харизму царь, решивший так же, как и молодой герой, искупаться в кипящем молоке, неизменно гибнет (169, 170).

Сказочную биографию претендента на престол (царевича или королевича), как и царскую, невозможно восстановить полностью. Рассказ о судьбе наследника начинается с детства или юности и завершается его свадьбой или вступлением на престол. Затем следует многозначительное многоточие: «…и жили они долго и счастливо».

Как и царь, царевич – типическая фигура, что подчёркнуто именем: в 37 из проанализированных нами сказок он зовётся одинаково – Иван. Царевич – воплощение всего самого лучшего: «…и красивый, и умный, и славный; об нем песни пели, об нем сказки сказывали; он красным девушкам во сне снился» (283). Его манеры изысканы: «кресты кладёт по-писаному, поклоны ведёт по-ученому» (124). Но специфической чертой царевича является другое – харизма. Иногда она проявляется с рождения. Царица долго не может забеременеть, усердно молится и видит сон о златоперой рыбе, которую нужно изловить и съесть, чтобы родить сына. Сон сбывается, и ребенок тотчас же демонстрирует сверхъестественные качества: он фантастически быстро развивается («не по дням, а по часам») и становится сильномогучим богатырём (136, 137, 139). В одной из сказок царевич отправляется совершать подвиги, будучи десятилетним (176), а в другой и вовсе – девятисуточным (157).

Однако столь ранее проявление харизмы – исключение, а не правило. В большинстве сказок у царевича присутствуют лишь задатки

[13] Пропп 2000: 290.
[14] Штемберг 2012: 209.

уникальных способностей, которые полностью раскрываются только в определённых условиях. Демонстрация сверхъестественных качеств требуется, например, при наследовании отцовского трона. Как правило, такое «тестирование» происходит в несколько этапов. «Сказка об Иван-царевиче, жар-птице и о сером волке» начинается с истории о том, что в волшебный сад повадилась летать жар-птица, клюющая золотые яблоки (168). Три царских сына по очереди охраняют деревья, но только Ивану-царевичу удается подстеречь жар-птицу и схватить её за хвост. Очевидно, что причина неудачи старших братьев не столько в их безответственности, сколько в отсутствии харизмы: они лишены сверхъестественных способностей (не имеют магического зрения), и потому просто не видят птицу, прилетевшую из Иного мира. Ещё более любопытно выглядят испытания в сказке «Царевна-лягушка» (267-269, 570). Там герои вынуждены доказывать свои уникальные способности несколько раз. Сначала царь требует от сыновей жениться, но жену выбрать с помощью стрелы и лука: «кто куда стрельнет, тому там и невесту брать». Выбор стрелы в качестве орудия судьбы имеет особое значение – это предмет, принадлежащий двум мирам: миру живых и миру мёртвых (с её помощью живое можно сделать мёртвым). Таким образом, стрела должна продемонстрировать, кто из троих царских сыновей может «открыть дверь» в Иной мир. Затем царские испытания обращаются к будущим царевнам: им нужно сшить рубаху, испечь хлеб и станцевать на пиру. Попытки сделать это обычными способами проваливаются: рубашки и хлеб, созданные жёнами старшего и среднего сыновей, оказываются самыми обычными, а танец лишь раздражает царя. Только лягушка, получившая свой хлеб и рубаху из Иного царства («Няньки-маньки тотчас принесли рубашку самой лучшей работы»), заслуживает одобрения, а её танец однозначно свидетельствует о магических способностях претендентки: она делает из мёртвого (обглоданные кости в рукаве) живое («стали летать разные птицы»).

Другим типом «теста» на наличие у наследника харизмы выступает в сказках сватовство царевича. В силу того, что выбранная невеста сама обладает сверхъестественными способностями, рядовая процедура оборачивается полным опасностей испытанием. Отец невесты требует от претендентов невозможного: узнать невесту среди одинаковых девиц, попариться в раскаленной бане, съесть бесчисленное количество еды, объездить дикого коня, построить за одну ночь дворец или мост, разбить сад и т.п. (198-200, 219-226). Очевидно, что выдержать такие испытания, не будучи сакральной личностью, невозможно. Но кроме магии царевичу требуются и чисто житейские качества: смекалка, хитрость, находчивость. Печальную судьбу претендента на престол, не обладающего ни харизмой, ни сообразительностью рисует сказка «Безногий и слепой богатыри» (198-200). Царевна-богатырка, поняв, что вышла замуж за обычного человека, а все испытания проходил его слу-

га, при первом же удобном случае избавляется от мужнина помощника и мстит супругу. Она тащит привязанного царевича за повозкой, а затем заставляет его пасти коров.

Но наиболее сложным типом испытаний является путешествие претендента в Иное царство (Страну мертвых) за похищенной матерью, женой или волшебной вещью (живой водой, молодильными яблоками и т.п.). Именно в этом походе раскрываются все сверхъестественные способности царевича. У камня на перепутье он интуитивно выбирает правильную дорогу, что не удается его братьям, обычным людям. Затем, дойдя до границы Иного царства, без труда в него попадает, произнеся нужные слова (заклинания), разворачивающие в правильном направлении избушку на курьих ножках. После этого царевич заручается поддержкой стража границы иномирья – Бабы-яги, и, узнав от неё дорогу, оказывается, наконец, лицом к лицу с главным сверхъестественным противником: многоглавым чудом-юдом, Змеем-Горынычем или Кощеем Бессмертным. Следует поединок, в ходе которого герой убивает злодея и с освобождённой матерью, невестой/женой и волшебными трофеями торжественно возвращается на Русь.

Триумф, впрочем, на некоторое время откладывается из-за ревности старших братьев. Недовольные тем, что их младший родственник выполнил задания отца и, вероятно, получит престол вопреки принципу старшинства, братья убивают Ивана. Однако здесь связь претендента на престол с миром сверхъестественного раскрывается во всей полноте: при содействии волшебных помощников Иван-царевич возвращается с того света, вскрывает правду и мстит обидчикам (171-178).

Таким образом, царевич предстаёт в русских сказках героем-воином, чей путь к трону полон страданий и подвигов. Согласно народным представлениям, будущий царь, имея право на престол, должен заслужить корону, пройдя через страдания, предательство и даже смерть. Править страной может не изнеженный и неопытный мальчик, но бесстрашный, познавший жизнь муж.

Подведём итоги. Изучение политических образов в волшебных народных русских сказках приводит нас к парадоксальному, на первый взгляд, выводу: в лице царя и царевича мы видим не две самостоятельных личности, но один, рассеченный надвое образ. В этом смысле волшебные сказки похожи на кинофильм, который начинается с финала, а затем содержит рассказ о том, как и почему этот финал стал возможен. Судьба царевича, как предыстория жизни царя, есть рассказ об обретении харизмы, раскрытии сверхъестественных способностей, необходимых для будущего правления. В народном сознании возникают следующие требования по отношению к власть имущему: он должен быть бесстрашным воителем, способным победить врагов (в том числе и кажущихся непобедимыми) и хранителем правды-справедливости среди детей-подданных. Таким образом, в царе должны сочетаться образы

героя-воина и мудрого отца-государя. Прозорливость правителя, в частности, должна проявляться в том, чтобы, утрачивая былую сакральность, готовить себе преемника, способствуя раскрытию его харизмы.

Как видно, указанные политические образы и практики, зафиксированные в волшебных сказках, продолжают жить и поныне, определяя политическое сознание и поведение как рядовых российских граждан, так и политиков.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Андреева Л.А., Бондаренко Д.М., Коротаев А.В., Немировский А.А. Введение // Сакрализация власти в истории цивилизаций. Ч. I / Ред. Д.М. Бондаренко. М.: Институт Африки РАН, 2005. С. 5–32. [Andreeva L.A., Bondarenko D.M., Korotaev A.V., Nemirovskij A.A. Vvedenie // Sakralizaciya vlasti v istorii civilizacij. Ch. I / Red. D.M. Bondarenko. M.: CCRI RAN, 2005. S. 5–32.].

Вышеславцев Б.П. Русский национальный характер // Вопросы философии. 1995. № 6. С.112–114. [Vysheslavcev B.P. Russkij nacional'nyj harakter // Voprosy filosofii. 1995. №6. S.112–114.].

Лобачева Г.В. Отражение «наивного монархизма» русского народа в сказочном фольклоре // Современные направления в истории, культуре, науке и технике. Материалы Международной научно-практической конференции. Саратов: КУБиК, 2019. С. 174-177 [Lobacheva G.V. Otrazhenie «naivnogo monarhizma» russkogo naroda v skazochnom fol'klore // Sovremennye napravleniya v istorii, kul'ture, nauke i tekhnike. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Saratov: KUBiK, 2019. S. 174-177.].

Мелетинский Е.М. Герой волшебной сказки. М., СПб: Академия Исследований культуры, Традиция, 2005. 240 с. [Meletinskij E.M. Geroj volshebnoj skazki. M., SPb: Akademiya Issledovanij kul'tury, Tradiciya, 2005. 240 s.].

Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: В 3 т. / Подгот. Л.Г. Бараг, Н.В. Новиков; Отв. ред. Э.В. Померанцева, К.В.Чистов. М.: Наука, 1984–1985. [Narodnye russkie skazki A. N. Afanas'eva: V 3 t. / Podgot. L. G. Barag, N. V. Novikov; Otv. red. E. V. Pomeranceva, K. V.Chistov. M.: Nauka, 1984-1985.].

Перевезенцев С.В., Ширинянц А.А. Страницы истории русского «хранительства»: литература и политика // Вестник Московского государственного областного университета. 2016. № 4. [Perevezencev S.V., Shirinyanc A.A. Stranicy istorii russkogo «hranitel'stva»: literatura i politika // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyj zhurnal). 2016. № 4. DOI:10.18384/2224-0209-2016-4-781.].

Пропп В.Я. Исторические корни Волшебной Сказки. М.: Лабиринт, 2000. 336 с. [Propp V.YA. Istoricheskie korni Volshebnoj Skazki. M.: Labirint, 2000. 336 s.].

Репина Л.П. Историческая память и национальная идентичность подходы и методы исследования // Диалог со временем. 2016. № 54. С. 9-15. [Repina L.P. Istoricheskaya pamyat' i nacional'naya identichnost' podhody i metody issledovaniya // Dialog so vremenem. 2016. № 54. S. 9-15.]

Романович Н.А. К вопросу о персонификации власти в России // Власть. 2009. №9. С. 13-16. [Romanovich N.A. K voprosu o personifikacii vlasti v Rossii // Vlast'. 2009. № 9. S. 13-16.].

Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1994. 608 с. [Rybakov B.A. Yazychestvo drevnih slavyan. M.: Nauka, 1994. 608 s.].

Сергеева А.А. Дорога в тридесятое царство: Славянские архетипы в мифах и сказках: В 2-х тт. М.: Клуб Касталия, 2016. [Sergeeva A.A. Doroga v tridesyatoe carstvo: Slavyanskie arhetipy v mifah i skazkah: V 2-h tt. M.: Klub Kastaliya, 2016.].

Стрелкова О.В. Образ власти в русских народных сказках // Социологические исследования. 2011. № 11. С. 131-136. [Strelkova O.V. Obraz vlasti v russkih narodnyh skazkah // Sociologicheskie issledovaniya. 2011. № 11. S. 131–136.].

Трубецкой Е.Н. «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке // Литературная учеба. 1990. № 2. С.100-118. [Trubeckoj E.N. «Inoe carstvo» i ego iskateli v russkoj narodnoj skazke // Literaturnaya ucheba. 1990. № 2. S.100-118.].

Успенский Б.А., Живов В.М. Царь и Бог (семиотические аспекты сакрализации монарха в России) // Успенский Б.А. Избранные труды. Т.1. Семиотика истории. Семиотика

культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. С.202–337. [Uspenskij B.A., Zhivov V.M. Car' i Bog (semioticheskie aspekty sakralizacii monarha v Rossii) // Uspenskij B.A. Izbrannye trudy. T.1. Semiotika istorii. Semiotika kul'tury. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Shkola «Yazyki russkoj kul'tury», 1996. S.202-337.].

Шестопал Е.Б. Политическая психология. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Аспект Пресс, 2007. 427 с. [Shestopal E.B. Politicheskaya psihologiya. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Aspekt Press, 2007. 427 s.].

Штемберг А.С. Герои русских народных сказок: кто они и почему ведут себя так, а не иначе? // Пространство и Время. 2012. № 1. С. 207–214. [Shtemberg A.S. Geroi russkih narodnyh skazok: kto oni i pochemu vedut sebya tak, a ne inache? // Prostranstvo i Vremya. 2012. № 1. S. 207–214.].

Юнг К. Душа и миф: шесть архетипов. Киев: Государственная библиотека Украины для юношества, 1996. 384 с. [Yung K. Dusha i mif: shest' arhetipov. Kiev: Gosudarstvennaya biblioteka Ukrainy dlya yunoshestva, 1996. 384 s.].

Абрамов Андрей Вячеславович, *кандидат политических наук, доцент, кафедра политологии и права, Московский государственный областной университет; abram-off@mail.ru*

“Tsar, tsar’s son, king, king's son”: the image of the ruler in the russian folk fairy tale

The article analyses the political images from the magic fairy tales by A.N. Afanasyev and singles out the character traits given to the ruler by the people. According to the author’s conclusion, the people’s conscience unites the characters of “tsar” (“king”) and of “tsar’s son” (“king’s son”) into one sacral personality, who functions as a hero-warrior and a wise father-ruler. The conclusion is made about the fairy political image of a ruler being reproduced in the conscience and behavior of modern Russians, both politicians and ordinary citizens.

Keywords: *People’s conception, fairy tale, Russian folk fairy tale, archetype, political image, the image of the ruler, tsar, political culture*

Abramov Andrei V., *PhD in Political Sciences, associate Professor at the Department of political science and law Moscow Regional State University; abram-off@mail.ru*

В.А. Болдин, А.Б. Страхов

НАЦИОНАЛЬНОЕ VS ОБЩЕСЛАВЯНСКОЕ В РУССКИХ ИСТОЧНИКАХ XVII ВЕКА[1]

Зарождение идей панславизма обычно связывают с богословом Юрием Крижаничем (1618–1683) и его трактатом «Разговоры о владетельстве», также известном как «Политика» (1663–1666). Однако в XVII веке были созданы и другие произведения, такие как «Сказание о Словене и Русе и городе Словенске», «Синопсис, или Краткое описание о начале русского народа», в которых рассматривались взаимоотношения России со славянами. Наряду с постановкой вопросов единства и разобщенности славянского мира, развитием идеи славянской взаимности, в этих трудах определялось место России и русских в ряду славянских народов, возникло противопоставление национального и общеславянского. Исследование этих источников поможет создать комплексную ретроспективную картину эволюции славянской идеи, выявить ее истоки, факторы, повлиявшие на ее дальнейшее развитие.

***Ключевые слова**: панславизм, славянская идея, Юрий Крижанич, Иннокентий Гизель, «Синопсис», социально-политическая мысль XVII века*

Обращение к историческим сюжетам и источникам XVII века является крайне важным в контексте изучения интеллектуальной истории России. Это обусловлено тем, что XVII век был уникальным периодом, обозначившим переход от России «старой», традиционной, к России «новой». Именно в XVII в. появляются важнейшие идейно-теоретические концепции, осмысливающие положение России в мире. Более того, происходящие в этот период духовно-политические и философские дискуссии предопределили появление ключевых интеллектуальных тенденций в отечественной культуре и социально-политической мысли на долгие годы вперед. Как верно отмечает С.В. Перевезенцев: «XVII столетие оказалось весьма противоречивым и вместе с тем очень динамичным периодом в развитии отечественной культуры. С одной стороны, своего завершения достигает традиционная, русская культура. С другой – в недрах традиционной культуры, а нередко и вопреки традициям зарождаются совершенно новые тенденции, во многом связанные с освоением западноевропейского культурного опыта»[2].

Думается, глубинные модернизационные трансформации внутри российского общества, а, следовательно, и трансформации смыслов отечественной социально-политической мысли, были вызваны несколькими факторами. Во-первых, во второй половине XVII в. происходит присоединение к Московскому государству Малороссии и Белоруссии – славянских территорий, долгие годы находившихся под властью Поль-

[1] Исследование выполнено за счет гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых (проект МК-1526.2020.6 «Славянская идея: от национального самоопределения к европейской интеграции (историко-политологический анализ)»).

[2] Перевезенцев 2019: 486.

ши. Присоединение этих двух областей вызвало не только переосмысление места России во всемирной истории, ее миссии по отношении к другим, в том числе славянским народам, но и обеспечило приток новых идей, развиваемых выходцами из Малороссии и Белоруссии, оказавших огромное влияние на интеллектуальную жизнь в стране.

Во-вторых, усиление авторитета России привело к трансформации ее официальной идеологии. В это время происходит отказ от традиционного прочтения сущности идеи «Третьего Рима», а тексты «Филофеева цикла» перестают быть ее фундаментом, окончательно уступая место идеям и смыслам из «Сказания о князьях владимирских» и пророчествам о мессианской роли русского народа как освободителя угнетаемых православных братьев, а в русскую духовно-политическую мысль проникает новая историческая мифологема о России как «Вселенском православном царстве»[3]. Как следствие, именно во второй половине XVII в. обостряется дилемма «национальное *vs* вселенское», и «национальное *vs* общеславянское» как более частная ее составляющая.

Наиболее известная попытка осмыслить положение России в славянском мире представлена в работах хорватского богослова и философа Юрия Крижанича (ок. 1617–1683), в 1659–1676 гг. жившего в России и одно время служившего при дворе царя Алексея Михайловича. Считается, что именно хорват Крижанич первым открыто заговорил о необходимости объединения славян, более того, попытался разработать общеславянский язык как средство этого объединения[4].

Творчеству Крижанича посвящено множество исследований филологов, историков, философов и правоведов[5]. При этом изучение творчества Крижанича породило дискуссию в научном сообществе: является ли Крижанич «отцом» панславизма и насколько уместно использовать этот термин по отношению к XVII веку? Среди тех, кто видел в Крижаниче родоначальника панславизма можно назвать как дореволюционных российских историков (П.А. Бессонова, И.П. Рогановича, А.Н. Пыпина)[6], так и их более современных российских и зарубежных коллег (В.И. Колосова, П. Эберхардта, Г. Кона)[7]. Среди противников этой точки зрения – А.Л. Гольдберга, Б.Д. Дацюка, В.М. Дианову и др.[8]

В основе данного спора лежит одна методологическая проблема – дискуссия сводится не столько к оценке взглядов самого Ю. Крижанича, сколько к разному пониманию исследователями самого термина

[3] «Вселенское православное царство, столицей которого должен был стать Константинополь, – это идея, мечта православных народов об освобождении из-под чужеземного гнета и создании единого православного государства во главе с русским православным государем». Перевезенцев 2019: 488. См. также: Синицина 1998: 311.

[4] Подробнее о проекте общеславянского языка Крижанича см.: Maxwell 2020..

[5] Дианова 2018; Голенкова 2014; Запольская 2003: 222; Ширинянц, Мырикова 2010: 12; и др.

[6] Бессонов 1870: 79; Роганович 1899: 13; Пыпин 1913: 74.

[7] Колосов 2008: 198; Eberhardt 2010: 43-64; Kohn 1961: 323-324.

[8] Гольдберг 1963: 389-390; Дацюк 1946: 38; Дианова 2018: 75-76.

«панславизм». Так, нередко панславизм воспринимается или как сугубо националистическая, или только как имперская идеология, целью которой было объединение славян под властью России, зачастую без желания на то самих славянских народов. Но панславизм имеет гораздо более сложную историю и намного более глубокое содержание[9]. Панславизм следует рассматривать как негомогенный, «крупный идейно-теоретический комплекс, включающий разнообразные доктрины, теории, концепции и идеи, во главу угла которых была поставлена задача взаимного сотрудничества и единства действий в культурном и/или политическом отношении родственных (по крови, языку, религии, бытовой культуре, исторической памяти, территории) славянских и близких им народов и народностей»[10]. В таком случае взгляды Крижанича, безусловно, можно отнести к предтечам панславизма[11].

В своем трактате «Разговоры о владетельстве», более известном как «Политика» (1663–1666) и в лингвистических трактатах «Объяснение сводное о письме славянском» (1660-1661) и «Грамматично изказание об русском языке» (1666) Крижанич утверждал идеи о культурной, языковой и этнической близости славянских народов. При этом особую роль в деле объединения славян он возлагал на московского государя и на Россию как единственное сильное и независимое славянское государство. Все остальные славянские земли, считал он, в той или иной степени уже подверглись онемечиванию и поэтому неспособны самостоятельно возродить свое прежнее величие. Развивая мысль о роли Московского царства в славянском деле, Крижанич обращается с призывом к русскому царю повести славянство за собой. Именно Россия и русский царь должны были помочь славянским народам вернуть утраченную государственность, при этом Крижанич не конкретизирует, каким образом Россия должна добиться этого. Более того, «встать во главе славянства», по Крижаничу, далеко не означало объединения всех славянских земель под скипетром русского царя, а скорее наоборот, помощь России должна была носить безвозмездный и дружеский характер, воспринимаясь как особая и важная миссия[12].

Однако осмысление себя в славянстве и славянства вокруг себя не было привнесено в русскую духовно-политическую мысль Ю. Крижаничем. Уже в первой трети XVII в., когда в России формируется корпус текстов, посвященных обоснованию права династии Романовых на русский престол, в русской интеллектуальной традиции появляется понимание славянского единства, основанного на этническом родстве и об-

[9] В частности, стоит иметь в виду, что сознание взаимного родства и близости у славян существовало задолго до эпохи XVII в., а «идея объединения славян для совместных политических действий вышла не из пределов Московского государства, а “появилась впервые у небольших народов Запада”». См.: Гольдберг 1963: 376.

[10] Ширинянц 2008: 75.

[11] Подробнее о панславизме см.: Болдин 2018.

[12] См.: Крижанич 1997: 194-232; Прокудин 2018: 31-32; Болдин 2018: 109-110.

щем происхождении. В частности, эти идеи присутствуют в «Сказании о Словене и Русе и граде Словенске». Древнейший из списков Сказания датируется 1630-ми гг. и, думается, можно согласиться с мнением, что авторство Сказания принадлежит новгородскому митрополиту Киприану[13]. Впрочем, в научной литературе встречалась и другая точка зрения: «“Сказание о граде Словенске” возникло в последней четверти XVII в.»[14] Позднее Сказание стало очень популярным, о чем свидетельствуют около 100 его списков, относящихся к XVII–XVIII вв. Кстати говоря, Крижанич прекрасно знал этот памятник и пользовался им[15].

Сказание повествует о легендарных первопредках русского народа и выполняет определенную функцию легитимации древнейших корней Российского государства: «История “россиян”, княжеская власть на Руси уходит далеко в глубь веков, возникла задолго до прихода в Новгород “Рюрика с братиею”»[16]. Но цель Сказания гораздо более амбициозна – показать всемирно-историческое значение и величие русского народа.

Сказание повествует, что в 2244 г. от Сотворения мира (3624 г. до Р.Х.) сын Ноя Иафет отправился «на заподныя страны и на северныя и даже до полуношныя». Одним из потомков Иафета был Скиф и по его имени была названа целая область – Скифия. Скиф имел пятерых сыновей: «1-е Словен, 2-е Русь, 3-е Болгор, 4-е Коман, 5-е Истер»[17]. Здесь нужно отметить влияние греческой учености на автора Сказания: куманами византийцы называли половцев, а Истр — древнегреческое название реки Дунай. Непонятным остается, каких именно болгар имел в виду Киприан: волжских (в пользу этого говорит их тюркское, как у половцев, происхождение из скифских степей и непосредственная близость к русским землям) или балканских (за эту версию греческое влияние, славянский язык и принесение на Русь славянской учености).

Но зато Киприан снимает проблему, которая появилась еще в «Повести временных лет», – взаимоотношение русов и славян: в его изложении это не два иерархически расположенных народа, а равноправные братья. Впрочем, и здесь возникают противоречия. Словен и Рус отправляются от Черного моря на север и после долгих блужданий «старейший Словен» основывает град Словенск, который сейчас носит название Новгорода Великого. Примерно в это время из летописного сообщения исчезает Рус-брат, но появляется Рус-сын, который основывает город и называет его в свою честь (ныне Старая Русса). «И иные градки многие Словен и Рус поставиша, – сообщает дальше Сказание, – и нарицаху их во имена князей своих Словены и Русии… И живяху между собою Словен и Рус в любови велицей»[18].

[13] Федорова 2003: 662.
[14] Николаева 1969: 348.
[15] См.: Буланин 1998: 446.
[16] Там же.
[17] Мазуринский 1968: 11.
[18] Мазуринский 1968: 12.

Мифические рассказы о распространении славян и русов по происходят в совершенно случайные даты и соседствуют с библейскими, античными и раннехристианскими историями, иногда даже вторгаясь в них: «Лета 4885, в та же лета быша всиа вселенныя тогда самодержец Александр, царь македонский… от прежереченных же словенех и русех, от всех стран жалостен слух самому самодержцу во уши возгреме… посылает к ним з дары многими и писание, многими похвалами украшено…»[19]. В данном случае, апологетика Александра Македонского несколько неясна. Его литературное жизнеописание «Александрия» было известно на Руси, однако он никогда не был персонажем, связанным с русской историей.

Через некоторое время на земли словено-русов пришел мор, и оставшиеся в живых вернулись на Дунай и в Скифию. Позже, снова придя в Словенск со скифами и болгарами, они были уничтожены «белыми уграми», и только после этого имеющие уже отдаленное этническое происхождение скифы и болгары пришли «на землю Словенскую и Русскую»[20]. Их лидером был Гостомысл, который возобновил старый Словенск под именем Новгорода и Русу под именем Старой Руссы. Сын Гостомысла, Словен, ушел «в чюдь» и основал новый Словенск, который позже его сын Избор переименует в свою честь. Оттуда «розыдошася кииждо с родом своим по ширине земли»[21], – так появились поляки, мазовшане, моравы, сербы, болгары и восточнославянские племена.

Легенды о первопредке, по имени которого стал называться весь народ, не были чем-то необычным для славянской историографии. Так, в западнославянской историографии была широко распространена легенда о трех братьях Чехе, Лехе и Русе, которые стали праотцами своих народов. «Хроника Великой Польши», документ рубежа XIII–XIV вв., повествует: «От этих паннонцев родились три брата, сыновья Пана, владыки паннонцев, из которых первенец имел имя Лех, второй – Рус, третий – Чех. Эти трое, умножаясь в роде, владели тремя королевствами: лехитов, русских и чехов, называемых также богемцами, и в настоящее время владеют и будут владеть, как долго это будет угодно божественной воле»[22]. Несмотря на то, что народы в итоге разошлись, они имеют общий корень, – таков посыл автора «Хроники». Более того, существует мнение, что и само «Сказание» – не более чем перенос легенды о трех братьях на русскую почву[23].

Как можно видеть, Сказание – это совершенно баснословная история Российского государства, а его цель состоит в том, чтобы максимально удревнить русскую историю для повышения авторитета России

[19] Там же: 13.
[20] Там же: 28.
[21] Там же.
[22] Великая хроника 1987: 52.
[23] «С. появилось в результате развития и приспособления к местным условиям легенды о Чехе и Лехе». – Буланин 1998: 445.

в мировом пространстве и вплести ее в общемировую христианскую историю. Один из способов удревления русской истории – утверждение идеи единства разных по происхождению славянских народов независимо от того, какую веру они исповедали и какую форму государственного устройства имели. Таким образом, Сказание включает Россию в мировую историю через идею славянского единства, и одновременно включает через русскую историю славян в мировую историю.

Утверждение идеи единства славянских народов потребовало еще большего обоснования после присоединения к Российскому государству Малороссии и Белоруссии. Ярчайшим духовно-политическим памятником, который содержал такое обоснование, стал киевский «Синопсис», учебник русской истории, которым пользовалась и царская династия. Автором «Синопсиса» традиционно считают архимандрита Киево-Печерского монастыря Иннокентия (Гизеля), но уже довольно длительное время эту точку зрения активно оспаривают[24]. Не исключено, что автором мог быть типограф монастыря Иван Армашенко[25]. Впрочем, если не отказываться от общепринятой версии, то необходимо учесть довольно экзотическое происхождение Гизеля (он происходил из благочестивой лютеранской семьи и родился в Кенигсберге) и полностью признать правоту Л. Штайндорффа: «Он решительным образом содействовал преодолению отчуждения между письменными дискурсами – латинским и кириллическим… Синопсис был адресован одновременно обеим этим аудиториям»[26]. Сомнительно, что далеким землякам Гизеля было бы важно разбираться в «споре славян между собою», поэтому очевидно, что «Синопсис» направлен как русским, так и полякам.

Всего существует три редакции, созданные в 1674 (еще в правление Алексея Михайловича), 1678 и 1680 гг. (когда Киев уже был включен в состав Российского царства), которые являются продолжением друг друга. Скорее всего, «Синопсис» был личной инициативой И. Гизеля, однако царская семья владела несколькими экземплярами разных редакций и была знакома с содержанием памятника[27]. Нужно отметить, что распространен «Синопсис» был повсеместно, фактически он стал первой массовой светской русской книгой, и без государственного заказа распространял и обосновывал идеи общерусского единства.

И.О. Тарнопольская указывает, что текст «Синопсиса» можно условно разделить на три части: «1) Основная, где освещается история Киевской Руси (74 главы), 2) синоптический вариант “Сказания о Мамае-

[24] В Предуведомлении к изданию 1836 года указано: «Кто был сочинитель сего сокращения, не известно, хотя многие приписывают оное Киево-Печерскому архимандриту Иннокентию Гизелю» (Киевский… 1836: 2).

[25] «Еще в прошлом веке ученые обратили внимание на первые буквы акростиха типографов, помещенного в киевском издании 1680 г. и дающего имя и фамилию “Иоан Армашенк”». – Чистякова 1988: 52.

[26] Штайндорфф 2018: 316.

[27] Самарин 1998: 118-119.

вом побоище" (29 гл.), 3) рассказ о Чигиринских походах в правление Федора Алексеевича (6 гл.)»[28]. Л. Штайндорфф дает более развернутую схему, выделяя девять частей, но в контексте данного исследования будет интересна первая: «Славяне в мировой истории времен Ветхого завета и античности»[29].

Традиционно и в духе «Повести временных лет» автор «Синопсиса» производит «Славенороссский Христианский народ»[30] от потомков Иафета, сына Ноя, а вот имя – «от славы имени СЛАВЯНОВ, СЛАВЕНСК наречеся»[31]. В «Синопсисе» утверждается, что храбрости славян дивились Александр Македонский (очевидно, этот сюжет пришел из Сказания о Славене и Русе) и император Август. Очевидно, что трактовка именования славян от слова «слава», причем от воинской славы, была сделана по горячим следам победоносной войны с поляками, в результате которой Малороссия и вернулась в состав России. Россия же получила свое название так: «Славяне от славных делес своих искони Славенское имя себе приобретоша, тако по времени от россеяния по многим странам племени своего, РОССЕЯНЫ, а потомъ РОССЫ прозвашася Неции близ мимошедших времен сказоваху Россов от городка Русы, недалече Великаго Новгорода лежаща; иныи от реки Роси; друзии отъ русых волосов, с яковыми и ныне везде много суть Руси»[32]. Наиболее вероятной версией, тем не менее, автор считает «рассеяние» по миру. Таким образом, *славный* народ *рассеивается* на огромной территории.

Славенороссы, по мнению автора «Синопсиса», происходят от сарматов, которые тоже рассеиваются. При этом сарматские земли отчасти совпадают с Малороссией. В данном случае, видимо, это был перехват важной политической повестки. В XVI–XVII вв. среди польской шляхты активно пропагандировалась идеология сарматизма: польская дворянская верхушка стала вести свое происхождение от сарматов, населявших территорию от Вислы до Волги, и таким образом обособила себя от русских и литовских жителей Польши (видимо, в то же время простолюдинов-неполяков стали называть «быдлом», скотом), и даже от собственно простых поляков. Называя потомками сарматов русских, автор «Синопсиса», во-первых, утверждает, что нынешние польские земли – это этническая территория русского народа, во-вторых, повышает статус оставшихся в Польше малороссов. Кроме того, преимущество перед поляками заключается еще и в том, что Русь раньше Польши получила собственную письменность: «Обаче Поляков писмены и историями Славянороссский народ двома сты летъ и девятью упреди»[33]. Наконец, подтверждением исторического первенства русских среди славянского мира

[28] Тарнопольская 1999: 40.
[29] Штайндорфф 2018: 313.
[30] Киевский 1836: 2.
[31] Там же: 3.
[32] Там же: 9.
[33] Там же: 23.

является восьмая глава «Синопсиса», в которой от некого Мосоха происходят все, кто говорит на славянских языках. Следовательно, «Синопсис» утверждает еще ветхозаветное единство славян и ведущую роль России в нем.

***

Как видно из анализа русских источников XVII в., идея всеславянского единства была довольно прочно укоренена в русской интеллектуальной традиции. Россия не противопоставляла себя славянскому миру, более того, готова была принять на себя лавры общеславянской родины. Тем не менее, русские авторы не делали никаких далеко идущих внешнеполитических выводов из этой идеи: в русских источниках нигде не говорится о возможности или необходимости объединения всех славян в одном государстве. Подобного рода молчание вызывало некоторое недоумение и даже протесты у тех славянских мыслителей, чьи народы оказались под иноземным правлением. Яркий пример – Юрий Крижанич, видевший в России средство освобождения, а возможно и объединения славян. Тем не менее, несмотря на активность Крижанича, идея славянского единства как основы создания единого славянского государства, так и не нашла отклик при русском дворе, и вскоре после отъезда Крижанича из России надолго исчезла из лексикона отечественных мыслителей и действующих политиков.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Бессонов, П.А. Католический священник серб (хорват) Юрий Крижанич, Неблюшский, Явканица, ревнитель воссоединения церквей и всего славянства в XVII веке: (По вновь открытым сведениям об нем). М.: в Унив. тип. (Катков и К°), 1870. 80 с. [Bessonov, P.A. Katolicheskij svyashchennik serb (horvat) Yurij Krizhanich, Neblyushskij, Yavkanica, revnitel' vossoedineniya cerkvej i vsego slavyanstva v XVII veke: (Po vnov' otkrytym svedeniyam ob nyom). M.: v Univ. tip. (Katkov i K°), 1870. 80 s.]

Болдин В.А. Панславистские политические концепции: генезис и эволюция / Под общ. ред. А.А. Ширинянца. М.: Аквилон, 2018. 376 с. [Boldin V.A. Panslavistskie politicheskie koncepcii: genezis i evolyuciya / Pod obs. ed. A.A. Shirinyanca. M.: Akvilon, 2018. 376 s.]

Буланин Д.М., Турилов А.А. Сказание о Словене и Русе // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб.: Институт русской литературы РАН; Изд-во Дмитрий Буланин, 1998. Вып. 3. XVII в. Ч. 3. П–С. С. 444-447. [Bulanin D.M., Turilov A.A. Skazanie o Slovene i Ruse // Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi. SPb.: Institut russkoj literatu-ry RAN; Izd-vo Dmitrij Bulanin, 1998. Vyp. 3. XVII v. CH. 3. P–S. S. 444-447].

Великая хроника о Польше, Руси и их соседях. XI–XIII вв. / Сост. Л.М. Попова, Н.И. Щавелева. Под ред. В.Л. Янина. М.: Изд-во МГУ, 1987. 264 с. [Velikaya hronika o Pol'she, Rusi i ih sosedyah. XI–XIII vv. / Sost. L.M. Popova, N.I. Shchaveleva. Pod red. V.L. Yanina. M.: Izd-vo MGU, 1987. 264 s.]

Голенкова З.Т. Славянские идеи Юрия Крижанича // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2014. №3. С. 7-22 [Golenkova Z.T. Slavyanskie idei Yuriya Krizhanicha // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sociologiya. 2014. №3. S. 7-22]

Гольдберг А.Л. «Идея славянского единства» в сочинениях Юрия Крижанича // Труды Отдела древнерусской литературы. 1963. Т. XIX. М., Л.: Изд-во АН СССР. С. 373-390. [Gol'dberg A.L. «Ideya slavyanskogo edinstva» v sochineniyah Yuriya Krizhanicha // Trudy Otdela drevnerusskoj literatury. 1963. T. XIX. M., L.: Izd-vo AN SSSR. S. 373-390].

Дацюк Б.Д. Юрий Крижанич: Очерк политических и исторических взглядов. М.: Госполитиздат, 1946. 111 с. [Dacyuk B.D. Yurij Krizhanich: Ocherk politicheskih i istoricheskih vzglyadov. M.: Gospolitizdat, 1946. 111 s.]

Дианова В.М. Славянская идея в воззрениях Юрия Крижанича и ее последующие сторонники // Вече: альманах русской философии и культуры. 2018. № 30. СПб: Санкт-Петербургское философское общество. С. 68-79 [Dianova V.M. Slavyanskaya ideya v vozzreniyah YUriya Krizhanicha i ee posleduyushchie storonniki // Veche: al'manah russkoj filosofii i kul'tury. 2018. № 30. SPb.: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo. S. 68-79]

Запольская Н.Н. «Общий» славянский литературный язык: типология лингвистической рефлексии. М.: Индрик, 2003. 240 с. [Zapol'skaya N.N. «Obshchij» slavyanskij literaturnyj yazyk: tipologiya lingvisticheskoj refleksii. M.: Indrik, 2003. 240 s.]

Киевский синопсис. Киев: Киево-Печерская лавра, 1836. 400 с. [Kievskij sinopsis. Kiev: Kiyevo-Pecherskaya lavra, 1836. 400 s.]

Колоссов В.И. Вновь открытое сочинение Юрия Крижанича // Тверская рукопись Юрия Крижанича / Сост. И.Г. Воробьева, В.М. Воробьев. Тверь: Изд-во Сатори, 2008. 224 с. [Kolossov V.I. Vnov' otkrytoe sochinenie YUriya Krizhanicha // Tverskaya rukopis' YUriya Krizhanicha / Sost. I.G. Vorob'yova, V.M. Vorob'yov. Tver': Izd-vo Satori, 2008. 224 s.]

Крижанич Ю. Политика. М.: Новый свет, 1997. 527 с. [Krizhanich Yu. Politika. M.: Novyj svet, 1997. 527 s.]

Мазуринский летописец // ПСРЛ. Т. 31. М.: «Наука», 1968. С. 11-179. [Mazurinskij letopisec // Polnoe sobranie russkih letopisej. T. 31. M.: «Nauka», 1968. S. 11-179.]

Николаева М.В. О некоторых источниках «Подробной летописи» («Синопсис», «Сказание о граде Славенске») // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 24. Л.: Изд-во АН СССР, 1969. С. 344-348. [Nikolaeva M.V. O nekotoryh istochnikah «Podrobnoj letopisi» («Sinopsis», «Skazanie o grade Slavenske») // Trudy Otdela drevnerusskoj literatury. T. 24. L.: Izd-vo AN SSSR, 1969. S. 344-348.]

Перевезенцев С.В. Русские смыслы: Духовно-политические учения России X–XVII вв. в их историческом развитии. М.: Вече, 2019. 608 с. [Perevezencev S.V. Russkie smysly: Duhovno-politicheskie ucheniya Rossii X–XVII vv. v ih istoricheskom razvitii. M.: Veche, 2019. 608 s.]

Прокудин Б.А. Панславизм в истории политики и мысли России XIX века / Под ред. А.А. Ширинянца. М.: Издательство Московского университета, 2018. 218 с. [Prokudin B.A. Panslavizm v istorii politiki i mysli Rossii XIX veka / Pod red. A. A. Shirinyanca. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2018. 218 s.]

Пыпин А.Н. Панславизм в прошлом и настоящем. СПб.: Колос, 1913. 199 с.[Pypin A.N. Panslavizm v proshlom i nastoyashchem. SPb.: Kolos, 1913. 199 s.]

Роганович И.П. Крижанич и его философия национализма. Казань: Тип. и лит. В.М. Ключникова, 1899. 84 с. [Roganovich I.P. Krizhanich i ego filosofiya nacionalizma. Kazan': Tip. i lit. V.M. Klyuchnikova, 1899. 84 s.]

Самарин А.Ю. Распространение и бытование киевских изданий «Синопсиса» конца XVII века в России // Книга: Исследования и материалы: Сб. 75. М.: Книга, 1998. С. 116-130 [Samarin A.Y. Rasprostranenie i bytovanie kievskih izdanij «Si-nopsisa» konca XVII veka v Rossii // Kniga: Issledovaniya i materialy: Sbornik 75. M.: Kniga, 1998. S. 116-130].

Синицына Н.В. Третий Рим: истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV—XVI вв.) М.: Индрик, 1998. 416 с. [Sinicyna N.V. Tretij Rim: istoki i evolyuciya russkoj srednevekovoj koncepcii (XV-XVI vv.) M.: Indrik, 1998. 416 s.]

Тарнопольская И.О. Исследование киевского «Синопсиса» 1680 г. в контексте проблемы «Государство и массовое сознание» // Государство и общество: проблемы федерализма и самоуправления. Ижевск, 1999. С. 38-44. [Tarnopol'skaya I.O. Issledovanie kievskogo «Sinopsisa» 1680 g. v kontekste problemy «Gosudarstvo i massovoe soznanie» // Gosudarstvo i obshchestvo: problemy federalizma i samoupravleniya. Izhevsk, 1999. S. 38-44.]

Федорова И.В. Конференция молодых ученых «Вопросы славяно–русского рукописного наследия» // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 53. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 654-665. [Fyodorova I.V. Konferenciya molodyh uchyonyh «Voprosy slavyano–russkogo rukopisnogo naslediya» // Trudy Otdela drevnerusskoj literatury. T. 53. SPb.: Dmitrij Bulanin, 2003. S. 654-665.]

Чистякова Е.В., Богданов А.П. «Да будет потомкам явлено…» Очерки о русских историках второй половины XVII века и их трудах. М.: Изд-во УДН, 1988. 136 с. [Chistyakova E.V., Bogdanov A.P. «Da budet potomkam yavleno…» Ocherki o russkih istorikah vtoroj poloviny XVII veka i ih trudah. M.: Izd-vo UDN, 1988. 136 s.]

Ширинянц А. А., Мырикова А. В. Введение к исследованию истории и идеологии панславизма XIX века. М.: Изд-во социально-политическая мысль, 2010. 72 с. [Shirinyanc

A.A., Myrikova A.V. Vvedenie k issledovaniyu istorii i ideologii panslavizma XIX veka. M.: Izd-vo social'no-politicheskaya mysl', 2010. 72 s.]

Ширинянц А.А. Русский хранитель: политический консерватизм М.П. Погодина. М.: Русский миръ, 2008. 416 с. [Shirinyanc A.A. Russkij hranitel': politicheskij konservatizm M.P. Pogodina. M.: Russkij mir, 2008. 416 s.]

Штайндорфф Л. Славянский мир в Синопсисе: от Ноя до начал града Киева // Нарративы Руси конца XV - середины XVIII в.: в поисках своей истории. М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 311-332. [Shtajndorff L. Slavyanskij mir v Sinopsise: ot Noya do nachal grada Kieva // Narrativy rusi konca XV-serediny XVIII v.: v poiskah svoej istorii. M.: Politicheskaya enciklopediya, 2018. S. 311-332.]

Eberhardt P. Rosyjski panslawizm jako idea geopolityczna // Przegląd geopolityczny. 2010. T. 2. S. 43-64.

Kohn H.. The Impact of Pan-Slavism on Central Europe // The Review of Politics. Vol. 23. N 3 (Jul., 1961). P. 323-333.

Maxwell Alexander. Glottonyms, Anachronism and Ambiguity in Scholarly Depictions of Juraj Križanić/Юрий Крижанич // Slavonic and East European Review. 2020. V. 98. №2. P. 201-234.

***Болдин Владимир Алексеевич**, кандидат политических наук, ассистент, кафедра истории социально-политических учений, факультет политологии, МГУ имени М.В. Ломоносова. boldin.v.a@gmail.com*

***Страхов Александр Борисович**, аспирант, кафедра истории социально-политических учений, факультет политологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. falconian@yandex.ru*

National vs All-Slavic in Russian historical sources of the XVII century

The origin of Pan-Slavism is usually associated with the theologian Yuri Krizhanich (1618–1683) and his treatise «Razgovory o vladatelstvu», also known as «Politics» (1663–1666). However, other works, such as «The legend of Slovene and Ruse and the city of Slovensk», «Synopsis, or a Brief Description of the Beginning of the Russian People», which examined the relationship between Russia and the Slavs were created in the XVII c. These works were devoted to the questions of unity and disunity of the Slavic world, the development of the idea of Slavic reciprocity, the place of Russia and Russians among other Slavs. Exactly in these sources appeared opposition – National or All-Slavic. The study of these sources is able to show a complex background of the evolution of the Slavic idea, to show its roots and analyze factors that determines its further development.

***Keywords**: Pan-Slavism, Slavic idea, Krizhanich, Innocent Gisel, Synopsis, social and political thought of the XVII century.*

***Boldin Vladimir** A., PhD in Political science, Assistant of Department of History of Social and Political Doctrines, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University.* boldin.v.a@gmail.com

***Strahov Aleksandr** B., Post graduate student of Department of History of Social and Political Doctrines, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University. falconian@yandex.ru*

Б.А. Прокудин

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ИДЕАЛ В РОМАНЕ Л.Н. ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА»

Общественный идеал, выраженный в романах Л.Н. Толстого, претерпел кардинальные изменения. Если герои ранних его произведений, в которых исследователи видят alter ego писателя, были убеждены в особом предназначении дворянства, призванного сыграть ключевую роль в истории России, то в поздних – они полностью отрицают традиционный уклад жизни дворянства. А сам Толстой, по словам С.А. Венгерова, превращается в писателя-дворянина, «разрушившего социологическое оправдание своего класса». Рассуждения Толстого о судьбах русского дворянства в 1870-е годы, его взгляды на сельское хозяйство и развитие России нашли отражение на страницах романа «Анна Каренина», а свой тогдашний идеал дворянина Толстой воплотил в образе Константина Левина.

Ключевые слова: *Л.Н. Толстой, «Анна Каренина», «Воскресение», «непротивленческий» анархизм, патриархальный идеал.*

В конце 1870-х – начале 1880-х гг. Толстой пережил сильнейший духовный кризис. Он, автор двух великих романов, богатый, знаменитый и счастливый семьянин вдруг потерял смысл жизни и даже был на грани самоубийства. Выйдя из кризиса, он стал совершенно другим человеком, полностью пересмотрел свои взгляды на жизнь и окружающую реальность. В частности, он стал критиком всей сословно-самодержавной системы организации российского общества, утверждая, что преодоление социального зла (насилия, угнетения, неравенства) невозможно, пока существуют богатые и бедные. Его отношение к деньгам, собственности, дворянским привилегиям радикально изменилось. Если ранее он хотел быть «хорошим помещиком» и приумножать свое состояние, то теперь ему стало стыдно быть «паразитом русского крестьянства». И он решил отказаться от собственности ради новой жизни.

С первого взгляда, мировоззренческие изменения Толстого кажутся кардинальными, однако перечитывая его ранние произведения, мы постоянно наталкиваемся на зачатки тех самых идей, которые он будет проповедовать последние тридцать лет своей жизни, и которые станут впоследствии частью его анархистской доктрины. К примеру, уже маленький барин Николенька Иртеньев в идиллической повести «Отрочество» (1854) замечает вдруг социальное неравенство, задается вопросом, почему люди бывают богатыми и бедными, и «отчего ж нам не разделить поровну того, что имеем?»[1]. Накануне отмены крепостного права Толстой занялся устройством школ в своем имении, а с 1862 г. стал издавать педагогический журнал «Ясная поляна». И в его статьях о воспитании мы также можем обнаружить довольно радикальные взгляды на большинство социальных вопросов, которые окажутся в центре толстов-

[1] Толстой 1935в: 14-15.

ского внимания позднее. Этот факт дал возможность П.А. Кропоткину предполагать, что уже в период педагогических опытов в Яснополянской школе и работы мировым посредником, т.е. в 1861–1862 гг., Толстой «чувствовал такое отвращение к неизбежной двойственности своего положения в роли благодетельного помещика, что, по его словам, “он бы тогда, может быть, пришел к тому отчаянию, к которому пришел через пятнадцать лет, если бы у него не было еще одной стороны жизни, не изведанной еще им и обещавшей ему спасение, а именно, семейная жизнь”. Другими словами, – продолжает Кропоткин, – Толстой еще тогда был близок к отрицанию взгляда привилегированных классов на собственность и труд и мог бы присоединиться к великому народническому движению, которое тогда начиналось в России»[2].

Однако в течение пятнадцати лет после женитьбы (1863) до начала «духовного переворота» (1877), в период наибольшей литературной производительности, когда он писал «Войну и мир» и «Анну Каренину», а в семье один за другим рождались дети, Толстой пытался найти моральное оправдание привилегированному положению «сословия землевладельцев» и примириться со своим «двойственным положением». Но ощущение, что мир устроен несправедливо, не давало ему покоя и заставляло все это время искать пути разрешения накопившихся противоречий в общественный жизни.

Рассуждения Толстого о судьбах русского дворянства в 1870-е гг. нашли отражение на страницах романа «Анна Каренина», а свой тогдашний идеал дворянина Толстой воплотил в образе Константина Левина. Взгляды Левина на взаимоотношения помещиков и крестьян, сельское хозяйство и пути экономического развития России можно назвать «общественным идеалом» только с некоторой долей условности, прежде всего, потому что они не носят окончательного характера, и по форме являются, скорее, набором интуиций, нежели четким представлением о совершенном общественном строе. Кроме того, взгляды Левина – это лишь промежуточный итог художественного осмысления Толстым темы общественного идеала, от которого он откажется уже через несколько лет после выхода в свет романа «Анна Каренина».

Как бы там ни было, общественный идеал Константина Левина нуждается в реконструкции. И в первом приближении его можно охарактеризовать, как идеал сельскохозяйственный. Левин был убежден, что сельское хозяйство является для России основной отраслью экономики, и благосостояние всех сословий общества зависит исключительно от него. Нужно сказать, что в 1870-е гг. Толстой связывал свои надежды на обновление России с проведением земельной реформы, «осуществляемой по инициативе русского дворянства»[3]. В то время помещичья зем-

[2] Кропоткин 2016: 145. Есть основания полагать, что толстовское отношение к народу, стоящему «выше» культурного класса, было, во многом, унаследовано у Ж.-Ж. Руссо, которого Толстой считал своим учителем. См.: Прокудин 2017: 213-233.
[3] См.: Шаваринская 2012: 155.

ля все больше вовлекалась в рыночный оборот, дробилась, распродавалась, и старый порядок отношений в сфере сельского хозяйства менялся. Эти изменения тревожили Толстого. Но более всего его беспокоило развитие взаимоотношений дворян и крестьян. Впервые свои мысли по этому вопросу Толстой высказывал еще в «Записке о дворянском вопросе» (1858), написанной в свете предстоящего освобождения крестьян.

Как отмечает Ю.И. Красносельская, изучавшая причины написания «Записки», этот текст явился реакцией Толстого на речь Александра II перед московским дворянством, произнесенную им в ходе путешествия по России в августе-сентябре 1858 г. Это путешествие было предпринято в качестве своего рода высочайшей инспекции на предмет готовности «на местах» к «улучшению быта» крестьян, как тогда называли подготовку к отмене крепостного права[4]. Толстому не понравилось, что в своей речи государь «укоряет дворянство в медленности изъявления согласия на освобождение, <…> и дает чувствовать, что медленность эта может поставить дворянство в опасное положение»[5]. Александр, по мнению Толстого, намекал на то, что бездействие дворян может спровоцировать волнение крестьян, отчаявшихся дождаться «воли». Толстого возмутила несправедливость «высочайшего» обвинения. По его мнению, именно дворянство, а не правительство со времен Екатерины II создавало условия для освобождения крестьян, готовя этот вопрос «и словом и делом», посылая «в 25 и 48 годах <...> своих мучеников в ссылки и на виселицы», в то время как правительство «всегда давило этот вопрос»[6]. Толстому не нравилось какую экономическую схему освобождения крестьян предлагает правительство, но его беспокоили не столько экономические, сколько моральные последствия проводимой реформы. Он сетовал, что правительство, пытаясь присвоить себе заслугу по освобождению крестьян, может привести к разъединению «сверху» дворян и крестьян. «Толстой опасался, что в результате государственной реформы крестьяне выйдут из-под нравственного попечительства дворян, с которыми они были связаны исторически»[7].

Еще в самом первом документе, отражающем интерес Толстого к крестьянскому делу, в т.н. «Заметке о фермерстве» (1856), он предлагал наиболее предпочтительную схему отношений с крестьянами. В «Заметке» Толстой выступал за передачу земли индивидуальным собственни-

---

[4] См.: Красносельская 2014: 15-17.

[5] Толстой 1983: 407.

[6] Там же: 411.

[7] Красносельская 2014: 17. Похожей позиции в трактовке «Записки» придерживается К.Б. Фойер, которая высказывала такое предположение: «По всей вероятности, Толстого интересовал главным образом не вопрос о владении землей per se. <...> Толстого возмутила несправедливость, которую правительство допустило по отношению к помещикам, пытаясь присвоить себе всю заслугу и инициативу проведения нравственных реформ» (см.: Фойер 2002: 156).

кам (фермерам), с тем чтобы помещик сохранил свою руководящую роль в деревне: «Фермерство с оставлением земледельцев собственниками таких участков, при которых они не были бы поставлены в необходимость искать средств к пропитанию. – При контракте всегда одна сторона имеет более прав и влияния на другую, и одна зависит от другой. – В отношении контракта по обработке поземельной собственности, справедливее, чтобы работающая имела большее влияние. Так надо освободив крестьян поставить их. Для этого укрепить за ними необходимое количество земли. Укрепив ее, помещик будет в зависимости от их работы и принужден будет, – большой по величине, малый по незначительности, – отдать им. Кому он отдаст? Не всем равно. Способнейшим. – Выходит фермерство с собственностью. – Дворянин не может быть земле дельцем, ибо будет наравне с низшим классом – вражда; демократия невозможна по неравенству образования. Двор[янин] будет же защит[ником] крестьян, потому что его земля будет в руках их»[8]. Судя по «Заметке», идеальная схема освобождения в тот момент Толстому виделась как «личная свобода + пользование чужой собственностью». Как отмечает Ю.И. Красносельская: «При таком варианте крестьянин оказывается обязан помещику «попечением» (юридическим, образовательным), а помещик крестьянину – заботой о его земле»[9].

Пожалуй, слова об исторической связи между крестьянами и дворянами, попечении и особом предназначении дворянства, могут стать отправной точкой в понимании общественного идеала, сформулированного Левиным в романе «Анна Каренина», центральным понятием которого станет дворянская «обязанность к земле».

Диалог в романе, где наиболее подробно разъяснена суть дворянкой «обязанности к земле» происходит на выборах в дворянское собрание (часть шестая), в которых принимает участие Левин. Вообще, выборы, увиденные глазами Левина, предстают перед читателем как мероприятие бессмысленное и почти абсурдное. Несмотря на то, что политическая повестка этих выборов включала значимые вопросы народного образования и земского самоуправления, Левин никак не мог постичь суть развернувшийся политической борьбы: партийных программ, властных амбиций, «баллотировки».

Нужно сказать, что описывая выборы, Толстой применял художественный прием, который в филологической среде (благодаря Виктору Шкловскому) получил название «остранение»[10]. От слова странный. Суть приема – посмотреть на привычные предметы как будто в первый раз, глазами ребенка, вырвать из привычного социального контекста и увидеть их «странными». Помимо того, что он обладает сильным художественным эффектом, этот «анархический» по духу прием очень

[8] Толстой 1935а: 241.
[9] Красносельская 2016: 87.
[10] См.: Шкловский 1990: 58-72.

подходил Толстому, потому что мог поставить под сомнение «неоспоримые» ценности, проверяя их на прочность[11]. Прием не был новаторским, но он помогал Толстому показывать читателям, что общество устроено неправильно, потому что благодаря «остраненному» взгляду очевидное виделось как абсурд. И это открывало новые смыслы.

Толстой проделывал подобный акт остраненного видения не только по отношению к лже-святыням и лже-ценностям. Таким образом он описывал, например, в «Войне и мире» (1865–1869) театральное представление и много других вещей. Но в своих поздних произведениях, в частности, в романе «Воскресение» (1899) он применял прием остранения к описанию церковных обрядов (чтобы вывести читателя из состояния обрядового автоматизма, заставить думать о сути веры), к судам (чтобы показать «антихристианский» характер судов). В рассказе «Холстомер» (1886) – к институту частной собственности: собственность, показанная нам глазами лошади, кажется глупостью. Одним словом, прием остранения для Толстого был, безусловно, орудием пропаганды своих идей. И такая пропаганда художественными методами, без прямого политического высказывания, представлялась ему эффективной, учитывая то колоссальное воздействие, которое литература оказывала на российскую действительность во второй половине XIX века.

В сценах «Анны Карениной», описывающих выборы, Толстой показывает дворянское собрание местом, необходимым исключительно для того, чтобы тешить тщеславные чувства почти праздных людей, и подводит читателя к пониманию, что необходимо заниматься реальным делом, а не имитацией якобы общественно-полезной деятельности.

В какой-то момент, устав от созерцания выборов, среди толпы совершенно чуждых ему людей, движимых лишь политическими амбициями, Левин заводит разговор с незнакомым старичком-помещиком «с седыми усами, в полковничьем мундире старого генерального штаба». Оказывается, что у Левина и старичка полностью совпадают взгляды на жизнь и хозяйство. Левин признается своему случайному собеседнику, что очень плохо понимает «значение» дворянских выборов, на что старичок отвечает: «Да что ж тут понимать? Значения нет никакого. Упавшее учреждение, продолжающее свое движение только по силе инерции. Посмотрите, мундиры – и эти говорят вам: это собрание мировых судей, непременных членов и так далее, а не дворян»[12]. И далее уточняет, что собравшиеся на дворянских выборах «политики» – не дворяне вовсе, «это землевладельцы, а мы помещики». Настоящие помещики, по мнению старичка (и присоединившегося к нему Левина), отличаются от землевладельцев тем, что не пытаются получить с земли своей быстрый доход. Оба собеседника признаются друг другу, что почти не

[11] Подробней см.: Прокудин 2013: 139-147.
[12] Толстой 1935б: 232.

получают прибыли со своих имений. «Свои труды задаром <…>, – говорит старичок. – А вот делаешь! Что прикажете? Привычка, и знаешь, что так надо». На это Левин воодушевленно отвечает: «это совершенно справедливо. Я всегда чувствую, что нет настоящего расчета в моем хозяйстве, а делаешь… Какую-то обязанность чувствуешь к земле»[13].

Обязанности к земле собеседники противопоставляют желанию представителей других классов общества, получивших после крестьянской реформы возможность покупать землю, обогащаться за счет сельского хозяйства: «– Да вот я вам скажу, – продолжал помещик. – Сосед купец был у меня. Мы прошлись по хозяйству, по саду. “Нет, – говорит, – Степан Васильич, всё у вас в порядке идет, но садик в забросе”. А он у меня в порядке. “На мой разум, я бы эту липу срубил. Только в сок надо. Ведь их тысяча лип, из каждой два хороших лубка выйдет. А нынче лубок в цене, и струбов бы липовеньких нарубил”.

– А на эти деньги он бы накупил скота или землицу купил бы за бесценок и мужикам роздал бы внаймы, – с улыбкой докончил Левин, очевидно не раз уже сталкивавшийся с подобными расчетами. – И он составит себе состояние. А вы и я – только дай Бог нам свое удержать и детям оставить. <…> И дворянское дело наше делается не здесь, на выборах, а там, в своем углу. Есть тоже свой сословный инстинкт, что должно или не должно. Вот мужики тоже, посмотрю на них другой раз: как хороший мужик, так хватает земли нанять сколько может. Какая ни будь плохая земля, всё пашет. Тоже без расчета. Прямо в убыток»[14].

Старичок высказывает убеждение, что «наживать капитал – дело купцов, а не дворянское дело». У дворян другое предназначение. «Настоящие дворяне», т.е. помещики, а не «землевладельцы», это люди, которые по «сословному инстинкту» ощущают необходимость поддержания стабильности в обществе. Их «обязанность к земле» – это такой подход к сельскому хозяйству, который гарантирует эту стабильность во временной перспективе. Причем не только с хозяйственной, но и с социальной точки зрения, ведь безответственное или хищническое отношение к земле со времен крестьянской реформы часто приводило к обезземеливанию крестьян, социальной дифференциации населения, росту нищеты в деревне и т.д. Оказывается, что в ситуации появления капиталистических отношений в сельском хозяйстве, бремя поддержания общества в состоянии устойчивого равновесия ложится на плечи ответственных «настоящих» помещиков.

Левин понимает, что система прежних отношений между помещиком и крестьянином, складывавшаяся веками, «переворотились», а новая еще только «зарождается», и вопрос, какой она будет – «самый важный вопрос в России». Левина не покидает тревожное ощущение, что настоящее время чревато социальной катастрофой, разрушением самого

[13] Там же: 232.
[14] Там же: 233-234.

главного – производственного сектора российской экономики, который создается и поддерживается двумя сословиями – помещиками и крестьянами. И если первый аспект дворянской «обязанности к земле» – это противостояние капиталистическим отношениям в сельском хозяйстве (устойчивое развитие для большинства вместо быстрой наживы для немногих), то второй аспект «обязанности к земле» – это личная работа помещика «в своем углу». Помещик, по мысли Левина, не только не должен продавать свою землю или отдавать ее «внаймы», вовлекая работников в ненадежные товарно-денежные отношения, но и не должен передоверять занятие своим хозяйством третьим лицам, управляющим. По двум причинам. Во-первых, потому что в конце концов, в финансовых вопросах помещик может рассчитывать только на себя (по мнению Левина, полностью доверять имение управляющему – значит, получать личный досуг в обмен на неизбежное воровство). А во-вторых, потому что только так, проживая на своей земле, хозяева имений могут привить навык к хозяйственной работе наследникам.

В конце романа Левин провозглашает некие правила жизни, к которым он пришел путем проб и ошибок. Помимо прочего, он говорит: «Жить семье так, как привыкли жить отцы и деды, то есть в тех же условиях образования и в тех же воспитывать детей, было несомненно нужно. Это было так же нужно, как обедать, когда есть хочется; и для этого так же нужно, как приготовить обед, нужно было вести хозяйственную машину в Покровском так, чтобы были доходы. Так же несомненно, как нужно отдать долг, нужно было держать родовую землю в таком положении, чтобы сын, получив ее в наследство, сказал так же спасибо отцу, как Левин говорил спасибо деду за всё то, что он настроил и насадил. И для этого нужно было не отдавать землю внаймы, а самому хозяйничать, держать скотину, навозить поля, сажать леса»[15].

Левинская «концепция» «обязанности к земле», предполагающая уважение к традициям и ценностям предков, сохранение коренных устоев российской жизни, кажется, мировоззренчески соответствует идеологии консерватизма, хранительству[16]. Однако противоречия начинаются, когда Левин начинает разговор о социальной справедливости. Речь идет о его диалоге со Стивой Облонским, который состоялся во время охоты в крестьянской избе (часть шестая). В этом разговоре Левин высказался против чрезмерной роскоши, в которой живут аристократы, и «нечестности приобретений» представителей высшего класса, «не соответствен-

[15] Там же: 371.

[16] Концепция русского «хранительства» была предложена профессором МГУ им. М.В. Ломоносова М.А. Маслиным и разрабатывается Д.В. Ермашовым, С.В. Перевезенцевым, А.А. Ширинянцем и др. См.: Ермашов, Ширинянц 2016; Ширинянц 2006 и др. Концепция «хранительного» направления русской социально-политической мысли реализуется в антологии «Хранители России» (Тт. 1-6, М., 2015-2018).

ных положенному труду». Недовольный подобной атакой на дворянство Степан Аркадьич заметил, что несмотря на то, что Левин очевидно много работает по хозяйству, он получает по крайней мере в сто раз больше, чем любой его наемный работник: «то, что ты получаешь за свой труд в хозяйстве лишних, положим, пять тысяч, а наш хозяин мужик, как бы он ни трудился, не получит больше пятидесяти рублей, точно так же бесчестно»[17]. Пойманный на противоречии, Левин соглашается: «–Нет, позволь, – продолжал Левин. – Ты говоришь, что несправедливо, что я получу пять тысяч, а мужик пятьдесят рублей: это правда. Это несправедливо, и я чувствую это, но… <…>

– Да, ты чувствуешь, но ты не отдаешь ему своего именья,– сказал Степан Аркадьич, как будто нарочно задиравший Левина. <…>

– Я не отдаю потому, что никто этого от меня не требует, и если бы я хотел, то мне нельзя отдать, – отвечал Левин, – и некому.

– Отдай этому мужику; он не откажется.

– Да, но как же я отдам ему? Поеду с ним и совершу купчую?

– Я не знаю; но если ты убежден, что ты не имеешь права...

– Я вовсе не убежден. Я, напротив, чувствую, что не имею права отдать, что у меня есть обязанности и к земле и к семье.

– Нет, позволь; но если ты считаешь, что это неравенство несправедливо, то почему же ты не действуешь так…

– Я и действую, только отрицательно, в том смысле, что я не буду стараться увеличить ту разницу положения, которая существует между мною и им.

– Нет, уж извини меня; это парадокс»[18].

«Обязанность к семье», о которой говорит Левин, мы выносим за скобки. Очевидно, что молодой муж и отец семейства чувствует необходимость материально обеспечивать семью. Но вот отказ восстановить справедливость и отдать землю крестьянам ради «обязанности к земле» вызывает вопросы. Левин не готов отдать землю крестьянам, потому что убежден, что без его помещичьего руководства крестьяне не справятся с хозяйством, и земля оскудеет? Или, памятуя о новых капиталистических отношениях, он не готов отдать землю крестьянам, потому что это приведет неминуемо к тому, что земля окажется в руках «хищников-капиталистов», которые в погоне за быстрой наживой высосут из нее все соки и будут нещадно эксплуатировать наивных работников-крестьян? То есть Левин, признавая «бесчестность» материального неравенства, отказывается отдавать крестьянам землю ради блага самих же крестьян и стабильности российского общества?

Двойственность позиции Левина в отношении крестьян некоторые советские критики называли лицемерием. В работе «Народ у Толстого» Г.Б. Нерадов (Шатуновский) пишет: «В “Анне Карениной” уже начина-

[17] Толстой 1935б: 161.
[18] Там же: 162-163.

ется проповедь “крестьянского царства”. Левин уже весь в плену деревни. Просветленный, религиозный помещик, правда совсем не прочь в бескормицу продавать по хорошей цене крестьянам солому. “Внутренний голос”, нашедший себе резиденцию около желудка Левина, не протестует, когда помещик нанимает себе рабочих подешевле. Религия – это оно дело, а эксплуатировать нужду крестьян – это другое дело»[19].

В «правилах жизни», которые для себя формулирует Левин к концу романа, есть следующие слова: «Он знал, что нанимать рабочих надо было как можно дешевле; но брать в кабалу их, давая вперед деньги, дешевле, чем они стоят, не надо было, хотя это и было очень выгодно. Продавать в бескормицу мужикам солому можно было, хотя и жалко было их»[20]. Однако по смутной мысли тогдашнего Левина (он отказывается размышлять «что должно и что не должно», но на бессознательном уровне точно знает «как ему надо все это делать и какое дело важнее другого»), такой подход к крестьянству нельзя назвать эксплуатацией, это, скорее, интуитивная уверенность в правильности поддержания старого порядка отношений помещиков и крестьян ради общей пользы.

«Левин, – резюмирует Нерадов, – не признает поднимающейся на его глазах буржуазии. Он видит только мужика, считает, что можно уйти в деревню, слиться там с подавальщиком Федором, и тогда можно будет глубочайшим образом наплевать на всю борьбу, происходящую в мире и на все научные достижения, на все завоевания техники. Он строит свое крестьянское мужицко-анархистское христианское царство»[21]. Левин, видя слом старых устоев крестьянской жизни, начало капиталистических отношений, ищет защиты в укреплении патриархального быта, по сути, призывает «подморозить Россию». Как писал В.И. Ленин в работе «Лев Толстой как зеркало русской революции», противоречия Толстого надо оценивать «с точки зрения того протеста против надвигающегося капитализма, разорения и обезземеливания масс, который должен был быть порожден патриархальной русской деревней»[22]. Левин надеется, что патриархальные отношения могут продолжаться и дальше, если помещики будут относиться с большей ответственностью к своим сословным обязанностям, осознают «обязанность к земле».

Если идеи, высказанные Левиным в романе «Анна Каренина», можно рассматривать как один из этапов осмысления самим Толстым проблемы общественного идеала и путей развития России, то интересно сравнить мысли Левина о сельском хозяйстве с мыслями по этому поводу героя позднего толстовского романа «Воскресение» (опубликованного через 22 года), Дмитрия Нехлюдова.

---

[19] Нерадов 1929: 20.
[20] Толстой 1935б: 373.
[21] Нерадов 1929: 20-21.
[22] Ленин 1928: 52.

Бросается в глаза схожесть их взглядов. Вопреки распространенному представлению, что после «духовного рождения» взгляды Толстого радикально поменялись, мы видим, что Нехлюдов только развивает мысли Левина в том, что касается сельского хозяйства. Толстой пишет: «Теперь ему [Нехлюдову] было ясно, как день, что главная причина народной нужды, сознаваемая и всегда выставляемая самим народом, состояла в том, что у народа была отнята землевладельцами та земля, с которой одной он мог кормиться. А между тем ясно совершенно, что дети и старые люди мрут оттого, что у них нет молока, а нет молока потому, что нет земли, чтобы пасти скотину и собирать хлеб и сено. Совершенно ясно, что всё бедствие народа или, по крайней мере, главная, ближайшая причина бедствия народа в том, что земля, которая кормит его, не в его руках, а в руках людей, которые, пользуясь этим правом на землю, живут трудами этого народа. Земля же, которая так необходима ему, что люди мрут от отсутствия ее, обрабатывается этими же доведенными до крайней нужды людьми для того, чтобы хлеб с нее продавался за границу и владельцы земли могли бы покупать себе шляпы, трости, коляски, бронзы и т.п.». Нехлюдов, как и Левин, отчетливо осознает существующую социальную несправедливость. Но в отличие от Левина, который, по его же словам, пытался бороться с несправедливостью «отрицательно», т.е. старался «не увеличить ту разницу положения», которая существует между ним и работниками-крестьянами, Нехлюдов убежден, что наличие земли в собственности помещика «ужасно и никак не может и не должно быть», «и надо найти средства, для того чтобы этого не было, или, по крайней мере, самому не участвовать в этом»[23].

Главным открытием Нехлюдова было убеждение, что земля не может быть предметом собственности вообще, «не может она быть предметом купли и продажи, как вода, как воздух, как лучи солнца». В момент осознания этой истины, как пишет Толстой, он понял, почему ему было стыдно вспоминать свое устройство дел в имении Кузминское: «Он обманывал сам себя. Зная, что человек не может иметь права на землю, он признал это право за собой и подарил крестьянам часть того, на что он знал в глубине души, что не имел права. Теперь он не сделает этого и изменит то, что он сделал в Кузминском»[24]. То есть Нехлюдов, продолжая размышления Левина, в конце концов, отказывается от самого важного для него соображения, от его «обязанности к семье и земле», которая не давала Левину отдать землю крестьянам. Нехлюдова не интересует семья, семьи у него нет. Но главное, он уже не верит в особое предназначение дворянства. Возможно, в отличие от Левина, Нехлюдов понял, что в ситуации капиталистических отношений в сельском хозяйстве он сам становится капиталистом. В разговоре со старичком на дворянских выборах Левин представляет себя «старым» помещиком, а не «новым» землевладельцем, который заинтересован

[23] Толстой 1936: 217-218.
[24] Там же: 218.

только зарабатывать прибыль. Возможно, для Нехлюдова, в самом конце XIX века, это разделение кажется уже условным. Любой человек, который получает доход от работника, пользуясь своим правом собственности на землю, капиталист и преступник.

Таким образом, если общественный идеал, выраженный в толстовских романах, показывает этапы авторского осмысления насущных экономических, социальных и религиозных вопросов, то в романе «Воскресение», задуманном и написанном в последнее десятилетие XIX века, прежний идеал подвергается жестокой критике и отвергается вовсе. На смену Левинской идеи «обязанности помещика к земле» приходит евангельская идея об «обязанности» отдать землю тем, кто ее обрабатывает, и перестать быть «паразитом русского крестьянства». Если одной из основных социально-политических идей «Анны Карениной» была идея укрепления российского дворянства, с которым Толстой связывал надежды на обновление России, то романом «Воскресение» и другими поздними произведениями Толстой опровергает любые оправдания привилегированного статуса дворянства. «Едва ли кто-либо столько сделал для разрушения аристократического строя жизни, сколько аристократ Толстой»[25], – писал в 1911 г. С.А. Венгеров.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Венгеров С.А. Героический характер русской литературы // Венгеров С.А. Собрание сочинений. Т. 1. Изд. второе. Пг., Изд-во «Светоч», 1919. С. 5-176. [Vengerov S.A. Geroicheskiy kharakter russkoy literatury // Vengerov S.A. Sobraniye sochineniy. T. 1. Izdaniye vtoroye. Pg., Izdatel'stvo «Svetoch», 1919. S. 5-176.].

Красносельская Ю.И. Идея аренды в общественных начинаниях Льва Толстого 1857 г. // Slavica Revalensia. 2016. Т. 3. С. 70-94 [Krasnosel'skaya YU.I. Ideya arendy v obshchestvennykh nachinaniyakh L'va Tolstogo 1857 g. // Slavica Revalensia. 2016. T. 3. S. 70-94.].

Красносельская Ю.И. Правительственные распоряжения по крестьянскому делу как источник «Записки о дворянском вопросе» Л.Н. Толстого // Яснополянский сборник: 2014: Статьи, материалы, публикации. Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна», 2014. С. 15-28. [Krasnosel'skaya YU.I. Pravitel'stvennyye rasporyazheniya po krest'yanskomu delu kak istochnik «Zapiski o dvoryanskom voprose» L.N. Tolstogo // Yasnopolyanskiy sbornik: 2014: Stat'i, materialy, publikatsii. Muzey-usad'ba L.N. Tolstogo «Yasnaya Polyana», 2014. S. 15-28].

Кропоткин П.А. Лекции по истории русской литературы. М.: Common place, 2016. 374 с. [Kropotkin P.A. Lektsii po istorii russkoy literatury. M.: Common place, 2016. 374 s.].

Ленин В.И. Лев Толстой как зеркало русской революции // Ленин и Толстой. М.: Изд-во Коммунистической академии, 1928. С. 49-55 [Lenin V.I. Lev Tolstoy kak zerkalo russkoy revolyutsii // Lenin i Tolstoy. M.: Izd-vo Kommunisticheskoy akademii, 1928. S. 49-55].

Нерадов Г.Б. Народ у Толстого. М.: Акц. Изд. О-во «Огонек», 1929. 48 с. [Neradov G.B. Narod u Tolstogo. M.: Akts. Izd. O-vo «Ogonek», 1929 g. 48 s.].

Прокудин Б.А. И.С. Тургенев и Л.Н. Толстой как продолжатели социально-политических идей Ж.-Ж. Руссо // Политическая наука. 2017. Специальный выпуск. С. 213-233. [Prokudin B.A. I.S. Turgenev i L.N. Tolstoy kak prodolzhateli sotsial'no-politicheskikh idey ZH.-ZH. Russo // Politicheskaya nauka. 2017. Spetsial'nyy vypusk. S. 213-233.].

Прокудин Б.А. Л.Н. Толстой: принцип «остранения» в политике // Ценности и смыслы. 2013. № 1 (23). С. 139-147. [Prokudin B.A. L.N. Tolstoy: printsip «ostraneniya» v politike // Tsennosti i smysly. 2013. № 1 (23). S. 139-147.].

[25] Венгеров 1919: 96.

Толстой Л.Н. [Записка о дворянском вопросе] // Л.Н. Толстой. Собрание сочинений в 22 тт. Т. 16. М.: Художественная литература, 1983. С. 407-411. [Tolstoy L.N. [Zapiska o dvoryanskom voprose] // L.N. Tolstoy. Sobraniye sochineniy v 22 tt. T. 16. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1983. S. 407-411.].

Толстой Л.Н. [Писания, относящиеся к проекту освобождения яснополянских крестьян] // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. Т. 5. Произведения 1856–1859 гг. М.: Художественная литература, 1935а. С. 240-258. [Tolstoy L.N. [Pisaniya, otnosyashchiyesya k proyektu osvobozhdeniya yasnopolyanskikh krest'yan] // Tolstoy L.N. Polnoye sobraniye sochineniy. T. 5. Proizvedeniya 1856-1859 gg. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1935a. S. 240-258.].

Толстой Л.Н. Анна Каренина // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений Т. 19. Анна Каренина. Части 5-8. 1935б [Tolstoy L.N. Anna Karenina // Tolstoy L.N. Polnoye sobraniye sochineniy: T. 19. Anna Karenina. Chasti 5-8. 1935b].

Толстой Л.Н. Воскресение // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений Т. 32. Воскресение. М.: Художественная литература, 1936 [Tolstoy L.N. Voskreseniye // Tolstoy L.N. Polnoye sobraniye sochineniy. T. 32. Voskreseniye. 1936].

Толстой Л.Н. Отрочество // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений Т. 2. Отрочество. Юность. 1935в. С. 3-79. [Tolstoy L.N. Otrochestvo // Tolstoy L.N. Polnoye sobraniye sochineniy. T. 2. Otrochestvo. Yunost'. 1935v. S. 3-79].

Фойер К.Б. Генезис романа «Война и мир». СПб., 2002. С. 156 [Foyyer K.B. Genezis romana «Voyna i mir». SPb., 2002. S. 156].

Шаваринская С.Р. Размышления о судьбах русского дворянства на страницах романов Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова, 2012. С. 154-157 [Shavarinskaya S.R. Razmyshleniya o sud'bakh russkikh dvoryanstva na stranitsekh romanov L.N. Tolstogo i F.M. Dostoyevskogo // Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova, 2012. S. 154-157].

Ширинянц А.А. Хранительство как основание консервативной политической культуры интеллигенции (опыт пореформенной России): концепция русской монархии // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2006. № 4. С. 69-87. [Shirinyants A.A. Khranitel'stvo kak osnovaniye konservativnoy politicheskoy kul'tury intelligentsii (opyt poreformennoy Rossii): kontseptsiya russkoy monarkhii // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskiye nauki. 2006. № 4. S. 69-87.].

Ширинянц А.А., Ермашов Д.В. «Хранительство» Н.М. Карамзина // Тетради по консерватизму, 2016. № 4. С. 11-28. [Shirinyants A.A., Yermashov D.V. «Khranitel'stvo» N.M. Karamzina // Tetradi po konservatizmu, 2016. № 4. S.11-28.].

Шкловский В.Б. Искусство как прием // Шкловский В.Б. Гамбургский счет. М.: «Советский писатель», 1990. С. 58-72 [Shklovskiy V.B. Iskusstvo kak priyem // Shklovskiy V.B. Gamburgskiy schet. M.: «Sovetskiy pisatel'», 1990. S. 58-72].

Прокудин Борис Александрович*, кандидат политических наук, доцент, кафедра истории социально-политических учений, факультет политологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; probor@bk.ru*

The social ideal in Leo Tolstoy's novel "Anna Karenina"

The case of Leo Tolstoy is unique. The social ideal expressed in his novels underwent dramatic changes. If the heroes of the early works of Tolstoy, in which researchers see the alter ego of the writer, were convinced of the special destiny of the nobility, then in the later ones they completely deny the traditional way of life of the nobility. And Tolstoy himself, according to Semen Vengerov, is turning into a writer nobleman who "destroyed the sociological justification of his class." Tolstoy's discussions about the fate of the Russian nobility in the 1870s, views on agriculture and the development of Russia were reflected in the pages of the novel "Anna Karenina". And his ideal of nobleman Tolstoy embodied in the image of Konstantin Levin.

Keywords: *Leo Tolstoy, "Anna Karenina", "Resurrection", "non-resistance" anarchism, patriarchal ideal.*

Boris Prokudin, *Cand. Sci (Pol. Sci.), Associate professor, Department of the History of Social and Political Doctrines, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University; probor@bk.ru*

И. Б. Мамедов

УПОРЯДОЧИТЬ ХАОС. О ВКЛАДЕ Г.И. МИРСКОГО В ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ПОНЯТИЙ И КАТЕГОРИЙ

Статья посвящена характеристике роли российского востоковеда Г.И. Мирского в определении и разграничении категорий, относящихся к описанию явлений и процессов, связанных с усилением влияния ислама на политику. Такие понятия, как «исламизм», «фундаментализм» и др. пришли в академическую науку из публицистики, аналитических записок экспертов и других служебных текстов. Проведенная Г.И. Мирским работа по выявлению их значения и уточнению содержания позволила ввести данные категории в научный оборот, а значит давать более точную оценку важнейшим политическим событиям, классифицировать действия различных политических акторов, прогнозировать их поведение.

Ключевые слова: *Г.И. Мирский, политический ислам, исламизм, исламский фундаментализм, джихадизм, исламистский экстремизм, исламистский радикализм*

Георгий Ильич Мирский (1926–2016) – выдающийся историк, политолог и востоковед. В разные годы он работал в Институте мировой экономики и международных отношений Российской академии наук, Московском государственном институте международных отношений, Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики» и других образовательных и научно-исследовательских учреждениях. Г.И. Мирский известен экспертному и академическому сообществу России и зарубежных стран благодаря его исследованиям, посвященным политике на Ближнем Востоке, международному терроризму, религиозным течениям внутри ислама, израильско-палестинскому и другим международным конфликтам в ближневосточном регионе.

Отдельного внимания заслуживает вклад Г.И. Мирского в разграничение категорий, которые ранее хаотично использовались в экспертно-аналитической литературе как взаимозаменяемые. При этом, в одни и те же понятия экспертами вкладывалось совершенно разное содержание, часто противоположные смыслы. Прежде всего, речь идет о таких категориях, как «исламизм», «фундаментализм», «джихадизм», «исламистский экстремизм», «радикализм», «терроризм» и др. Определению границ данных дефиниций Мирский посвятил ряд работ. Так, в 1998 г. в своей статье «Ислам и нация: Ближний Восток и Центральная Азия» Мирский обратил внимание читателей на ряд публикаций известных западных ученых (прежде всего, Даниэля Пайпса и Джона Эспозито), которые постулировали замену субъекта конфронтации с Западом: если раньше боролись с марксизмом и коммунизмом, то теперь угроза для развитого мира виделась уже в исламском фундаментализме[1].

Почему это произошло? Как появилась эта угроза?

[1] Мирский 1998: 78.

Исламский мир после пережитой в 1920-х гг. фактической ликвидации халифата (Османской империи) переживал явный упадок в социально-экономической и политической сферах. Противоречия внутри исламской уммы возрастали. А любой политический кризис в мусульманском обществе возрождает историческую память о периодах расцвета исламского мира, отсылает вновь и вновь к ключевому вопросу о причинах снижения роли ислама в международных процессах. Все это и создает прочную основу для развития фундаменталистских настроений. Г.И. Мирский определяет исламский фундаментализм (он считал данную категорию не совсем точной, но она уже прочно вошла в оборот[2]) как движение за «возврат к “праведному пути”, к устоям веры»[3]. Хотя религиозный фундаментализм зародился среди суннитов, фундаментализм как политическое движение возник из шиитской ветви ислама[4]. Развитие фундаментализма в исламе связано с отторжением западного образа жизни, неприятием процесса унификации различных культур под знаменами вестернизации. Для фундаменталистов западный путь развития ассоциируется с империализмом и отрицанием целого набора привычных для мусульман ценностей, а социализм несет в себе материалистические, безбожные идеи и смыслы. Справедливо будет отметить, что подобные взгляды популярны не только среди мусульманского сообщества, но почти во всех развивающихся странах, однако реальный потенциал бросить вызов текущим тенденциям развития миропорядка Мирский видел только в исламе, «сконцентрировавшем мощь Востока»[5].

Фундаментализм, интерпретируемый Г.И. Мирским в контексте возврата к «подлинному исламу», служит идейной основой исламизма[6]. При этом исламизм синонимичен радикальному политическому исламу и не является феноменом религиозным[7]. Речь идет о самоидентификации исламистов в качестве единственной силы, способной сохранить исламскую цивилизацию как таковую. Исламизм Мирский предлагает рассматривать не как борьбу бедного Юга и богатого Севера, а скорее как противостояние несправедливости, сохранившейся со времен колониального периода. Описывая современное ему состояние мусульманского общества, Мирский отмечает, что значительная часть населения стран третьего мира ощущает себя «глобальным маргиналом» и представляет собой не что иное, как «транснациональный underclass»[8]. В данном кон-

[2] Термин «фундаментализм» своим появлением обязан Всемирной христианской фундаменталистской ассоциации, которая была создана в 1919 г. для защиты исходных положений христианской веры (См.: Мирский 2002: 78).
[3] Мирский 1998: 78.
[4] Мирский 2005: 133.
[5] Мирский 1998: 78.
[6] Мирский 2002: 81.
[7] Мирский 2009а: 175, 181.
[8] Мирский 2006: 10.

кретном случае исламизм есть абсолютно антиимпериалистическое движение. И если политическая деколонизация в историческом процессе привела к созданию независимых государств, а затем стала основой для деколонизации экономической, для обретения экономического суверенитета и самостоятельности, то исламизм имеет своей целью завершить деколонизацию в культурном, духовно-идеологическом поле[9].

Для исламского фундаментализма характерны тенденции трансформации в сторону экстремизма и терроризма. Но фундаментализм и терроризм – это не одно и то же: «Можно быть фундаменталистом и в то же время осуждать экстремизм, а тем более терроризм»[10]. По глубокому убеждению Г.И. Мирского: «Идеологическая непримиримость отнюдь не тождественна насилию… Ислам как таковой не является верованием, которому внутренне присущи экстремистские и тем более террористические интенции»[11]. Действительно, развитие исламского фундаментализма имеет отношение больше к определенным социально-экономическим процессам, нежели к мусульманской религии. По сути, фундаментализм в исламе есть политическое выражение глубокого социального кризиса, а экстремизм и терроризм черпают свою жизненную силу в бедственном положении населения отсталых и развивающихся стран. Как отмечает Г.И. Мирский: «Исламский радикализм берет свою силу в жгучем ощущении несправедливости, которое испытывают люди в Азии и Африке, особенно в арабском мире»[12].

Однако корни этих явлений заключаются не только в экономических причинах, равно как и не в сугубо духовной сфере[13]. Г.И. Мирский по этому поводу часто цитировал слова аятоллы Хомейни, своеобразно прокомментировавшего ухудшение экономического состояния Ирана после исламской революции: «Мы не для того совершили революцию, чтобы снизить цены на дыни»[14]. Можно добавить, что исламистский экстремизм и терроризм получили развитие далеко не в самых отсталых по уровню жизни странах – в Египте, Саудовской Аравии, Индонезии[15]. Скорее, истинные причины лежат в синтезе духовного и экономического – в необходимости реагировать на «длительную эпоху унижения», на глобализацию, итогом которой стало отставание мусульманского мира и в различных областях жизни – и в экономике, и, например, в науке[16].

Г.И. Мирский подразделяет фундаментализм на оборонительный и наступательный типы. Именно наступательный фундаментализм пред-

[9] Мирский 2009a: 175.
[10] Мирский 2010: 10.
[11] Мирский 1998: 79.
[12] Мирский 2010: 10.
[13] Мирский 2009a: 177-178.
[14] Мирский 2011b: 166.
[15] Мирский 2010: 15.
[16] Мирский 2009a: 180.

ставляет собой не что иное, как исламский радикализм. Отличие его, главным образом, заключается в использовании принципа «джихада» как эффективного, часто, единственно возможного способа борьбы и противостояния западному миру, восстановления справедливости, возрождения ислама. Здесь Мирский делает важное замечание относительно того, что никогда в истории мусульмане не объявляли войну христианству, так как это авраамическая религия, а христианские пророки также почитаются и в исламе. Цель джихада – это борьба не с христианским миром, а с коллективным Западом, «декадентским» западным обществом[17]. Корни ненависти к Западу «носят не религиозный, а культурно-цивилизационный, психологический и геополитический характер»[18]. «Мусульмане клеймят Запад не за то, что он следует неверной религии – ведь это все же “религия Книги” – а за то, что он не имеет религии вообще. В глазах мусульман западный секуляризм, атеизм, проистекающая из этого аморальность – это гораздо большее зло, чем породившее их христианство»[19].

Г.И. Мирский считает, что переживаемый мусульманским обществом кризис – не следствие «отсталости» мусульман в вопросах секуляризации. Отделение религии от государства для мусульман невозможно. Формула «“Богу – Богово, а кесарю – кесарево” мусульманам вообще непонятна»[20], – замечает он. При этом мусульмане имеют значительный опыт в построении государства с недекларируемым, но фактическим разделением светской и духовной власти. «Если бы в нем [в исламе – *прим. авт.*] не происходили процессы секуляризации и модернизации, не было бы и нужды в идее возврата к истокам... гибкость и динамизм этого [мусульманского – *прим. авт.*] общества недооценивается многими до сих пор»[21]. Отсюда вытекает то, что фундаментализм возникает в результате неудачного опыта адаптации общества и государства к западной модели. На государственном же уровне результатом таких процессов стала ресакрализация, реисламизация государства, выраженная не всегда в стремлении к теократической трансформации, сколько к показательным «полумерам», которые от правящих элит требовало время. Мирский приводит примеры внесения изменений в конституции Пакистана, Египта, Судана, Йемена с 1973 по 1991 гг.[22] Именно несостоятельность светских режимов правления в мусульманских странах стимулировала зарождение исламизма и их реисламизацию[23].

---

[17] Мирский 2004b: 131.
[18] Мирский 2002: 78.
[19] Huntington 1997: 213-214. Цит. по: Мирский 2002: 79.
[20] Мирский 2002: 78.
[21] Мирский 2004a: 128-129.
[22] Там же: 129.
[23] Мирский 2006: 12.

Такая реисламизация этих стран представляет собой явление, которое гораздо шире исламизма, скорее исламизм является одним из ее проявлений. Г.И. Мирский критически относился к концепции «возрождения ислама» («Islamic Resurgence», «Islamic Revival») и заявлял, что «Ислам не умирал и поэтому не может возродиться»[24]. Мы можем говорить о «подъеме самосознания мирового мусульманского сообщества», но не о возрождении ислама[25].

Г.И. Мирский считал абсолютно некорректным использование термина «исламский терроризм», остроумно замечая, что его употребление сродни некорректному обозначению колонизации Африки европейцами в XIX в. «христианской колонизацией»[26]. Ошибкой он считал и использование устойчивого выражения «международный терроризм». С его точки зрения, терроризм представляет собой транснациональную децентрализованную сеть, объединенную общей идеологией и в современном виде является не исламским, а исламистским[27]. «Всплеск [современного – *прим. авт.*] террористического исламизма связан с кардинальными переменами геополитического характера», с окончанием холодной войны, когда с политической карты мира исчез главный субъект конфронтации Соединенных штатов – Советский Союз. При этом «исламистский террор способен ударить чудовищным бумерангом по самому мусульманскому миру»[28]. Мирский не раз подчеркивал и то, что мы до сих пор неправильно трактуем истиные цели террористов, которые заключаются не в убийстве бóльшего числа людей, а в деморализации общества и разрушении самого общественного уклада с такими его привычными составляющими, как «государство», «универсальные ценности», «демократия» и т.п. Важно осознавать, что исламский мир не приветствует терроризм. Сложно представить, считает Мирский, что мусульмане узнают новости о гибели американцев или европейцев от террористических атак с удовлетворением, однако, они могут и задают совершенно закономерный вопрос: чем же палестинцы или граждане Афганистана, погибающие от действий израильской армии или под ударами американских бомб, отличаются от жителей Нью-Йорка, погибших в результате терактов 2001 года? И Западу еще предстоит научиться отвечать на этот вопрос[29].

Наряду с термином «исламский терроризм», по-иному Г.И. Мирский требует рассматривать и термин «джихад», среди общепринятых значений которого: распространение мусульманской веры, защита ислама, включая вооруженную борьбу с его противниками, призыв к доб-

[24] Мирский 2010: 18.
[25] См.: Мирский 2011b: 165.
[26] Mirskiy 2001: 2.
[27] Мирский 2007: 169.
[28] Мирский 2009a: 183.
[29] Mirskiy 2001: 12.

родетели и т.д.[30] Главный смысл джихада, подчеркивает Мирский, – «в стремлении следовать воле Бога, идти по указанному им прямому пути, быть добродетельным, совершенным мусульманином»[31]. В связи с этим, одностороннее и ограниченное понимание джихада как вооруженной борьбы в корне неверно. Использование данного термина в таком ключе, наполнение его яркими и агрессивными образами – главный идеологический инструмент экстремистов[32]. Джихад не может проводиться против гражданских лиц, джихаду предписывается быть начатым только с позволения на то высших духовных лиц и только после предупреждения противника. «Все это полностью нарушается современными джихадистами, …спекулирующими на таком феномене, как мусульманская солидарность»[33]. Именно поэтому джихадизм, по сути, имеет мало общего с концепцией джихада. Джихадизм определяется Г.И. Мирским как транснациональный исламистский терроризм[34].

В целом, ислам представляется Г.И. Мирскому больше чем просто религией, скорее мировозрением. Говоря об «исламской цивилизации» или «исламском мире», мы уже не можем придерживаться территориального фактора, равно как и критерия этнической, национальной идентификации, не можем мы и считать скрепляющими элементами общую культуру и историю или социально-экономическое положение. «Мусульманская солидарность базируется не только на едином вероисповедании, но и на вытекающем из самих устоев ислама мироощущении»[35], - абсолютно верно отмечает Мирский. Что касается «исламской угрозы», то Г.И. Мирский ссылается на Д. Эспозито, который на заданный ему вопрос о том, существует ли исламская угроза, ответил: «В известном смысле – да. Точно так же, как существует западная угроза или иудео-христианская угроза»[36].

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Мирский Г.И. "Политический ислам" и западное общество // Полис. Политические исследования. 2002. №. 1. С. 78-86 [Mirskij G.I. "Politicheskij islam" i zapadnoe obshhestvo // Polis. Politicheskie issledovanija. 2002. №. 1. S. 78-86].

Мирский Г.И. Бен Ладен, Аль-Каида и судьба джихадизма //Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 12. С. 31-48 [Mirskij G.I. Ben Laden, Al'-Kaida i sud'ba dzhihadizma // Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija. 2011. № 12. S. 31-48].

Мирский Г.И. Возврат в средневековье? // Россия в глобальной политике. 2006. Т. 4. № 5. С. 8-19 [Mirskij G.I. Vozvrat v srednevekov'e? // Rossija v global'noj politike. 2006. Т. 4. № 5. S. 8-19].

[30] Там же: 7.
[31] Мирский 2004а: 136.
[32] Mirskiy 2001: 7.
[33] Мирский 2010: 13, 15.
[34] Мирский 2011а: 31.
[35] Мирский 2004а: 127.
[36] Esposito 1992: 82.

Мирский Г.И. Ислам и нация: ближний восток и центральная Азия // Полис. Политические исследования. 1998. № 2. С. 77-82 [Mirskij G.I. Islam i nacija: blizhnij vostok i central'naja Azija // Polis. Politicheskie issledovanija. 1998. № 2. S. 77-82].

Мирский Г.И. Ислам, исламизм и современность // Россия и мусульманский мир. 2011. № 12. С. 164-171 [Mirskij G.I. Islam, islamizm i sovremennost' // Rossija i musul'manskij mir. 2011. № 12. S. 164-171].

Мирский Г.И. Ислам: история и современность // Новая и новейшая история. 2010. № 1. С. 1-39 [Mirskij G.I. Islam: istorija i sovremennost' //Novaja i novejshaja istorija. 2010. № 1. S. 1-39].

Мирский Г.И. Исламизм-третья ступень ракеты деколонизации? // Россия и мусульманский мир. 2009. № 9. С. 175-184 [Mirskij G.I. Islamizm-tret'ja stupen' rakety dekolonizacii? // Rossija i musul'manskij mir. 2009. № 9. S. 175-184].

Мирский Г.И. Исламистский терроризм не сказал последнего слова // Россия и мусульманский мир. 2007. № 2. С. 168-171 [Mirskij G.I. Islamistskij terrorizm ne skazal poslednego slova // Rossija i musul'manskij mir. 2007. № 2. S. 168-171].

Мирский Г.И. Исламская цивилизация в глобализирующемся мире // Россия и мусульманский мир. 2004. № 12. С. 126-144 [Mirskij G.I. Islamskaja civilizacija v globalizirujushhemsja mire // Rossija i musul'manskij mir. 2004. № 12. S. 126-144].

Мирский Г.И. Исламский фундаментализм, сунниты и шииты // Россия и мусульманский мир. 2009. № 1. С. 155-182 [Mirskij G.I. Islamskij fundamentalizm, sunnity i shiity // Rossija i musul'manskij mir. 2009. № 1. S. 155-182].

Мирский Г.И. Кто противостоит цивилизованному миру // Россия и мусульманский мир. 2004. № 11. С. 129-134 [Mirskij G.I. Kto protivostoit civilizovannomu miru // Rossija i musul'manskij mir. 2004. № 11. S. 129-134].

Мирский Г.И. Феномен ИГИЛ // Россия и мусульманский мир. 2015. № 12. С. 151-158 [Mirskij G.I. Fenomen IGIL // Rossija i musul'manskij mir. 2015. № 12. S. 151-158].

Мирский Г.И. Шииты в современном мире // Россия в глобальной политике. 2005. Т. 3. № 6. С. 128-141 [Mirskij G.I. Shiity v sovremennom mire // Rossija v global'noj politike. 2005. Т. 3. № 6. S. 128-141].

Esposito J.L. The Islamic Threat: Myth or Reality? NY, Oxford: Oxford University Press. 1992.

Mirskii G.I. "Political Islam" and Western Society // Russian Politics & Law. 2003. T. 41. № 2. C. 29-44.

Mirskiy G. Islamic Fundamentalism and International Terrorism // Central Asia and the Caucasus. 2001. T. 6.

Pipes D. “The Muslims Are Coming! The Muslims Are Coming!” // National Review. 1990. T. 42. № 22. C. 28-31.

***Мамедов Интигам Байрам оглы**, кандидат политических наук, доцент, кафедра международных отношений и интеграционных процессов, факультет политологии, МГУ имени М.В. Ломоносова, intiga-m@yandex.ru*

Ordering chaos. On the G.I.Mirsky's contribution to definition of certain concepts and categories

The article is aimed to characterize the role of famous Russian orientalist G.I. Mirsky in defining and distinguishing categories related to the increasing influence of Islam on politics. Such concepts as "islamism", "fundamentalism", etc., came into academic science from polemical texts, expert assessments, and analytics. The work carried out by G.I. Mirsky to identify their meanings and clarify the content made it possible to introduce these categories into scientific framework, and therefore to give a more accurate evaluation of the most important political events, to classify the actions of various political actors, to predict their behavior.

***Keywords:** G.I.Mirsky, political Islam, Islamism, Islamic fundamentalism, jihadism, Islamism extremism, Islamism radicalism, terrorism.*

***Intigam Mamedov**, Ph.D. in Political Science, Associate Professor of the Department of International Relations and Integration Processes, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, intiga-m@yandex.ru*

А.З. Маргушева

«ЭТИКА ВЕРНОСТИ ФАКТАМ» БЕРНАРДА УИЛЬЯМСА

В статье проанализированы взгляды английского философа, представителя моральной философии и политического реализма Бернарда Уильямса на проблему исследовательского поиска. Излагаются ключевые положения реалистского понимания природы политического, сводящие аргументы Уильямса и его интеллектуальных сторонников к «этике верности фактам», что означает неоспоримое преимущество метода исторической реконструкции в поле политико-философских идей, а также этическое стремление истинного ученого рассматривать политическую практику через помещение идей в исторический контекст с целью достигнуть максимальной свободы от универсальных, несоотносимых с действительностью, моральных категорий.
Ключевые слова: *Бернард Уильямс, политический реализм, политическая философия, морализм, история понятий*

В отличие от других современных философов Бернард Уильямс (1929–2003) особо интересовался проблемой самоопределения философии – в частности, политической философии. В конкретном виде данная проблема заключалась в выяснении особенностей, возможностей и ограничений политико-философского поиска, уточнении положения политической философии по отношению к другим философским дисциплинам. Уильямс имел на это все основания, поскольку его труды в области этики и моральной философии[1] еще в 1980-х гг. получили всеобщее признание и с тех пор являются неотъемлемой частью англо-американской философской традиции.

После выхода известной работы Дж. Роулза «Теория справедливости» в той же, преимущественно англо-американской, интеллектуальной среде был возрожден интерес и к основным вопросам социально-политической проблематики, и к статусу политической теории среди общественных наук. Наряду с другими известными философами, среди которых – представитель либертарианской мысли Роберт Нозик, а также Аласдер Макинтайр, автор коммунитаристской критики в адрес «Теории справедливости», Уильямс также входил в круг видных идейных оппонентов Роулза, выступая в защиту политического реализма.

Воззрения Уильямса не являлись результатом позитивного построения теории или политико-философской концепции, а возникли вследствие целенаправленной критики в адрес идейных противников на ниве политической теории. Более того, Уильямс в своих работах в области этики и моральной философии часто выступал против возможности построения автономных теоретических, в частности, этических концепций вообще, в связи с чем отмечается, что тем самым он нес на себе «миссию системоразрушителя»[2]. В монографии, посвященной Уи-

[1] См.: Williams 1972; 1973; 1981; 1985.
[2] Мюрберг 2010: 103.

льямсу, можно встретить следующее мнение: «Наиболее примечательный вклад Уильямса заключается не столько в формулировании новых философских позиций, …сколько в “дестабилизации” уже существующих воззрений»[3]. Так, два основных направления этической мысли — утилитаризм и кантианство — являлись предметом его «дестабилизирующей» критики, однако аргументация «против» выступала основанием для самостоятельных концептуальных решений Уильямса.

Свои идеи Уильямс развил в наиболее поздних работах[4], ключевая из них — «Вначале было дело: реализм и морализм в политической аргументации» — была издана уже после смерти автора в 2005 г. Тем не менее, несмотря на довольно резкий «политический поворот» в работах Уильямса, в его взглядах был «изначально заложен интерес к политическому измерению человеческого существования»[5]. Чем чаще предметом критической рефлексии Уильямса становились базовые понятия политической теории, такие как свобода и справедливость, власть и легитимность, равенство и веротерпимость, тем более прочные основания приобретала его собственная политическая философия.

Неудивительно, что Уильямс, обладавший репутацией бескомпромиссного критика, был требователен к современникам. Основное условие, которое он выдвигает в адрес политических философов, заключается в необходимости непрерывного обращения к формам исторического знания о политике[6]. Если философствование о политике способно раскрыть смысл и привнести пользу в политическую жизнь сообщества, то для каждого философа первостепенной задачей становится исследование истоков тех понятий (концептов), на которые он опирается сам в ходе последовательной рефлексии. В эссе «Зачем философии нужна история?» Уильямс неоднократно признается в том, что испытывает влияние философии Ницше, который подметил, что «нехватка чувства истории – вот наследственный изъян всех философов» и что «нет никаких вечных фактов – так же как нет никаких абсолютных истин; из всего этого следует, что отныне философствовать необходимо в историческом ключе»[7]. Такой метод «исторического философствования» не означает, что «“история” сама по себе становится объектом внимания»[8], как в этом же контексте рассуждения верно отмечал представитель Кембриджской школы политических языков Джон Покок, а в действительности «“история” обозначает условия, в которых происходят процессы и которые могут обсуждаться независимо от рассказа о том, что эти процессы собой представляли»[9].

[3] Jenkins 2006: 6.
[4] См.: Williams 2005; 2006a; 2006b.
[5] Мюрберг 2010: 108.
[6] См.: Williams 2014: 410.
[7] Ницше 2011: 23.
[8] Покок 2018: 212.
[9] Там же: 212–213.

Подход, предлагаемый Уильямсом, вступает практически в прямое противоречие с содержанием известной работы Лео Штрауса «Что такое политическая философия?», где «политическая философия – это, с одной стороны, попытка выяснить истинную природу политических вещей, а с другой, – узнать, что собой представляет правильный или хороший политический порядок»[10]. Именно против нормативной политической философии, основывающейся на ценностных суждениях и имеющей безусловный предписывающий характер, выступает Уильямс, когда предостерегает от ошибочного превращения философии в «систему мысли». Любая попытка систематизировать универсум идей так или иначе предполагает стремление исключить или свести к минимуму конфликты между ценностями, что особенно противоречит реальной политической жизни, которая на протяжении всего времени «заключала в себе не только конфликты интересов, но и прямо противоположные принципы, вступающие в противоречие ценности, и более того, конфликты интерпретаций одних и тех же ценностей…»[11].

Примечательно, что обращение Уильямса к истории в работах позднего периода заметно отдаляет его от сложившейся «антиисторической» *(ahistorical)* [12] традиции в аналитической философии, оглядываясь на которую Уильямс писал свои популярные труды об этике и морали. Однако подобный сдвиг в сторону контингентности, по словам Уильямса, делает практически невозможным перемещение политической философии в русло аналитического стиля, поскольку крайне непросто задать четкую область значений таких понятий, как справедливость, свобода, равенство или веротерпимость[13].

Как уже отмечалось выше, полемическое отношение к теории справедливости Роулза и либеральным концепциям этического характера второй половины XX в. позволило Уильямсу произвести свой способ аргументации в вопросах о природе политических явлений и занять позицию, которую он сам относил к политическому реализму — прежде всего, как к принципу, согласно которому политическая философия или теория не должны быть формами моральной философии и прикладной этики, но должны представлять собой самодостаточный способ описания политической действительности[14].

О содержании понятия политического Уильямс рассуждает в статье «Реализм и морализм в политической теории»[15]. Сознательно уклоняясь от попытки дать всеобъемлющее определение сферы политического, которую Уильямс заранее считает тщетной, он дает следующее объяснение: политическое возникает в тех случаях, где необходимо

[10] Штраус 2000: 11.
[11] Williams 2006a: 164.
[12] Koopman 2010: 3.
[13] См. Sleat 2007: 393.
[14] См.: Williams 2019: 3.
[15] См.: Williams 2019: 3–12.

мыслить «политически», но не в соответствии с моральными принципами — тем, что Уильямс называет политическим морализмом. «Политическим морализмом я буду называть точки зрения, отстаивающие приоритет морального над политическим»[16]. Одной из версий политического морализма и является теория справедливости Роулза, в рамках которой на политические действия накладываются строгие моральные ограничения, в результате чего политическая теория становится прикладной этикой. Подобные моральные ограничения, по своей природе неисторичные, и лежат в плоскости универсальной системы моральных убеждений, тем самым лишая возможности критиковать их.

Политический реализм, напротив, подразумевает рефлексивное политическое мышление. Как уже отмечалось выше, Уильямс призывает к рассмотрению сложившихся в современной политической теории убеждений, взглядов, интересов, как производных от конкретных исторических обстоятельств, и вследствие этого вступающих в естественное противостояние, – не по причине того, что одни убеждения в отличие от других могут быть морально, в этом же смысле безусловно, обоснованы и вследствие этого иметь непревзойденное преимущество. Обращение к локальным историческим сюжетам позволяет проследить процесс зарождения, становления различных политических убеждений, превращение взглядов меньшинства в позицию большинства, и наоборот. Поэтому политическая философия и теория должны представлять собой поле для равной борьбы противоположных точек зрения и аргументов, но их сторонники должны находиться в роли политических оппонентов, а не «правых» и «неправых», «просвещенных» и «заблуждающихся». Важным доводом в пользу способа мыслить «политически», по мнению Уильямса, является то, что принятое политическое решение – как результат обсуждения, включающего всевозможные соображения нескольких сторон, но выраженного в виде решения в пользу преимущественно одной из них – свидетельствует не о том, что другая сторона не согласуется с моральными принципами, или просто неправа, а прежде всего о том, что другая сторона *проиграла в аргументах* (курсив – авт.)»[17].

Современные исследователи[18] называют политический реализм Уильямса «этикой достоверности» или «этикой верности фактам» *(the ethic of truthfulness)*[19], что означает, во-первых, необходимость «поиска аутентичных политике понятий»[20]; во-вторых, стремление анализировать политические понятия в границах свойственного им проблемного поля; в-третьих, необходимость свободного восприятия политической действительности, – свободного от внешних, несоотносимых с историческими ориентирами, моральных суждений.

[16] Ibid: 4.
[17] Ibid: 13.
[18] См.: Hall 2014: 545–569; Koopman 2010: 3–30, 2008; Sleat 2007: 389–398.
[19] Hall, Sleat 2017: 284.
[20] Мюрберг 2010: 109.

Очевидно, что Уильямс стремится освободить политические представления от предписывающего характера либеральной идеологии, которая часто позиционируется как «единственное морально верное решение в политике»[21]. Автор предисловия к сборнику статей Уильямса «Вначале было дело» заключает, что теории Роулза, Макинтайра, Дворкина хоть и различны между собой, но «каждая находит свою отправную точку где-нибудь вне политики. Отличительной чертой альтернативы Уильямса, исходящей из “требования базовой легитимации” является то, что она начинается изнутри»[22]. Чтобы требование базовой легитимации *(basic legitimation demand)* было выполнено, и власть была признана легитимной, граждане должны осознанно согласиться с тем, что вышестоящая власть правомочна в случае, если она способна обеспечить безопасность, порядок, защиту, необходимый уровень доверия и кооперации – явления, которые описываются понятиями в пределах проблемного поля политики. В аналогичной ситуации в концепции Роулза источником базовой политической легитимации служат принципы, согласие с которыми индивиды способны признать разумным, исходя из моральных мотивов, что в понимании Уильямса, и является главной ошибкой, которую допускают авторы сразу нескольких либеральных теорий.

Политико-философская концепция Б. Уильямса, называемая «этикой верности фактам», примечательна тем, что при кажущейся простоте общей уильямсовой интенции, в действительности представляет собой сложный «сплав» актуальных и нерешенных проблем в области современного политического знания: это и проблема разрыва между теорией и политической практикой, и вопрос о соотношении концептуальных ресурсов моральной и политической философии, и общий «поворот к реализму» в области политической теории, и когнитивные возможности аналитической философии политики и др. Перечисленные проблемы и вопросы, как и более детальное изучение политико-философского наследия Уильямса ждут своего дальнейшего исследования.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Мюрберг И.И. Бернард Уильямс: преобразование этики в политическую философию свободы // История философии. № 15, 2010. С. 102–110. [Mjurberg I.I. Bernard Uil'jams: preobrazovanie jetiki v politicheskuju filosofiju svobody // Istorija filosofii. № 15, 2010. S. 102–110.].

Ницше Ф. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Культурная революция, 2011. Т. 2. 672 с. [Nicshe F. Polnoe sobranie sochinenij: v 13 t. M.: Kul'turnaja revoljucija, 2011. T.2. 672 s.].

Покок Дж. Квентин Скиннер: история политики и политика истории // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: НЛО, 2018. С. 191–217. [Pokok Dzh. Kventin Skinner: istorija politiki i politika istorii // Kembridzhskaja shkola: teorija i praktika intellektual'noj istorii / Sost. T. Atnashev, M. Velizhev. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018. S. 191–217.].

Штраус Л. Введение в политическую философию / Пер. с англ. М. Фетисова. М.: Логос, Праксис, 2000. 364 с. [Shtraus L. Vvedenie v politicheskuju filosofiju / Per. s angl. M. Fetisova. M.: Logos, Praksis, 2000. 364 s.].

[21] Hall 2014: 552.

[22] Цит. по: Мюрберг 2010: 108.

Hall E. Contingency, Confidence, and Liberalism in the Political Thought of Bernard Williams. Social Theory and Practice. 2014. Vol. 40. № 4. pp. 545–569.
Hall E., Sleat M. Ethics, Morality and the Case for Realist Political Theory. Critical Review of International Social and Political Philosophy. № 20, 2017. pp. 276–290.
Jenkins M. Bernard Williams. Chesam: Acumen, 2006. 216 p.
Koopman C. Bernard Williams on Philosophy's Need for History. The Review of Metaphysics. 2010. № 64. pp. 3–30.
Koopman C. The Aims of Political Philosophy in John Rawls, Bernard Williams, and Richard Rorty. SSRN Electronic Journal. 2008. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1094979.
Sleat M. Making Sense of our Political Lives – on the Political Thought of Bernard Williams. Critical Review of International Social and Political Philosophy. № 10, 2007. pp. 389–398.
Williams B. Ethics and the Limits of Philosophy. London: Fontana, 1985. 296 p.
Williams B. In the Beginning was the Deed: Realism and Moralism in Political Argument. Princeton University Press, 2005. 174 p.
Williams B. Morality: An Introduction to Ethics, Cambridge: C.U.P., 1972. 98 p.
Williams B. Moral Luck, Cambridge: Cambridge University Press, 1981. 173 p.
Williams B. Philosophy as a Humanistic Discipline. Oxford: Princeton U.P., 2006a. 248 p.
Williams B. Realism and Moralism in Political Theory. Contemporary Political Philosophy: An Antology, Third Edition / Ed. by Robert E. Goodin and Philip Pettit. Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell, 2019. pp. 3–12.
Williams B. The Sense of the Past: Essays in the History of Philosophy. Oxford: Princeton University Press, 2006b. 416 p.
Williams B. Utilitarianism: For and Against (with J.J.C. Smart). Cambridge: Cambridge University Press, 1973. 155 p.
Williams B. Why Philosophy Needs History. Essays and Reviews (1959–2002). Oxford: Princeton University Press, 2014. pp. 405–412.

Маргушева Алина Зауровна, *аспирант, кафедра истории социально-политических учений, факультет политологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; alinamankunian@gmail.com*

Bernard Williams's ethic of truthfulness

The article considers views of the British moral philosopher Bernard Williams on attempts to philosophise about politics. The key points of Williams's realist approach to politics lead the arguments of Williams and his intellectual supporters to the ethic of truthfulness which means the undeniable advantage of the historical inquiry in the field of political concepts, as well as the call of a true political philosopher to consider politics via attending historical context in order to achieve freedom from universal moral concepts.

Keywords: *Bernard Williams, political realism, political philosophy, moralism, history of ideas*

Alina Margusheva, *PhD Student, Department of History of Social and Political Thought, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University; alinamankunian@gmail.com*

А. В. Ашаева

РЕЦЕПЦИЯ АНТИЧНОСТИ В ЭПОХУ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ (1946–1953)*

В статье представлен пример рецепции античности в политической риторике холодной войны на ее раннем этапе 1946–1953 гг. Политическая обстановка в США (политика маккартизма и антикоммунистическая истерия в обществе) и в СССР (борьба с низкопоклонством и новые веяния внешней политики послевоенного мира) заставила историков-антиковедов обратиться к античному наследию с целью актуализации и обоснования возникшего противостояния двух систем. Так, Пелопоннесская война между Афинами и Спартой, описанная Фукидидом, стала образом, раскрывающим суть и возможные параллели с ситуацией холодной войны между СССР и США. Обоснование таких сопоставлений и дискуссия вокруг их использования развернулись одновременно на страницах двух авторитетных журналов – «Classical Journal» в США и «Вестника древней истории» в СССР. Схожая направленность таких дискуссий дает возможность говорить о сложившейся на раннем этапе холодной войны особой риторики, в которой была отражена античная история.

Ключевые слова: *рецепция античности, холодная война, Фукидид, «Вестник древней истории»*

После окончания Второй мировой войны между западными странами во главе с США, с одной стороны, и СССР, с другой стороны, развернулась холодная война. Конфронтация между государствами нашла свое отражение не только в политике и культуре обеих стран, но также оказала существенное влияние и на развитие гуманитарных исследований, и на исторический нарратив. Пропаганда и рождавшаяся из нее риторика часто основывалась на исторических параллелях и модернизации исторических фактов, а для обоснования подобных параллелей и создания такой риторики нередко привлекались, наряду с политиками, журналистами и писателями, и ученые-историки. Идеи, использовавшиеся для сплочения, поддержки и расширения политического влияния в противоборствующих блоках, сформировались в первый период холодной войны (1946–1953), именно в это время «обрюзгший капиталистический плутократ советской пропаганды совпал с унылым доктринером “красного фашизма” из американского стереотипа»[1].

В результате, как советские, так и американские историки античности, обратились к античной истории как к некому архетипу, в котором можно было обнаружить явные черты сходства с современностью. И хотя использование реалий истории античности в контексте современных войн не уникально[2], в начальный период холодной войны историческая наука в целом и изучение античности, в частности, стано-

* Исследование выполнено при поддержке РНФ в рамках гранта 18-18-00367 «Всеобщая история в системе советской науки, культуры и образования в 1917–1947 гг.» / Acknowledgements: Russian scientific foundation, project No 18-18-00367/

[1] Cull, Mazumdar 2014. P. 323.

[2] См. Stray 2018. P. 356–375; Hardwick 2018. P. 393–414.

вятся полем для «политико-риторических битв», а риторика, как ключевая форма репрезентации исторического прошлого в политическом контексте делает античность и изучение истории древней Греции и Рима предметом споров и конфронтаций. Конфронтационный образ античности, возникший в процессе политического противостояния, позволяет выявить влияние политических интересов на деятельность историков, а также определить роль ученых-антиковедов в формировании государственной пропаганды и политической риторики в США и СССР в начальный период холодной войны.

Изучение как отдельных аспектов восприятия холодной войны учеными-гуманитариями[3], так и общих тенденций[4] позволяют говорить о том, что образ античной истории в риторике холодной войны имел явные аллюзии с современностью. Эти аллюзии «прочитывались» противоборствующей стороной и вызывали ответную реакцию. Образ античности, созданный американскими историками на раннем этапе холодной войны в условиях открытого конфликта двух систем и общей антикоммунистической истерии, позволил государственным деятелям обосновать идеи, которые лежали в основе внешней политики США. Нечто похожее происходило и в СССР в годы разворачивания открытой антизападной политики и идеологических кампаний позднего сталинизма (борьбы с «низкопоклонством перед Западом», космополитизмом и т.п.), что побудило советских историков-антиковедов дать ответ на западную политизированную версию античности, используя всю полноту политической риторики СССР того периода. Две противоположные точки зрения проявились в передовых статьях американских и советских журналов по античности, а также в рецензиях на книги и статьи «буржуазных» ученых, публиковавшиеся в «Вестнике древней истории» в конце 1940-х – начале 1950-х годов.

Современная западная историография характеризует советскую точку зрения на международные отношения в ранний период холодной войны как противостояние двух лагерей: «“империалистическо-антидемократического” западного лагеря и “антиимпериалистически-демократического” восточного лагеря»[5], в американской теории образ Запада, как синонима процветания и демократии[6], противопоставлен образу Востока, как синониму тоталитаризма. Широко известная фултонская речь Черчилля 1946 года и доктрина Трумэна 1947 года положили начало противодействию советской экспансии в Европе; в качестве главной идеи использовалась идеология «демократии и свободы», которая противопоставлялась тоталитарному советскому обществу[7]. В 1947 г. в речи государственного секретаря Джорджа Маршалла в Принстонском

[3] См. Дружинин 2012; Карпюк 2016. С. 141–161; Карпюк 2018. С. 113–121.
[4] См. Колеватов, Мамонтова 2011. С. 66–89; Мальков 2018. С. 406–472.
[5] Hankel 2010. P. 583.
[6] См. Iriye 2013. P. 30
[7] См. Duara 2013. P. 87.

университете прозвучал призыв к рассмотрению назревшего противостояния, причем был использован опыт античной истории: «Я серьезно сомневаюсь, что человек, который не рассмотрел и не осознал период Пелопоннесской войны и падения Афин, может мудро и с глубокими убеждениями осмыслить некоторые основные международные проблемы сегодня…»[8]. Намек на противопоставление Афин и Спарты, где в роли Афин выступают США, а в роли Спарты – СССР, ознаменовал собой целый виток государственной политики в области пропаганды, затронувший и исследования античности[9]. Расцвет «афинской политической риторики» был построен на аналогии США именно с Афинами, которые и спасли Грецию от персов и были главным оплотом демократии в эллинском мире. США стремились представить свой опыт как повторение опыта Афин в новых исторических условиях[10].

Период 1946–1953 гг. даже назвали в США «годами Сократа», по большей части в культуре, а его фигура стала народным символом идеала демократии – учитель философии, верный гражданин демократии, жертва несправедливости. К примеру, в знаменитой пьесе американского драматурга М. Андерсона «Босой в Афинах» (1951)[11] Сократ беседует со спартанским царем Павсанием, под которым подразумевался Сталин, о ложном очаровании спартанского образа жизни[12], умоляет умного, но, в конечном счете, ужасающего спартанского царя Павсания вернуть демократию[13]. Символизируя противостояние Спарте /коммунизму, Андерсон «описывает исторический период жизни Сократа как “длительную ссору между коммунистическим и демократическим государством”. По его мнению, Сократ был игроком в “древней борьбе за демократию”…»[14]. Сократ Андерсона превозносит демократию, объявляет о своей непоколебимой приверженности высокому принципу свободы слова, практике, которую он хвалит как основу демократического правительства. Все равно подозрительные афиняне осуждают его. Почему? Андерсон дает простой ответ: коррумпированные, коварные и лживые политики, лично мотивированные, ослепили присяжных видимостью вины, использовав демагогическую тактику[15].

---

[8] Marshall 1947.

[9] Подходящая характеристика была дана в статье с говорящим названием «От Платона к НАТО. 2500 лет демократии и конец истории», в которой обращение США к истории Древней Греции обосновывается вопросом легитимности, моральной и символической власти. Новая «цивилизационная» сила действовала как боевая миссия против коммунистического «варварства», выдвигая новый набор ценностей и принципов в соответствии с которыми современная цивилизация должна была осмысляться и действовать…» (Lalaki 2017. P. 5).

[10] См. Lebow 2001. P. 604.

[11] В экранизации 1966 года некоторые, наиболее острые политические параллели были убраны. См. подробнее: Monoson 2011. P. 46–76.

[12] См. Anderson 1951. См. также: P. 55–56.

[13] См. Monoson 2011. P. 56.

[14] Ibid. P. 60.

[15] См. Ibid. P. 60–61.

В 1952 г. в издаваемом Государственным департаментом США журнале «Foreign Service Journal» государственный советник и ученый Л. Халле публикует программную статью «Послание от Фукидида». В ней он не просто обосновывает важность Фукидида и его «Истории» современной политической ситуацией, но и призывает считать ее лучшей книгой по международным отношениям». «То, что Афины стали лидерами свободного мира после Греко-персидских войн, отождествляет их с нами… Они [Афины] были первой либеральной демократией, которую знал мир, посвященной свободе и посвященной правам ораторов… а взявшая на себя руководство Спарта уже показала себя недееспособной…»[16]. Описывая начало холодной войны цитатами из Фукидида, автор представляет Пелопонесскую войну моделью всех коалиционных войн. «Некоторые из замечаний керкирцев о нейтралитете могли быть включены дословно в речи об отмене эмбарго на поставки оружия. А обращение коринфян к спартанскому народного собранию могло быть посланием из Варшавы в Лондон или из Праги в Париж…»[17]. Этот случай показывает тесную связь истории Древней Греции и политической пропаганды: попытке описания холодной войны посредством подобного метафорического чтения античного источника, предшествовала кропотливая и неоднозначная работа историков-антиковедов.

Так, после речи Маршалла и упоминания им Пелопонесской войны в 1947 г., известный англо-американский историк и политолог Альфред Зиммерн публикует статью в «Classical Journal» под названием «Афины и Америка». Статья, открывающая номер, начинается вполне риторическим вопросом: «Может ли американская политическая мысль стать пионером в распространении концепции свободы, основанной на трансграничном законе?»[18]. Зиммерн говорит об определенной «полезной» экспансии в античном мире, сравнивая Александра Великого и его непобедимую македонскую фалангу с атомной бомбой: «Он открыл европейцам путь для завоевания Ближнего Востока, вплоть до долины Инда, Александр и его преемники не только управляли обширными территориями в военном отношении, но эллинизировали их... Символ американской экспансии – не фаланга или какое-либо военное устройство… Этот мирный проводник цивилизации распространил американский способ жизни на территории, столь же обширной, как и занятая когда-то солдатами Александра»[19]. Предваряя появление двух противоборствующих лагерей, автор статьи указывает на старое соперничество, которое возобновилось, как только персы были разгромлены. Подразумевая под персами Германию, Зиммерн довольно прозрачно намекает на коллизию между Афинами и Спартой, которая, по его мнению, с самого начала была в оппозиции к Афинам и тяготела к тоталитарной

[16] Halle 1952. P. 15-16.
[17] Ibid. P. 16.
[18] Zimmern 1947. P. 3.
[19] Ibid. P. 4–5.

власти[20]. Такая, по большей части нравоучительная статья, должна была, по мнению Зиммерна, продемонстрировать американцам, прямым наследникам славной Афинской демократии, как правильно донести до всего цивилизованного человечества «чистый» античный закон и свободу, которые в современном мире неразрывно связанны с США[21].

Сравнение атомной бомбы и македонской фаланги, чье свойство – принести на Восток незамутненную «афинскую мудрость» находит свое продолжение в еще одной статье Зиммерна, которая была опубликована спустя четыре года, в 1951 г., в том же журнале. Она была озаглавлена «Наш греческий век Августа» и написана в духе всё той же политической пропаганды на материале античной истории. В статье содержится любопытное сравнение: «Мы живем в ядерную эру при постоянной угрозе уничтожения, как и греки Великого века жили при постоянной угрозе утраты свободы…»[22]. Автор говорит о «нити Ариадны», протянувшейся от времени, когда победы греков в Греко-персидских войнах при Марафоне и Саламине способствовали зарождению современной западной демократии. В течение двух поколений Афины были великой державой, демократической силой, которой напрямую наследуют США сегодня[23]. Таким образом, концепция, где «традиционной для США стала роль Афин, нацистская Германия сыграла Персию, а СССР – Спарту»[24], что способствовало отождествлению классических Афин с современными США, стала, во многом благодаря Зиммерну, символом политической риторики раннего этапа холодной войны.

В СССР также образ античности встраивался в современные политические реалии. Это демонстрируют как передовицы, так и рецензии и обзоры содержаний журналов (например, рецензия Н.Н. Пикуса на кембриджский журнал «Journal of Hellenic studies» за 1945–1950 гг., вышедшая во ВДИ №2, 1953 г. или рецензия Е.М. Штаерман на журнал «Journal of Roman studies» за 1947–1951 гг. в ВДИ №3, 1953 года). Особое место занимают т.н. программные рецензии, призванные прояснить взгляды советских ученых на античную историю в условиях оформления биполярного мира (например, рецензия В.Г. Боруховича «Панэллинизм и буржуазная историография античности», ВДИ №1, 1951 г., или А.П. Каждана «Проблемы поздней Римской империи в современной буржуазной литературе» ВДИ №1, 1950 г.).

Предшествующий период с 1946 по 1947 гг. характеризуется отсутствием явной политической риторики. Напротив, в «Вестнике древней истории» печатались переводы статей американских авторов, причем без предисловий. И это соответствовало общей политике СССР по отношению к союзникам. Достаточно вспомнить, что в СССР в то вре-

[20] См. Ibid. P. 7.
[21] Ibid. P. 11.
[22] Zimmern 1951. P. 326.
[23] Ibid. P. 327.
[24] Lane 2005. P. 57.

мя открыто распространялись журналы «Америка», «Британский союзник» (до проекта докладной записки агитпропа ЦК И.В. Сталину по вопросу о еженедельнике «Британский союзник» конца 1946 г.[25]) Началом идеологического противостояния можно считать передовую статью в первом номере «Вестника древней истории» 1948 г. «Против низкопоклонства перед иностранщиной в области древней истории», которая была написана, вероятно, главным редактором А.В. Мишулиным. Призывая советского историка древнего мира к «острой, боевой критике»[26], передовица предлагала фактически поступиться академической объективностью (делая обзоры с целью ознакомить читателя с зарубежной историографией), а превратить рецензии и обзоры в острое, действенное орудие в борьбе с буржуазной наукой. Перенос подобного лексикона на страницы академического журнала означал начало холодной войны за античное наследие. Впрочем, реальная эскалация началась еще в 1947 г.: с третьего номера ВДИ исчезает французский подзаголовок и содержание на французском языке, а формальное отставание в ответной реакции советских ученых было вызвано как «журнальными циклами», так и ожиданием четких директив сверху.

О стремительном нарастании риторики и появлении риторических штампов свидетельствует переход с критики (буржуазной) теории на критику обсуждаемого объекта, как, например, в рецензии М.Н. Ботвинника «Новые работы буржуазных историков об Александре Македонском». Автор начинает с резкой критики предложенных «буржуазной историографией» понятий македонского объединения и римской унификации, а переходит на критику самой монархии Александра и Римской империи. «Монархия Александра распалась вместе с его смертью, а римская унификация привела лишь к тому, что варвары объединились против общего врага… Эти факты следует прежде всего иметь в виду поклонникам “мировых завоеваний”»[27]. Здесь, хоть и неявно, но используется цитата Сталина из отчетного доклада на XVII съезде партии о работе ЦК ВКП (б)[28], который относится к началу 1934 г., тогда как рецензия Ботвинника – к 1952 г.

[25] Сталин и космополитизм 2005. С. 93.
[26] Против низкопоклонства… 1948. С. 7.
[27] Ботвинник 1952. С. 179.
[28] «Известно, что старый Рим точно так же смотрел на предков нынешних германцев и французов, как смотрят теперь представители “высшей расы” на славянские племена. Известно, что старый Рим третировал их “низшей расой”, “варварами”, призванными быть в вечном подчинении “высшей расе”, “великому Риму”, причем, – между нами будь сказано, – старый Рим имел для этого некоторое основание, чего нельзя сказать о представителях нынешней “высшей расы”. А что из этого вышло? Вышло то, что неримляне, т.е. все “варвары”, объединились против общего врага и с громом опрокинули Рим. Спрашивается: где гарантия, что претензии представителей нынешней “высшей расы” не приведут к тем же плачевным результатам? Где гарантия, что фашистско-литературным политикам в Берлине посчастливится больше, чем старым и испытанным завоевателям в Риме? Не вернее ли будет предположить обратное?» (Сталин 1951. С. 295).

Однако, абстрагируясь от общих положений и идеологических выкладок, становится заметной, особенно в сравнении с американским вариантом политической апологетики античности, попытка советских антиковедов распределить политические роли в античной истории в соответствии с конкретным внешнеполитическим положением, в котором оказался СССР. Риторика советских историков была более грубой и прямолинейной, что указывало на меньшую, в отличие от США, свободу (или ее отсутствие), на невозможность проявить личную инициативу, а также, что важно, на получение прямых и безоговорочных указаний от власти, тогда как американские историки, напротив, стремились предугадать желание власти и соответствовать внешнеполитической риторике США без прямых директив. Данное предположение иллюстрирует статья В.Н. Ярхо «Американские фальсификаторы истории афинской демократии». Автор решительно разрубает связь между афинской и американской демократией, отрицая какие бы то ни было параллели развития США и Афин, называя Афины (вопреки господствующим в США теориям) «оружием империалистической реакции США в ее борьбе против демократии…»[29]. По мнению Ярхо, американские ученые «идеализируя афинскую демократию, замалчивают тот основной факт, что античная демократия была демократией рабовладельцев»[30].

Отрицая преемственность античной демократии и США, советские авторы при этом рассматривали СССР продолжателем «варварского мира», который в конечном итоге победил не только «хваленую афинскую демократию, но и Римскую империю». Так, в обзоре Е.М. Штаерман говорится об умолчании всей американской историографией того общеизвестного факта, что народы, сумевшие отстоять свою независимость (читай: варвары), не только не отстали в своем развитии, но, напротив, создали более высокие производительные силы… что обеспечило им победу над империей… В этой заметке особенно наглядно видна связь между идеализацией Римской империи и открытыми агрессивными призывами к наступлению на Восточную Европу, т.е. на страны народной демократии и СССР»[31]. Характерно, что автор неявно отождествляет СССР с врагами классического античного мира, с миром варваров. И здесь также фактически дословно приведена цитата Сталина из доклада на XVII съезде ВКП(б) в 1934 г.[32], где под Римской империей подразумевалась Германия. В обзоре Е.М. Штаерман (это уже 1953 год) под Римской империей выведены США.

Прямые обвинения США в расистских нападках на Восток можно найти в рецензии В.Г. Боруховича «Панэллинизм и буржуазная историография античности»[33]. С критики предмета самого панэлинизма и

[29] Ярхо 1949. С. 116.
[30] Там же. С. 119.
[31] Штаерман 1953. С. 120.
[32] См. Сталин 1951. С. 295.
[33] См. Борухович, Колотова 1951. С. 204.

его освещения в «буржуазной историографии» автор переходит на приписывание всей зарубежной историографии идеи вечного стремления к завоеванию Востока Западом. Рецензент показывает, что Восток для американского историка Робинсона ненавистен, как и ненавистно все советское: «…Экспансию, которая окончательно подавила народные движения на Востоке и лишила Элладу даже призрачной независимости, автор характеризует как благо для человечества…»[34].

Риторика противопоставления Запада и Востока на материале античной истории и ее тональность в США и СССР, при совершенно разных вводных условиях (директивы или личная инициатива), обнаруживает определенную схожесть: античность стала отличным примером для обоснования собственных действий в нарастающем противостоянии двух лагерей. А попытка актуализации античной истории, предпринятая американскими и советскими историками в период эскалации конфликта, приобретает особый смысл, добавляя к конфликтным факторам холодной войны еще один – фактор античный.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Борухович В.Г., Колотова М.Г., Панэллинизм и буржуазная историография античности // Вестник древней истории (ВДИ). 1951. №1. С. 203–209. [Boruhovich V.G., Kolotova M.G., Panellinizm i burzhuaznaya istoriografiya antichno-sti // Vestnik drevnej istorii. 1951. №1. S. 203–209.]

Ботвинник М.Н. Новые работы буржуазных историков об Александре Македонском // ВДИ. 1952. № 1. С. 173–179. [Botvinnik M.N. Novye raboty burzhuaznyh istorikov ob Aleksandre Makedonskom // Vestnik drevnej istorii. 1952. № 1. S. 173–179.]

Дружинин П.А. Идеология и филология. Ленинград, 1940-е годы: Документальное исследование. Т. 1-2. М.: НЛО, 2012. [Druzhinin P.A. Ideologiya i filologiya. Leningrad, 1940-e gody: Dokumental'noe issledovanie. T. 1-2. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012]

Карпюк С.Г. Эмили Грейс (Эмилия Львовна Казакевич), американский филолог-классик и советский историк // ВДИ, № 76/1, 2016. С. 141–161 [Karpyuk S.G. Emili Grejs (Emiliya L'vovna Kazakevich), amerikanskij filolog-klassik i sovetskij istorik // Vestnik drevnej istorii, № 76/1, 2016. S. 141–161]

Карпюк С.Г. Мозес Финли: документы из московских архивов. Беседа М. Финли с 3-м секретарем советского посольства А.А. Ермолаевым // ВДИ, №78/1, 2018. С. 113–121. [Karpyuk S.G. Mozes Finli: dokumenty iz moskovskih arhivov. Beseda M. Finli s 3-m sekretarem sovetskogo posol'stva A.A. Ermolaevym // Vestnik drevnej istorii, №78/1, 2018. S. 113–121]

Колеватов Д.М., Мамонтова М.А. Начало «холодной войны». Поворот к изоляционизму в науке // Трансформация образа советской исторической науки в первое десятилетие: вторая половина 1940-х – середина 1950-х. М.: Российская политическая энциклопедия, 2011. С. 66–89 [Kolevatov D.M., Mamontova M.A. Nachalo «holodnoj vojny». Povorot k izolyacio-nizmu v nauke // Transformaciya obraza sovetskoj istoricheskoj nauki v pervoe desyatiletie: vtoraya polovina 1940-h – seredina 1950-h. M.: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya, 2011. S. 66–89]

Ленцман Я.А. G.W. Botsford and Ch. A. Robinson Jr. Hellenic history, New-York, 1948 // ВДИ. 1950. №2. С. 195–201 [Lencman YA.A. G.W. Botsford and Ch. A. Robinson Jr. Hellenic history, New-York, 1948 // Vestnik drevnej istorii. 1950. №2. S. 195–201]

Мальков В.Л. Вхождение в ядерную эру. Атомная дипломатия: от начала к паритету. М.: Международные отношения, 2018. 648 с. [Mal'kov V.L. Vhozhdenie v yadernuyu eru. Atomnaya diplomatiya: ot nachala k paritetu. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2018. 648 s.]

Сталин И.В. Сочинения. Т. 13. М.: Гос. изд. полит. литературы, 1951. 400 с. [Stalin I.V. Sochineniya. Tom 13. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoj literatury, 1951. 400 s.]

[34] Ленцман 1950. С. 201.

Против низкопоклонства перед иностранщиной в области древней истории // ВДИ. 1948. № 1. С. 3–11. [Protiv nizkopoklonstva pered inostranshchinoj v oblasti drevnej istorii // Vestnik drevnej istorii. 1948. № 1. S. 3–11]
Сталин и космополитизм. 1945–1953. М.: Материк, 2005. 768 с. [Stalin i kosmopolitizm. 1945–1953. M.: Materik, 2005. 768 s.]
Штаерман Е.М. Journal of Roman Studies за 1947-1951 гг. // ВДИ. 1953. №3. С. 118–130. [SHtaerman E.M. Journal of Roman Studies za 1947-1951 gg. // Vestnik drevnej istorii. 1953. №3. S. 118–130]
Ярхо В.Н. Американские фальсификаторы истории афинской демократии // Вестник древней истории. 1949. №2. С. 114–121 [YArho V.N. Amerikanskie fal'sifikatory istorii afinskoj demokratii // Vestnik drevnej istorii. 1949. №2. S. 114–121]
Anderson M. Barefoot in Athens.
URL: https://archive.org/stream/barefootinathens00ande/barefootinathens00ande_djvu.txt
Cull N., Mazumdar B. Propaganda and the cold war // The Routledge handbook of the Cold War. London: Routledge, 2014. P. 323–339.
Duara P. The Cold War and the Imperialism of Nation-States // The Oxford Handbook of the Cold War. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 86–106.
Halle L. A message from Thucydides // Foreign Service Journal. 1952. August. P. 15–18.
Hankel G. The United Nations, the cold war and its legacy // The Oxford Handbook of Genocide Studies. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 579–596.
Hardwick L. The poetics of cultural memory: WWI refractions of ancient peace // Classical Receptions Journal Vol. 10, Iss. 4, 2018. P. 393–414.
Iriye A. Historicizing the Cold War // The Oxford Handbook of the Cold War. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 15–31.
Lalaki D. From Plato to NATO. 2,500 Years of Democracy and The End of History // AHIF Policy Journal. 2017. Vol. 8. P. 1–9.
Lane J. Thucydides Beyond the Cold War: The Recurrence of Relevance in the Classical Historians // Poroi. 2005. Vol. 4, No. 2. P. 52–90.
Lebow R., Kelly R. Thucydides and Hegemony: Athens and the United States // Review of International Studies. 2001. Vol. 27, No. 4. P. 593–609.
Marshall G. Speech at Princeton University, February 22, 1947. URL:
https://www.marshallfoundation.org/library/6-026-speech-princeton-university-february-22-1947/
Monoson S. The making of a democratic symbol: the case of Socrates in North-American popular media, 1941–56 // Classical Receptions Journal. 2011. Vol. 3, No. 1. P. 46–76.
Stray Ch. From odium to bellum: classical scholars at war in Europe and America, 1800–1924 // Classical Receptions Journal Vol. 10, Iss. 4, 2018. P. 356–375.
Zimmern A. Athens and America // Classical Journal. 1947. Vol. 43, No. 1. P. 2–11.
Zimmern A. Our Greek Augustan Age // Classical Journal. 1951. Vol. 46, No. 7. P. 325–330.

Ашаева Анастасия Валерьевна, *кандидат исторических наук, младший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН; ashaeva.nv@gmail.com*

Reception of antiquity in the Cold war period (1946–1953)

The article is devoted to a case of reception of antiquity in political rhetoric of the early cold war (1946–1953). Political situation in the USA (anti-communism and McCarthy Era) and in the USSR (ideological campaigns of late Stalinism) pressed ancient historians much, so they used ancient history for actualization and substantiation of their position in ideological conflict. Thucydides' description of the Peloponnesian war between Athens and Sparta became a specific 'ancient Greek mirror' of the real situation in international affairs of the mid-20th c. Two scientific journals, "Classical Journal" in the USA and "Vestnik drevnei istorii" (VDI) in the USSR became the panel of political discussion on the historical background. The argumentation was close in both cases, so we may speak about specific political apology on the base of ancient history, which took place in the early cold war period.

Keywords: reception of antiquity, Cold war, Thucydides, Vestnik drevnei istorii

Anastasia Ashaeva, *PhD in History, research fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; ashaeva.nv@gmail.com*

К ЮБИЛЕЮ

А. А. Ширинянц

«МЫ НЕ ДАЛЬШЕ, МЫ ВЫШЕ»: К.М. АНДЕРСОН В НАУКЕ И ОБРАЗОВАНИИ*

Статья посвящена замечательному российскому ученому и педагогу – Кириллу Михайловичу Андерсону, чей 70-летний юбилей отмечался в 2019 г. Представлен краткий очерк жизненного пути юбиляра, обоснован вывод о том, что работа по организации архивного дела в России, педагогическая деятельность в университете, популяризация науки в СМИ, многочисленные переводы и документальные публикации, монографические исследования и статьи – все это позволяет говорить о том, что К.М. Андерсон по праву занимает почетное место в ряду исследователей истории общественной мысли, организаторов и популяризаторов науки, университетских педагогов.

***Ключевые слова**: Андерсон К.М., Институт всеобщей истории АН СССР, Российский государственный архив социально-политической истории, МГУ имени М.В. Ломоносова, история социально-политической мысли.*

История социально-политической мысли, другими словами, «критика идей», наряду с политической философией и политической социологией – важнейшая, конститутивная часть политической науки. Известно, что без истории нет теории. Более того, в известном смысле история политической мысли – это сама политология, политическая наука, представляющая собой, как и любая наука, массив непрерывно пополняемого и обновляемого научного наследия. С такой точки зрения, справедливым будет следующее умозаключение: с одной стороны, представление о том, что такое история политологии, основано на определенном видении того, что такое политология, с другой – представление о том, что такое политология, определяется тем, как осмыслена ее история[1]. Для тех, кто изучает историю мысли, главной задачей научной деятельности можно признать сохранение исторической памяти, возвращение забытых имен, публикацию и републикацию важнейших социально-политических текстов, созданных мыслителями прошлого. Поэтому в системе политологического знания сегодня, наряду с историей социально-политической мысли, развивается как наука и учебная дисциплина политическая текстология[2].

Большую роль в научном развитии истории социально-политических учений в России и в становлении политической текстологии в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова играет замечательный ученый и педагог – Кирилл Михайлович Андерсон, которому 22 июля 2019 года исполнилось 70 лет.

* В основе статьи – выступление на Международной научной конференции «Политика – в текстах, тексты – в политике (к 70-летию доцента К.М. Андерсона)» (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 18 октября 2019 г.).

[1] См.: Русская социально-политическая мысль 2005: 8-9; Андерсон, Мырикова 2009.

[2] Андерсон, Бойцова 2013; 2014; 2016; Акулова, Артамонова 2017; Ширинянц 2018; 2019.

История социально-политических учений – направление исследований, опирающееся на традиции отечественной школы истории общественной мысли. К.М. Андерсон, в какой-то мере, живое воплощение этих традиций. Волею судьбы он оказался связан с главными оплотами истории социальной мысли – сначала с сектором произведений К. Маркса и Ф. Энгельса Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, где принимал участие в подготовке собрания сочинений Маркса и Энгельса на английском языке и прошел хорошую школу археографии, текстологии, затем – с отделом истории общественной мысли и социальных движений Института всеобщей истории АН СССР, в котором трудился рядом с исследователями высочайшего уровня – В.С. Библером, В.М. Володарским, И.Н. Осиновским, Б.Ф. Поршневым, Т.А. Павловой, Л.С. Чиколини. Его «духовными учителями» стали крупнейшие специалисты по утопическому социализму А.Э. Штекли и Г.С. Кучеренко. Под руководством последнего К.М. Андерсон успешно защитил кандидатскую диссертацию «Оуэнизм и формирование идеологии британского кооперативного движения первой половины XIX в.».

О Роберте Оуэне и своем исследовании его учения К.М. Андерсон высказывается честно «А что касается Оуэна, то поначалу как-то не складывались у меня с ним отношения, потому что, в отличие от сумасшедшего Фурье, от безумного Сен-Симона (гениально безумного и гениально сумасшедшего), Оуэн как-то очень прямолинеен, очень скучен и очень пресен. …И пока я не нашел своего видения, своего Оуэна, в общем-то, я им тяготился. А когда нашел, стало все гораздо интереснее, потому что, скажем так, появился мой Оуэн, который кому-то понравится меньше, чем Оуэн других историков, но, по крайней мере, это мой, и его можно отличить от других. В этом-то смысл истории и заключается, чтобы найти свою точку зрения, создать свой портрет, свою картину. Это где-то сродни писательству, только писатель имеет больше права на домыслы, вымыслы, на домысливание, а историк обязан опираться на те материалы, на те свидетельства и доказательства, которые есть. Без доказательств мы не можем существовать. Другое дело, что большей частью эти доказательства достаточно либеральны, их можно толковать и так, и так: стакан наполовину полон или наполовину пуст, и то и другое – правда»[3].

Диссертация была успешно защищена, на ее основе в издательстве «Наука» вышла книга «Оуэнисты в Британии…»[4]. Главный сюжет книги – трансформация социально-политических доктрин в процессе их распространения в обществе. Сложившаяся в отечественной историографии еще в 1920-е гг. концепция развития общественной мысли сосредотачивалась на анализе сочинений отдельных авторов, сопоставлении их взглядов с положениями марксизма в его «научно-коммунистической» версии. Под влиянием Б.Ф. Поршнева, в 1970-е гг. намечается переход от статичного описания доктрин к анализу динамики их распространения в разных

[3] Андерсон 2010.
[4] Андерсон 1989.

социальных сферах, их интерпретации учениками и приверженцами, влияния на массовые организации и обратное влияние практики на доктрины. В данном случае, К.М. Андерсон, на примере, пожалуй, самого влиятельного реформатора XIX в., прослеживает историю возникновения оуэнизма, как течения, не тождественного учению Роберта Оуэна, раскрывает воздействие его положений на кооперативное движение, одно из самых многочисленных в то время. Новый ракурс смещал фокус с личности Оуэна на его учеников и последователей, роль которых преуменьшалась ранее, а их творчество практически не изучалось. Отличало эту работу и то, что автор использовал новые источники, прежде всего прессу XIX века, памфлеты и агитационные материалы, позволившие по-новому взглянуть на отношения основоположников учений с их учениками-интерпретаторами (проблема непреходящая для истории общественной мысли – Сен-Симон и сенсимонизм, Маркс и марксизм и т.д.) Кстати говоря, спустя годы, К.М. Андерсон «развернулся» к Оуэну и издал интересный сборник «Роберт Оуэн: жизнь и идеи»[5].

После защиты диссертации, К.М. Андерсон был вовлечен в научную организационно-управленческую деятельность: заведовал отделом истории общественной мысли Института всеобщей истории АН СССР, позже стал директором Российского государственного архива социально-политической истории и руководил им шестнадцать лет. Работал в многочисленных общественных организациях – был вице-президентом Советского общества по изучению XVIII в., членом правления Международного фонда Маркса-Энгельса, координационного совета Международной Ассоциации институтов рабочей истории, получил международное признание как ученый и организатор науки, стал «Почетным архивистом» России, награжден медалью «В память 850-летия Москвы», императорскими медалью «За усердие и помощь» и орденом Св. Анны 3-й ст.

По приглашению заведующего кафедрой истории социалистических учений философского факультета, профессора Н.И. Бочкарева, в 1981 г. К.М. Андерсон начал преподавать в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова. В 1990 г. кафедра была переименована и стала кафедрой истории социально-политических учений, а в 2008 г. вошла в состав созданного в МГУ факультета политологии.

Об истории мысли К.М. Андерсон готов говорить долго и мудро: «Мы привыкли к линейному течению времени, линейное течение можно представить так: мы идем по плоскости и идем, но в нашем представлении линейное движение – это какой-то подъем. То есть с каждым годом все светлей и радостней нам жить… соответственно, те, кто был до, они оказываются где-то там… а мы выше. Мы не дальше, мы выше. А на самом деле все эти эпохи – отдельные острова, которые связаны какими-то проливами, но это отдельные острова. Линейное восприятие, которое нам свойственно, иногда вредит пониманию общей картины развития»[6].

[5] См.: Роберт Оуэн 2014.
[6] Андерсон 2010.

В своей преподавательской работе доцент факультета политологии К.М. Андерсон успешно соединил традиции академической и университетской науки. Опыт подобного сочетания был передан многим ученикам (под научным руководством К.М. Андерсона подготовлены шесть кандидатов наук, более сотни специалистов, бакалавров и магистров). Перечень тем диссертационных работ учеников К.М. Андерсона впечатляет и свидетельствует о широте интересов и энциклопедичности познаний их учителя: «Последствия промышленной революции и урбанизации в английской и французской политической мысли XIX – начала XX в.» (Авакян Д.А., 2017); «Политическая теория Г. Дж. Уэллса» (Яковлева А.Ф., 2007); «Политическая доктрина Трудовой народно-социалистической партии: 1906–1920» (Емельянов Е.В., 2005); «Политическая идеология французского консерватизма первой половины XIX века» (Гордеев К.А., 2003); «Чарльз Кингсли и английский христианский социализм середины XIX века» (Новиченко И.Ю., 2001); «Анархизм в общественной мысли Британии в конце XIX в.» (Копылова М.А., 1995). О качестве этих работ говорит то, что многие из них были изданы как монографии[7].

К.М. Андерсон блестяще читает общие курсы лекций по истории социально-политических учений зарубежных стран и по истории зарубежной конфликтологии для студентов факультета политологии и философского факультета МГУ. Востребованы его межфакультетские курсы «Принуждение к счастью: политический радикализм Нового времени» и «Государства обетованные: социальные утопии Нового времени». Успехом пользуются курсы «Источниковедение истории политической мысли», «История социально-политической мысли: источники и археография», «Поиск и обработка научной информации». Однажды К.М. Андерсон заметил: «…любое ремесло, а ремесло историка тем более – оно самое разнообразное: преподавание, какая-то популяризация знаний, телевидение… Преподавание – это одна из наиболее живых, приятных, большей частью, и полезных форм применения ремесла историка. Оно заставляет держать форму, ты видишь реакцию, тебя заставляют быть в тонусе, следить за новинками, и прочее, и прочее»[8]. Действительно, преподавание, как верно считает Андерсон-доцент, – форма популяризации научных знаний. Отсюда разнообразные приложения ремесла самого Андерсона-историка: от разработки сугубо академических сюжетов, до написания предисловий к изданиям для юношества, сценариев телевизионных передач, участия в радио и телепрограммах[9].

---

[7] См.: Авакян 2020; Яковлева 2006; Емельянов Е.В. 2004; Новиченко 2001, и др. Не менее интересные темы исследуют под научным руководством К.М. Андерсона и студенты. Например, в 2018-2019 гг. были защищены выпускные квалификационные работы «Идейные истоки политической концепции В. Вильсона», «Политические идеи Ж. Сореля: история и современность», «Расовый вопрос в идеологической деятельности Коминтерна», «Социально-политические воззрения У. Морриса», «Формирование англосаксонской традиции феминизма в XIX – начале XX века» и др.

[8] Андерсон 2010.

[9] См.: Андерсон 1989; Андерсон 2002; Библейские легенды 1992; и др.

Еще одна цитата «из Андерсона»: «Есть вещи, которые я делал и которые можно назвать чисто академическими, хотя даже в академических вещах я всегда старался писать литературно, потому что язык – это тоже орудие ремесла. В конце концов, ни один человек на этом свете не обязан читать тебя. Если ты хочешь, чтобы тебя прочли, пиши так, чтобы тебя читали. Я писал для детской литературы, в основном, предисловия. Это другой стиль, другое предназначение. Честно могу сказать, что недавно попалась мне пара моих книжек, которые где-то валялись. По-моему, «Сэр Найджел» Конан Дойла, Вальтер Скотт «Талисман», «История Англии для детей» Диккенса… я для них писал предисловия. А, кстати, верх нахальства, я писал предисловие к Библии для детей. Тогда издательство детской литературы выпустило…»[10].

Владея пятью европейскими языками и хорошими редакторскими навыками, К.М. Андерсон много сделал в области публикации документальных источников (от перевода и археографической подготовки работ мыслителей XIX века[11] до участия в качестве подготовителя и редактора изданий архивных материалов[12]). Так, первая публикация на русском языке проекта американского утописта, основателя Рабочей партии штата Нью-Йорк (1829) Т. Скидмора вышла в знаменитой «волгиновской серии» «Предшественники научного социализма»[13]. Как считает К.М. Андерсон, сочинение Скидмора не только отражает особенности американской мысли того периода, пережившей всплеск интереса к радикальным утопиям, но, парадоксальным образом, теоретически предваряет, в частности, то, что было сделано в новейшей России в ходе ваучерной приватизации 1992–1994 гг.

Характерно высказывание К.М. Андерсона о крупнейшем советском историке домарксистской мысли академике В.П. Волгине и о самой истории мысли: «Он был больше подверстан, скажем, под историю домарксистских учений. В какой-то степени это был волгинский вариант, потому что Волгин сделал несколько очень хороших вещей: во-первых, он выделил историю общественной мысли (пускай домарксистской, а не марксистской) в отдельное направление, и это действительно отдельное направление. Собственно, одно направление в истории отличается от другого только источниками, какими источниками вы пользуетесь. Если вы пользуетесь определенными источниками, то это требует определенной методики, определенной техники работы с этими источниками. Скажем, для истории общественной мысли это авторские тексты, пресса, публицистика, художественная литература. Тот же самый Томас Мор, его «Утопия» – художественная литература. Это иконография…»[14].

[10] Андерсон 2010.
[11] См.: Скидмор 1988, и др.
[12] См.: Klehr, Haynes, Anderson 1998; Россия в Великой войне 2014, и др.
[13] Одним из рецензентов выступил заведующий кафедрой истории социалистических учений философского факультета МГУ, д.ф.н. Н.И. Бочкарев.
[14] Андерсон 2010.

Ряд изданий документальных источников, в подготовке которых участвовал К.М. Андерсон, получил признание научной общественности, а некоторые книги были удостоены наград[15]. Не менее значимы его научные публикации, посвященные разнообразным сюжетам и темам истории социально-политической мысли. Обладая хорошим литературным стилем, К.М. Андерсон в своем творчестве тяготеет к жанру исторического портрета, часто принимающего форму эссе, сочетающего научный анализ с занимательностью изложения. Как пример можно привести книгу К.М. Андерсона об У. Черчилле, которая стала бестселлером, во многом потому, что в ней, по словам автора, нарисован исторический портрет без прикрас, представляющий сэра Черчилля человеком случая, правда, умевшим порой им пользоваться[16].

Все это свидетельствует о том, что К.М. Андерсон по праву занимает почетное место в ряду исследователей истории общественной мысли, организаторов и популяризаторов науки, а, главное – университетских педагогов.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Авакян Д.А. Промышленная революция и урбанизация в английской и французской политической мысли XIX – начала XX века. М.: Наука, 2020. 86 с. [Avakyan D.A. Promyshlennaya revolyutsiya i urbanizatsiya v angliyskoy i frantsuzskoy politicheskoy mysli XIX - nachala XX veka. M.: Nauka, 2020. 86 s.].

Акулова А.А., Артамонова Ю.Д., и др. Текст остаётся текстом? (круглый стол) // Вестник Московского государственного областного университета. 2017. № 2. URL: http://evestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/806. [Akulova A.A., Artamonova Yu.D., i dr. Tekst ostayotsya tekstom? (kruglyy stol)] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. 2017. № 2. URL: http://evestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/806].

Андерсон К. Невыдуманная история, рассказанная Чарлзом Диккенсом // Диккенс Ч. История Англии для детей / A Child`s History of England. М.: АСТ, Астрель, 2002. С. 5-11. [Anderson K. Nevydumannaya istoriya, rasskazannaya Charlzom Dikkensom // Dikkens CH. Istoriya Anglii dlya detey / A Child`s History of England. M.: AST, Astrel', 2002. S. 5-11.].

Андерсон К.М. О советской интеллигенции, эстетических предпочтениях сталинских министров и встрече с убийцей Троцкого. Беседа 26 марта 2010 года. Ведущий Б.А. Прокудин // Устная история. URL: http://oralhistory.ru/members/anderson. [Anderson K.M. O sovetskoy intelligentsii, esteticheskikh predpochteniyakh stalinskikh ministrov i vstreche s ubiytsey Trotskogo. Beseda 26 marta 2010 goda. Vedushchiy B.A. Prokudin // Ustnaya istoriya [Elektronnyy resurs]. URL: http://oralhistory.ru/members/anderson].

Андерсон К.М. Оуэнисты в Британии: Утопический социализм и общественные движения в Англии, 1810–1830-е гг. / Отв. ред. Л.С. Чиколини. М.: Наука, 1989. 256 с. [Anderson K.M. Ouenisty v Britanii: Utopicheskiy sotsializm i obshchestvennyye dvizheniya v Anglii, 1810–1830-ye gg. / Otv. red. L.S. Chikolini. M.: Nauka, 1989. 256 s.].

Андерсон К.М. Уинстон Черчилль. Политик на все времена. М.: АСТ – Пресс, 2013. (Серия «Путеводитель по истории мира»). 128 с. [Anderson K.M. Uinston Cherchill'. Politik na vse vremena. M.: AST – Press, 2013. (Seriya «Putevoditel' po istorii mira»). 128 s.].

[15] Сборник «Кремлевский кинотеатр. 1928–1953. Документы» отмечен в 2006 г. дипломом Гильдии киноведов и кинокритиков, книга «Отечество в Великой войне 1941–1945 гг. Образы и тексты» стала победителем Всероссийского конкурса «Просвещение через книгу» за 2016 г. в номинации «Лучшая духовно-патриотическая книга». – См.: Кремлевский кинотеатр 2005; Отечество в Великой войне 2015.

[16] Андерсон 2013.

Андерсон К.М. Утописты и прагматики: эпизоды истории общественной мысли Запада / Под ред. А.А. Ширинянца. М.: Изд-во Московского университета, 2019. (Сер. «Библиотека факультета политологии МГУ»). 386 с. [Anderson K.M. Utopisty i pragmatiki: epizody istorii obshchestvennoy mysli Zapada / Pod red. A.A. Shirinyantsa. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2019. (Seriya «Biblioteka fakul'teta politologii MGU»). 386 s.].

Андерсон К.М., Бойцова О.Ю., и др. «Политическая текстология как наука и учебная дисциплина»: круглый стол // SCHOLA-2013: Материалы международной научной конференции «Политика в текстах – тексты в политике: наука истории идей и учений» / Под ред. Шутова А.Ю., Ширинянца А.А.; сост. Волошин А.И. М.: Изд-во Московского университета, 2013. С. 341-357. [Anderson K.M., Boytsova O.Yu., i dr. «Politicheskaya tekstologiya kak nauka i uchebnaya distsiplina»: kruglyy stol // SCHOLA-2013: Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Politika v tekstakh - teksty v politike: nauka istorii idey i ucheniy» / Pod red. Shutova A.Yu., Shirinyantsa A.A.; sost. Voloshin A.I. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2013. S. 341-357.].

Андерсон К.М., Бойцова О.Ю., и др. Политическая текстология как наука и учебная дисциплина: материалы круглого стола // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2014. № 4. С. 110-136. [Anderson K.M., Boytsova O.Yu., i dr. Politicheskaya tekstologiya kak nauka i uchebnaya distsiplina: materialy kruglogo stola // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskiye nauki. 2014. № 4. S. 110-136.].

Андерсон К.М., Бойцова О.Ю., и др. Актуальные вопросы истории социально-политических учений и политической текстологии: материалы круглого стола // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2016. № 4. С. 91-127. [Anderson K.M., Boytsova O.Yu., i dr. Aktual'nyye voprosy istorii sotsial'no-politicheskikh ucheniy i politicheskoy tekstologii: materialy kruglogo stola // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskiye nauki. 2016. № 4. S. 91-127.].

Андерсон К.М., Мырикова А.В., и др. Политология как история идей: материалы круглого стола // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. 2009. № 4. С. 65-81. [Anderson K.M., Myrikova A.V., i dr. Politologiya kak istoriya idey: materialy kruglogo stola // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12: Politicheskiye nauki. 2009. № 4. S. 65-81.].

Библейские легенды / Пересказ М. Письменного; Вступление К. Андерсона; Иллюстрации Г. Доре. М.: Детская литература; Фонд помощи развития культуры, 1992. 285 с. [Bibleyskiye legendy / Pereskaz M. Pis'mennogo; Vstupleniye K. Andersona; Illyustratsii G. Dore. M.: Detskaya literatura; Fond pomoshchi razvitiya kul'tury, 1992. 285 s.].

Емельянов Е.В. Социально-политический идеал народных социалистов (1906-1920). М.: Социально-политическая мысль. 2004. 37 с. [Yemel'yanov Ye.V. Sotsial'no-politicheskiy ideal narodnykh sotsialistov (1906-1920). M.: Sotsial'no-politicheskaya mysl'. 2004. 37 s.].

Кремлевский кинотеатр: 1928-1953: документы / сост.: К. М. Андерсон [и др.]; ред. Г. Л. Бондарева; [Л. В. Максименков - введение]. М.: РОССПЭН, 2005. (Серия «Культура и власть от Сталина до Горбачева»). 1117 с. [Kremlevskiy kinoteatr: 1928-1953: dokumenty / sost.: K. M. Anderson [i dr.]; red. G. L. Bondareva; [L. V. Maksimenkov – vvedeniye]. M.: ROSSPEN, 2005. (Seriya «Kul'tura i vlast' ot Stalina do Gorbacheva»). 1117 s.].

Новиченко И.Ю. Чарльз Кингсли и английский христианский социализм середины XIX века. М.: РОССПЭН, 2001. 296 с. [Novichenko I.Yu. Charl'z Kingsli i angliyskiy khristianskiy sotsia-lizm serediny XIX veka. M.: ROSSPEN, 2001. 296 s.].

Отечество в Великой войне 1941-1945 годов. Образы и тексты / Под общ. ред. А.К. Сорокина, А.Ю. Шутова; авт.-сост. К.М. Андерсон [и др.]. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 280 с. [Otechestvo v Velikoy voyne 1941-1945 godov. Obrazy i teksty / Pod obshch. red. A.K. Sorokina, A.YU. Shutova; avt.-sost. K.M. Anderson [i dr.]. M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2015. 280 s.].

Роберт Оуэн: Жизнь и идеи / Сост. К.М. Андерсон, А.А. Зоткин; Вступ. статья К.М. Андерсона; Подг. текстов: А.Н. Линде, О.Д. Тальской при участии А.И. Волошина; Под редакцией К.М. Андерсона, А.А. Ширинянца. М.: Издательство Московского университета, 2014. (Серия «Библиотека факультета политологии МГУ»). 272 с. [Robert Ouen: Zhizn' i idei / Sost. K.M. Anderson, A.A. Zotkin; Vstup. stat'ya K.M. Andersona; Podg. tekstov: A.N. Linde, O.D. Tal'skoy pri uchastii A.I. Voloshina; Pod redaktsiyey K.M. Andersona, A.A. Shirinyantsa. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2014. (Seriya «Biblioteka fakul'teta politologii MGU»). 272 s.].

Россия в Великой войне 1914-1918 годов. Образы и тексты / Под общ. ред. А.К. Сорокина, А.Ю. Шутова; авт.-сост. К.М. Андерсон [и др.]. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 280 с. [Rossiya v Velikoy voyne 1914-1918 godov. Obrazy i teksty / Pod obshch. red. A.K. Sorokina, A.Yu. Shutova; avt.-sost. K.M. Anderson [i dr.]. M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2014. 280 s.].

Русская социально-политическая мысль X - начала XX века: Учебно-методическое пособие. Часть I. История политических учений России X–XVII вв.: От Киевской Руси до Московского царства / Под ред. С.В. Перевезенцева / Авт.-сост.: Д.В. Ермашов [и др.]. М.: Информационно-издательская продюсерская компания «Ихтиос», издательство Социально-политическая мысль, 2005. 156 с. [Russkaya sotsial'no-politicheskaya mysl' X - nachala XX veka: Uchebno-metodicheskoye posobiye. Chast' I. Istoriya politicheskikh ucheniy Rossii X–XVII vv.: Ot Kiyevskoy Rusi do Moskovskogo tsarstva / Pod red. S.V. Perevezentseva / Avt.-sost.: D.V. Yermashov [i dr.]. M.: Informatsionno-izdatel'skaya prodyuserskaya kompaniya «Ikhtios», izdatel'stvo Sotsial'no-politicheskaya mysl', 2005. 156 s.].

Скидмор Т. Права человека на собственность / Пер. с англ., коммент. и вступит. статья К.М. Андерсона; Отв. ред. И. Н. Осиновский. М.: Наука, 1988. (Серия «Предшественники научного социализма»). 448 с. [Skidmor T. Prava cheloveka na sobstvennost' / Perevod s angliyskogo, kommentarii i vstupitel'naya stat'ya K. M. Andersona; Otv. red. I.N. Osinovskiy. M.: Nauka, 1988. (Seriya «Predshestvenniki nauchnogo sotsializma»). 448 s.].

Ширинянц А.А. Политическая текстология в Московском университете // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Сер.1. Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. 2019. № 1. С. 145-150. [Shirinyants A.A. Politicheskaya tekstologiya v Moskovskom univiersitietie // Viesnik Hrodzienskaha dziaržaŭnaha ŭniviersiteta imia Janki Kupaly. Sieryja 1. Historyja i archiealohija. Filasofija. Palitalohija. 2019. № 1. S. 145-150].

Ширинянц А.А. Политическая текстология как наука и учебная дисциплина. Проблемы становления // Современная наука и инновации, 2018. № 4. С. 228-234 [Shirinyants A.A. Politicheskaya tekstologiya kak nauka i uchebnaya distsiplina. Problemy stanovleniya // Sovremennaya nauka i innovatsii, 2018. № 4. S. 228-234].

Яковлева А.Ф. Новые миры Герберта Уэллса: реальность вместо фантастики. М.: Управление технологиями, 2006. 136 с. [Yakovleva A.F. Novyye miry Gerberta Uellsa: real'nost' vmesto fantastiki. M.: Upravleniye tekhnologiyami, 2006. 136 s.].

Klehr H., Haynes J.E., Anderson K.M. The Soviet World of American Communism. New Haven and London: Yale University Press, 1998. 377 p.

***Ширинянц Александр Андреевич**, доктор политических наук, профессор, заведующий, кафедра истории социально-политических учений, факультет политологии, МГУ имени М.В. Ломоносова, jants@yandex.ru*

«We are not ahead, we are above»: Kirill Anderson in science and education

The article is devoted to prominent Russian scholar and pedagogue Kirill M. Anderson, whose 70-year jubilee was celebrated in 2019. A short biographical essay leads to conclusion that his efforts to reform Russian archives, lecturing at the University, and participation in TV programmes, documentary publications, his own monographies and articles, make it possible to place him among prominent historians, science managers, and university lecturers.

***Keywords:** Anderson K.M., Institute of General History, Russian State Archive of Social-Political History, MSU, history of social-political doctrines.*

***Aleksandr Shirinyants,** Dr.Sc. (Political Sciences), Professor, Head of Department of History of Social and Political Doctrines, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, jants@yandex.ru*

К. М. Андерсон, О. Д. Тальская

РАЙ ВСКЛАДЧИНУ, ИЛИ ОЗАРЕНИЯ ДЖОНА А.ЭТЦЛЕРА

В статье исследуется творчество Джона Адольфуса Этцлера (1791–1846?), американского инженера, чья книга «Рай, доступный каждому без приложения труда, посредством сил природы и механизмов…» (1833) оставила заметный след в истории англосаксонской общественной мысли и массовых движений середины XIX в., став одним из первых образцов социально-технологических утопий. Основная идея книги – мысль о том, что машины освободят человечество от труда, и оно будет наслаждаться праздной жизнью. Помимо рассуждений о «машинизации» (сегодня это называется «роботизацией»), интересны предвидения Этцлера об использовании природных сил (созвучно нынешним солнечным батареям, приливным электростанциям, ветрякам и проч.). Приводятся отрывки из книги, впервые переведенные на русский язык.
Ключевые слова: *Д.А. Этцлер, Р. Оуэн, социальная утопия, американская общественная мысль, утопический роман, технологическая утопия, промышленная революция, энергетические ресурсы, физический труд*

Утопающий в зелени садов, окружающих безупречные здания, остров плавно и споро двигался по неспокойному океану, невзирая на встречный ветер. По выложенным плитами дорожкам фланировали мужчины и женщины, одетые модно и добротно, кто-то играл в мяч, рисовал или читал. Во всем ощущалась неспешность, но стоит ли торопить время счастливого досуга? Островитяне не ведали иного занятия, кроме наслаждения жизнью, ибо они, как и те, кто осел на материковой земле, были свободны от бремени каждодневного труда: всем необходимым обеспечивали механизмы, питающиеся неисчерпаемыми запасами энергии природы, заложенными в силе ветра, приливов, солнечного тепла…

Джон Адольфус Этцлер, автор этой идиллии, не посягал на лавры преподобного Джонатана Свифта, описавшего летучий остров Лапуту, куда он заслал доктора Гулливера. Более того, сравнение с английским сочинителем было бы оскорбительно для него, ибо он, немец, недавно ставший американцем, инженер по призванию и отчасти по образованию, предлагал не занимательные россказни об иных мирах, а деловой, научно выверенный проект, способный освободить человечество от необходимости трудиться, превратив земную жизнь в подобие рая, открытого каждому. Порыв, вполне отвечавший духу промышленной революции, порождавшей, как всякая революция, ощущение неустойчивости, множившей изобретения, в свою очередь преумножавших богатства мира в целом и нищету конкретных людей. В славную викторианскую пору многие доброхоты предлагали свои пути к всеобщему счастью, или хотя бы довольству. Некоторые создавали универсальные

системы, опирающиеся на философию, политэкономию, историю и прочие науки, становились основоположниками влиятельных школ и движений[1]. Наряду с «титанами», в той же интеллектуальной среде обитали тысячи авторов «второго плана», совокупное творчество которых решительно превосходило по объему, если не по влиянию, сочинения корифеев. Не снискавшие вселенской славы, не чуравшиеся заимствований, они все же были достаточно самобытны, о чем свидетельствует история Джона Адольфуса Этцлера (1791–1846).

Он оставил после себя скромное наследие, да и жизнь его лишена захватывающих эпизодов, хотя заурядной ее не назовешь. Уроженец Пруссии, в 1831 г. вместе с Йоханом Рёблингом, впоследствии прославленным строителем знаменитого Бруклинского моста, и группой подвижников, мечтавших о совершенной форме общества, он перебрался в Соединенные штаты, где, как полагали многие, меньше предрассудков и больше свободы[2]. Идеалисты чаще прагматиков затевают ученые споры, перерастающие в ссоры. Так случилось и в общине Саксонбург, которую Этцлер и его сторонники вскоре покинули. Не обретя земного рая, Этцлер созидает Эдем книжный, опубликовав в 1833 г. в Питтсбурге, штат Пенсильвания, «Рай в пределах достижимого для каждого, без человеческого труда, силами природы и механизмов»[3]. В 1836 г. книга вышла в Англии и была замечена частью общества, увлеченной решением социальных проблем. Среди проектов был план эмиграции рабочих из перенаселенной Британии в менее многолюдные края, в частности Венесуэлу. Появился замысел соединить оба проекта, но его воплощение завершилось неудачей с криминальным душком[4]. Этцлер, втянутый в эту историю, предпочел уйти в тень, затаившись до конца дней. Впрочем, никто его особенно и не искал.

В любом произведении, проступают черты его творца, даже если он пытается скрыть их. Этцлер пишет на хорошем английском, видимо освоенном еще до эмиграции, но длинными, на немецкий манер, фразами, слогом напыщенным, модным в ту пору у американцев[5]. Он не превозносит себя, как это делал Оуэн, веривший в свою миссию спасителя[6], или Фурье, «сержант лавки», насмехавшийся над маршалами от философии, но и не принижает своей роли[7]. Его амплуа – изобретатель, вынужденный ради пользы дела обряжаться проповедником. «Внемлите, вы, философы, эпикурейцы, филантропы, вы – искатели философского

[1] В первую очередь, А. Сен-Симон, Ш. Фурье, Р. Оуэн, К. Маркс.
[2] Эта вера побуждала Р. Оуэна, Р. Саути и других реформаторов переселяться в Америку. См. Андерсон 1989: 53-77.
[3] Etzler 1836.
[4] При туманных обстоятельствах погибло несколько переселенцев.
[5] Мнение А. де Токвиля. См. Tocqueville 1888: 67.
[6] См. Андерсон 2019: 32-40.
[7] Суждения Ш. Фурье о философии см. Фурье 1938: 189.

камня, все, кто претерпел трудности и опасности, пересекая океан, ведомый жаждой денег, – взывает он, – прямой и короткий путь к исполнению ваших желаний открывается перед вами. Вы, изнемогшие от тягот трудов каждодневных, остановитесь на миг и обозрите дорогу, ведущую к новой жизни, свободной от трудов, полной наслаждений и удовольствий…»[8]. Выспренные словеса, уместные на амвоне, сменяются доводами коммивояжера, чтущего гроссбух паче всех Писаний. «Перед вами не… мошенническая схема, призванная обманом вытянуть ваши деньги, – уверяет он, – но серьезное описание надежных средств обретения величайшего счастья, вынесенное на ваше рассмотрение без утаек, честно и откровенно. От вас не требуется ни жертв, ни рисков, ни веры, а всего лишь незначительное усилие, необходимое, чтобы изучить это предложение»[9]. Ожидая подозрений в корысти, Этцлер упреждает вопрос: «Почему автор бесценного открытия предлагает бескорыстно публике то, что можно продать за миллионы? Отвечу прямо, я хочу продать мой продукт по самой высокой цене, которую я могу за него получить. Просто миллионы долларов, слишком низкая цена за мое открытие. Я хочу продать его намного дороже, за возможность узреть себя в кругу собратьев, наслаждающихся величайшим счастьем, доступным человеку… на земле. Если я не смогу получить столь высокую цену, я продам его по более низкой цене, уступив лишь за деньги другому народу или правительству, любому, кто согласится купить»[10]. Этцлер приводит еще несколько доводов, особо понятных американцам, почитающим, по наблюдению А. де Токвиля, доллар пуще всего на свете: личный вклад в предприятие не превысит цены лотерейного билета, а рай будет построен за пять, максимум десять лет[11]. Короткие инвестиции выгодны, особенно вложенные в миллениум…

Обещание солидного бонуса – уловка коммерсантов и реформаторов. Большинство социальных проектов живописало «государство обетованное» нарочито радужными красками, оставляя мрачные тона существующим порядкам. Впрочем, это не только риторический прием. Тяга к переменам порождается неприятием тех или иных явлений, человек всем довольный не жаждет изменений. Социальная критика – отправная точка любого плана преобразований, от фрагментарных до глобальных. Роберт Оуэн утверждал, что в царящих порядках нет ничего, заслуживающего сохранения[12], а близкий к нему Уильям Кинг видел изъян в отсутствии нравственной основы отношений рабочих и хозяев[13].

[8] Etzler 1836: IV.
[9] Ibid: III.
[10] Ibid: V.
[11] Ibid: VI.
[12] См.: Роберт Оуэн 2014: 76-93.
[13] См.: Андерсон 1982.

Этцлер пренебрегает философской аргументацией, что свойственно американской интеллектуальной традиции, весьма прагматической, чурающейся отвлеченных рассуждений, (хотя от немца, некогда вроде бы посещавшего лекции Гегеля, следовало бы ожидать иного). Кроме того, философия Этцлеру ни к чему, ибо в его рассуждениях отсутствует критика американской системы. Он полностью обходит такие сюжеты, как социальное неравенство, частная собственность, рабовладение, положение индейцев, политическое неравноправие и другие «болевые точки». Тем не менее, Этцлер предлагает изменить политическое устройство Штатов. В нем нет пагубных изъянов, оно предмет зависти других народов, оно недурно, но не подходит для его проекта, позволяющего за год обрести больше земных благ, нежели за предыдущие тысячелетия[14]. Не воспользоваться шансом сказочно разбогатеть? Упущенная выгода страшнее греха ниспровергательства…

Духовный мир викторианской эпохи напоминал калейдоскоп, в котором непрестанно обновлялись сочетания идей, иногда обособляясь, иногда являя примеры искусной эклектики, к которым можно отнести план Этцлера. Он разделял веру просветителей в созидательную мощь разума, которому подвластно все. Впрочем, не могло быть суждения более банального во времена, когда технические новшества сыпались как из рога изобилия, вызывая почти детский восторг. Однако при ближайшем рассмотрении рог оказался ящиком Пандоры, дарующим нищету, увязшие в фабричной копоти города, бездушные агрегаты, вытесняющие из мастерских труженика-умельца, как некогда овцы выжили вольных йоменов[15]. Синдром Франкенштейна[16], страх перед созданными человеком механическими силами, обретающими над ним безусловную власть, прочно утвердился в сознании современников.

Натиск мира машин, враждебного миру человека, походил на вторжение чужеродных тварей, сопротивление которым правомерно и достославно. Стихийное движение луддитов, разрушителей станков, прокатившееся по Британии в конце XVIII в., закончилось тем же, чем завершилось памятное сражение с ветряными мельницами благородного Дон Кихота, – поражением. В девятнадцатом столетии противостояние механической рати приняло форму луддизма интеллектуального. Умеренные недруги машин, к примеру, Роберт Саути, настаивали на законодательном ограничении их производства[17]. Настроенные более

---

[14] Etzler 1836: 6.

[15] Процесс огораживания привел к разорению английского крестьянства, по образному выражению Т, Мора, овцы пожрали людей (Мор 1978: 133).

[16] Персонаж одноименного романа Мэри Шелли, созданный человеком гомункулус, ополчившийся на людей.

[17] См. Андерсон 1981: 159. Даже Оуэн, полагавшийся на машинное производство, предлагал возделывать землю лопатой.

решительно, призывали избавить земной шар от механического наваждения. «День за днем они [машины] захватывают пространство вокруг нас, – негодовал Сэмюэль Батлер, – день ото дня мы становимся все более зависимыми от них; наступит час, когда машины обретут полное господство над миром. Смертельная война должна быть объявлена им. Любой механизм, любого рода должен быть уничтожен теми, кто желает добра своему роду»[18]. По другую сторону баррикад располагалась солидная армия поборников технического прогресса, намеренных подчинить природу воле человека. Их гимном могли бы стать строки Мэтью Арнольда: «Дерзай там, где должна природа отступить, глупец, с природою тебе в ладу не жить, иль превзойди ее, иль будь ее рабом»[19]**.** Утопические романы, пророчествующие о грядущих открытиях и изобретениях, меняющих облик планеты, пользовались во времена королевы Виктории не меньшим спросом, чем готический роман, или начавшие завоевывать рынок детективные истории.

Расхождения в отношении к механическим силам были, пожалуй, очевиднее и непримиримее разногласий в оценке роли частной собственности, классовых противоречий или функций государства. К какому лагерю принадлежал Джон Адольфус Этцлер?

Волею судеб он оказался связанным с двумя ветвями англосаксонской традиции: британской и американской. Имевшие общие корни, они давали разные побеги, ибо всходили на разной почве[20]. Социальная разруха, следствие революции промышленной, кошмар наяву для Британии, для бывшей ее колонии была всего лишь возможной, неявной перспективой. Отсталость порой во благо…

Человек – исходная точка построений Этцлера, на которой он, впрочем, не задерживается. Homo sapiens, существо инертное, покорное привычке. Если некогда его выдворили из рая, то наверняка за самый тяжкий грех из всех возможных, – пренебрежение драгоценным даром, которым наделил его Создатель, – способностью мыслить[21]. Леностью ума объяснимы псевдодобродетели, навязываемые человеку, в первую очередь так называемое трудолюбие. Он не обязан трудится, в поте лица добывая свой хлеб. Не оправдывая безделье, Этцлер отвергает вынужденный, отупляющий труд, который может уступить место делам, достойным человека[22]. Пока только немногим профессиональным уче-

[18] Butler 1914: 184-185. Сэмюэль Батлер (1835-1902) - викторианский писатель, автор утопического романа «Енигд» (Нигде).

[19] Arnold 1877: 9. Мэтью Арнольд (1822–1888) – английский поэт. Спустя десятилетия российский натуралист Мичурин схожим образом определит суть отношений между человеком и природой: «Нам нельзя ждать милости от природы, взять их у нее – наша задача».

[20] См. Андерсон 1985: 135.

[21] Etzler 1836: 54.

[22] Ibid: 53.

ным удается уделять время естественной истории, химии, другим наукам. Остальные, пребывая в невежестве, тратят жизнь на бездумный труд[23]. Дремучесть умов, лишь один из факторов, влияющих на судьбы человечества. Принято считать, будто наибольшее воздействие на индивида оказывают политические институты, законы, образ правления. Этцлер отходит от постулатов Просвещения. К условиям, определяющим жизнь и характер человека, он причисляет воздух, которым тот дышит, питание, чистоту воды и прочие приземленные вещи. Порой водовоз влиятельнее философа…

Джон Адольфус Этцлер не ополчается на природу, напротив, он напоминает лесника, собирающего для очага валежник, а не живые деревья. Для воплощения его замысла необходим мощный источник энергии, и он берется доказать, что «в нашем распоряжении имеется великое сверхизобилие природных сил, которые мы можем использовать с наибольшей выгодой для себя»[24]. Энергетические потребности общества с лихвой обеспечат силы ветра, приливов и солнца. Уголь, промышленная добыча которого в США начала развиваться как раз в 1830-е гг., Этцлер в реестр энергетических ресурсов не включает. Он полагается на три природных источника, неиссякаемых и по сути дармовых, что делает их особо привлекательными. Изобретатель Этцлер верует в неограниченные возможности использования этих сил, осталось лишь убедить сограждан. Деловой человек полагается не на слова, а на цифры. Неоднократно намекая на математическую достоверность своих выкладок, Этцлер приводит расчеты, яркие, но зыбкие. Так, поясняя достоинства силы ветра, он обнаруживает, что «средняя сила ветра равняется одной лошадиной силе на каждые сто квадратных футов поверхности», следовательно, парусная поверхность в 1000000 квадратных футов способна создать силу, равную 10000 лошадиных сил, или силе 100000 человек[25]. Подсчеты Этцлера основаны скорее на вере в магию чисел, нежели опытные данные. Не более убедительны и инженерные конструкции. Касаясь практического приспособления чудесных энергетических сил к повседневным нуждам людей, он ограничивается предположением, что разуму человека ничего не стоит придумать механизмы для адаптации. По крайней мере, ему Джону Этцлеру, уже видится решение этой задачи, но разве иллюзионист раскрывает свои секреты раньше, чем публика купит билеты? Впрочем, изредка он приоткрывает завесу, показывая общие очертания технической стороны проекта. Наибольших затрат потребует создание первых механизмов, которые, при минимальном участии человека, будут производить необходимые новые устройства, достаточные для обеспечения тысяч семей.

[23] Ibid: 90.
[24] Ibid: 3.
[25] Etzler 1836: 6-11.

Экономический эффект усилят технологические новшества. К примеру, из смеси цемента и раздробленных до сыпучего состояния камней, можно производить строительный материал, способный принимать заданную форму. Нечто подобное можно сделать, используя в качестве сырья древесные опилки и вязкую жидкость для отливки разных предметов, от мебели, до скульптур. На том же принципе может быть основано производство одежды: растительные волокна связываются клейким раствором и прессуются, полотну можно придать желаемую плотность, упругость, цвет, штамповать одежду любого фасона. Словом, Спаситель явится в облике машины, под звон шестерёнок…

В инженерном обосновании проекта просматриваются наметки сюжетов, весьма востребованных в наши дни: восполняемые источники энергии, роботизация, приливные и ветряные электростанции, солнечные батареи, синтетические ткани и еще немало озарений, не предвосхищавших будущие изобретения, но отмечавших траекторию движения мысли от постижения общих принципов к их практическому воплощению. Это процесс не быстрый. Целая эпоха отделяет первые опыты с электричеством от воссиявшей лампы накаливания. Но Этцлер не склонен ждать, поскольку ожидание вряд ли придется по душе потенциальным инвесторам. Рай будет обретен максимум за десять лет, подтверждают расчёты инженера Джона Этцлера.

В сравнении с несколько расплывчатыми технологическими выкладками, конечный продукт описан пространно, с обилием чарующих деталей, к примеру, перечислены научные дисциплины, книги по которым будут доступны обитателям поселений, созданных по замыслу Этцлера: естественная история, физика, история, география, минералогия и еще десятка два предметов. Не менее пунктуально прописаны занятия, коими можно позабавиться в саду, от пеших прогулок, наслаждения красотами природы, до изучения ботаники, садоводческих экспериментов и спорта. Обилие картинок из будущего делает коммерческое предложение Этцлера похожим скорее на утопический роман, нежели бизнес-план. Свобода от труда, предоставляемая проектом, неизбежно меняет сущность человека, превращая его из созидателя в потребителя. Девиз сочиненного Рабле Телемского аббатства – «делай, что хочешь» – вполне отвечал бы «райской» жизни по Этцлеру, с той лишь разницей, что в роли обслуги выступали бы не живые люди, а машины.

Если романист мог ограничиться изображением неких вымышленных порядков, то Этцлеру пришлось озаботиться маршрутом продвижения к чертогам обетованным. Маршрут в представлении Этцлера был далеко не метафорой прямолинейного перехода общества к счастью. Стремящиеся к счастью должны были переезжать в Соединённые Штаты Америки, «обширные и слабо заселённые»[26], зато, как было отмече-

[26] Etzler 1836: 124.

но ранее, с наиболее подходящим государственным устройством. Однако не вся земля была готова принять на себя «миллионы и десятки миллионов» переселенцев из Европы: «Болезни и преждевременная смерть, вызванные нездоровыми испарениями гнилых болот или гниющих овощей в их окрестностях… все дурные влияния сырости, жары и холода, неправильной пищи, чрезмерного напряжения своих телесных сил слишком часто были наградой за их похвальное рвение»[27]. Природу надо приручать, и с истинно немецкой щепетильностью Этцлер предлагает последовательность действий – сначала «одним из самых простых способов»[28] необходимо очистить землю от сора, обеспечив тем самым ее поистине райское плодородие, затем озаботиться строительством самых удобных жилищ, после чего взяться за различные бытовые вещи – одежду, мебель, машины и пр. Хозяйственное развитие немыслимо без хороших дорог, к которым Этцлер добавляет экстравагантное транспортное средство – «плавучие острова, построенные из ма-териалов, которые главным образом обеспечивает нынешний спонтанный рост древесины, для переправы через океан со скоростью 1000 миль в сутки. Эти большие плавучие средства, покрытые землей и постройками, приводимые в движение могучими двигателями, на которые могут одновременно воздействовать сила движения океана, ветер и жар солнца, будут использованы для доставки излишков продукции на отдаленные рынки и получения взамен излишков чужеземного климата и тысяч эмигрирующих семей для заселения новой подготовленной страны»[29].

Счастье не достигается сразу и просто так, хотя эмигранты этого и не заметят – они приедут на всё готовое и будут организованы в общины (communities)[30], которые являются главными собственниками всего и в сумме своей составляют новое государство благоденствия. Переустройство пройдет в три этапа.

Первый период – локальный, в ходе которого переселенцы должны будут обменяться всеми своими знаниями друг с другом и приступить к успешному землепашеству. Когда экспериментатор удостоверится, что развитие реальности затмевает его ожидания, он начинает доносить новости об успехе как в Америке, так и в Европе[31].

Во втором периоде главную роль играют ассоциации, которые и становятся ячейками будущего. Открывается прекрасная перспектива – фермер пашет землю на некогда пустынном и малопригодном для жизни берегу Миссисипи, а ассоциация обеспечивает ему жильё, склады, транспорт для торговли излишками и даже переговоры с американским

[27] Etzler 1836: 125.
[28] Ibid: 126.
[29] Ibid: 127.
[30] Ibid: 139.
[31] Ibid: 142.

правительством. «Даже самый бедный может иметь доступ к полному использованию новых средств, когда он пожелает»[32]. Однако ассоциация также требует определённых взносов продукцией, трудом, или деньгами, как это практикуется акционерными обществами, набиравшими вес в экономике той поры.

Второй период должен был укрепить основы благополучия переселенцев, объединенных в ассоциации, опирающиеся на твердые установления, образец которых начертал Этцлер. Присущая немецкой душе страсть к порядку, накладывается на неминуемую для индустриального общества тягу к стандартизации, или усреднению. Он разрабатывает, (не снисходя до чертежей), гипотетическую модель типового поселения. В грандиозных зданиях в одну шестнадцатую квадратной мили будут жить от тысячи до трёх тысяч человек, наделенных участком небольшим по размерам, всего в одну-три квадратные мили, но с землёй столь плодородной, что на ней смогут плодоносить чуть ли не забытые на поле лопаты. Объединённые в штат (state) сто общин могли бы легко обеспечить своих участников всем, что было бы необходимо для счастья[33]. В штатах, занимающих одинаковую площадь – пятьдесят на пятьдесят миль – «дело управления… будет очень простым, все будет регулироваться и обеспечиваться для всех одинаково»[34] как на уровне общины, так и на уровне их объединения.

В каждой общине всеми делами управляли бы пять комитетов, возглавляемых президентами. Продовольственный комитет отвечал за сельское хозяйство и снабжение общины съестными припасами. Комитет здравоохранения наблюдал за медициной и санитарным состоянием общины. В ведение комитета по образованию входила забота о народном просвещении. Комитет полиции наблюдал за общественной безопасностью. Важную функцию выполнял комитет развлечений и удовольствий, осуществлявший руководство тем, что в наши дни именуется управляемым досугом, в том числе «устранением непристойностей и помех увеселениям»[35]. Подобные функции те же самые пять комитетов выполняли и на общегосударственном, федеральном уровне. Президенты комитетов должны были регулярно отчитываться перед общиной на публичных собраниях, где право голоса имел каждый совершеннолетний член общины. На генеральной ассамблее штатов, куда прибывали депутаты от общин, решались важнейшие вопросы, в том числе юридические, поскольку ассамблея являлась и высшей судебной инстанцией.

Этцлер выступает поборником гендерного равноправия, что в те времена было в диковину. «Почему женская половина человечества

[32] Ibid: 143.
[33] Etzler 1836: 148.
[34] Ibid: 149.
[35] Ibid: 150-151.

должна быть исключена из всех общественных советов?»[36] – недоумевает он. В своем раю Этцлер позволяет всем взрослым женщинам организовать собственные советы, которые могли принимать решения, касающиеся жизни слабого пола.

Когда новая система управления распространится на все общины, наступит четвёртый период – период неограниченного пользования всеми доступными благами: «Через один-два года все возможные потребности могут быть удовлетворены, и воссияет рай»[37].

***

Проект Этцлера вне всяких сомнений амбициозен. Генри Торо, автор знаменитого повествования «Уолден, или жизнь в лесу» приписывал ему стремление властвовать над природой, поучая воду быть мокрее, птиц летать быстрее, огонь пламенеть жарче, лед холодить[38]. Но были ли личные амбиции инженера под стать величию его замысла?

Бросивший родные края в поисках лучшего мира, он искал лучшей доли и для себя. Желание осчастливить человечество сочеталось с надеждой на собственное благополучие, которое так и осталось миражом. Его затеи оборачивались провалом: венесуэльская авантюра не принесла ничего, кроме неприятностей, изобретенный им механический культиватор «Сателлит», задуманный как орудие революции в земледелии, не выдержал показательного состязания с допотопным плугом. Житейские неудачи смягчались умозрительными победами: овладением силами природы, освобождением от кабалы физического труда, материальным изобилием, гарантирующим прекращение распрей и вражды между людьми. Виделось и замирение народов, в чем решающую роль должны были сыграть Соединенные Штаты, утвердившие свою гегемонию в мире не силой оружия, а являя отсталым нациям пример благоденствия и просвещения, обретенных по рецепту Этцлера, натурализованного американца, не требующего наград, но не отвергающего разумного вознаграждения. Он не меркантилен, но прагматичен, готов поделиться даже изобретениями, которых пока нет, веруя, что здравая идея дождется своего часа, ибо неосуществленность не тождественна неосуществимости…

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Андерсон К.М. «Беседы» Роберта Саути // История социалистических учений: сб. статей. М.: Наука. 1981. С. 159-177. [Anderson K.M. «Besedy» Roberta Sauti // Istoriya socialisticheskih uchenij: sb. statej. M.: Nauka. 1981. S. 159-177.].

Андерсон К.М. «Земной рай» доктора Уильяма Кинга // История социалистических учений. М.: Наука, 1982. С. 88-110. [Anderson K.M. «Zemnoj raj» doktora Uil'yama Kinga // Istoriya socialisticheskih uchenij: sb. statej. M.: Nauka, 1982. S.88-110.].

[36] Ibid: 152.
[37] Ibid: 158.
[38] Thoreau 1843: 452.

Андерсон К.М. Оуэнисты в Британии. Утопический социализм и общественные движения в Англии, 1810-1830-е годы. М.: Наука, 1989. 251 с. [Anderson K.M. Ouenisty v Britanii. Utopicheskij socializm i obshchestvennye dvizheniya v Anglii, 1810-1830-e gody. M.: Nauka, 1989. 251 s.].

Андерсон К.М. Томас Скидмор: отголоски Просвещения или ростки американской утопии // История социалистических учений. М.: Наука, 1985. С. 107-135. [Anderson K.M. Tomas Skidmor: otgoloski Prosveshcheniya ili rostki amerikanskoj utopii // Istoriya socialisticheskih uchenij. M.: Nauka, 1985. S. 107-135.].

Андерсон К.М. Утописты и прагматики: эпизоды истории общественной мысли Запада. М.: Изд-во Московского ун-та, 2019. («Библиотека факультета политологии МГУ). 386 с. [Anderson K.M. Utopisty i pragmatiki: epizody istorii obshchestvennoj mysli Zapada. M.: Izd-vo Moskovskogo un-ta, 2019. («Biblioteka fakul'teta politologii MGU). 386 s.].

Мор Т. Утопия. М.: Наука,1978. 417 с. [Mor T. Utopiya. M.: Nauka,1978. 417 s.].

Роберт Оуэн: жизнь и идеи / К.М. Андерсон, А.А. Зоткин, А.А. Ширинянц, О.Д. Тальская. М.: Изд-во Московского ун-та, 2014. 272 с. [Robert Ouen: zhizn' i idei / K.M. Anderson, A.A. Zotkin, A.A. SHirinyanc, O.D. Tal'skaya. M.: Izd-vo Moskovskogo un-ta, 2014. 272 s.].

Фурье Ш. Теория четырех движений и всеобщих судеб. М.: Соцэкгиз, 1938. 312 с. [Fur'e SH. Teoriya chetyrekh dvizhenij i vseobshchih sudeb. M.: Socekgiz, 1938. 312 s.].

Arnold M. In Harmony with Nature // Arnold M. Poems. Vol. 1. L.: Macmillan and Co, 1877. P. 9.

Butler S. Darwin Among the Machines // Butler S. A First Year in Canterbury Settlement with Other Early Essays. L: A.C. Fifield, 1914. Pp. 179-185.

Etzler J.A. The Paradise within the reach of all men, without labour by powers of nature and machinery. An address to all intelligent men. L.: John Brooks, 1836. 216 pp.

Thoreau H.D. Paradise (to be) Regained // United States Magazine and Democratic Review. November 1843. Vol. XIII. № LXV. Pp. 451-463.

Tocqueville A. De la democratie en Amerique. P.: Calman Levy, 1888. 576 pp.

***Андерсон Кирилл Михайлович**, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории социально политических учений, факультет политологии, МГУ имени М.В. Ломоносова; kiranderson@mail.ru*

***Тальская Ольга Дмитриевна**, ассистент, кафедра истории социально-политических учений, факультет политологии МГУ имени М.В. Ломоносова; ollytalsky@gmail.com*

Co-Shared Paradise: the Visions of John A. Etzler

The article proposes an analysis of the project initiated by American engineer John Adolphus Etzler in 1830s aimed at substitution of human labour by mechanisms with the aid of the energy of wind, tide and sun.

***Keywords:** J.A. Etzler, R. Owen, social utopia, American social doctrines, utopian novel, technological utopia, industrial revolution, energetical resources, labour.*

***Anderson Kirill M.,** PhD of History, of Department of History of Social and Political Doctrines, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University; kiranderson@mail.ru*

***Talskaya Olga D.,** Assistant of Department of History of Social and Political Doctrines, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University; ollytalsky@gmail.com*

И. А. Козиков, М. С. Зверева, Б. Н. Карипов

«МИРЫ» АНДЕРСОНА (о книге «Утописты и прагматики: эпизоды истории общественной мысли Запада)

В статье-рецензии, посвященной новой книге К.М. Андерсона «Утописты и прагматики: эпизоды истории общественной мысли Запада» (М., 2019) показан особый подход автора, сочетающий различные приемы и средства научного исследования с ярким стилем повествования. Обосновывается вывод о том, что К.М. Андерсону удалось представить теоретические обобщения, делающие книгу важным вкладом в историю общественно-политической мысли. Эта книга-размышление о течениях общественной мысли Запада, важных событиях и персонах, заставляет задуматься о многих аспектах истории, ранее незамеченных, или принятых за пустопорожний вздор. «Миры», открытые К.М. Андерсоном, свидетельствуют, – утопия есть преждевременная истина, ждущая своего часа и своего историка.

Ключевые слова: *К.М. Андерсон, Р. Оуэн, оуэнизм, утопический социализм, история социально-политических учений, история Англии*

22 июля 2019 года исполнилось 70 лет со дня рождения исследователя, педагога и учителя, кандидата исторических наук, доцента кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова Кирилла Михайловича Андерсона. В честь юбилея Издательство Московского университета издало его очередной труд «Утописты и прагматики: эпизоды истории общественной мысли Запада»[1]. Эта книга имеет большое значение для политической науки и преподавания политологии в вузах страны.

К.М. Андерсон во всех своих трудах представляет историю не как хронику идей, но как процесс их появления и развития в социально-экономическом и интеллектуальном контексте эпохи. В данном случае, исследуемые в книге идеи, оказываются связаны с поисками справедливого общественного устройства на первых этапах развернувшейся промышленной революции и становления капиталистического общества. Отсюда – разнообразие тематики: в книге рассматриваются не только идеи основных представителей утопического социализма XIX века, но и особенности промышленной революции, социального и интеллектуального развития, которые повлияли на оформление оуэнизма и в целом утопизма. Наряду с этим, в книгу включены политические портреты важных для Великобритании политических деятелей – Вильгельма III Оранского и Уинстона Черчилля, написанные кистью большого мастера, каковым предстает перед нами К.М. Андерсон.

[1] Андерсон 2019.

Первый раздел книги посвящен одному из важнейших представителей утопического социализма — Роберту Оуэну (1771–1858). Здесь мы видим биографический очерк, в котором описаны не только события, повлиявшие на формирование мировоззрения будущего утописта, но и его внутренние переживания, отношение к происходящему вокруг. Такой подход позволяет лучше понять причины и стимулы создания оуэновского социалистического проекта. Ведь каждый проект, даже утопический, отражает реальные проблемы и пытается ответить на вопросы, которые волнуют его автора и общество в целом.

Р. Оуэн жил в эпоху перемен – менее чем за пятьдесят лет «добрая старая Англия» превратилась в фабричную Британию. С «воцарением пара» менялось устройство общества, учащался пульс жизни, становилось иным само общество. На смену старой родовитой аристократии приходили «новые предприниматели», «чья власть над работниками держалась именно на деньгах»[2]. Но как ни парадоксально, в условиях промышленной революции и роста темпов и объемов производства возрастал пауперизм, а изобилие свободы, свойственное демократическим тенденциям XIX века, порождало закабаление. С наступлением новой промышленной эры никуда не пропали старые проблемы: нищета, расслоение общества. По верному замечанию К.М. Андерсона: «Изобилие богатства и изобилие нищеты – этот парадокс, пожалуй, был той осью, вокруг которой вращалась общественная мысль Англии начала XIX в.»[3]. Над этой извечной проблемой бились многие экономисты и мыслители: У. Годвин, Т. Мальтус, А. Смит, Т. Спенс, и др. Свое решение предложил и Р. Оуэн. Суть его позиции сводилась к тому, что, человек – лишь пассивный наблюдатель, а потому главную роль в человеческой истории играет социальная среда. Только правильная «гармоничная» среда, по мнению Р. Оуэна, может, сформировав правильного человека и «новый нравственный мир», решить все проблемы общества.

В книге детально рассматривается предлагаемая Р. Оуэном модель общественного устройства, названная им «Новой Гармонией». Жизнь в коммуне «Новая Гармония» строилась на кооперативных началах владения собственностью, коллективном труде и распределении его результатов на основе равенства, что должно было обеспечить условия для перевоспитания человека. Оуэн предлагал создание особой социальной системы, организующей по-новому жизнь и деятельность людей во всем мире. Он пытался реализовать свой проект на практике, как в Англии, так и в других странах: в США, Мексике, Ирландии. Но всюду сталкивался с противодействием, и, в конечном итоге, терпел крах.

[2] Андерсон 2019: 52
[3] Андерсон 2019: 82.

Учение Р. Оуэна не кануло в лету после смерти мыслителя, а продолжило жить и развиваться в трудах его учеников и последователей. Однако, как и любая интерпретация, оуэнизм был далек от оригинала и походил скорее на идеологию какой-то религиозной секты. Во втором разделе книги рассказывается о некоторых «адептах и подражателях», развивавших идеи Оуэна: поэте-романтике Роберте Саути (1774–1843), враче и издателе журнала «Кооператор» Уильяме Кинге (1786–1865), писателе и филантропе Джоне Минтере Моргане (1782–1854), и др.

Отталкиваясь от идей новой нравственности и перевоспитания человека, оуэнисты во многом шли дальше и делали акцент на роли церкви в обществе (о чем Оуэн почти не писал), критиковали самого Оуэна и становились в некотором роде даже его оппонентами. Примечательно, что многие последователи, доказывая свои теории, обращались к Библии; трактуя ее, они находили объяснения причинам бедности и неравенства в обществе. Продолжая реформаторские интенции своего учителя, оуэнисты предлагали полностью перестроить существующее общество. Так, в частности, Р. Саути утверждал, что Конституция Великобритании, служившая долгое время предметом гордости нации, теперь ведет общество к разрушению. У. Кинг предложил своеобразное учение, существующее на стыке оуэнизма и социального христианства, развил идеи кооперативизма, за что его, а не Р. Оуэна, многие считают отцом современной кооперации[4].

Социалистические идеи Р. Оуэна и его последователей не были чем-то новым в интеллектуальной истории. Об этом не раз заявлял и сам британский реформатор. Из этого исходит и К.М. Андерсон. Третий раздел книги посвящен описанию важных для западной общественной мысли событий, течений, персон. Здесь показано, что утопические идеи XIX века, описанные в первых двух разделах, имели свои корни в утопиях XVIII века, но, конечно, отличались от них. Это отличие состояло, прежде всего, в том, что утописты XVIII в. верили в возможность изменения человека и построения нового современного общества с помощью Разума. Утописты же XIX века столкнулись с неожиданными последствиями машинного производства, промышленной революции, и вынуждены были отвечать на вопрос: как связать век Разума с Машиной? Таким образом, если к созданию утопий XVIII века побуждала эпоха Просвещения с ее идеями господства Разума, то в XIX века создание утопий было связано с промышленной революцией, породившей новую, индустриальную цивилизацию и новый тип мировоззрения – социализм, провозгласивший равенство, отсутствие эксплуатации, господство общественной собственности и коллективного труда целью общественного развития.

---

[4] См.: Андерсон 2019: 105.

Не случайно, особое внимание в книге уделено идеям кооперативного труда в западной общественной мысли. К.М. Андерсон тщательно анализирует существующую историографию кооперативизма, произведения А. Сен-Симона, Ш. Фурье и Р. Оуэна, показывает, что коллективный труд в их концепциях выступал альтернативой существующему порядку: «Кооперация», т. е. «сотрудничество», таким образом, превращалась прежде всего в философскую категорию, всемирный закон, который должен неукоснительно соблюдаться в человеческом общежитии: и в повседневном межличностном общении, и в системе правления, и в хозяйственной жизни»[5].

Кроме всего прочего, в книге рассматривается несколько необычный сюжет о развитии карикатурного искусства во время долгого правления короля Георга III, пришедшегося на вторую половину XVIII – начало XIX века. Как показывает К.М. Андерсон, стремительный рост распространения сатирических картинок на злободневные политические, и не только, темы объединял народ Великобритании и стал важной особенностью эпохи наравне с промышленной революцией.

Специальный и объемный подраздел книги посвящен пионеру рабочего движения в США Томасу Скидмору (1790–1832). Этот деятель занимает особое место в творчестве К.М. Андерсона, так как именно он впервые перевел на русский язык главное произведение Т. Скидмора «Права человека на собственность», сопроводив перевод аналитической статьей и научными комментариями[6].

Проводя аналогии между скидморовским трудом и трудами «отцов-основателей» Соединенных Штатов Т. Джефферсона и Т. Пэйна, К.М. Андерсон приходит к важному обобщению, показывающему связь просветительских идей и оуэнизма: «Скидмор – преемник эгалитаристских традиций Просвещения и американской революции. Но все же эти традиции исподволь рушатся. Утопия Скидмора уже избавлена от бремени аскетизма и примитивного понимания равенства. Он начинает ощущать узость рамок «естественно-правовой» теории. Она не объясняет новых явлений в экономике, и Скидмор обращается за разъяснениями к оуэнизму. Он признает неизбежность совместного труда и коллективной собственности. Конечно, это едва различимые новые черты в эгалитаристской, просветительской утопии Скидмора, но в них просматриваются отсветы иного учения – утопического социализма»[7].

Немало внимания в книге К.М. Андерсон уделяет Ирландскому восстанию 1798 года как еще одному маркеру революционных настроений эпохи, а также ирландскому революционеру Теобальду Уолфу Тону (1763–1798). Прозванный «ирландским Маратом», Т.У. Тон, как

[5] Андерсон 2019: 246.
[6] Скидмор 1988.
[7] Андерсон 2019: 335.

отмечает К.М. Андерсон «был не только вождем, искусным политиком, но и талантливым наставником», сумевшим «перешагнуть через отвращение к насилию <…> помочь другим понять его неизбежность»[8].

В заключительном разделе книги К.М. Андерсон дает портреты двух важных для истории Великобритании политических деятелей – Вильгельма III Оранского и Уинстона Черчилля[9].

Книга написана ярким, живым языком. Стиль автора хорошо иллюстрирует завершающий ее пассаж. Приведем его полностью: «Англичане прощались с выдающимся государственным мужем, символом былой великой Британии, империи, последним рыцарем которой он был. Политик по призванию и ремеслу, он не был бессребреником, но не был и корыстолюбцем, потому как его корысть заключалась в самой власти, а не тех тропках к обогащению, которые она дарует. Он не всегда был правдив, да и кто может потребовать правдивости от политика. Но он был искренним, поскольку не разыгрывал образ, созданный имиджмейкерами на заказ, а всю жизнь исполнял роль самого себя, Уинстона Леонарда Спенсера Черчилля, потомка герцога Мальборо»[10].

Подводя итог краткому обзору книги, можно утверждать, что она показывает блестящий образец применения в научных исследованиях метода единства логического и исторического. К.М. Андерсону удалось представить теоретические обобщения, делающие эту книгу важным вкладом в историю общественно-политической мысли. Эта книга-размышление о течениях общественной мысли Запада, важных событиях и персонах, заставляет нас задуматься о многих аспектах истории, ранее незамеченных, или принятых за пустопорожний вздор. «Миры», открытые К.М. Андерсоном, свидетельствуют – утопия есть преждевременная истина, ждущая своего часа и своего историка.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Андерсон К. М. Вильгельм Оранский // Исторический лексикон. XVII век. М.: Знание, 1998. С. 114-120. [Anderson K.M. Vil'gel'm Oranskij // Istoricheskij leksikon. XVII vek. M.: Znanie, 1998. S. 114-120].

Андерсон К. М. Уинстон Черчилль. Политик на все времена. М.: АСТ-пресс, 2013. 128 с. [Anderson K.M. Uinston Cherchill'. Politik na vse vremena. M.: AST-press, 2013. 128 s.].

Андерсон *К. М.* Утописты и прагматики: эпизоды истории общественной мысли Запада. / Под ред. А.А. Ширинянца. М.: Издательство Московского университета, 2019. 386 с. («Библиотека факультета политологии») [Anderson K.M. Utopisty i pragmatiki: epizody istorii obshchestvennoj mysli Zapada. / Pod red. A.A. Shirinyanca. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2019. 386 s. («Biblioteka fakul'teta politologii»)].

Андерсон К. М. Оуэнисты в Британии. Утопический социализм и общественные движения в Англии, 1810-1830-е годы. М.: Наука, 1989. 251 с. [Anderson K.M. Ouenisty v

[8] Андерсон 2019: 275.

[9] Кратко изложив их биографии и описав важнейшие аспекты политической деятельности, автор сделал ряд важных дополнений к их жизнеописаниям, которые были изданы им раньше. См.: Андерсон 2013; 1998.

[10] Андерсон 2019: 373.

Britanii. Utopicheskij socializm i obshchestvennye dvizheniya v Anglii, 1810-1830-e gody. M.: Nauka, 1989. 251 s.].

Скидмор Т. Права человека на собственность / Перевод с английского, комментарии и вступительная статья К. М. Андерсона; Отв. ред. И. Н. Осиновский; АН СССР, Отделение истории. М.: Наука, 1988. 444 с.[Skidmor T. Prava cheloveka na sobstvennost' / Perevod s anglijskogo, kom-mentarii i vstupitel'naya stat'ya K. M. Andersona; Otv. red. I.N. Osinovskij; AN SSSR, Otdelenie istorii. M.: Nauka, 1988. 444 s.].

Козиков Иван Андреевич, *доктор философских наук, профессор, кафедра истории социально-политических учений, факультет политологии, МГУ имени М.В. Ломоносова; kozikov_i@mail.ru*

Зверева Мария Семеновна, *студент I курса магистратуры, кафедра истории социально-политических учений, факультет политологии, МГУ имени М.В. Ломоносова; manutaz@mail.ru*

Карипов Балташ Нурмухамбетович, *доктор политических наук, профессор, кафедра всеобщей истории и философии, исторический факультет, Кокшетаусский государственный университет имени Ш.Ш. Уалиханова, bkaripov@yandex.ru*

Anderson's "Worlds" (about book "Utopians and pragmatics: episodes in the history of western social thought")

The review article dedicated to the new book by K.M. Anderson "Utopians and pragmatists: episodes in the history of Western social thought" (Moscow, 2019) shows the author's unique approach, which combined various techniques and means of scientific research with a bright style of storytelling. The author substantiates the conclusion that K.M. Anderson was able to present theoretical generalizations that make the book an important contribution to the history of social and political thought of the past. This is a book-reflection on the currents of public thought in the West, important events and personalities, makes us think about many aspects of history, previously unnoticed, or taken for empty nonsense. The "worlds" discovered by K.M. Anderson show that utopia is a premature truth waiting for its time and its historian.

Keywords*: K.M. Anderson, R. Owen, owenism, history of social and political thought, utopian socialism, history of England*

Ivan A. Kozikov, *Dr. Sc. (Philosophy), Professor of Department of History of Social and Political Doctrines, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University. kozikov_i@mail.ru*

Maria S. Zvereva, *first-year master's student of Department of History of Social and Political Doctrines, of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University; manutaz@mail.ru*

Baltash N. Karipov, *Dr.Sc. (Political Science), Professor of the Department of General History and Philosophy of the Faculty of History of Ualikhanov Kokshetau State University; bkaripov@yandex.ru*

В.С. Дударев

«НЕБО ЕЩЕ СВЕТЛО, ТОЛЬКО ВОТ ТУЧИ УЖЕ СГУЩАЮТСЯ» РОССИЯ В ВОСПРИЯТИИ ПРУССКОГО ДИПЛОМАТА КУРДА ФОН ШЛЁЦЕРА

В статье на основе малоизвестного в российской и германской историографии источника анализируется восприятие прусским дипломатом Курдом фон Шлёцером событий, происходивших в России накануне и в первые годы Великих реформ, показаны оценка Шлёцером личных качеств некоторых российских государственных деятелей, а также особенности социально-политического фона в России того времени в понимании представителя прусской дипломатической миссии в Петербурге.

Ключевые слова: *Российская империя, Прусское королевство, Курд фон Шлёцер, Александр II, А.М. Горчаков, К.В. Нессельроде, А. Л. фон Штиглиц, Великие реформы*

Старые письма, как своеобразный монолог истории, являются ценным источником, позволяющим прикоснуться к познанию прошлого. Современники происходивших событий выступают в роли тихого голоса истории, а сами письма – хранителями этих нередко забытых голосов, свидетельствами ушедших лет, тонкой линией, связывающей разделенные порой несколькими сотнями лет времена, страны и поколения. В этой связи особое значение имеют письма иностранцев из тех стран, где волею судеб им суждено было провести часть своей жизни в мыслях о родине и в познании новой культурно-исторической традиции, окружавшей их на какое-то время. В некотором смысле читатель этих посланий, которого от описываемых событий отделяет значительный временной промежуток, занимает то же положение, что и автор писем, носитель иной системы культурных ценностей и традиций. И один, и другой, по сути, открывают для себя неизвестную им страну.

К такого рода источникам относятся петербургские письма прусского дипломата и историка Курда фон Шлёцера, брата российского консула в Штеттине в 1844–1859 гг. Августа Людвига Нестора фон Шлёцера (1808–1899), сына известного в Петербурге немецкого дворянина, российского консула в Любеке Карла фон Шлёцера (1780–1859) и внука знаменитого историка Августа Людвига фон Шлёцера (1735–1809). Петербургскую личную корреспонденцию Шлёцера издал в 1921 г. в Германии его племянник, Август Людвиг Леопольд фон Шлёцер. Несмотря на то, что с момента публикации прошло уже почти сто лет, исследование этого исторического источника как в зарубежной, так и в отечественной историографии практически не проводилось. Вместе с тем, корреспонденция Шлёцера содержит интересные сведения о внутреннем развитии и внешнеполитическом потенциале Российской империи в самом начале проведения Великих реформ, передает важную информацию о российских государственных деятелях, высшем петербургском обществе. До нас дошло

более 120 писем, автор которых с немецкой точностью и педантичностью передавал из Петербурга ценную информацию и интересные новости. В 2019 г. был опубликован перевод этих писем на русский язык[1].

Подающий надежды историк Курд фон Шлёцер уже в студенчестве и после окончания обучения в университетах Гёттингена и Берлина получал высокие оценки результатов своей научной деятельности. Во время проживания в Париже Шлёцер с подачи известного востоковеда Жозефа Туссена Рено стал иностранным членом Азиатского общества; его знания и манера повествования так приглянулись немецкому филологу, ректору университета города Галле Готфриду Бернгарди, что тот пригласил Шлёцера преподавать в Галле. Однако молодой историк выбрал иной путь. После поступления на работу в прусское министерство иностранных дел Шлёцер получил первое в своей жизни назначение – на пост секретаря Прусской королевской дипломатической миссии в Санкт-Петербурге, где ему довелось работать с начала 1857 г. вплоть до июля 1862 г.

Петербург сразу же закрутил молодого дипломата в притягательном водовороте столичной жизни. «Я живу здесь непрекращающейся очаровательной жизнью, – писал с восторгом Шлёцер. – Все люди восхитительно любезны, погода прелестная, званые обеды поистине шикарны, город в своем зимнем одеянии роскошен, – вкратце, я необычайно весел. Мой посланник <…> в первый день Рождества при минус 20-ти градусах в течение почти трех часов совершал со мной объезды, чтобы ввести меня в круги дипломатического корпуса и придворной знати» [26].

По роду своей деятельности Шлёцеру в России удалось обзавестись широким кругом знакомств: это и верноподданные Прусского королевства, проживавшие в Российской империи, и аккредитованные в России дипломаты зарубежных государств, и российские государственные деятели. Кроме того, в его письмах постоянно фигурируют несколько персонажей, личным знакомством с которыми Шлёцер очень дорожил.

Важную информацию о состоянии дел в Российской империи Шлёцер получал в ходе частых бесед с бароном А.Л. фон Штиглицем, крупнейшим российским финансистом, банкиром и промышленником, меценатом и благотворителем. Еще будучи председателем Биржевого комитета Санкт-Петербурга, Штиглиц в 1857 г. стал соучредителем Главного общества российских железных дорог, а спустя три года – управляющим Государственным банком России. Барон принимал участие во всех крупных финансовых делах официального Петербурга на внешнем и внутреннем рынках, через его банкирский дом Россия поддерживала отношения с банкирскими домами Нидерландов, Великобритании, Франции. К прусскому дипломату барон был особенно благосклонен, приглашал его на частые светские рауты в своем доме, вводил его в высший свет, открыто беседовал с ним на разные темы. «Он остается для меня, – писал Шлёцер, – интересным, любезным человеком, о котором я многое узнаю, слышу

[1] Шлёцер 2019. Далее указания на страницы даются в скобках в тексте статьи.

новое и с которым я могу говорить о разных вещах <…> он в целом питает по отношению ко мне полное доверие и рассказывает мне с глазу на глаз о делах, о которых он, как я полагаю, никому более и не сообщает <…> у него здесь больше никого и нет для доверительных бесед <…> Быть финансовой величиной – это не беззаботная судьба» [105-106].

Теплые отношения у Шлёцера сложились с бывшим российским канцлером и на протяжении более 30 лет министром иностранных дел К.В. Нессельроде. Он видел в нем «человека, в которого невозможно не влюбиться. Какое уравновешенное спокойствие! И при этом такая скромность». Молодой прусский дипломат испытывал к нему теплые чувства. Посвященные Нессельроде строки из писем Шлёцера пронизаны глубоким уважением: «не могу скрыть, что каждый раз, когда я встречаюсь с графом, пребываю в некоем внутреннем волнении, чувство, которое я совершенно не испытываю по отношению к князьям, но имею к этому человеку, поскольку вижу в нем перед собой четверть века европейской истории, которую он помогал творить вот этими самыми прелестными небольшими руками. Через несколько минут чувство волнения уходит, поскольку этот пожилой мужчина очень добродушный и заставляет каждого чувствовать себя à son aise» [29]. Приводя в одном из своих писем [261-269] очень хлесткое сравнение русского канцлера А.П. Бестужева-Рюмина и канцлера-немца К.В. Нессельроде, Шлёцер безусловно симпатизирует второму. Напротив, действующий российский министр иностранных дел, канцлер А.М. Горчаков вызывал у Шлёцера смешанные чувства. С одной стороны, прусский дипломат отмечал в нем такую черту характера как высокое самомнение: «Le „Prince Ministre“ уже некоторое время не совсем здоров. О его высказываниях за границей со всех сторон приходят интереснейшие новости. Он везде ставил себя так, как будто бы он один держит в своих руках руководство миром» [103]. Вместе с тем, Шлёцер отмечал высокое дипломатическое искусство российского министра не только в международных делах, но и во внутренней политике. «Как homo liberalis этот, для русского (человека – В.Д.) необычайно литературно образованный скептик, – писал Шлёцер о Горчакове, – любит представлять дело гуманности и цивилизации. Для крестового похода Николая (Николая I – *В.Д.*) против Константинополя такое едва ли было возможным. С другой стороны, в популярной ненависти к Австрии он проявляет себя чистокровным русским, не впадая при этом в славянский радикализм» [154]. Ценя профессиональные качества российского канцлера и учитывая те сложные международные условия, в которых ему приходилось отстаивать внешнеполитический курс России, Шлёцер вел себя в общении с этим «великим человеком» [242] в высшей степени уважительно, и российский министр отвечал ему взаимностью и «сказочной любезностью» [241]. Несколько раз, когда прусский посланник в России Отто фон Бисмарк отсутствовал в Петербурге по вызову из Берлина, Горчаков изъявлял желание общаться не с замещавшим Бисмарка первым

секретарем прусского представительства Г.В. Крой-Дюльменом, но непосредственно со Шлёцером. Бисмарк, в письме помощнику статс-секретаря Ю. фон Грунеру, сообщал: «также и Горчаков при его повторном отказе вести переговоры с Кроем советовал мне присылать лучше Шлёцера, с которым он смог бы довольно хорошо решать дела» [230].

С особым вниманием Шлёцер относился в своих письмах к императору Александру II, знакомством с которым он очень дорожил. Прусский дипломат с уважением отзывался о личных качествах российского самодержца, его «всемилостивой рыцарской сущности» [88-89], «строгой, но вместе с тем мягкой и доброжелательной императорской манере держать себя» [27]. Шлёцер писал своим родным об императоре: «кажется, он действительно честный и благосклонный, даже мягкосердечный, человек. Его глаза, взиравшие когда-то с искренним уважением на своего учителя, любезного скромного Жуковского, так же светлы» [88-89].

Но в этом, по мнению Шлёцера, и был трагизм императора Александра II. Прусский дипломат считал, что «русский испытывает потребность в жесткой руке» [79], что приобретало еще большую актуальность в условиях социально-политической и экономической турбулентности, в которую Российская империя вошла в середине XIX в. Прусский дипломат нередко приводил в письмах параллели между Александром II и его отцом, императором Николаем I. «Дворянство, – писал Шлёцер, – даже если оно более и не осмеливается так публично выступить как при Александре I, за исключением некоторых, неистовствует в отношении этой крестьянской истории; оно, конечно же, думает, что более и нельзя было бы потрясать положение вещей. А дорогой император? Офицеры, у которых не осталось энергичного, грубого императора, называют его: „Staraja baba“» [119]. Это очень тесно перекликается со строками из письма прусского посланника в России О. фон Бисмарка своему другу Р. Ауэрсвальду: «должно быть, каждый иностранец удивляется тому, что слышит, как откровенно критикуют государя самые знатные и мелкие подданные. Его благородному сердцу, конечно же, воздают должное, однако, все же, оспаривают то, что он справится со своей задачей, жалуются на то, что ему недостает силы воли и работоспособности; знания дела и собственного мнения; его считают ответственным за безнадежное состояние в сфере управления и законодательства, от которых страдает благосостояние страны, как будто одно лишь слово императора могло бы сотворить тысячи порядочных и профессиональных чиновников из огромного числа неотесанных мошенников <…> Ни от кого не услышишь и слова признательности, понимания существующего»[2].

Шлёцер оказался в Петербурге в один из ключевых для российской истории периодов, в эпоху начала Великих реформ. В его письмах в подробностях и довольно точных деталях рассматривается ход крестьянской реформы, первые важные успехи железнодорожного строительства

[2] О. фон Бисмарк – Р. Ауэрсвальду. 30/18 ноября 1860 // Бисмарк 2013: 198–202.

в России, состояние финансовой системы империи. Предоставляя будущим читателям корреспонденции Шлёцера возможность самостоятельно погрузиться в описание этих важных сюжетов, важно показать некоторые выводы, к которым пришел прусский дипломат.

Шлёцер был поражен масштабами и энтузиазмом, с которым в России после окончания Крымской войны приступили к созданию разветвленной железнодорожной системы: «Великий проект строительства железной дороги стоит в центре внимания. Огромная империя должна все же сократиться по всем направлениям и вступить с соседними государствами в тесное общение; ворвался свежий воздух – началась новая эра мирного развития», – и добавлял при этом: «так мечтает русский…» [58]. В будущем, размышлял Шлёцер, «изолированная Россия станет перспективной житницей для сопредельных с нею стран, и, если себе представить, что дорога продлится на восток, – мировым торговым путем в Азию и Америку», и тут же добавлял: «Все же – это только в будущем! Россия, прежде всего, остается Россией, и пока что здесь правит чиновник» [36-37]. На чиновничестве лежала большая ответственность за проведение преобразований. Слабость административного аппарата, главным образом на местах, была опасным явлением, особенно в условиях реализации крестьянской реформы. 17 (5) марта 1861 г., в Прощеное воскресенье, в день, когда в Петербурге и Москве населению было объявлено об отмене крепостного права в России, Шлёцер отправился к Исаакиевскому собору, чтобы понаблюдать за реакцией населения на Манифест об отмене крепостного права. «Народ был действительно смехотворно апатичен. То, что газеты говорят об энтузиазме, не соответствует истине. В театрах звучали гимны, вот и все» [223], – таким запомнились настроения петербуржцев Шлёцеру. В этот же день, он чуть позже напишет: «Ни один деспот не сможет сделать счастливой страну, которую его предки делали несчастной. Следы вековых угнетений не могут быть стерты императорским декретом. В этом трагизм Александра II. Все же для короткого человеческого мига отмена крепостного права остается одним из величайших и самых ответственных правительственных деяний <…> Сколько будет еще беспорядков и пролития крови, прежде чем несправедливость, от которой страдали здесь многие поколения, будет исправлена, прежде чем забитый, уклоняющийся от работы русский крестьянин вдруг осознает выпавшее ему счастье и научится им пользоваться! Он, должно быть, поймет его неправильно. И в этом трагедия русского народа» [223].

Яркие, позитивные и беззаботные описания жизни в Петербурге в первые годы аккредитации Шлёцера со временем изменились. Пропал восторг и воодушевление, им на смену пришли реалистичные, очень резкие высказывания, и довольно неутешительные прогнозы. Уличить Шлёцера в намеренном создании в серых тонах картины внутреннего положения дел в Российской империи едва ли возможно, учитывая его заметную по письмам позитивную жизненную позицию, а также и тот факт, что это

была личная, а не официальная корреспонденция, ориентированная на создание образа России в прусских высших политических кругах.

В канун и первые годы после отмены крепостного права Шлёцер писал о сложившейся в России патовой ситуации, когда «все делается шиворот-навыворот», когда с целью экономии отправляют в отставку офицеров и чиновников, из-за чего «армия и чиновничество будут деморализованы еще больше, чем даже сейчас», когда «хотят отменить крепостное право, но не знают, как» [79]. Описание беспомощности и дезориентации в определении целей дальнейшего развития в России достигает в письме Шлёцера гротескных форм, когда его перо выводит следующие неутешительные слова: «безголовая толпа и голова, не способная сформировать правительство. Небо еще светло, только вот тучи уже сгущаются. В отношении больного, в конце концов, принимать решительные меры должен один. Здесь же кричит целый консилиум врачей, перебивая друг друга <…> Здесь хотят изменить всё, но никто не знает, как и с чего начинать» [80]. В условиях, когда «здесь поднимается недовольство <…> в деревне все разнородно. Беспрестанно слышишь об убийствах, которые чинят крестьяне над дворянами» [107], когда «нигде нет здорового политического мнения, нигде нет человека, который может помочь» [108], когда «прежнее уничтожается <…> без хорошей замены. А беспорядки расползаются по тысячам каналов во всей империи» [127], Шлёцер обращает внимание на то, что «только господа на самых верхах, как кажется, беззаботны и предаются детским играм. Великий князь Николай с женой[3] и Михаил с женой[4] вечерами напролет строят карточные домики!» [108-109]. Шлёцер делает тревожный вывод «моя интуиция подсказывает мне, что этой пышности здесь когда-то придет конец» [249].

Положение осложнялось, по наблюдениям Шлёцера, тем, что крестьянская реформа разочаровала главных действующих лиц всей этой истории: крестьянина и помещика. Согласно передаваемым Шлёцером сведениям, крестьяне не верили зачитываемым им положениям реформы, не соглашались признавать направленных императором в губернии флигель-адъютантов монаршими посланниками: «“император хочет уже теперь освободить нас. (Указ – *В.Д.*), что Вы нам предъявляете <…> не это воля императора. Вы врете! Вы не посланники императора нашего!” – так говорят крестьяне» [225]. Роптало и дворянство. Шлёцер пишет о страхе, который испытывали представители дворянства накануне отмены крепостного права: «покупают помещики боеприпасы, ружья и револьверы» [205], а «Адлерберги, отец и сын, и жандарм Долгоруков[5], настолько боялись в прошлую ночь, что распорядились стелить свои постели в Зимнем

[3] Великий князь Николай Николаевич Старший (1831–1891) и Великая княгиня Александра Петровна (1838–1900).

[4] Великий князь Михаил Николаевич (1832–1909) и Великая княгиня Ольга Фёдоровна (1839–1891).

[5] Владимир Фёдорович (1791–1884) и Александр Владимирович (1818–1888) Адлерберги; Василий Андреевич Долгоруков (1804–1868).

дворце и провели там всю ночь» [214]. Подтверждением подобного рода информации служат мемуары российского военного министра Д.А. Милютина. В них сказано, что «были даже сделаны некоторые перемены в дислокации войск, в тех видах, чтобы повсеместно имелась под рукой военная сила»[6]. По прошествии нескольких месяцев с момента публикации Манифеста об освобождении крестьян, настроения среди дворянства не изменились. Интересные сведения Шлёцер дает о поездке Александра II в Москву в мае – июне 1861 г.: «Император был встречен аристократией в Москве слишком прохладно; почти никого из дворянства там не было; немногие из них, кто остался, извинялись перед императором за своих товарищей из-за того, что крестьянский вопрос вынудил всех помещиков разъехаться по деревням. «Я бы хотел, чтобы они там навсегда и остались!» – яростно отвечал император» [233].

На фоне тяжелого финансового состояния империи, что буквально пронизывает письма Шлёцера, и социального недовольства в деревне тревожно звучит неоднократно поднимаемая прусским дипломатом после 19 февраля 1861 г. тема революционной угрозы, нависшей над Россией. Шлёцер писал: «Опасный элемент в деревне – Bessrotschniki, освобожденные на неопределенный срок от обязанностей солдаты. Они приносят с собой из своих бывших гарнизонных городов захватывающие идеи в дома крестьян. Отмена крепостного права рассматривается радикальными элементами как предварительный этап на пути ликвидации всего личного землевладения и деления его между крестьянами: каждый русский имеет одинаковое право на часть земли-матушки!» [205]. И далее: «волнение здесь слишком велико» [213], «из внутренних областей империи тревожные сообщения» [233-234] и «с каждым днем становятся более очевидными симптомы внутреннего тления» [245].

В этой связи заставляет задуматься неоднократно повторяемая Шлёцером в его письмах мысль о неминуемом крахе всего того блеска, которым пленил его Петербург, в случае если российская элита не переместит свой взор от стремления к собственному благополучию в сторону беспокойства о нуждах страны. Довольно символичным выглядит завершение петербургской корреспонденции Шлёцера описанием грандиозных пожаров в Санкт-Петербурге в мае – июне 1862 г., причиной которых, как писал прусский дипломат, стали поджоги, устраиваемые членами «тайного политического общества, которое хочет этими продолжающимися пожарами уничтожить капиталистов и увеличить пролетариат, чтобы впоследствии с его помощью осуществить план переворота» [272].

Безусловно, петербургская корреспонденция К. фон Шлёцера отражает субъективные взгляды его автора. Можно обратить внимание на то, что Шлёцер провел в России незначительное время, что могло повлиять на степень объективности его понимания российской действительности,

[6] Милютин 1999: 63.

однако прусский дипломат имел значительные связи в высшем свете Петербурга, благодаря чему был в курсе последних новостей и оценок внутри- и внешнеполитических событий. Можно упрекнуть Шлёцера в пессимистичности его выводов о ходе преобразований в России, но схожие мысли прослеживаются и в рассуждениях его коллег, как, например, у О. фон Бисмарка, который после очередной встречи с Александром II писал: «по мере того, как русские будут терять веру в безграничную власть императора, перед страной все отчетливее будет вставать опасность убийственной крестьянской войны»[7]. Шлёцер остро и глубоко чувствовал важные проблемы российского общества, на которые обращали внимание выдающиеся русские писатели и мыслители. Он пришел к выводу, что принцип работы механизма государственной машины не всегда был знаком российским государственным деятелям, стремившимся этот механизм модернизировать, что крестьянский мир развивается по правилам, не до конца понятным реформаторам. Это перекликается с повестью Л. Н. Толстого «Утро помещика», в которой говорилось о необходимости спасения всего здания Российской империи, о невозможности решения важнейшего вопроса существования России, вопроса о крестьянстве, лишь бюрократическим или административным путем.

Попытки лучших представителей правящей российской элиты, основанные на абстрактных теориях и идеях и нередко лишенные реальной основы, о чем писал Шлёцер, фактически ухудшили политическую и социальную ситуацию в России. Раздумья о судьбах России так и остались на уровне пространных бесед во время отдыха на европейских курортах, как, например, в живописной округе Баден-Бадена, летней столицы Европы, куда летом 1862 г. приехал и русский писатель И. С. Тургенев. Оттуда он писал: «здесь хорошо: зелено, солнечно, свежо и красиво. Русских много – но всё – высшего полета – и потому низшего сорта – и я их избегаю»[8]. Такая всепроникающая и парадоксальная оценка «высшего полета и потому низшего сорта» была представлена в его романе «Дым». Автор свидетельствовал о крайней нищете мысли этой «баденской» российской элиты, подчеркивал, что свое основное внимание они уделяли только личным интересам, собственному успеху, комфорту, и были чужды решению важных государственных проблем. Эта элита не была в состоянии блокировать реформаторские инициативы царя, но участвовала в них лишь формально, безынициативно, находясь в дыму расплывчатых идей. Из такой лишенной всякого смысла деятельности, о чем писал Шлёцер, из такого неясного дыма, символический смысл которого Тургенев ярко показал в последнем монологе Литвинова, проистекали общее недовольство и горечь, пессимизм русского общества второй половины XIX в.

---

[7] Immediatbericht Bismarcks an den König Wilhelm. 10. XI. 1861// Die Politischen Berichte 1920. Bd. II. S. 130.

[8] Письмо к М.А. Маркович 27 августа 1862 г. // Тургенев 1988: 103.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Курд фон Шлёцер. Личная корреспонденция из Санкт-Петербурга. 1857–1862 / пер. с нем. и коммент. В.С. Дударева. СПб.: Алетейя, 2019. [Kurd fon Shlözer. Lichnaya korrespondenciya iz Sankt-Peterburga. 1857–1862 / per. s nem. i komment. V.S. Dudareva. SPb.: Aletejya, 2019].

Милютин Д.А. Воспоминания. 1860–1862. М.: «Российский Архив», 1999. [Milyutin D.A. Vospominaniya. 1860–1862. M.: «Rossijskij Arhiv», 1999].

Отто фон Бисмарк. Личная корреспонденция из Санкт-Петербурга. 1859–1862 / пер. с нем. и коммент. В.С. Дударева. СПб.: Алетейя, 2013. [Otto fon Bismark. Lichnaya korrespondenciya iz Sankt-Peterburga. 1859–1862/ per. s nem. i komment. V.S. Dudareva. SPb.: Aletejya, 2013].

Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма. В 18 т. М.: Наука. 1988. Т. 5. 1862–1864. [Turgenev I. S. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 30 t. Pis'ma. V 18 t. M.: Nauka. 1988. T. 5. 1862–1864.]

Die politischen Berichte des Fürsten Bismarck aus Petersburg und Paris 1859–1862/ hrsg. von Raschdau Ludwig. 2 Bde. Berlin: Hobbing. 1920.

***Дударев Василий Сергеевич**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН; wdudareff@gmail.com*

“The sky is still light, but the clouds are already gathering”: Russia in the perception of the Prussian diplomat Kurd von Schlözer

On the basis of a little-known in Russian and German historiography historical source, this article analyzes the Prussian diplomat Kurd von Schlözer’s perception of the events that took place in Russia on the eve and in the early years of the great reforms of Alexander II, shows the assessment made by Schlözer of the personal qualities of some Russian statesmen, as well as the features of social political background in Russia at that time in the understanding of the representative of the Prussian diplomatic mission in St. Petersburg.

***Keywords:** the Russian Empire, the Prussian Kingdom, Kurd von Schlözer, Alexander II., A.M. Gorchakov, K.V. Nesselrode, A. L. von Stieglitz, the great reforms in Russia*

***Dudarev Vasily Sergeevich,** Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, wdudareff@gmail.com*

Ж.И. Черненко

ТРАГЕДИЯ НА ПЛОЩАДИ ХЕЙМАРКЕТ И В СЕРДЦАХ ТРЁХ АНАРХИСТОК

Статья посвящена событиям на площади Хеймаркет, 4 мая 1886 г., приведшим к казни чикагских анархистов, в память о которых Парижский конгресс II Интернационала объявил 1 мая Днём солидарности рабочих всего мира. Показано влияние этих событий на трех великих женщин: Люси Парсонс, вдову одного из казненных анархистов, которая фактически начала свою политическую карьеру с защиты памяти супруга, Вольтарину де Клер, которой предстояло стать «поэтессой американской анархии», и Эмму Гольдман, самую знаменитую анархистку США.

Ключевые слова: *анархизм, Хеймаркет, II Интернационал, Люси Парсонс, Вольтарина де Клер, Эмма Гольдман, анархо-феминизм.*

Во второй половине XIX в. в Северной Америке наблюдался небывалый рост промышленного производства, который сопровождался притоком иммигрантов и формированием нового класса – фабричных рабочих. Появившиеся вслед за этим профсоюзы уже к 1870-м гг. стали полноценными участниками социально-политической жизни США. В ходе борьбы крупного капитала за уменьшение издержек при производстве началось ожесточенное противостояние двух одинаково важных для экономики страны классов. На одном полюсе этой борьбы оказались профсоюзные лидеры, которые открыто выступали против кабального положения американских рабочих, организовывали забастовки, высказывались на страницах леворадикальной прессы. На другом – промышленники, которые не собирались предоставлять своим работникам достойные условия труда, увеличивая тем самым свои издержки. Они пользовались поддержкой государства и федеральной прессы, нанимали штрейкбрехеров, бандитов и частные охранные агентства для борьбы со стачками, отказывались принимать на работу членов профсоюзов и т.д. Центром нарастания социальной напряженности стал штат Иллинойс – один из центров индустриализации, а события 4 мая 1886 г. приковали к главному городу штата, Чикаго, внимание не только американцев, но и всего мирового рабочего движения.

Основное требование членов американских профсоюзов касалось установления восьмичасового рабочего дня. В 1866 г. созданный из нескольких профсоюзных групп «Национальный рабочий союз» («National Labor Union») принял резолюцию о восьмичасовом рабочем дне; а уже в 1867 г. восьмичасовой рабочий день был закреплен на местном уровне губернатором Иллинойса. Тем не менее, долго радоваться прогрессивному решению властей рабочим не пришлось, ведь промышленники отказались его выполнять и заставляли рабочих при приёме на работу подписывать отказ от восьмичасового рабочего дня, что вызвало новую волну митингов и забастовок по всему штату.

Среди рабочих в США были очень сильны анархистские настроения. Они проникли с первыми европейскими иммигрантами, а такие выдающиеся ораторы, как, например, Иоганн Мост (1846–1906), способствовали тому, что анархизм, наряду с коммунизмом, стал популярной идеологией у рабочего класса. Что касается связи анархистов с рабочим и профсоюзным движением, то, как утверждают авторы «Энциклопедии истории труда и рабочего класса Соединенных штатов», «Ко времени второго конгресса Интернационала[1] в Питтсбурге в 1883 г., Чикаго стал национальным центром анархистской деятельности. Конгресс привел к небывалому росту и количества членов, и активности в городе. Из 6 тыс. членов Интернационала Соединенных штатов половина приходилась на чикагские группы, в большинстве которых состояли немцы и чехи»[2].

Одним из лидеров съезда в Питтсбурге стал молодой немецкий иммигрант Август Спис (1855–1887), анархист, редактор авторитетной среди рабочих немецкоязычной газеты «Chicagoer Arbeiter-Zeitung» (Чикагская рабочая газета). Рядом с ним были его соратники, члены редакции этой газеты: издатель Михаэль Шваб (1853–1898), наборщик Адольф Фишер (1858–1887), сотрудник офиса газеты Оскар Неебе (1850–1916), а также еще один анархист и участник рабочего движения Луис Лингг (1864–1887) редактировавший другую немецкоязычную газету «Der Anarchist». Заметным участником съезда Американской Федерации стал Альберт Парсонс (1848–1887), человек прогрессивных взглядов, анархист и профсоюзный лидер. В 1884 г. Парсонс начал издание газеты «The Alarm» (Тревога), единственной анархистской газеты в Чикаго, которая издавалась на английском языке; она считалась рупором Американской Федерации Международной Рабочей Народной Ассоциации. В свое время Парсонс женился на женщине, чьи родители были рабами, из-за чего молодая семья подверглась преследованиям в Техасе и была вынуждена переехать в 1874 г. в Чикаго. Люси Парсонс (1853–1942) вместе с мужем участвовала в работе Американской Федерации, а также занималась пропагандой анархистских идей.

Итогом съезда Американской Федерации стала Питтсбургская резолюция (ее авторство приписывают И. Мосту[3]). Требования резолюции поддержали многие чикагские рабочие, примкнувшие к анархистам. Они заключалась в следующем: «Первое: Уничтожение существующего правящего класса любыми средствами, то есть, энергичными, неустан-

[1] Под Интернационалом Соединенных штатов авторы подразумевают Американскую Федерацию Международной Рабочей Народной Ассоциации (American Federation of the International Working People's Association), основанную на съезде 12-14 октября 1883 г. в Питтсбурге. Она получила своё название от Международной Рабочей Народной Ассоциации (IWPA), созданной в Лондоне в 1881 г. (т.н. Черный Интернационал Михаила Бакунина и его единомышленников), к которой Американская Федерация фактически не принадлежала, но реализовывала общую международную анархистскую повестку на территории США. См. Trautmann 1890: 253.

[2] Arnesen 2007: 103.

[3] См.: Trautmann 1890: 253-257.

ными, революционными и международными действиями. Второе: Создание свободного общества на основе кооперативной организации производства. Третье: Свободный обмен эквивалентными продуктами между организациями-производителями без торговли и прибыли. Четвертое: Организация образования на светской, научной и равной основах для обоих полов. Пятое: Равные права для всех без различия по признаку пола или расы. Шестое: Регулирование всех государственных дел свободными договорами между автономными (независимыми) коммунами и ассоциациями, опирающимися на федеративную основу»[4].

Правящему классу был брошен вызов в первом же требовании резолюции, что во многом определило судьбу участников съезда. Быстро растущая популярность анархизма, тот отклик, который идеология получила среди рабочих, харизматичность и бесстрашие анархистских лидеров, их умение объединить аудиторию с помощью публичных выступлений и собственных газет, а также, не в последнюю очередь, содержание самой идеологии, которая выражала протест против эксплуатации наемных рабочих и любого вида неравенства, определили главного врага крупного капитала. Последующие события, на наш взгляд, явились реакцией на заметное присутствие анархистской повестки в описанном выше противостоянии профсоюзов и промышленников. Дискредитация анархистов, как наиболее радикального крыла профсоюзного движения, была, таким образом, неизбежна.

Хронология событий[5]

1 мая 1886 г. 100 000 американских рабочих объявили забастовку с требованием восьмичасового рабочего дня, а 80 000 из них прошлись маршем по Мичиган Авеню в Чикаго под предводительством А. Парсонса и его жены Л. Парсонс. 3 мая во время стачки у фабрики по производству жатвенных машин Мак-Кормика рабочие столпились у выхода в ожидании штрейкбрехеров. Вместе с рабочими здесь находился и А. Спис. Рабочие были настроены решительно в отношении штрейкбрехеров. Последних охраняла полиция, которая в какой-то момент пустила в ход дубинки, чтобы оттеснить бастующих. В ответ рабочие использовали камни. Полиция открыла огонь по демонстрантам, от чего погибли и были ранены несколько рабочих. Вечером того же дня лидеры движения за восьмичасовой рабочий день, среди которых были А. Спис, А. Фишер и Джордж Энгель (1836–1887), встретились, чтобы обсудить дальнейшую реакцию на необоснованную жестокость полиции. Лидеры профсоюзов приняли решение провести на следующий день митинг на площади Хеймаркет, в деловом районе города. А. Спис выпустил листовку на английском и немецком языках тиражом в 2500 экз. В листовке, среди прочего, был призыв: «восстать и своей могучей геркулесовой силой уничтожить отвратительное чудовище, которое

[4] Ibid: 257.
[5] Составлена по: Altgeld 1915; Avrich 1986; Green 2007; Roediger, Rosemont 1986.

хочет уничтожить вас. К оружию!»[6] Однако сам же А. Спис нашёл призыв слишком кровожадным, поэтому уничтожил половину тиража. Еще одна листовка нейтрального содержания была издана тиражом в 20 000 экз. и распространена на следующий день.

4 мая 1886 г., в 19.30 начался митинг на площади Хеймаркет. Всего в нем приняло участие, по разным оценкам, от 1 до 2 тыс. человек. При этом, полицейских было около двухсот человек. Мэр Чикаго Картер Харрисон лично присутствовал на демонстрации и уехал, убедившись, что встреча проходит мирно. Двое ораторов опоздали на митинг: А. Парсонс, который лишь накануне узнал о митинге, и Сэмюэль Филден (1847–1922), пастор-методист, иммигрант английского происхождения. Парсонс с женой удалились до окончания митинга из-за начинающегося дождя. Филден выступал последним, начав свою речь в 10 вечера, когда на площади осталось больше полиции, чем людей. Как только Филден закончил говорить и спустился с повозки, служившей ораторам платформой, в ряды полицейских была брошена бомба. Один полицейский (офицер Матиас Деган) погиб на месте от взрыва. Полиция открыла беспорядочный огонь по толпе. Во время стрельбы было ранено и убито ещё несколько полицейских и рабочих. На следующий день, 5 мая, начались аресты анархистов, готовивших митинг и участвовавших в нем. Утром у себя дома был арестован С. Филден. Полиция в редакции «Chicagoer Arbeiter-Zeitung» арестовала А. Списа и М. Шваба. В тот же день были арестованы А. Фишер, Л. Парсонс и несколько других анархистов. А. Парсонс скрылся от полиции.

6 мая подконтрольная властям газета “Chicago Times” сообщила об арестах и прокомментировала отсутствие среди арестованных Парсонса: «Но ещё один человек, входящий в эту галактику проповедующих кровь анархистов, на свободе… Этого злодея, который в течение нескольких месяцев защищал факел и кинжал, мужа негритянки, а также самого ярого труса, зовут А.Р. Парсонс»[7]. 14 мая после стычки с полицейским был арестован Л. Лингг, который, как предполагала полиция, и бросил бомбу. Что касается Лингга, то он, пожалуй, был единственным человеком среди арестованных, который имел отношение к производству взрывчатых веществ. Но у Лингга был свидетель того, что в момент взрыва он находился далеко от площади.

17 мая было созвано Большое жюри для расследования и последующего предъявления обвинений. 27 мая Большое жюри предъявило А. Парсонсу, А. Спису, М. Швабу, С Филдену, Д. Энгелю, А. Фишеру, О. Неебе, Л. Линггу обвинение в убийстве офицера Дегана. 21 июня Альберт Парсонс сдался властям, самостоятельно прибыв в здание суда. 20 августа присяжные вынесли обвинительный приговор восьми обвиняемым. Всех обвиняемых, кроме Неебе, осудили на смертную казнь.

[6] Roediger, Rosemont 1986: 14.
[7] Цит. по: Avrich 1986: 240.

Неебе получил 15 лет каторжных работ. 25 ноября была предоставлена отсрочка исполнения наказания. В марте 1887 г. Верховный суд штата Иллинойс заслушал апелляцию обвиняемых, а 14 сентября оставил в силе решение нижестоящего суда, назначив дату казни.

Для поддержки анархистов в период судебных разбирательств социалисты Эрнест Шмидт и Джордж Шиллинг создали «Комитет Защиты» («Defense Committee»), куда вошли единомышленники и товарищи обвиняемых. Комитет публиковал листовки и памфлеты, посвященные процессу, распространял их во всех штатах, организовывал митинги, создал «Ассоциацию Амнистии» («Amnesty Association»), собиравшую подписи о помиловании. 9 ноября 1887 г. эта ассоциация подала петицию в защиту приговоренных за подписью 41 000 жителей Чикаго.

10 ноября Лингг покончил жизнь самоубийством в камере. До этого, выступая перед судьями, он вёл себя провокационно, явно не рассчитывая на помилование, он заявлял: «Я презираю вас. Я презираю ваш порядок, ваши законы, вашу подпираемую силой власть. Повесьте меня за это!»[8]. Спис, Парсонс, Фишер и Энгель были повешены 11 ноября. Перед повешением Спис прокричал: «Придёт день, когда наше молчание будет могущественней, чем голоса, которые вы душите сегодня!».

Последствия

Сначала многие американцы отреагировали на судебный процесс так, как подсказывала им федеральная пресса, демонизировавшая арестованных. Но чем агрессивней вело себя обвинение, не скрывавшее политической подоплёки дела, и чем очевидней становилась невиновность обвиняемых, тем громче звучали требования простых граждан об их помиловании. Как утверждает историк анархизма Пол Эврич, защитники немало рисковали, высказываясь публично, ведь их самих могли обвинить в поддержке анархии и террора[9]. Среди них теперь были не только анархисты и социалисты, но и сторонники самых разных политических взглядов, преимущественно, представители интеллигенции: журналисты, издатели, учителя, профессора, юристы и даже священнослужители. Так, знаменитый американский раввин-реформатор Исаак Вайз, который изначально довольно жёстко высказался о деле анархистов, выступил против смертного приговора, потому что, на его взгляд, обвиняемые «действовали на благо сторонников, руководствуясь убеждениями, которые безусловно ложны и неразумны, но не криминальны per se»[10].

Благодаря активной международной кооперации анархистов о судебном процессе в Чикаго стало известно в Европе. Через несколько лет после казни, в память о чикагских анархистах, как лидерах рабочего движения и борцах за восьмичасовой рабочий день, пострадавших за своё сочувствие пролетариату, Парижский конгресс II Интернационала,

[8]См.: Avrich 1986: 289.
[9] См.: Ibid.
[10] Ibid: 289.

проходивший в июле 1889 г., объявил 1 мая Днем солидарности рабочих всего мира. 25 июня 1893 г. тысячи людей присутствовали на открытии памятника чикагским анархистам на кладбище Вальдхайм на западе Чикаго (сейчас – кладбище Форест-парк). С момента погребения там останков пяти из них (Списа, Парсонса, Фишера, Эгеля и Лингга), это место стало культовым для анархистов всего мира.

Самой активной и известной защитницей чикагских анархистов стала Л. Парсонс. После отчаянной борьбы за помилование супруга (она собственноручно распространила на улицах Чикаго тысячи листовок и собрала большое число подписей в защиту анархистов), не достигнув успеха и пережив его гибель, она бросила все свои силы на посмертное доказательство его невиновности. По её собственным словам, она ставила себе целью доказать: «Во-первых, что мой муж не был ни пособником, ни подстрекателем, ни советчиком преступления в каком-либо виде. Во-вторых, что он ничего не знал, и не имел ничего общего с подготовкой митинга на площади Хеймаркет, и что митинг планировался как мирный и был таковым до вмешательства полиции. В-третьих, что связь мистера Парсонса с рабочим движением целиком и полностью имела своей целью улучшение состояния его товарищей; и что он отдал своё время, таланты и, в конце концов, свою жизнь этому делу»[11].

26 июня 1893 г. новый губернатор штата Иллинойс, человек прогрессивных взглядов, Джон Питер Альтгельд подписал официальное помилование оставшимся в живых Филдену, Неебе и Швабу. Он провёл собственное расследование и заявил, что реальной причиной взрыва стала неудача властей Чикаго в освобождении полицейских от ответственности за предшествующий расстрел рабочих на фабрике Мак-Кормика. Парсонс издала в 1915 г. текст помилования губернатора[12], и в небольшом предисловии разъяснила читателям, что, решившись на столь смелый и справедливый поступок, губернатор, фактически добровольно поставил крест на своей политической карьере. Действительно, он лишился не только поддержки правящих кругов, но и своего состояния и был подвергнут остракизму. До конца жизни Парсонс выступала с лекциями по всей стране, писала блестящие эссе, посвященные бедственному положению непривилегированных классов, издавала наполненные любовью к человечеству воззвания, публиковала биографии, речи и высказывания о чикагских анархистах, продолжая таким образом дело супруга и не позволяя его жертве быть забытой[13].

Но, говоря о сохранении памяти о чикагских анархистах для потомков, следует сказать ещё о двух женщинах, которым также суждено было начать свою публичную карьеру с глубокого сопереживания мученикам Хеймаркета, став их ярыми защитницами, а впоследствии – выдающимися идеологами анархизма.

[11] Parsons 1903: 7.
[12] Altgeld 1915.
[13] См.: Черненко 2017: 161–164.

Эмма Гольдман (1869–1940), будущая «красная Эмма», издательница анархистского журнала «Мать Земля» и самая известная анархистка Америки[14], в год событий Хеймаркета только приехала в США из царской России. Для юной иммигрантки, работавшей на фабрике, проблемы бесправного рабочего класса оказались весьма близки, как и идеи бесклассового и безначальственного устройства общества. Последние она восприняла от И. Моста, близкого к чикагским анархистам. От него же она узнала и о событиях на площади Хеймаркет.

В своей автобиографии она вспоминала тот день: «В ту ночь я не могла заснуть. Я снова переживала события 1887 года. Прошел двадцать один месяц после Черной пятницы 11 ноября, когда чикагские мужчины перенесли мученическую смерть, но каждая деталь отчетливо вставала перед моими глазами и влияла на меня так, как будто это произошло вчера. С сестрой Еленой мы стали интересоваться судьбой мужчин во время суда. Сообщения в родчестерских газетах раздражали, смущали и расстраивали нас своим очевидным предубеждением. Неистовость прессы, жестокие обвинения и нападки на всех иностранцев обратили наши симпатии в сторону жертв Хеймаркета»[15]. В эссе «Психология политического насилия» она утверждала: «Никто из тех, кто знаком с де-лом, не может усомниться в том, что анархисты, убитые законом в Чикаго, умерли как жертвы бесчестного кровожадного давления и полицейского заговора. И, разве Судья Гэри не сказал сам, что “Вы обвиняетесь не потому, что бросили бомбу Хеймаркета, а потому что анархисты”»[16].

Чикагское дело, которое, по задумке властей, должно было продемонстрировать опасность публичного высказывания антигосударственных взглядов и отвратить юношей и девушек от идеалов анархизма, произвело обратный эффект. Одной такой «юной душой», отказавшейся верить государственной пропаганде, стала будущая «поэтесса анархии» Вольтарина де Клер (1866–1912). Искренность и чувствительная натура де Клер, обладавшей уникальным поэтическим даром, сделали её одним из самых запоминающихся идеологов американского анархизма[17]. Известная не только своими речами и эссе, но и поэзией, в которой она воспевала идею равенства и красоту свободы, де Клер отличалась предельной честностью, в т.ч. по отношению к себе самой. По собственному признанию, когда она из газет впервые узнала о взрыве на площади Хеймаркет и обвиняемых в нем чикагских анархистов, то воскликнула: «Их надо повесить!»[18]. До конца жизни Де Клер не могла простить себе этого кровожадного восклицания и не стеснялась заявлять об этом в кругу единомышленников. По словам Гольдман, написавшей биографию де Клер уже после смерти соратницы, это восклицание «было

[14] См.: Черненко 2013: 81–90.
[15] Goldman 2011: 6-7.
[16] Goldman 1917: 93.
[17] См.: Черненко 2018: 73–76.
[18] De Cleyre 1980: 23.

вдвойне жестоко со стороны убеждённой противницы смертной казни»[19]. Чтобы загладить свою вину, ежегодно де Клер выступала с мемориальными речами в честь казненных анархистов. О стиле выступлений де Клер свидетельствует фрагмент одной из этих речей, где она обращается к прокурору штата, ведшему дело чикагских анархистов: «Ах, мистер Гриннелл, даже такой хитрец, как ты, провалился! Ты не смог заставить их пролить жертвенное вино; ты не смог заставить анархистов их возненавидеть. Нет. Но из каждой капли крови, которую ты уронил в тот ноябрьский день, ты создал анархиста. Ты разнёс их слова на крыльях пожара, на многих языках и во многие земли. Там, где ты надеялся посеять семена ненависти, расцвели бессмертники любви. И сегодня десять тысяч, нет, трижды по десять тысяч, повторяют с благоговением имена Парсонса, Фишера, Энгеля, Лингга и Списа»[20].

В июне 1893 г. Де Клер была настолько восхищена поступком губернатора Альтгельда, признавшего ошибку правосудия в случае со взрывом на площади Хеймаркет, что сразу же написала стихотворение, посвященное ему, в котором были такие слова:

…Три бедняка, гонимых и ничтожных,
Им за свободу нечем заплатить,
Из склепа, запечатанного ложно
вы выбрались и вновь узрели жизнь,
Сказать спасибо за свою свободу
теперь вы можете тому, кто смел
промолвить миру, мол, судите строго,
Но я лишь этот день прожить успел[21].

Чешский анархист Ипполит Гавел в биографическом очерке 1910 года, посвященном уже знаменитой тогда Гольдман, написал: «Две самые выдающиеся представительницы анархистской идеи в Америке, Вольтарина де Клер и Эмма Гольдман, одна – урожденная американка, а вторая – русская, были обращены, как и многие другие, к идеям анархизма этим узаконенным убийством»[22]. Любопытно, что Гавел не упомянул в связи с событиями Хеймаркета вдову Парсонса, которая была не менее заметной фигурой на тогдашней анархистской сцене и испытала ещё и личную трагедию в связи с казнью своего мужа. Причина умолчания кроется в том, что между Эммой Гольдман и Люси Парсонс существовал идеологический конфликт, хорошо известный их современникам, и связанный, по словам историка Каролин Ашбо, с тем, что анархистки отражали взгляды разных классов и поколений[23]. Парсонс принадлежала к старому поколению анархистов, в то время, как Гольдман высказывала более современные и, в некотором смысле, «буржуазные взгляды» на важный для обеих «женский вопрос».

[19] Goldman 1932: 5.
[20] De Cleyre 1980: 3-4.
[21] De Cleyre 1914: 56.
[22] Havel 1910: 17.
[23] См.: Ashbaugh 1976: 202.

Гольдман неоднократно заявляла также, что Парсонс построила свою карьеру на обелении памяти погибшего супруга[24], что, безусловно, соответствовало действительности, хотя и не умаляло достоинств последней, как идеолога анархизма. В выпячивании Гольдман этого факта можно усмотреть определённую ревность, вызванную тем, что Парсонс, как непосредственная участница событий, сумела монополизировать историю Хеймаркета, тогда как Гольдман считала чикагскую трагедию достоянием всего леворадикального сообщества.

В 1908 г. Гольдман поддержала литератора Фрэнка Харриса (1855–1931), написавшего новеллу «Бомба» от лица Л. Лингга[25]. В ней автор рассказал о трагедии на площади Хеймаркет в художественной манере, не особо сверяясь с фактами и сильно домыслив всю историю. Тем не менее, в авторитетном гольдмановском журнале «Мать Земля» появилась позитивная рецензия на эту книгу, а само издание было включено в перечень литературы, выставляемой на продажу во время публичных лекций Гольдман. Этот факт не прошел мимо внимания Парсонс, которая подвергла критике автора новеллы, и поддержавшую его Гольдман. Об этом эпизоде Гольдман написала в своей автобиографии: «Она осудила “Бомбу”, потому что Харрис не придерживался фактов, а также потому, что Альберт вышел на страницах книги довольно бесцветным человеком. Фрэнк Харрис утверждал, что написал не историю, а роман о драматических событиях. Но миссис Парсонс была совершенно права, отвергнув ошибочную концепцию Харриса об Альберте Парсонсе. Я выразила свое удивление Фрэнку по поводу его очевидной неспособности оценить личность Парсонса. Далеко не бесцветный или слабый, он должен был вместе с Луисом Линггом стать героем драмы. Парсонс сознательно вернулся на арену, чтобы разделить судьбу своих товарищей»[26]. Таким образом, несмотря на явные идеологические разногласия, обе анархистки всё же были единодушны в своём представлении о героизме Альберта Парсонса, ни в чём не уступавшем своим товарищам.

***

Все три женщины, посвятившие свою жизнь идеалу анархии и сохранившие в своих сердцах память о чикагской трагедии, каждая по-своему, воспели мучеников Хеймаркета: Люси Парсонс, на правах свидетельницы событий и придерживаясь исторической точности; Вольтарина де Клер, как поэтическая натура, в своих стихах и речах; а Гольдман, руководствуясь чувством великой сопричастности к жертве анархистов, на которую она сама была готова в любой момент.

Независимо друг от друга, эти выдающиеся женщины пожелали, чтобы их тела после смерти были похоронены рядом с останками чикагских анархистов на кладбище Вальдхайм, что и было исполнено.

---

[24]См.: Falk 1984: 66.
[25] Harris 1920.
[26] Goldman 2011: 683.

Благодаря настойчивости и искренности трёх анархисток и других заступников чикагской восьмерки, мученики Хеймаркета были оправданы в глазах общества, которое убедилось, что в США, стране, основанной, в том числе, на принципах свободы слова, человек может быть осужден и приговорён к казни не за реальное преступление, а за политические воззрения и мнения, высказанные публично. Это заключение, вызванное самим ходом процесса и его трагическим окончанием, превратившееся в глубокое убеждение всей международной леворадикальной интеллигенции, стимулировало дальнейшее распространение идеологии анархизма в США и остальном мире.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Черненко Ж. И. Гражданская поэзия В. де Клер как источник изучения раннего анархо-феминизма // SCHOLA-2018: Сборник научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова / Под ред. А. Ю. Шутова и А. А. Ширинянца. Сост. А. И. Волошин, подг. текстов А. В. Мырикова, Б.А. Прокудин, А. Б. Страхов. М.: Издательство Московского университета Москва, 2018. С. 73–76. [CHernenko ZH. I. Grazhdanskaya poeziya V. de Kler kak istochnik izucheniya rannego anarho-feminizma // SCHOLA-2018: Sbornik nauchnyh statej fakul'teta politologii Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni M. V. Lomonosova / Pod red. A. YU. SHutova i A. A. SHirinyanca. Sost. A. I. Voloshin, podg. tekstov A. V. Myrikova, B.A. Prokudin, A. B. Strahov. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Moskva, 2018. S. 73–76.].

Черненко Ж. И. Критика власти в работе «Принципы анархизма» Л. Парсонс // SCHOLA-2017: Политическая текстология и история идей / Под ред. А.Ю. Шутова, А.А. Ширинянца; сост. А.И. Волошин; подг. текстов А.В. Мырикова, А.Б. Страхов. М.: Изд-во Московского университета, 2017. С. 161–164. [CHernenko ZH.I. Kritika vlasti v rabote Principy anarhizma L. Parsons // SCHOLA-2017: Politicheskaya tekstologiya i istoriya idej / Pod red. A.YU. SHutova, A.A. SHirinyanca; sost. A.I. Voloshin; podg. tekstov A.V. Myrikova, A.B. Strahov. M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 2017. S. 161–164].

Черненко Ж.И. Эмма Гольдман о русской революции и большевизме // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2013. № 6. С. 81–90. [CHernenko ZH. I. Emma Gol'dman o russkoj revolyucii i bol'shevizme // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki. 2013. № 6. S. 81–90.].

Arnesen E. Encyclopedia of U.S. labor and working-class history / Eric Arneson. NY: Taylor & Francis Group, 2007. 1126 p.

Altgeld J. P. Pardon of the anarchists and the review of the Haymarket Riot. Chicago: L.E. Parsons, 1915. 44 p.

Ashbaugh C. Lucy Parsons: American Revolutionary. Chicago: Charles H. Kerr Publishing Company, 1976. 288 p.

Avrich P. The Haymarket tragedy. N.J.: Princeton University Press, 1986. 535 p.

De Cleyre V. The First Mayday: The Haymarket Speeches 1895-1910 / New Anarchist Library. NY, London: Cienfuegos, 1980. 53 p.

De Cleyre V. Selected works of Voltairine De Cleyre. Edited by Alexander Berkman, NY: Mother Earth publishing association, 1914. 475 p.

Falk C. Love, Anarchy, and Emma Goldman. NY: Holt, Rinehart and Winston, 1984. 603 p.

Goldman E. Living My Life. NY: Cossimo classics, 2011. 1028 p.

Goldman E. The psychology of political violence // Anarchism and other essays. NY: Mother Earth Publishing association, 1917. P. 85-114.

Goldman E. Voltarine de Cleyre. N.J.: Oriole Press, 1932. 41 p. Rpt. in Goldman E. Voltarine De Cleyre // Emma Goldman's publ. essays and pamphlets https://www.lib.berkeley.edu/ goldman/pdfs/PublishedEssaysandPamphlets_VoltairineDeCleyrei.pdf.

Green J. Death in the Haymarket: A Story of Chicago, the First Labor Movement and the Bombing that Divided Gilded Age America. NY: Pantheon Books, 2006. 400 p.

Harris F. The Bomb. NY: Frank Harris publishing, 1920. 336 p.

Havel I. Emma Goldman: biographical sketch // Anarchism and other essays. NY: Mother Earth Publishing association, 1917. P. 5-44.
Parsons L. Life of Albert R. Parsons: with brief history of the labor movement in America also sketches of the lives of A. Spies, Geo. Engel, A. Fischer, and L. Ling. Chicago: L.E. Parsons, 1903. 394 p.
Roediger E., Rosemont F. Haymarket scrapbook. Chicago: C.H. Kerr, 1986. 256 p.
Trautmann F. The Voice of Terror: A Biography of Johann Most (Contributions in Political Science). Connecticut: Greenwood Press, 1980. 288 p.

Черненко Жанна Игоревна, *аспирантка, факультет политологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; etvincere@gmail.com*

The tragedy on Haymarket square and in the hearts of three anarchists

In the article, the author discusses the tragic events on Haymarket Square, May 4, 1886, which led to the execution of Chicago anarchists, and analyzes the further influence of these events on the left-wing intelligentsia of the United States and the whole world. So, in memory of the executed anarchists, the Paris Congress of the Second International declared 1st May as the Day of Solidarity of Workers of the World. But these events had a deeper influence on the three great women of their time: Lucy Parsons, the widow of one of the executed anarchists, who actually began her political career with the defense of the memory of her husband, Voltairine de Cleyre, then a young girl who was to become the "poetess of American anarchy", and Emma Goldman, the most famous anarchist in the United States.

Keywords*: anarchism, Haymarket, Second International, Lucy Parsons, Voltairine de Cleyre, Emma Goldman, anarcho-feminism.*

Zhanna Chernenko, *PhD student, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University; etvincere@gmail.com*

Ю. А. Курдин, А. Р. Панов

«ЧТО ВЫГОДНО ДЛЯ РОССИИ, ТО ВЫГОДНО И ДЛЯ СЕРБА И ДЛЯ БОЛГАРИНА И ДЛЯ ВСЕГО СЛАВЯНСТВА»
СЕРБСКО-ТУРЕЦКАЯ КАМПАНИЯ 1876 Г. В ОСВЕЩЕНИИ ПЕРЕПИСКИ М. Г. ЧЕРНЯЕВА С И. С. АКСАКОВЫМ

В статье рассматриваются события, связанные с участием русских добровольцев в сербско-турецкой войне в 1876 г. В качестве источниковой базы исследования используются письма М.Г. Черняева, ставшего главнокомандующим сербской армией, и И.С. Аксакова, возглавлявшего Московский славянский комитет.
Ключевые слова: *М.Г. Черняев, И.С. Аксаков, сербско-турецкая война, 1876 г.*

Участник среднеазиатских походов 1860-х гг. и покоритель Ташкента Михаил Григорьевич Черняев принял самое деятельное участие в событиях 1876 г. на Балканском полуострове, к которым оказалось приковано внимание как России, так и стран Европы. Боснийско-герцеговинское восстание, начавшееся в 1875 г., побудило черногорцев и сербов выступить против Турции в июне 1876 г., несмотря на энергичные попытки великих держав, включая и Россию, сдержать Сербию. Симпатии М.Г. Черняева были на стороне славянских народов, при первой же возможности он отправился в Сербию и оставался там до конца военных действий. Несмотря на то, что деятельность Черняева в Сербии получила неоднозначные оценки как среди современников, так и среди новейших исследователей[1], не представляется возможным отрицать то, что его роль в происходивших событиях была крайне важна. Немаловажное значение имела и деятельность председателя Московского славянского комитета Ивана Сергеевича Аксакова, который, оставаясь в России, делал все возможное для оказания помощи участникам антитурецкого движения и был напрямую связан с М.Г. Черняевым. Их переписка служит одним из интереснейших источников по истории сербско-турецкой войны, ценность ее состоит в том, что письма прямых участников событий содержат непосредственные впечатления и мысли, изложенные в естественной и подчас эмоциональной форме.

К середине 1870-х гг. М.Г. Черняев и И.С. Аксаков были знакомы не понаслышке, их объединяла общность взглядов и рода деятельности: оказавшийся в отставке Черняев начал издавать в Санкт-Петербурге газету «Русский мир» и чувствовал себя солидарным с московским кружком славянофилов, группировавшихся вокруг И.С. Аксакова. Несмотря на то, что Аксаков критично относился к издательской деятельности Черняева, даже назвав его в письме В.А. Черкасскому «плохим редактором и неглубоким мыслителем»[2], это не мешало им действовать совместно. В сентябре 1875 г. «Русский мир» открыл подписку в пользу

[1] См.: Кочуков 2009: 67; Шемякин 2012: 187–188.
[2] Аксаков Иван Сергеевич 2013: 198.

герцеговинцев, что не могло не получить одобрения Аксакова, также присоединившегося к сбору средств[3]. В ноябре 1875 г. Черняев письменно обратился к Аксакову с просьбой помочь прапорщику Мостичу отправиться в Черногорию для участия в военных действиях против турок; любопытна приписка в конце письма, где Черняев объясняет свое нежелание обращаться в Санкт-Петербургский славянский комитет тем, что «взгляды его на восстание в Герцеговине слишком официальные»[4].

В феврале 1876 г. М.Г. Черняев решился ехать к месту боевых действий, хотя III Отделением были приняты меры, чтобы этого не допустить: ему было отказано в выдаче загранпаспорта, и он дал слово императору не ездить к герцеговинцам. Отставной генерал вступил в переговоры с руководством Московского славянского комитета – И.С. Аксаковым, П.Н. Батюшковым, Н.А. Поповым, которые не возражали против его планов[5]. Фактически именно Славянским комитетом была организована поездка Черняева в Сербию: по свидетельству Н.Н. Дурново, он лично обратился к сербскому митрополиту Михаилу и получил согласие сербского правительства на прибытие Черняева в Сербию[6]. Кроме того, от Аксакова Черняев получил деньги на поездку – 5 тыс. рублей[7].

Одно из писем было отправлено Черняевым Аксакову в пути, из Кишинева, а следующее, датированное 29 апреля 1876 г., было написано уже в Белграде. В нем Черняев излагает свои первые впечатления от ситуации в Сербии и в то же время предлагает вполне конкретную программу действий, в реализации которой без поддержки Аксакова было не обойтись. Черняев пишет о воодушевлении местного населения, отмечает, как хорошо его принимают, и признает, что на него возлагаются слишком большие надежды. Среди проблем, стоявших перед сербским правительством, он выделяет прежде всего нехватку денежных средств. Попытки сделать заем в Европе ожидаемо оказались неудачными, так что Россия оставалась единственной страной, способной предоставить Сербии необходимые средства. Излагая излагает детали предполагаемого займа, сообщенные ему сербским министром юстиции Груичем, Черняев просит Аксакова похлопотать об успехе этого займа. Его оценка ситуации выглядела следующим образом: «Москва оказала бы большую помощь Сербии, помощь, которую страна никогда бы не забыла, так как этим займом она приобретает средства для борьбы за свое существование»[8]. И.С. Аксаков сделал все от него зависящее, чтобы помочь Сербии с займом, подключив к этому личные связи: директор Государственного банка Е.И. Ламанский приходился братом известному слависту В.И. Ламанскому, с которым Аксаков был дружен. В итоге, Ламанские состави-

[3] Там же.
[4] Черняев 2018: 35.
[5] Никитин 1960: 191.
[6] Дурново 1899: 533–535.
[7] Михайлов 1906: 14.
[8] Освобождение Болгарии от турецкого ига 1961: 210.

ли план, согласно которому под прикрытием частных банков финансировать Сербию взялось фактически русское правительство[9].

На протяжении мая–июня 1876 г. в Сербии шла интенсивная подготовка к выступлению против Турции, и 18(30) июня война была объявлена. Еще ранее М.Г. Черняев принял предложение сербского князя Милана и вступил в сербское подданство, став генералом сербской армии. Официальная позиция России оставалась прежней: дипломаты и военные были против войны, указывая на неготовность сербского войска к вооруженному конфликту – в перспективе же не готова была к втягиванию в крупную войну и сама Россия. В этой ситуации Черняеву, чье пребывание в Сербии не было санкционировано российским правительством, приходилось рассчитывать только на ту поддержку, которую ему мог обеспечить Славянский комитет. Даже его материальное содержание легло на плечи комитета, о чем прямо говорится в письмах Черняева и Аксакова, датированных июнем 1876 г. В письме И.С. Аксакова В.А. Черкасскому от 24 июня 1876 г. автор сообщает, что Черняев известил его об отказе от сербского содержания, объявив, что прислан Московским славянским комитетом. «Это правда, – продолжает Аксаков, – мы содержим и его, и Измайлова»[10]. Письмо самого Черняева от 26 июня 1876 г. содержит аналогичную информацию: генерал упоминает о полковнике А.П. Измайлове, ставшем его помощником в Сербии, и благодарит Аксакова за «присланные вновь 600 червонцев»[11]. Более того, несколько позднее Славянский комитет взял на себя обеспечение и семьи генерала, остававшейся в России: после того как в августе 1876 г. Черняев прислал телеграмму о возможности отослать 500 рублей семье, Аксаков отправил его жене 3 тыс. рублей и известил, что будет посылать ей тысячу рублей каждый месяц, пока ее муж служит в Сербии[12].

Начавшиеся военные действия вызвали подъем общественных настроений в России в пользу славянских народов, боровшихся за свою свободу: пожертвования и отправка добровольцев на Балканы приняли широкий размах. Позиция российских властей была противоречива: негласно славянское движение поощрялось, но правительство не вмешивалось в общественные инициативы, всячески избегая придания им официального характера, и предостерегало прессу и славянские комитеты от резких внешнеполитических заявлений[13]. Тем самым в роли центров, координирующих усилия представителей русской общественности, оказались славянские комитеты, в первую очередь Московский славянский комитет во главе с Аксаковым. Славянским комитетам пришлось подняться на совершенно новый для них уровень деятельности, перейдя от гуманитарных акций к военно-политическим. Так, одной из

[9] Власова 2016: 29.
[10] Аксаков Иван Сергеевич 2013: 233.
[11] Черняев 2018: 38.
[12] Аксаков Иван Сергеевич 2013: 235.
[13] Например, см.: Москва – Сербия. Белград – Россия 2011: 419–420.

основных задач для комитетов летом 1876 г. стала организация отправки добровольцев в Сербию. М.Г. Черняев, будучи назначен главнокомандующим сербской армией, быстро убедился в ограниченности ресурсов Сербии для ведения войны, и потому в значительной степени строил свои планы на получении помощи с российской стороны. Для Черняева связь с Аксаковым служила выражением как моральной, так и материальной поддержки его деятельности в Сербии.

Неудивительно, что обращения Черняева к Аксакову представляли собой призыв о помощи в решении тех проблем, с которыми он сталкивался. Например, в конце июля Черняевым были отправлены две телеграммы: одна из них содержала текст «Бога ради, посылайте офицеров, здесь на тысячу солдат один офицер. Положение очень серьезное», а во второй генерал просил прислать походный иконостас, которых в возглавляемой им армии не оказалось[14]. В начале сентября встал вопрос о снабжении сербской армии теплой одеждой, и вновь Черняеву ничего не оставалось иного, как обращаться к Аксакову[15]. В более обстоятельном письме от 12 июля 1876 г. Черняев излагает Аксакову свои мысли о возможности оказания помощи болгарскому населению[16].

В вопросе об организации действий болгарских повстанцев имелись альтернативы предложениям М.Г. Черняева: генерал Р.А. Фадеев и подполковник И.К. Кишельский предлагали сформировать самостоятельное болгарское ополчение для подъема знамени антитурецкой борьбы в Болгарии. Оценку их планам Аксаков дал в весьма содержательном письме Черняеву от 3 сентября 1876 г. К тому времени военные действия продолжались с переменным успехом, но, в целом, сербской армии с трудом удавалось сдерживать турецкое наступление.

В начале письма Аксаков оценивает участие России в войне, говоря, что ее ведет не правительство, а «сам русский народ», Славянский же комитет является и казначейством, и интендантством, и комиссариатом для Черняева. Об отношении к Черняеву русской общественности Аксаков говорит в возвышенных тонах: «Не забывайте, что Вы теперь самое народное имя в России… что Вы стоите пред лицом Русского Народа, Русского общественного мнения, что столько любви приносится Вам в дар»[17]. Письмо имеет характер дружеского послания, лишенного налета официозности, и потому в нем раскрыты потаенные мысли Аксакова, который в некоторых вопросах укоряет, пусть и в деликатной форме, своего адресата. Прежде всего, Аксаков просит Черняева хотя бы иногда заявлять благодарность о получении посылаемых вещей и вообще об оказываемом содействии: безусловно, для членов Славянского комитета, много делавших для поддержки освободительного движения на Балканах, эти благодарности могли служить единственной наградой за

[14] Аксаков Иван Сергеевич 2013: 240.
[15] Черняев 2018: 41.
[16] Освобождение Болгарии от турецкого ига 1961: 295.
[17] Черняев 2018: 42.

их усилия. Просматривается в письме и недовольство решением Черняева о назначении начальником штаба В.В. Комарова, который, как пишет И.С. Аксаков, «не пользуется репутацией человека дельного».

Основная же часть письма посвящена рассуждениям о Болгарии и Сербии в контексте столь злободневного в то время для России восточного вопроса. Несмотря на то, что Аксаков дает уничижительную характеристику Кишельскому и Фадееву (первого он называет пустым, а в отношении второго прямо говорит об антипатии), он признает справедливость их расчетов и призывает Черняева взглянуть на ситуацию более широко, с точки зрения интересов России, а не Сербии. «Интересы России, – констатирует Аксаков, – превыше всего, ибо что выгодно для России, то выгодно и для серба и для болгарина и для всего славянства»[18]. В будущем столкновении России с Турцией значение Болгарии видится Аксакову более важным, чем Сербии: по его словам, «болгарский вопрос есть вопрос о существовании Турции». Поэтому он предлагает Черняеву взять в свои руки подготовку кадров для болгарской армии.

Таким образом, в данном письме Аксаков предельно трезво подошел к оценке хода событий в Сербии, обрисовав Черняеву, какой представляется его деятельность извне. Послание показательно и в том плане, что за время войны по сути это было первое личное обращение Аксакова к Черняеву – в отличие от сообщений и адресов официального характера. Нужно отдать Аксакову должное: он сумел обозначить свою точку зрения и даже определенные претензии к Черняеву, сохраняя искренне дружеский настрой. При этом нужно учитывать, что Аксаков имел все основания для гораздо более жесткой критики Черняева; например, жена публициста высказывалась о Черняеве гораздо менее лицеприятно: тот «вообще обращается в Славянский комитет только с просьбами поскорее прислать вещей и денег, а просимые суммы все возрастают… он никогда ничего не пишет, ничего не объясняет, ни в чем не отчитывается, а его военные успехи отнюдь не столь блестящи, чтобы оправдать эти диктаторские замашки»[19].

Ответ М.Г. Черняева последовал нескоро: письмо писалось с перерывами и было начато 24 сентября, а закончено 2 октября. К тому времени военно-политическая ситуация в Сербии ухудшилась, ответственность за что была возложена на Черняева. Его попытка провозгласить Милана королем сербским для поднятия престижа страны закончилась полным провалом, а заключенное при участии великих держав перемирие было нарушено сербами, что вскоре привело к катастрофическим для них последствиям. Тем не менее, на момент написания письма Черняев был настроен весьма оптимистично, полагая что Турция на 3/4 побеждена Сербией и находится при последнем издыхании[20]. Он строит планы продолжения борьбы, каковые и были представлены Аксако-

[18] Освобождение Болгарии от турецкого ига 1961: 388.
[19] Тютчева 2008: 526.
[20] Черняев 2018: 47.

ву. В первую очередь генерал высказывает свое суждение о Болгарии: на его взгляд, Болгария может подняться только при занятии ее посторонней силой (т.е. либо русской, либо сербской армией), в связи с чем подготовку самостоятельного выступления болгар он считает непрактичным. Ставку он делал на вступление в пределы Болгарии сербской армии, и потому проект Черняева заключался в подготовке сербских войск, усиленных русскими добровольцами, к наступлению. В очередной раз на Славянский комитет возлагались надежды по предоставлению всего необходимого: денег[21], добровольцев, вооружения, обмундирования. В этом случае Черняев планировал зимой занять Болгарию, причем военное вмешательство России он стал считать излишним[22]. Затрагивается в письме и вопрос о провозглашении королевства, но и здесь Черняев далек от признания непродуманности такого шага, именуя это провозглашение народным.

Нельзя не заметить откровенно слабую обоснованность расчетов Черняева, что показали последующие события. Помимо того, что он явно переоценивал собственные силы и возможности Славянского комитета, он не учитывал изменения в отношении к сербам в самой России. Нежелание Сербии следовать курсу российской дипломатии привело к тому, что правительство стало чинить препятствия организуемым Славянскими комитетами акциям[23]. Сами добровольческие порывы в русском обществе пошли на спад, одной из основных причин было распространявшееся среди добровольцев разочарование Сербией, которое через их письма начало ощущаться и в России. Состав добровольцев был весьма пестрым, и не все из них оказались готовы к перенесению лишений во имя другого народа. В воспоминаниях и письмах В.П. Мещерского, Н.В. Максимова, Г.И. Успенского, оказавшихся в Сербии осенью 1876 г., отчетливо улавливается диссонанс между первоначальными, во многом идеалистичными, порывами русских добровольцев и будничной действительностью войны, причем войны на чужой им земле. «Что такое Сербия для меня? – задается вопросом прибывший в качестве добровольца Н.В. Максимов, – Сербия – страна одного племени, но разных взглядов, нравов, привычек, убеждений, разного воспитания, развития и направления»; а ниже он дает безжалостную характеристику самим добровольцам: «Мы гордо, надменно явились в Сербию с понятиями спасителей этой страны»[24]. По сути, многие русские добровольцы прибыли с жаждой совершить великое дело, но всеобщей поддержки в Сербии не почувствовали: отсюда и недовольство сербами, обвинения их в трусости и нежелании воевать[25].

[21] Никитин 1960: 298.
[22] Черняев 2018: 48.
[23] Например, запреты на формирование добровольческих дружин, что сложно было представить летом 1876 г. (Москва – Сербия. Белград – Россия 2011: 463–464).
[24] Максимов 2006: 197–198.
[25] Третьякова 2015: 587.

Славянские комитеты, тем не менее, исполняли взятые на себя обязательства до конца: в ответ на призывы Черняева Петербургский комитет по согласованию с Московским послал в Сербию почти всю наличность – 100 тыс. руб.[26] Однако спустя несколько дней сербская армия была разбита в Джунисском сражении, и спасти Сербию смогло лишь дипломатическое вмешательство российского правительства, предъявившего Турции ультимативное требование прекратить военные действия. Война была остановлена, и своеобразной формой оценки ее итогов стала Кремлевская речь Александра II 29 октября 1876 г., в которой император заявил о защите балканских славян Россией, но в то же время открыто упрекнул сербов в отсутствии героизма. Данная речь послужила сигналом для нападок прессы на Сербию и Черняева, что болезненным образом отразилось и на положении славянских комитетов.

Именно в такой атмосфере Аксаковым было написано очередное письмо Черняеву, датированное 1 ноября 1876 г. Как и предыдущее, оно было составлено в дружеской манере, и содержало видение Аксаковым восточного вопроса в целом. Аксаков констатирует, что решить восточный вопрос не способна ни Сербия, ни даже русское общество, а лишь Россия как государственный механизм[27]. Post factum он признается, что «имел в виду вызвать именно официальное участие России и никогда не верил в возможность решать дело деятельностью одних Комитетов»[28]. Он указывает, что Сербия оказалась неподготовленной к войне не только в смысле организации, но и в «смысле духовном и просто-напросто негостеприимной». Обращаясь к речи Александра II, Аксаков пишет, что тот «выразил только общее чувство и мнение, хотя нельзя не пожалеть, что эти слова – о сербах – были им сказаны». В результате всего, что произошло, считает Аксаков, отношения русских и сербов надолго испорчены, но взгляд устремлен в будущее, и его призывы к Черняеву проникнуты нотками надежды. Он советует генералу, потерявшему свою армию, не обвинять в неудаче Россию, а примириться с государем с тем, чтобы принять участие в будущей войне, где выступит Россия.

Положение в самом деде было незавидным: в Сербии все было потеряно, а въезд в Россию ему запрещался по указанию императора. Несмотря на увещевания, Черняев продолжал возлагать вину за свое поражение на российское правительство. В письме Аксакову от 15 ноября 1876 г. он заявляет: «Все данные… говорят о том, что официальная Россия подготовляла Джунисскую катастрофу, чтобы потушить славянское движение. Прав ли я или нет, время обнаружит. Говорите, сколько угодно, об моем промахе, будущее покажет, кто промахнулся»[29]. Тем не менее, он последовал совету Аксакова, и 17 ноября обратился с письмом к Александру II. В нем он выражает свою верноподданность, обозначая

[26] Никитин 1960: 298.
[27] Черняев 2018: 51.
[28] Там же: 52–53.
[29] Москва – Сербия. Белград – Россия 2011: 585.

свою миссию в Сербии следующим образом: «моя скромная задача состоит в том чтобы удерживать напор мусульманских сил на страну, вверившую мне свою защиту, пока не раздастся Твоё царственное слово»[30].

Обращение возымело результат, и российские власти перестали игнорировать Черняева: он был приглашен в Кишинев, откуда и отправил письмо Аксакову. Настрой этого послания более спокоен, хотя генерал все же не удержался от упрека: «Неужели Вы верите, что можно было сделать больше того, что сделано мною. …Если бы Вы были в Делиграде и приехали сюда взглянуть что делается, то, быть может, перешли бы на мою сторону»[31]. Основная же часть письма посвящена судьбе русских добровольцев, о которых Черняев просит позаботиться.

В Кишиневе М.Г. Черняеву были предложены разные варианты устройства его дальнейшей судьбы: назначение в Сербию с поручением, которое, очевидно, он счел для себя унизительным, поселение в Киеве или отъезд за границу. В результате, он решил отправиться в Европу, и последнее его письмо, датированное 1876 г., было отправлено уже из Вены. Черняев продолжает оправдываться перед Аксаковым в неудаче, указывая на недостаточную его поддержку: «Одно поощрение к борьбе со стороны русского общества без действительной, сообразной с потребностями помощи повело к настоящим недоразумениям между русскими и сербами». Обещает он дать отчет об имевшихся в его распоряжении денежных суммах, чтобы Аксаков убедился, что количество бывших у него «денег также преувеличено в воображении наших недоброжелателей, как и число добровольцев»[32]. Несмотря на то, что сам Черняев обозначает свои мотивы как желание объясниться, общий тон письма по-прежнему можно охарактеризовать как дружеское послание.

Своеобразным завершением письменного диалога Черняева и Аксакова, касающегося раздумий о событиях 1876 г., являются два письма: письмо Аксакова от 4 января 1877 г. и ответ Черняева. В своем письме Аксаков дает общую оценку не только и не столько сербско-турецкой войны, сколько того, что он знал о действиях Черняева и как их воспринимал. Текст содержит достаточно резкие выпады, но при этом Аксаков не обличает, а делится своими мыслями и сопереживает Черняеву, разделяя его боль от поражения. Он не берется судить о военных операциях, признавая, что победа турок рано или поздно была неизбежна, и сразу обозначает свое личное неизменное отношение к Черняеву: «из всей этой грязи, которою как тиною заволокло теперь весь этот добровольческий период прошлого года, одно имя вышло вполне чистым – это Ваше»[33]. Однако итогом войны вместо спасения Сербии стало ее поражение, а на смену братолюбию пришло едва ли не братоненавидение – в допущенных ошибках Аксаков и пытается разобраться, призывая к то-

[30] Черняев 2018: 55–56.
[31] Москва – Сербия. Белград – Россия 2011: 491.
[32] Черняев 2018: 57-58.
[33] Там же: 59.

му же Черняева. Во-первых, полагает Аксаков, Джунисское поражение превратилось в разгром вследствие бегства штаба Черняева. Во-вторых, он указывает на плохо поставленную организацию снабжения: по его словам, до 1000 пудов грузов Славянского комитета бесцельно пролежало до ноября, будучи наполовину разворовано и испорчено. В-третьих, он ссылается на излишние траты: например, создание черняевского эскадрона, одетого в особые мундиры. Наконец, Аксаков порицает Черняева за то, как тот себя повел после поражения Сербии. Обращение к императору, как он считает, запоздало, и характер этого обращения он не одобряет, говоря, что получился «какой-то манифест или адрес от имени Сербского народа русскому Царю»[34]. Не согласен Аксаков и с решением Черняева не возвращаться в Россию, а удалиться в Европу: по его мнению, даже внешне унизительное пребывание в Киеве лучше, чем странствование по Европе и стяжание пустых оваций[35]. Аксаков прямо укоряет Черняева в тщеславии, заявляя: «Россия такая земля, что чем больше кто старается возвысить свои заслуги, тем больше он теряет в общем мнении и наоборот»[36].

Для достойного ответа Черняеву требовалось собраться со всеми душевными силами. Он признается, что несколько раз принимался писать, но каждый раз рвал свои письма – сохранившийся экземпляр был написан в Париже 29 марта 1877 г., но, видимо, так и не был отправлен. Начинает Черняев с оценки правительства, которое, по его мнению, не может стать на славянскую почву. Пессимистичен он в преддверии разворачивавшейся русско-турецкой войны и в отношении русской армии, особенно ее командования, причем он предвидит и даже призывает безуспешный исход войны: «Дальнейшие результаты, даже неудачной войны, будут для нас полезнее последней Крымской. Вместо канцелярских реформ мы можем стать на свободную народную почву. Немецкое командование заменить русским управлением»[37]. После этого Черняев последовательно отвечает на упреки Аксакова. Он дает общий финансовый отчет и распределяет расходы полученных им 230 тыс. руб., попутно даже признавая неизбежные в военных условиях хищения и потери. Обвинения в роскошестве отвергаются, и в письме содержатся разнообразные финансовые детали: содержание солдат и офицеров, столование штаба армии, пошив обмундирования для эскадрона, носившего его имя. В целом, Черняев изображает свои траты несопоставимыми с масштабом решаемых им задач, особенно на фоне многомиллионных военных операций, финансируемых правительством. Защищает он в письме и свой штаб, и армию в целом, как русских добровольцев, так и сербов: добровольцев он характеризует как идеал войска, а про сербов пишет, что нападки на них преувеличены донельзя. Наконец, Черняев возража-

[34] Там же: 60.
[35] Там же: 61.
[36] Там же: 63.
[37] Там же: 64.

ет Аксакову в том, что ему следовало проявить смирение и согласиться на проживание в Киеве: «это смирение было бы с моей стороны притворство, и никто ему бы не поверил»[38].

Обозревая переписку М.Г. Черняева и И.С. Аксакова по ситуации в Сербии в 1876 г., нужно прежде всего отметить, что именно их совместная деятельность стала выражением участия русского общества в борьбе сербов против Турции. Если Черняев находился в гуще событий, и его имя обрело притягательность для отправлявшихся в Сербию русских добровольцев, то Аксаков, оставаясь в России, обеспечивал всестороннюю поддержку добровольческого движения – начиная с пропагандистской кампании и заканчивая материальным обеспечением добровольцев. Ведущая роль в этой связке объективно должна была принадлежать Аксакову – Черняев, в полной мере зависевший от той поддержки, которую получал из России, больш нуждался в Аксакове, чем тот в нем. Изначально сам Черняев в какой-то мере являлся креатурой Славянского комитета, который и организовал его поездку в Сербию. Несмотря на то, что Аксаков находился вдали от театра военных действий, его видение ситуации было намного шире, чем у Черняева. Публицист получал информацию из разнообразных источников, в т.ч. и сведения о Черняеве: например, Аксакову адресовались письма помощника Черняева А.Л. Измайлова, а также представителей Славянского комитета в Сербии В.Н. Теплова и П.А. Висковатова, которые рисовали деятельность генерала не в радужных тонах и не скрывали имеющихся проблем. В то же время, сложно согласиться с мнением О.В. Червинской, что все шаги Черняева делались под руководством Аксакова[39]. Отнюдь – Аксаков, признававший свою некомпетентность в военных делах, не пытался контролировать Черняева, и характер его писем далек от менторского тона, как это могло бы быть.

М.Г. Черняев и И.С. Аксаков были связаны осознанием участия в общем деле, пусть у них и имелись разногласия по некоторым вопросам. Основное из них заключалось в том, что Аксаков понимал ограниченность добровольческого движения, и для него волна общественной поддержки в пользу сербов была средством вынудить вступить в войну российское правительство, в то время как Черняев всерьез поверил в возможность победы без вмешательства России. Соответственно, Аксаков лояльно воспринял итоги войны, став на государственную точку зрения, тогда как Черняев прямо обвинял в поражении Россию, и в его парижском письме заметны фрондистские настроения. Несмотря ни на что каждый исполнил понимаемый им долг до конца. И.С. Аксаков, сделавставку на Черняева, до последнего момента поддерживал его в Сербии. М.Г. Черняев же во многом оказался заложником возлагавшихся на него надежд, и для него поражение Сербии стало подлинной трагедией.

[38] Там же: 69.
[39] Червинская 2010.

Но в конечном итоге, по оценке современника событий, именно «не увенчавшийся успехом подвиг Черняева более подвинул Славянское самосознание, чем годы самой талантливой и деятельной литературной пропаганды»[40].

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Аксаков Иван Сергеевич. Материалы для летописи жизни и творчества. Вып. 5. Ч. 1 / Сост. С.В. Мотин, И.И. Мельников, А.А. Мельникова; под ред. С.В. Мотина. Уфа: УЮИ МВД России, 2013. 250 с. [Aksakov Ivan Sergeevich. Materialy dlya letopisi zhizni i tvorchestva. Vyp. 5. Ch. 1 / Sost. S.V. Motin, I.I. Mel`nikov, A.A. Mel`nikova; pod red. S.V. Motina. Ufa: UYuI MVD Rossii, 2013. 250 s.].

Власова Ю.В. Политика России в деле урегулирования сербо-турецкого конфликта 1876 г. // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Сер.: социально-гуманитарные науки. 2016. № 2 (10). С. 25–32 [Vlasova Yu.V. Politika Rossii v dele uregulirovaniya serbo-tureczkogo konflikta 1876 g. // Nauchnyj vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arhitekturno-stroitel`nogo universiteta. Seriya: social`no-gumanitarnye nauki. 2016. № 2 (10). S. 25–32.].

Данилевский Н.Я. Война за Болгарию // Данилевский Н.Я. Горе победителям. М.: «Алир», ГУП «Облиздат», 1998. С. 54–179. [Danilevskij N.Ya. Vojna za Bolgariyu // Danilevskij N.Ya. Gore pobeditelyam. M.: «Alir», GUP «Oblizdat», 1998. S. 54–179.]

Дурново Н.Н. К истории сербско-турецкой войны 1876 года // Исторический вестник. Т. LXXV. 1899. С. 531–537. [Durnovo N. N. K istorii serbsko-tureczkoj vojny 1876 goda // Istoricheskij vestnik. T. LXXV. 1899. S. 531–537].

Кочуков С.А. Русские на Балканах в 1876 г. в свете источников личного происхождения // Известия Саратовского университета. Серия История. Международные отношения. 2009. Т. 9. № 1. С. 65–68. [Kochukov S. A. Russkie na Balkanah v 1876 g. v svete istochnikov lichnogo proishozhdeniya // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2009. T. 9. № 1. S. 65–68].

Максимов Н.В. Две войны 1876–1878 гг. Воспоминания и рассказы из событий последних войн // Русские о Сербии и сербах. Т. I / Сост. А.Л. Шемякин. СПб.: Алетейя, 2006. С. 176–205. [Maksimov N.V. Dve vojny 1876–1878 gg. Vospominaniya i rasskazy iz sobytij poslednih vojn // Russkie o Serbii i serbah. T. I / Sost. A.L. Shemyakin. SPb.: Aletejya, 2006. S. 176–205].

Михайлов А. Михаил Григорьевич Черняев. Биографический очерк. СПб., 1906. 165 с. [MihajIov A. Mihail Grigor`evich Chernyaev. Biograficheskij ocherk. SPb., 1906. 165 s.].

Москва – Сербия. Белград – Россия. Сборник документов и материалов. Т. 2: Общественно-политические связи 1804–1878 гг. / Сост.: А. Тимофеев, Е. Иванова и др. Белград; М., 2011. 940 с. [Moskva – Serbiya. Belgrad – Rossiya. Sbornik dokumentov i materialov. T. 2: Obshhestvenno-politicheskie svyazi 1804–1878 gg. / Sost.: A. Timofeev, E. Ivanova i dr. Belgrad; M., 2011. 940 s.].

Никитин С.А. Славянские комитеты в России в 1858–1876 гг. М.: Изд-во Московского университета, 1960. 362 с. [Nikitin S. A. Slavyanskie komitety` v Rossii v 1858–1876 godah. M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1960. 362 s.].

Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы. Т. 1 / Под ред. С.А. Никитина и др. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 715 с. [Osvobozhdenie Bolgarii ot tureczkogo iga. Dokumenty. T. 1 / Pod red. S.A. Nikitina i dr. M.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1961. 715 s.].

Третьякова С. Н. Русское добровольческое движение в Сербии (1876 г.) и отношение общества к нему // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI вв. Ч. 2. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2015. С. 581–588. [Tret`yakova S. N. Russkoe dobrovol`cheskoe dvizhenie v Serbii (1876 g.) i otnoshenie obshhestva k nemu // Gosudarstvo, obshhestvo, cerkov` v istorii Rossii XX–XXI vekov. Ch. 2. Ivanovo: Ivan. gos. un-t, 2015. S. 581–588].

Тютчева А.Ф. Воспоминания: При дворе двух императоров. М.: «Захаров», 2008. 591 с. [Tyutcheva A.F. Vospominaniya: Pri dvore dvuh imperatorov. M.: «Zaharov», 2008. 591 s.].

Червинская О. Писатель как историограф: сербский вопрос и личность генерала М.Г. Черняева в рецепции Ф.М. Достоевского (непрочитанная страница «Дневника писателя»)

[40] Данилевский 1998: 56.

// Історична панорама. Вип. 10. Чернівці: Чернівецький нац. ун-т, 2010. С. 41–66. [Chervinskaya O. Pisatel` kak istoriograf: serbskij vopros i lichnost` generala M.G. Chernyaeva v recepcii F.M. Dostoevskogo (neprochitannaya stranicza «Dnevnika pisatelya») // Istorichna panorama. Vip. 10. Chernivczi: Chernivecz`kij nacz. un-t, 2010. S. 41–66.].

Черняев М.Г. Статьи, письма, воспоминания / Под ред. А.А. Ширинянца, авт.-сост. Ю.А. Курдин, А.Р. Панов, А.В. Пряников, О.Д. Тальская, А.А. Ширинянц. М.: Изд-во Московского ун-та, 2018. 484 с. [Chernyaev M.G. Stat`i, pis`ma, vospominaniya / Pod red. A.A. Shirinyancza, avt.-sost. Yu.A. Kurdin, A.R. Panov, A.V. Pryanikov, O.D. Talskaya, A.A. Shirinyancz. M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 2018. 484 s.].

Шемякин А.Л. М.Г. Черняев и Сербия // Величие и язвы Российской империи. Международный научный сборник к 50-летию О.Р. Айрапетова. М.: «Регнум», 2012. С. 187–200 [Shemyakin A.L. M.G. Chernyaev i Serbiya // Velichie i yazvy Rossijskoj imperii. Mezhdunarodnyj nauchnyj sbornik k 50-letiyu O.R. Ajrapetova. M.: «Regnum», 2012. S. 187–200.].

Курдин Юрий Александрович*, кандидат филологических наук, доцент, декан, историко-филологический факультет, Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского; yukurdin@mail.ru*

Панов Александр Ростиславович*, доктор исторических наук, профессор, заведующий, кафедра истории и обществознания, Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского; panov_alexandr@mail.ru*

«What is beneficial for Russia, it is beneficial for both Serbs and Bulgarians and all Slavs»: Serbian-Turkish Campaign of 1876 according to correspondence by M. G. Chernyayev and I. S. Aksakov

The article deals with the events of Serbian-Turkish war (1876) and participation of Russian volunteers in it. As a primary source are used the letters of M. G. Chernyayev, who was Commander-in-Chief of the Serbian army, and I. S. Aksakov, chairman of the Slavic Charitable Society.

Key words: *M. G. Chernyayev, I. S. Aksakov, Serbian-Turkish war, 1876.*

Kurdin Yuri Aleksandrovich*, PhD. (Philology), Dean of the Faculty of History and Philology, Arzamas branch of State University of Nizhny Novgorod; yukurdin@mail.ru*

Panov Aleksandr Rostislavovich*, Dr.Sc. (History), Head of the Department of History and Social Sciences, Arzamas branch of State University of Nizhny Novgorod; e-mail: panov_alexandr@mail.ru*

А. В. Мырикова

Л.Н. ТОЛСТОЙ В ХОРВАТИИ

В 2014 году в хорватском Загребе вышла книга «100-й юбилей первого в мире памятника Л.Н. Толстому в Сельца на острове Брач. 1914–2014», посвященная 100-летнему юбилею установления первого в мире, как утверждают авторы, памятника великому русскому писателю и мыслителю. Из вошедших в книгу материалов, наиболее значимым представляется текст профессора Йосипа Бадалича, в краткой форме описывающий историю создания этого памятника. Для исследователей истории социально-политической мысли статья Бадалича интересна не только упоминанием имени Толстого в определенном историческом контексте, но и тем, что толстовство интерпретируется как проявление славянофильства и панславизма, и сами эти понятия употребляются Бадаличем как синонимы.

Ключевые слова: *Л.Н. Толстой, Й.Ю. Штроссмайер, Хорватия, панславизм, славянофильство, Первая мировая война, социально-политическая мысль начала XX века.*

В Адриатическом море находится остров Брач. Население острова составляет примерно 15 тыс. человек. Остров славится каменоломнями, где добывают белый «брачский камень» – особый известняк белоснежного цвета. Брачским камнем облицованы многие известные здания по всему миру, среди них – дворец Диоклетиана в Сплите и Белый дом в Вашингтоне. Городок Селца, по переписи населения 2011 г. насчитывающий 1804 человека, расположен на восточной стороне острова Брач.

Жители Селца стремятся сохранить хорватскую идентичность и заботливо относятся к памяти о прошлом. С 1888 г. (с перерывом) в городе действует культурное общество «Hrvatski sastanak» (букв. «Хорватские встречи»), получил европейскую известность местный церковный хор, ежегодно проводится значимый для страны литературный фестиваль «Croatia rediviva: Ča, Kaj, Što – baštinski dani», собирающий поэтов, пишущих на трех диалектах хорватского языка. Одним из свидетельств бережного отношения к своей культуре и истории стала серия книг малой библиотеки «Selački korijeni» («Селачки корни», т.е. корни Селца), которая издается усилиями местных энтузиастов Н. Урсич, С. Урсича, И. Вуковича и др. В ней уже вышли книги, посвященные истории Селца и людям, связанным с этим городком рождением или творчеством, в том числе – уроженцу Селца Гиацинту Бошковичу (1900–1947) – выдающемуся философу, писателю, богослову и проповеднику, «титану веры и разума»[1]; проработавшему на острове Брач более 10 лет сельским врачом Мартину Кукучину (1860–1928) – одному из родоначальников современной словацкой прозы, писателю, драматургу и публицисту[2].

В 2014 г. в издательстве «Объединение Дидолич» увидела свет четвертая книга серии, посвященная 100-летнему юбилею установления

[1] dr. fr. Hijacint Bošković 2009.
[2] Martin Kukučin 2010.

«первого в мире» памятника великому русскому писателю и мыслителю Льву Николаевичу Толстому в Селца[3]. Жители Селца и всей Хорватии уверены в том, что первый в мире памятник Толстому установлен именно у них. Однако существуют и другие версии.

Так, вскоре после смерти Толстого по заказу жителей геленджикской Криницы был создан первый в мире памятник великому русскому писателю. Автором его был талантливый скульптор-самоучка Федор Давыдов. В 1910 г. он высек из глыбы песчаника монументальный поясной скульптурный портрет Толстого. В свою очередь, О.В. Яхонт, исследовавший вопрос о памятниках Толстому, отмечает, что впервые идея сооружения такого памятника еще при жизни писателя возникла у французского литературного общества, которое заказало его известному скульптору князю Паоло (Павлу Петровичу) Трубецкому (1866–1938), который начал работать над заказом в 1904 г. За основу решения памятника для Парижа Трубецкой взял композицию, вылепленную им в 1900 г. в Ясной Поляне, где Толстой изображен верхом на лошади. Однако скульптор был очень занят памятником императору Александру III для Санкт-Петербурга, поэтому работа над парижским памятником Толстому задерживалась, а потом вовсе прекратилась.

Позже идея увековечить память великого писателя была реализована в Москве. Скульптор Сергей Дмитриевич Меркуров (1881–1952), выполнивший посмертную маску с головы и рук Толстого, воспользовавшись этими материалами, создал памятник, который установили в 1920-е гг. на Царицынском поле. В настоящее время эта скульптура стоит во дворе музея Л.Н. Толстого в Москве[4].

***

Книга «100-й юбилей первого в мире памятника Л.Н. Толстому в Сельца на острове Брач. 1914–2014» состоит из двух частей. Часть первая, повествующая о географическом положении и истории о. Брач в Далмации и г. Селца, о возникновении идеи возведения памятника Толстому и праздновании 100-летнего юбилея этого памятника, названа составителями «Л.Н. Толстой в Селца на острове Брач». Вторая часть – «Л.Н. Толстой и его время» – посвящена великому писателю, его жизни и творчеству, за исключением первой главы, которая имеет название «Положение Русской империи в Европе, славянофильство и великие перемены в России во времена Толстого». В эту часть вошли также перевод на хорватский язык «Обращения к людям-братьям» (1908) Толстого и его высказываний – «Лев Николаевич Толстой: Мудрые мысли».

Из материалов книги наиболее значимой представляется статья профессора Йосипа Бадалича (1888–1985), описывающая историю создания памятника Толстому в Селца. Фигура Бадалича весьма примечательна. Это – хорватский литературовед-славист, историк славянской

[3] 100. obljetnica prvog 2014.
[4] См.: Яхонт 1997: 118-124.

литературы, переводчик, профессор русской литературы Загребского университета, исследователь русско-хорватских литературных связей, академик Югославской Академии наук и искусства (1948), переживший многое. Он учился в Загребском (1909–1911) и Берлинском (1911–1912) университетах, был участником Первой мировой войны. В 1915–1919 гг. на положении военнопленного жил в г. Землянске Воронежской области, занимался преподаванием латинского и немецкого языков. Именно он в 1945 г. основал кафедру русского языка и литературы в Загребском университете. Бадалич – известный исследователь русской литературы, составитель антологии «Русская лирика от Пушкина до наших дней» (1939), автор многих книг по истории русской литературы, в том числе книги «Русские писатели в Югославии» (Москва, 1966), автор переводов, среди которых особо выделяются перевод поэмы А. Блока «Двенадцать» (Zagreb, 1927) и «Слова о полку Игореве» (Ljubljana, 1957).

В 1934 г. Йосип Бадалич работал в архиве Селца с документами, дающими представление о накале страстей вокруг создания памятника Толсто-му. Для исследователей истории мысли его статья интересна не только упоминанием имени Толстого в определенном историческом контексте, но и тем, что толстовство интерпретируется им как проявление славянофильства и панславизма, да и сами эти понятия употребляются Бадаличем как синонимы. Особо ценно, что в статье говорится о содержании петиции жителей Селца, уничтоженной вместе с городским архивом пожаром 1943 г. В книге представлен текст статьи, впервые опубликованной в «Вестнике нефтяной промышленности»[5] от 2 сентября 1978 г. под названием «Л.Н. Толстой и Й.Ю. Штроссмайер как конкуренты на Адриатике»[6].

Из-за невозможности самому приехать в Селца на празднование 150-летия Толстого 18 ноября 1978 г., Йосип Бадалич попросил профессора Златана Якшича[7] зачитать его послание. Текст является сокращенным вариантом статьи Бадалича, опубликованной ранее в журнале «Хорватский обзор» в 1935 г.[8], но несколько от нее отличается. Поэтому составители сочли возможным целиком включить его в книгу[9].

Ниже дается перевод именно этого текста.

---

[5] Vjesnik Industrije nafte («Вестник нефтяной промышленности») – в 1965-1966 гг. газета, издававшаяся в Загребе; в 1966-1998 гг. INA - industrija nafte, с 1998 г. по настоящее время – журнал INA glasnik, Загреб.

[6] Badalić 1978: 12.

[7] Якшич Златан (Jakšić Zlatan) (1924-2000) – профессор отделения кроатистики и славистики философского факультета Задарского университета. Был женат на Ольге Острогорской, русской по происхождению, дочери известного византолога Георгия Острогорского, которая была профессором русского языка и литературы Задарского университета.

[8] Badalić 1935: 579-585. Hrvatska revija («Хорватский обзор») – хорватский ежеквартальный журнал издательства Matica hrvatska (Загреб), издается с 1928 г.

[9] 100. obljetnica prvog 2014: 64-68.

ТЕКСТ ПРОФ. ЙОСИПА БАДАЛИЧА
который он отправил в Селца в 1978 г.
на празднование 150-летия со дня рождения Л.Н. Толстого

Накануне Первой мировой войны во всем югославском политическом пространстве, особенно в рамках австро-венгерской монархии, все настойчивее намечались перспективы неизбежного освобождения югославских народов от Дунайской монархии[10]. Считалось, как хорошо из-вестно у нас в Хорватии, что в этом стремлении к национальному освобождению большую помощь могло бы оказать нам наиболее могущест-венное славянское государство – Россия. Эта вера была сильно подпитана – и широко распространена в народе – великими русскими писателями прошлого века, которые, благодаря своим знаменитым и высоко гуманистическим литературным произведениям (от Пушкина и Гоголя до Толстого и Горького), создали моральную репутацию своей родины во всем мире. Наиболее видное место в этом кругу гениальных славянских, то есть русских, писателей 19-го века, принадлежало и до сих пор принадлежит «яснополянскому мудрецу» Льву Николаевичу Толстому, автору целого собрания повествовательных, философских и полемических произведений, проповедующих борьбу за правду и справедливость в отношениях между людьми.

Поэтому неудивительно, что такой писатель нашел в нашей хорватской стороне не только литературных, но и политических поклонников, так называемых русофилов, или даже толстовцев. Сегодня, отмечая юбилей великого писателя, для подтверждения того факта, что Л.Н. Толстой имел больших почитателей среди хорватов, нам достаточно вспомнить одно любопытное событие. Публичным и конкретным проявлением нашего толстовства в 1913–1914 годах было то, что на острове Брач, в городке Селца местный парк был назван именем Толстого (1911), и в 1914 году в этом парке был установлен памятник великому писателю, один из первых в мире.

Жители городка Селца на острове Брач в водовороте славянофильства

В конце XIX – начале XX веков основными столпами славянофильского кружка в городке Селца были Марко и Томо Дидолич[11], затем Томо Штамбук[12] и Грга Андреис[13], выдающиеся представители местных семей. Их культурное и политическое единство сохранялось на протяжении многих лет, как в жизни, так и в работе всего острова Брач, и особенно – их родного городка Селца, где и сегодня плодотворно работает местный камнетесный кооператив («мрамор

[10] Дунайская монархия – неофициальное название Австро-Венгрии.

[11] Дидолич Томо (Didolić Tomo) (1845-1907) – общественный деятель. С начала движения народного возрождения в Далмации (1860) был его предводителем и членом Народной партии. Когда в 1885 г. образовался муниципалитет Селца, Дидолич стал его первым главой. Его дом в Селца был местом частых собраний людей со всего Брача и из Далмации. Со многими участниками движения народного возрождения он вел переписку, например, с Й.Ю. Штроссмайером. Дидолич ценил литературу, искусство, культуру и образование и иногда выступал в качестве мецената. Дидолич Марко (Didolić Marko) – брат Дидолича Томо.

[12] Штамбук Томо-Томажо (Štambuk Tomo-Tomažo) (1848–?) – представитель известной фамилии на о. Брач. В молодости путешествовал на Восток (Одесса, Константинополь), где проникся идеями Л.Н. Толстого. Привлекал всеобщее внимание тем, что носил русскую бороду и русское платье.

[13] Андреис Грга (Andreis Grga) избирался комиссаром общины Селца (1906–1913), входил в круг местных славянофилов (М. и Т. Дидолич, Томо Штамбук и др.).

Брач») с региональной школой резьбы по камню. Уже упоминалась четверка местных интеллектуалов и активных общественных и политических деятелей (Томо Дидолич был депутатом Далматинского Сабора[14]), к их активной деятельности относится и кипучая работа в направлении осуществления целей славянофильского кружка городка Селца, и развитие местного толстовства. Поэтому было логично, что в 1911 году Грга Андреис (примечание: тогдашний глава муниципалитета), по решению жителей, провозгласил местный парк парком Толстого.

Но куда более шумный и боевой характер имело следующее решительное выступление славянофилов Селца (панславистов)[15], связанное с возведением памятника Л.Н. Толстому в 1913–1914 гг. в упомянутом парке Толстого в Селца. Часть жителей, имеющих вес в обществе, обратилась с просьбой сначала воздвигнуть в Селца памятник Й.Ю. Штроссмайеру[16], а потом только Л.Н. Толстому. Более того, родились предположения, что парк Толстого будет переименован в парк Штроссмайера. Это последнее предложение яро защищал выдающийся селчанин, штроссмайеровец доктор Матко Царевич. И поэтому, помимо трудностей политического характера (австро-венгерские власти в лице их представителя в Задаре чинили определенные препятствия), возникшее из-за недопонимания разделение жителей Селца на толстовцев и штроссмайеровцев задержало возведение памятника в городском парке.

Толстой или Штроссмайер

Однако селчане-толстовцы не успокоились: они дали изготовить спроектированный постамент для памятника камнерезной ремесленной школе в Селца, а затем, при посещении Селца чешским скульптором Бардой[17] (примечание: тогда студент-скульптор в Праге), заказали ему как художнику-профессионалу – при материальной помощи богатой семьи Штамбук – сделать портретный бюст Л.Н. Толстого.

---

[14] Далматинский Сабор (хорв. Dalmatinski Sabor) – представительный орган Далмации, учрежден в 1861 г.

[15] Автор статьи, проф. Й. Бадалич, допускает смешение понятий: для него славянофильство и панславизм синонимы. Однако славянофильство – направление русской социально-политической мысли XIX века, представители которого выступали за принципиально отличный от западноевропейского путь развития России на основе ее самобытности (см.: Цимбаев 2013). А панславизм – идейно-политический комплекс, включающий разнообразные доктрины, теории, концепции и идеи, во главу которых была поставлена задача взаимного сотрудничества и единства действий в культурном и/или политическом отношениях родственных (по крови, языку, религии, бытовой культуре, исторической памяти, территории) славянских и близких им народов и народностей (см.: Ширинянц, Мырикова 2010; Болдин 2018; Прокудин 2018).

[16] Штроссмайер Йосип Юрай (хорв. Strossmayer Josip Juraj, нем. Strossmayer Joseph Georg) (1815–1905) – хорватский епископ, общественно-политический деятель, меценат. Сторонник федерализации Австро-Венгрии, автономии хорватских земель, создания «югославянского комплекса» в составе монархии Габсбургов, культурного и политического сближения славянских народов. Один из основателей Национально-либеральной партии и идеолог югославистского течения в хорватской политической мысли.

[17] Барда Ярослав (Barda Jaroslav) (1892–1943) – чешский скульптор, автор мемориалов погибшим в Первую мировую войну. Некоторое время провел на острове Корчула (Хорватия) со своим братом Вацлавом Бардой, учителем местной школы каменщиков. Для острова Брач (Хорватия) создал памятник писателю Л.Н. Толстому.

Тем не менее, проблема с открытым возведением памятника в парке не была полностью решена: штроссмайеровцы не прекратили борьбу со своими соседями-толстовцами (панславистами).

Чтобы как можно быстрее разрубить этот местный «гордиев узел», наиболее решительно настроенные молодые люди – по согласованию с охранником бюста – согласились поставить жителей городка перед свершившимся за одну ночь фактом: «украсть» бюст и установить его на подготовленную основу памятника – via facti[18].

Однако для того, чтобы узаконить подобным образом свершившийся факт, был предпринят определенный административный ход – это была инициатива двух тогда молодых юристов Селца Юрия Штамбука и Б.М. Врсаловича[19], подавших в 1913 году в муниципальную администрацию специальную петицию по этому вопросу, которая полностью достигла своей цели.

Поскольку петиция этих жителей Селца, независимо от их частично местных интересов, является полностью осознанным культурным и политическим свидетельством той части хорватского национального пространства и времени, я полностью передаю ее в том виде, как нашел и переписал в городском архиве в 1934 году; и которая гласит:

«Петиция была получена администрацией Селца 27 декабря 1913 года и была подана на заседании Муниципального Веча[20] 10 января 1914 года. На заседании Веча Томо Штамбук, член муниципалитета, с энтузиазмом высказался за принятие петиции и за ее одобрение, в то время как доктор Матко Царевич и Андрия Н. Штамбук выдвинули встречное предложение о необходимости установить в местном парке сначала памятник Штроссмайеру, а затем Толстому.

Большинство проголосовало за предложение Томо Штамбука – в пользу представленной петиции».

Таким образом, в Селца был «законно» установлен памятник Л.Н. Толстому.

Из-за критического отношения австрийских административных властей к этому проявлению панславизма памятник был установлен без каких-либо громких церемоний и без надписей (без имени Толстого).

Во время Первой мировой войны, как сказал мне глава местной церкви, известный каноник Дон Славко Штамбук, в Селца приехал некий высокий австрийский чин и официально расспрашивал о местном панславизме в связи с установлением памятника Толстому. Приходско-му священнику еле удалось успокоить его заверениями, что сей факт – проявление культуры и гуманизма, без какого-либо политического подтекста. В итоге офицер оставил памятник «символу мудрости» в покое.

Но и позже этот «безымянный» памятник не остается забытым: каждый год первого мая литературные и политические почитатели Толстого, как «левые», так и «правые», возлагая к подножию памятника красные гвоздики, вспоминают его.

---

[18] Via facti (лат.) – явочным порядком, самовольно.

[19] Врсалович Мирко Бартул (Vrsalović Mirko Bartul) (1887–1938) – после изучения права в Загребе и Праге работал судьей. Изучал уставы средневековых далматинских коммун, правовое устройство государства во времена национальных правителей, а также историю, обычаи и культурное наследие острова Брач (книга «Хорватия на острове Брач: историко-этнографические зарисовки», 1929). Подписывался псевдонимом Ватрослав Букмирович (Vatroslav Bukmirović).

[20] Муниципальное Вече (Općinsko Vijeće) – орган местного самоуправления.

А он и сегодня, каменный, слушая шепот адриатического мистраля над соснами Селца, как когда-то живой, в окружении своих яснополянских берёз, борется за благо Человека.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Болдин В.А. Панславистские политические концепции: генезис и эволюция / Под общ. ред. А.А. Ширинянца. М.: Аквилон, 2018. 376 с. [Boldin V.A. Panslavistskie politicheskie koncepcii: genezis i evolyuciya / Pod red. A.A. Shirinyanca. M.: Akvilon, 2018. 376 s.].

Прокудин Б.А. Панславизм в истории политики и мысли России XIX века / Под ред. А.А. Ширинянца. М.: Издательство Московского университета, 2018. 218 с. [Prokudin B.A. Panslavizm v istorii politiki i mysli Rossii XIX veka / Pod red. A. A. Shirinyanca. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2018. 218 s.].

Цимбаев Н.И. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX в. М.: ГПИБ России, 2013. 447 с. [Tsimbaev N.I. Slavyanofilstvo. Iz istorii Russkoi obshchestvenno-politicheskoi mysli XIX v. M.: GPIB Russia, 2013. 447 s.].

Ширинянц А.А., Мырикова А.В. Введение к исследованию истории и идеологии панславизма XIX века. М.: Изд-во социально-политическая мысль, 2010. 72 с. [Shirinyanc A.A., Myrikova A.V. Vvedenie k issledovaniyu istorii i ideologii panslavizma XIX veka. M.: Izd-vo social'no-politicheskaya mysl', 2010. 72 s.].

Яхонт О.В. О забытом памятнике Льву Николаевичу Толстому // Источники по истории усадебной культуры. Сб. ст. М., 1997. С. 118-124. [Yakhont O.V. O zabytom pamyatnike Lvu Nikolaevichu Tolstomu // Istochniki po istorii usadebnoi kultury. Sb. st. M., 1997. S. 118-124].

Badalić J. L.N. Tolstoj kod Hrvata // Hrvatska revija – Godina VIII (1935), Broj 11. S. 579-585.

Badalić J. L.N. Tolstoj i J.J. Strossmayer kao takmaci na Jadranu // Vjesnik Industrije nafte. Zagreb. 2.IX 1978. S. 12.

dr. fr. Hijacint Bošković OP: velikan vjere i razum. Zagreb; Selca: vlast. nakl.: N. Ursić: S. Ursić: I. Vuković. 40 s. (Mala biblioteka Selački korijeni; knj. 1).

Martin Kukučin u Selcima na Braču i Brač u djelu Martina Kukučina. Zagreb; Selca: vlast. nakl.: N. Ursić: S. Ursić: I. Vuković, 2010. 54 s. (Mala biblioteka Selački korijeni; knj. 2).

100. obljetnica prvog na svijetu spomenika L.N. Tolstoju u Selcima na Braču 1914.-2014. / priredili Neva Ursić i Ivo Vuković; [engleski prijevod sažetka Katarina Jakšić]. Zagreb: Udruga Didolić, 2014. 126 s. (Mala biblioteka Selački korijeni; knj. 4).

***Мырикова Анна Валериевна**, кандидат политических наук, доцент, кафедра истории социально-политических учений, факультет политологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; an_my@mail.ru*

L.N. Tolstoy in Croatia

Text, which is prof. Josip Badalich sent to Selca in 1978 for the celebration of the 150th anniversary of birthday L.N. Tolstoy

The book «100. obljetnica prvog na svijetu spomenika L.N. Tolstoju u Selcima na otoku Braču 1914.-2014.» dedicated to the 100th anniversary of the establishment of the first in the world, according to the authors, the monument to the great Russian writer and thinker L.N. Tolstoy was published in 2014. Of the materials included in the book, the most interesting is the article by Professor Josip Badalich, which briefly describes the history of the creation of this monument. The translation of this particular text is presented. For researchers of the history of socio-political thought, his article is interesting not only by mentioning the name of L.N. Tolstoy in a certain historical context, but also because Tolstoyism is interpreted as a manifestation of Slavophilism and Pan-Slavism, and these very concepts are used by Badalich as synonyms.

***Keywords:** L.N. Tolstoy, J.J. Strossmayer, Croatia, Brach island, Selca, Pan-Slavism, Slavophilism, World War I, social and political thought of the early XX century.*

***Anna Myrikova,** PhD in Political science, Associate Professor of Department of History of Social and Political Doctrines, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University;* an_my@mail.ru

Е. П. Серапионова

Н. О. ЛОССКИЙ В ЧЕХОСЛОВАКИИ И ЕГО ПОЗИЦИЯ по ключевым вопросам, волновавшим Русское Зарубежье

В статье рассматриваются полученное образование, эволюция взглядов, профессиональные интересы выдающегося русского философа Н.О. Лосского, анализируется его отношение к идеям социализма, русской революции, большевизму, причинам эмиграции и задачам эмигрантов, славянской идее и славянским странам. Особое внимание уделено чехословацкому периоду жизни Лосского, с 1922 по 1945 гг., его роли в становлении и развитии Лосского как ученого с мировым именем. На основе документов и воспоминаний философа реконструируется среда, в которой существовали русские интеллектуалы в межвоенной Чехословакии.

Ключевые слова: *Русская философия, революция, большевики, эмиграция, христианство, Н.О. Лосский, Чехословакия*

Межвоенную Чехословакию принято считать образовательным и научным центром Русского Зарубежья. В немалой степени это объясняется целенаправленным отбором отдельных категорий эмигрантов (в т.ч. студентов, преподавателей и ученых) и «русской акцией помощи» русским эмигрантам, активно проводимой чехословацким правительством с 1921 по 1928 г., когда было принято решение о ее постепенной ликвидации. Кроме того, первый президент Чехословацкой Республики Т.Г. Масарик, профессор Карлова университета, был лично знаком со многими русскими учеными и способствовал их приезду в ЧСР.

Так как послереволюционная волна эмигрантов была преимущественно политической и вынужденной, за рубежом оказались представители различных партий, люди разных убеждений, которых объединяло лишь неприятие большевистского режима и твердая уверенность (в начале изгнания) в его неизбежном и скором падении. Почти все выступали за объединение антибольшевистских сил в эмиграции, но это было практически невыполнимо, так как представители каждого идейного направления по-разному представляли себе постбольшевистскую, идеальную Россию и славянский мир.

Не только интеллектуалы, но, пожалуй, все русские эмигранты задумывались над вопросами о причинах, целях и задачах эмиграции, отношении к революции и большевизму, христианской вере и церкви и (особенно те, кто нашел приют в славянских странах) о славянской идее. Но дошли до нас мысли эмигрантской интеллигенции, ученых, писателей, в их работах и воспоминаниях. Одним из наиболее выдающихся русских философов, обосновавшихся в Чехословакии, был Николай Онуфриевич Лосский.

Николай Лосский родился 24 ноября 1870 г. в Витебской губернии. Отец – обрусевший поляк, православный, работал лесничим, затем становым приставом. Мать – полька, католичка. В 1887 г. Николай был

исключен из Витебской классической гимназии за (!) пропаганду атеизма и социалистического учения. Продолжил образование в Швейцарии, где посещал лекции на философском факультете Бернского университета. Какое-то время даже служил во Французском Иностранном легионе в Алжире, а вернувшись в Россию и окончил гимназию при Петербургском историко-филологическом институте, поступил в Петербургский университет.

В 1895 г. Николай окончил естественное отделение физико-математического факультета, а спустя три года – историко-филологический факультет (оба – с дипломами 1-й степени) и был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре философии. В середине 1890-х гг. он начал преподавательскую работу, в 1900 г. стал приват-доцентом, а в 1916 г. – экстраординарным профессором Петербургского университета.

В 1903 г. Н.О. Лосский получил степень магистра философии, защитив диссерацию по теме «Основные учения психологии с точки зрения волюнтаризма»; а в 1907 г. – степень доктора философии за диссертацию «Обоснование интуитивизма». Его взгляды претерпели эволюцию. Начав образование с ботаники и химии, затем он увлекся психологией в связи с анатомией и физиологией, но разочаровавшись в материалистической концепции, стал заниматься выработкой собственной теории психологии. В предреволюционное десятилетие он преподает на курсах, в институтах и гимназиях, участвует в работе Религиозно-философского общества.

После революции 1905 г. Николай Онуфриевич вступил в партию кадетов, в революционном 1917 г. работал в кадетских организациях и летом 1917 г. даже выпустил брошюру «Чего хочет партия народной свободы?», но вскоре отошел от политической деятельности.

После большевистского переворота он в 1922 г. был лишён кафедры и выслан из России в Германию вместе с большой группой интеллигенции, не принявшей марксистско-ленинской идеологии.

В Чехословакию Лосский прибыл с семьей в декабре 1922 г. и до 1942 г. жил в Праге. В апреле 1942 г. он переехал в Словакию, став профессором философии в Братиславе[1]. После 1945 г. жил в и преподавал в Париже, Нью-Йорке, Лос-Анжелесе. В 1961 г. вернулся во Францию. Скончался в Париже в 1965 г.

В 2008 г. издательство «Русский путь» издало воспоминания Н.О. Лосского[2]. Он начал писать их в 1933 г, а закончил в 1958 г., когда уже

---

[1] Словацкий историк Л. Гарбулева называет его «наиболее знаменитым русским ученым», прибывшим в Словакию. См.: Истории изгнания. 2018. С. 50. О его жизни и деятельности в Братиславе см. также: Matejko 1992. S. 265-273; 1992.

[2] Ранее воспоминания выходили в газетных и журнальных версиях, а также в Мюнхене в 1968 г.

уехал из Чехословакии и мог более объективно писать по вопросам, обсуждавшимся на чехословацком этапе его жизни.

Отношение к социализму, революции, большевизму

Летом 1917 г. Лосский опубликовал статью «О социализме», в которой высказал сочувствие английскому фабианскому социализму, намеренному осуществить социализм эволюционным, а не революционным путем. По мнению Лосского, этот путь должен был привести не к социализму, а выработке новой формы экономического строя, сочетающей ценные стороны индивидуалистического хозяйства с ценными сторонами коллективистского идеала социалистов. Отношение к захвату власти большевиками у него однозначно отрицательное, он следующим образом описывал общественные настроения сразу после переворота: «Все интеллигентное общество, стоявшее вне революционных кругов, было уверено, что партия, увлеченная фантастическим утопическим планом Ленина осуществить социализм в экономически отсталой стране и состоящая из лиц, не знакомых с практикою государственной деятельности, продержится у власти не более двух-трех недель»[3]. Однако, по его словам, после поражения А.В. Колчака надежда на падение большевистского правительства окончательно исчезла, а большевистский террор становился все более жестоким. В работе «Характер русского человека» Лосский писал: «Большевистская революция есть яркое подтверждение того, до каких крайностей могут дойти русские люди в своем смелом искании новых форм жизни и безрадостном истреблении ценностей прошлого»[4].

Отношение к религии, христианству

Отдав в молодости дань увлечению атеизмом, в годы Первой мировой войны Лосский постепенно вернулся к Церкви. Уже после прихода к власти большевиков он в 1919-1921 гг. выступал на религиозные темы, читая публичные лекции, хотя в то время это было опасно. Он вспоминал: «Люди, сбитые с толку большевиками, свирепо ненавидели в это время религию и всякое упоминание о сверхземном бытии». Но он считал это необходимым. В воспоминаниях он пишет, что один рабочий, посещавший его лекции в Народном университете, после этого вернулся к религии[5]. Уже в эмиграции Лосский серьезно занялся религиозной философией, изучая творчество В. Соловьева, С. Бердяева, С. Булгакова и др. О глубоком интересе к вопросам религии говорят названия его работ: «Свобода воли», «Ценность и бытие: Бог и Царство Божие как основа ценностей», «Бог и мировое зло», «Достоевский и его христианское миропонимание»[6]. В Словакии в 1944 г. на словацком языке вышла его книга «Условия абсолютного добра», так как, по его собственному признанию, он опасался времени, когда «вся Европа бу-

[3] Лосский 2008. С. 181.
[4] Цит. по: Доронченков 2001. С. 88.
[5] Лосский 2008. С. 185-186.
[6] Там же. С. 225-226.

дет подчинена или нацистами, или советскими коммунистами, которые не допустят печатания христианской этики»[7].

О причинах эмиграции

В 1921 г., по решению Государственного ученого совета под председательством М.Н. Покровского, Лосского удалили с кафедры философии Петербургского университета, а в 1922 г. он был арестован ЧК, допрошен и выслан в Германию. Чуть раньше, в связи с болезнью, Лосский обращался к президенту Чехословакии Масарику с просьбой о визе для лечения в Карловых Варах. Он был лично знаком с чехословацким политиком, который летом 1917 года. нанес ему визит в Петербурге. Разрешение на приезд в страну было дано[8]. Уже в Германии, узнав от П.Б. Струве о «русской акции» поддержки эмигрантов в ЧСР, он с семьей в конце декабря 1922 г. перебрался туда. В разрешении на въезд (от 12 декабря 1922 г.) говорилось: «Министерство иностранных дел разрешает въезд в Чехословацкую республику профессору Н.О. Лосскому с женой и тещей М.Н. Стоюниновой. Профессор Лосский был недавно выслан из России и будет принят в Чехословакии в числе русских ученых, пользующихся поддержкой правительства»[9]. Сын Лосского Борис, также оставивший воспоминания, писал: «Среди первых знакомых чехов следовало бы прежде всего назвать президента Масарика, побывавшего на нашей петербургской квартире весною 1917 г. Вскоре по нашем приезде в Прагу, он соблаговолил дать отцу и бабушке личную аудиенцию[10], чем дело, естественным образом, и ограничилось»[11].

Жизнь и деятельность в Праге

В Праге Лосский стал профессором Русского народного университета (РНУ, позднее Русский свободный университет, РСУ), преподавал на Русском юридическом факультете, читал лекции по логике. Он вспоминал: «Предполагалось, что большевистская власть продержится недолго и эмигранты вернутся в Россию, которая будет чрезвычайно нуждаться в юридически образованных людях. Расчет оказался ошибочным. Молодые люди, прошедшие курс нашего юридического факультета, в большинстве случаев не могли найти работы по своей специальности ни в Чехословакии, ни вообще в Европе»[12]. На историко-филологическом отделении РНУ он преподавал другие философские дисциплины. Получая пособие, русские ученые, по словам Лосского, «хотели работать и обслуживать нужды эмигрировавшей интеллигенции»[13]. В 1925 г. Лосский возглавлял Русское философское общество при РНУ[14], каждый год

[7] Там же. С. 252.
[8] Документы к истории русской и украинской эмиграции. 1998. С. 33.
[9] Там же.
[10] Это произошло уже 9 декабря 1922 г. – Там же.
[11] Лосский 1994. С. 11.
[12] Лосский 2008. С. 197.
[13] Там же.
[14] О Философском обществе и его деятельности подробнее см.: Русские в Праге. 1928. С. 62-63; Ныкл 2012. С. 133-141.

читал там по несколько докладов[15] и был самым активным его членом[16]. Выступал он и с публичными лекциями в Чешско-русском объединении (ЧРО, Едноте)[17]. Он являлся членом Союза русских писателей и журналистов в Чехословацкой республике[18], членом Археологического института им. Н.П. Кондакова, членом Славянского института. Много его интересных мыслей оказали влияние и на историческую науку Русского Зарубежья[19]. Лосский был приглашен участвовать в работе Русского исторического общества и дал согласие[20], не будучи евразийцем, он несколько раз присутствовал на их семинаре[21]. Общественная жизнь русской колонии в ЧСР была весьма активной: в Збраславе, где жила семья Лосских, устраивались еженедельные «Збраславские пятницы», на которых иногда слушали доклады до сотни человек. Лосский входил в совет св. Николаевского Прихода[22]. Хотя еще до переезда в Прагу он пользовался международной известностью[23], Прага сыграла весьма позитивную роль в его становлении как ученого[24]. Там он продолжил разработку собственной философской системы, считая необходимым переход от теоретической к практической философии[25]. Лосский отмечал, что, живя спокойно в Праге, написал несколько книг и много статей[26].

В 1932 г. он стал профессором философского факультета университета Масарика в Брно, в 1933 г. читал там лекции на тему «Проблема личности в философии Т.Г. Масарика и В. Гоппе»[27]. В 1933 г. был приглашен читать лекции в Стэнфордский университет. С 1936 г. вновь преподавал в университете Масарика, в 1937-1939 гг. одновременно был лектором в Карловом университете в Праге[28].

---

[15] 26 мая 1931 г. Н.О. Лосский делал доклад в Философском обществе РНУ в память 125-летия со дня рождения И.В. Киреевского, а 4 декабря 1931 г. выступал на торжественном собрании в честь 50-летия со дня смерти Гегеля с докладом «Гегель как интуитивист», 24 мая 1932 г. докладывал в РНУ об «Этике Бердяева и Вшеславцева». – Хроника культурной, научной и общественной жизни… Т. 2. 2001. С. 71; 90; 129.

[16] До 1942 г. он прочитал 42 доклада. См.: Ныкл Г. 2012. С. 136.

[17] 28 ноября 1925 г. он прочитал в ЧРО лекцию «Культура на основе любви». - Документы к истории русской и украинской эмиграции. С. 241. О самом объединении ЧРО подробнее см.: Серапионова 2012. С. 32–42.

[18] Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5888. Оп. 1. Д.72. Л. 10об.

[19] Вандалковская 1999. С. 96.

[20] Ковалев 2012. С. 175-176.

[21] Байссвенгер 2012. С. 123.

[22] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Л. 26.

[23] Савицкий 1999. С. 77.

[24] Там же. С. 48.

[25] Шалимов 1997. С. 373.

[26] Лосский 2008. С. 222. В 1926 г. в издательстве «Пламя» вышла его книга: «Сборник задач по логике». – Документы к истории русской и украинской эмиграции… С. 256. Лосский участвовал в издании сборников памяти коллег: в 1935 г. – в двухтомнике «Жизнь и смерть» памяти Н.Е. Осипова. – Магидова 1999. С. 204-209.

[27] Документы к истории русской и украинской эмиграции. 1998. С. 62.

[28] 22 ноября 1939 г. он прочитал там лекцию «Психология человеческого „Я" и психология человеческого тела. См.: Там же. С. 68.

Славянская идея и славянский мир

Лосский общался с коллегами в Лондоне и Париже из Школы славянских исследований (*School of Slavonic S*tudies), сотрудничал с журналом «Славянское обозрение» (*Slavonic Review*), изучал произведения славянофилов И.В. Киреевского и А.С. Хомякова. Лосского приглашали читать лекции в Варшавском университете и намекали на возможность получить там кафедру, но, как писал Лосский, польское государство «оказалось крайне нетерпимым в отношении к православию и к русской народности», а это «шло вразрез с моим русским национальным сознанием». Лосский участвовал в белградском съезде русских зарубежных ученых и затем в течение четырех месяцев читал там лекции об интуиции[29]. В Праге были созданы Славянская библиотека, вскоре ставшая богатым книгохранилищем, и Русский исторический архив, куда слависты из разных стран приезжали для занятий.

Впрочем, Лосский был далек от идеализации славянского братства. Говоря о славянской Праге, приютившей множество русских интеллигентов, он вместе с тем отмечал, что получить там место, особенно на государственной службе, русским было чрезвычайно тяжело. К преподаванию в университетах и политехникумах привлечены были очень немногие, потому как «при замещении кафедры всегда было бы отдано предпочтение весьма малоодаренному чеху даже и перед самым талантливым, приобретшим уже известность русским, за исключением тех случаев, когда по какой-либо специальности чеха совсем не было». В этом, по словам Лосского, сказывался «крайний национализм чехов, непонятный нам, русским, привыкшим к великодержавной политике, стремящейся использовать всякий талант независимо от того, к какой народности принадлежит носитель его»; «С чешским обществом русская колония в общем мало сближалась: помехою было различие нравов, уклада жизни и особенно различие характера русского и чешского народа. Однако у многих из нас через несколько лет оказались добрые друзья среди чехов»[30]. Одним из таких друзей семьи Лосских стала чешская писательница, переводчица и педагог, председатель отдела культуры Чешско-русского объединения («Едноты») Анна Тескова. В трудный для семьи момент окончания «русской акции», совпавшего с экономическим кризисом, когда в особенно тяжелом положении оказались лица с гуманитарным образованием, юристы, философы[31], она обратилась в 1931 г. к президенту Масарику с просьбой предоставить денежное пособие Лосскому с тем, чтобы он мог продолжить научную деятельность. Финансовая поддержка членам Русской академической группы, куда входил и Н.О. Лосский, была предоставлена[32]. С просьбой

[29] Лосский 2008. С. 218.
[30] Там же. С. 203, 209.
[31] ГАРФ. Л.164.
[32] Документы к истории русской и украинской эмиграции. С. 56, 173-179, 181; ГАРФ. Л. 1.

о помощи Лосскому к Масарику обращалось в 1934 г. Философское отделение Нортвестернского университета[33]. В 1936 г. Н.О. Лосский и сам обращался с просьбой о пособии к новому президенту Э. Бенешу[34].

О диалоге русской и европейской культур

Весьма любопытно критическое свидетельство Лосского об отношении в новом славянском центрально-европейском государстве к русской духовной культуре. В своих воспоминаниях он писал: «Отношение к русским ученым обусловливалось тем, что общественная среда, пришедшая к власти в Чехословакии… относилась с недоверием к русской духовной культуре, выработанной при царской власти. Эти чехи, как и вся Западная Европа, имели ложное представление о царской власти, несправедливо считая ее варварской и некультурною. Точно так же дореволюционную русскую духовную культуру они считали грубо реакционною, а сами стремились во что бы то ни стало к… прогрессу. Всякое явление, всякую книгу, деятельность всякого человека они оценивали и классифицировали только по двум рубрикам – «прогрессивный» или «реакционный». Они не догадывались, что человек, сознательно ставящий себе цель быть «прогрессивным», обречен на то, чтобы отставать от подлинного прогресса и застывать на общепринятых как прогрессивные идеях и тенденциях недавнего прошлого, с подозрением и недоверием встречая все глубино-творчески новое, потому что серьезное новое всегда содержит в себе как один из своих элементов возрождение забытого прошлого в обновленной ценной форме. Так во Франции, в Англии, в Германии, России, во всех культурных странах с высокоразвитым духовным творчеством с начала XX века стала возрождаться среди высших слоев интеллигенции христианская религиозность и даже наметился возврат к церковности; началось возрождение католичества и православия, а в протестантской и англиканской церкви появилось стремление сблизиться с католичеством и православием. А в Чехословакии вследствие рабской погони за мнимою «прогрессивностью» это движение было очень слабым». И продоожал: «В этой среде, пропитанной шовинизмом и увлеченной стремлением строить демократию без религиозных основ, на почве позитивистского миропонимания», русский считался бы “гражданином второго разряда”»[35].

Н.О. Лосский изучал чешскую философию. 28 октября 1932 г. на торжественном заседании, посвященном 14-летию образования ЧСР, он произнес речь «Чешская философия и проблема личности»[36]. Его научные интересы были весьма широки, о чем свидетельствуют названия его докладов и лекций, статей и книг.

***

[33] Документы к истории русской и украинской эмиграции. С 164-165.
[34] Там же. С. 185. В 1937 г. Лосский вновь обращался к Бенешу за помощью, но уже для своего коллеги С.Л. Франка. –Там же. С. 189.
[35] Лосский 2008. С. 203-204.
[36] Хроника культурной, научной и общественной жизни… Т. 2. 2001. С. 145.

Мысли, высказанные Лосским, заслуживают внимания, так как это был ученый с мировым именем, пользовавшийся уважением коллег. В связи с его 60-летием был издан сборник статей, в который ученые разных национальностей со всех концов Европы прислали свои статьи[37] а Славянский институт и ЧРО организовали вечер в честь этого юбилея ученого[38].

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Байссвенгер М. Как Прага стала «евразийской» столицей. О роли Русской акции помощи в истории евразийского движения // Русская акция помощи в Чехословакии. История, значение, наследие. / Сост. Л. Бабка, И. Золотарев. Прага, 2012. С. 117-125. [Bajssvenger M. Kak Praga stala “evrazijskoj” stolicej. O roli Russkoj akcii v istorii evrazijskogo dvizheniya // Russkaya akciya pomosci v Chehoslovakii. Istoriya, znachenie, nasledie / Sost. L. Babka, I. Zolotarev. Praga, 2012. S. 117-125].

Вандалковская М.Г. Русская эмигрантская историческая наука в Чехословакии // Духовные течения русской и украинской эмиграции в Чехословацкой Республике. (1919–1939) (Менее известные аспекты темы) / под ред. Л. Белошевской. Прага: Славянский институт АН ЧР, 1999. С. 96-118 .[Vandalkovskaya M.G. Russkaya emograntskaya istoricheskaya nauka v Chehoslovakii // Duhovnye techeniya russkoj migracii v Chehoslovackoj Respublike (1919-1939) (Menee izvestnye aspekty temu) / pod red., L. Beloshevskoi. Praga: Slavjanskii institut AN ChR, 1999. S. 96-118].

Гарбулёва Л. Эмигранты из России на территории межвоенной Словакии // Истории изгнания. Судьбы эмигрантов с территории бывшей Российской империи в межвоенной Чехословакии. Прага: Музей национальной письменности, 2018. С. 49-52. [Habulova L. Emigranty iz Rossii na territorii mezvoennoi Slovakii // Istorii izgnaniya. Sudby emigrantov s territorii byvshej Rossijskoj imperii v mezvoennoj Chehoslovakii. Praga: Muzej nacionalnoj pismennosti, 2018. S. 49-52].

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5888. Оп. 1. Д.72. [Gosudarstvennyj archive Rossijskoj Federacii (GARF). F. 5888. Op. 1. D. 72.

Документы к истории русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике (1918-1939). Прага: Еурославика, 1998. 344 с.[Dokumenty k istorii russkoi I ukrainskoi emigracii v Chehoskovackoi respublike (1918-1939). Praga: Euroslavica, 1998. 344 s.].

Доронченков А.И. Эмиграция «первой волны» о национальных проблемах и судьбе России. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2001. 216 с. [Dorochenkov A.I. Emigraciya “pervoi volny” o nacionalnyh roblemah I sudbe Rossii. SPb.: “Dmitrij Bulanin”, 2001. 216 s.].

Ковалев М.В. Русские историки-эмигранты в Праге (1920-1940 гг.). Саратов: Сарат. гос. техн. ун-т, 2012. 408 с. [Kovalev M.V. Russkie istoriki-emigranty v Prage (1920-1940 gg.). Saratov: Sarat.gos. the.un-t, 2012. 408 s.].

Лосский Б.Н. В русской Праге (1922-1927) // Минувшее. Исторический альманах. Т. 16. М.,СПб., 1994. [Losskij B.N. VC russkoj Prage (1922–1927) // Minuvshee. Istoricheskij almanah. T.16.M.,SPb., 1994].

Лосский Н.О. Воспоминания. Жизнь и философский путь. М.:Викмо-М; Русский путь, 2008. 400 с. [Losskyj N.O. Vospominia. Zhizn I filosofskij put. M. Vikmo-M, Russkij put, 2008. 400 s.].

Магидова М. Русские эмигрантские «Афины» и место Н.Е. Осипова в них // Духовные течения русской и украинской эмиграции в Чехословацкой Республике. (1919–1939) (Менее известные аспекты темы) / под ред. Л. Белошевской. Прага: Славянский институт АН ЧР, 1999. С. 204-259. [Magidova M. Russkie emigranyskie “Afiny” I mesto N.E. Osipov v nih // Duhovnye techeniya russkoj migracii v Chehoslovackoj Respublike (1919-1939) (Menee izvestnye aspekty temu) / pod red., L. Beloshevskoi. Praga: Slavjanskii institut AN ChR, 1999. S. 204-259].

Русские в Праге 1918-1928 / Ред.-сост. С.П. Постников. Прага: Воля России, 1928. 353 с.[Russkie v Prage 1918-1928 / Red.-sost. S.P. Postnikov. Praga Volya Rossii, 1928 353 s.].

[37] Магидова 1999. С. 295.

[38] Хроника культурной, научной и общественной жизни… Т. 2. 2001 С. 41.

Савицкий И.П. Специфика Праги как духовного центра эмиграции // Духовные течения русской и украинской эмиграции в Чехословацкой Республике. (1919–1939) (Менее известные аспекты темы) / под ред. Л. Белошевской. Прага: Славянский институт АН ЧР, 1999. С. 47-96. [Savitskyj I.P. Specifika Pragi kakduhovnogo centra emigracii // Duhovnye techeniya russkoj migracii v Chehoslovackoj Respublike (1919–1939) (Menee izvestnye aspekty temu) / pod red. L. Beloshevskoi. Praga: Slavjanskii institut AN ChR, 1999. S. 47-96].

Серапионова Е.П. Чешско-русская еднота // Славяноведение. 2012. № 4. С. 32-42. [Serapionova E. Cheshsko-Russkaya ednota // Slavyanovedenie. 2012 N 4. S. 32-42].

Хроника культурной, научной и общественной жизни русской эмиграции в Чехословацкой республике. Т. 2. 1930–1939 / под ред. Л. Белошевской. Прага: Славянский институт, 2001. 640 с. [Hronika kulturnoj, nauchnoj I obscestvennoj zhizni russkoj emigracii v Chehoslovackoj respublike. T. 2. 1930-1939 / Pod red. L. Beloshevskoj. Praga: Slavyanskj institut, 2001. 640 s].

Шалимов П. Лосский Николай Онуфриевич // Русское Зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь. М.:Росспэн, 1997. С. 371-373. [Shalimov P. Losskij Nikolaj Onufrievich // Russkoe Zarubezhje. Zolotaya kniga emigracii. Pervaya tret XX veka. Enciklopedicheskij biograficheskij slovar M.: Rosspen, 1997. S. 371-373].

Matejko L. Bratislavské roky ruského filozofa N.O. Losského // Verbum. Časopis pro kresťanskú kultúru. 1992. № 2. S. 265-273.

Matejko L. N.O. Losskij i jehofilozofickédielo na Slovensku // Acta fakultatis Philosophicae universitatis Šafarikanae. Rossica Sloívaca I. 1992. S. 158-164.

Серапионова Елена Павловна, *доктор исторических наук, заведующая отделом, Институт славяноведения РАН; профессор, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ; serapionovae@mail.ru*

N.O. Lossky in Czechoslovakia

The article deals with the received education, the evolution of views and the professional interests of the outstanding Russian philosopher N.O. Lossky. The author analyzes his attitude to the ideas of socialism, the Russian revolution, Bolsevism, the reasons of emigration and the tasks of emigrants, the Slavic idea and the Slavic countries. The author pays special attention to the Chechoslovak period of L|ossky's life, 1922-1945, to the role it played in the formation Lossky as a scientist with a wold name. Based on the documents and Lossky's memories, the author reconstructs the environment existed in interwar Czechoslovakia.

Keywords: Russian philosophy, revolution, Bolseviks, emigration, Christianity, N.O. Lossky, Czechoslovakia

Elena Serapionova, *Dr.Sc.(History) Chief of the Deparment of The Insitute of Slavic Studies, RAS, Professor of MGIMO (University) MIA RF serapionovae@mail.ru*

В.Ю. Бельский, А.Л. Золкин

ДУХОВНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ И РУССКОЕ ХРАНИТЕЛЬСТВО (размышления над антологией «Хранители России»)

В статье-рецензии на антологию «Хранители России», оценивается актуальность данного издания для исследования истоков формирования и развития русской консервативной идеологии. Анализируется репрезентативность включенных в антологию текстов относительно идейных позиций их авторов. Рассматривается возможность научного использования понятия «хранительство» для обозначения особого направления русской мысли. Обосновывается вывод о том, что данный издательский проект вносит вклад в восстановление аутентичности консервативной традиции и развитие темы «хранительства» как фундаментальной установки российской культуры, а потому требует продолжения.

Ключевые слова: *консерватизм, консервативная идеология, «хранительство», русская социально-политическая мысль, антология.*

Русская мысль долгое время была порабощена идеей «догоняющей модернизации» как отчаянной и не всегда успешной попытки преодоления «вековой» отсталости от западного мира. Консерватизму в этой системе мышления отводилось соответствующее место выразителя иллюзий исторического торможения и поражения. Иррационализация консерватизма привела к тому, что он вообще перестал восприниматься даже как достойный критического удара оппонент. В лучшем случае, консерватизм мыслился как наивная иллюзия, безуспешно стремящаяся противостоять поверхностной самоочевидности радикального модернизма и прогрессизма, в худшем, – как злонамеренная апология господствующих порядков и сословных привилегий. В такой ситуации даже критика становилась чем-то совершенно избыточным, и консерватизм был вытеснен за пределы российской культуры вообще.

Со временем, ситуация, конечно, изменилась. Благодаря усилиям множества людей, российская консервативная мысль была возрождена и даже стала модной. С начала XXI в. интерес к консерватизму устойчиво растет, но в условиях исторической дистанции место консервативной идеи в российской культуре остается неопределенным. Для одних консерватизм стал частью литературы, культивирующей романтический патриотизм, другие ищут в нем этические рецепты врачевания мировоззренческих язв сегодняшнего дня, а кто-то видит в идеях русских консерваторов прошлых веков ответы на насущные вопросы будущего устройства России и мира. Сегодня интерес к консерватизму как типу мышления стимулируется и безудержной агрессией постмодернистского либерализма по отношению к семье, государственности и национальному самосознанию. Конечно, количество научных разработок консер-

ватизма существенно увеличилось. Однако консервативная мысль очень слабо представлена в системе высшего образования, а если и представлена, то скорее в качестве некоторой смысловой «диковинки», а не как способ понимания самой «сути вещей». При этом, наличие исторической дистанции не отменяет сохранность исторической почвы консерватизма. Многие отмечают, что российское общество по своей природе консервативно, причем в силу каких-то зачастую необъяснимых обстоятельств. Создается впечатление, что традиционные ценности консерватизма уходят корнями в основание самой российской цивилизации с ее пониманием необходимости сильного государства, почитанием православия, этическим оправданием коллективизма.

Проект издания многотомной антологии «Хранители России», посвященной отечественной консервативной мысли, начиная с XI в., основан на новой стратегии понимания консерватизма, выходящей за пределы политической идеологии определенных социальных слоев[1]. Фактически, в антологии речь идет не о политической программе, а о культурной стратегии «русского хранительства», имеющего фундаментальное значение для существования России как цивилизации.

Антология подготовлена коллективом кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова в содружестве с фондом ИСЭПИ. Рецензируемое научное издание текстов политических мыслителей для этой кафедры не первое, скорее, это продолжение доброй традиции. Так, несколько лет назад вышли в свет три тома хрестоматии под общим названием «Русская социально-политическая мысль», включившие в себя тексты отечественных мыслителей с XI до середины XIX века[2]. В разные годы подготовлены собрания текстов Ивана Грозного, Н.М. Карамзина, М.Н. Погодина, С.П. Шевырева, К.С. Аксакова и И.С. Аксакова, К.Н. Леонтьева, Л.А. Тихомирова и др.[3] Кроме того, были теоретически обоснованы методологические принципы подобных изданий[4].

Создатели антологии «Хранители России» понимают свою задачу достаточно широко и глубоко. Тома антологии объединяют тексты самых разных кругов российского общества. Здесь и подвижники Церкви, государственные деятели и военные, писатели и поэты. На страницах антологии оживают идеи не только тех авторов, которых не переиздавали много лет, но и тех, кому и не предоставляли слово, однозначно зачисляя в реакционеры. Объединяет этих авторов идея хранительства,

---

[1] Хранители России. Антология. Т. 1–6. 2015–2018.

[2] Русская социально-политическая мысль XI–XVII вв.; Русская социально-политическая мысль. Первая половина XIX в.; Русская социально-политическая мысль. 1850–1860-е гг.

[3] Ермашов 1999; Мячин, Ширинянц 1995; Русская социально-политическая мысль 2002; Аксаков, Аксаков 2010; Карамзин 2010; Погодин 2010; Шевырев 2010; Мырикова, Ширинянц 2011.

[4] Андерсон 2009; 2013; 2014; 2016; Перевезенцев 2008; Ширинянц 2011.

которая конкретизируется в концепцию понимания исторического пути российского консерватизма, причем эта концепция гораздо глубже привычной периодизации политической идеологии консерватизма[5].

Уже первый том под названием «Истоки русской консервативной мысли» ломает привычные стереотипы. В этот том составители поместили тексты, созданные в XI–XVII вв., от «Слова о Законе и Благодати» митрополита Илариона до «Политики» Юрия Крижанича. Разумеется, применительно к данному периоду вряд ли можно говорить об осмысленном политическом консерватизме. Однако идея составителей вполне ясна. Тексты, вошедшие в первый том, создавали исходные образы русского хранительства, в них конденсируются первоначальные смыслы, формирующие целевые установки существования России как таковой[6].

Второй том с названием «В поисках нового… консерватизма» посвящен мыслителям XVIII века. В нем представлена широкая панорама русской интеллектуальной традиции «века Просвещения». Это сочинения признанных «корифеев» российского просветительства – В.Н. Татищева, М.М. Щербатов, М.В. Ломоносова, С.Е. Десницкого и другие. Но представлены также мыслители «государственнического» направления: Ф. Прокопович, императрица Екатерина II. Всех их объединяет рациональное начало, во многом заимствованное с Запада. Вместе с тем, во второй том включены труды носителей традиционного православного мировоззрения: митрополитов Арсения Мацеевича и Тихона Задонского, преподобного Паисия Величковского. В результате, составители дают иное толкование ведущей тенденции этой эпохи, утверждая, что возникновение в России не только консерватизма, но и либерализма невозможно объяснить исключительно фактом простого заимствования, поскольку большинство основных элементов, которые определяли вектор европейского развития, уже существовало в русской культуре. Так, вполне рационалистическая теория «общей пользы», накладываясь на фундамент русской традиции, быстро трансформируется в идею «пользы Отечества». Благодаря этому возникает совершенно иное восприятие не только отечественной мысли XVIII века, но и самого этого периода в российской истории.

Два первых тома раскрывают природу «хранительства» как «неклассической» формы консерватизма, представляющей собой специфический культурный синтез. Не случайно в предисловии ко второму тому говорится, что «сочетание, казалось бы, не сочетаемого – просветительского воспевания разума и способностей человеческой личности с традиционализмом и религиозностью русского народа – стало одной из главных причин рождения уже в следующем, XIX веке великой русской

[5]Концепция русского «хранительства» была предложена профессором МГУ М.А. Маслиным в начале 2000-х гг. и разрабатывается Д.В. Ермашовым, С.В. Перевезенцевым, А.А. Ширинянцем и др. (См.: Ермашов, Ширинянц 2006; Перевезенцев, Ширинянц 2017; 2016; Ширинянц 2006).

[6] См. подробнее: Перевезенцев 2019.

национальной культуры и великой русской национальной философско-политической традиции»[7].

В 3-м томе «Рождение русского консерватизма. 1800–1850 гг.» составителям необходимо было решить довольно сложную задачу отбора источников, которые могли бы представлять указанный в названии процесс. Здесь представлены труды московского генерал-губернатора Ф.В. Ростопчина, адмирала А.С. Шишкова, дипломата А.С. Стурдзы, а также историографа Н.М. Карамзина, журналиста С.Н. Глинки, поэтов В.А. Жуковского и П.А. Вяземского и др. Все эти авторы очень разные по их статусу в русской культуре. Здесь и великий Н.М. Карамзин, который традиционно считается не только основоположником отечественного консерватизма, но и создателем литературного языка, а значит, и оснований «Золотого века» российской культуры. Но здесь также представлены и А.С. Стурдза, оставшийся в памяти потомков лишь благодаря едким эпиграммам А.С. Пушкина, или проклинаемый современниками за обскурантизм М.Л. Магницкий. Тем не менее, подобный отбор не является произвольным. Составители настаива-ют на том, что существует ряд признаков, позволяющих отнести того или иного мыслителя к консерваторам-хранителям, и с опорой на подход К. Манхейма различают традиционализм и собственно консерватизм как сознательный традиционализм. Рефлексивный консерватизм формирует сознательную оппозицию к нарушившему традиционный уклад идейному движению. «Появление консерватизма как социального течения и типа теоретической рефлексии над политикой означает, что мыслительные конструкции, в которых осмысливается данная политическая реальность, не создаются заново, а заимствуются как образцы политического мышления той или иной социальной группы»[8]. И опять иной смысл, отличный от сложившегося в рационализированной научной традиции, придают всему периоду начала XIX в. включенные в этот том сочинения православных подвижников и мыслителей – преподобного Серафима Саровского и архимандрита Фотия (Спасского). Поэтому составители антологии корректируют традиционное понимание возникновения консервативной политической идеологии как реакции на Французскую революцию 1789–1794 гг. в пользу формирования сознательного оппозиционного неприятия буржуазно-либеральной идеологии как таковой. В свою очередь, важнейшей чертой русских консерваторов-хранителей в XIX в. становится святоотеческая традиция.

В четвертом томе «В поисках русского пути. 1800–1850 гг.» собраны лучшие образцы отечественной консервативной мысли первой половины XIX века, в которых создавались и обосновывались консервативно-хранительные представления об особом историческом пути России, основанном на традиционных духовных и социально-полити-

[7] Хранители России. Т. 2. 2015: 51.
[8] Хранители России. Т. 3. 2016: 8.

ческих ценностях. В книгу вошли записки, беседы, манифесты императора Николая I, произведения А.С. Пушкина, С.С. Уварова, М.П. Погодина, С.П. Шевырева, В.Ф. Одоевского, А.С. Хомякова, И.В. Киреевского, Ф.И. Тютчева, Н.В. Гоголя, С.О. Бурачека, святителей Иннокентия Московского и Филарета Московского.

Консерваторы развивают идеи национальной самобытности, культурного своеобразия, охранения традиционных национальных начал от разрушения космополитическими веяниями. Подбор источников в этом томе таков, чтобы отчетливо была видна подчиненность социально-политических воззрений духовным задачам. Тем самым консервативная идея предстает как идея духовно-политического хранительства. Причем, эта идея выходит за рамки узкого понимания национальной традиции, поскольку Россия мыслится как последняя в мире сила, способная хранить мир от грядущего антихриста. Решение этой задачи связано с консервативной трактовкой самодержавной государственности и православия как основополагающих ценностей русского народа[9].

Теоретики консерватизма сумели вскрыть иллюзорность либерального соблазна, ограниченность его априорных построений, выдвинули исторический подход для объяснения общественных явлений, способствовавший отрицанию правомерности революций, любых насильственных действий, направленных на изменение существующего порядка. Вместе с тем, консерватизм выступает за сохранение сословий и привилегий определенных социальных групп. Эту непростую тему не следует сводить к наивной апологии существующих порядков. Для консерваторов скорее характерен реализм в понимании общественных явлений, сильный критический настрой по отношению к либеральным обещаниям. Составители антологии стремятся представить русский консерватизм как творческое учение. Творчество настоящего не должно быть беспочвенным, подлинное творчество глубоко связанно с вековой традицией.

Пятый том «Обретённая Россия. 1840-е – начало 1860-х гг.» свидетельствует, что в 1840-е – начале 1860-х гг. в жизни российского общества произошло немало перемен – во внешней и внутренней политике, в экономической и социальной сферах, в обыденном бытии. Немало новых явлений наблюдалось и в области интеллектуальных исканий. Многие из этих явлений трудно охарактеризовать привычными понятиями. Именно поэтому состав тома столь разнолик: под одной обложкой встретились Л.В. Дубельт и К.Д. Ушинский, Б.Н. Чичерин и М.Н. Катков, а рядом с ними – К.С. и И.С. Аксаковы. И уже следуя традиции антологии, в томе представлены сочинения православных мыслителей – насельников знаменитой Оптиной пустыни, преподобных Льва, Макария и Анатолия Оптинских. Вошедшие в том социально-политические и духовно-политические сочинения, написанные в основном в 1840-е – на-

[9] О концепции русской духовно-политической мысли см.: Перевезенцев 2015; 1999; 2018; Русская социально-политическая мысль X — начала XX в. 2005; и др.

чале 1860-х гг., наиболее ярко обозначили процессы самобытного духовного и исторического обретения России.

А вот произведения, включенные в шестой том, посвящены более конкретной теме – отмене крепостного права. Поэтому и сам том носит вполне конкретно-историческое название «Крестьянское дело. 1840-е – начало 1860-х гг.». В предисловии составители представили практически полную, хоть и достаточно краткую, историю введения и бытования системы крепостной зависимости в Российском государстве – с XV по середину XIX века. Такая историческая панорама позволила квалифицированно отобрать сочинения для включения в данный том. Нужно отметить, что в историко-политической науке и по сей день не существует однозначных оценок свершившейся в 1861 г. «революции сверху». Поэтому в шестом томе можно найти практически весь спектр мнений тех мыслителей, государственных деятелей и чиновников, которые оказались главными теоретиками, вдохновителями и разработчиками реформы: императора Александра II, Я.И. Ростовцева, С.С. Ланского, Ю.Ф. Самарина, А.И. Кошелева, В.А. Черкасского, А.М. Унковского, К.Д. Кавелина, А.П. Заблоцкого-Десятовского, М.П. Позена, А.А. Головачева, М.Н. Муравьева. Открывают этот том слова и проповеди митрополита Московского и Коломенского Филарета (Дроздова), одного из авторов Манифеста 19 февраля 1861 года, а заканчивают тексты Михаила Николаевича Муравьева, приобретшего в глазах «либеральной общественности» и советских историков стойкую репутацию «консерватора и крепостника» благодаря своей жесткой критике перегибов проектов Редакционных комиссий и самого «Манифеста…».

Первые шесть томов антологии «Хранители России» – издание новаторское. Убеждены, что это только середина пути, и в ближайшее время мы увидим новые тома. Это очень важно, так как значение антологии никак не исчерпывается переизданием редких текстов и профессиональным комментированием. Скорее, речь идет о восстановлении аутентичности консервативной традиции и развитии темы хранительства как фундаментальной установки российской культуры. Русский консерватизм, пропускаемый ранее сквозь предвзятые призмы либерализма и марксизма, восстанавливает культурную логику своего прохождения через историческое время, определяет координаты пространства своего существования, и ставит вопрос о беспристрастной оценке своих отношений с истиной. При этом консерватизм меняет масштаб понимания современного мира, помещая его в ретроспективу традиции, настойчиво вопрошает о перспективе его дальнейшего развития.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Хранители России. Антология. В 6 т.: М.: Паблис, 2015–2018; Новые решения 2018. **Т. I**: Истоки русской консервативной мысли. XI–XVII вв. / Под ред. С.В. Перевезенцева. Авт.-сост.: Р.В. Михайлов, С.В. Перевезенцев, А.А. Ширинянц. Подг. текстов А.А. Горохов, О.Е. Пучнина, А.С. Хелик, А.Б. Страхов, Д.А. Ананьев и др.; **Т. 2.** В поисках нового… консерватизма / Под ред. А.А. Ширинянца, С.В. Перевезенцева. Авт.-сост.

Р.В. Михайлов, С.В. Перевезенцев, А.А. Ширинянц. Подг. текстов: А.А. Горохов, О.Е. Пучнина, А.С. Хелик, А.Б. Страхов, Д.А. Ананьев и др.; **Т. 3.** Рождение русского консерватизма. 1800–1850 гг. / Под ред. А.Ю. Минакова, С.В. Перевезенцева, А.А. Ширинянца. Авт.-сост.: Д.А. Ананьев, Т.И. Дайн, Ю.Е. Кондаков, Н.Н. Лупарева, А.О. Мещерякова, А.Ю. Минаков, Р.В. Михайлов, В.С. Парсамов, С.В. Перевезенцев, А.Б. Страхов, И.Р. Федий, С.В. Хатунцев, А.С. Хелик, А.А. Ширинянц; **Т. 4.** В поисках русского пути. 1800–1850 гг. / Под ред. С.В. Перевезенцева, А.А. Ширинянца. Авт.-сост. А.С. Абрамян, Д.А. Ананьев, А.А. Горохов, Т.И. Дайн, Р.В. Михайлов, С.В. Перевезенцев, А.Б. Страхов, А.С. Хелик, А.А. Ширинянц; **Т. 5.** Обретённая Россия. 1840-е – начало 1860 гг. / Под ред. С.В. Перевезенцева, А.А. Ширинянца. Авт.-сост. А.С. Абрамян, Д.А. Ананьев, В.А. Болдин, Т.И. Дайн, Д.Ю. Кухарский, А.З. Маргушева, Р.В. Михайлов, А.В. Мырикова, С.В. Перевезенцев, В.А. Соболев, А.Б. Страхов, А.А. Ширинянц; **Т. 6**. Крестьянское дело. 1840-е – начало 1860-х гг. / Под ред. С.В. Перевезенцева, А.А. Ширинянца. Авт.-сост. А.С. Абрамян, Д.А. Ананьев, К.А. Горшкова, Т.И. Дайн, О.С. Кононенко, М.А. Лагузова, Р.В. Михайлов, С.В. Перевезенцев, В.А. Соболев, А.Б. Страхов, А.А. Ширинянц. [Hraniteli Rossii. Antologiya. V 6 t.: M.: Pablis, 2015–2018; Novye resheniya 2018. T. I: Istoki russkoj konservativnoj mysli. XI–XVII vv. / Pod red. S.V. Pereve-zenceva. Avt.-sost.: R.V. Mihajlov, S.V. Perevezencev, A.A. SHirinyanc. Podg. tekstov A.A. Gorohov, O.E. Puchnina, A.S. Helik, A.B. Strahov, D.A. Anan'ev i dr.; T. 2. V poiskah novogo… konservatizma / Pod red. A.A. SHirinyanca, S.V. Pe-revezenceva. Avt.-sost. R.V. Mihajlov, S.V. Perevezencev, A.A. SHirinyanc. Podg. tekstov: A.A. Gorohov, O.E. Puchnina, A.S. Helik, A.B. Strahov, D.A. Anan'ev i dr.; T. 3. Rozhdenie russkogo konservatizma. 1800–1850 gg. / Pod red. A.YU. Minakova, S.V. Perevezenceva, A.A. SHirinyanca. Avt.-sost.: D.A. Anan'ev, T.I. Dajn, YU.E. Kondakov, N.N. Lupareva, A.O. Meshcheryakova, A.YU. Minakov, R.V. Mi-hajlov, V.S. Parsamov, S.V. Perevezencev, A.B. Strahov, I.R. Fedij, S.V. Hatun-cev, A.S. Helik, A.A. SHirinyanc; T. 4. V poiskah russkogo puti. 1800–1850 gg. / Pod red. S.V. Perevezenceva, A.A. SHirinyanca. Avt.-sost. A.S. Abramyan, D.A. Anan'ev, A.A. Gorohov, T.I. Dajn, R.V. Mihajlov, S.V. Perevezencev, A.B. Stra-hov, A.S. Helik, A.A. SHirinyanc; T. 5. Obretyonnaya Rossiya. 1840-e – nachalo 1860 gg. / Pod red. S.V. Perevezenceva, A.A. SHirinyanca. Avt.-sost. A.S. Abramyan, D.A. Anan'ev, V.A. Boldin, T.I. Dajn, D.YU. Kuharskij, A.Z. Margusheva, R.V. Mihajlov, A.V. Myrikova, S.V. Perevezencev, V.A. Sobolev, A.B. Strahov, A.A. SHirinyanc; T. 6. Krest'yanskoe delo. 1840-e – nachalo 1860-h gg. / Pod red. S.V. Perevezenceva, A.A. SHirinyanca. Avt.-sost. A.S. Abramyan, D.A. Anan'ev, K.A. Gorshkova, T.I. Dajn, O.S. Kononenko, M.A. Laguzova, R.V. Mihajlov, S.V. Perevezencev, V.A. Sobolev, A.B. Strahov, A.A. SHirinyanc].

Аксаков К.С., Аксаков И.С. Избранные труды / Сост., автор вступ. ст. и коммент. А.А. Ширинянц, А.В. Мырикова, Е.Б. Фурсова. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. 888 с. [Aksakov K.S., Aksakov I.S. Izbrannyye trudy / Sost., avtor vstup. st. i komment. A.A. Shirinyants, A.V. Myrikova, E.B. Fursova. M.: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya, 2010. 888 s.].

Андерсон К.М., Артамонова Ю.Д., Бойцова О.Ю., и др. Политическая текстология как наука и учебная дисциплина: материалы круглого стола // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2014. № 4. С. 110-136. [Anderson K.M., Artamonova J.D., Boytsova O.Yu., i dr. Politicheskaya tekstologiya kak nauka i uchebnaya distsiplina: materialy kruglogo stola // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskiye nauki. 2014. № 4. S. 110-136.].

Андерсон К.М., Бойцова О.Ю., и др. «Политическая текстология как наука и учебная дисциплина»: круглый стол // SCHOLA-2013: Материалы международной научной конференции «Политика в текстах – тексты в политике: наука истории идей и учений» / Под ред. Шутова А.Ю., Ширинянца А.А.; сост. Волошин А.И. М.: Изд-во Московского университета, 2013. С. 341-357. [Anderson K.M., Boytsova O.Yu., i dr. «Politicheskaya tekstologiya kak nauka i uchebnaya distsiplina»: kruglyy stol // SCHOLA-2013: Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Politika v tekstakh - teksty v politike: nauka istorii idey i ucheniy» / Pod red. Shutova A.Yu., Shirinyantsa A.A.; sost. Voloshin A.I. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2013. S. 341-357.].

Андерсон К.М., Бойцова О.Ю. и др. Актуальные вопросы истории социально-политических учений и политической текстологии: материалы круглого стола // Вестник Мос-

ковского университета. Серия 12: Политические науки. 2016. № 4. С. 91-127. [Anderson K.M., Boytsova O.Yu., i dr. Aktual'nyye voprosy istorii sotsial'no-politicheskikh ucheniy i politicheskoy tekstologii: materialy kruglogo stola // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskiye nauki. 2016. № 4. S. 91-127.].

Андерсон К.М., Мырикова А.В., и др. Политология как история идей: материалы круглого стола // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2009. № 4. С. 65-81. [Anderson K.M., Myrikova A.V., i dr. Politologiya kak istoriya idey: materialy kruglogo stola // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskiye nauki. 2009. № 4. S. 65-81.].

Ермашов Д.В., Перевезенцев С.В., Фомин В.В. Русская социально-политическая мысль XI – начала XX века: Иван Грозный / Под ред. С.В. Перевезенцева. М.: Социально-политическая мысль, 2002. 284 с. [Yermashov D.V., Perevezentsev S.V., Fomin V.V. Russkaya sotsial'no-politicheskaya mysl' XI – nachala XX veka: Ivan Groznyy / Pod red. S.V. Perevezentseva. M.: Sotsial'no-politicheskaya mysl', 2002. 284 s.].

Ермашов Д.В., Пролубников А.В., Ширинянц А.А. Русская социально-политическая мысль XIX – начала XX века: Л.А.Тихомиров. М.: Книжный дом «Университет», 1999. 200 с. [Yermashov D.V., Prolubnikov A.V., Shirinyants A.A. Russkaya sotsial'no-politicheskaya mysl' XIX – nachala XX veka: L.A.Tikhomirov. M.: Knizhnyy dom «Universitet», 1999. 200 s.].

Ермашов Д.В., Ширинянц А.А. Хранительство как основание консервативной политической культуры интеллигенции (опыт пореформенной России) // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2006. № 2. С. 5–22. [Yermashov D.V., Shirinyants A.A. Khranitel'stvo kak osnovaniye konservativnoy politicheskoy kul'tury intelligentsii (opyt poreformennoy Rossii) // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskiye nauki. 2006. № 2. S. 5–22.].

Карамзин Н.М. Избранные труды / Сост., автор вступит. ст. и коммент. А.А. Ширинянц; автор вступит. ст. Д.В. Ермашов; автор коммент. А.И. Шевляков; сост. А.Ю. Старостин. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. 488 с. [Karamzin N.M. Izbrannyye trudy / Sost., avtor vstupit. st. i komment. A.A. Shirinyants; avtor vstupit. st. D.V. Yermashov; avtor komment. A.I. Shevlyakov; sost. A.Yu. Starostin. M.: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya, 2010. 488 s.].

Мырикова А.В., Ширинянц А.А. Русская социально-политическая мысль XIX века: К.С. Аксаков / Под ред. А.А. Ширинянца. М.: Политическая мысль, 2011. 212 с. [Myrikova A.V., Shirinyants A.A. Russkaya sotsial'no-politicheskaya mysl' XIX veka: K.S. Aksakov / Pod red. A.A. Shirinyantsa. M.: Politicheskaya mysl', 2011. 212 s.].

Мячин А.Г., Ширинянц А.А. Русская социально-политическая мысль XIX в.: К.Н. Леонтьев / Под ред. А.А. Ширинянца. М.: Изд-во Московского университета, 1995. 120 с. [Myachin A.G., Shirinyants A.A. Russkaya sotsial'no-politicheskaya mysl' XIX v.: K.N. Leont'yev / Pod red. A.A. Shirinyantsa. M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1995].

Перевезенцев С.В. К вопросу о специфике русской политической мысли XI–XVII вв. // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2008. № 4. С. 11–22. [Perevezentsev S.V. K voprosu o spetsifike russkoy politicheskoy mysli XI–XVII vv. // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskiye nauki. 2008. № 4. S. 11-22.].

Перевезенцев С.В. Святорусское царство: История русской святости. 2-е изд., расш., испр. и доп. М.: Двуглавый орел, 2018. 360 с. [Perevezentsev S.V. Svyatorusskoye tsarstvo: Istoriya russkoy svyatosti. 2-ye izd., rassh., ispr. i dop. M.: Dvuglavyy orel, 2018. 360 s.].

Перевезенцев С.В. Истоки русской души: Обретение веры. X–XVII вв. М.: Издательство "Э", 2015. 528 с. [Perevezentsev S.V. Istoki russkoy dushi: Obreteniye very. X–XVII vv. M.: Izdatel'stvo "E", 2015. 528 s.].

Перевезенцев С.В. Русская религиозно-философская мысль X–XVII вв.: Основные идеи и тенденции развития. М.: Прометей, 1999. 432 с. [Perevezentsev S.V. Russkaya religiozno-filosofskaya mysl' X–XVII vv.: Osnovnyye idei i tendentsii razvitiya. M.: Prometey, 1999. 432 s.].

Перевезенцев С.В. Русские смыслы: Духовно-политические учения России X–XVII вв. в их историческом развитии. Монография. М.: Вече, 2019. 608 с. [Perevezentsev S.V. Russkiye smysly: Dukhovno-politicheskiye ucheniya Rossii X–XVII vv. v ikh istoricheskom razvitii. Monografiya. M.: Veche, 2019. 608 s.].

Перевезенцев С.В., Ширинянц А.А. В поисках самобытности: Об истоках отечественного национал-консервативного дискурса // Тетради по консерватизму. 2017. № 3. С. 61–74. [Perevezentsev S.V., Shirinyants A.A. V poiskakh samobytnosti: Ob istokakh otechestvennogo natsional-konservativnogo diskursa // Tetradi po konservatizmu. 2017. № 3. S. 61–74.].

Перевезенцев С.В., Ширинянц А.А. Страницы русского «хранительства»: литература и политика // Вестник Московского государственного областного университета. 2016. № 4. URL: http://evestnik-mgou.ru/Articles/View/781 [Perevezentsev S.V., Shirinyants A.A. Stranitsy russkogo «khranitel'stva»: literatura i politika // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (Elektronnyy zhurnal). 2016. № 4.

Погодин М.П. Избранные труды / Сост., авторы вступ. ст. и коммент. А.А. Ширинянц, К.В. Рясенцев. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. 776 с. [Pogodin M.P. Izbrannyye trudy / Sost., avtory vstup. st. i komment. A.A. Shirinyants, K.V. Ryasentsev. M.: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya, 2010. 776 s.].

Русская социально-политическая мысль X – начала XX в. Ч. I. История политических учений России X–XVII вв.: От Киевской Руси до Московского царства / Авт.-сост. С.В. Перевезенцев, А.А. Ширинянц, Д.В. Ермашов. М.: Социально-политическая мысль, 2005. 156 с. [Russkaya sotsial'no-politicheskaya mysl' X – nachala XX v. CH. I. Istoriya politicheskikh ucheniy Rossii X–XVIIvv.: Ot Kiyevskoy Rusi do Moskovskogo tsarstva / Avt.-sost. S.V. Perevezentsev, A.A. Shirinyants, D.V. Yermashov. M.: Sotsial'no-politicheskaya mysl', 2005. 156 s.].

Русская социально-политическая мысль. 1850–1860-е годы: Хрестоматия / под ред. А.А. Ширинянца. М.: Изд-во Московского университета, 2012. 896 с. [Russkaya sotsial'no-politicheskaya mysl'. 1850–1860-ye gody: Khrestomatiya / pod red. A.A. Shirinyantsa. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2012. 896 s.].

Русская социально-политическая мысль. XI–XVII вв.: Хрестоматия / под ред. А.А. Ширинянца, С.В. Перевезенцева. М.: Изд-во Московского университета, 2011. 728 с. [Russkaya sotsial'no-politicheskaya mysl'. XI–XVII vv.: Khrestomatiya / pod red. A.A. Shirinyantsa, S.V. Perevezentseva. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2011. 728 s.].

Русская социально-политическая мысль. Первая половина XIX века. Хрестоматия / под ред. А.А. Ширинянца. М.: Изд-во Московского университета, 2011. 880 с. [Russkaya sotsial'no-politicheskaya mysl'. Pervaya polovina XIX veka. Khrestomatiya / Sost.: A.A. Shirinyants, I.Y. Demin; podg. tekstov: A.M. Rep'yeva, M.K. Kovtunenko, A.I. Voloshin; pod red. A.A. Shirinyantsa. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2011. 880 s.].

Шевырев С.П. Избранные труды / Сост. К.В. Рясенцев, А.А. Ширинянц; автор вступ. ст. А.А. Ширинянц; авторы коммент. М.К. Кирюшина, К.В. Рясенцев, А.А. Ширинянц. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. 680 с. [Shevyrev S.P. Izbrannyye trudy / Sost. K.V. Ryasentsev, A.A. Shirinyants; avtor vstup. st. A.A. Shirinyants; avtory komment. M.K. Kiryushina, K.V. Ryasentsev, A.A. Shirinyants. M.: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya, 2010. 680 s.].

Ширинянц А.А. О специфике истории социально-политической мысли России // Общественная мысль России: истоки, эволюция, основные направления / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М.: Российская политическая энциклопедия, 2011. С. 536–546. [Shirinyants A.A. O spetsifike istorii sotsial'no-politicheskoy mysli Rossii // Obshchestvennaya mysl' Rossii: istoki, evolyutsiya, osnovnyye napravleniya / Otv. red. V.V. Shelokhayev. M.: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya, 2011. S. 536–546.].

Ширинянц А.А. Хранительство как основание консервативной политической культуры интеллигенции (опыт пореформенной России): концепция русской монархии // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2006. № 4. С. 69–87. [Shirinyants A.A. Khranitel'stvo kak osnovaniye konservativnoy politicheskoy kul'tury intelligentsii (opyt poreformennoy Rossii): kontseptsiya russkoy monarkhii // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskiye nauki. 2006. № 4. S. 69–87.].

***Бельский Виталий Юрьевич**, доктор философских наук, профессор, начальник кафедры социологии и политологии, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя. v.belskiy@bk.ru*

***Золкин Андрей Львович**, доктор философских наук, профессор, кафедра философии, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя. az20042004@mail.ru*

Spiritual and political thought and Russian Guardianship (reflections on the anthology «Guardians of Russia»)

A review of the anthology «Guardians of Russia», compiled and prepared by the staff of the Department of history of socio-political teachings of the faculty of political science of Moscow state University. M. V. Lomonosov. The relevance of this anthology for the study of the origins of the formation and development of Russian conservative ideology is estimated. The authors analyze the representativeness of the texts included in the anthology regarding the ideological positions of their authors. The possibility of scientific use of the concept of custody is considered. The positive aspects of the anthology are noted, such as historicism, consistency, availability of necessary comments, extensive reference apparatus, exhaustive bibliography, reissue of a number of rare and hard-to-reach texts.

Keywords: *Conservatism, conservative ideology, «khranitel'stvo», Russian socio-political thought, anthology.*

Belsky Vitaliy Y., *Doctor of philosophical sciences, Professor, Head of the Department of sociology and political science Moscow University of the MIA of Russia named after V.J. Kikot; v.belskiy@bk.ru*

Zolkin Andrey L., *Doctor of philosophical sciences, Professor, Professor of the Department of philosophy, Moscow University of the MIA of Russia named after V.J. Kikot; az20042004@mail.ru*

В. Н. Ерохин

АНГЛОВЕДЕНИЕ В ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИИ НОВЫЕ МОНОГРАФИИ И. Р. ЧИКАЛОВОЙ

Автор рассматривает два издания монографии известной белорусской исследовательницы И.Р. Чикаловой, посвященной осмыслению исторического опыта Великобритании в Российской империи в XIX – начале XX в. Отмечено, что, не имеющее аналогов исследование дает обстоятельное представление об истории российского англоведения, сумевшего создать разносторонний образ страны в интеллектуальном пространстве Российской империи, воссоздает комплексную картину конструирования представлений и знаний о Британской империи в России. Материалы, собранные и проанализированные в книге, дают возможность для углубления исследований в области дореволюционного российского англоведения.

***Ключевые слова*:** *история Великобритании, англоведение, Российская империя в XIX – начале XX века, историография, интеллектуальная история*

В разноплановом поле отечественных англоведческих исследований появилась интересная и важная работа, принадлежащая перу известного белорусского историка, доктора исторических наук, профессора И.Р. Чикаловой, опубликованная в двух вариантах в российском и белорусском издательствах[1]. Ирина Ромуальдовна всегда тесно сотрудничала и продолжает сотрудничать с российскими историками. В поле ее научных интересов уже в течение ряда лет находится история российского англоведения, в ходе работы над данной проблематикой белорусская исследовательница уже публиковала крупные труды[2].

И.Р. Чикалова недавно представила научному сообществу новую работу, посвященную всестороннему рассмотрению того, что было сделано в области изучения истории, культуры, разнообразных сторон жизни Великобритании и ее переселенческих колоний, ставших доминионами, силами как собственно российских ученых, так и переводчиков и издателей, осуществлявших (не без помощи российской профессуры в качестве консультантов и редакторов) процесс переноса актуального знания о Великобритании в русскоязычную среду. Одно издание монографии вышло в Санкт-Петербурге в издательстве «Алетейя», вто-рое – в Минске в академическом издательстве «Белорусская наука»[3]. Публикации, хотя и близки по содержанию, имеют отличия. В минском варианте книги автор акцентирует внимание на том, что внутри россий-ского сообщества англоведов существовала группа ученых, публицистов, ли-

[1] Чикалова 2017; Чикалова 2018.

[2] Чикалова 2013.

[3] Обе книги снабжены именными указателями, многочисленными иллюстрациями. Минское издание отличается более подробным и уточненным именным указателем.

тераторов, связанных с Беларусью местом рождения и учебы: И.Н. Гранат, З.А. Венгерова, С.А. Венгеров, Н.М. Виленкин (Николай Минский), С.И. Рапопорт, В.Д. Спасович, Л.Ю. Шепелевич, И.И. Ивановский, М.Я. Острогорский, М.П. Вронченко, М.Н. Петров, В.В. Игнатович, Л.А. Полонский, П.И. Люблинский, А.И. Анекштейн[4].

Как отмечено во Введении, «своей работой автору хотелось прежде всего продемонстрировать масштабы и тематическое разнообразие англоведения как отдельной и самостоятельной области гуманистики в дореволюционной России, отдать дань заслуженного уважения историкам, юристам, экономистам, педагогам, журналистам как российским, так и зарубежным, чьи имена в большинстве своем оказались на долгие годы забыты. <...> Для будущих же исследователей они создали уникальный интеллектуальный фундамент, отталкиваясь от которого следует начинать любое дальнейшее научное изучение Великобритании»[5].

Созданная И.Р. Чикаловой целостная панорама представлений о результатах изучения истории и культуры Великобритании в Российской империи в XIX – начале XX в. позволяет увидеть, какие темы больше привлекали внимание отечественных исследователей, и это, помимо прочего, дает возможность понять, изучение каких проблем истории Великобритании представлялось наиболее значимым для выбора возможных путей социально-политических преобразований в Российской империи. Источниковая база исследования включает более двух тысяч наименований научных и научно-популярных книг, статей, очерков, брошюр, рецензий, архивных документов.

Композиционно оба издания состоят из двух частей – «От англомании к англоведению: Великобритания в зеркале российских исследований» и «Иностранная книга о Великобритании: трансфер образа страны в интеллектуальное пространство России». В первой части подробное рассматривается, как в формировавшуюся в первые десятилетия XIX в. российскую всеобщую историю, политическую, экономическую, юридическую науку, литературоведение входила британская проблематика. Начав с записок русских путешественников, бывавших в Англии, автор последовательно выстраивает нарратив, в центре которого находится характеристика сделанного русскими исследователями в середине XIX – начале XX в. в изучении политической истории, эволюции государственных учреждений, экономической и социальной истории, культуры, внешней и колониальной политики Великобритании, её переселенческих колоний. В сферу внимания автора попали не только крупнейшие ученые, такие как И.И. Янжул, И.И. Кауфман, М.М. Ковалевский, П.Г. Виноградов, А.В. Зотов, Д.М. Петрушевский, В.Н. Александренко, М.И. Туган-Барановский, Г.П. Каменский, П.Г. Мижуев,

[4] Чикалова 2018: 7–9, 388.
[5] Чикалова 2017: 10.

Е.В. Тарле, И.И. Любименко, Ф.А. Ротштейн, М.Я. Острогорский, для которых «глубокое знание предмета исследования становилось результатом кропотливого труда с документальными источниками, включенности в жизнь страны пребывания, личных наблюдений и тесного общения с местной университетской профессурой»[6]. Труд И.Р. Чикаловой поражает масштабами проделанной работы и результатами научного поиска, предпринятого в стремлении выявить все значимые публикации и персоналии в российском англоведении изучаемого периода. В библиотеках найден огромный массив англоведческих публикаций, и каждая приведена с подробным библиографическим описанием, что облегчает путь к работе с этими материалами последующим исследователям.

Большого труда потребовали выявление и анализ публикаций по англоведческой проблематике в периодической печати, начиная с первого в России многотиражного ежемесячного толстого журнала «Библиотека для чтения» (издавался с 1834 по 1865 г. в Петербурге). Проанализирована англоведческая тематика на страницах либеральных журналов «Современник», «Отечественные записки», «Вестник Европы», «Мир Божий» (с 1906 г. «Современный мир»), «Русская мысль», «Русское богатство», «Русский вестник», «Образование», «Северный вестник», «Вестник иностранной литературы», «Заграничный вестник», «Вестник всемирной истории», «Нива», «Новый журнал иностранной литературы», «Русская школа» и др. Не остались вне поля зрения издания консервативно-монархических взглядов – «Русский вестник» (после 1861 г.), «Исторический вестник», «Русское обозрение», а также университетские издания «Ученые записки Императорского Московского университета», «Записки Императорского Харьковского университета», «Записки Императорского Новороссийского университета», «Варшавские университетские известия», ведомственные издания «Журнал Министерства народного просвещения», «Вестник финансов, промышленности и торговли», «Сборник консульских донесений», «Известия Министерства иностранных дел», «Журнал Министерства юстиции» и др.

Автор проанализировала, что писали об Англии в изучаемых ею хронологических рамках жившие и работавшие в Лондоне российские публицисты и журналисты (О.А. Новикова, И.В. Шкловский (Дионео), С.И. Рапопорт, З.А. Венгерова). В этом разделе внимание читателя привлекают интереснейшие сюжеты и персоналии, которые до сих пор были мало известны даже профессионалам. Особенно это касается личности С.И. Рапопорта, с 1891 г. постоянно проживавшего в Лондоне и вплоть до 1917 г. печатавшего корреспонденции и очерки об Англии во многих российских периодических изданиях. Показано также, как много сделала для улучшения образа Российской империи в британском общественном сознании О.А. Новикова.

[6] Там же: 8.

Интересно и объемно написаны разделы, посвященные изучению внешней и колониальной политики Великобритании. На страницах книги оживают имена первых исследователей разных аспектов внешней политики Англии А.Г. Ротчева, И.А. Вернадского, Ю.В. Толстого, Я.Г. Гуревича, Ф.Ф. Мартенса, и тех, кто рассматривал ее политику в контексте российских внешнеполитических интересов, – М.А. Терентьева, Н.А. Нотовича, М.В. Грулева, А.Е. Вандама и др. С заинтересованным вниманием отслеживались успехи переселенческих колоний, со временем ставших доминионами. Уникален вклад в изучение Канады, Австралии, Новой Зеландии П.Г. Мижуева, Н.А. Крюкова, Н.Н. Епанчина, С.А. Корфа. «Российские исследователи, – пишет И.Р. Чикалова, – уделяя внимание различным сферам экономической и общественной жизни британских доминионов, исследуя государственные институты и их масштабное реформирование, прежде всего расширение избирательного права, проведение реформ в области образования, трудовых и земельных отношений, социального обеспечения, были единодушны в своем отношении к этим “политическим и социальным лабораториям мира” и создали образы Канады, Австралии, Новой Зеландии, как высокоразвитых и процветающих обществ с эффективными механизмами демократического управления, активной вовлеченностью государства в дела экономики, результативными государственными социальными преобразованиями и, как следствие, высоким уровнем жизни населения»[7].

Из числа англоведов, пришедших в науку в начале XX века, автор останавливается на И.И. Любименко, В.Ф. Лазурском, В.Э. Крусмане, П.А. Кузнецове, П.А. Покровском, Ф.А. Ротштейне, В.Ф. Матвееве, С.А. Котляревском, А.А. Гейкинге, М.Я. Острогорском. Последнему она уделила больше внимания, отметив значение его книги «Демократия и политические партии». Как отмечает И.Р. Чикалова, актуальна и практически значима критика М.Я. Острогорским недостатков партийных систем на Западе в начале XX века, выражавшихся, среди прочего, в том, что политические партии вместо выполнения своей ключевой роли посредника между гражданским обществом и государством стали орудием реализации во властных структурах групповых интересов партийных элит. Он считал необходимым замену политических партий свободными лигами, образующимися ради достижения определенных целей[8].

Объемный раздел книги посвящен П.Г. Мижуеву, поскольку ему удалось создать цельную картину не только исторического развития, разных сторон жизни Великобритании, ее колониальной политики, но и политической эволюции ее переселенческих колоний в Северной Америке, революционным путем трансформировавшихся в независимые Соединенные Штаты, а также Канады, Австралии и Новой Зеландии,

[7] Там же: 189.
[8] Там же: 311.

отдавших предпочтение сохранению уз с метрополией. В этом Мижуев был первопроходцем. Его вклад в развитие российского англоведения количественно выражается в издании порядка 80 работ. Как пишет автор, «немногие могли бы сравниться с Мижуевым по вкладу в популяризацию английских общественных институтов и успехов британских доминионов в социально-политической сфере, которые оказались даже более значимыми, чем в европейских странах»[9]. Любые темы (политическая история страны; парламентаризм, проблема разделения властей и права человека; колониальная империя и становление доминионов; социальные аспекты жизни; градостроительство и быт; народное образование от начального до университетского) интересуют Мижуева не сами по себе: «он постоянно адресуется к российскому читателю, проводит аналогии и сравнения с российской действительностью»[10].

Вторая часть книги посвящена переводам на русский язык англоведческих трудов, написанных не только англичанами, но и немцами, французами, бельгийцами, американцами. Автор останавливается на активной роли, которую играли в подобном трансфере полезной информации о зарубежных странах, в т.ч. об Англии, журналы. «Вестник Европы», «Русский вестник», «Русская мысль», «Образование», «Мир Божий»/«Современный мир», «Русское богатство», «Исторический вестник», «Критическое обозрение», «Жизнь», «Правда» во множестве публиковали рецензии на опубликованные в России зарубежные книги. В конце 1850-х гг. возникла практика краткого изложения на страницах журналов содержания книг, еще не переведенных на русский язык, и она получила продолжение в последующие годы. Нередко на них появлялись публикации зарубежных журналистов и ученых.

Благодаря переводам в России хорошо знали труды выдающегося английского историка Т.Б. Маколея, с 1860-х гг. стало известно имя одного из основателей позитивизма Г. Бокля, отношение к которому в среде интеллектуалов не было однозначным. На русский язык были переведены труды по истории Англии лидеров французской либерально-романтической историографии О. Тьерри и Ф. Гизо. Издатели публиковали переводы трудов зарубежных исследователей, в которых нашли отражение фактически все стороны английской жизни – конституционный процесс и эволюция демократических начал, экономическое и социальное развитие страны, положение рабочего класса, чартистское и профессиональное рабочее движение, положение женщин и женское движение, культурная жизнь, обучение и воспитание молодого поколения. Как отмечает И.Р. Чикалова, переведенные на русский язык труды представляли разные научные направления и школы, но все они отражали сущностные стороны жизни британского общества, рассматривали

[9] Там же: 318.
[10] Там же: 319.

механизм функционирования британского государства во взаимосвязи всех его компонентов. Эти книги оказались более чем востребованы в России и широко использовались в качестве учебной литературы в российских университетах»[11]. Автор включает в свой нарратив многие переведенные на русский язык труды по политическому строю, местному управлению, гражданским правам и свободам в Англии и, посредством обращения к журнальным рецензиям, реконструирует полемику вокруг них главным образом в вопросе о степени пользы этих работ для российского читателя. Рассуждения и выводы исследовательницы, приводимые по ходу изложения, дают основания считать, что знания об истории и текущем состоянии Великобритании в Российской империи конца XIX – начала XX в. превращались в фактор развития политической жизни и конституционно-правового процесса.

Не останавливаясь подробно на разделах, посвященных переводной литературе, просто назовем их темы: политическая история и страноведение Великобритании, государственный строй Великобритании, местное самоуправление в Великобритании, гражданские права и свободы, биографии знаменитых англичан, экономическая и социальная история Великобритании, призрение бедных в Великобритании, рабочий класс, тред-юнионы и кооперативное движение, английский либерализм и социализм, народное образование и просветительские движения. Завершает вторую часть книги раздел, посвященный отражению истории Англии в многочисленных всемирных историях, переведенных и изданных в Российской империи.

Заслуживает быть отдельно отмеченным «Заключение» к монографии. Посвящено оно судьбам российского англоведения и российских дореволюционных англоведов в первое десятилетие советской власти, когда опубликованные книги еще продолжали развивать сюжеты, «в той или иной степени затронутые в дореволюционной историографии, и, можно сказать, имели тематических предшественников»[12], также наблюдалась относительная терпимость к историкам старой школы, которые продолжали работать в университетах. Тем не менее, российское англоведение постигла та же судьба, что и остальную гуманитаристику. Ученым, воспитанным в традициях дореволюционной высшей школы, «было суждено пережить разрушение привычных условий жизни и творчества, изменение своего статуса в новом обществе.

Отмечая масштабность проделанной И.Р. Чикаловой работы, видно, что в фокус внимания автора не попали труды отечественных исследователей, посвященные истории Церкви Англии. В середине и второй половине XIX в. в России были опубликованы представляющие интерес работы по истории англиканства. Самым известным был церковный

[11] Там же: 7–8.
[12] Там же: 542.

историк В.А. Соколов (1851–1918), опубликовавший труд «Реформация в Англии (Генрих VIII и Эдуард VI)»[13]. Есть у него и другие работы, относящиеся к теме[14]. Известны еще несколько публикаций по истории англиканства середины XIX в., которые давали возможность российскому читателю получить представление о том, чем была для английского общества государственная церковь Англии: «Очерк истории англиканской церкви» Н.Н. Делицына[15], «Англиканская церковь и её отношение к православию» В.М. Михайловского[16], «Характер протестантства и его историческое развитие» епископа Хрисанфа (Ретивцева)[17]. Об англиканстве писали отец писателя М.А. Булгакова профессор Киевской духовной академии А.И. Булгаков[18], К.П. Победоносцев (в «Московском сборнике»). Доктрина Церкви Англии оказала заметное влияние на историю и культуру страны.

В целом же, не имеющее аналогов исследование И.Р. Чикаловой дает обстоятельное представление об истории отечественного англоведения, сумевшего создать разносторонний образ страны в интеллектуальном пространстве Российской империи, воссоздает комплексную картину конструирования представлений и знаний о Великобритании и, шире, о Британской империи, в России. Благодаря проделанной автором работе становится очевидным, сколь огромный пласт научной российской и зарубежной литературы сегодня нуждается в тщательном новом прочтении. Ориентируясь на указанные И.Р. Чикаловой пока еще мало изученные или совсем не исследованные проблемы современные англоведы могут более осознанно подойти к выбору новых тем.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Булгаков А.И. О законности и действительности англиканской иерархии с точки зрения православной церкви. Киев: Тип. И. И. Горбунова, 1906. X, 185 с. [Bulgakov A.I. O zakonnosti i deistvitel'nosti anglikanskoi ierarkhii s tochki zreniya pravoslavnoi tserkvi. Kiev: Tip. I. I. Gorbunova, 1906. X, 185 s.]

Булгаков А. И. Очерки истории методизма. В 2 т. Киев: Тип. Г.Т. Корчак-Новицкого, 1887. Т. 1. 437 с. Т. 2. 265 с. [Bulgakov A. I. Ocherki istorii metodizma. V 2 t. Kiev: Tip. G. T. Korchak-Novitskogo, 1887. T. 1. 437 s. T. 2. 265 s.]

Делицын Н. Н. Очерк истории англиканской церкви. СПб.: Тип. Деп. уделов, 1860. 50 с. [Delitsyn N. N. Ocherk istorii anglikanskoi tserkvi. SPb.: Tip. Dep. udelov, 1860. 50 s.]

Михайловский В. М. Англиканская церковь и её отношение к православию. СПб.: Тип. Безобразова и К, 1864. 283 с. [Mikhailovskiy V. M. Anglikanskaya tserkov' i eye otnoshenie k pravoslaviyu. SPb.: Tip. Bezobrazova i K, 1864. 283 s.]

Ретивцев Х. Характер протестантства и его историческое развитие. СПб.: Тип. Деп. уделов, 1868. 219 с. [Retivtsev Kh. Kharakter protestantstva i ego istoricheskoe razvitie. SPb.: Tip. Dep. udelov, 1868. 219 s.]

[13] Соколов 1881.
[14] Соколов 1884.
[15] Делицын 1860.
[16] Михайловский 1864.
[17] Ретивцев 1868.
[18] Булгаков 1906; Булгаков 1887.

Соколов В. А. Реформация в Англии (Генрих VIII и Эдуард VI). М.: Тип. Л.Ф. Снегирева, 1881. 537 с. [Sokolov V. A. Reformatsiya v Anglii (Genrikh VIII i Eduard VI). M.: Tip. L. F. Snegiryova, 1881. 537 s.]

Соколов В. Церковь и университеты Англии XVI в. по описанию современников // Творения Св. отцов в русском переводе. Прибавления … . М.: Московская духовная академия, 1884. Ч. 33. С. 482–541 [Sokolov V. Tserkov' i universitety Anglii XVI v. po opisaniyam sovremennikov // Tvoreniya Sv. ottsov v russkom perevode. Pribavleniya... . M.: Moskovskaya dukhovnaya akademiya, 1884. Ch. 33. S. 482–541].

Чикалова И. Р. Англоведение в императорской России в именах и публикациях (1801–1917): Монография. СПб.: Алетейя, 2013. 392 с. [Chikalova I. R. Anglovedenie v imperatorskoi Rossii v imenakh i publicatsiyakh (1801–1917. SPb.: Aleteiya, 2013. 392 s.]

Чикалова И. Р. Великобритания: изучение в Российской империи (XIX – начало XX века). СПб.: Алетейя, 2017. 576 с. [Chikalova I. R. Velikobritaniya: izuchenie v Rossiiskoi imperii (XIX – nachalo XX veka). SPb.: Aleleiya, 2017. 576 s.]

Чикалова И. Р. Великобритания: осмысление исторического опыта в Российской империи (XIX – начало XX века) / И. Р. Чикалова; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. Минск: Беларуская навука, 2018. 414 с. [Chikalova I. R. Velikobritaniya: osmyslenie istoricheskogo opyta v Rossiiskoi imperii (XIX – nachalo XX veka) / I. R. Chikalova; Nats. akad. nauk Belarusi, In-t istorii. Minsk: Belaruskaya navuka, 2018. 414 s.]

Ерохин Владимир Николаевич, *доктор исторических наук, доцент, и.о. зав. кафедрой социальных и гуманитарных наук, Северо-Восточный государственный университет (г. Магадан); erohin_vladimir@inbox.ru*

English Studies in Imperial Russia: New Monographs by I. R. Chikalova

This review is devoted to examination of two new monographs written by famous Byelorussian researcher I.R. Chikalova. The monographs are devoted to consideration of the main trends in the interpretation of the British historical experience in the Russian Empire in the 19th – early 20th c. The review notes that the study undertaken by I.R. Chikalova has no analogues and gives detailed picture of the English studies in pre-revolutionary Russia. Russian historians succeeded in portraying a wide-ranging image of Britain in the intellectual space of Russian Empire and in recreating of a complex picture of construing of ideas and knowledge of Britain and, more broadly, of British Empire, in Russia. The author also examined the works of non-English foreign researchers devoted to British history and culture. She focused her attention on history and culture of British settlement colonies in Canada, Australia and New Zealand which got the status of dominions. Materials gathered and considered by Chikalova give opportunity for continuation and deepening investigations of pre-revolutionary British studies in Russia because it demonstrates the huge layer of literature which needs to be reread and reinterpreted.

Keywords*: British history, English studies, Russian Empire in the XIXth – early XXth c., historiography, intellectual history*

Vladimir Yerokhin, *Dr. Sc. (History), Acting Head, Department of Social Sciences and Humanities, North-Eastern State University (Magadan); erohin_vladimir@inbox.ru*

А. В. Кореневский

«ВПРАВЛЯТЬ СУСТАВЫ ВЫВИХНУТЫМ ВРЕМЕНАМ…»

Статья представляет собой рецензию на монументальный труд С.А. Экштута «Живописный детектив: расследования и находки», подводящий итог двадцатилетних изысканий автора в музеях и собраниях русской портретной живописи и графики XVIII – начала XX в. Книга состоит из двадцати четырех очерков (называемых автором «делами»), посвященных атрибуции и датировке произведений искусства, идентификации и воссозданию жизненных коллизий, изображенных на них людей.
Ключевые слова*: *живопись и графика, портрет, Российская Империя, биография, расследование, человек второго плана в истории

Хорхе Луис Борхес, цитируя слова Аристотеля о рождении философии из удивления, добавлял, что таково же происхождение поэзии[1]. Не сомневаясь в правоте обоих классиков, возьмем на себя смелость утверждать, что и любая наука имеет те же истоки и неизбежно превращается в схоластику и занудство, потеряв с ними связь. Но, быть может, наиболее очевидна значимость умения удивляться и удивлять именно в истории. Ибо ее покровительница Клио – муза-рассказчица, а потому «преданья старины глубокой» дóлжно уметь не только исследовать, но и рассказывать – повествовать, увлекая и удивляя, закручивая тугую пружину интриги и не выпуская читателя или слушателя из ее плена. Увы, среди нынешних профессиональных историков это стало почти редкостью, чем не в последнюю очередь объясняется кризис доверия общества к академической науке и – *vice versa* – успех сладкоголосых сирен «новой хронологии», «Велесовой книги», «гиперборейской Руси» и прочей псевдонаучной галиматьи.

К счастью, не все так безнадежно, подтверждение чему – не только рецензируемая книга[2], но и более ранние публикации Семена Аркадьевича Экштута, признанного мастера историко-биографического жанра. Его перу принадлежат жизнеописания Ф.И Тютчева[3] и адресата его лирики Надежды Акинфовой[4], Ю.В. Трифонова[5] и И.Ф. Анненского[6], а кроме того, целый ряд «коллективных портретов на фоне эпохи»: художников-передвижников и государственных чиновников, декабристов и их противников[7]. Но и в тех случаях, когда фокус авторского внимания перемещается с личности на эпоху, Экштут не теряет из виду «чело-

[1] Борхес 2005: 290.
[2] Экштут 2018.
[3] Экштут 2013.
[4] Экштут 2001.
[5] Экштут 2014.
[6] Экштут 2017.
[7] Экштут 2005; 2007; 1994.

веческого измерения» истории, а воссоздаваемые им картины былого – будь то поворотные моменты и сломы эпох[8] или культура повседневности[9] – отличает не только историческая, но и психологическая достоверность. Причем результаты изысканий преподнесены читателю в безупречной литературной форме с динамичным сюжетом, уравновешенным историософскими размышлениями, умело выстроенной интригой и запоминающимися метафорами. Автор своим примером доказывает, что о прошлом можно и нужно писать увлекательно, не поступаясь научной строгостью и обоснованностью суждений. Книги С.А. Экштута убеждают в том, что исторические сюжеты могут быть не менее захватывающими, чем детективы, ибо источниковедение – это, по большому счету, историческая криминалистика. Рецензируемая книга – наглядное тому подтверждение. То, что автор назвал ее «детективом», а собранные в ней очерки «делами» – отнюдь не оригинальничание и дань «красоте слога»: в каждом из представленных сюжетов автор предпринимает кропотливое расследование тайн и загадок, таящихся в произведениях искусства, которые он изучал на протяжении двадцати лет.

Двадцать четыре «дела», собранных под обложкой фолианта в полтысячи страниц, разнятся по масштабу – от эпического до камерного, почти интимного, – но в сумме порождают ассоциации с творениями Ф. Рубо: вместе они воспринимаются как грандиозная многофигурная композиция, в которой ощущается дыхание Большой Истории, однако каждый ее тщательно прорисованный фрагмент интересен и сам по себе, взятый вне контекста. Тем самым исследования Экштута наглядно показывают надуманность спора между адептами микро- и макроистории: что важнее – целостное видение исторического процесса или тщательное воссоздание конкретного исторического факта, сотворение грандиозных исторических полотен или исследование «казуса» и категорическое нежелание «превращать свой труд в кирпичик для большой стены какой-нибудь мегаисторической картины человечества»[10].

Все очерки «Живописного детектива» посвящены конкретике – конкретным произведениям искусства, конкретным людям, изображенным на них, конкретным событиям, прямо или косвенно с этими произведениями связанным. Будучи построены по принципу *ab exterioribus ad interiora*, они начинаются с «осмотра места происшествия» и, как и положено при «следственных действиях», тщательной фиксации отдельных деталей, на первый взгляд несущественных или сугубо декоративных, в действительности же содержащих гигабайты зашифрованной в них исторической информации. Последовательно разгадывая эти шарады и выстраивая причинно-следственные связи, автор разворачи-

[8] Алексеев; Володихин; Экштут 2009; Экштут 2012.
[9] Экштут 2012.
[10] Володихин 2002: 447.

вает перед читателем впечатляющие картины ушедшей эпохи, заставляя полотна, рисунки, гравюры ожить и обрести дар речи.

В этом отношении особенно показателен очерк «Аксиома Империи», открывающий книгу и задающий тон всего ее последующего содержания. Фигурантом данного «дела» стала сама государыня императрица Екатерина Великая, точнее – ее парадный портрет в античном облачении кисти одного из величайших русских художников XVIII века Дмитрия Григорьевича Левицкого. Как отмечает, С.А. Экштут, художественные достоинства этого полотна никогда не вызывали сомнения у искусствоведов, но за «сверкающим совершенством живописи» и «смелостью цветовых аккордов» никто не разглядел сколь-нибудь значимого идейного содержания[11]. Но автор позволил не согласиться с этими вердиктами, применив принципиально иную исследовательскую оптику и сфокусировав внимание на деталях: почему живописцем избран античный антураж, с какой целью на картине помещены те или иные предметы, что должны означать боевой доспех, багряница, перевитый лавром меч в ножнах, георгиевская лента, двойная радуга?

Попутно стоит отметить, что Экштут с большим пиететом относится к творческому наследию М.М. Бахтина: анализу и развитию его концепции хронотопа применительно к изобразительному искусству он посвятил целый трактат[12]; достаточно часты в его трудах отсылки к таким бахтинским концептам, как «вненаходимость»[13], «большое время» истории[14], ее «вещная» и «смысловая» стороны[15]. В основе метода дешифровки визуальных текстов, применяемого автором «Живописного детектива», также лежат бахтинские интенции – его достаточно известная, хотя и не получившая должного развития, мысль о том, что изображение может рассматриваться в качестве текста, т.е. «всякого связного знакового комплекса», «действительности мысли и переживания», и *читаться* как текст, если возможно соотнесение визуального объекта с «подразумеваемыми» словесными текстами[16]. Но для того, чтобы вместо чтения не получилось «вчитывание» в визуальный текст чуждых ему смыслов, привнесенных из собственного культурного опыта историка, исследователь должен обладать недюжинными познаниями в области того, что А.Я. Гуревич называл «семантическим инвентарем культуры»[17] изучаемой эпохи. «Живописный детектив» – именно тот случай, когда тексты – и визуальные, и словесные – нашли своего интерпретатора, владеющего всеми необходимыми знаниями и навыками: Экштут

[11] Экштут 2018: 13-14.
[12] Экштут 2016: 138-162.
[13] Экштут 2018: 139-140.
[14] Экштут 2018: 4.
[15] Экштут 2019.
[16] Бахтин 2000: 299.
[17] Гуревич 1984: 25.

обладает и чутьем, достойным бывалого сыщика, и безупречной логикой рассуждений, и обширнейшими познаниями в истории имперской эпохи, начиная от литературы и живописи и заканчивая военным делом, бытом и нравами, системами чинов, званий, наград и отличий. Подобно опытному часовщику, он разобрал полотно Левицкого на мельчайшие детали, а потом снова собрал визуальный текст, вскрыв зашифрованные в нем смыслы: «Вся картина – это широкий, развернутый метафорический образ, призванный наглядно удостоверить зрителя в реальности скорой осуществимости *греческого проекта*»[18].

«Столетье безумно и мудро» представлено и во втором очерке, но на сей раз он посвящен не идеологии, а *Realpolitik* молодой империи. Выбрав в качестве объекта исследования «Конный портрет императрицы Елизаветы Петровны со свитой», Экштут не только обосновал авторство австрийского художника Каспара Георга фон Преннера, которое ранее ставили под сомнение, но и доказал, что это полотно имело важный политический подтекст. Как доказывает автор, «“Конный портрет” стоил многих дипломатических донесений, наглядно демонстрируя зрителю замысловатую расстановку сил при русском дворе»[19] в коротком временном промежутке между двумя большими европейскими войнами – за Австрийское наследство (1740–1748) и Семилетней (1756–1763).

Многие «дела», представленные в книге, начинаются с намеренной фиксации внимания читателя на какой-то, на первый взгляд несущественной детали картины. Но далее именно через то, что могло бы показаться сущим пустяком, автор начинает разворачивать хитросплетения сложнейшего сюжета, шаг за шагом раскрывая жизненный путь и внутренний мир персонажа, изображаемого на фоне эпохи. Странное дело: прочитав очерк, начинаешь понимать, что без этой «мелочи» и без этой личности картина эпохи была бы неполна или даже неверна! В этом автору помогает интуиция и цепкий глаз, умение увидеть: в картине «что-то не так», и *удивиться* этой несообразности. Так, странная, на первый взгляд, склонность портретистов XVIII в. всюду помещать болонок, левреток и мопсов оказывается ключом к пониманию нравов «галантного века»[20]. Эполет на мундире, где ему не место, становится отправной точкой в реконструкции биографии яркой личности, отразившей в своих трудах и днях знаковые вехи Николаевской эпохи[21]. Меховое боа на плечах и обруч с бриллиантом («фероньерка») на лбу дамы, *прочитанные* на «языке костюмных деталей»[22] и соотнесенные с культурным

[18] Экштут 2018: 14.
[19] Автор идентифицировал ряд персонажей картины, не удостоенных подписей, и объяснил причины такой «дискриминации»: Преннер указал имена лишь тех сановников, которые на тот момент располагали реальным влиянием. – Экштут 2018: 60.
[20] Экштут. 2018: 78-85.
[21] Экштут. 2018: 137-154.
[22] Экштут. 2018: 130.

контекстом эпохи, позволяют установить имена и персонажа, и автора миниатюры. А подозрительно малое число наград на «расшитом и красивом» майорском мундире дает толчок к воссозданию картины жизни полицейского пристава пореформенного времени, сотканной из служебного рвения, карьерных амбиций, обид и разочарований[23].

Интерес автора этих строк к исследованиям С.А. Экштута обусловлен и еще одним обстоятельством. В течение многих лет мне довелось участвовать в реализации научного проекта, посвященного изучению феномена «человека второго плана»[24], личности, оставившей свой след в истории, но по тем или иным причинам не удостоенной лавров «творцов истории». Наша гипотеза, в значительной мере подтвержденная изучением конкретных жизненных траекторий, заключалась в том, что даже если этот вердикт потомков справедлив (хотя отнюдь не всегда), в истории, как правило, «короля играет свита», а личности первой величины зачастую нерепрезентативны для понимания эпохи. Ведь эти люди запоминаются современникам и потомкам именно своей экстраординарностью – тем, что они «не такие, как все» и «играют не по правилам». Связь «фигур второго плана» с социокультурным контекстом эпохи значительно прочнее, но память порой к ним безжалостна, стирая из анналов почти все упоминания об их деяниях. В наших сборниках публиковалось немало исторических расследований, посвященных таким «людям, которые могли бы остаться неизвестными»[25].

Многие из «дел», представленных в книге Экштута – из того же разряда. Одно из них посвящено портрету Дмитрия Константиновича Скородули кисти В.Л. Боровиковского. Шаг за шагом воссоздавая биографию скромного артиллерийского офицера, прослужившего верой и правдой трем царям и вышедшего в отставку с генеральским чином, Экштут открывает нам «непарадную» сторону едва ли не самой блистательной эпохи русской истории. Он знакомит нас с одним из тех «людей второго плана», не удостоенных признательности потомков и внимания историков, чьими трудами и беспорочной службой ковались великие победы первой половины XIX века.

Объясняя свой интерес к людям, которых историки и потомки зачислили во «второстепенные» персонажи истории, С.А. Экштут пишет: «Традиционно История предстает перед нами как авансцена, на которой действуют герои первого плана. Мы не фокусируем наше внимание на второстепенных персонажах, а зря. Именно изучение жизни и судьбы героев второго плана дает нам возможность посмотреть на историю под иным ракурсом – и увидеть ее стереоскопичность»[26]. Более того, обращение к свидетельствам «людей второго плана» – именно в силу их

[23] Экштут 2018: 285-314.
[24] Мининков, Кореневский, Иванеско 2010: 20-28.
[25] Винокурова 2008: 199-205.
[26] Экштут 2018: 4.

большей репрезентативности по сравнению с «гениями», которые всегда действуют наперекор времени, обществу, обстоятельствам, может порой сулить историку совершенно неожиданные выгоды. Например: в какой мере мы можем доверять поэтическим словесным портретам, если необходимо идентифицировать персонаж произведения изобразительного искусства? Экштут убедительно доказывает, что «второстепенным» поэтам можно верить больше: «Гений создает яркий поэтический образ, на фоне которого меркнет действительность, поэты второго и третьего плана вернее в передаче деталей: они не созидают новой реальности, а лишь оперяют рифмами приметы своего времени»[27]. При этом восстановление исторической справедливости по отношению к «героям второго плана» имеет, как считает С.А. Экштут, не только научное, но и нравственное значение. В рецензии на книгу А.В. Кибовского «500 неизвестных»[28], сходную с «Живописным детективом» по целям, задачам и методам исследования, Экштут точно и афористично высказался о том, почему возвращение в историю забытых имен столь важно и для науки, и для общества, для всех нас: «Каждое имя восстанавливает связи прошлого даже не с настоящим – с нашим будущим. Каждое по-своему – вправляет суставы вывихнутым временам»[29].

В связи с этим нельзя не отметить еще один важный аспект исследований С.А. Экштута, имеющий непосредственное отношение к явлению «человека второго плана» в истории. Один из сборников нашего проекта был озаглавлен «В тени великих»[30], поскольку его сюжеты были сфокусированы на «заслоненности» фигур второго плана «творцами истории». Эта проблема анализируется и в рецензируемой книге. Автор справедливо пишет об огромной власти стереотипов над исторической памятью. Фигуры первого порядка в нашем сознании не просто превращаются в маркеры эпохи, но необратимо деформируют восприятие: все, что имеет какое-то, даже третьестепенное, отношение к этим личностям, приобретает дополнительную ценность, а все прочее девальвируется. Так, люди начала XIX в., не имевшие счастья (или несчастья) быть знакомыми с А.С. Пушкиным или декабристами, будь они и семи пядей во лбу, оказываются вне поля зрения потомков: «Третьестепенный декабрист или ничем не примечательный пушкинский приятель для нас важнее и интереснее фигуры человека, в течение нескольких десятилетий занимавшегося производством пушек и укреплявшего военную мощь государства Российского. Пора сменить ракурс и отрешиться от универсальности подобного рассмотрения эпохи, пора воспарить над ним»[31].

---

[27] Экштут 2018: 128.
[28] Кибовский 2019.
[29] Экштут 2019.
[30] В тени великих 2010.
[31] Экштут 2018: 154.

Разумеется, в полной мере воплотить в жизнь этот благородный призыв вряд ли возможно. Как справедливо замечает автор, «живучи на погосте, всех не оплачешь. Всех героев второго плана, действовавших в Истории, не выявишь. Обо всех, кто жил в былые времена, не напишешь». Но нужно к этому стремиться. По крайней мере, историкам стоит отказаться от полупрезрительного отношения к тем персонажам, которым не удалось пробиться на авансцену истории. Тем паче не пристало им выступать в роли судей или, хуже того, прокуроров и ничтоже сумняшеся выносить вердикты о «второстепенности» тех или иных героев. Но слава Богу, что в расследовании дел исторических личностей второго плана участвуют не только прокуроры, но и адвокаты – такие, как С.А. Экштут. Значит, их перспективы на суде Клио небезнадежны.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Алексеев С.В.; Володихин Д.М.; Экштут С.А. Россия: великие моменты истории. М.: Аванта+, 2009. 336 с. [Alekseev S.V.; Volodikhin D.M.; Ekshtut S.A. Rossiya: velikie momenty istorii. M.: Avanta+, 2009. 336 p.]

Бахтин М.М. Проблема текста // Бахтин М.М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. С. 299-317 [Bakhtin M.M. Problema teksta // Bakhtin M.M. Avtor I geroy: K filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk. SPb.: Azbuka, 2000. P. 299-317].

Борхес Х.Л. Морис Метерлинк «Разум цветов» // Борхес Х.Л. Собрание сочинений в четырех томах. СПб.: Амфора, 2005. Т. 4. С. 290-291 [Borges J.L. Maurice Maeterlinck «Razum tsvetov» // Borges J.L. Sobranie sochineniy v chetyrekh tomakh. SPb.: Amfora, 2005. Vol. 4. P. 290-291].

Винокурова М.В. Человек, который мог бы остаться неизвестным: Генри Тилсон // Человек второго плана в истории. 2008. Вып. 5. С. 199-205 [Vinokurova M.V. Chelovek, kotoryi mog by ostat'sya neizvestnym Henry Tilson // Chelovek vtorogo plana v istorii. 2008. Vol. 5. P. 199-205].

В тени великих: образы и судьбы. Серия «Человек второго плана в истории» / Отв. ред. Л.П. Репина. СПб.:Алетейя, 2010. 400 с. [V teni velikikh: obrazy i sud'by. Seriya «Chelovek vtorogo plana v istorii» \ Otv. red. L.P. Repina. Spb.:Aleteiya, 2010. 400 p.]

Володихин Д.М. Две ветви микроисторической платформы в отечественной историографии // Диалог со временем. 2002. Вып. 8. С. 445-447 [Volodikhin D.M. Dve vetvi mikroistoricheskoy platformy dv otechestvennoy istoriographii // Dialog so vremenem. 2002. Vol. 8. P. 445-447].

Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984. 350 с. [Gurevich A. Y. Kategorii srednevekovoy kul'turyтегории. M.: Iskusstvo, 1984. 350 p.]

Кибовский А.В. 500 неизвестных. М.: Фонд «Русские Витязи», 2019. 424 с. [Kibovskiy A.V. 500 neizvestnykh. M.: Fond «Russkiye Vityazi», 2019. 424 p.]

Мининков Н.А.; Кореневский А.В.; Иванеско А.И. Человек «второго плана» в контексте современной историографии: пять лет спустя // В тени великих: образы и судьбы. СПб.: Алетейя, 2010. С. 20-28. [Mininkov N.A.; KorenevskiyA.V.; Ivanesko A.I. Chelovek «vtorogo plana» v istorii v kontekste sovremennoy istoriografii: pyat' let spustya // V teni velikikh: obrazy i sud'by. Spb.:Aleteiya, 2010. P. 20-28].

Экштут С.А. Ворота хронотопов. Трактат // Новое прошлое / The New Past. 2016. № 2. С. 138-162 [Ekshtut S.A. Vorota khronotopov. Traktat // Novoye proshloye / The New Past. 2016. № 2. P. 138-162].

Экштут С.А. В поиске исторической альтернативы: Александр I. Его сподвижники. Декабристы. М.: Россия молодая, 1994. 229 с. [Ekshtut S.A. V poiske istoricheskoy al'ternativy: Aleksander I. Ego spodvizhniki. Dekaberisty. M.: Rossiya molodaya, 1994. 229 p.]

Экштут С.А. Закат империи. От порядка к хаосу. М.: Вече, 2012. 304 с. [Ekshtut S.A. Zakat Imperii. Ot poryadka k khaosu. M.: Veche, 2012. 304 p.]
Экштут С.А. Живописный детектив: расследования и находки. М.: Кучково поле, 2018. 448 с. [Ekshtut S.A. Zhivopisnyi detektiv: rassledovaniya i nakhodki. M.: Kuchkovo polye, 2018. 448 p.]
Экштут С.А. Красные когти Судьбы: Иннокентий Анненский в коридоре эпохи. М.: Кучково поле, 2017. 448 с. [Ekshtut S.A. Krasnyye kogti sud'by: Innokenty Annensky v koridore epokhi. M.: Kuchkovo polye, 2017. 448 p.]
Экштут С.А. Кто нам эти люди? // Российская газета. 2019. 15 апреля. № 83 (7841). [Ekshtut S.A. Kto nam eti lyudi? // Rossiyskaya gazeta. 2019. April 15. № 83 (7841).
Экштут С.А. Надин, или Роман великосветской дамы глазами тайной политической полиции. По неизданным материалам Секретного архива III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. М.: Согласие, 2001. 223 с. [Ekshtut S.A. Nadin, ili Roman velikosvetskoy damy glazami taynoy politicheskoy politsii. Po neizdannym materialam Sekretnogo arkhiva III Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii. M.: Soglasie, 2001. 223 p.]
Экштут С.А. На службе российскому Левиафану. Историософские опыты. СПб.: Logos, 2007. 438 с. [Ekshtut S.A. Na sluzhbe rossiyskomu Leviafanu. Istoriosofskiye opyty. SPb.: Logos, 2007. 438 p.]
Экштут С.А. Повседневная жизнь русской интеллигенции от эпохи Великих реформ до Серебряного века. М.: Молодая гвардия, 2012. 428[4] с. [Ekshtut S.A. Povsednevnaya zhisn' russkoy intelligentsii ot epokhi Velikikh reform do Serebrianogo veka. M.: Molodaya gvardiya, 2012. 428[4] p.]
Экштут С.А. Россия перед голгофой. Эпоха Великих реформ. М.: Вече, 2010. 256 с. [Ekshtut S.A. Rossiya pered golgofoy. Epokha Velikirh reform. M.: Veche, 2010. 256 p.]
Экштут С.А. Тютчев. Тайный советник и камергер. М.: Молодая гвардия, 2013. 272 с. [Ekshtut S.A. Tyutchev. Taynyi sovetnik i kamrger. M.: Molodaya gvardiya, 2013. 272 p.]
Экштут С.А. Шайка передвижников. История одного творческого союза. М.: Белый город, 2005. 464 с. [Ekshtut S.A. Shaika peredvizhnikov. Istoriya odnogo tvorcheskogo soyuza. M.: Belyi gorod, 2005. 464 p.]
Экштут С.А. Юрий Трифонов: Великая сила неодсказанного. М.: Молодая гвардия, 2014. 400 с. [Ekshtut S.A. Yury Trifonov: Velikaya sila nedoskazannogo. M.: Molodaya gvardiya, 2014. 400 p.]

***Кореневский Андрей Витальевич**, кандидат исторических наук, доцент, заведующий, кафедра отечественной истории средних веков и нового времени, Южный федеральный университет; koren@sfedu.ru*

«Straighten joints for dislocated times…»

The article is a review of the monumental work "Picturesque Detective: Investigations and Findings" (Moscow: Kuchkovo Pole, 2018. 448 p.) by S.A. Ekshtut, summarizing the author's twenty-year research in museums and collections of Russian portraiture and graphics of the 18th – early 20th centuries. The book consists of twenty-four essays (called by the author "cases"), devoted to the attribution and dating of works of art, identification and reconstruction of life affairs of the people depicted on them.

***Keywords**: painting and graphics, portrait, Russian Empire, biography, investigation, second-place person in History*

***Andrey Korenevskiy**, PhD in History, Associated Professor, Head of Department of Russian Medieval & Modern History, Southern Federal University; koren@sfedu.ru*

И. И. Варьяш

РАЙСКИЕ ПЛОДЫ ПОСТМОДЕРНА

Автор статьи размышляет о современном состоянии исторических штудий в связи с выходом новой книги А. Ковельмана «Вошедшие в Пардес», представляющей собой историко-философское сочинение о парадоксах иудейской, христианской и светской культуры. В центре обсуждения – феномен «мифа» в научном знании.
Ключевые слова: *античность, средние века, иудаика, история, философия, историография*

Наступление информационной эры, разворачивание экономики знания, разработки искусственного интеллекта и поиски альтернативного мышления вновь и вновь заставляют задумываться о перспективах того вида знания, которым располагает сегодня человеческая цивилизация. Того способа мыслить и знать, который был найден культурой еще в Античности: с появлением письменности, логики и критики. Эта структура мышления, на протяжении всего существования переживающая испытания на прочность, была подвергнута радикальной проверке постмодерном – с его деконструкцией смыслов, гибелью большого нарратива и критики. Социальные явления, на фоне которых происходил этот процесс, в течение XX–XXI столетий только усугубляли ощущение нестабильности. Стало ясно, что достижения этой культуры могут быть обнулены, что они «не навсегда», да и сам способ мышления, никогда не бывший единственным, может быть отменен, изжит или утерян…

Речь идет о таком взгляде на нашу культуру, который предполагает интерес к истории мышления, ставшей возможной только в весьма специфических условиях. История мышления и история знания сегодня видятся в движении, которое берет начало в древних мнемотехниках и открытии «обосновывающих текстов». Обсуждение этих текстов, обращение к тому, что о них было сказано другими, подчинение общим критериям истины и целям познания и создают мыслительные процедуры, которые составляют суть истории мышления и представляют собой интерпретацию в широком смысле этого слова. Однако, по точному замечанию Я. Ассмана, «в любую минуту институты интерпретации могут исчезнуть, обосновывающие тексты – стать непонятными или утратить свой авторитет, мнемотехника культуры – исчезнуть, а культура – вернуться обратно к обрядовой когерентности»[1].

Достаточно потерять навыки гиполепсиса. Достаточно разучиться действовать внутри интеллектуального пространства, не начиная всякий раз сначала, не уметь отталкиваться от уже высказанного, чтобы двигаться мыслью дальше. Клиповое сознание сегодняшних школьников и студентов, которым предстоит занять места профессуры, с одной сторо-

[1] Ассман 2004: 315.

ны, а с другой стороны, перезагрузка всей системы академического дискурса, под влиянием постмодерна потерявшего привычный инструментарий критики и верификации, только нащупывающей тот самый «метаязык» науки, о котором Ж.-Ф. Лиотар говорил еще в 1979 г.,[2] превращают сюжет об устойчивости гиполепсиса в современном научном знании в высшей степени актуальный.

Прибавим к этому, что, как оно обычно и бывает в сфере сознания, продолжают действовать возникшие в разное время интеллектуальные установки, профессиональные конвенциональные соглашения. Так, по-прежнему конечной и обязательной целью любого европейского научного поиска знания является нечто новое. Приращение знания, открытия безоговорочно венчают труд интеллектуала.

Возможно, сама постановка вопроса – об отчетливо и принципиально новом в познании – не совпадает с природой мыслительного процесса, с целью научного знания, которая состоит не в поиске нового, а в поиске истины. Не случайно М.А. Барг в своей классической работе «Эпохи и идеи» прописал важнейшее положение, до сих пор недооцененное: «Всякая смена мировоззренческих парадигм, вплоть до вселенского масштаба, начинается с легкого и малозаметного переноса акцентов»[3]. В итоге складывается впечатление, что задачей современного ученого является выработка парадоксального способа мышления ради обнаружения нового в условиях социокультурной детерминированности его собственного сознания, что объективно оставляет возможность лишь для малозаметного переноса акцентов… И это еще хорошо, если несчастный интеллектуал осознает все четыре компонента, а не останавливается на двух первых.

В контексте сказанного особое значение приобретает вышедшая в свет в конце 2019 г. книга известного историка, специалиста по античной истории и иудаике, Аркадия Ковельмана «Вошедшие в Пардес»[4].

На первый взгляд, книга совершенно постмодернистская, ибо посвящена текстам и дискурсам, а в подзаголовке имеет: «Парадоксы иудейской, христианской и светской культуры». Внимание к парадоксальности феноменов культуры, к коллизиям интерпретаций, к столкновениям смыслов проявляется автором не от случая к случаю, а составляет мотор всего исследования. Не менее выразительна и форма, в которой работает А. Ковельман – историко-философское эссе как нельзя лучше отражает потребность в свободной манере передачи мыслей и позволяет легко вовлечь читателя в круговорот парадоксальных явлений и совпадений. Одно эссе перетекает в следующее, образуя словно бы и не обязательный набор сюжетов, увлекательных историй, который постепенно предстает итогом неизбежных связей внутри культуры.

---

[2] Лиотар 1998: 103.
[3] Барг 1987: 292.
[4] Ковельман 2019. Далее ссылки на страницы книги даются в скобках.

Ощущение постмодернистского научного дискурса нарастает по мере чтения книги, поскольку довольно скоро обнаруживается некая метаидея, которая, впрочем, нужна автору не для того, чтобы задать вектор исследованию или обосновать выводы. Нет, метаидея Аркадия Ковельмана является инструментом познания и одновременно средой реализации всех ментальных усилий исследователя. А поскольку все эти усилия направлены на работу с текстами, то и тексты предстают погруженными в метаидею.

Как и положено хорошему постмодернистскому тексту с философской перспективой, книга начинается с Ницше. Специальному разбору подвергаются метафоры, введенные великим философом в академический дискурс. Очевидно, что после всего, что было написано за столетие о Ницше, после посвященной его фигуре работы Ж. Делеза[5], писать о ницшеанских метафорах непросто, а сказать о них что-то свежее, кажется почти невозможным… Однако А. Ковельман показывает, что достаточно поставить вопрос о существовании за метафорами некой сверхсущности, определяющей посредством культуры сами метафоры, чтобы перед читателем возник второй план разворачивавшегося великого действования, предпринятого Ницше. Осуществленный автором книги анализ ницшеанских метафор и метонимий позволяет ему со всей уверенностью написать: «Ницше сложил философский миф» (с. 20).

Собственно говоря, здесь впервые отчетливо проговаривается вслух, не оставляя места недопониманию, метаидея Аркадия Ковельмана, которая может быть выражена одним коротким словом «миф». Тот «миф», который не способны были убить ни деконструкция, ни ирония, ни пародия – «они лишь придали ему новую страшную силу» (с. 51).

Тут уверенность в постмодернизме книги колеблется под давлением мыслей о постструктурализме и семиотике. Чуть ниже автор обращается к обсуждению научных методов Гуревича, Аверинцева, Лотмана, Дерриды… – и читатель обнаруживает себя вовлеченным в новую игру, а вернее, в следующий этап более сложной игры с несколькими одновременными уровнями рефлексии. К тому моменту, когда перед ним начинают разворачиваться сюжеты из истории греческой и еврейской Античности, гитлеровской Германии и Израиля, появляются Октавиан Август, Филон Александрийский, рабби Иеремия, а вместе с ними Цанкер, Бубер и Кант с Гегелем, …участник игры почти утрачивает собственную связь со своим историческим временем.

Замечательное ощущение. Редкое и, вне всякого сомнения, полезное. Именно это ощущение, по всей вероятности, инструментально очень важно автору, поскольку с его помощью он создает для своего читателя возможность открыться мифу.

Но зачем, – спросите Вы, – открываться мифу, читая научный текст? По мнению, автора книги, это совершенно необходимо для того,

[5] Делез 2001. См. также: Гваттари, Делез 1998.

чтобы вообще понять принцип движения мысли, историю познания и книгу, которую читатель держит в руках. Нельзя «распознать», «узнать» миф вне себя, глядя на него со стороны, ибо миф пребывает внутри человека. Только открывшись мифу внутри себя, возможно настроиться на тот миф, который творит автор книги.

Древний миф по своей природе не знает времени и его повествование происходит вне времени. Аркадий Ковельман – блестящий ученый-историк, со всем профессиональным набором источниковедения и принципами историзма, с интересом к достижениям предшественников и тончайшим чувством уважения к традиции, в том числе и в академическом дискурсе: создать текст, лишенный маркеров времени, не входит в его задачу. Напротив, он щедр и даже расточителен в обращении со множеством эпох, в постоянном переходе с одного временного плана на другой, оттуда на третий и т.д., с многочисленными возвратами, неожиданными и неизбежными скачками – всегда в сопровождении аккуратного молчаливого свидетеля – датировки.

Ощущение истоньшения своего собственного исторического времени до несущественно малых размеров достигается при помощи специальной техники с очень древними дискурсивными процедурами.

С первых строк в Предисловии автор задает координаты исследовательского пространства, в котором и будет разворачиваться все действо, давая понять, что это пространство не просто необычное: «книга посвящена парадоксам странного мира. Имен у этого мира множество, а сущность его неясна и мерцает.» (с. 9). Очень скоро выясняется, что мир этот, разумеется, не только странен, но и страшен – чего же еще можно ожидать от пространства, не имеющего точного имени?.. – «Вступающий в странный мир рискует заблудиться и потеряться». Речь идет о магическом лабиринте, где путь наверх оказывается путем вниз, мудрость – безумием… Дальше – больше, и конкретнее: читатель мгновенно перемещается с четырьмя мудрецами из Вавилонского Талмуда в небесное святилище, оттуда к коринфянам, внимающим Второму посланию апостола Павла, и столь же молниеносно, как и неотвратимо – на последнюю площадку лестницы в неведомом подъезде, где «ангелы» пресекают земной путь Венички из поэмы В. Ерофеева «Москва – Петушки». И это – только начало. Начало, из которого становится ясно, что вступление в странное и опасное место предполагает соблюдение неких обязательных, но не очевидных, правил поведения, присутствие страшных существ, а также необратимых и малоприятных последствий.

Логика и содержание книги только укрепляют читателя в его первом впечатлении: странный мир, метафорой которого служит Пардес, пребывает вне времени, но достигается на гребнях разных временных потоков. Главы, открывающие исследование (1 и 2), выполняют важную функцию: начальная глава вводит в странное пространство «миф», акцентируя внимание на его роли действующей силы в истории познания;

вторая глава фиксирует состояние взаимодействия «мифа» с «логосом», состояние, о котором автор пишет как о непреходящем, «круговом движении от мифа к логосу и обратно, которым наполнена история цивилизации». Притом мифу в этом процессе принадлежит активная позиция, почему автор считает справедливым уверенно диагностировать: «Старый миф вернулся в новом обличье, но он никуда и не уходил» (с. 52-53). Благодаря этому утверждению тотчас возникает второй план: одновременно круговому движению между мифом и логосом ощущается вневременное присутствие некоего мифа вообще – как способа мыслить.

Наконец, становится ясно, что предложенный способ мыслить осуществляется благодаря виртуозной технике гиполепсиса. Применение данной техники внутри мифа выглядит парадоксально само по себе. Еще Ян Ассман заметил, что «мифический дискурс пребывает в покое, поскольку он не демонстрирует никакого противоречия и позволяет всем высказываниям и образам на равных правах стоять рядом друг с другом». В противоположность ему, «гиполептический дискурс – это культура противоречия. Он основан на обостренном восприятии противоречий…». Впрочем, сам Я. Ассман дальше уточняет: «то есть на критике, при одновременном сохранении критикуемых позиций»[6].

Если отказаться воспринимать критику как способ верификации и легитимации знания, как это делают постмодернисты[7], и вернуть ей значение обостренного восприятия противоречий, парадоксов, коллизий в сфере мысли, то критика вновь займет важнейшее место в академическом дискурсе (не к этому ли стремился Ж.-Ф. Лиотар, изобретая паралогию?..). Более того, лишившись судейской мантии, освободившись от обязанности выносить вердикты, она, вероятно, наконец обретет способность обнаруживать себя и внутри мифа. Во всяком случае внутри мифа, созданного Аркадием Ковельманом на скольжении вдоль разновременных потоков человеческой мысли.

По своей подготовке и образу мысли, А. Ковельман прежде всего историк, в чем откровенно признается: «Историк не был бы историком, если бы не пытался слить в «единое слово» всю «грусть и печаль», всю суть, все содержание истории» (с. 54). Возможно, именно означенная потребность понуждает автора к анализу метафор и метонимий. «Суть явления должна быть понята… из исследования имен в их историческом странствии от буквы к метафоре и от метафоры к букве» (с. 138). Кроме того, Ковельман – глубокий знаток талмудической традиции, греческих, эллинистических и раннехристианских текстов. Он легко скользит-странствует между платоновским «Тимеем», Танахом, Новым Заветом, апокрифами, Мишной, сборниками мидрашей, Иосифом Флавием и Филоном Александрийским, выслеживая превращение термина, рождение метафоры, подмены имени и смыслов. Перед читателем разворачивается

[6] Ассман: 311.
[7] Лиотар 1998.

колоссальная картина интеллектуального труда, совершенного с V в. до н.э. по сей день, внутреннее содержание которого можно оценить лишь владея искусством толкования. Такой подход позволяет автору видеть «в раннем христианстве… рождение мифа из метафоры», заметить, как «метафора пустыни рождается из мифа и уходит в миф» и, проследив траекторию мысли через века дальше, вплоть до новоевропейского научного знания, заключить: «Между образом и концептом – непроходимый ров, железная стена. Перевод невозможен, но возможно истолкование, присвоение, отвержение. Именно здесь – мостик, одно рождается из другого и уходит в другое. Научное мышление возвращается в матрицу, в миф, откуда оно и вышло» (с. 177, 213). Ковельман может позволить себе такое утверждение – он скользит так же легко между научными текстами и мыслями философов (от Гераклита к Маймониду и Хайдеггеру), историков (от Иосифа Флавия к Аверинцеву), лингвистов, литературоведов, художественными текстами поэтов, прозаиков (от Овидия до Бродского) и кинокартин, толкованиями и изречениями рабби...

Аркадий Ковельман строит свой текст как свободную беседу, подхватывая высказанное «собеседниками» ранее, невзирая на временные дистанции, преодолевая немоту тысячелетий и информационный шум последних десятилетий. В этом и состоит принцип гиполепсиса, однако в данном случае по знаку автора магическим образом сохраняющий тонкую ткань мифа внутри научного текста.

Освоившись с мифом и круговым движением от мифа к метафоре и обратно, читатель проходит в главе 3 через переживание обреченности как следствия осознания кругового движения и неизбежности возвращения (с. 115), в главе 4 сталкивается с обсуждением самой человеческой природы, дисгармонии души и природы страданий и, наконец, достигает 5-й главы. Здесь укрыт, как представляется, центральный сюжет книги – Жертвоприношение, в котором впервые во всей полноте разворачивается метаидея. Через детальный анализ терминов «всесожжение» и «вознесение» в сакральных текстах иудеев и христиан разных эпох; через обращение к истории XX века и теме Холокоста, автор выводит читателя к следующему положению: «В Майданеке и Освенциме “всесожжение” и “вознесение” перестали быть метафорой и философским концептом. Евреев в прямом смысле слова сжигали в печах, и дым возносился из трубы крематория. Как бы мы ни пытались свести Холокост к сугубо рациональным политическим и экономическим соображениям, “религиозный подтекст” остается нерастворимым осадком и в действиях палачей, и в восприятии жертв, и в понимании потомков» (с. 173).

После главы о жертвоприношении следуют главы о пустыне, скопчестве и райском саде. Книга, начавшаяся со входа в странное и страшное место, Пардес, закономерно заканчивается поисками Эдема, то есть обсуждением вопроса о том, предусмотрены ли в «вечном возвращении» спасение и мир? Удивительным образом райский сад вскоре начи-

нает, мерцая, сливаться с лестницей Иакова и уже вполне предсказуемо – дробиться у ног танцующего на горе Заратустры и спасающегося от ангелов на лестнице Венички. Круг замыкается: так же как «миф переходит в метафору, из метафоры – в концепцию, из концепции, овладевая массами, – опять в миф» (с. 9). Автор остается верен себе до конца, утверждая, что «эксперимент… не закончен и рано подводить итоги», поскольку пройден всего лишь первый круг из многих (с. 223).

Вошедшие вместе с автором в Пардес могут неосмотрительно принять его за Вергилия, но потом обязательно узнают в нем Экклезиаста: «Бывает нечто, о чем говорят: «Смотри, вот, это новое»; – но это было уже в веках, бывших прежде нас»[8].

Как бы то ни было, поставленный Аркадием Ковельманом эксперимент, предложенная им игра очень напоминают Возвращение критики, очищенной от наносных смыслов и функций позитивизма, и Возвращение большого нарратива – на этот раз в сверх-форме мифа, покрывающего весь интеллектуальный эон современной культуры. В поисках истины в научном дискурсе актуализируются древние техники, в светской современной культуре проступают очертания «интуитивного древнего богословия», открываются новые горизонты.

С высокой долей вероятности, вошедшие в Пардес туда просто вернулись, – во всяком случае, с точки зрения Автора.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с. [Assman YA. Kul'turnaya pamyat'. Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokih kul'turah drevnosti. M.: YAzyki slavyanskoj kul'tury, 2004. 368 s.]

Барг М.А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М.: Мысль, 1987. 348 с. [Barg M.A. Epohi i idei. Stanovlenie istorizma. M.: Mysl', 1987. 348 s.]

Гваттари Ф., Делез Ж. Что такое философия? СПб.: Алетейа, 1998. 288 с. [Gvattari F., Delez ZH. CHto takoe filosofiya? SPb.: Aleteja, 1998. 288 s.]

Делез Ж. Ницше. СПб.: Axioma, 2001. 182 с. [Delez ZH. Nicshe. SPb.: Axioma, 2001. 182 s.]

Ковельман А.Б. Вошедшие в Пардес. Парадоксы иудейской, христианской и светской культуры. М.: Книжники, 2019. 256 с. [Kovel'man A.B. Voshedshie v Pardes. Paradoksy iudejskoj, hristianskoj i svetskoj kul'tury. M.: Knizhniki, 2019. 256 s.]

Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейа, 1998. 160 с. [Liotar ZH.-F. Sostoyanie postmoderna. M.: Institut eksperimental'noj sociologii; SPb.: Aleteja, 1998. 160 s.]

Варьяш Ирина Игоревна, *доктор исторических наук, доцент, кафедра истории средних веков, МГУ имени М.В. Ломоносова, variashi@gmail.com*

The paradise fruits of Postmodern

The author discusses the current state of historical studies in connection with a new book of A. Kovelman, “Entered into Pardes”, which is a historical and philosophical essay about the paradoxes of Jewish, Christian, and secular culture. The article focuses on the phenomenon of “myth” in academical knowledge.

Keywords: *antiquity, the Middle Ages, Judaica, history, philosophy, historiography.*

Irina Variash, *Dr. Sc. (History), associate professor, Medieval History Department, Lomonosov Moscow State University, variashi@gmail.com*

[8] Ковельман 2019: 18. Екк. 1:10.

С. В. Занин, С. Ю. Заводюк

«РОССИКА» ДИДРО И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЕ ИЗУЧЕНИЯ (о книге С.А. Мезина «Дидро и цивилизация России»)

На основе анализа книги С.А. Мезина «Дидро и цивилизация России» (2018) сделана попытка обрисовать перспективы изучения “россики” Дидро в современной российской историографии Просвещения.

Ключевые слова: *Французское Просвещение, историография, физиократы, Дидро, Екатерина II, С.А. Мезин*

Книга известного российского историка С.А. Мезина продолжает ранее опубликованную работу, посвященную восприятию Петра I во Франции в век Просвещения в рамках научной программы изучения межкультурного диалога России и Франции[1]. Обобщающий характер двух монографий дает повод задуматься как о перспективах дальнейших исследований, так и о современной методологии.

Написанная в академической манере, книга начинается с подробного историографического введения. По словам автора, в советское время «осмысление темы испытывало сильное политическое давление», поскольку речь шла об оценке «просвещенной монархии»[2]. Добавим, что и в работах историков русского зарубежья, к примеру А.В. Флоровского, тоже[3]/ Его работу 1918 года о наказах «Уложенной комиссии» М.М. Богословский поставил «в ряд лучших работ по русской истории», «счастливо избежавших двух крайностей», а именно «умозрения и создания систем» и «преобладания фактов, подавляющих всякую общую мысль»[4]. «Умозрительными» были работы Лео Гершоя и Виктора Леонтовича под влиянием идеологии и в силу отсутствия доступа к архивам[5]. Зарубежные авторы, опиравшиеся на труды советских историков, работавших в архивах, и на переписку Дидро, далеко не полную, искали причины «оскорбительного для самолюбия Дидро провала» (échec mortifiant) в Петербурге[6]. Однако не так страшна идеология, как характерное и для «россики» Дидро выборочное использование источников. В конце концов, слабое с источниковедческой стороны исследование устаревает быстрее идеологии, его пропитавшей. Правда, в единственном академическом издании «Полного собрания сочинений Дидро» остаются неизданными тома 21 и 22 с «Планом университета» и «Смесью для Екатерины II», а также том 26 со вставками Дидро (в т.ч. и о России) в «Историю обеих Индий» аббата Рейналя. Приходится пользоваться тем, что

[1] Мезин 2015.
[2] Мезин 2018: 8.
[3] Мезин 2018: 20.
[4] Богословский 2010: 352.
[5] Gerschoy 1966 ; Леонтович 1980.
[6] Lortholary Albert 1951.

«находится под рукой»[7]. Сегодня усилиями признанных специалистов, особенно Ж. Дюлака, Дж. Годжи и С.Я. Карпа, круг источников существенно расширен, и это оправдывает появление исследования С.А. Мезина. Однако, открытия новых текстов «россики» Дидро вполне возможны, а издание названных томов будет в перспективе откладываться[8]. Поэтому рецензируемая книга по необходимости является промежуточным этапом на пути дальнейших исследований.

Удачным представляется выбор автором названия монографии, которое отражает два основных аспекта исследования: «цивилизация в России» как в смысле genetivus subjectivus, так и в смысле genetivus objectivus. Иными словами, в смысле «состояния российской цивилизации» и в смысле «Россия как объект цивилизации». В первом случае речь идет в основном об оценке деятельности Петра I, и автор справедливо отмечает, что во Французском Просвещении сложилось два подхода. Во-первых, оценка Вольтера[9] и Фонтенеля (царь был создателем цивилизованной нации), вторая, более скептическая, согласно которой царь попытался навязать стране безоглядное заимствование обычаев и культуры стран Европы, просматривается в «Энциклопедии», в частности, в посвященных России статьях, написанных Луи де Жокуром[10]. Разумеется, Дидро, редактор издания, разделял это мнение. Его встречи с Е.Р. Дашковой в Париже в 1770 г., в целом негативно оценивавшей деятельность Петра I, произвели на него определенное впечатление.

Дидро не принижал роль Петра Великого, он считал его «гением». Автор монографии справедливо подчеркивает значимость в глазах философа работы Фальконе над статуей Медного всадника[11]. Контекст его бесед с императрицей допускает и иное прочтение надписи на памятнике («Petro Primo Catharina Secunda»), одобренной самой Екатериной II, – в смысле необходимости адекватного ответа на вызовы, которые породили реформы Петра, «оставившего своим преемникам губительную мысль о том, что подданные – ничто, а монарх – все»[12].

---

[7] Versini 1994-1997. Diderot 1969-1972.

[8] Занин, Кошелева 2014; Карп 2018.

[9] В глазах «Фернейского патриарха» Петр оказался сам полуцивилизованным, коль скоро «не было запальчивей и безжалостнее Петра Великого», хотя «путешествие в Голландию и, в особенности, вкус к искусствам, который он развивал, смягчили его нравы» (Voltaire 1957: 325). В другом мес-те он и вправду говорит о Петре Великом как о «создателе нации» (Ibid.: 330). Вольтер-историк был прежде всего писателем, автором «Опыта о нравах» – своеобразного художественного очерка всемирной истории, занимательного и поучительного повествования, позволяющего «извлечь из нее проявления морали» (Ibid.: 49). А его оценка Петра Великого во многом напоминает, как выразился Жан Старобинский, «двуствольное ружье» (fusil à deux coups), т.е. «игру пары образов». (Starobinski 1989: 143). В данном случае – это «варварство-мягкость нравов». Дидро упрекал Вольтера в «писательском запале» при написании «Истории Российской империи при Петре Великом» (Мезин 2018 : Гл. 9).

[10] Мезин 2018: 70.

[11] Мезин 2018: 157 и сл.

[12] Мезин 2018: 86 и 159. Перевод С. А. Мезина.

Философ назвал свое пребывание при петербургском дворе «долгом» и делился с царицей мыслями о необходимости развития в стране «семи ремесел», сельского хозяйства (в т.ч. за счет создания колоний на Волге[13]), а также просвещения народа. Но похоже, Екатерине претили, как она выразилась, «иностранные политические резонеры», и она продолжала «реформировать Россию в направлении, заданном Петром I»[14]. Что же делать? Однажды и сам Дидро заметил в письме другу: «Гримм, друг мой, вы правы. Этот мир не создан для меня, а я для него. […] Я нахожусь в общей цепи […] Я в бездействии. Я вполне чудовище, раз могу сосуществовать с ним, испытывая неудобства, но недостаточно чудовище для того, чтобы меня следовало изничтожить»[15].

Именно потому что Дидро понял, что Россия эпохи Екатерины оказалась перед выбором путей развития, его идеи оказались востребованы в ее культуре. В заключительных главах своей книги автор отметил влияние его идей и на современников (А.В. Нарышкин, Е.Р. Дашкова), и на Н.М. Карамзина и М.М. Сперанского. В случае с А.В. Нарышкиным, сопоставления, сделанные С.А. Мезиным весьма важны, ибо тот отстаивал мысль о «развитии страны на собственной основе», и эти мысли были вполне созвучны с мыслями Дидро[16].

Убедительным выглядит и основной вывод в монографии: осуждая «гипертрофию власти» и неразвитость общества, крепостничество, Дидро предлагал цивилизовать Россию, опираясь на эту самую «основу» и, допуская известный «консерватизм», предлагал предоставить права и свободы населению. Ведь альтернативой оказались бы либо «квасной патриотизм», либо ощущение национальной неполноценности в сравнении со странами «цивилизованными»[17]. Работа С.А. Мезина, в силу сочетания доступности изложения с солидной научной эрудицией и аналитикой, будет востребована не только специалистами, но и в широких кругах читателей. Предложенный им подход, заключающийся в том, чтобы «связать» произведения Дидро о России с «другими сочинениями философа» и с «контекстом эпохи» находится в русле «новой культурной истории»[18], в той мере, в какой выявляются «сеть» контактов философа с визави в России и источники его информации о стране. Воссоздание этого контекста – это задача, решенная С.А. Мезиным. Сказанное избавляет от необходимости иных оценочных суждений. Однако, хотелось бы сказать в большей мере о том, что желательно было бы увидеть в дальнейших исследованиях «россики Дидро».

Разумеется, нельзя согласиться с терминами «либеральный» или «консервативный» применительно к взглядам Дидро, который не был

[13] Там же. Гл. 10.
[14] Там же: 89.
[15] Diderot 1994-1997. V: 893.
[16] Мезин 2018: 210-211.
[17] Мезин 2018: 128.
[18] Мезин 2018: 40.

ни либералом, ни консерватором «avant le temps»[19]. При условии, что мы не будем, вслед за некоторыми специалистами, искать «либерализм» в Ветхом Завете. (Némo 2006). К чему, в сущности, призывал Дидро? «Если вы заимствуете иностранные образцы (modèles), вы не будете знать основание (raison) их развития, и вы обречете себя на то, чтобы стать лишь бледными копиями», – писал он.[20] Руссо не был консерватором только потому, что он призывал в своем проекте конституционных преобразований в Польше сохранять ее «национальные институты». Думается, в случае Дидро более уместен термин «радикальный». Другое дело, что мысль Просвещения обсуждалась в консервативной традиции более позднего времени (Зорин 1996). Характеристика взглядов Монтескье, данная Мезиным («географический детерминизм»), устарела (Ehrard 1998). А вот взгляд Монтескье на дворянство как опору монархии (Ehrard 1995: 496) согласуется с политикой «просвещенной государыни», что была провозглашена в «Жалованной грамоте дворянству».

В сочинениях, написанных для Екатерины II, Дидро рекомендовал ей «mettre en vigueur les arts mécaniques et les conditions basses en Russie». Ее правильнее было бы перевести так: «укрепить (ободрить) семь ремесел и низшие состояния». Эта мысль перекликается со статьей «Тело/организм» («Corps»), помещенной в «Энциклопедии»: «сообщество» (communauté) как раз и возникает в результате развития «семи ремесел»[21]. Именно такое «сообщество» должно возникнуть в России. Ведь в его политической теории оно является носителем «суверенитета» и выражает «общую волю», толковать которую надлежит «правителям». В этом отношении Дидро – преемник договорных теорий происхождения государства XVII века и Руссо[22].

Нельзя обойтись без анализа влияния физиократов на Дидро и на российскую политическую мысль века Просвещения, тем более что они первыми употребили термин «цивилизация» в значении «процесс развития общества», а не в значении «учтивость». Дидро и его друг князь Дмитрий Алексеевич Голицын в 1760-х гг. пережили увлечение их учением, и даже убедили Лемерсье де Ла Ривьера, автора своеобразного «катехизиса физиократии», поехать в Россию. Правда, Дидро потом несколько поумерил свои восторги после критики Фернандо Галиани, а Д.А. Голицын, напротив, опубликовал в период Французской революции книгу в защиту их идей[23]. Хотя не все так однозначно, ведь в «Апологии аббата Галиани» Дидро повторил основную мысль физиократов: «первое предназначение (la première condition) общества, не в том, чтобы быть богатым, а в том, чтобы быть в безопасности (sûreté)».[24] Известная

[19] Там же: 125.
[20] Diderot 1994-1997: T. III: 611.
[21] цит. по: Ibrahim, 2010: 199.
[22] Strugnell 2012: 13, 192.
[23] Galitzine 1796.
[24] Diderot 1994-1997: T. III: 134.

триада «свобода, собственность, безопасность» была близка Дидро и восходит к физиократам.

Следует обратить внимание на две концепции физиократов, взятые им на вооружение: «законный деспотизм» (despotisme légal) и «очевидность» (évidence). Первый существует при монархии, где законы равны для всех, тогда как «деспот» делает «все, что ему угодно». Правда Дидро, вслед за Руссо, сомневался, что «просвещенный государь» – достаточная гарантия того, что «монархия» не скатится к «деспотизму», если власть по наследству попадет в руки «негодяев»[25]. Отрадно видеть, что «Наказ» Екатерины II пронизан (dicté) мыслью о монархии»[26], а потому стоило потратить время на беседы с ней в Петербурге. Благодарный императрице, но сохраняющий независимость суждений философ не может быть бесполезным, например, в том, как он прокомментировал одно положение «Наказа»: цель монархии в том, чтобы создать «счастье подданных, силу и блеск государства, славу монарха», а не в том, чтобы доставлять «славу подданным, государству и монарху», как думала Екатерина II[27]. Одной только «славой» подданные вряд ли будут сыты, хотя государству и монарху этого вполне достаточно.

На взгляды Дидро повлияла концепция «очевидности» (évidence) у физиократов, которые считали, что сила правителя зависит не от объема его власти, а от того, насколько ясна для подданных польза от нее[28]. Дидро писал, что эпоха, в которую он общался с российской императрицей, является эпохой, когда «народы стали свидетелями тех ударов, которые наносит очевидность. Это бой между тиранами и философами».[29] Что бы ни говорил Дж. Годжи, понятие «очевидность» у Дидро не тождественно понятию «общественное мнение»[30]. Во-первых, оно употреблено в значении «свобода слова»: пусть в обществе «дозволяют не только мыслить, но и прийти и сказать, что все вопросы проясняются»[31]. Во-вторых, это синоним «публичного обсуждения» и взаимного *«просвещения»* людей. Те же физиократы просвещали, «приучив людей открыто говорить» о политике и об экономике[32]. В-третьих, читая периодическое издание физиократов, Дидро рассказал байку о купце, продававшем поддельные лекарства, и *публично* рассказал об этом. И правильно, что государь приказал его повесить. «Но, знаете ли, этот купец был философом, который на склоне дней забавлялся тем, что произносил проповеди против очевидности», – иронизировал он[33]. Словом, гос-

[25] Strugnell 2012 : 180.
[26] Цит. по.: Strugnell 2012: 101.
[27] Ibid.: 179-180.
[28] Ibid.: 106.
[29] Diderot 1969-1972: T. 13: 852.
[30] Goggi 2013: 343.
[31] Diderot 1875: T IV: 30.
[32] РНБ: Т. 15.Д. 42/15.
[33] Ibid.: T. IV: 80-81.

ударь «истолковал» волю общества. «Очевидность» – это показатель уровня правосознания общества[34], его просвещенности: «дабы оценить силу просвещенной нации, я скорее сошлюсь на усилия деспота с целью сделать ее забитой»[35]. Просвещенная нация предохраняет страну от «деспотизма» лучше «просвещенного государя». «План университета», отправленный им Екатерине II в мае 1775 г., начинается фразой: «Просветить нацию, означает ее цивилизовать».[36] Именно просветить (instruire), а не дать ей образование или воспитание (former, éduquer).

Можно спорить о том, осталась ли политическая теория Дидро в «эмбриональном состоянии»[37]/ Но возможен и иной взгляд на нее. Он «оставил после себя больше вопросов, чем ответов»[38]. Добавим: и в отношении «цивилизации России». Нельзя не отметить его реализм. Как писал Дидро, только «властители мира […] сужают и расширяют область просвещения»[39]. Надобно воздействовать на «просвещенных государей» и даже пускать в ход лесть, необходимую в общении, по слову Льва Толстого, как «масло для телеги, чтобы колеса ехали».

Влияние физиократии в Европе на попытки реформирования государства «просвещенными монархами» сегодня стало предметом пристального внимания историков и юристов[40]. Екатерина II изучила, сделав выписки, статью Руссо «Политическая экономия» V томе «Энциклопедии», где развивается концепция «общей воли» и «закона», а также главное сочинение Лемерсье де Ла Ривьера (Zanin 2018 : Part. I, Chap. 5). Думается, Дидро учитывал то, в какой интеллектуальной атмосфере он вел диалог с царицей. Ее воссоздание потребует трансдисциплинарной методологии, разработанной в сотрудничестве историков общественной мысли, политической философии, и, в случае с «россикой» Вольтера, методов культурологических и литературоведческих исследований.

В целом, использование сегодня методологии «новой культурной истории» – это во многом ответ на вызовы, стоящие перед наукой, в т.ч. в России[41]. Приоритеты «новой культурной истории» потребовали налаживания контактов между специалистами из разных стран, работающих в различных отраслях гуманитарного знания. Значимым событием стало издание альманаха «Век Просвещения». Применительно к «россике» Дидро, можно сказать, что удалось преодолеть недостатки прежних исследований. Но между «новой культурной историей» в России и «новой культурной историей», к примеру во Франции, существует различие: первая стала методологическим ориентиром в проводимых архивных,

[34] Mergey: 172-173.
[35] Diderot 1875: T IV: 31.
[36] Diderot 1994-1997: T. III: 415.
[37] Strugnell 2012: 11.
[38] Ibrahim 2010: 227.
[39] Цит. по: Strugnell 2012: 95.
[40] Carvalho 2016.
[41] Занин 2019: 209-222.

источниковедческих и отраслевых изысканиях, а вторая стала результатом развития методологии, так сказать, «на собственной основе», где *одновременно* развивались различные направления: литературоведческое, историко-философское, политико-правовое и др. Сегодня «новая культурная история» в России принимает серьезный вызов: необходимо выработать трансдисциплинарную методологию, ту, что, проявляя пристальный интерес к контексту, не утратит из вида «текст» и «концепт», в нем содержащийся, и «концептуальный персонаж, который является иным, нежели тем, кем он исторически был»[42]. Во Франции «новая культурная история» дополняет существующие направления. Известный «Словарь Просвещения» вышел под редакцией Мишеля Делона и Даниеля Роша, хотя их методологические установки далеко не совпадают. В России она оказалась почти что единственной.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Богословский М. М. Рецензия на книгу А. В. Флоровского «Состав законодательной комиссии 1767-1774 (Одесса, 1915) // Богословский М. М. Российский XVIII век. М.: Новый хронограф, 2010. С. 352-356. [Bogoslovski M. «Retzenzia na knigu A. V. Florovskogo «Sostav zakonodatelnoj komissii 1767-1774 (Odessa, 1915) // Rossijski XVIII vek. M.: Novyj Khronograf, 2010. P. 352-356].

Занин С. В. «Немного о «ежах» и «лисах», или откуда возьмутся «броненосцы»? (Заметки о «новой культурной истории Просвещения»)» // Диалог со временем. 2019. Вып. 65. С. 209–222 [Zanin S. V. «Nemnogo o «eczah» i «lisah», ili otkuda vozmutsa «bronenostzy»? (Zametki o «novoj kulturnoj istorii Prosvestshenja»)» // Dialog so vremenem. 2019. Vyp. 65. P. 209–222].

Занин С. В. Кошелева О. Е. «Новые открытия текстов Дидро: моральный катехизис для Екатерины Великой» //Диалог со временем. 2014. Вып. 48. С. 347–361 [Zanin S. V. Kosheleva O. E. «Novye otkrytia tekstov Didro: moralnyj katehizis dlja Ekateriny Velikoj » // Dialog so vremenem. 2014. Vyp. 48. P. 347–361].

Зорин А. Р. Ж.-Ж. Руссо и национальная утопия старших архаистов // Новое литературное обозрение. 1996, № 20 [Zorin A. R. Russo i natzionalnaja utopja starshih arhaistov // Novoje literaturnoje obozrenie. 1996, № 20].

Карп С. Я. «Дидро и «нравственный катехизис» для Екатерины II: новые вопросы» // Что такое Просвещение? Новые ответы на старый вопрос. Век Просвещения. М.: Наука, 2018. С. 219-235 [Karp S. Ya. Didro i nravstvennij katehizis dlja Ekateriny II : novye voprosy» // Tshto takoe Prosvestshenie? Novye otvety na staryj vopros. Vek Prosvestshenja. M.: Nauka, 2018. P. 219-235].

Леонтович В. История либерализма в России. Париж : YMCA-Press, 1980 [Leontovitsh V. Istoria liberalisma v Rossii. Paricz : YMCA-Press, 1980].

Мезин С.А. «Дидро и цивилизация России». М.: НЛО, 2018, Серия “Historia Rossica” [Mezin S.A. «Didro i tzivilizattzija Rossii». M.: NLO, 2018, Serija “Historia Rossica”].

Мезин С.А. Петр I во Франции / Институт Петра Великого. СПб.:. Европейский дом, 2015 [Mezin S.A. Petr I vo Frantzii / Institut Petra Velikogo. Sankt-Peterburg: Evropejskij dom, 2015].

Российская национальная библиотека. Рукописи Дидро. Досье nº 42/15, Denis Diderot, Observations sur le VIe tome des « Éphémérides du citoyen » (1769) [Rossiaskaya natzionalnaja biblioteka. Rukopisi Didro. Dossie nº 42/15, Denis Diderot, Observations sur le VIe tome des « Éphémérides du citoyen » (1769)].

Carvalho, Thérence, La physiocratie dans l’Europe des Lumières. Circulation et réception d’un modèle de réforme de l’ordre juridique et social, thèse de droit, Rennes 1, 2016. Manuscript.

Diderot, Denis, *Œuvres complètes*, éd. Jules Assézat, Paris, Garnier Frères, libraires-éditeurs, 1875-1878, t. 1-20.

[42] Deleuze, Guattari 1991: 79.

Deleuze Gilles et Guattari Félix, Qu'est-ce que la philosophie ? Paris, Éd. Minuit, 1991.
Diderot Denis, *Œuvres complètes*, éd. chronologique avec introduction de Roger Lewinter, Paris, Club français du livre, 1969-1972, 15 vol.
Diderot Denis, *Œuvres*, éd. Laurent Versini, Paris, Robert Laffont, 1994-1997, t. I-V.
Ehrard, Jean, Idée de nature en France dans la 1ère moitié du XVIIIe sciècle, Paris, Albin Michel, 1995.
Ehrard, Jean, L'Esprit des mots. Montesquieu en lui-même et parmi les siens, Genève, Droz, 1998.
Galitzine, Dimitri, *De l'esprit des économistes, ou les économistes justifiés d'avoir posé les par leurs principes les bases de la Révolution française*, Brunswick, 1796.
Gerschoy, Léo, *L'Europe des princes éclairés*, Paris, Fayard, 1966.
Goggi, Gianluigi, De l'Encyclopédie à l'éloquence républicaine. Étude sur Diderot et autour de Diderot, Paris, Honoré Champion, 2013.
Ibrahim, Annie, Diderot: un matérialisme éclectique, Paris, Vrin, 2010.
Mergey, Anthony, *L'État des physiocrates : autorité et décentralisation*, Marseille, Presses universitaires d'Aix-Marseille, 2010
Némo, Philippe, Histoire du libéralisme en Europe. Paris, PUF, 2006
Starobinski, Jean, Le remède dans le mal. Critique et légitimation de l'artifice à l'âge des Lumières. Paris, Gaillimard, 1989.
Strugnell, Antony. Diderot's Politics: A Study of the Evolution of Diderot's Political Thought After the « Encyclopédie », The Hague/Martin Nijhoff, 2012;
Voltaire, Oeuvres historiques, éd. René Pomeau, Paris, Gaillimard, 1957.
Zanin, Sergey, Utopisme et idées politiques. Visite de Pierre-Paul Joachim Henri Lemercier de La Rivière à Saint-Pétersbourg. Avec la publication des inédits, Paris, Classiques Garnier, 2018.

Занин Сергей Викторович, *доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории, Самарский государственный медицинский университет; zansamara@mail.ru*

Заводюк Светлана Юрьевна, *кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории, Самарский государственный медицинский университет; swetlana89277056763@mail.ru*

Diderot's «Rossika» and the Prospects for its Studying (About the book «Diderot and the Civilization of Russia» by S. A. Mezin)

Based on a detailed analysis of the book "Diderot and the civilization of Russia" (2018) by a Russian historian S. A. Mezin, the prospects for studying Diderot's "russika" in the contemporary Russian historiography of the Enlightenment are outlined.

Keywords: French Enlightenment, historiography, physiocrates, Diderot, Catherine II, S.A. Mezin

Sergey Zanin, *Dr.Sc. (History), habilit Dr. (Law), Professor, Head of the Department of History, Samara State Medical University; zansamara@mail.ru*

Zavodyuk Swetlana, *Dr.Sc. (History), lecturer, Department of History, Samara State Medical University; swetlana89277056763@mail.ru*

А. С. Ищенко

«КАК НЫНЕ СБИРАЕТСЯ ВЕЩИЙ ОЛЕГ…» ПЕРВАЯ МОНОГРАФИЯ О ЛЕГЕНДАРНОМ ВОИТЕЛЕ РУСИ[1]

Рассматривается принадлежащая перу Е.В. Пчелова биография князя Олега Вещего. Показаны как достоинства книги, так и некоторые её недостатки. К числу достоинств отнесены высокий научный уровень, привлечение всего массива известных источников, тщательный их анализ. Главный же недостаток, по мнению рецензента, недооценка автором символизма многих летописных описаний деятельности Олега.
Ключевые слова: *Олег Вещий, Повесть временных лет, скандинавская сага, историческая память.*

Нельзя сказать, что фигура киевского князя Олега Вещего обделена вниманием историков. Ему посвящено солидное число статей, уделяется заметное внимание в обобщающих трудах по истории Древней Руси, однако специальное монографическое исследование до недавних пор отсутствовало. Книга московского историка Е.В. Пчелова, известного своими работами по генеалогии и истории династий Рюриковичей и Романовых, представляет собой первую попытку воссоздания биографии Олега Вещего. Книга базируется на достаточно широком круге древнерусских, скандинавских, византийских и восточных источников, в значительной мере автор учитывает и труды предшественников.

Перед читателем предстаёт, по существу, продолжение более ранней работы Е.В. Пчелова, посвящённой легендарному родоначальнику великокняжеской династии князю Рюрику[2], также вышедшей в серии «Жизнь замечательных людей». Как и в работе о Рюрике, в новой книге удалось искусно и занимательно, но без ненужных упрощений показать читателю своего героя на фоне эпохи. Конечно, книга о Рюрике в силу крайней скудости известий о нём в источниках явилась не столько биографической, сколько историографической, в случае же с Олегом – перед нами настоящее биографическое описание, состоящее из запоминающихся эпизодов разных этапов его жизненного пути. При этом к чести автора, следует отметить, что на всём протяжении повествования он остаётся в рамках научного поля, за редким исключением пытается избегать сомнительных гипотез, четко маркируя не имеющие оснований в источниках домыслы и недоказанные догадки, как, например, версию о крещении Олега незадолго до смерти. Последняя, как точно замечает Е.В. Пчелов, «носит спекулятивный характер и абсолютно противоречит тому образу князя, который представлен в летописи» (с. 248).

Препарируя данные источников, автор, впрочем, зачастую недооценивает символизм многих летописных описаний, стремясь непременно разглядеть в них отражения реального положения вещей. Конеч-

[1] Рец. на книгу: Пчелов Е.В. Олег Вещий. Великий викинг Руси. М., 2018.
[2] Пчелов 2010.

но, как справедливо заметила Т.Л. Вилкул, исследователи ещё долго будут биться над решением вечной проблемы: что в древнерусских текстах относится к реалиям, а что – к «виртуальному» миру летописца. Но уже сейчас очевидно, что «значительное число летописных сцен всё-таки не являются ”списанными с натуры”»[3]. Несмотря на это, практически все летописные известия об Олеге, имеющие символический смысл, Е.В. Пчелов трактует исключительно буквально. В словах, вложенных летописцем в уста князю после захвата им Киева: «Се буди мати городом руським», он усматривает лишь объявление Киева «столицей, центром всей Руси» (с. 49). Однако, приписываемые Олегу заслуги по превращению Киева в столицу единого Древнерусского государства лишены оснований. С уверенностью можно утверждать, что о столичном статусе Киева он не только не помышлял, но даже и не догадывался о существовании такового. Представления о столичности Киева (термин «столица» в древнерусском языке не зафиксирован) сформировались только после принятия христианства на Руси и являлись, как показал А.В. Назаренко, продуктом воспроизведения константинопольской модели, заимствованием из византийского идейно-религиозного наследия[4]. В словах, вложенных летописцем в уста Олегу, речь идёт вовсе не об учреждении в Киеве столицы единого государства, а об имплицитном отождествлении Киева с Новым Иерусалимом[5]. Упрощённым представляется и толкование автором рассказа о походе Олега на Константинополь, а именно упоминаний о поставлении кораблей Руси на колёса, о парусах из драгоценных материй, сшитых для руси и славен и о том, как на ворота города был повешен щит. Конечно, автор обнаруживает знакомство с символической трактовкой этих сюжетов, таящих в себе скрытые библейские цитаты и аллюзии, но считает такое толкование неубедительным.

Вслед за Повестью временных лет и другими древнерусскими летописями он признаёт Олега «родичем» легендарного Рюрика, то есть «представителем того же рода, что и основатель княжеской династии» (с. 25). При этом, если Рюрика, опираясь на историографическую традицию, идущую от Ф. Крузе, Е.В. Пчелов склонен отождествлять с известным по западноевропейским источникам Рориком Фрисландским (или Ютландским), то Олега – со скандинавским конунгом Хельги, правившим в 890-х гг. в Дании (с. 27–29). Его превращение в древнерусского князя произошло, по мнению автора, незадолго до 900 г. Изгнанный из Ютландии конунг отправился в землю новгородских славен, где и занял вакантное место умершего к этому времени своего «родича» Рюрика. Такая хронология не признается существенной помехой для отождествления ютландского Хельги с древнерусским Олегом, поскольку, выстроенная в летописи хронологическая канва его правления на Руси является, по общему мнению, достаточно условной. Заметим, что предпо-

[3] Вілкул 2015: 314
[4] Назаренко 2009: 103–113.
[5] Данилевский 1999: 134–150; Петрухин 2003: 102–103; Ричка 2005.

ложение о тождественности Олега и упоминаемого со слов датского короля Адамом Бременским Хельги ранее высказывал А.А. Горский[6]. На его труды Е.В. Пчелов во многом собственно и опирается, полагая вслед за ним, что «первые древнерусские князья варяжского происхождения были представителями датских родов конунгов, чей именослов восходил к династии Скьёльдунгов» (с. 29), древнейших датских конунгов, потомков легендарного Скьёльда – сына самого Одина. Вывод интересный, но недоказуемый. С не меньшим успехом можно вести речь, например, о норвежском или шведском происхождении первых русских князей. Состояние источников оставляет пространство только для гипотез. Данная гипотеза при этом достаточно легковесна. Всё, что нам известно о последнем конунге Дании из династии Скёльдунгов по имени Хельги, довольно сложно увязать с информацией об Олеге Вещем. Совершенно неясно, в частности, каким образом датский Хельги мог оказаться на Руси в ту пору, когда прямых связей между Данией и Русью ещё не было[7]. Конечно, в отличие от мифического Рюрика, Олег, чьё существование задокументировано русско-византийскими договорами, был фигурой вполне исторической. Однако о его происхождении с большей или меньшей уверенностью можно утверждать только то, что, судя по имени (от Helgi – «священный»), он был скандинавом. В отличие от его предшественника, сведений о деяниях Олега сохранилось немало. Но и здесь исследователя подстерегает целый ряд трудностей, связанных как с легендарным характером большинства летописных известий о нём, так и с самой природой нарратива, которую Е.В. Пчелов, к сожалению, учитывает недостаточно.

Своё повествование об Олеге он выстраивает во многом в соответствии с летописной канвой, дополняя данные летописей сведениями из зарубежных источников и их учеными толкованиями. Летописный рассказ служит своего рода стержнем, на который, соглашаясь или оспаривая, историк нанизывает свои интерпретации. При этом автор продолжает придерживаться сомнительной в свете исследований последних десятилетий гипотезы о существовании предшествовавшего Повести временных лет и сохранившегося в Новгородской Первой летописи «Начального свода»[8], хотя в ряде случаев и признаёт, что первоначальный текст сохранился не в ней, а в Повести. Только бы усилило работу и более пристальное внимание автора к исследованиям по истории начальной Руси, позволяющим взглянуть на неё независимым от летописной канвы взглядом[9].

Книга Е.В. Пчелова оказывается в этой связи достаточно традиционной, а деятельность её главного героя – весьма впечатляющей. Узнав

[6] Горский 2012: 107–108.
[7] Пашуто 1968: 23–24.
[8] Вилкул 2003: 5–35; Вілкул 2015: 180–239, 439–443; Ostrowski 2007; Толочко 2009. С.49–53; Толочко 2015: 20–34, 40–43; Толочко 2016: 52–53.
[9] Толочко 2015.

о княжеском достоинстве Олега, оттеснившего подросшего Игоря Рюриковича «от дел реального управления» (с. 23), его предполагаемом происхождении, читатель далее познакомится с тем, как Олег, убив Аскольда и Дира, захватил Киев, что стало «решающим шагом на пути государственного строительства в Восточной Европе» (с. 49); покорял славянские племена, осаждал Константинополь и заключал с византийцами мирные договоры; наконец, по возвращении в Киев принял предсказанную волхвом-язычником кончину от своего любимого коня. В эту летописную канву вклинивается лишь отсутствующий в летописях, но известный по сочинениям восточных авторов, сюжет о военной активности русов на Каспии, которая стала, по словам Е.В. Пчелова, «ещё одним следствием похода Олега на Византию и мирного договора с греками» (с. 98). И хотя сам князь, по его мнению, «в каспийской эпопее участия не принимал» (с. 115), этим событиям посвящена отдельная глава книги. В ней же идёт речь и об известном из Кембриджского документа воевавшем на Каспии некоем русском князе Хельгу. Оспаривая его связь с Вещим Олегом, Е.В. Пчелов, вслед за А.А. Горским, полагает, что он был одним из представителей правящего в 940-х гг. в Киеве княжеского рода (с. 125). Не отрицая этого, следует всё же заметить, что состав последнего отражён в русско-византийском договоре 944 г., и среди перечисленных в нём имён Хельгу не встречается. Если же он был, как предполагает исследователь, предводителем отряда «полунезависимой» дружины, то уподобление его летописному воеводе Свенельду исключает принадлежность к правящему роду. Проблема существования одного или двух Олегов ранней истории Руси по-прежнему, таким образом, остаётся неясной.

Из всех рассмотренных в книге сюжетов наиболее тщательно проработан сюжет о смерти князя от своего коня или точнее от укуса коварной змеи, таившейся в его черепе. В посвящённой ему главе подвергнут детальному анализу не только сам летописный рассказ и его вариации, но и ряд европейских средневековых аналогий, наиболее близкой из них обоснованно признаётся рассказ скандинавской саги о смерти Одда Стрелы. Не сомневаясь в реальном существовании данного скандинавского персонажа, автор склоняется к тому, что легенда о смерти героя «от коня» изначально сложилась на Руси и лишь впоследствии была приурочена к личности Одда. В то же время, имея ввиду указание Новгородской Первой летописи на уход Олега «за море», он не исключает того, что эта легенда изначально вовсе необязательно связывала смерть князя с Русью. Он, как полагает Е.В. Пчелов, «действительно мог отправиться в Скандинавию по каким-то делам и навсегда исчезнуть из древнерусской истории» (с. 186). Как видим, однозначного ответа на вопрос о взаимосвязи рассказов древнерусской летописи и скандинавской саги историком не предложено. Сам этот рассказ мог возникнуть задолго до его инкорпорации в литературную ткань и летописи, и саги.

Заключительная глава книги посвящена исторической памяти об Олеге. В ней рассматривается распространение в княжеской среде самого имени Олег, изображения Вещего Олега на миниатюрах Радзивиловской летописи и медалях эпохи Екатерины II, образ князя в театральных постановках, литературном и художественном творчестве XIX–XX вв. Весьма познавательной и находящаяся, что называется «в тренде», написана она довольно бегло.

В конце книги помещены два приложения – «Монета Вещего Олега. Нумизматический скандал середины XIX века» (с. 186–193) и без того подробно изложенная в основном тексте «Сага об Одде Стреле» (с. 194–227). Книга также снабжена примечаниями и краткой библиографией. Будучи профессионально и хорошо написанной, она представит интерес для всех, увлечённых древнерусской историей.

Несмотря на ряд высказанных замечаний, сдаётся, что «первый блин» всё же не вышел «комом». Реконструируя биографию Олега Вещего, Е.В. Пчелов проделал большую работу, благодаря которой те, кто будут писать о нём позже, несомненно, лучше поймут и объяснят деяния этого «великана исторического сумрака».

БИБЛИОГРАФИЯ

Вілкул Т. Літопис і хронограф. Студії з домонгольського київського літописання. Київ: Інститут історії України НАН України, 2015. 518 с.

Горский А.А. Первое столетие Руси // *Средневековая Русь*. Вып. 10: К 1150-летию зарождения российской государственности. М.: Индрик, 2012. С. 7–112.

Данилевский И.Н. Мог ли Киев быть Новым Иерусалимом? // *Одиссей: Человек в истории*. 1998. М.: Наука, 1999. С. 134–150.

Назаренко А.В. Была ли столица в Древней Руси? Некоторые сравнительно-исторические и терминологические наблюдения // Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне (Древнейшие государства Восточной Европы, 2007 год). М.: Русский Фонд Содействию Образованию и Науке, 2009. С. 103–113.

Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М.: Наука, 1968. 472 с.

Петрухин В.Я. История славян и Руси в контексте библейской традиции: миф и история в Повести временных лет // *Древнейшие государства Восточной Европы:* 2001 год: Историческая память и формы её воплощения. М.: Вост. лит., 2003. С. 93–112.

Пчелов Е.В. Олег Вещий. Великий викинг Руси. М.: Молодая гвардия, 2018. 261 с.

Пчелов Е.В. Рюрик. М.: Молодая гвардия, 2010. 316 с.

Ричка В.М. «Київ – Другий Єрусалим» (з історії політичної думки та ідеології середньовічної Русі). Київ: Інститут історії України НАН України, 2005. 243 с.

Толочко А.П. Краткая редакция Правды Руской: происхождение текста. Київ: Інститут історії України НАН України, 2009. 136 с.

Толочко А.П. Очерки начальной руси. Киев; СПб: Лаурус, 2015. 336 с.

Толочко П.П. Откуда пошла Руская земля. Киев: Издательский дом Дмитрия Бураго, 2016. 292 с.

Ostrowski D. The Načalnyj Svod Theory and the Povest' vremennyx let // Russian Linguistics. Vol. 31 (3). 2007. P. 269–308.

REFERENCES

Vilkul T. Litopys i khronohraf. Studii z domonholskoho kyivskoho litopysannia. Kyiv: Instytut istorii Ukrainy NAN Ukrainy, 2015. 518 s.

Gorskiy A.A. Pervoe stoletie Rusi // Srednevekovaya Rus'. Vyp. 10: K 1150-letiyu zarozhdeniya rossiyskoy gosudarstvennosti. M.: Indrik, 2012. S. 7–112.

Danilevskiy I.N. Mog li Kiev byt' Novym Ierusalimom? // Odissey: Chelovek v istorii. 1998. M.: Nauka, 1999. S. 134–150.

Nazarenko A.V. Byla li stolica v Drevney Rusi? Nekotorye sravnitel'no-istoricheskie i terminologicheskie nablyudeniya // Nazarenko A.V. Drevnyaya Rus' i slavyane (Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy, 2007 god). M.: Russkiy Fond Sodeystviyu Obrazovaniyu i Nauke, 2009. S. 103–113.
Pashuto V.T. Vneshnyaya politika Drevney Rusi. M.: Nauka, 1968. 472 s.
Petruhin V.Ya. Istoriya slavyan i Rusi v kontekste bibleyskoy tradicii: mif i istoriya v Povesti vremennyh let // Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy: 2001 god: Istoricheskaya pamyat' i formy eyo voploshcheniya. M.: Vost. lit., 2003. S. 93–112.
Pchelov E.V. Oleg Veshchiy. Velikiy viking Rusi. M.: Molodaya gvardiya, 2018. 261 s.
Pchelov E.V. Ryurik. M.: Molodaya gvardiya, 2010. 316 s.
Rychka V.M. «Kyiv – Druhyi Yerusalym» (z istorii politychnoi dumky ta ideolohii serednovichnoi Rusi). Kyiv: Instytut istorii Ukrainy NAN Ukrainy, 2005. 243 s.
Tolochko A.P. Kratkaya redakciya Pravdy Ruskoy: proiskhozhdenie teksta. Kiiv: Institut istorii Ukraini NAN Ukraini, 2009. 136 s.
Tolochko A.P. Ocherki nachal'noy rusi. Kiev; SPb: Laurus, 2015. 336 s.
Tolochko P.P. Otkuda poshla Ruskaya zemlya. Kiev: Izdatel'skiy dom Dmitriya Burago, 2016. 292 s.
Ostrowski D. The Načalnyj Svod Theory and the Povest' vremennyx let // Russian Linguistics. Vol. 31 (3). 2007. P. 269–308.

Ищенко Александр Сергеевич, *кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории, философии и социальных технологий, Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт ДГАУ; ischenko-2010@mail.ru*

«Oleg, the wise Prince, roused to arm…»: the first monograph about the legendary warrior

The biography of Prince Oleg the Prophet by E.V. Pchelov is considered. Merits and demerits of the book are shown. High level of academic text, using the entire array of known sources and their careful analysis are undoubtedly among the values of the monograph. The main drawback, according to the reviewer, is the author's underestimation of the symbolism of many descriptions of Oleg's life in annals.

Keywords: *E.V. Pchelov, Oleg the Prophet, Tale of Bygone Years, Scandinavian saga, historical memory*

Aleksandr Ischenko, *PhD (History), Associate Professor, Department of History, philosophy and Social Technologies, Novocherkassk Institute of Engineering and Land Reclamation, Don State Agrarian University; ischenko-2010@mail.ru*

Л. А. Бушуева

ЖИЗНЕННЫЙ МИР ПЕТЕРБУРГСКИХ СТУДЕНТОВ

В рецензии анализируется книга Т.Н. Жуковской и К.С. Казаковой «Anima universitatis: студенчество Петербургского университета в первой половине XIX века». Выделяются основные достоинства монографии, в числе которых подробное рассмотрение таких вопросов, как эволюция правового статуса петербургских студентов первой половины XIX в., становление студенческой корпоративности, особенности внутриуниверситетских отношений, а также взаимодействие университетских воспитанников с городским окружением.

Ключевые слова: *Петербургский университет, студенты, социальный и этноконфессиональный состав студентов, студенческая корпоративность*

На протяжении последних десятилетий история российских университетов остается одним из динамично развивающихся направлений отечественной историографии. Особое место в ней занимают исследования, посвященные раннему периоду становления университетского образования в России. Достаточно вспомнить получившие широкое признание фундаментальные работы, А.Ю. Андреева[1], Е.А. Вишленковой[2], И.П. Кулаковой[3], Ф.А. Петрова[4], С.И. Посохова[5] и их последователей. Однако большинство новейших трудов, касающихся раннего периода, написаны, главным образом, на материалах Московского, Казанского или Харьковского университетов[6] и в них ощущается явная недооценка роли университета Петербургского, тогда как без понимания специфики этого столичного учебного заведения сложно в полной мере понять специфику российской университетской системы в целом. Еще одной особенностью многих работ, посвященных первой половине XIX в, является то, что в качестве структурообразующего элемента университетской жизни в первую очередь рассматриваются профессора, и в гораздо меньшей степени уделяется внимание другой значимой группе университетского сообщества – студенчеству.

В связи с этим можно только приветствовать появление монографии, посвященной социокультурной истории воспитанников Петербургского университета первой половины XIX века. Ее авторы – доцент Петербургского университета Т.Н. Жуковская и ее ученица – старший научный сотрудник Кольского научного центра РАН К.С. Казакова. Рецензируемая монография «Anima universitatis: студенчество Петербургского университета в первой половине XIX века» является важной ча-

[1] Андреев 2009.
[2] Вишленкова, Галиуллина, Ильина 2012.
[3] Кулакова 2006.
[4] Петров 1998 – 2002.
[5] Университеты в Российской империи XVIII – первой половины XIX века 2012.
[6] Вишленкова, Галиуллина, Ильина 2012; Университеты в Российской империи XVIII – первой половины XIX века 2012.

стью исследовательских проектов одного из крупнейших на сегодняшний день центров изучения истории высшей школы в России – Института истории Санкт-Петербургского университета[7].

Хронологические рамки книги охватывают период с 1804 г. – с момента появления в Петербурге Педагогического института как «университетского отделения» – и до 1861 г., когда Петербургский университет был закрыт в связи со студенческими беспорядками и возобновил работу только после вступления в силу университетского устава 1863 г. Сами авторы справедливо отмечают дискуссионный характер заданных временных границ[8]. В среде столичных историков не утихают споры о времени появления университетского образования в Петербурге. Московские исследователи исключают возможность усматривать преемственность между Санкт-Петербургским университетом и такими учреждениями, как созданный в 1724 г. Академический университет и Педагогический институт. Петербургские ученые, в т.ч. Т.Н. Жуковская, напротив, доказывают наличие органической связи между этими учебными заведениями. Поэтому в книге история Педагогического института рассматривается как неотъемлемая часть истории столичного университета. Впрочем, оставим в стороне «споры о первородстве» Московского и Петербургского университетов и обратимся к содержанию книги.

Монография базируется на обширном круге источников. В него входят многочисленный корпус нормативных актов, делопроизводственная документация, периодическая печать и источники личного происхождения. В ходе исследования авторы предприняли анализ документов из фондов нескольких петербургских и московских архивов – РГИА, ЦГИА СПб, Рукописного отдела Института русской литературы РАН, ГА РФ. Внушительная часть источников впервые вводится в научный оборот. Анализируя этот значительный документальный массив, авторы исходили из предложенной Т.Н. Жуковской концепции «Большого университетского архива»[9], согласно которой делопроизводственные комплексы Педагогического института, Главного педагогического института и Петербургского университета рассматривались как нераздельные, независимо от местонахождения их частей.

Анализу социально-исторического портрета петербургского студенчества посвящены главы «В стенах университета: правовые нормы и культурные практики студенческой жизни», «Социальный облик петербургского студента», «Петербургский студент в системе общественных связей» и «Студенты и политика». Исследуя правовые нормы, в рамках которых существовали воспитанники Петербургского университета первой половины XIX в. и определяя правовой статус учащихся в системе университетских отношений, авторы убедительно показали, что в пер-

[7] Об исследованиях, выполненных сотрудниками Института истории Санкт-Петербургского университета: Ростовцев Е.А. 2016.; Потехина И.П. 2016.
[8] Жуковская, Казакова 2018. С. 11.
[9] Жуковская 2017.

вой четверти XIX в. фактически конструированием правового пространства студентов занимались профессора, которые еще имели тогда возможность определять границу между приемлемым поведением воспитанников и проступками, что способствовало реализации в Петербургском университете, как и в других университетах России, «семейного стиля» взаимоотношений между профессорами и студентами, когда последние находились в положении не только «опекаемых», но и «воспитуемых». Авторы проследили, каким образом к середине XIX в. профессора практически потеряли возможность юридически воздействовать на учащихся, уступив право «опеки» над ними государственным чиновникам, а также описали процесс постепенного размывания «семейного стиля» внутриуниверситетских отношений под воздействием таких факторов, как сокращение числа казеннокоштных студентов в пользу своекоштных и нарастание общественной активности учащихся.

Важное место в монографии занимает реконструкция социального портрета петербургского студенчества. Исследователи провели обстоятельный анализ данной группы по различным параметрам. Рассмотрена численность учащихся и ее изменение на протяжении всего периода, показаны возрастные характеристики, специфика сословного состава, проанализированы принципы регулирования студенческого корпуса в зависимости от изменений правительственной политики. Особого внимания заслуживает раздел, посвященный этноконфессиональным характеристикам петербургских учащихся. Ранее в поле зрения исследователей российского высшего образования первой половины XIX в. попадал, главным образом, многонациональный состав университетских профессоров[10], тогда как этническое разнообразие университетских воспитанников обычно не учитывалось. Рецензируемая монография ярко демонстрирует, что такой подход малопродуктивен в отношении Петербургского университета, являвшегося в дореформенный период неоднородным по национальному составу учащихся. В связи с этим представляется правомерным выделение в книге специального раздела, посвященного самой многочисленной национальной группе петербургских воспитанников – студентам-полякам. В нем выявляются не только особенности организации каждодневной жизни польских учащихся в университетских стенах, но и дается наглядное представление о том, каким образом российское государство пыталось через общеимперскую систему высшего образования воспитать лояльные национальные элиты.

Исследование петербургского студенчества включило в себя как реконструкцию сети взаимоотношений внутри группы, так и взаимодействие ее представителей с другими членами университетского сообщества, а также «внешним миром». Анализируя студенческие отношения, авторы касаются такого важного вопроса для понимания специфики российского высшего образования имперского периода, как становление

[10] Иностранные профессора российских университетов… 2011; Шарифжанов 2002.

студенческой корпоративности. Здесь нужно отметить, что дореволюционное студенчество рассматривается как сплоченная социальная группа со своей специфической культурой и присущими только ей формами организации жизни и быта, главным образом, в трудах, посвященных концу XIX – начала XX в.[11], тогда как для исследователей раннего периода университетской истории характерно говорить чаще об отдельных студентах, а не о студенчестве[12]. В связи с этим в своей рецензии на книгу А.М. Феофанова о воспитанниках Московского университета XVIII – первой четверти XIX в. Д.А. Цыганков справедливо призвал читателей задуматься над вопросом, как все-таки следует «оценить тот вклад», который внесли студенты университета того времени в формирование традиций российского студенчества, и не существует ли вообще в этом смысле «разрыва в русской студенческой истории, по крайней мере XIX в.»[13]. Т.Н. Жуковская и К.С. Казакова также подчеркивают, что университетские воспитанники первой четверти XIX в. еще не составляли корпорацию (С. 288). На наш взгляд, им удалось убедительно показать процесс зарождения и становления корпоративности петербургских университетских воспитанников посредством анализа широкого спектра университетских ритуалов, различных форм взаимопомощи, а также деятельности студенческих объединений. Вывод о том, что студенты Петербургского университета к началу 1860-х гг. проявляли себя как корпоративная группа ярко продемонстрировали события 1861 г.

В соответствии с новейшими тенденциями рассматривать университетское сообщество в тесной связи с городским пространством[14], авторы исследуют взаимодействие петербургского студенчества с различными городскими слоями. Этот аспект исследования чрезвычайно интересен для понимания специфики ситуации Петербургского университета. В сравнении с провинциальными университетами Империи, довольно быстро ставшими культурными центрами регионов, взаимоотношения университета столичного города и «сановного» Петербурга складывались непросто. С одной стороны, интенсивность взаимодействий представителей университетского сообщества с городским окружением была гораздо выше, чем в провинции, но с другой – даже профессорам, не говоря уже о студентах, в силу слабых родственных связей с аристократической элитой, тяжелей было завоевывать положение в социальной иерархии столичного общества. Прослеживая эволюцию статуса студента в городской среде, авторы реконструируют сложные и разнообразные связи универсантов с городскими группами: от контактов с «просвещенным» обществом и до конфликтов и стычек с чинами полиции, офицерами, многочисленными городскими обывателями.

[11] Иванов 2010.
[12] Цыганков 2012.
[13] Цыганков 2012. С. 140.
[14] Университет и город в России (начало XX века) 2009.

Особый интерес представляет раздел, посвященный исследованию траекторий карьеры выпускников Петербургского университета. Как показали авторы, связь университета и некоторых категорий его воспитанников не прерывалась после завершения учебы. Университетская опека простиралась не только на студентов, оставленных в alma mater для подготовки к профессорскому званию, но и на тех, кто пополнял ряды преподавателей средних учебных заведений в разных концах Российской империи или оказывался на военной службе. Университет как социальный институт в течение длительного времени влиял на карьерную судьбу своих выпускников, являясь мощным социальным лифтом.

Сильная сторона исследования – сравнительно-исторический компонент. Авторы сопоставляют процессы, происходившие в среде петербургского студенчества, со сходными явлениями в других университетах – Московском, Казанском, Харьковском и Дерптском. Это позволило выявить «местный колорит» этой социальной группы и определить те черты петербургского студенчества, которые были в целом типичны для воспитанников университетов Российской империи.

Вместе с тем, столь обширная работа не свободна от некоторых недостатков. В этой связи следует отметить не слишком удачное приложение, представленное авторами. Исследование бы выиграло, если бы авторы вместо простых погодовых описательных таблиц привели таблицы с аналитическими группировками показателей динамики численности и состава студентов, указав в них не только абсолютные, но и относительные процентные значения разных категорий студенчества, темпов прироста (или убыли) и т.п. Это позволило бы объемнее представить сословный и численный состав студентов, точнее оценить масштабы его изменений. К тому же, приложение выглядит несколько оторванным от текста из-за отсутствия ссылок на него в основном тексте книги.

Без сомнения, книга Т.Н. Жуковской и К.С. Казаковой вносит существенный вклад в развитие социокультурной истории российского студенчества и, несомненно, найдет отклик у читателей.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Андреев А.Ю. Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М., 2009. 640 с. [Andreev A.Yu. Rossiiskie universitety XVIII – pervoi poloviny XIX veka v kontekste universitetskoi istorii Evropy. M., 2009. 640 s.]

Вишленкова Е.А., Галиуллина Р.Х., Ильина К.А. Русские профессора: университетская корпоративность или профессиональная солидарность. М., 2012. 649 с. [Vishlenkova E.A., Galiullina R.Kh., Il'ina K.A. Russkie professora: universitetskaya korporativnost' ili professional'naya solidarnost'. M., 2012. 649 s.]

Жуковская Т.Н. Архив Педагогического института в Санкт-Петербурге (1804–1819): специфика отражения университетской повседневности // Биография университетских архивов. М., 2017. С. 114-165 [Zhukovskaya T.N. Arkhiv Pedagogicheskogo instituta v Sankt-Peterburge (1804 1819): spetsifika otrazheniya universitetskoi povsednevnosti // Biografiya universitetskikh arkhivov. M., 2017. S. 114–165]

Жуковская Т.Н., Казакова К.С. Anima universitatis: студенчество Петербургского университета в первой половине XIX века. М.: Новый хронограф, 2018. 576 с. [Zhukovskaya T.N., Kazakova K.S. Anima universitatis: studenchestvo Peterburgskogo universiteta v pervoi polovine XIX veka. M., 2018. 576 s.]

Иванов А.Е. Мир российского студенчества. Конец XIX – начало XX века: очерки. М., 2010. 331 с. [Ivanov A.E. Mir rossiiskogo studenchestva. Konets XIX – nachalo XX veka: ocherki. M., 2010. 331 s.]

Иностранные профессора российских университетов. Вторая половина XVIII – первая треть XIX века. Биографический словарь. М., 2011. 207 с. [Inostrannye professora rossiiskikh universitetov. Vtoraya polovina XVIII – pervaya tret' XIX veka. Biograficheskii slovar'. M., 2011. 207 s.]

Кулакова И.П. Университетское пространство и его обитатели. Московский университет в историко-культурной среде XVIII века. М., 2006. 336 с. [Kulakova I.P. Universitetskoe prostranstvo i ego obitateli. Moskovskii universitet v istoriko-kul'turnoi srede XVIII veka. M., 2006. 336 s.]

Петров Ф.А. Российские университеты в первой половине XIX в.: формирование системы университетского образования. Кн. 1-4. М., 1998–2002. [Petrov F.A. Rossiiskie universitety v pervoi polovine XIX v.: formirovanie sistemy universitetskogo obrazovaniya. Kn. 1-4. M., 1998–2002].

Потехина И.П. История Санкт-Петербургского университета как предмет коллективных проектов // Клио. 2016. № 8(116). С. 14–21 [Potekhina I.P. Istoriya Sankt-Peterburgskogo universiteta kak predmet kollektivnykh proektov // Klio. 2016. № 8(116). S. 14–21].

Ростовцев Е.А. Проблематика проектов по университетской истории и истории высшей школы (Санкт-Петербургский университет) // Новое прошлое. 2016. № 3. С. 145–153. [Rostovtsev E.A. Problematika proektov po universitetskoi istorii i istorii vysshei shkoly (Sankt-Peterburgskii universitet) // Novoe proshloe. 2016. № 3. S. 145–153].

Университет и город в России (начало XX века) / под ред. Труде Маурер и Александра Дмитриева. М., 2009. 777 с. [Universitet i gorod v Rossii (nachalo XX veka) / pod red. Trude Maurer i Aleksandra Dmitrieva. M., 2009. 777 s.]

Университеты в Российской империи XVIII – первой половины XIX века / под общ. ред. А.Ю. Андреева, С.И. Посохова. М., 2012. 671 с. [Universitety v Rossiiskoi imperii XVIII – pervoi poloviny XIX veka / pod obshch. red. A.Yu. Andreeva, S.I. Posokhova. M., 2012. 671 s.]

Цыганков Д.А. Рецензия: Феофанов А.М. Студенчество Московского университета XVIII - первой четверти XIX века. М.: Изд-во ПСГУ, 2011. 253 с, с илл. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2012. №1 (44). С. 137-140. [Tsygankov D.A. Retsenziya: Feofanov A.M. Studenchestvo Moskovskogo universiteta XVIII - pervoi chetverti XIX veka. M.: Izd-vo PSGU, 2011. 253 s, s ill. // Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 2: Istoriya. Istoriya Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi. 2012. №1 (44). S. 137-140]

Шарифжанов И.И. Польские профессора и преподаватели в Императорском Казанском университете. Казань, 2002. 19 с. [Sharifzhanov I.I. Pol'skie professora i prepodavateli v Imperatorskom Kazanskom universitete. Kazan', 2002. 19 s.]

***Бушуева Людмила Александровна**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, г. Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация, bushueva9@mail.ru*

Live world of St. Petersburg students

The review analyzes the book “Anima universitatis: students of St. Petersburg University in the first half of the XIXth century” by T.N. Zhukovskaya and K.S. Kazakova. The main advantages of the monograph are highlighted, including a detailed consideration of such issues as the evolution of the legal status of St. Petersburg students in the first half of the XIXth century, the formation of students’ identity, the peculiarities of university relations, and the interaction of university students with the urban environment.

Keywords: St. Petersburg University, students, social and ethno-confessional composition of students, students’ identity

***Liudmila Bushueva,** PhD, senior fellow, Sh. Marjany Institute of History Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Republic of Tatarstan, the Russian Federation bushueva9@mail.ru*

И. А. Краснова

ВЕНГЕРСКОЕ ДВОРЯНСТВО XVI-XVII ВВ. В ПОИСКАХ СОСЛОВНОЙ И ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Рец. на монографию: Гусарова Т.П. Венгрия XVI–XVII вв.: портреты современников на фоне эпохи (2018). В книге представлено исследование дворянского сословия и правящих структур Венгрии XVI–XVII вв. через призму биографий и идей отдельных представителей дворянства.

Ключевые слова*: *венгерское дворянство, империя Габсбургов, борьба с турками

Монография Т.П. Гусаровой посвящена проблемам истории Венгрии – страны, не часто попадающей в поле зрения отечественных историков. Книга охватывает XVI–XVII вв. – период для венгерской истории сложный и переломный, – что придает ее содержанию особую актуальность. Представленный труд является результатом многолетних научных изысканий автора, являющегося признанным в России и за рубежом специалистом по данному периоду истории Венгрии.

Основным объектом изучения стало дворянство, что оправдано его ключевым местом в складывающейся венгерской нации в условиях слабости городских сословий и неустойчивости королевской власти, а особенно – необходимости постоянного противостояния турецкой агрессии: Венгрия оказалась форпостом, первым принимающим на себя натиск Порты на территории Европы, а основная тяжесть военных действий ложилась на плечи воинского сословия.

Круг источников широк и разнообразен: это не только труды дворян-интеллектуалов, но и дневники Государственных собраний, служебные обращения, прошения, рекомендации, частные письма и судебные протоколы, большая часть – из Архива Придворного казначейства в Вене, Венгерского Национального архива и др. Корпус источников позволяет выявить представления венгерского дворянства о себе, обществе, власти. Особого внимания заслуживает метод реконструкции основных черт дворянского сословия – воспроизведение типичных признаков через призму исторических портретов его представителей. Просопографический подход открывает неисчерпаемое поле возможностей и позволяет увидеть людей, которые вершили историю Венгрии.

Автору удается исследовать процесс формирования национального и сословного самосознания, осуществляемый дворянами-интеллектуалами. Иштван Вѐрбёци в кодексе обычного феодального права «Трипартитум» сформулировал важнейшие сословные принципы: уравнение дворян в правах с аристократией; защита сословных привилегий от произвола верховной власти, но также и королевской власти от всесилия магнатов. Когда Венгрия находилась под властью Габсбургов, эти идеи

развивал юрист И. Асалаи: избранные короли должны править с опорой на Венгерский совет, даровать привилегии, должности, земли только венграм-дворянам – «членам королевства». По «Панегирику» Л. Керестури на пожалование Дёрдю Берени баронского титула (1656), автор воспроизводит шкалу ценностей дворянства: происхождение из знатной семьи, принадлежащей к дворянскому сословию; должности в комитате и награды; личные достоинства – умение воевать, образованность, но также богатство, покровительство могущественных надоров, верность Габсбургам. Т.П. Гусарова не идеализирует творчество указанных идеологов, указывая на невнятность и сословную ограниченность их программы, пренебрежительность по отношению к недворянским стратам.

Отмечается роль исторических концепций в формировании идеологии дворянства. «Венгрия» и «Аттила», труды Миклоша Олаха (1493–1568), гуманиста, епископа и канцлера королевства, были созданы после поражения венгров при Мохаче. Автор показывает, что изображение Аттилы не только отважным полководцем, но также и дальновидным политиком, способным возвеличить свой свободолюбивый народ, имело цель вдохновить венгров на борьбу с турками. Т.П. Гусарова верно отмечает, что главной чертой венгерской историографии был патриотизм, окрашенный сословностью: только дворяне принадлежали к нации, лишь они могли быть патриотами. Критически анализируя сочинения Олаха, она указывает ренессансные черты его историописания: высокопарные речи, образ Аттилы в духе правителя Н. Макиавелли.

Труд Миклоша Иштванфи, «Венгерского Тита Ливия», был создан во время кризиса 1604–1606 гг., связанного с антигабсбургским восстанием, вызвавшим потребность в достоверном ответе на вопрос: почему Венгрия, столь сильное государство при короле Матяше Корвине, стала жертвой турецкого завоевания? Иштванфи стремился излагать факты без красот латинского стиля, хотя в русле гуманистической историографии следовал принципу «человек – творец истории». Иштванфи писал главным образом военно-политическую историю Венгрии и постулировал идею: «Венгрия – бастион, защищающий весь христианский мир».

Третьей составляющей сословного самосознания венгерского дворянства стало учение о Святой короне, обоснованное в начале XVII в. Петером Реваи. Дворянство считало себя членами Святой короны и держалось за право выбирать королей, хотя и не отрицало династические принципы, как показывает ситуация, когда Фердинанд I захотел короновать своего первородного сына, будущего Максимилиана II, без процедуры выборов, а венгры, не возражая против кандидатуры наследника, заявляли, что нация признает его королем лишь после выборов.

Создание портрета дворянского сословия через судьбы и идеи отдельных его представителей позволяет развернуть во всей полноте национальную драму венгерского народа в лице его наиболее социаль-

но-активной части – дворянства, находящегося почти 200 лет перед дилеммой: подчинение Габсбургам или зависимость от Порты. Это продемонстрировано на примере «Мнения» Д. Берени, написанного в кризисной ситуации начала 1660-х гг., когда Венский двор разместил в Венгрии 30-тысячную армию. Дворяне-протестанты, религиозные требования которых не были удовлетворены, отказались участвовать в заседаниях по вопросам сопротивления Турции и бесчинств расквартированных войск: жертвовали патриотизмом ради прав вероисповедания. Берени осознавал трагичность ситуации и пытался разрешить ее. Резко критикуя Габсбургов, он в то же время убеждал протестантов не идти на раскол, покинув Государственное собрание. Эта же позиция отличала и другого политического деятеля Пала Семере, лидера протестантской оппозиции, который отстаивал компромисс единоверцев с династией Габсбургов ради совместной борьбы с османами.

Особой заслугой Т. П. Гусаровой являются авторские переводы на русский язык уникальных источников в приложениях к главам. Ситуация мучительного выбора воспроизводится автором на примере Миклоша Эстерхази, одного из самых знатных и влиятельных дворян Венгрии («Мнение», 1627 г.). Он открыто заявлял Габсбургам, что они являются «выборными королями», опасными для Венгрии, ибо имперская армия ведет себя на ее территории, как вражеское войско. Эстерхази писал о возможности совместного выступления против Габсбургов вместе с Трансильванией, но в конечном счете понимал, что только Габсбурги могут помочь Венгрии в борьбе против турок, категорически выступая против перехода венгров под власть Османской империи.

Вторая часть книги «Служба, карьера, путь наверх» посвящена общественной и государственной деятельности представителей венгерского дворянства. Успешно реализуя возможности персональной истории, автор демонстрирует уникальность судеб отдельных личностей и целых фамилий. Имре, один из представителей рода Тёкёли в 1670-е гг. возглавил восстание против Габсбургов, провозгласив себя князем Венгрии, тогда как его прадед Шебештьен торговал скотом. Случай семьи Тёкёли уникален для Венгрии: они получили дворянство благодаря предпринимательству и предоставлению займов Венгерскому казначейству. Шебештьен был возведен в баронство (1593), продолжая заниматься торговлей и кредитами, избирался в Государственное собрание, сражался в императорских войсках во главе собственного отряда, купил замок, заказал родословную и позволял дерзкий тон в письмах к монарху. Сильное впечатление производит образ «непотопляемого» Имре Эбецкого, сделавшего карьеру от писаря до советника Казначейства. Возвыситься за годы службы до поста вице-ишпана комитата и помещика ему удалось благодаря незаурядным личным качествам, но также профессионализму и использованию нелегальных способов получения доходов.

Исследуя чиновничий аппарат на представительных собраниях Венгерского королевства по спискам депутатов, Т.П. Гусарова приходит к важным выводам: Венгрия медленно шла по общеевропейскому пути. Особенностями страны были: стойкость сословной организации общества, утверждающей национальную идентичность и сопротивление Габсбургам; сохранение венгерской государственности; постоянные военные действия с турками. Глубокий анализ ситуации в Венгрии XVII в. позволил выявить специфику ее государственности – тесное переплетение государственных и сословно-представительных институтов, и определить в этой системе роль государственных учреждений – Казначейства и Королевской судебной палаты: служащие палат могли создавать бюрократические династии, но не являлись чиновниками в полном смысле слова, получая нерегулярное жалованье и будучи тесно связаны с сословной средой, что замедляло развитие абсолютистского государства.

На основе архивных документов Сепешского Казначейства (1658), автор очерчивает социальный портрет чиновников и реконструирует механизм функционирования государственно-административной машины. Т.П. Гусарова приходит к выводам, что венгерский чиновник, претендующий на пост в казначействе, должен был являться дворянином, владельцем земельной собственности; католиком, лояльным в отношении правящей династии; иметь образование и рекомендации от высокопоставленных лиц. Но из документов всплыли особые условия. Избрание М. Ваша определялось не только высоким положением его рекомендателей – надора Венгрии и епископа Эстергомского – но также наличием резиденции в Кашше, где располагалось Сепешское казначейство: он постоянно мог находиться на службе. Учли также практический опыт Ваша: он занимался сбором военных налогов и поставок продовольствия в армию, в таких кадрах всегда была острая нужда. Когда после смерти Ваша был избран П. Черней, то его карьера закончилась очень быстро, поскольку он пытался исполнять сразу две должности, что доказывает «переходный» статус венгерской бюрократии: совмещение службы в разных ведомствах.

Исследование деятельности чиновников позволяет полнее раскрыть черты национально-этнической специфики в Венгрии. Габсбурги использовали особенности положения хорватов и словенцев, опираясь на их принадлежность к католицизму, что доказывается исследованием карьеры хорвата Яноша Китонича, юриста, судьи Королевской судебной палаты, «второго после Ве́рбёци светоча юриспруденции», поднявшегося до должности коронного фискала Венгерского Казначейства. Заслуга автора в том, что, анализируя карьерный рост Китонича, она вскрыла значимость этнических противоречий, в противостоянии между императорской властью и венграми: австрийские монархи искали дополнительной поддержки в хорватском дворянстве.

Автор предпринимает удачную попытку проследить отношения внутри сословия не только на основе официальных институтов, но также через межличностные связи, объединяющие высшие слои элиты и массу дворянства. На основе анализа «Дневника» аристократа Ласло Ракоци показано значение служебно-деловых, родственных, вассальных связей в среде провинциального дворянства. Т.П. Гусарова отмечает потребность в национальной идентичности, реализуемую в развлечениях, на которых всем дозволялось ощущать себя венграми. В застольях, на пирах и празднествах, по мнению автора, формировалась политическая культура на основе личных договоренностей и консенсусов, невзирая на сословные и религиозные перегородки. На примере свадьбы аристократа Дёрдя II Ракоци автор показывает значимость пира как места, где во время тостов символически выражались оппозиционные настроения: трансильванский правитель не стал пить за германского императора, а надор Ференц Вешшелени демонстративно разбавил вино водой.

В третьей части книги «Горизонты культуры, возможности образования» отдельный очерк посвящен проблемам образования за границей, ибо первый университет в Венгрии возник только в 1637 г. На основе матрикул венгерских студентов в Италии и их писем раскрываются реалии их жизни за границей: частые болезни вследствие материальных лишений, прерывание обучения из-за крайней нужды. На примере переписки студента Дёрдя Корниша показаны пути адаптации венгерских студентов в чужеземных университетах при отсутствии состоятельных родителей, чьих сыновей сопровождали «секретари»: дружеские связи, заменявшие дефицит родственных отношений, объединение в «землячества» («нации»). Отмечается высокий статус университетского образования, с которым венгры связывали достоинство своей семьи и страны.

Автор показывает значение школьного театра, организованного иезуитами. Судя по их хроникам и дневникам Пала Эстерхази, воспитанника иезуитской школы, главной целью театра было торжество католической веры, преобладала религиозная тематика, а из светских тем – героические сюжеты из античной и средневековой истории, особенно прославление королей: Ласло I – короля рыцаря и Матяша Корвина.

Т.П. Гусарова представляет трагическую судьбу великого поэта Венгрии XVI в., создателя любовной лирики – Балинта Балашши, раскрывая его личность во всей противоречивости: блестяще образованный аристократ вел скандальный образ жизни, привлекался к суду за грубости и насилия, не платил долгов и не стыдился своих недостойных поступков, но был любим боевыми товарищами за полководческий талант и патриотизм. Этот «Поэт Венеры и Марса», которого считали безбожником, в конце жизни писал религиозные гимны и погиб в сражении с турками (1594). Автор вписывает эту судьбу в социально-политический контекст второй половины XVI века, когда венгерские аристокра-

ты разочаровались в Габсбургах, а те стали подозрительно относиться к ним, что коснулось и Балинта, стихи которого будут забыты на века и вновь открыты только в XIX веке. В отличие от колоритной фигуры Балашши, секретарь Венгерской придворной канцелярии Лёринц Ференцфи представляется личностью скромной. Выходец из низов, он продвинулся благодаря личным способностям и образованию в Болонском университете. Не стремясь к карьерному росту, Ференцфи много внимания посвящал своему хобби – издательскому делу, публиковал книги религиозного, юридического и исторического содержания, но вершиной его издательской деятельности Т.П. Гусарова считает сборник «Божественные песнопения» Балинта Балашши.

В разделе, посвященном замкам надора и других представителей знати как центрам, где культура тесно смыкалась с политикой, автор выделяет их особую значимость при отсутствии королевского двора в Венгрии и усилении сеньориально-вассальных связей в XVII в. При дворах воспитывались отпрыски знатных семейств, постоянно обитали до нескольких сотен людей, имелась целая иерархия должностей. Двор консолидировал дворянство, поддерживая в нем национальный дух: там исполнялись исторические сказания и баллады, венгерские песни и танцы, формировалось чувство сословной принадлежности и дворянской чести, решались внутриполитические вопросы. Надоры демонстрировали автономность венгерского королевства, являясь политическим противовесом Габсбургам. Примеры резиденций Эстерхази позволяют автору представить их как центры культуры: библиотека из более 600 томов по разным отраслям знания от теологии до геометрии на древних и европейских языках. Т.П. Гусарова отмечает «ренессансный» характер повседневного обихода: на пирах царили тонкость и разнообразие блюд, изобилие музыки и танцев.

Особняком представлен гендерный сюжет в небольшой главе «Молчание – знак отказа», где речь идет о попытке дворянки Анны Бекашши отстоять право на собственный выбор супруга. Выходя замуж против своей воли, она прибегла к хитрости, не произнося положенных клятв, но лишь беззвучно шевеля губами, что позволило ей затем не признать Б. Месленя своим мужем. К сожалению, это лишь одна гендерная тема, затронутая автором монографии.

В заключение следует сказать, что Т.П. Гусаровой удалось достичь поставленных целей. Она с высокой степенью достоверности воспроизвела процессы формирования сословной, национальной и политической идентичности венгерского дворянства в их неразрывной связи. Характеризуя формирование национальной идентичности, автор правомерно обратилась к историческим концепциям XVI–XVII вв., акцентируя идею гуннского происхождения венгров как основу патриотизма, а также осознание исторической миссии Венгрии, как бастиона, спасающего хри-

стианский мир от мусульманской угрозы. В качестве основы политической идентичности Т.П. Гусарова актуализировала принцип выборности королевской власти и его воплощение в символике Святой короны. Используя просопографический метод, автору удалось не только воссоздать коллективный портрет венгерского чиновничества, но и показать специфику функционирования всех ступеней власти с соответствующими им органами управления.

Монография Т.П. Гусаровой поражает органичностью взаимосвязей и переходов от индивидуального и уникального в судьбах венгерских дворян к макроуровням, глубоко характеризующим такие категории, как сословие, правящие структуры, государство.

Третья глава, посвященная вопросам культуры, имеет в большей степени очерковый характер, представляя талантливые зарисовки отдельных культурных явлений, хотя и весьма значимых для Венгрии XVI–XVII вв. Она очень важна, поскольку способствует выявлению духовной сути венгерского дворянства, дает читателю возможность проследить истоки взглядов его представителей и интеллектуальную составляющую их культурной среды. Сюжеты этой главы рождают новые вопросы для дальнейшей работы в избранном направлении.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Гусарова Т.П. Венгрия XVI–XVII вв.: портреты современников на фоне эпохи. М.; СПб.: Центр гуманитарных исследований, 2018. 455 с. [Gusarova T. P. Vengriya XVI-XVII vv.: portrety sovremennikov na fone epohi. M.; SPb.: Centr gumanitarnyh issledo-vanij, 2018. 455 s.].

Краснова Ирина Александровна, *доктор исторических наук, профессор, кафедра зарубежной истории, политологии и международных отношений, Северо-Кавказский федеральный университет; gorward_@mail.ru*

Hungarian nobility of the 16th – 17th centuries searching for estate and ethnic identity

Monograph review: Gusarova T.P. Hungary of the 16th-17th centuries: portraits of contemporaries against the backdrop of the era. Moscow - St. Petersburg: Center for Humanitarian Research, 2018/455 p. The book presents a study of the Hungarian nobility and the ruling structures of the XVI–XVII centuries through the prism of biographies and ideas of individual representatives of the nobility.

Keywords: *Hungarian nobility, Habsburg Empire, struggle with Ottoman Turks*

Irina Krasnova, *Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Foreign History, Political Science and International Relations, North-Caucasian Federal University; gorward_@mail.ru*

М. Ц. Арзаканян

ЛЮДИ, ТВОРЯЩИЕ ИСТОРИЮ
о книге В.П. Смирнова «Что такое история и зачем она нужна?»[1]

Статья посвящена видению В.П. Смирновым главных проблем и вопросов исторической науки, представленных в рецензируемой книге. Автор статьи останавливается на структуре работы, ее основных идеях и особенно выделяет тему личности в истории.
Ключевые слова: *история, историки, историческая память, «академическое дело», культ личности*

В научно-популярной работе В.П. Смирнова собраны размышления автора об извечно интригующем и специалистов, и широкую публику вопросе – что такое история и зачем она нужна. Ученый выносит на суд читателя собственный взгляд на проблему. Прежде чем перейти к сути дела, несколько слов об авторе. Владислав Павлович Смирнов, доктор исторических наук, профессор исторического факультета МГУ – выдающийся советский и российский франковед. Его перу принадлежит более десяти монографий. Свой путь в науку он начал с исследований Франции в годы Второй мировой войны, затем последовали общие работы по истории Франции[2], не считая многочисленных глав в коллективных трудах и учебниках для высшей и средней школы. В 2000-х гг. профессор, возвращаясь к истокам, пишет две замечательные книги о Второй и Первой мировых войнах[3]. В то же время ученый размышляет о судьбах историков своего поколения и исторической науки в СССР и России, результатом стала публикация его мемуаров[4]. И вот, в самом конце 2019 г., к своему 90-летнему юбилею В.П. Смирнов выпускает небольшую, но очень емкую и познавательную книгу об истории истории и историков[5].

Рецензируемая книга хорошо структурирована. Она состоит из введения, заключения и трех основных разделов – «История и общество», «Историческая наука и историческое образование в СССР», «Вечно живая история». Разделы, в свою очередь, поделены на небольшие темы-параграфы. Проблем в исторической науке, как и в любой другой, великое множество. Охватить необъятное невозможно, и автор не ставит перед собой такую задачу. В своей книге он цитирует известного французского историка XX века Марка Блока: «Предметом истории является человек. Скажем точнее – люди… За зримыми очертаниями пейзажа, орудий или машин, за самыми, казалось бы, сухими документами и институтами, совершенно отчужденными от тех, кто их учредил, история хочет

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ в рамках исследовательского проекта № 20-18-0286.
[2] Смирнов 1961; 1963; 1974; 1979; 1988; 1991; 2001; 2017.
[3] Смирнов 2005; 2015.
[4] Смирнов 2011.
[5] Смирнов 2019.

увидеть людей». И далее Блок утверждает: история – это «наука о людях», о «людях во времени»[6]. А кто же создавал историческую науку? Ведь те же люди. Повествование об историках, людях, творивших историю, проходит сквозь всю книгу. Вот на этой теме я и остановлюсь.

Итак, где и в чем искать истоки истории? Кем были ее первые творцы? Невероятно трудно ответить на этот вопрос. В.П. Смирнов пишет: «Потребность людей в истории привела к тому, что еще в древних цивилизациях (в Китае, Индии, Месопотамии, Египте, Древней Греции и Древнем Риме) находились люди, чаще всего священнослужители, которые собирали старинные мифы и легенды, записывали сведения о главных событиях прошлого и настоящего, составляли своеобразные исторические хроники. Их можно назвать первыми историками, хотя они часто занимались и многими другими делами: были политиками, администраторами, полководцами» (с. 11). На мой взгляд, истоки истории можно связать с возникновением письменности. Европейская цивилизация главным образом базируется на цивилизациях Древних Греции и Рима. Они же, в свою очередь, вобрали в себя знание, в том числе историческое, древних ближневосточных государств – прежде всего Месопотамии и Египта, где уже на рубеже IV–III тыс. до н. э. существовала письменность.

Древние египтяне изобрели иероглифическое (рисунчатое) письмо в самом начале III тыс. до н.э., с течением времени оно совершенствовалось. Сначала высекали иероглифы на каменных стелах, а затем стали использовать свитки папируса. Текст наносили кисточками из стеблей камыша специально приготовленными чернилами – черными из сажи с добавлением клея и красными из отвара корней травы марены. А в Междуречье еще раньше, в IV тыс. до н.э. древние шумеры изобрели клинописное письмо. Его наносили на влажную глиняную табличку с помощью острой прямоугольной палочки. Начало расшифровки клинописи было положено в XIX в. Георгом Гротефендом. В XX в. это дело продолжал советский историк Игорь Михайлович Дьяконов. На Древнем Востоке была создана первая библиотека – настоящий кладезь знаний. Ее основал ассирийский царь Ашшурбанипал в своем дворце в Ниневии в 7 в. до н.э. Собрание царя состояло из десятков тысяч глиняных табличек.

Так кем же были первые безымянные историки Древнего Востока? Цари, которые велели записывать события об их деяниях? Или жрецы, составляющие тексты? Или писцы, прилежно исполняющие волю властителей? Трудно сказать. Зато нам, российским историкам XXI в. выпало счастье благодаря нашим предшественникам соприкоснуться с «седой древностью» исторической науки в Музее изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. Его фонды хранят большую древнеегипетскую коллекцию, собранную в XIX – начале XX в. замечательным русским египтологом Владимиром Семеновичем Голенищевым. Он осуществил 60 поездок в Египет, собрал 6 тыс. предметов (в т.ч. папирусов) и передал

[6] Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1986: 17-18.

свою коллекцию в фонды музея к его открытию в 1909 г. Другой советский историк-источниковед Николай Петрович Лихачев собрал уникальную коллекцию русских, восточных и западноевропейских рукописей. Благодаря его стараниям музей имеет в своих залах и запасниках 1600(!) глиняных табличек[7]. Сегодня каждый может зайти в музей и спокойно рассматривать тексты, нанесенные на влажную глину 3000 лет назад, или зайти в египетский зал и увидеть прекрасную раскрашенную деревянную статуэтку XV в. до н.э. двух мальчиков-писцов, идущих на работу.

Отвлекусь ненадолго от своего хронологического повествования на дискуссионную тему, поднятую в начале книги В.П. Смирнова. Речь идет об исторической памяти, рассмотрению которой посвящен небольшой параграф. В нем автор подчеркивает: «Очень важную роль в формировании представлений о прошлом играет историческая память, то есть коллективные воспоминания племен, народов и наций о пережитых ими исторических событиях и деятельности исторических личностей. Историческая память имеет не индивидуальный, а коллективный характер. Это память общества, а не отдельных людей; составная часть общественного сознания и коллективной психологии». И далее: «Историческая память – неотъемлемый элемент национального самосознания, национальной культуры и самоидентификации нации. Это неисчерпаемый источник, питающий чувство гордости – а иногда и позора – за свою нацию и государство, за свою национальную историю» (с. 19). Думаю, что «модная» тема исторической памяти пока изучена лишь поверхностно. Слишком много вопросов она оставляет открытыми. Что такое «коллективный характер»? О каком конкретном коллективе идет речь? Одно и то же событие в одной стране воспринимается так, а в другой иначе. В одном государстве часть общества (класс, сословие, прослойка) может воспринимать определенное событие как гордость, а другая – как позор. Значит, коллективная историческая память все же может быть разложена на отдельные, порой противоположные, компоненты. Словом, пока вопросов больше, чем ответов. Тем лучше. Пусть молодые историки, взявшие в руки эту книгу, серьезно возьмутся за разработку данной тематики.

Как известно, «колыбелью европейской цивилизации» была Древняя Греция. В IX в. до н.э. греки изобрели алфавит, взяв за основу древние алфавиты финикийцев и арамейцев. Греки писали на покрытых воском дощечках остро отточенным грифелем из кости или благородных металлов. В VIII в. до н.э. полулегендарный Гомер сочинил гекзаметром эпические поэмы «Илиаду» и «Одиссею». А в V в. до н.э. появились первые греки-историки. Автор далее останавливается на работах древнеримских историков. Но я хочу немного задержать внимание читателя на Греции.

После распада в конце IV в. до н.э. огромной державы Александра Македонского и появления на ее территории в собственно Греции, Малой

[7] Об истории собрания древневосточных коллекций мне рассказала молодой сотрудник музея, искусствовед А.В. Миронова.

Азии и Египте самостоятельных государств, наступает эпоха эллинизма. Влияние греческого языка и греческой культуры в этих государствах было определяющим. Оно сохранялось даже после завоевания Греции во II в. до н.э. и Египта в I в. до н.э. Римом. Знаменитые историки той поры – Полибий II в. до н.э., Страбон рубежа старой и новой эры, Павсаний и Плутарх II в. – были греками и писали на древнегреческом языке. В эпоху эллинизма история прочно стала отдельной отраслью знания. А одну из девяти древнегреческих муз – Клио – стали теперь называть музой Истории и изображать со свитком и грифельной палочкой в руках.

Еще одно выдающееся событие для всех наук в эпоху эллинизма – создание в III в. до н.э. знаменитой библиотеки египетским царем Птолемеем I в городе Александрия. В общей сложности в ней было собрано по примерным оценкам около 100 тысяч единиц хранения, главным образом в папирусных свитках. Напомню, что во II в. до н.э. в городе Пергам в Малой Азии был изобретен новый писчий материал, пергамент, который делали из специально обработанной шкуры животных. Впоследствии он распространился по всей Европе. В Александрийской библиотеке были собраны «книги» по лирической поэзии, драматургии, философии, истории и другим наукам. Все они были каталогизированы и время от времени переписывались писцами и текстологами. В течение веков в библиотеку для работы съезжались ученые из разных регионов Европы и Азии. В первые века нашей эры знаменитая Александрийская библиотека постепенно была утрачена в периоды завоеваний и пожаров.

Еще во время расцвета древнегреческого гуманитарного знания в Древнем Риме появляются свои историки, пишущие на латинском языке. Автор книги упоминает самых известных из них Тита Ливия и Корнелия Тацита (с. 26-29). Первый жил и творил на рубеже старой и новой эры, второй – на рубеже I и II вв. Тит Ливий выступал за «воспитание патриотизма, чувство гордости за свое отечество», Тацит «призывал писать историю «без гнева и пристрастия» (с. 37). В Древнем Риме историки пользовались большим авторитетом. Недаром Гай Юлий Цезарь (он и сам автор исторических «Записок о галльской войне») сказал: «С самых ранних лет я понял, что истинные поэты и историки – лучшее украшение страны». Последним выдающимся историком Римской империи был Аммиан Марцеллин, живший в IV в. В период Средневековья, при неграмотности подавляющей массы населения, «главными очагами образованности, культуры и распространения исторических знаний стали монастыри, где монахи хранили уцелевшие от времен античности книги и документы, записывали сведения о важнейших событиях, составляли летописи. Писали гусиными перьями на пергаменте… чернилами, которые делалась из чернильных орехов, коры дуба и других деревьев с добавлением естественных красителей, разведенных на масле» (с. 44). Европейские народы воевали, государства создавались и распадались, а монахи-«историки» кропотливо переписывали и сверяли греческие и латинские

тексты. Ситуация начала меняться во втором тысячелетии. В период Крестовых походов с Востока было завезено «производство» бумаги. Писать стало легче. В XV в. Иоганн Гутенберг изобрел книгопечатание, что произвело «революцию» в книжном деле.

В.П. Смирнов подчеркивает особый вклад в развитие истории эпохи Возрождения. В XIV в. вокруг Флорентийского университета «сложилась группа историков, филологов и общественных деятелей, называвших себя гуманистами. Они стремились возродить античную культуру, собирали и издавали произведения античных авторов, подражали им в своих работах. Большинство дошедших до нас произведений античной литературы (в т.ч. книги Геродота, Фукидида, Тита Ливия) были спасены от гибели и забвения учеными гуманистами» (с. 46). Автор книги обращает внимание читателей на малоизвестную широкой публике «школу мавристов»: «Очень большую роль в установлении подлинности, собирании и публикации старинных документов <…> сыграли “мавристы” – ученые монахи из ордена св. Мавра (французского отделения ордена св. Бенедикта, центр которого находился в Париже в монастыре Сен-Жермен-де-Пре). Мавристы собрали, опубликовали и проверили подлинность множества исторических документов, на основе которых они написали многотомные сочинения по истории ордена св. Бенедикта, различных французских провинций и французской средневековой литературы» (с. 50). В XIX в. во многих европейских странах жили и творили известные историки, посвятившие себя изучению Древнего Востока, античности, средних веков, национальных историй. К концу XIX в. «история окончательно превратилась в науку» (с. 54).

Самая большая часть рецензируемой книги посвящена развитию исторической науки в России и СССР. Дореволюционной России автор отводит несколько страниц. Он говорит о том, что в нашей стране, как и в Европе, первыми историками были летописцы, и вспоминает слова Пимена из драмы А.С. Пушкина «Борис Годунов»:

«Когда-нибудь монах трудолюбивый
Найдет мой труд усердный безымянный,
Засветит он, как я, свою лампаду,
И пыль веков от хартий отряхнув,
Правдивые сказанья перепишет».

Далее автор называет имена самых известных русских историков – В.Н. Татищева, Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского. Но главное место в этой части книги В.П. Смирнов отдает исторической науке (можно даже сказать судьбе исторической науки) в СССР. Он представляет ее на фоне политической истории страны в эпоху социализма. Названия параграфов говорят сами за себя. Назову некоторые из них: «Октябрьская революция и историческая наука», «Академическое дело», «Перестройка исторического образования в СССР», «Большой террор» и судьбы историков», «Краткий курс» и культ личности», «XX

съезд», «Оттепель», «Историческая наука в эпоху «застоя», «Перестройка и гласность», «Радикальный пересмотр». Конечно, отрецензировать все эти темы невозможно. Поэтому мне пришлось сделать выборку.

Так называемое «Академическое дело» имело место в конце 20-х годов, когда «Сталин разгромил внутрипартийную оппозицию во главе с Троцким и сосредоточил всю власть в своих руках». Непосредственным поводом для открытия дела стали выборы в Академию наук СССР в январе 1929 г. на которых не были избраны три историка-марксиста. После этого в Ленинград, где тогда располагалась Академия наук, отправилась правительственная комиссия, занявшаяся «чисткой» академии. По ее решению были уволены 600 сотрудников. В декабре 1929 г. органы ОГПУ (преемника ВЧК) обвинили ряд историков во главе с Сергеем Федоровичем Платоновым и Евгением Викторовичем Тарле в антисоветском заговоре. «В середине января 1930 г. арестовали Платонова. Следователи изображали его главой будущего антисоветского правительства, которое “заговорщики” будто бы хотели сформировать после свержения советской власти. Через две недели арестовали Тарле, по утверждению следователей, – будущего министра иностранных дел в «правительстве Платонова» (с. 64). К «Академическому делу» привлекли 115 человек. Их судьбу решила коллегия ОГПУ, которая в августе 1931 г. приговорила 29 человек к различным срокам заключения и ссылке. «Тем не менее, – замечает В.П. Смирнов, – приговор считался относительно мягким: никого не расстреляли, ссылали в крупные города, а не в тундру или тайгу… ссыльные жили в снимаемых ими квартирах, обычно вместе с родственниками, могли получать книги и газеты» (с. 65). Однако судьба опальных историков сложилась по-разному. Платонов умер в 1933 г. в ссылке в Самаре. Сосланный в Алма-Ату Тарле начал там работать над биографией Наполеона. Впоследствии Тарле был восстановлен в звании академика, стал известнейшим советским историком, трижды лауреатом Сталинской премии. По «Академическому делу» проходил и Н.П. Лихачев, о котором речь шла выше. В 1931–1933 гг. он отбывал ссылку в Астрахани. Его уникальная личная коллекция рукописей была конфискована и передана в различные музеи и библиотеки. Именно благодаря этому печальному событию и личной драме ученого ГМИИ им. А.С. Пушкина и имеет в своих фондах 1600 древних глиняных табличек, с которыми сегодня могут работать ученые-востоковеды. Лихачев умер в 1936 г. в Ленинграде.

Огромное влияние на судьбу исторической науки в СССР и жизнь ученых оказал культ личности Сталина, который достиг апогея в 1949 г., в год празднования 70-летия Сталина, только что присвоившего самому себе звание генералиссимуса. В.П. Смирнов блистательно описал проявления «культа личности» в своей книге. Читаем: «Сталина воспевали в стихах и прозе, во всех видах литературы и искусства. “Вождь и учитель”, “величайший гений, который ведет нашу страну от победы к победе”, и в то же время почти “родной отец” для всех советских людей, неустанно

заботящийся об их счастье и благополучии» (с. 88). В день юбилея 21 декабря 1949 г. все члены Политбюро и министры выступили в центральной советской печати – газете «Правда» и журнале «Большевик» – «со статьями, заголовки которых отражали их представления о роли Сталина. В «Правде» первой шла статья Маленкова: «Товарищ Сталин – вождь прогрессивного человечества», за ней статьи (каждая на всю газетную полосу) Молотова («Сталин и сталинское руководство»), Берии («Великий вдохновитель и организатор побед коммунизма»), Ворошилова («Гениальный полководец Великой Отечественной войны»), Микояна («Великий зодчий коммунизма»), Кагановича («Сталин ведет нас к победе коммунизма»)… Заголовок статьи Хрущева был довольно нейтральным («Сталинская дружба народов – залог непобедимости нашей родины»), но зато заключительный пассаж гласил: «Слава родному отцу, мудрому учителю, гениальному вождю партии, советского народа и трудящихся всего мира – товарищу Сталину» (с. 89).

Поэты, допущенные на празднование юбилея в Большом театре, изъяснялись стихами. Так «Якуб Колас, обращаясь к «вождю народов», воскликнул: «Учитель наш мудрый / Для счастья людского ты солнцем взошел над землей». А трижды лауреат Сталинской премии Александр Твардовский «от имени советских писателей благодарил Сталина в следующих словах: «Великий вождь, любимый наш отец… Спасибо Вам, что Вы нас привели из тьмы глухой туда, где свет и счастье» (с. 90).

Добавлю только, что такие реалии советской жизни не обошли и историков. Каждая публикуемая ими книга, чему бы она не посвящалась, обязательно имела преамбулу, в которой воздавалась хвала «вождю всех времен и народов». Так, например, в предисловии к «Войне с готами» Прокопия Кесарийского, изданной в 1950 г. отмечалось: «Товарищ Сталин дал гениальное определение социальной сущности переворота, отделяющего античный мир от средневекового, как революции рабов: “Революция рабов ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплоатации трудящихся”. Это замечательное указание товарища Сталина знаменует собой новый этап в разработке марксистской наукой проблемы перехода от древнего мира к средним векам»[8].

В заключение мне остается лишь сказать, что книга В.П. Смирнова содержит множество сведений об истории и историках. И каждый, будь то уже состоявшийся историк, или лишь начинающий свой путь в науку, прославляемую музой Клио, студент сможет развивать идеи автора и поставленные им вопросы.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Арзаканян М.Ц. Советские историки. Поколения и традиции. Размышления по поводу книги Л.А. Сидоровой «Советские историки: духовный и научный облик» // Диалог со временем. 2019. Вып. 68. С. 356-363. [Arzakanyan M.C. Sovetskie istoriki. Pokoleniya i tradicii. Razmyshleniya po povodu knigi L.A.Sidorovoj «Sovetskie istoriki: duhovnyj i nauchnyj oblik» // Dialog so vremenem. 2019. Vyp. 68. S. 356-363].

[8] Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950: 3.

Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1986 [Blok M. Apologiya istorii ili remeslo istorika. M., 1986].
Историческая наука на рубеже XX – XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: «Кругъ», 2011. 560 с. [Istoricheskaya nauka na rubezhe XX – XXI vv.: social'nye teorii i istoriograficheskaya praktika. M.: «Krug"», 2011. 560 s.]
Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания. М., 2008. [Repina L.P., Zvereva V.V., Paramonova M.YU. Istoriya istoricheskogo znaniya. M., 2008.].
Сидорова Л.А. Советская историческая наука середины XX века: синтез трех поколений историков. М.: 2008. [Sidorova L.A. Sovetskaya istoricheskaya nauka serediny XX veka: sintez trekh pokolenij istorikov. M.: 2008.].
Сидорова Л.А. Советские историки: духовный и научный облик. М.: СПб., 2017. [Sidorova L.A. Sovetskie istoriki: duhovnyj i nauchnyj oblik. M.: Spb. 2017].
Словарь античности. М.: 1989. [Slovar' antichnosti. M.: 1989.].
Смирнов В.П. От Сталина до Ельцина. Автопортрет на фоне эпохи. М.: Новый хронограф, 2011. 501 с. [Smirnov V.P. Ot Stalina do El'cina. Avtoportret na fone epohi. M., 2011.].
Смирнов В.П. Что такое история и зачем она нужна? (размышления историка). М.: 2019. [Smirnov V.P. CHto takoe istoriya i zachem ona nuzhna? (razmyshleniya istorika). M.: 2019].
Смирнов В.П. Франция во время Второй мировой войны. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961. 109 с. [Smirnov V.P. Franciya vo vremya Vtoroj mirovoj vojny. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1961. 109 s.]
Смирнов В.П. «Странная война» и поражение Франции. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1963. 396 с. [Smirnov V.P. «Strannaya vojna» i porazhenie Francii. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1963. 396 s.]
Смирнов В.П. Движение Сопротивления во Франции, М.: Мысль, 1974. 327 с. [Smirnov V.P. Dvizhenie Soprotivleniya vo Francii, M.: Mysl', 1974. 327 s.]
Смирнов В.П. Новейшая история Франции. 1918–1975. М.: Высшая школа, 1979. 376 с. [Smirnov V.P. Novejshaya istoriya Francii. 1918–1975. M.: Vysshaya shkola, 1979. 376 s.]
Смирнов В.П. Франция: страна, люди, традиции. М.: Мысль, 1988. 287 с. [Smirnov V.P. Franciya: strana, lyudi, tradicii. M.: Mysl', 1988. 287 s.]
Смирнов В.П., Посконин В.С. Традиции Великой французской революции в идейно-политической жизни Франции. 1789–1989. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991. 219 с. [Smirnov V.P., Poskonin V.S. Tradicii Velikoj francuzskoj revolyucii v idejno-politicheskoj zhizni Francii. 1789–1989. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1991. 219 s.]
Смирнов В.П. Франция в XX веке. М.: Дрофа, 2001. 370 с. [Smirnov V.P. Franciya v XX veke. M.: Drofa, 2001. 370 s.]
Смирнов В.П. Образы Франции. История, люди, традиции. М.: Ломоносовъ, 2017. 248 с. [Smirnov V.P. Obrazy Francii. Istoriya, lyudi, tradicii. M.: Lomonosov", 2017. 248 s.]
Смирнов В.П. Краткая история Второй мировой войны. М.: Весь мир, 2005. 352 с. [Smirnov V.P. Kratkaya istoriya Vtoroj mirovoj vojny. M.: Ves' mir, 2005. 352 s.]
Смирнов В.П. Две войны – одна победа. М.: Аст-Пресс. 2015. 416 с.[Smirnov V.P. Dve vojny – odna pobeda. M.: Ast-Press. 2015. 416 s.]

Арзаканян Марина Цолаковна, *доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН: arzakanian@mail.ru*

History makers

The article discusses the interpretation of the main problems and questions of historical discipline by V.P. Smirnov. The author of the article dwells on the structure of work and its points. Particular attention is paid to the role of personality in history.

Keywords: *history, historians, historical memory, "academic case", personality cult*

Marina Arzakanyan, *Dr. Sc. (History), Professor, Chief researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; arzakanian@mail.ru*

В.В. Шишкин

ПОРТУЛАНЫ КАК СРЕДСТВО ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ. ЗАМЕТКИ О КНИГЕ Д.Н. КОПЕЛЕВА «БИТВА ПОРТУЛАНОВ»[1]

Представляемая рецензия посвящена книге Д.Н. Копелева «Битва портуланов. Забытые и малоизвестные страницы военно-морской истории XVI–XIX столетий» и анализирует ее основные положения, связанные с историей зарубежного и отечественного военно-морского соперничества. Подчеркивается, что на основании изучения значительного архивного материала и печатных источников, на конкретных примерах автору удалось продемонстрировать основные этапы европейского и мирового военно-морского противостояния, а также показать важную роль российского флота в освоении морского пространства в XVIII–XIX вв.

Ключевые слова: *портуланы, военно-морская история, пиратство, Петр I, российский флот*

Новая книга известного специалиста в области военно-морской истории и международных отношений XVI–XIX вв. Дмитрия Николаевича Копелева, по его собственному признанию, объединяет ряд написанных ранее очерков, посвященных важным страницам истории развития мореплавания и последовавшего затем военно-морского соперничества европейских держав. Вместе с тем, эти очерки, переработанные в отдельное издание, действительно составили цельный текст, который порождает много размышлений.

Автор определяет портулан (портолан), давший название всей книге, как рукотворную средневековую навигационную карту, поясняя затем (сн. 11), что речь идет о XIII–XVII вв. – собственно, времени существования портуланов, когда их сменили более совершенные, по большей части печатные карты и атласы. Как известно, богато украшенные красочными миниатюрами и геральдическими символами, портуланы были многофункциональны, но до недавнего времени скорее привлекали внимание историков искусства и геральдистов, как, например, венецианский портулан 1546 г. Баттисты Аньезе из Российской национальной библиотеки[2]. Д.Н. Копелев предлагает читателю взглянуть на портуланы с точки зрения средства геополитической борьбы зарождающихся морских империй, придавая значение времени и условиям появления навигационных карт, равно как и запечатленному в них геральдическому противоборству в виде соперничающих символов и элементов. Среди 272 (!) иллюстраций книги впервые можно увидеть вместе изображения всех знаменитых портуланов, планисфер, карт и атласов, в т.ч.

[1] Копелев 2019.
[2] Battista Agnese Portolan Atlas 1993.

планисферу Кантино 1502 года, с «Тордесильясской линией», делящей мир на испанский и португальский; карту мира Верраццано 1529 г. с североамериканским побережьем, французскую карту мира Брускона 1543 г. с не освоенным пока северным путем в Московию. Автор показывает, что многие картографы напрямую выполняли поручения монархов, стараясь побыстрее отразить на картах вновь открытые земли и геральдически «застолбить» символику династии и государства, в интересах которых они трудились. Портуланы копировались, выкрадывались, существовали в виде карт с ложной информацией, несуществующими землями и водными массивами, что напрямую отражало коллизии общеевропейских конфликтов, которые, начиная с XVI в., постепенно распространяются на остальное мировое пространство. Автор верно отмечает европоцентричность мировой политики того времени, связывая ключевые европейские военно-политические события с борьбой за мировое пространство, где портуланы сыграли важную роль в организации первых морских кругосветных плаваний. Эти плавания вполне соотносимы с этапами раздела морского пространства, которых (для XVI–XVIII вв.) он насчитывает три: 1520–1570-е гг., время испано-португальского господства; 1570–1740-е гг. – расцвет англо-голландской навигации и колониальный передел; наконец, третий, связанный напрямую с появлением России в качестве мировой морской державы в XVIII в.

Раздел мира, конечно, был связан с усовершенствованием морской артиллерии и военно-морского дела, и стоит согласиться с Копелевым, что этот процесс на море шел более медленными темпами, чем на суше. Вообще применение пушек началось уже в первой половине XIV в., и автор не исключает, что они могли уже использоваться во время Столетней войны в битве при Слейсе 1340 г. Правда, пояснение к приведенной миниатюре из «Хроник» Жана Фруассара, изображающей это сражение (с. 111), немного неточно: на деле автором иллюстрации был известный фламандский миниатюрист XV в. Луазе Льеде[3]. Можно также уточнить, что упомянутый далее флотоводец Эскален дез Эймар (с. 122) являлся командующим галерным флотом Франции с 1544 г., и более известен как барон де Ла Гард (ценная часть его переписки с французским двором хранится в РНБ).

Д.Н. Копелев справедливо обращает внимание, что французы, занявшиеся колониальным продвижением позже испанцев и португальцев, и в итоге так и не добившиеся успеха в XVI в. из-за Религиозных войн и внешних поражений, тем не менее смогли продвинуться в законодательном оформлении военно-морской сферы. Говоря об эдикте Генриха III 1584 г. (с. 123), наверное, стоило бы отметить, что его без купюр переиздал Людовик XIV. Эдикт касался юрисдикции Адмирала

[3] Les Chroniques de Jehan Froissart…

Франции в отношении регулирования тоннажа кораблей, связанного со способностью нести определенное количество пушек, и соответствующей численности экипажа. Т.е. речь идет не о «мартовском ордонансе», а об эдикте, в свою очередь, представляющем собой серию регламентов-ордонансов, регламентирующих военно-морскую сферу[4].

Автор исследует борьбу европейских держав за влияние в Карибском бассейне в XVII – начале XVIII в., погружая читателей в необъятную тему пиратства Антильских морей. На многочисленных примерах подчеркивается, что расцвет и сам феномен карибского пиратства был напрямую связан с большой заинтересованностью метрополии и островных властей в поддержке буканьеров, флибустьеров, каперов и корсаров (всем им даются исчерпывающие определения): борьба средневековых и ренессансных портуланов как вид международного соперничества переходит в новую ипостась Нового времени – пиратские акции при прямом и опосредованном содействии властей соперничающих государств, с целью передела (или утверждения) в колониальном мире. Французская Тортуга, английский Порт-Ройял, голландский Кюрасао, испанская Картахена зачастую являлись стоянками для пиратских кораблей, а то и флотов. Во главе пиратских рейдов зачастую становились аристократы: французский маркиз де Ментенон в середине XVII века – яркий тому пример. Все континентальные войны, как подчеркивает автор, напрямую отражались на активности четырех ключевых государств-игроков Карибского региона, включая организацию пиратских рейдов. Лишь с установлением европейского равновесия после Утрехтского мира 1714 г. и окончанием войны за Испанское наследство, когда прежняя надобность в использовании пиратов отпала, европейские державы принялись за их целенаправленное истребление.

Д.Н. Копелев показывает, как в начале XVIII в. усиливается законодательное сопровождение борьбы с пиратами в Вест-Индии, с одновременной политикой репрессий, амнистий и переселений. Подчеркивается, что процесс заката пиратского века был непосредственно связан с особенностями быта, пищевого рациона моряков, необходимостью иметь регулярные базы для стоянки, планомерно уничтожавшиеся властями ради безопасности мореплавания и торговли. Однако если успехи в Карибском бассейне дали свои результаты уже в первой половине века Просвещения, то в Старом свете пираты продолжали разбойничать в Средиземном море. Число белых европейских невольников, попавших в африканский плен в 1530–1780 гг., превышало два миллиона.

Во второй части книги Копелев открывает новую, действительно малоизвестную страницу истории завоевания Россией своего места под морским солнцем. Так, русский посол в Константинополе П.А. Толстой

---

[4] Declaration du Roy portant Règlement sur le fait de la navigation...

также столкнулся с берберскими корсарами в 1698 г., путешествуя из Италии на Корфу, едва избежав плена. Автор подробно исследует военно-морские планы Петра I, которые составлялись и реализовывались сразу в нескольких направлениях. Южное направление было связано с попыткой не только связать Черное и Средиземное моря, но также разбить Турцию, вернув Константинополь православным (правда, на с. 344 досадно мелькнул «Стамбул»), организовать регулярное галерное патрулирование Средиземного моря русскими кораблями, ликвидировать торговлю белыми рабами – эту цель отчасти смогла реализовать только Екатерина II. Тем не менее, Д.Н. Копелев подробно рассматривает, как загодя и тщательно готовились эти планы, связанные с обучением в Венеции и в ее балканских владениях русских дворян, отправленных в рамках Великого посольства 1697/98 гг. изучать морское дело. Автор опирается во многом на вновь открытые и недавно изданные с его участием источники, в т.ч. учебный альбом «Дневник петровского навигатора», с изображением в цвете 36 гребных и парусных судов Средиземного моря, а также пытается восстановить особенности процесса обучения и имена отправленных в Италию стольников. Он обращает внимание, что несмотря на значительный отсев, ряд выпускников сделали потом блестящие карьеры на государственной службе.

«Русская» часть книги демонстрирует, что Россия уже с XVII в. была плотно встроена в международные отношения в силу своего уникального географического положения и масштаба территорий и волей-неволей принимала участие в военно-политических европейских играх. Подчеркивается, что после прорыва России к Балтике и блестящих побед на море творцы официальных и аллегорических образов императорской власти изображали Петра I уже как российского «Нептунуса», претендуя на великую морскую миссию России в разных направлениях. Помимо балтийского направления морской политики Д.Н. Копелев анализирует основания и цели Петра I при организации экспедиции на Мадагаскар в 1723/24 гг., мотивы оказания помощи якобитам для возвращения в Шотландию, наконец, вопрос о покровительстве экзотической курляндской колонии на Карибах (о. Тобаго). Имперский масштаб этих планов говорит о серьезности претензий России на участие в мировых морских делах, что не могли не замечать иные страны и монархи.

Автор замечает, что в XVIII в. уже все морское пространство становится местом торговых войн и обострения военно-политической конкуренции. Не избежал этого и Тихий океан – еще одно важное направление петровских морских замыслов. Камчатские экспедиции и открытия Беринга были инициированы Петром I, но получили настоящее продолжение только в следующем столетии. По мнению автора, в XIX в. снова возобновилась битва портуланов, только уже в виде навигационных, географических карт и атласов, которые исследователи Аляски,

Камчатки, первооткрыватели Антарктики стали создавать по мере своего продвижения к неизведанным местам.

Успехам российского флота, по заключению автора, во многом способствовал феномен семейно-кланового покровительства в российском флоте, сложившийся благодаря остзейским «сетям доверия», когда морские офицеры прибалтийского происхождения образовали достаточно монолитную группу. Основоположником этой политики стал адмирал И.Ф. Крузенштерн, директор Морского кадетского корпуса, продвигавший своих соотечественников, которые в итоге образовали не менее четырех десятков морских офицерских династий, прославивших Россию в XIX – XX вв.: Мюллеры, Литке, Врангели, Гейдены, Коцебу.

Остается добавить, что книга написана на основе впечатляющего количества рукописных источников из восьми архивохранилищ России, Франции и Эстонии, с привлечением нескольких сот наименований профильной литературы, включая новейшие зарубежные издания, и представляет собой весомый вклад в отечественные исследования по истории российского и иностранного флота.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Копелев Д.Н. Битва портуланов. Забытые и малоизвестные страницы военно-морской истории XVI–XIX столетий. СПб.: Крига, 2019. 624 с. [Kopelev D.N. Bitva portulanov. Zabytye i maloizvestnye stranitsi voenno-morskoy istorii XVI–XIX stoletiy. SPb.: Kriga, 2019. 624 p.]

Battista Agnese Portolan Atlas: Der Portolan-Atlas des Battista Agnese facsimile edition / Ed. Tamara P. Woronova and Arthur Dürst. Graz-Zürich: Akademische Druck- u. Verlagsanstalt (ADEVA), 1993. 48 p.

Les Chroniques de Jehan Froissart // Bibliothèque nationale de France. Département des manuscrits. Ms. Fr. 2643. F. 167.

Declaration du Roy portant Règlement sur le fait de la navigation, armement de vaisseau et des prises qui se font en mer / Édit du Roy concernant les ordonnances et les règlements de la jurisdiction de l'Amirauté, 1584 // Bibliothèque nationale de France. Département des manuscrits. Ms. Fr. 18592. Fol. 32-37.

Шишкин Владимир Владимирович, *кандидат исторических наук, доцент, кафедра государственного и муниципального управления, Северо-Западный институт управления, РАНХиГС при Президенте Российской Федерации; vladimirgenghis@mail.ru*

Portulans as an instrument of military and political struggle (notes on Dmitriy N. Kopelev's book "Battle of Portulans")

This review is devoted to the book of Dmitriy N. Kopelev, "Battle of Portulans. Forgotten and little-known pages of Naval history of the XVI–XIX cc." and analyzes its main provisions related to the history of foreign and domestic naval rivalry. It is emphasized that the author demonstrates the main stages of the European and World naval military confrontation, as well as shows the important role of the Russian Navy in the discovery of Maritime space in the XVIII–XIX cc. The book is based on the study of significant archival manuscrips and printed sources, with the involvement of unknown or little-studied materials.

Keywords: *portulans, Naval history, piracy, Peter I, Russian Navy*

Vladimir Shishkin, *Ph.D. (History), Assistant Professor, North-West Institut of management, Russian Academy of national economy and public administration under the President of the Russian Federation; vladimirgenghis@mail.ru*

В.П. Буданова, Л.Л. Селиванова

ЛОВУШКИ, ЗАСАДЫ И ПРОПАСТИ ЛАТЕНТНОГО ВАРВАРСТВА
интерпретация и перспективы исторического исследования теневой зоны цивилизации

Статья посвящена анализу докладов, представленных на Круглом столе «Цивилизация и варварство: ловушки, засады и пропасти латентного варварства», который состоялся 7 октября 2019 г. на базе Лаборатории по исследованию цивилизации и варварства Института всеобщей истории РАН. Системная междисциплинарная нацеленность Круглого стола позволила выделить характерные особенности скрытых и скрываемых злонамеренных действий в пограничных теневых зонах взаимодействия цивилизации и варварства.

Ключевые слова: *цивилизация, латентное варварство, «новое варварство», греки, римляне, идентичность, ментальность, цивилизационный кризис.*

В настоящее время принципиально важным измерением деструктивных внутрицивилизационных процессов становится варварство с его логикой регрессивного движения к архаичным и примитивным формам существования. Теряя свою стадиальную прописку, варварство обрело одежды универсального определения злонамеренных действий. Как исторически транзитивный феномен оно свойственно каждой цивилизации. На современном этапе в условиях трансформирующейся глобализации мира парадокс его присутствия приобретает особый интерес и начинает подробно изучаться[1]. В связи с этим сугубо современной проблемой становится историческое истолкование природы и паттернов агрессивного варварского начала как модели деструктивного поведения человека в истории. Соответственно, особо актуален анализ трансформации варварства в латентную теневую зону цивилизации, в ее зазеркалье.

Исследование латентного варварства – одно из ключевых направлений проектного кейса Лаборатории по исследованию цивилизации и варварства ИВИ РАН. Материалы Круглого стола «Цивилизация и варварство: ловушки, засады и пропасти латентного варварства» отражают поведенческий инструментарий варварства, формируя эмпирическую основу его теоретического осмысления. В работе Круглого стола приняли участие более 30 исследователей из академических институтов и вузов: историки, археологи, этнологи, культурологи, географы, лингвисты, искусствоведы, работники библиотек и школ из семи городов России и СНГ. Во вступительном слове к участникам Круглого стола пред-

[1] См., напр.: Boletsi 2013; Малашенко, Нисневич, Рябов 2018; Буданова 2019; Следзевский 2019; Шваб 2019.

седатель оргкомитета, руководитель Лаборатории по исследованию цивилизации и варварства, д.и.н., проф., г.н.с. ИВИ РАН В.П. Буданова обратила внимание на актуальность исследования латентного формата агрессии и насилия в истории, отметила стремительно развивающуюся тенденцию движения к скрытым и скрываемым способам злонамеренных действий. В настоящее время пространство дискуссий определяют два главных вопроса. Первый – почему варварское острие истории в реальной исторической практике становится скрытым и скрываемым? Второй – можно ли считать ненормативную форму коммуникации – провокации, интриги, слухи, клевету, глумление, манипуляцию – ответом латентного варварства на кризис цивилизации?

Для удобства обсуждения ключевых вопросов было устроено три заседания. На первом, утреннем заседании были сделаны восемь докладов, раскрывающих проблемы механизма латентности злонамеренных действий с позиций «спящих смыслов» взаимодействия цивилизации и варварства. В докладе В.П. Будановой (ИВИ РАН) «Подстрекательство и стрессоры латентного варварства в мировой истории» отмечалось, что варварство является уникальным феноменом мировой истории, который в XX в. в значительной мере был переосмыслен, что привело к выделению стадиального и современного контента явления, обозначенного как «латентное варварство». В докладе подчеркивалось, что латентное варварство – порождение самой цивилизации и латентность подразумевает целый комплекс механизмов сокрытия, среди которых выделяются подстрекательство и провокация. Исследование исторических форм и механизмов латентности злонамеренных действий может дать ключ к противодействию и преодолению варварства. Доклад В.И. Уколовой (МГИМО(у) МИД РФ) был посвящен теме «Взаимодействие варварства и цивилизации в концепции А.Дж. Тойнби». В.И. Уколова обратила внимание на то, что А. Тойнби рассматривал проблему варварства в двух аспектах – конкретно-историческом (как явление «героических веков») и как форму деградации социального партнерства в цивилизованных обществах. В первом случае варвары прорывают границу универсального государства, как это произошло с Римской империей, и ускоряют распад цивилизации. Во втором – варваризация приводит к изоляции «творческого меньшинства», что вызывает нарастание деструкции в социальных взаимодействиях на всех уровнях функционирования общества. И.Е. Суриков (ИВИ РАН) в докладе «Аккумуляция латентного варварства в Афинах V в. до н.э., или Путь в бездну» проанализировал последствия усиления Афин в результате успехов в Греко-персидских войнах. По мнению докладчика, предостережение Геродота о том, что Афины, победив восточную варварскую империю, сами превратятся в некое ее подобие, что чревато опасностями и даже крахом, оказалось пророческим. На протяжении V в. до н.э. в Афинском морском союзе происходила постепенная аккумуляция латентного варварства. В период

Пелопоннесской войны латентная варваризация социума уже проявилась, став одной из причин, обусловивших поражение Афин и крушение реализовывавшегося в них «великого проекта». Доклад В.А. Квашнина (ВГПУ) «Ганнибал-освободитель: “Новый Геракл” против Гидры и Какия» был посвящен идеологическим аспектам противостояния Рима и Карфагена в эпоху Пунических войн. Особое внимание докладчик обратил на период Второй Пунической войны, когда карфагенская пропаганда активно использовала образ Ганнибала как «нового Геракла», который пришел на землю Италии с целью освободить ее народы от варварской и деспотичной власти Рима. Подобные идеологемы предполагали определенный уровень освоения основных понятий универсального «культурного койне» и были ориентированы как на грекоязычное, так и подвергшееся эллинизации население Апеннинского полуострова. «“Поведенческий репертуар” латентного варварства (провокации, интриги, глумление и проч.) в эллинистическом Египте» рассмотрела С.В. Архипова (ГПИБ). Благодаря географическому положению Египет на протяжении всей династической истории ощущал присутствие чужеземцев. По мере освоения ими египетских территорий, в стране усиливались тенденции к отторжению греческого влияния, к формированию концепции ортопраксии, отгороженности собственного культурного контекста от «невежественных» чужаков. Закономерным результатом ортопраксии стал дуализм египетской ментальности, открыто проявлявшийся на поведенческом уровне. Истоки культурного размежевания обнаруживаются уже во время пребывания Александра в Египте, когда греки становятся постоянным объектом глумления, провокаций и козней. В.О. Никишин (МГУ им. М.В. Ломоносова), проанализировав в докладе «Римляне и провинциалы: проблема ответственности за тех, кого покорили» вопросы управления провинциями и коррупции в поздней Республике, пришел к выводу, что управление было не столько государственным, сколько частным делом представителей римской правящей элиты, наделенных неограниченными властными полномочиями, что порождало, с одной стороны, полное бесправие провинциалов, с другой – разнообразные злоупотребления, произвол и беззакония со стороны римских должностных лиц и публиканов. «Коварство и интриги в римской армии» были рассмотрены И.Е. Ермоловой (РГГУ). Античные писатели считали коварство и вероломство непременными качествами варваров. Но подобные приемы столетиями применялись и в цивилизованном римском обществе. И.О. Князький (МЭИ) в докладе «Латентное варварство ценой в три легиона» отметил, что романизация варваров активно проходила в Римской державе с раннеимперского времени, коснувшись вождей племен, угодивших в римское подданство. Варварские вожди охотно романизировались, чтобы вписаться в римскую элиту. Для некоторых служение Риму было исключительно способом изучения сильных и слабых сторон врага (пример такого латентного варварства – вождь

племени херусков Арминий). Скрываемое варварство было продиктовано невозможностью открытого сопротивления более сильному противнику. «Предательство, интриги и провокации в контексте римско-варварских отношений IV–V вв. н.э.» рассмотрел в своем докладе М.А. Ведешкин (ИВИ РАН). На примере свидетельств о спецоперациях, проведенных римлянами против маркоманнских риксов, предводителей готских дружин, гуннских вождей и армянского царя Папа, докладчик показал, что убийства и похищения варварских лидеров были обычной практикой; уничтожая потенциально опасных противников империи, власти Рима стремились сохранить политическую атомизацию Барбарикума с целью ликвидации угрозы границам. А.А. Сазонова (независимый исследователь) в докладе «Латентная форма заложничества в германских королевствах раннего средневековья» пришла к выводу, что брачные союзы, заключаемые в попытках с их помощью выйти на временное перемирие, в условиях территориального конфликта, этнической вражды и кровной мести в традиционных культурах, являлись латентной формой заложничества. Одна из показательных особенностей этой формы – негативный сценарий развития ситуации (от членовредительства до отравлений и убийств). Хотя данный комплекс брачных отношений был свойственен всем германцам, каждый из анализируемых случаев уникален по своему символическому языку поведения.

На втором, дневном заседании были заслушаны восемь докладов, раскрывающих проблемы латентности варварства с позиций истории, археологии и этнологии. В совместном докладе М.А. Арзаканян (ИВИ РАН), А.А. Герцена (ИГ РАН) и Е.Г. Паскаря (МИГО) «Ловушка на пути изучения раннего этногенеза молдаван (по следам работ советских историков)» подчеркивалось, что сложный и противоречивый процесс этногенеза восточных романцев (румын и молдаван) до сих пор продолжает вызывать много споров и дискуссий. Докладчики показали научный вклад советских исследователей: историков, этнографов, археологов, лингвистов, работавших в Кишиневе и в Москве. Доклад С.В. Ярцева, В.Г. Зубарева (ТГПУ им. Л.Н.Толстого; БГНИУ) и Е.К. Гаврилиной (г. Москва, школа № 1357 «На Братиславской») «К вопросу о латентном варварстве боспорских готов» посвящен истории готов, переселившихся на земли Боспора после гуннского нашествия 376 г. Здесь готы оказались в зоне уникального культурного антично-варварского синтеза, где отсутствовало острое противостояние и были условия для интеграции в античное общество, но при этом готы стремились сохранить свою этническую и культурную идентичность Возможно, поэтому варварство данной группы стало принимать особые латентные формы. Докладчики не исключают, что появление нового термина готов-тетракситов/трапезитов стало отражением этого сложного процесса. Когда и почему варварство становится скрытным и скрываемым, с чего начинается его латентность? Эти вопросы поставил М.Г. Гусаков (АИСТ) в докладе

«За воротами Рима: Римская Германия на Рейне, готы на Днепре». По его мнению, археологический материал не дает прямого ответа на поставленные вопросы, но можно предположить, что осознание варварами собственного несовершенства, в сравнение с теми копируемыми образцами цивилизованной жизни, к которым они стремились, порождало конфликт и ressentiment (зависть, злобу, обиду и ненависть) и приводило к простому решению – с помощью силы грабить и уничтожать цивилизацию. Именно этим, по мнению докладчика, объясняется разрушительная сила латентного варварства. Продолжением археологического аспекта дискуссии стал доклад Е.В. Вдовченкова (ЮФУ) «Тамги на Боспоре: варварские символы в политической и социальной символике античного государства». Тамгообразные знаки на пряжках докладчик относит к знакам царской семьи, которые символизировали легиматизацию власти боспорского царя, указывая на его связи с кочевой сарматской верхушкой. Понятные в сарматском кочевом мире, тамги были очень важны при коммуникации с иранским населением, но неочевидны для греческого населения Боспора, поскольку выполняли функцию специального «языка» латентного варварства. Л.Л. Селиванова (ИВИ РАН) в докладе «“И мальчики кровавые в глазах... И рад бежать, да некуда... ужасно!” (сцена детоубийства и людоедства в романе Лоллиана “Финикийская история”)» проанализировала особый «язык», «поведенческий репертуар» и ловушки латентного варварства в художественной литературе Рима эпохи Империи. Докладчица обратилась к описанию инфантицида, антропофагии и других ужасов на глазах главного героя Андротима (папирус втор. пол. II в. н.э.). Убийство ребенка и каннибализм – тот репер, который отделяет и отвращает цивилизацию от варварства. Он же маркирует сознательный разрыв с обществом и государством. В романе, содержащем весь набор сюжетов и образов для передачи чуж(д)ой культуры, показан «варварский Восток», и автор внес свою лепту в пропаганду «цивилизованной» нетерпимости. Вместе с тем, опасно играя на низменных чувствах человека, такие романисты в погоне за популярностью, огрубляли вкусы массового читателя, нивелируя его личность. Творцы таких «бестселлеров», сознательно или нет готовили ловушки, будучи, по сути, проводниками и катализаторами того типа латентного варварства, которое станет одним из главных факторов разрушения государства изнутри. О.В. Потокина (ИТИИ РАХ) в докладе «Орел “классический” или орел “варварский”: ловушки интерпретации (на материале прикладного искусства эпохи Великого переселения народов)» рассмотрела неявные аспекты «варварского», «готского» и «античного» начал на материале ключевой и достаточно монолитной группы фибул в виде орла, найденных в Доманьяно, Риме, Милане, окрестностях Мостара, было выявлено несколько скрытых ловушек в утвердившихся принципах трактовки этого сложного и неоднозначного образа, принадлежащего и «варварству», и «цивилизации». А.А. Клейменов (ТГПУ им. Л.Н. Толстого)

в докладе «Открытое проявление скрытого варварства: массовые карательные акции Александра Македонского периода покорения “дальних” сатрапий» подчеркнул, что масштабные и кровавые карательные акции были характерным элементом стратегии в военных кампаниях Александра 330–323 гг. до н.э. Для победы над племенными сообществами и раннегосударственными образованиями требовалось снижение военно-демографического потенциала территории. Частью «варварского» способа ведения войны были рейды для опустошения местности и нанесения противнику максимальных потерь, массовое порабощение или депортация населения, что широко практиковалось в балканских походах. И.В. Хорькова (МГЛУ) построила свой доклад «Арнобий против варварства язычников: возвратный удар» на анализе сочинения христианского апологета, африканского ритора конца III – начала IV в. н.э. Арнобия «Против язычников», показав, как нарративная традиция отражала «поведенческий репертуар» латентного варварства. Известно негативное отношение языческого населения Римской империи к распространению христианства. Зачастую последователи новой религии объявлялись суеверными и безграмотными варварами, скудоумными неучами, не знакомыми с достижениями античной философии и риторическими приемами. Арнобий бьет противника его же оружием, обличая в варварстве религиозные представления язычников – прием, который в неориторике носит название «возвратный удар» или «принцип бумеранга».

На третьем, вечернем заседании Круглого стола были заслушаны семь докладов, которые вызвали, пожалуй, самую оживленную дискуссию. В докладе Ю.Е. Арнаутовой (ИВИ РАН) «Варваризация» понимания своей должности у франкских епископов в VI–VIII вв.». рассмотрены изменения в ментальности служителей Церкви с приходом франков в позднеантичную Галлию. Если античное понимание службы было рационалистическим, то франкской картине мира свойственно представление о ней только как о личной службе, например, королю. На материале фискальной практики и военных экспедиций франкских епископов докладчица показала: связанные с должностью обязанности, полномочия, доходы становятся ее сутью и конвертируются в личную власть епископа, его potestas. М.К. Любарт (ИЭА РАН) в докладе «Христианское наследие Франции и реалии постсекулярного общества» отметила, что Франция сегодня относится к числу стран, где процессы дехристианизации зашли особенно далеко. Количество инцидентов, связанных с христианскими храмами и зарегистрированных полицией, составляет в последнее десятилетие около тысячи (!) в год, но это не вызывает сколько-нибудь сильной реакции в обществе. Докладчица считает, что причины такого положения вещей, коренящегося, по-видимому, в идеологических установках неолиберализма, включая особенности преподавания истории, политики лаицизма, нарушения передачи прежних культурных ценностей, требуют серьезного изучения. В докладе «Проблема осмыс-

ления варварства в современной реальности» И.Г. Яковенко (РГГУ) на российском материале исследует природу и перспективы развития латентного варварства в контексте кризиса современного гуманистического сознания. Докладчик рассматривает латентного варвара как паллиативный социокультурный тип, возникающий в ходе сложных и болезненных процессов вписания архаики в культуру зрелой цивилизации. Процесс этот разворачивается в ходе межгенерационной преемственности., причем каждое последующее поколение еще больше вписывается в город и культуру большого общества. Н.Г. Коваленко (ГАУГН) в докладе «“Уроки Октября” Л.Д. Троцкого и “Как не нужно писать историю Октября” Н.И. Бухарина: дискредитация политического противника или политические взгляды?», на основе анализа работ Троцкого и Бухарина, в которых в негативном свете показаны деятели партии (Л.Б. Каменев и Г.Е. Зиновьев у Троцкого и сам Троцкий у Бухарина), показал, что работы «Уроки Октября» и «Как не нужно писать историю Октября» создавались не только с целью дискредитации идейного противника, но отражали столкновение двух концепций в области партийно-политического строительства. К.А. Елохин (ИВИ РАН) посвятил свой доклад «К вопросу о специальном языке латентного варварства» актуальной теме – эмблематике современных русских праворадикальных организаций, которых рассматривает как латентных варваров. Докладчик проанализировал основные тенденции в этой сфере. Часть идеологов создавала эмблемы своих организаций с нуля, в виде модных политических и коммерческих логотипов. Другие обратились к псевдорунической неонацистской эмблематике. Третьи – к псевдославянской, используя в качестве эмблем изображения фрагментированных оберегов (неоязычество вообще популярно в этой среде). Некоторые националистические организации доходят до абсурда, сочетая советскую и национал-социалистическую символику. Докладчик предлагает методы противодействия националистической пропаганде, пресечение проявлений крайнего радикализма является необходимым условием благополучного существования общества и государства. Д.М. Камари (независимый исследователь) рассмотрел «Поведенческий репертуар варваров в рассказах об основании Лампсаки и Массалии». Задавшись вопросом, насколько описываемые в разное время античными авторами ранние связи между греками и варварами соответствовали реальным историческим отношениям, докладчик приходит к выводу, что рассказы Аристотеля и Трога об основании Массалии были взяты у Исократа, сочинившего этот текст в IV в. до н.э. Теме контактов римлян с варварами посвятила свой доклад «Зоны контактов римского кадастра и варварского мира (использование архаических форм судопроизводства по оформлению “права по соседству”, “права сервитутов”, и владений в пограничных областях» И.А. Гвоздева (МГУ им. М.В. Ломоносова). Было отмечено, что Рим сформулировал правовые нормативы пользования землями, пограничными с варварским миром, и

источниками воды. Как заключила докладчица, Рим заботился в первую очередь о соблюдении покоя во вновь приобретенных провинциях, как для своих новопоселенцев, так и для всего варварского окружения.

Закрывая заседание, председатель оргкомитета В.П. Буданова подчеркнула необходимость анализа скрытых процессов злонамеренных действий в истории мировых цивилизаций с позиций различных научных направлений. В условиях современного цивилизационного кризиса и проявлений новых форм латентного варварства разрабатываемая тематика представляется актуальной и перспективной.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Буданова В.П. Латентное варварство: природа, формы проявления и место в истории // Цивилизация и варварство. 2019. Вып. VIII. С. 74-103. [Budanova V.P. Latentnoe varvarstvo: priroda, formy proyavleniya i mesto v istorii // Civilizaciya i varvarstvo. 2019. Vyp. VIII. S. 74-103].

Малашенко А.В., Нисневич Ю.А., Рябов А.В. Современное варварство: причины и следствия // Полития. 2018. №2. С. 6–22. [Malashenko A.V., Nisnevich YU.A., Ryabov A.V. Sovremennoe varvarstvo: prichiny i sledstviya // Politiya. 2018. №2. S. 6□22.].

Следзевский И.В. Феномен нового варварства в картине глобализирующегося мира: идентификационный и познавательный аспекты // Цивилизация и варварство. 2019. Вып. VIII. С. 29-59. [Sledzevskij I.V. Fenomen novogo varvarstva v kartine globaliziruyushchegosya mira: identifikacionnyj i poznavatel'nyj aspekty // Civilizaciya i varvarstvo. 2019. Vyp. VIII. S. 29-59.].

Шваб К. Четвертая промышленная революция. М., 2019. [SHvab K. CHetvertaya promyshlennaya revolyuciya. M., 2019.].

Boletsi M. Barbarism and its discontents. Stanford. California, 2013.

Буданова Вера Павловна, *доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Отдел историко-теоретических исследований, руководитель Лаборатории по исследованию цивилизации и варварства, Институт всеобщей истории РАН; vpbudanova@yandex.ru*

Селиванова Лариса Леональдовна, *научный сотрудник, Отдел сравнительного изучения древних цивилизации, Институт всеобщей истории РАН; larleon@mail.ru.*

Traps, ambushes and abysses of latent barbarity: interpretation and perspectives of the historical research of the shadow zone of civilization

The article is devoted to the analysis of reports made at the Round table «Civilization and barbarity: traps, ambushes and abysses of latent barbarity», which was held on October 7, 2019 at the Laboratory for the Study of Civilization and Barbarity (Institute of World History of the Russian Academy of Sciences). The systematic interdisciplinary focus of the Round table allowed to highlight the characteristic features of hidden and hides malicious actions in the border shadow zones of interaction between civilization and barbarity.

Keywords: *civilization, latent barbarity, «new barbarity», Greeks, Romans, identity, mentality, civilizational crisis*

Vera Budanova, *Dr. Sc. (History), Professor, Chief Researcher, Department of Historical and Theoretical Studies, Chief of the Laboratory of Research of Civilization and Barbarity of the Institute of World History (Russian Academy of Sciences); vpbudanova@yandex.ru*

Larisa Selivanova, *Research Assistant, Center of Comparative Studies of Ancient Civilizations of the Institute of World History (Russian Academy of Sciences); larleon@mail.ru*

М.С. Петрова, И.Г. Коновалова

РОССИЯ И ВЕНГРИЯ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ КРОСС-КУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ*

В статье обсуждаются итоги исследований, выполненных в 2017–2019 гг. российскими и венгерскими учеными в рамках проекта «Россия и Венгрия в мировой культуре: источник и его интерпретация в ракурсе исследовательской парадигмы XXI века», намечены планы дальнейшего сотрудничества.
Ключевые слова: *исследование, текст, источник, метод, проблема, тенденция*

В последнее время в отечественной и зарубежной историографии[1], на различных научных мероприятиях[2] часто отмечается важность вышедшей на первый план тенденции решения традиционной проблемы источника – его чтения, понимания и интерпретации – в контексте кросс-культурного диалога. Задача статьи показать, что́ именно в рамках такой диалогической коммуникации было сделано российскими и венгерскими учеными, работавшими с 2017 по 2019 г. над поддержанным РФФИ и РЯиК проектом «Россия и Венгрия в мировой культуре: источник и его интерпретация в ракурсе исследовательской парадигмы XXI века»[3], и наметить исследовательские планы на ближайшее будущее.

На основании тщательного анализа имеющихся русских переводов венгерских средневековых источников – хроник Анонима Венгерского и Шимона Кезаи, посланий (реляций) Рихарда и Юлиана, «Горестной песни» Рогерия – В.И. Матузовой были выявлены «лакуны» в знаниях о месте Древней Руси на международной арене, особенностях ее внешней политики; показана уникальность исторического материала, отражающего события XII–XIII вв. и проливающего свет на ранние русско-венгерские связи в период становления древнерусского и венгерского государств и начала татаро-монгольского нашествия; отмечена важность реализации начатого В.Т. Пашуто проекта многотомного «Свода древнейших источников по истории Восточной Европы» (ранее – Свод древнейших источников по истории народов СССР), предусматривающего специальный выпуск «Венгерских источников»[4].

В таком же контексте проведено изучение латино-язычных исторических и географических сочинений М.К. Юрасовым и И.Г. Конова-

* Работа выполнена в рамках проекта, поддержанного РФФИ (№ 20-59-23001) «Россия и Венгрия в прошлом и настоящем»: кросскультурный диалог

[1] См., напр.: Matsumoto, Seugh Hee Yoo 2006: 234-250; Brentjes, Fidora, Tischler 2014: 9–50 (обе статьи с обширной библиографией); Воробьева, Легчилин 2014: 5-59.

[2] Петрова, Репина 2017: 376-381; Материалы 12-й международной научной конференции... 2020: 296.

[3] Проект выполнялся группой специалистов Института всеобщей истории РАН, Института философии РАН и Будапештского университета имени Лоранда Этвёша.

[4] Матузова 2019: 369-376.

ловой. В частности, посредством анализа письменных свидетельств Юрасов не только ответил на вопрос, почему средневековые венгерские хронисты умалчивали о пребывании своих предков под властью Хазарии, но и показал, как они позиционировали венгров в качестве сильнейшего народа «Скифии», и каким образом автор «Деяний венгров» описал прямой путь венгерских племен из Суздаля (представляя его на окраине Скифии) в Киев, минуя владения каганата[5]. На основе анализа артефактов (венгерских захоронений первой половины X в. в Перемышле) М.К. Юрасов выявил причины проживания там мадьяр и их последующего ухода на запад, нынешнюю родину венгров[6]. И.К. Коноваловой выполнен детальный анализ пространственных представлений, отразившихся в анонимном «Описании Восточной Европы», в котором сведения о Венгрии неразрывно связаны с таковыми о Византии, Сербии, Албании, Польши, Чехии, Болгарии и Руси. Ею показаны особенности сообщений Анонима о физико-географическом и политическом облике этих стран, выражающиеся, во-первых, в сплетении информации разной степени точности и полноты, почерпнутой из разновременных и разнохарактерных источников; во-вторых, в т.н. географической форме изложения, использованной автором для создания полярных географических образов: католических стран, наделенных положительными характеристиками, с одной стороны, и стран, населенных «неверными схизматиками» и потому демонизируемых им, с другой. С учетом не только международного и идейного контекста времени появления сочинения (1308), но и поля потенциального взаимодействия двух противоположных пространств, Коновалова реконструировала цель появления «Описания» Анонима – убедить заказчика и адресата этого сочинения не только в возможности, но и целесообразности похода на восток[7].

На примере судьбы английского дворянина-католика Томаса Эрендела (1560–1639) и его военной службы в кавалерии армии императора Рудольфа II А.Ю. Серегиной отмечено, что военные действия против турок (1591/3–1605) на территории Венгрии способствовали развитию идеала воина-рыцаря и защитника веры как модели для воина-аристократа из страны, находящейся за пределами Центральной Европы – страны, в которой происходившая в Венгрии военная акция оценивалась как событие, имевшее общеевропейское значение. Ею выявлены и проанализированы сложившиеся во время Венгерской компании контакты между английским дворянством и венгерской аристократией, которые в дальнейшем способствовали формированию патроната между ними[8].

---

[5] Юрасов 2017: 15-22; Юрасов. Русско-венгерские отношения... 2017: 139-153.
[6] Юрасов 2019. — http://history.jes.su/ (май, 2020).
[7] Коновалова 2018: 287-301.
[8] Серегина 2018: 164-172. Исследование сопровождается комментированными переводами документов об участии сэра Томаса Эренделла в осаде Эстергома. См.: Серегина (пер.) 2017: 173-196.

Сочинение Имре Мадача (1823–1864) «Трагедия человека» проанализировано М.С. Петровой в ракурсе идеализма, поиска чувственности и рационализма; показано, каким образом Адам, главный герой «Трагедии», пребывая в состоянии сна, эмоционально и интеллектуально созревает, получает жизненный опыт, как возникают и обесцениваются его жизненные идеалы. Выявляется, как цветистое в языковом отношении рассуждение И. Мадача о трагедии человека выстраивается и варьирует между такими составляющими, как поиск идеала, негативизм, эмоциональность и чувственность, стремление к познанию, выливаясь в мощный синтез в финальной сцене[9].

В.В. Петровым рассмотрены попытки обретения идентичности – индивидуальной, национальной, языковой, культурной – в эссеистике Петера Надаша (род. 1942 г.), выявлены имеющиеся у него антагонизмы между региональным и универсальным, национальным и общеевропейским, патриархальным и прогрессистским; отмечено, что Надаш предпочитает представлять ментальности в виде особых «языков» или дискурсов; показано, как он переводит рассмотрение с уровня понятий на уровень речевых актов и чувствований, каким образом он подключает к своему рассуждению лингвистические пласты. В.В. Петров обсуждает, почему П. Надаш предпочитает рассматривать различия в национальных мировоззрениях, вглядываясь в их речевые особенности; показывает, что национальные «образы мира» Надаш воспринимает через призму национальных языков, которые этот мир описывают, что в фокусе его внимания – «язык диктатур» с его «новоязом» и умолчаниями. Петровым также изучены коммуникативные разрывы между разнящимися цивилизационными дискурсами; выявлена высокая роль проекта Надаша по созданию общеевропейского словаря важнейших терминов[10].

Работа венгерских исследователей была сконцентрирована вокруг проблем российской истории, относящихся к 1) аутентичности «Повести временных лет», а также ее «прочтению» и интерпретации; 2) выявлению источников, содержащих сведения о кочевом мире Северного Причерноморья, экономических, политических и культурных связях Венгрии с Юго-Западной Русью; 3) трансформации образов России в XVII–XXI вв.; 4) анализу взаимодействия естественнонаучного, гуманитарного и художественного мировосприятия в России на рубеже XIX–XX вв. и в начале XXI в.; 5) поведенческим критериям и практикам российского общества XVIII века, рассматриваемым в гендерном аспекте; 6) анализу процесса перехода Восточной Европы и России от государственного социализма к мультинациональному капитализму в XX веке и 7) выявлению роли международной капиталистической системы институтов в смене общественного строя в СССР[11].

[9] Петрова 2018: 302-321.
[10] Петров 2017: 260-279.
[11] Krausz 2017: 37-50; Gyimesi 2017: 279-286; Krausz 2018: 17-30; Filippov 2018: 272-280; Свак 2019: 288.

Как представляется, полученные результаты, претендующие на обладание таким важным качеством фундаментальности, как концептуальная универсальность, весьма актуальны, поскольку обнаруженные закономерности могут быть применены на практике при изучении других источников; они могут послужить моделью будущих исследований, способствовать формированию нового отношения к событиям прошлого России и Венгрии, их осмыслению, с учетом опыта как политических антагонизмов, так и культурного взаимодействия и взаимообмена.

В связи с этим возникает необходимость в дальнейшей разработке аналитического алгоритма изучения других, значимых для обеих стран культурных памятников (как письменных, так и вещественных), и пересмотре отношения к уже введенным в научный оборот источникам[12].

Ближайшие планы российских и венгерских исследователей направлены на обсуждение проблемы, связанной с формированием национальных пантеонов в России и Венгрии, с рассмотрением ее в ракурсе утверждения авторитета власти; решение задачи по выявлению и реконструкции альтернативных образов Великого Новгорода на основе русской историографии; детальное изучение в содержательном и структурном отношении первых описаний Венгрии XVII века; анализ изменения образа России и представлений о ней в Венгрии после 1945 г. с учетом исторических мифов и фальсификаций в историографии XX в. В контексте социокультурного развития европейского общества – на примере а) колонизационной политики России в XVIII–XIX вв., б) обсуждения венгерско-советских культурных связей в XX веке, в) анализа политики памяти о Второй мировой войне) — планируется выявить, как воспринималась Россия прогрессивной европейской общественностью.

Остается только пожелать всем участникам интернационального творческого коллектива успешной исследовательской работы и решения поставленных задач.

БИБЛИОГРАФИЯ

Воробьева С.В., Легчилин А.А. Логико-методологические основания кросс-культурных исследований в социально-гуманитарном знании // Синтез философии, науки, культуры: К 80-летию акад. В.С. Степина / Под ред. А.Н. Данилова. Минск: БГУ, 2014. С. 5-59.

Идеи и дела. К 65-летию профессора Дюлы Свака и 30-летию изучения исторической русистики в Будапеште / Общ. ред. и сост. М.С. Петровой. М.: Аквилон, 2018. 312 с.

[12] Представляется важным привлечь к рассматриваемой проблематике заинтересованных исследователей из разных областей научного знания. В Центре русистики Будапештского университета такая работа проводится на протяжении многих лет (см., напр.: Идеи и дела. К 65-летию профессора Дюлы Свака и 30-летию изучения исторической русистики в Будапеште...). В начале 2020 г. венгерскими коллегами было создано новое онлайн-издание “RussianStudiesHu” по исторической русистике, которое ориентировано на участие в нем исследователей, работающих над проблемами, связанными с восточнославянской, русской и советской историей (включая венгерские и восточноевропейские аспекты) в научно-методологических рамках исторической науки или её вспомогательных дисциплин.

Коновалова И.Г. «Описание Восточной Европы» начала XIV века как географическое сочинение // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем 4 (2018). С. 287-301.

Матузова В.И. Изучение письменных венгерских исторических источников периода Средневековья в России (публикации переводов) // Диалог со временем 67 (2019). С. 369-376.

Петров В.В. Языки цивилизаций, идентичность и трансгрессия в эссеистике Петера Надаша // Цивилизация и варварство: Человек варварского мира и варварский мир человека (Ч. 1) 6 (2017). С. 260-279.

Петрова М.С. Знание, полученное во сне… к вопросу об интерпретации «Трагедии человека» Имре Мадача // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем 4 (2018). С. 302-321.

Петрова М.С., Репина Л.П. Исследовательские парадигмы XXI века (Круглый стол «Источник и его интерпретация») // Диалог со временем 59 (2017). С. 376-381/

Россия и Венгрия в мировой культуре: источник и его интерпретация / Материалы 12-й международной научной конференции будапештского Центра русистики, состоявшейся 20–21 мая 2019 г. / Под общ. ред. Дюлы Свака. Будапешт: Russica Pannonicana. М.: Аквилон, 2020. 296 с.

Россия и Венгрия в мировой культуре: источник и его интерпретация / Под общ. ред. М.С. Петровой, Д. Свака. М.: Аквилон, 2020 (в печати).

Свак, Дюла. Опыт микроисториографии. М.: Аквилон, 2019. 288 с.

Серегина А.Ю. Доблесть католика: Сэр Томас Эренделл и осада Эстергома (1595 г.) // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем 4 (2018). С. 164-172.

Серегина А.Ю. (пер.). Документы об участии сэра Томаса Эренделла в осаде Эстергома / Пер. и примеч. А.Ю. Серегиной // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем 4 (2018) С. 173-196.

Юрасов М.К. Русско-венгерские отношения в X–XI вв. // Труды Института российской истории РАН 14 (2017). С. 139-153.

Юрасов М.К. Суздальская земля в исторической памяти средневековой венгерской народности // Древняя Русь 4/74 (2017). С.15-22.

Юрасов М.К. Венгерский анклав в Юго-Западной Руси в первой половине X в. // ЭНОЖ «История». Вып. 9 (83). Т. 10: Внешние связи Восточной Европы в Древности и раннем Средневековье (2019). — http://history.jes.su/ (май, 2020).

Brentjes, S., Fidora, A., Tischler, M.M. Towards a New Approach to Medieval Cross-Cultural Exchanges // Journal of Transcultural Medieval Studies. 2014. Vol. 1 (1). P. 9-50.

Filippov, Szergej. И. Тиса и П.А. Столыпин // Столетие русской Революции 1917 года и ее значение в мировой истории и культуре. Будапешт: Russica Pannonicana, 2018. С. 272-280.

Gyimesi, Zs. Взаимодействие естественнонаучного, гуманитарного и художественного мировосприятий на рубеже XIX–XX веков и его современные аналоги // Историческая русистика в XXI веке. Будапешт: Russica Pannonica, 2017. С. 279-286.

Krausz, T. Отождествима ли нацистская Германия с СССР? Или как переписывают историю Великой Отечественной войны представители мейнстрима Венгерской исторической науки // Историческая русистика в XXI веке. Будапешт: Russica Pannonica, 2017. С. 37-50.

Krausz, T. 1917 – Сто лет, сто заветов // Столетие русской Революции 1917 года и ее значение в мировой истории и культуре. Будапешт: Russica Pannonicana, 2018. С. 17-30.

Matsumoto, D., Seung Hee Yoo. Towards a New Generation of Cross-Cultural Research // Perspectives on Psychological Science. 2006. Vol. 1. No. 3. P. 234-250.

REFERENCES

Brentjes, S., Fidora, A., Tischler, M.M. Towards a New Approach to Medieval Cross-Cultural Exchanges // Journal of Transcultural Medieval Studies. 2014. Vol. 1 (1). P. 9-50.

Filippov, Szergej. I. Tisa i P.A. Stolypin // Stoletie russkoj Revoljucii 1917 goda i ee znachenie v mirovoj istorii i kul'ture. Budapesht: Russica Pannonicana, 2018. S. 272-280.

Gyimesi, Zs. Vzaimodejstvie estestvennonauchnogo, gumanitarnogo i hudozhestvennogo mirovosprijatij na rubezhe XIX–XX vekov i ego sovremennye analogi // Istoricheskaja rusistika v XXI veke. Budapesht: Russica Pannonica, 2017. S. 279-286.

Idei i dela. K 65-letiju professora Djuly Svaka i 30-letiju izuchenija istoricheskoj rusistiki v

Budapeshte / Obshh. red. i sost. M.S. Petrovoj. M.: Akvilon, 2018. — 312 s., s ill.
Jurasov M.K. Russko-vengerskie otnoshenija v X–XI vv. // Trudy Instituta rossijskoj istorii RAN 14 (2017). C. 139-153.
Jurasov M.K. Suzdal'skaja zemlja v istoricheskoj pamjati srednevekovoj vengerskoj narodnosti // Drevnjaja Rus' 4/74 (2017). C.15-22.
Jurasov M.K. Vengerskij anklav v Jugo-Zapadnoj Rusi v pervoj polovine H v. // Jelektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istorija». Vyp. 9 (83). T. 10: Vneshnie svjazi Vostochnoj Evropy v Drevnosti i rannem Srednevekov'e (2019). — http://history.jes.su/ (maj, 2020).
Konovalova I.G. «Opisanie Vostochnoj Evropy» nachala XIV veka kak geograficheskoe sochinenie // Intellektual'nye tradicii v proshlom i nastojashhem 4 (2018). S. 287-301.
Krausz, T. Otozhdestvima li nacistskaja Germanija s SSSR? Ili kak perepisyvajut istoriju Velikoj Otechestvennoj vojny predstaviteli mejnstrima Vengerskoj istoricheskoj nauki // Istoricheskaja rusistika v XXI veke. Budapesht: Russica Pannonica, 2017. C. 37-50.
Krausz, T. 1917 — Sto let, sto zavetov // Stoletie russkoj Revoljucii 1917 goda i ee znachenie v mirovoj istorii i kul'ture. Budapesht: Russica Pannonicana, 2018. S. 17-30.
Matsumoto, D., Seung Hee Yoo. Towards a New Generation of Cross-Cultural Research // Perspectives on Psychological Science. 2006. Vol. 1. No. 3. P. 234-250.
Matuzova V.I. Izuchenie pis'mennyh vengerskih istoricheskih istochnikov perioda Srednevekov'ja v Rossii (publikacii perevodov) // Dialog so vremenem 67 (2019). S. 369-376.
Petrov V.V. Jazyki civilizacij, identichnost' i transgressija v jesseistike Petera Nadasha // Civilizacija i varvarstvo: Chelovek varvarskogo mira i varvarskij mir cheloveka (Ch. 1) 6 (2017). S. 260-279.
Petrova M.S. Znanie, poluchennoe vo sne… k voprosu ob interpretacii «Tragedii cheloveka» Imre Madacha // Intellektual'nye tradicii v proshlom i nastojashhem 4 (2018). S. 302-321.
Petrova M.S., Repina L.P. Issledovatel'skie paradigmy XXI veka (Kruglyj stol «Istochnik i ego interpretacija») // Dialog so vremenem 59 (2017). S. 376-381/
Rossija i Vengrija v mirovoj kul'ture: istochnik i ego interpretacija / Materialy 12-j mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii budapeshtskogo Centra rusistiki, sostojavshejsja 20–21 maja 2019 g. / Pod obshh. red. Djuly Svaka. Budapesht: Russica Pannonicana – M.: Akvilon, 2020. — 296 s.
Rossija i Vengrija v mirovoj kul'ture: istochnik i ego interpretacija / Pod obshh. red. M.S. Petrovoj, D. Svaka. M.: Akvilon, 2020 (v pechati).
Seregina A.Ju. Doblest' katolika: Sjer Tomas Jerendell i osada Jestergoma (1595 g.) // Intellektual'nye tradicii v proshlom i nastojashhem 4 (2018). S. 164-172.
Seregina A.Ju. (per.). Dokumenty ob uchastii sjera Tomasa Jerendella v osade Jestergoma // Intellektual'nye tradicii v proshlom i nastojashhem 4 (2018) S. 173-196.
Svak, Djula. Opyt mikroistoriografii. M.: Akvilon, 2019. 288 s.
Vorob'eva, S.V., Legchilin, A.A. Logiko-metodologicheskie osnovaniya krosskul'turnyh issledovanij v soci-al'no-gumanitarnom znanii // Sintez filosofii, nauki, kul'tury: K 80-letiyu akad. V.S. Stepina / Pod red. A.N. Danilova. Minsk: BGU, 2014. S. 5–59.

***Петрова Майя Станиславовна**, доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН; beionyt@mail.ru*

***Коновалова Ирина Геннадиевна,** доктор исторических наук, главный научный сотрудник, заведующая, Отдел специальных исторических дисциплин, Институт всеобщей истории РАН; irina_konovalova@mail.ru*

Russia and **Hu**ngary in the past and present**: c**ross-cultural dialogue

The article discusses the results of research work carried out in 2017–2019 by Russian and Hungarian scientists in connection to the project “Russia and Hungary in world culture: the source and its interpretation in the view of the research paradigm of the 21st century”. Their comprehensive contribution is noted; plans for further cooperation are outlined.

Keywords: research, text, source, method, problem, tendency

***Petrova, Maya**, Dr.Sc. (History), chief research fellow, associate professor, RAS Institute of World History; beionyt@mail.ru*

***Konovalova, Irina**, Dr.Sc. (History), chief research fellow, head of the Department of auxiliary historical disciplines, RAS Institute of World History; irina_konovalova@mail.ru*

О. В. Окунева

РУКОПИСИ «У БЕЗДНЫ НА КРАЮ» ВЫСТАВКА «LES MANUSCRITS DE L'EXTRÊME» В НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКЕ ФРАНЦИИ

Статья представляет собой обзор выставки, организованной Национальной библиотекой Франции весной-летом 2019 г. и посвящённой рукописям, созданным в психологически сложных или экстремальных условиях (во время тюремного заточения, перед казнью, под обстрелом в окопе, при известии о смерти любимого человека или во время неизлечимой болезни и т.п.). Внимание уделено рукописям, запечатлевшим следы физической и душевной боли их создателей. Продемонстрированные на выставке документы представляют значительный интерес для исследователя эмоций и антропологии чувств – и не только сами по себе, а именно в комплексе, показывающем способы взаимодействия с окружающим миром на уровне чувств.
Ключевые слова: *рукописи, выставка, Национальная библиотека Франции, история эмоций, антропология чувств*

«Есть упоение в бою, и бездны мрачной на краю, и в разъярённом океане», – сказал классик, а современные барды его поддержали, вспомнив о том, что бывает, «когда встряхнёт и захлестнёт девятый вал, // Когда в душе завоет ураганный ветер». «Всё, всё что гибелью грозит, // Для сердца смертного таит // Неизъяснимы наслажденья – // Бессмертья, может быть, залог», – продолжал классик, и барды с ним солидарны: «Когда ворвётся свет в раскрытые глаза, // Когда ударит в ноздри запах зверобоя // Ну кто же счастья всем нутром не осязал, // Ну кто же не был на все сто самим собою»[1].

В отличие от процитированных поэтов, организаторы выставки в Национальной библиотеке Франции не связывали обострение всех чувств в минуту сильного душевного волнения именно с ощущением счастья или блаженства. Ими была поставлена перед собой задача показать, как человек, оказавшийся на краю бездны, проявляет свои человеческие качества, а бездной могли выступать и иссушающая тревога, и тюремное заключение с перспективой надвигающейся казни, и состояние изолированности во враждебном окружении, и траур по любимому существу, и близость смерти, и даже изменённое состояние сознания. Единым же знаменателем для выражения чувств в этих экстремальных обстоятельствах стало то, что все они оказались запечатлены в рукописях – дневниковых записях, фронтовых письмах, лабораторных журналах, полевых дневниках, наспех нацарапанных записках перед расстрелом, посланиях, начертанных собственной кровью, выколотых булавкой на бумаге (в отсутствие чернил) инструкциях, «стенограммах» спиритического сеанса. Это даже рисунки обитателей приютов для умалишён-

[1] Читатель, несомненно, узнал хрестоматийные строки гимна Председателя из «Пира во время чумы» А.С. Пушкина («Маленькие трагедии»); процитированы современными барды А.И. Иващенко и Г.Л. Васильев (дуэт «Иваси»), песня «Девятый вал».

ных, а также весьма специфические записи тех, кто хотел научно исследовать действие наркотиков на мозг или расширить сознание для творчества, но получил в награду лишь наркотическую зависимость. Такие документы-артефакты (а «физическим носителем» послания могли выступать самые разные предметы, помимо собственно бумаги) оказалось возможным собрать и представить в музейном пространстве, организовав экспонаты вокруг четырёх главных тем: «тюрьма», «страсть», «опасность», «одержимость». На языке оригинала каждое из этих слов начинается с одной и той же буквы (prison, passion, péril, possession), что также было обыграно в графическом оформлении выставки.

Тематический принцип организации материала позволил разместить в соседних витринах документы в диапазоне от XVII до конца XX века и с равным уважением показать свидетельства как знаменитых исторических деятелей, так и безвестных персонажей. Каждый тематический блок располагался в собственной выгородке, выполненной в едином цвете; все четыре выгородки сходились в общем центральном пространстве, а общая конструкция напоминала, таким образом, цветок с четырьмя лепестками (один из рецензентов, описывая сценографию выставки, предложил считать каждое тематическое пространство особым «путём» и вспомнил по этому поводу поговорку «aller par quatre chemins»[2], которая – отметим от себя – обманчиво схожа с русским «идти на все четыре стороны», но на самом деле подразумевает изощрённость и даже увёртки). При этом размеры и геометрия каждой выгородки могли отличаться из-за специфики демонстрируемых артефактов: послания, написанные кровью на ткани, показывались в особых сундуках с закрывающейся крышкой; записка, оставленная анонимным деятелем движения Сопротивления на обратной стороне сиденья стула (на котором его и пытали), требовала обзора со всех сторон и соответствующей витрины; особые витрины были придуманы и для экспозиции самодельных комиксов или романов в картинках, которые рисовали дети из лагерей для интернированных, и для записок, брошенных депортированными детьми из поезда в лагерь смерти.

Продемонстрированные на выставке документы представляют значительный интерес для исследователя эмоций и антропологии чувств – и не только сами по себе, а именно в комплексе, показывающем способы взаимодействия с окружающим миром на уровне чувств. В диапазоне представленных эмоций нашлось место и мистическому восторгу Блеза Паскаля, и любовному томлению женатого человека, который налагает на себя «школьное» наказание написать много раз подряд одну и ту же фразу, и эротическим переживаниям девушек конца XIX в., которым не хватило слов, и они прибегли к рисункам, хотя значительная доля рукописей отражали другую часть эмоционального спектра (гнев, боль, скорбь, решимость, страх). При входе на выставку организаторы

[2] Rioux 2019. P. 99-103.

даже разместили небольшое объявление о том, что некоторые экспонаты могут шокировать детей, но в остальном вполне разумно положились на здравый смысл посетителей, не докучая им назойливыми предостережениями или «возрастной» маркировкой. Наиболее выразительные тексты были озвучены: рядом с витринами с рукописями висели наушники для прослушивания написанного от руки текста.

Основная часть свидетельств физической и душевной боли была представлена в разделах «тюрьма», «опасность» и «страсть». Здесь и дневник Адольфа Дрейфуса, который он вёл в ссылке на острове Дьявола (Кайенна), и послание из Бастилии маркиза Латюда в 1761 г., выполненное собственной кровью на нижней сорочке и адресованное главе парижской полиции, причём изысканность обращения контрастирует с тем, какой именно субстанцией выведены эти слова: «Месье, я пишу вам своей кровью на холсте, так как господа офицеры отказывают мне в чернилах и бумаге». Здесь и записка безымянного участника движения Сопротивления, оставленная на обратной стороне сиденья стула (сам стул находился в камере гестапо) с призывом сохранять веру – и рядом записки из немецкой тюрьмы Андре Мелфреда-Деваля, в которых он между строк оказавшейся у него по случаю книги изливает свою боль и страх: «В самый напряжённый момент моего заключения я думал, что моя голова, и без того уже подвергшаяся испытаниям, не выдержит и я впаду в беспамятство или безумие. Я боролся и, как мне кажется, держался…, но временами на меня находят внезапные провалы, похожие на воздушные ямы. Писать вам становится для меня наваждением; в метаниях между ним и опасением [выдать себя] я перечитываю написанное с намерением разорвать листки – и добавляю ещё что-нибудь». У Виктора Тардьё, который пишет письмо сыну из окопов Первой мировой, почти физическую боль вызывают разрывы артиллерийских снарядов: он пишет на одном дыхании, без запятых и заглавных букв, и ставит над каждым словом точки, число и размер которых соответствует количеству и интенсивности взрывов, раздавшихся за время написания данного слова, а затем бросает это занятие, настолько артобстрел превращается в одну сплошную стену огня.

Чтобы почувствовать себя на краю бездны, не обязательно оказываться на войне или в заточении; борьба со своей болью может вестись и в одиночной исследовательской экспедиции. Ален Гербрант в полевых дневниках экспедиции на Ориноко в 1950 г. помечает: «Я околдован идеей смерти. Как глупо. Быть околдованным смертью. Я стараюсь об этом не думать и всё же думаю. Иногда (как сейчас) я задаюсь вопросом, действительно ли я в опасности». Подобных сомнений не возникало у Марии-Антуанетты: в принадлежащем ей часослове её рукой выведено накануне казни: «В это четвёртое ноября полпятого утра Боже, помилуй меня! У меня нет больше слёз, чтобы оплакать вас, мои бедные дети! Прощайте, прощайте!». В соседней витрине представлен

черновик текста отречения Наполеона в Фонтенбло в 1814 г.: можно предположить, что это решение принималось императором французов отнюдь не в безмятежном состоянии духа.

Среди экспонатов отметим и исполненные отчаяния дневниковые записи Мари Кюри при известии о смерти мужа, Пьера Кюри, в нелепом дорожно-транспортном происшествии: «Пьер умер, умер тот, кого я видела ещё этим утром в добром здравии и кого я надеялась обнять этим вечером, теперь же я увижу его только мёртвым, и всё закончено навсегда. Я всё время твержу твоё имя: Пьер, Пьер, Пьер, мой Пьер, но увы, это его не вернёт, он ушёл навек, оставив мне лишь отчаяние и безнадёжность». На других страницах дневника видны следы слёз, размывшие бумагу. В схожей ситуации (смерть супруги) маркиз Сен-Симон избирает другой способ выражения своих чувств – умолчание. С января по июль 1743 г. он ничего не заносит в свои мемуары, а в рукописи по границе двух абзацев идёт строчка из стилизованных изображений слезы и креста. Ещё более лаконичным (но от этого не менее сильным) выражением горя стала страница обычного ежедневника за 2 марта 1985 г., на которой жена записала и подчеркнула лишь три слова: «два часа ночи» – время смерти своего мужа. Посетители же российских музеев могли бы вспомнить в этой связи экспонат мемориальной квартиры Ф.М. Достоевского в Петербурге – папиросную коробку, на обороте которой дочь писателя карандашом отметила время его смерти, или маленькие листки блокадного дневника Тани Савичевой.

Настоящий краткий обзор не ставит целью описать все показанные на выставке рукописи: они действительно отличаются значительным разнообразием, а организаторы порой смело рифмуют между собой то, что на первый взгляд кажется несопоставимым по масштабу. К примеру, в разделе «опасность», наряду с процитированными эмоциональными восклицаниями А. Гербранта или Марии-Антуанетты представлена анонимная листовка с угрозами и неуклюжим изображением черепа с костями, подброшенная националистической группировкой Ж.-П. Сартру, который поддерживал идею независимости Алжира, а письмо французского миссионера в Северной Америке XVII в., написанное на бересте и не содержащее, на первый взгляд, ничего трагического (можно лишь домыслить, что организаторы сочли «физический носитель» этого письма свидетельством нахождения в экстремальных условиях, хотя один из рецензентов сделал вывод, что в послании на бересте заключены призывы о помощи миссионера, подвергнутого индейцами пыткам[3]; впрочем, на самой выставке пояснительные надписи у этого экспоната никак не указывают на возможность подобного толкования) соседствует рядом с рукописью сказки, «надиктованной» парализованным человеком, обездвиженным до такой степени, что единственным средством коммуникации с окружающим миром для него стало моргание; каждая буква не-

[3] Le Chatelier 2019.

большого текста кодировалась определённым числом взмахов ресниц. Однако каким бы причудливым ни выглядел выбор экспонатов, все они безупречно соответствуют заявленной теме: все показанные рукописи были созданы действительно на краю бездны, а на долю зрителя приходилась работа по осмыслению этих «экстрактов» сильных чувств, фиксирующих на бумаге движения души, которые далеко не всегда предназначались для стороннего наблюдателя.

Все представленные на выставке тексты и фотографии многих артефактов опубликованы в каталоге, а краткий тур по разделам выставки размещен на сайте Национальной библиотеки Франции[4].

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Иващенко А.И., Васильев Г.Л. Девятый вал / Иващенко А., Васильев Г. Альма-матерь. Полное собрание изданного-1997. Москва, Мистерия паблишинг, 2005. 1 CD [Ivashchenko A.I., Vasil'ev G.L. Devyatyj val / Ivashchenko A., Vasil'ev G. Al'ma-mater'. Polnoe sobranie izdannogo-1997. Moskva, Misteriya pablishing, 2005. 1 CD].

Пушкин А.С. Пир во время чумы / Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Т. 7. М.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 180–181 [Pushkin A.S. Pir vo vremya chumy / Pushkin A.S. Polnoe sobranie sochinenij. T. 7. M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1937. S. 180–181]

События: выставки [сайт] / Национальная библиотека Франции. Париж, 1998. URL: https://www.bnf.fr/fr/agenda/manuscrits-de-lextreme [Sobytiya: vystavki [sajt] / Nacional'naya biblioteka Francii. Parizh, 1998. URL: https://www.bnf.fr/fr/agenda/manuscrits-de-lextreme]

События: выставки: галерея изображений [сайт] / Национальная библиотека Франции. Париж, 1998. URL: https://www.bnf.fr/fr/agenda/manuscrits-de-lextreme#bnf-galerie [Sobytiya: vystavki [sajt] / Nacional'naya biblioteka Francii. Parizh, 1998.

Sobytiya: vystavki: galereya izobrazhenij [sajt] / Nacional'naya biblioteka Francii. Parizh, 1998. URL: https://www.bnf.fr/fr/agenda/manuscrits-de-lextreme#bnf-galerie

Le Bras L. (dir.) Manuscrits de l'extrême. Paris, BNF éditions, 2019. 208 p., 100 ill.

Le Chatelier L. "Manuscrits de l'extrême" à la BNF: l'écrit du cœur et des tripes // Telerama, 20.04.2019. URL: https://www.telerama.fr/sortir/manuscrits-de-lextreme-a-la-bnf-lecrit-du-coeur-et-des-tripes,n6211651.php

Rioux Ch. Expositions: Les manuscrits de l'extrême // Études, 2019/6 (Juin) P. 99-103. DOI : 10.3917/etu.4261.0099. URL: https://www.cairn.info/revue-etudes-2019-6-page-99.htm

Окунева Ольга Владимировна, *кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН; olga.okuneva@gmail.com*

Manuscripts on the brink of a precipice: notes on the exhibition held in French National library from April 9 until July 7, 2019

The paper reviews a French National library exhibition "Manuscripts *in extremis*" that showed some 150 manuscripts created in extreme conditions (in the jail, right before an execution, in the trenches under fire, just after learning about the death of a loved one, suffering an incurable disease etc). The paper examines the conception of such an exhibition and the relevance of some items; it also analyzes the exhibition's scenography and design. Special attention is paid to the manuscripts showing mental and physical pain. The paper emphasizes an interest that the whole set of the exposed manuscripts presents for a study in the history of emotions or in the anthropology of senses: it shows the variety of the interactions with the world at the level of the emotions as well as the individual choices.

Keywords: manuscripts, exhibition, French National library, history of emotions, anthropology of senses

Olga Okuneva, *PhD in History, Senior Researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; olga.okuneva@gmail.com*

[4] Le Bras 2019. https://www.bnf.fr/fr/agenda/manuscrits-de-lextreme; https://www.bnf.fr/fr/agenda/manuscrits-de-lextreme#bnf-galerie

ПУБЛИКАЦИИ И ПЕРЕВОДЫ

ИСИДОР СЕВИЛЬСКИЙ
ЭТИМОЛОГИИ, ИЛИ НАЧАЛА
КНИГА V. О ЗАКОНАХ И ВРЕМЕНАХ

Публикуется перевод первой части пятой книги «Этимологий» –энциклопедического сочинения Исидора Севильского (560–636), последнего из латинских отцов церкви, епископа Севильи. Труд Исидора покоится в значительной мере на римской антикварно-грамматической и энциклопедической традиции и сам стал фундаментом средневекового энциклопедизма, однако эта часть пятой книги опирается, прежде всего, на римские правовые источники. В полном объеме переводится на русский язык впервые. В предисловии даются краткие сведения о ее структуре и источниках.

Ключевые слова: *Исидор Севильский, римская антикварно-грамматическая традиция, раннесредневековый энциклопедизм, римское право*

Перевод с латинского А.А. Павлова

В настоящем выпуске мы предлагаем читателю перевод первой части пятой книги «Этимологий» Исидора Севильского «О законах и временах»[1]. Это обусловлено как достаточно большим объемом книги, так и самим ее характером: в отличие от большинства других она состоит из двух независимых друг от друга частей, связь которых никак не оговаривается автором[2]. В настоящем предисловии мы имеем возможность лишь кратко коснуться структуры и источников первой части, хотя очевидно, что книга поднимает целый ряд вопросов, заслуживающих самостоятельного специального исследования.

Проблемы права рассматриваются в «Этимологиях» прежде всего в пятой книге, однако большое внимание им уделено также в книге IX, где рассматриваются вопросы публичного, а также семейного права; ряд ценных замечаний о праве, в которых выражены и воззрения самого Исидора, могут быть найдены и в ряде других книг[3].

Первая часть пятой книги, именуемая «О законах» (De legibus), содержит 27 глав разной величины и значения. Начинается книга с краткого экскурса о появлении первых законов и их основателях (I). Далее следует систематическое изложение законов и права. Исидор делит законы на «божественные» и «человеческие» (II), соотносит их с правом и

[1] Перевод сделан по изданию: Isidori Hispalensis Episcopi Etymologiarum sive Originum Libri XX / ed. W.M. Lindsay. Oxford, 1911. В тексте перевода в квадратные скобки взяты слова и выражения, отсутствующие в оригинале, в круглые – латинские термины, которые поясняет автор, а также те, от которых он их производит. В примечаниях даны лишь самые краткие комментарии, отсылающие, главным образом, к текстуально сходным источникам.

[2] Некоторые ранние рукописи «Этимологий» содержали эти части в разных книгах. Окончательная редакция работы принадлежала ученику и сподвижнику Исидора Браулиону, ему, должно быть, принадлежать и идея свести эти части в одну книгу.

[3] Например: I. 23; 29. 3; II. 1. 1; 4; 5; 10; 12; 24. 5; X. 44; 124; 135; 260; 265; XV. 2; 13; 15; XVIII. 1; 15 etc.

обычаем (III), дает краткие определения праву естественному (IV), гражданскому (V), праву народов (VI), военному (VII), публичному (VIII) и квиритскому праву (IX); далее рассматривает источники последнегоа: закон (X), плебисцит (XI), сенатусконсульт (XII), конституцию и эдикт (XIII), ответы юристов (XIV); после этого характеризует различные виды законов: консульские и трибунские законы (XV), сатуры (XVI), Родосские законы (XVII), привилегии (XVIII); определяет возможности (XIX), цели (XX) и характер (XXI) законов. Основное внимание он уделяет различным гражданско-правовым институтам и сделкам (XXIV), институтам вещного права (XXV), преступлениям и их видам (XVI), наказаниям (XXVII).

Очевидно, что главным источником Исидора при изложении правового материала являлись различные источники римского права. Некоторые из них он сам называет, как, например, Кодексы Грегориана, Гермогениана, Феодосия (V. 1), сочинения Павла (V. 14; 24. 30), о некоторых умалчивает, среди них Институции Гая, сочинения Ульпиана. Возможно, что им использовались и части кодификации Юстиниана, о чем, однако, в современной историографии нет однозначного суждения. Помимо того, Исидор использовал вестготский свод римских законов, изданный в 506 г. Аларихом (Lex Romana Visigothorum). В силу характера сочинения, не юридического, а грамматического, значительный пласт информации Исидор черпал из римских антикварно-грамматических сочинений, однако, если во второй части книги («О временах») они играют определяющее значение, здесь они лишь дополняют материал юридических источников[4]. Исидор приводит цитаты из Плавта (V. 26. 10; 17), Невия (V. 26. 17), Вергилия (V. 26. 14; 27. 26), Цицерона (V. 25. 1; 32; 27. 4), Петрония (V. 26. 7); цитирует тексты Нового Завета (V. 24. 2; 27. 24; 34) и Псалмы (Ibid.)[5].

Исидора, конечно, нельзя назвать юристом в собственном смысле слова. Он излагает материал не как юрист, а как грамматик, рассматривая происхождение и значение тех или иных терминов, относящихся к праву. Вместе с тем, близость Исидора к испанским королям, практическая работа по организации деятельности церкви и выработке канонического права, требовала от него глубоких познаний в праве, а авторитет Севильца и его «Этимологий», простота языка, некоторые новации в теории и ориентированность на судебную практику способствовали тому, что этот «не юридический» трактат станет проводником и носителем римской юридической традиции на протяжении веков, пока глоссаторы XII–XIII вв. не обратятся вновь к изучению и переосмыслению Дигест Юстиниана.

***

[4] Мы встречаем здесь ряд заимствований из сочинений Варрона, Сервия, Феста, Авла Геллия.

[5] Имеются также очевидные заимствования из других трактатов Августина Блаженного без отсылок к ним.

Глава I. Об авторах законов

(1) Моисей, еврейского роду-племени, первым из всех истолковал божественные законы в Священных писаниях. Царь Фороней первым установил законы и суды для греков[6]. (2) Меркурий Трисмегист[7] первым дал законы египтянам. Солон[8] первым даровал законы афинянам. Ликург первым предоставил по воле Аполлона права лакедемонянам[9]. (3) Нума Помпилий[10], который взошел на царство вслед за Ромулом, первым издал законы для римлян. Затем, когда народ не мог более выносить мятежных магистратов, он избрал десять мужей для написания законов, которые, переведя законы из книг Солона на латинский язык, выставили их на XII Таблицах. (4) И были то Аппий Клавдий, Генуций, Ветерий, Юлий, Манлий, Сульпиций, Секстий, Кураций, Ромилий, Постумий. Эти то децемвиры и были избраны для записи законов[11].

(5) Консул Помпей[12] первым задумал издать законы в виде книжного собрания, но из страха перед завистниками не реализовал [задуманного]. После стал заниматься [этим] Цезарь, но был убит прежде, чем [смог завершить начатое][13]. (6) Мало-помалу древние законы вышли из употребления по причине устаревания и пренебрежения, и хотя ни один из них более не применяется, представляется, однако, что иметь о них представление [все-таки] необходимо. (7) Новые [законы] появились при цезаре Константине[14] и его преемниках, но были они перемешанными и неупорядоченными. Позднее Феодосий Младший Август[15] учредил по образу и подобию с Грегориановым и Гермогениановым Кодекс, включив в него [императорские] конституции от времени Константина до принятия им самим титула императора, который назвал по имени своему Феодосиевым.

---

[6] В греческой мифологии – царь Пелопоннеса, либо Аргоса (*Augustin*. De civ. Dei. XVIII. 3); получил власть от Зевса после того, как первым произвел священнодействия в честь Геры, либо возвел храм в ее честь (*Gigin*. Myth. 143; 225).

[7] Т.е. Гермес Трисмегист – «трижды величайший». Гермес в греческой мифологии – вестник богов, покровитель путников, проводник душ умерших. Образ Трисмегиста позднеантичный, связан с оккультизмом и потусторонним миром. Для египтян – воплощение Универсального Ума, автор 42-х оккультных (т.н. герметических) книг.

[8] Один из наиболее выдающихся Афинских реформаторов. В 594 г. до н.э. учредил законы и произвел ряд реформ в публично-правовой сфере.

[9] Спартанский законодатель, историчность которого, как и время, и состав законодательства, остаются предметом дискуссии.

[10] Второй римский царь сабинского происхождения (715–673 гг. до н.э.), которому традиция приписывает учреждение ряда культов и жреческих коллегий, а также установления ряда сакральных законов.

[11] Коллегия децемвиров была учреждена в Риме для написания законов в 451 г. до н.э. На 450 г. до н.э., поскольку работа над законами не была завершена, была избрана новая коллегия децемвиров, которые по окончании должностного срока узурпировали власть и были свергнуты в 449 г. до н.э. Во главе обеих коллегий стоял патриций Аппий Клавдий. См.: *Liv*. III. 33. 1–3; *Dionys.* X. 56–68.

[12] Гней Помпей Великий (106–48 гг. до н.э.) – римский консул 70, 55 и 52 гг. до н.э. Потерпел поражение в гражданской войне против Цезаря.

[13] Гай Юлий Цезарь (100–44 г. до н.э.) – римский консул 59, 48, 46, 45, 44 гг. до н.э., неоднократно занимавший магистратуру диктатора в период с 49 по 44 гг. до н.э., великий понтифик с 63 г. до н.э. Убит в результате заговора 15 марта 44 г. до н.э.

[14] Император Константин Великий (272–337 гг.) завершил установление домината – режима абсолютной монархической власти – в Римской империи, возвысил христианство, сделав его господствующей религией в Риме.

[15] Феодосий II (401–450 гг.), император Восточной Римской империи, в 438 г. издал Кодекс, куда вошли императорские конституции с 312 г. Кодекс делился на 16 книг, рассматривался как продолжение частных кодексов Грегориана и Гермогениана.

Глава II. О законах божеских и человеческих

(1) Все законы являются либо божескими, либо человеческими. Божеские – от природы, человеческие проистекают из обычаев; разнятся они по той причине, что разным народам угодны разные [законы]. (2) *Fas* – божественное право, *ius* – право человеческое[16]. Переход в чужую собственность относится к праву божественному (fas), а не человеческому (ius).

Глава III. Чем отличаются меж собой право, законы и обычаи

(1) Право (ius) – общее понятие, закон (lex) же – частный случай права[17]. Право названо так оттого, что оно является справедливым (iustum)[18]. Все право состоит из законов и обычаев. (2) Закон – это писаное установление. Обычай (mos) – обыкновение, одобренное древностью, либо неписаный закон. Ведь [слово] «закон» произошло от [глагола] «читать» (legere), поскольку [текст закона] записан. (3) Обычай же – это длительное обыкновение (consuetudo); слово возникло из самого устроения жизни (mores). Обыкновение же есть некое право, установленное обычаями, которое принимается в качестве закона тогда, когда закон отсутствует[19]. При этом нет различия, закреплено это обыкновение письменно или опирается только на суждение (ratio), поскольку и закон зиждется на суждении. (4) Более того, если закон зиждется на суждении, то законом будет все то, что установлено на его (ratio) основе, по крайней мере, если то согласуется с религией, соответствует юридической дисциплине и способствует благу. Названо же «обыкновение» (consuetudo) так оттого, что находится «в общем пользовании» (in communi usu).

Глава IV. Что есть естественное право

(1) Право является либо естественным (ius naturale), либо гражданским (ius civile), либо правом народов (ius gentium)[20]. Естественное право есть право общее для всех народов, и у всех народов внушено оно природой, а не зиждется на каком-либо установлении; таковы союз мужчины и женщины, рождение и воспитание детей[21], общее для всех владение и одна для всех свобода, приобретение всего того, что добывается в небе, на земле и в море[22]. (2) А также возвращение отданной на хранение вещи или денег, доверенных кому-либо, отражение насилия силой[23]. Ведь это, как и все подобное тому, никогда не считалось несправедливым, но естественным и правильным.

Глава V. Что есть право гражданское

(1) Гражданское право есть то, которое каждый народ или государство установили для себя по человеческим и религиозным основаниям[24].

Глава VI. Что есть право народов

(1) К праву народов относятся захват места жительства, сооружение строений, возведение укреплений, войны, захват в плен, рабство, восстановление прав по возвращении из плена, мирные договоры, перемирия, святость неприкосновенности послов, запрещение браков между представителями разных народов. И оттого это право зовется правом народов, что почти все народы пользуются им[25].

---

[16] Ср.: *Serv.* Georg. I. 269.
[17] Ср.: *Serv*. Aen. I. 507.
[18] Ср.: D. 1. 1. 1pr.
[19] Ср.: D. 1. 3. 32pr.
[20] Ср.: D. 1. 1. 1. 2; Inst. I. 1. 4.
[21] Inst. I. 2. 1.
[22] Ср.: D. 1. 1. 1. 3.
[23] Ср.: D.1. 1. 3; Inst. II. 2. 2.
[24] Ср.: D. 1. 1. 9.
[25] Ср.: *Gai*. I. 1; D. 1. 1. 5; 9.

Глава VII. Что есть военное право

(1) К военному праву относятся порядок объявления войны, обязательство заключения договора [по ее завершении], выступление в поход против врага или вступление в сражение по установленному сигналу; также отступление по установленному сигналу, и воинская дисциплина в отношении бесчестья, когда кто-то покидает место [сражения]; а равно и размер жалованья, воинские чины, почетные награды, когда одаряются [воины] венком[26], либо ожерельями[27]. (2) К нему же относятся и раздел добычи, ее справедливое распределение в соответствии с личными качествами и вкладом каждого; а также и полагающаяся полководцу доля.

Глава VIII. Что есть право публичное

(1) Публичное право (ius publicum) касается священнодействий, жрецов и магистратов[28].

Глава IX. Что есть квиритское право

(1) Квиритское право есть собственное право римлян, которым никто кроме квиритов, то есть римлян, не пользуется[29]. К нему относятся, например, законные наследства (hereditates), торжественные заявления об их принятии (cretio), опека (tutela), приобретение собственности по давности (usucapio). Эти права неизвестны никакому другому народу, но являются сугубо римскими и установлены только у них одних. (2) Состоит же квиритское право из законов и плебисцитов, конституций и эдиктов принцепсов, или из ответов сведущих в праве[30].

Глава X. Что есть закон

(1) Закон (lex) есть установление народа, которым благородные по рождению санкционируют что-либо вместе с плебеями[31].

Глава XI. Что есть плебисцит

(1) Плебисциты (scita) суть решения, которые принимаются исключительно плебсом. Названы же они «плебисцитами» оттого, что их «постановляет плебс» (plebs sciat), или оттого, что принимается то, что обсуждается (sciscere) и вносится [на рассмотрение плебса][32].

Глава XII. Что есть сенатусконсульт

(1) Сенатусконсульт (senatusconsultum) есть то, что постановляют одни только сенаторы (senatores), посоветовавшись с народом[33].

Глава XIII. Что есть конституция и эдикт

(1) Конституция (constitutio) или эдикт (edictum) – это то, что царь или император устанавливает (constituere) или приказывает (edicere)[34].

Глава XIV. Что есть ответы сведущих [в праве]

(1) «Ответами» (responsa) именуют то, что лица, сведущие в праве, «отвечают» (respondere) испрашивающим у них совета; отсюда «Ответами» названо

---

[26] О типологии венков см., напр.: *Fest*. s.v. Civicam coronam. P. 37 L, Castrensi corona. P. 49 L, Gradivus. P. 86 L, Navali corona. P. 157 L, Obsidionalis corona. P. 209 L, Ovalis corona. P. 213 L.
[27] См.: *Isid*. Etym. XIX. 31. 11.
[28] Ср.: D. 1. 1. 1. 2.
[29] Ср.: Inst. II. 2.
[30] Ср.: *Gai*. I. 2; D. 1. 1. 7pr.; Inst. I. 2. 3.
[31] Ср.: *Gell*. X. 20. 2; *Gai*. I. 3; Inst. I. 2. 4.
[32] Ср.: *Gell*. X. 20. 6; *Fest.* s.v. Populi commune suffragium. P. 264 L; Scita plebei. P. 372 L; Scitum populi. P. 442 L; *Gai*. I. 3; Inst. I. 2. 4.
[33] Ср.: *Gai.* I. 4; Inst. I. 2. 5.
[34] Ср.: *Gai.* I. 5–6; Inst. I. 2. 6–7.

и [сочинение] Павла[35]. Ведь были некие мудрецы и арбитры справедливости, которые издали составленные ими учебники гражданского права, и способствовали тем улаживанию тяжб и споров сторон в суде.

Глава XV. О законах консульских и трибунских

Некоторые законы именуются в зависимости от того, кто их предложил, как, например: консульские, трибунские, Юлиевы, Корнелиевы. Ведь и при Цезаре Октавиане консулы-суффекты Папий и Поппей внесли закон, касавшийся поощрения отцов, имеющих детей, который от имен их зовется [законом] Папия-Поппея[36]. (2) При том же императоре плебейский трибун Фальцидий предложил закон[37], в соответствии с которым никто не должен был отказывать по завещанию в пользу сторонних лиц больше определенной суммы, так чтобы прямым наследникам оставалось не менее четверти [полагавшегося по закону]. От имени его и закон назван Фальцидиевым. Также и Аквилий [внес закон, который до сих пор зовется Аквилиевым][38].

Глава XVI. О сатуровом законе

(1) Сатура (satura) же – это закон, в котором речь идет сразу о многих предметах[39]; назван он так от множества [рассматриваемых в нем] вещей, как бы от «обилия» (saturitas); отсюда «писать сатуры» означает «кропать стихи на различные темы»; [сатурами именуются], например, [стихи] Горация, Ювенала и Персия. *Lex novella* (новый закон)...

Глава XVII. О Родосских законах

(1) Родосские законы – законы о морской торговле, названы так от острова Родос, который с древних времен был прибежищем торговцев[40].

Глава XVIII. О привилегиях

(1) Привилегиями (privilegia) же являются законы, касающиеся частных лиц, как бы «частные законы» (privatae leges). Ведь слово «привилегия» (privilegium) произошло оттого, что вносится она в отношении частного лица (in privato)[41].

Глава XIX. Что может закон

(1) Всякий закон либо что-либо позволяет[42], как, например: «Пусть награду требует муж храбрый», либо запрещает, как, например: «Никому не позволительно домогаться брака со священными девами», либо наказывает, как, например: «Кто совершит убийство, да поплатится головой». Таким образом жизнь человеческая умеряется его наградою или наказанием.

Глава XX. Для чего создан закон

Законы созданы, чтобы страхом перед ними сдерживать человеческую дерзость, и меж бессовестных защищать честность, и чтобы самих преступников страхом наказания отвращать от причинения вреда.

---

[35] Ср.: *Gai*. I. 7; Inst. I. 2. 8. Павел – один из наиболее известных юристов III в. Написал 86 работ (300 книг). В соответствии с законом 426 г. Валентиниана III его мнению была придана обязательная сила. Фрагменты из его работ составляют шестую часть Дигест Юстиниана.

[36] Закон 9 г.н.э., вносивший поправки в законы Юлия 18 г. до н.э. Согласно ему, отцы, имевшие детей, обладали преимуществом при избрании на должности. См.: *Gell*. I. 12, 11–12; *Gai*. I. 145; II. 111; 206–208; 286; III. 42; 44; 46; 49–53; D. 4. 4, 2; 23. 2 etc.

[37] Закон 40 г. до н.э. Ср.: *Gai*. II. 227.

[38] Закон относят к 286 г. до н.э. См.: *Gai*. III. 202; 210–219; IV. 9; 37; 76; 109 etc.

[39] Ср.: *Fest*. s.v. Satura. P. 416 L.

[40] См.: D. 14. 2.

[41] Ср.: *Gell*. X. 20. 4.

[42] Ср.: D. 1. 3. 7.

Глава XXI. Каким должен быть закон

Да будет закон честным, справедливым, исполнимым, в согласии с природой, соответствующим обычаям родины, подходящим месту и времени, необходимым, полезным, а также ясным, чтобы никакая неясность [его формулировок] не способствовала обману, написанным не для выгоды частного лица, но ради пользы всех граждан.

Глава XXII. О тяжбах

(1) Πρᾶγμα – греческое слово, что по-латыни означает «тяжба», отсюда и ведение дел именуется прагматикой (pragmatica), а лицо, возбуждающее тяжбу и ведущее дело, именуется прагматиком (pragmaticus)[43].

Глава XXIII. О свидетелях

(1) Свидетели [суть те, с помощью кого в суде выявляется истина]. Перед слушаниями каждый привязывает их к себе соглашениями, чтобы впоследствии свидетель не мог свободно скрыться или отказаться от участия в процессе; оттуда и называются они «связанными» (alligati). Также свидетели названы *testes* по той причине, что обычно приглашаются при составлении завещания (testamentum); их называют и сигнаторами (signatores), так как они заверяют завещание своей печатью (signare).

Глава XXIV. О законных инструментах

(1) Согласие (voluntas) – общее наименование всех законных инструментов; оно получило такое наименование потому, что проистекает не из произвола, а из доброй воли (voluntas). (2) Завещание названо так оттого, что пока наследодатель не умрет, нельзя ни придать ему законную силу, ни узнать, что в нем написано, поскольку оно закрыто и запечатано; названо оно *testamentum* по той причине, что оно недействительно, пока не установлен надгробный памятник (monumentum) [на могиле] завещателя (testator); отсюда и Апостол [Павел] говорит (Hebr. 9:17): «Завещание действительно после умерших». (3) Но в Священных писаниях благоразумно зовется *testamentum* не только то [завещание], которое имеет силу лишь после смерти завещателя, но всякий договор и соглашение. Действительно, Лабан и Яков составили завещание, которое, конечно, имело значение и среди живых, ведь читаем в Псалмах (82, 6): «Заключили они завещание против тебя», то есть соглашение; и примеров такого рода великое множество. (4) Завещательные дощечки (tabulae testamenti) названы так оттого, что до использования бумаги и листов папируса писались на обработанных дощечках не только завещания, но и тексты писем; откуда посыльные звались табелляриями (tabellarii). (5) Завещание, составленное по гражданскому праву (testamentum iuris civilis), суть то, которое скреплено подписями пяти свидетелей. (6) Завещание, составленное по преторскому праву (testamentum iuris praetorii), суть то, которое скреплено печатями семи свидетелей; но первое совершается перед гражданами (cives), отсюда – «по гражданскому праву»; второе – перед преторами, отсюда – «по преторскому праву»[44]. «Запечатывать завещание» (testamentum signare) означает «ставить печать» (notare), то есть удостоверять то, что в нем написано. (7) «Собственноручное завещание» (holographum testamentum) суть то, которое полностью написано и подписано рукой наследодателя; откуда оно и получило свое наименование; ведь у греков «весь» – ὅλος, а «письмо» – γραφή. (8) «Недействительным» завещание (inritum testamentum) считается в том случае, если составившее завещание лицо умалено в своей правоспособности (capite deminutus), либо оно неверно составлено[45]. (9) «Противное долгу» завещание (inofficiosum testamentum) – то, которое составлено без соблюдения есте-

[43] Ср.: D. 48. 19. 9. 4.
[44] Ср.: C.Th. 4. 4. 3 pr.; Lex Rom. Vis. 4. 4. 3. 3; а также: *Gai*. II. 114–119.
[45] Ср.: *Ulp*. Ep. 23. 4.

ственного благочестия в пользу сторонних лиц, лишая тем самым детей наследства без основательной на то причины[46]. (10) «Разрушенным» завещание (ruptum testamentum) зовется оттого, что «разрушается» (disrumpere) по причине рождения постума[47], который и не лишен наследства, и не назначен наследником. (11) «Утаенное» завещание (suppressum testamentum) суть то, которое не было открыто обнародовано, чиня тем вред наследникам или легатариям, либо вольноотпущенникам; даже если оно не утаено, но при этом о нем неизвестно упомянутым персонам, оно все-таки считается утаенным. (12) Нункупация (nuncupatio) – [торжественное устное заявление], которое делает завещатель, заявляющий, держа навощенные таблички: «Как то написано на этих навощенных табличках, так я и оглашаю, так я и завещаю; а вы, римские граждане, подтвердите то для меня»; это заявление и зовется *nuncupatio*, ведь *nuncupare* означает «открыто провозглашать и подтверждать»[48]. (13) «Право детей» (ius liberorum) суть взаимное соглашение меж бездетных супругов о назначении друг друга наследниками вместо детей. (14) Дополнение к завещанию, как говорят древние, несомненно названо кодициллом (codicillum) в честь создателя, который учредил этот вид письменных распоряжений. И это письменное распоряжение не требует никакой формальности изложения, а лишь воли завещателя, выраженной ясно в письменном виде. Общеизвестно, что из-за сложности юридических формулировок и, конечно, из-за необходимости исполнения формальностей, пожеланиям умерших с помощью кодицилла оказали поддержку, тем самым, что бы ни написал наследодатель, он именовал написанное кодициллом. И как кодицилл может быть составлен вместо завещания, так и письмо – вместо кодициллов[49].

(15) Креция (cretio) – определенное число дней, в рамках которых назначенный наследником или вступает в наследство, или по завершении времени креции исключается из числа наследников, и более не имеет возможности получения наследства. (16) Говорили *cretio* как если бы *decretio*, то есть «решать», либо «устанавливать», как, например: «Пусть такой-то будет моим наследником»; и добавляется: «и пусть решится принять наследство в течение стольких-то дней»[50]. В тех случаях, когда креция была опущена в тексте, устанавливался стодневный срок для вступления в наследство[51]. (17) Фидеикомисс (fideicomissum) назван так оттого, что то, что поручается (committere) умершим, исполняется (fiat) [наследником]; ведь «обещание» (fides) получило свое наименование оттого, что оно «исполняется» (fiat); высказывается оно, однако, не в виде требования, но просьбы[52]. (18) Пактом (pactum) зовется письменное соглашение между сторонами, заключенное в состоянии мира (pax), одобренное законами и обычаями; назван он *pactum* оттого, как если бы был «порожден миром» (ex pace factum), то есть [от глагола] *pacere* (делать мирным); от него [происходит и форма] *pepigit* (он заключил)[53]. (19) Аналогичным образом [и слово] «соглашение» (placitum) [произошло] оттого, что оно «устраивает» (placere) [стороны]. Некоторые полагают, что *pactum* есть то, что каждый заключает по доброй воле; [тогда как к заключению] *placitum* лицо может быть побуждено и без желания, когда, например, кто-либо приведен в суд, чтобы ответствовать; это не может быть названо *pactum*, только *placitum*. (20) Договор поручения назван *mandatum* оттого, что

[46] Ср.: *Paul.* Sent. IV. 5. 1.
[47] Постум – ребенок, родившийся после смерти отца. Рождение такого ребенка, не упомянутого в завещании, вело к его разрушению. См.: *Gai*. II. 131.
[48] См.: *Gai*. II. 104. Ср.: *Ulp*. Ep. 20. 9.
[49] См.: D. 29. 7.
[50] Ср.: *Gai.* II. 164; *Ulp*. Ep. 22. 23.
[51] См.: *Gai.* II. 165–174.
[52] Ср.: *Gai.* II. 248.
[53] См.: *Fest*. s.v. Pacionem. P. 297 L; D. 2. 14. 1. 1. *Ср*.: *Isid*. Etym. XVIII. 1. 11.

некогда по заключении сделки один подавал руку другому (manum dabat). (21) «Имеющее законную силу» (ratum) [есть] как бы «основательное» (rationabile) и «правильное» (rectum), откуда и тот, кто в том заверяет, говорит: «Я открыто заявляю, что имеет это законную силу (ratum esse)», то есть является твердым и неизменным[54]. (22) *Rite* – не то, что [сделано] «правильно» (recte), а то, что сделано в соответствии с обычаем (ex more)[55]. *Chirographum* (хирограф)... *Cautio* (расписка)... (23) «Купля-продажа» (emptio et venditio) – это и обмен вещами, и контракт, возникающий из согласия [сторон][56]. (24) Назван договор *emptio* оттого, что [вещь переходит] «от меня к тебе» (a me tibi); *venditio* есть как бы *venundatio*, то есть [происходит от слова] *nundinae* (рыночные дни). (25) Дарение есть передача какой-либо вещи. Названо оно *donatio*, полагают, как если бы [говорилось] *doni actio* (передача дара), а приданое названо *dos*, как если бы [говорилось] *do item* (я даю так же). Ведь за подарком на свадьбе следует приданое. (26) Действительно, в древности был обряд бракосочетания, в рамках которого муж и жена покупали друг друга, чтобы не казалось, что жена – это служанка, как то имеет место быть и в нашем праве. Отсюда проистекает то, что за дарением мужа следует приданое жены[57]. (27) «Узуфруктуарным» (donatio usufructuaria) зовется дарение оттого, что даритель удерживает за собой узуфрукт (usum fructum), тогда как право собственности передано одариваемому[58]. (28) «Прямым» (donatio directa) дарение зовется оттого, что и право собственности, и право пользования тотчас переходят к другому, и поэтому ничто не может быть возвращено под власть дарителя[59]. (29) Кондикции (condiciones) в собственном смысле – это засвидетельствованные соглашения, а названы они так от [глагола] *condicere* (говорить вместе), как бы то, что «произносится вместе» (condiciones), поскольку произносит клятву при их заключении не один свидетель, но два или больше. Ведь не устами одного, но двух, либо трех свидетелей подкрепляется всякое слово. Помимо того, зовутся они *condiciones* оттого, что показания свидетелей сходятся (se conveniat), как бы *condictiones* (то, что произнесено совместно). (30) Стипуляция (stipulatio) – это обещание или спонсия; отсюда и обещающие именуются стипуляторами (stipulatores). Стипуляция названа так от [слова] «соломинка» (stipula), ведь древние, когда что-нибудь обещали, удерживая соломинку, разламывали ее, а признавали свои клятвенные обещания, соединяя [части] вновь; [либо оттого, как полагает юрист Павел, что *stipulus* означало «прочный»][60]. (31) *Sacramentum* есть залог, [устанавливаемый посредством] клятвенного обещания (sponsio); назван же он так оттого, что нарушать то, что обещает каждая [из сторон], бесчестно[61].

Глава XXV. О вещах

(1) Наследство суть имущество, которое по смерти кого-либо переходит другому либо на основании завещательного отказа, либо через удержание владения[62]. Названо же оно *hereditas* от [выражения] «принятые вещи» (res aditae), или от [слова] «деньги» (aes), поскольку тот, кто владеет землей, платит налог; *откуда и «имущество» (res)*. (2) Вещи (res) суть то, что находится у нас по праву. Законными (iura) являются те вещи, которыми мы владеем законным

[54] Ср.: *Fest*. s.v. Ratissima. P. 365 L.
[55] См.: *Fest*. s.v. Ritus. P. 337 L.
[56] См.: *Gai*. III. 135–136; 141.
[57] Постклассическое римское право знало не только приданое жены (dos), но и предбрачный дар мужа (donatio ante nuptias).
[58] См.: Lex. Rom. Burg. 22. 5.
[59] См.: C. Th. 8. 12. 1pr.; Lex Rom. Vis. 8. 5. 1pr.
[60] Ср.: *Paul.* Sent. V. 7. 1.
[61] Ср.: *Gai*. IV. 14; *Varr*. LL. V. 180; *Fest*. s.v. Sacramentum. P. 467; 469 L.
[62] Ср.: *Cic*. Top. 29. 7.

образом (iuste), и которые не являются собственностью других лиц (aliena). (3) Вещь названа *res* от «правильного обладания» (recte habendo) ею, а право [собственности] (ius) от «законного владения» (iuste possidendo). Ведь тем, чем обладают «по праву» (iure), владеют «законно» (iuste); то «законно», что «без порока» (bene). То, чем обладают порочно (male), является чужим. Порочно владеет тот, кто либо ненадлежащим образом использует свое, либо захватывает чужое. Законно владеет тот, кто не опутан алчностью. Всяк, кто одержим алчностью, – обладатель (possessus), но не владелец (possessor). (4) Добро (bona) – имущество достойных и знатных лиц, оно потому зовется *bona*, что обладают они им не для постыдного употребления, оно используется людьми с благими (bona) намерениями[63]. (5) Пекулий (peculium), в собственном его значении, относится к подвластным лицам семейства или рабам, ведь пекулий – это то [имущество], с которым отец или хозяин позволяет обращаться сыну или рабу как со своим собственным. Пекулий назван так от домашнего скота (pecudes), из которого у древних и состояло все богатство[64]. (6) «Владение имуществом» (bonorum possessio) есть право владения, приобретенное определенным порядком и на определенном правовом основании[65]. (7) «Интестатное» (intestata) наследство суть то, которое не установлено в форме письменного завещания, либо, хотя и установлено письменно, наследник в него не вступил законным образом. (8) Наследство именуется «вымороченным» (caduca) оттого, что наследники умерли (cadere)[66]. (9) *Familia herciscunda* означает разделение наследства между наследниками, ведь разделение у древних называлось *herciscunda*[67]. (10) Иск о разделе общего имущества (communi dividendo [actio]) подобает тем, кто обладает общим имуществом. По этому иску должен быть назначен арбитр для тяжущихся, и имущество должно быть разделено в соответствии с его решением[68]. (11) Иск о размежевании границ (finium regundorum actio) назван так оттого, что с его помощью определяются границы земельных владений соседей, дабы они не нарушались; предметом спора при этом не может быть участок уже пяти футов[69]. (12) *Locatio* – имущество, предоставленное в пользование за определенную плату. (13) *Conductio* – имущество, принятое в пользование за установленную плату[70]. (14) *Res credita* – имущество, переданное с тем обязательством, что по истечении времени, о котором речь шла в контракте, оно должно быть возвращено. (15) *Usura* – приращение процентов; получило наименование от использования предоставленных в долг денег (usu aeris)[71]. (16) *Commodatum* – это то [имущество], которое принадлежит нам по праву, но временно ссужено другому на определенный срок (cum modo temporis), в течение которого оно будет у него; оттуда и названо *commodatum*[72]. (17) Прекарий (precarium) – это когда кредитор, к которому обратился с мольбою (prece) должник, позволяет ему сохранить владение заложенным земельным участком и получать с него доход. Прекарий назван так по той причине, что [для его получения] «обращаются с просьбой» (prece aditur), как бы *precadium*, а буква R поставлена вместо D[73]. (18) Заем назван *mutuum* оттого, что предоставляется «мной тебе» (a me tibi), делается «из моего твоим» (ex meo tu-

[63] Ср.: *Fest*. s.v. Bona. P. 27 L.
[64] Ср.: *Fest*. s.v. Peculium. P. 291 L; *Serv*. Ecl. I. 32.
[65] См.: *Gai*. II. 119–120.
[66] Ср.: *Gai*. II. 150.
[67] См.: *Fest*. s.v. Erctum citumque. P. 72 L; *Gai*. II. 219; IV. 42; D. 10. 2.
[68] См.: D. 10. 3.
[69] См.: D. 10. 1.
[70] См.: *Gai*. III. 135; 142–147; 162.
[71] См.: D. 22. 1.
[72] См.: D. 2. 7. 1; 13. 6.
[73] См.: D. 43. 24. 1.

um)[74]. (19) Депозит (depositum) – это залог[75], препорученный на время, как бы «надолго отданный» (diu positum). Производится депозит, как кажется, тогда, когда кто-либо пекущийся о сохранности, боясь воровства, пожара, кораблекрушения, оставляет что-либо у другого лица. (20) Имеется различие в применении между залогом (pignus)[76] и задатком (arra). Ведь залог есть то, что дается в обеспечение заемной вещи, и когда та возвращается, тотчас передается и залог. Задаток же есть та сумма, которая передается непосредственно при покупке вещи, совершаемой на основании договора доброй совести, тогда как оставшаяся часть уплачивается впоследствии [при ее получении]. (21) Поскольку за задатком должна последовать оплата оставшейся суммы, то он и не должен возвращаться. Отсюда тот, кто получает задаток, не возвращает его, а требует полной оплаты, в отличие от залога; задаток назван так от вещи (res), за которую он передается[77]. Кроме того, имеется следующее различие между залогами, [именуемыми] пигнус (pignus), фидуция (fiducia), ипотека (hypotheca). (22) Ибо пигнус – это то, чем обеспечивается возврат кредита, кредитор получает при этом на время только владение (possessio) вещью, переданной в залог. Собственность (dominium) же остается у должника. (23) Фидуция – это когда какая-либо вещь, принятая в качестве обеспечения денежного займа, либо манципируется, либо уступается в суде[78]. (24) Ипотека – это когда вещь ссужается без передачи самого залога по заключении соглашения (pactum) или предоставлении письменной гарантии (cautio)[79]. (25) Момент (momentum) назван так от краткости промежутка времени, так как при совершении непорочной сделки [вещь] возмещается настолько быстро, насколько возможно, да и не должно возникать никакой просрочки при истребовании [вещи]; также, поскольку он не имеет никакой продолжительности, миг его во времени столь краток, что из него не может проистечь никакая просрочка. (26) Инструмент (instrumentum) есть то, чем мы что-либо создаем, как то нож, тростниковое перо, плотничный топор. (27) *Instructum*[80] суть то, что создается посредством инструмента, как то посох, книга, игральная доска. (28) *Usus* – пользование, мы прибегаем к нему по отношению к изготовленной вещи, как, например, опираясь на посох, читая книгу, играя на игральной доске; но и доход от земель, поскольку мы им пользуемся (uti), именуется пользованием (usus). Имеется три вида пользования. (29) Узуфрукт (ususfructus) назван так оттого, что доход извлекается одним лишь пользованием (usus) [вещью], тогда как собственность [на нее] находится у другого лица[81]. (30) *Usucapio* есть приобретение собственности [на вещь] посредством непрерывного законного владения ею либо в течение двух лет, либо какого-то иного срока[82]. (31) «Манципация» (mancipatio) названа так оттого, что вещь «захватывается рукой» (manu capitur). Поэтому тот, кто приобретает что-либо посредством манципации, должен сам схватить то, что передается ему в собственность[83]. (32) Цессия (cessio) есть

[74] Ср.: *Gai*. III. 90.
[75] См.: *Gai*. III. 207. Депозит – договор безвозмездного хранения, что очевидно из последующего рассуждения Исидора, который неточно здесь использовал слово *pignus* (залог).
[76] См.: D. 50. 16. 238. 2.
[77] См.: *Gai*. III. 139; D. 18. 1. 35pr.
[78] См.: *Gai*. II. 59sq.; D. 38. 17. 2. 15.
[79] См.: D. 13. 7. 9. 2.
[80] Букв. «созданное», причастие от глагола *instruo*.
[81] См.: *Gai*. II. 30.
[82] Согласно законам XII Таблиц (VI. 3) давностный срок на движимые вещи составлял один год, на недвижимые – два года. Позднее увеличился. См.: *Gai.* II. 41sq; III. 80; IV. 36; D. 41. 3. 3.
[83] См.: *Varr*. LL. VI. 85; *Gai*. II. 113, 119.

уступка (concessio) самой вещи в такой, например, форме: «Уступаю по праву родства»[84]. Ведь *cedere* мы говорим в значении «признавать» (concedere), то есть признавать, что вещи наши собственные. Ибо чужие вещи мы «возвращаем» (restituere), а не «уступаем» (cedere). В собственном смысле используют глагол «уступать» (cedere) в отношении того, кто, идя против правды, соглашается с другим, как, например, говорит Цицерон (Ligar. 7, 22): *«Cessit amplissimi viri auctoritati, vel potius paruit»* (Уступил авторитету сильнейшего мужа или, скорее, повиновался). (33) Интердикт (interdictum) есть то [предварительное решение], которое объявляется судьей временно (interim dicitur), с тем чтобы, когда появится благоприятная предпосылка, принять окончательное решение по рассматриваемому делу[85]. (34) Оплата названа *pretium* оттого, что мы сначала (prius) оплачиваем товар, а взамен должны приобрести владение той вещью, которую приобретаем[86]. (35) Торговля (commercium) получила наименование от слова «товары» (merces), этим словом мы именуем продаваемые вещи. Отсюда торжищем (mercatus) зовется многолюдное сборище, где обычно продаются и покупаются вещи[87]. (36) Восстановление в исходное состояние (restitutio integri) есть восстановление в таковое сделки или вещи. Восстанавливается в исходное состояние та сделка, которая была отменена по требованию магистрата. (37) Восстанавливается в исходное состояние та вещь, которая изымается или отбирается по требованию магистрата[88].

Глава XXVI. О преступлениях, записанных в законе

(1) Слово «преступление» (crimen) [происходит] от [глагола] «быть лишенным» (carere); так, например, воровство, обман и прочие [преступления], хотя и не караются смертью, приводят к бесчестью. (2) Злодеяние (facinus) названо так от причинения (facere) зла, поскольку один чинит вред другому[89]. (3) Позорное деяние [названо] *flagitium* от стремления к порочной страсти (flagitare), вред при этом причиняется самому себе[90]. (4) Все прегрешения делятся на два вида. *Vis* – это могущество лица, наделенного властью: обладая им, оно может либо открыть производство по делу, либо отказать в тяжбе, либо приумножить имущество, либо отнять его. (5) Частный произвол (vis privata) суть, если кто без [на то решения] суда, используя вооруженных людей, станет отгонять от своего [имущества] или захватывать [чужое]. (6) Публичный произвол (vis publica) суть, если кто гражданина, апеллирующего к народу, судье или царю, убьет, либо подвергнет истязаниям или бичеванию, либо закует в цепи. (7) Обман (dolus) – ума измышление, [назван он так] оттого, что «вводит в заблуждение» (deludere), ведь [обманщик] делает одно, а выдает за другое. Петроний считает иначе, говоря: *«Quid est, iudices, dolus? Nimirum ubi aliquid factum est quod legi dolet. Habetis dolum, accipiter nunc malum»* (Что, судьи, является обманом? Конечно, когда что-либо сделано из того, о чем больно читать. Об обмане вы осведомлены, теперь о злом умысле). (8) *Calumnia* – процесс по ложному обвинению, назван так от

[84] В римском архаическом праве – один из способов приобретения собственности, наряду с манципацией и правом давности, совершаемый перед магистратом (in iure cessio). См.: *Gai*. II. 24–37.
[85] См.: *Gai*. IV. 139 sq.; D. 43. 1.
[86] См.: *Varr*. LL. V. 177; *Gai*. III. 141; *Non. Marc*. s.v. Pretium. 365 M.
[87] См.: *Non. Marc*. s.v. Merx et mercatura. P. 431 M.
[88] См.: D. 4. 1.
[89] См.: *Non. Marc*. s.v. Facinus. P. 309 M.
[90] Ср.: *Augustin*. De doct. Chr. III. 10. 16: «Действие необузданной похоти ко вреду и растлению собственного тела и души называется развратом (flagitium), а действие похоти ко вреду и пагубе ближнего именуется злодеянием (facinus)»; *Non. Marc*. s.v. Flagitium. P. 313 M.

calvere, то есть «обманывать»[91]. (9) Слово «ложь» (falsitas) произошло от [выражения] «говорить иное, нежели правду» (fari aliud). (10) Обида (iniuria) есть несправедливость (iniustitia). Отсюда у комедиографов (*Plaut*. Mil. 436): *«Iniurias»* («Ты чинишь насилие»), – о том, кто осмеливается делать что-либо против нормы права (ius). (11) Раздор меж граждан зовется *seditio* оттого, что одни «идут отдельно» (seorsum ire) одни от других[92]. Действительно, радуются те очень хаосу и смуте. (12) Святотатство (sacrilegium) в собственном смысле есть кража священных предметов. Позже это слово стало относиться к почитанию идолов[93]. (13) Прелюбодеяние (adulterium) есть соблазнение чужого супруга, свое наименование прелюбодеяние получило оттого, что оскверняло брачное ложе другого (alterius torum)[94]. (14) *Stuprum* (бесчестье)…[95] Насилие (raptus) в собственном смысле есть недозволенное соитие, названо так от [глагола] «совращать» (conrumpere); отсюда и о том, кто наслаждается развратом, говорят «rapto potitur». (15) Слово «человекоубийство» (homicidium) составлено из [слов] «человек» (homo) и «убийство» (caedes). Ведь того, кто был изобличен в том, что убил человека, древние называли человекоубийцей (homicida). (16) Иск из отцеубийства (actio parricidii) давался не только против того, кто убил родителя (parens), то есть отца или мать, но и против того, кто убил брата; и названо отцеубийство *parricidium*, как если бы говорилось «убийство родителя» (parentis caedes)[96]. (17) Иск из убийства (internecivum iudicium) давался против того, кто составил фальшивое завещание и из-за этого убил человека. Обладание его собственностью переходило обвинителю. *Internecivus* имеет значение «касающийся убийства», как бы некого рода убийство (enectio) человека, ведь приставку *inter* ставили вместо *e*. Невий (trag. 52): *«Mare interbibere»* (Осушить море); и Плавт (frag. 87): *«Interluere mare»* (Уничтожить море), то есть *ebibere* и *eluere*. (18) Воровство (furtum) – тайное расхищение чужих вещей; названо так от [прилагательного] *furvus*, то есть «темный», потому что совершается в темноте. Воровство, прежде чем оно стало наказываться четырехкратным штрафом, считалось у древних уголовным преступлением[97]. (19) *Pervasio* – открытое использование чужой собственности. Воровство относится к тем вещам, которые могут быть перенесены из одного места в другое; *pervasio* же относится как к движимым, так и к недвижимым вещам[98]. (20) *Inficiatio* есть отрицание долга, когда тот настоятельно истребуется кредитором[99]. Аналогично с тем и *abiuratio*[100], то есть клятвенное отрицание принятия займа. (21) *Ambitus* есть иск против того, кто подкупом выпрашивает (ambire) и приобретает почетную должность; он утратит достоинство, которое приобретает услугою[101]. (22) Иск из *peculatus* предоставляется против тех, кто совершает кражу из эрария и похищает государственное имущество. Действительно, это наименование государственного преступления произошло от [слова] «деньги» (pecunia)[102]. Однако дело о краже государствен-

[91] См.: *Non. Marc*. s.v. Calumnia. P. 263 M; D. 48. 16. 1 pr.
[92] Ср.: *Serv*. Aen. I. 149; *Non. Marc*. s.v. Seditionis. P. 25 M.
[93] Ср.: *Non. Marc*. s.v. Legere. P. 331 M.
[94] Ср.: *Fest*. s.v. Adulter et adultera. P. 20 L; D. 50. 16. 225.
[95] См.: *Fest*. s.v. Stuprum. P. 419 L; *Non. Marc*. s.v. Stuprum. P. 456 M; D. 17. 1. 6. 3; 17. 1. 22. 6 etc.
[96] См.: *Fest*. s.v. Parricidi quaestores. P. 242 L; *Paul*. Sent. V. 24; *Isid*. Etym. X. 225.
[97] Ср.: *Gai*. III. 189; *Serv*. Aen. VIII. 205.
[98] См.: C. Th. 2. 4. 5. 6.
[99] См.: *Non. Marc*. s.v. Infitiatores. P. 130 M.
[100] См.: C. Th. 10. 21. 3.
[101] См.: *Varr*. LL. V. 22; VII. 30; *Fest.* s.v. Ambitus. P. 5 L; 15 L.
[102] Ср.: *Varr*. LL.V. 95; *Fest*. s.v. Peculatus. P. 233 L; 269 L; Depeculatus. P. 66 L; D.48. 13. 3.

ного имущества рассматривается не так, как о краже частного. Ибо судят расхитителя публичного имущества подобно святотатцу (sacrilegus), поскольку является он вором священного имущества (sacra)[103]. (23) Обвиняется в лихоимстве (repetundae) тот, кто присвоил средства своих партнеров. Если ответчик при тяжбе такого рода умирает прежде суда, взыскание направляется против его имущества[104]. (24) Иск из кровосмешения (incesti iudicium) направлен против священных дев, либо кровных родственников. Те, кто вступают в связь с такого рода лицами, считаются *incesti*, то есть «нецеломудренными» (incasti)[105]. (25) Обвиняются в оскорблении величия (maiestas) те, кто нанес ущерб царскому величию или очернил его, либо те, кто предал государство или вступил в сговор с врагами[106]. (26) Прегрешение названо *piaculum* оттого, что может быть искуплено (expiari)[107]; сюда относятся те прегрешения, которые должны были искупаться определенным образом.

Глава XXVII. О наказаниях, установленных в законах

Зло (malum) определяется двояко. Согласно одному определению, это то, что творит человек, согласно другого, это то, что он претерпевает. То, что он творит сам, – провинность (peccatum); то, что он претерпевает, – наказание (poena). (2) Наказание названо так оттого, что оно карает (punire)[108]. Но при слове наказание имеется дополнение, и без него его значение не полно; слово приобретает завершенный смысл, когда ы говоришь: «наказание тюрьмой» (poena carceris), «наказание изгнанием» (poena exilii), «наказание смертью» (poena mortis). (3) Термин «кара» (supplicium) в собственном значении относится не к тому, кто вообще каким-либо образом наказывается, а лишь к тому, кто наказывается так, что имущество его объявляется священным и передается в государственную казну. Действительно, умилостивительные молебствия именовали *supplicia*. Именуется *supplicium* и то, что из уплаченного штрафа посвящается какому-либо богу; отсюда и *supplicare* (возносить моления)[109]. (4) Туллий [Цицерон] пишет, что в законах содержится восемь видов наказания, то есть штраф, оковы, бичевание, равное возмещение, лишение чести, изгнание, рабство и смерть[110]. Всякое совершенное преступление наказывается именно этими наказаниями. (5) Штраф (damnum) назван так от уменьшения (diminutio) имущества[111]. (6) Оковы (vincula) названы так от [глагола] *vincere*, то есть «ограничивать», потому что они «стягивают» и «удерживают»; либо потому, что они «сковывают силой» (vi ligant). (7) Кандалы (conpedes) названы так оттого, что «удерживают ноги» (continent pedes). (8) Путы, которыми спутываются ноги; названы *peducae* от удержания ими ног (pedes capere). (9) Оковы же названы *catenae* оттого, что удерживают (capiendo tenere) обе ступни, дабы препятствовать хождению. А также оттого, что скрепляются множеством узлов. (10) *Manicae* (наручники) – путы, которыми удерживаются руки; *manicae* могут зваться и рукава туник. (11) *Nervi* (путы)…[112] (12) *Boia* – шейные кандалы у осужденных, как бы ярмо у быка

[103] Ср.: *Non. Marc*. s.v. Legere. P. 331 M.
[104] Ср.: D. 3. 6. 1; 48. 11. 2.
[105] Ср.: *Fest*. s.v. Incestus. P. 95 L; *Isid*. Etym. X. 148.
[106] См.: *Fest*. s.v. Maiestas. P. 121 L; D. 1. 1. 11; 48. 4. 1. 1; 7. 3.
[107] См.: *Varr*. LL. VI. 29, 53.
[108] Ср.: *Varr*. LL. V. 177.
[109] Ср.: *Non. Marc*. s.v. Supplicium. P. 398 M.
[110] Ср.: *Cic*. de orat. I. 194.
[111] Ср.: *Varr*. LL. V. 176.
[112] См.: *Fest*. s.v. Nervum. P. 161 L.

(bos), которое также представляет из себя оковы[113]. (13) Тюрьма – место, в котором содержатся под охраной преступники. Названо оно *carcer* оттого, что люди там запираются и «удерживаются» (coercere); как бы *arcer*; разумеется, от [глагола] «заключать» (arcere). Место, в котором содержатся преступники, мы называем *carcer*, используя исключительно единственное число; место же, откуда выпускаются квадриги, мы употребляем только во множественном числе[114]. (14) Бичи (verbera) названы так оттого, что когда они используются, они сотрясают (verberare) воздух. Оттуда и «плети» (flagra), и «удары» (plagae), и «кнуты» (flagella), что издают они, при ударах по телу, свист (flatus) и скрип. Действительно, *plagae* есть как бы *flagae*; но *plagae* и *flagra* – первичная форма, *flagella* же – уменьшительная. (15) *Anguilla* – это кнут из кожи угря, которым наказываются дети в школах, в просторечье его именуют *scotica*. (16) *Fustes* – это палки, которыми наказываются за преступления подростки (iuvenes); названы так оттого, что стоят воткнутыми во рвах (fossae); селяне именуют их *pali* (колья). (17) Ломы названы *vectes* оттого, что их носят (vectare) в руках, откуда «крушить» (vellere) ворота и скалы; но они не относятся к наказаниям, установленным в законах. (18) Прутья (virgae) – вершинки ветвей и деревьев, названы так оттого, что покрыты зеленью (virides), либо оттого, что имеют силу убеждения (vis arguendi); если поверхность их гладкая, то это – прутья; если узловатая или колючая, то лучшее наименование для них – «скорпионы» (scorpio), потому как вонзаются в тело, оставляя дугообразную рану. (19) *Ictus* в собственном смысле – удары, наносимые бичами; получили наименование от [глагола] «бичевать» (agitare). (20) Когти[115] (ungulae) названы так оттого, что они «рвут» (effodere). Их называют и *fidiculae,* потому что с их помощью обвиняемые, дабы добиться от них правды (fides), истязаются на дыбе. (21) Дыба (eculeus) названа так оттого, что она «растягивает» (extendere). (22) Пытки (tormenta) – оттого, что намерение обвиняемого выявляется посредством вращения (torquere) на вороте. (23) Каменоломни (latomia) – вид кары, связанный с бичеванием, изобретенный Тарквинием Гордым для наказания грешников. Он первым изобрел тюрьмы, пытки, палки, каторгу на рудниках, изгнания, и сам первым из царей заработал изгнание. (24) Талион (talio) есть равенство наказания [преступлению], дабы кто каким образом содеял, тем же образом и претерпел. Ведь установлено и природой, и законом, что «чинящему вред воздается равное наказание»[116]. Отсюда и эти слова закона (Math. 5, 38): «Око за око, зуб за зуб». Однако равное возмещение должно использоваться не только при нанесении обиды (iniuria), но и при совершении благодеяния (beneficium). Ведь термин *talio* является общим и для обид, и для благодеяний. (25) Позор (ignominium) – оттого, что утрачивает свое честное имя (nomen) тот, кто схвачен при совершении какого-либо преступления[117]. Позор назван *ignominium*, как если бы [говорилось] *sine nomine*, подобно тому, как *ignarus* (несведущий) есть тот, кто *sine scientia* (без знания), а *ignobilis* (неизвестный) есть тот, кто *sine nobilitate* (без известности). (26) Позор назван также и инфамией (infamia), как бы «без доброй славы» (sine bona fama). Слава названа *fama* оттого, что распространяется *fando*, то есть через разговоры[118], от языков перемещаясь, словно по лозам, к ушам. Слово же это относится к вещам

[113] См.: *Fest*. s.v. Boiae. P. 32 L.
[114] Ср.: *Varr*. LL. V. 151, 153; *Serv*. Aen. I. 54.
[115] Орудие пыток.
[116] Ср.: *Juvenc*. Hist. evang. I. 549.
[117] См.: *Non. Marc*. s.v. Ignominia. P. 25 M.
[118] См.: *Varro*. LL. VI. 55; *Non. Marc*. s.v. Fama. 305 M.

как благим, так и порочным, ведь иногда это слава благая, какова *«inlustris fama»* (выдающаяся слава), она воздает похвалу, а иногда порочная, как у Вергилия (Aen. 4, 174); *«Fama, malum qua non aliud velocius ullum»* (Зла проворней Молвы не найти на свете иного; – пер. С.А. Ошерова). (27) Молва не имеет достойного названия, поскольку весьма неправдива, многое прибавляет к правде или искажает ее; она живет, пока не проверена [ее правдивость]. Но как только ты удостоверился, она исчезает, и с этого момента именуется не молвой, а фактом. (28) «Изгнание» (exilium) названо так, как если бы [говорилось] «вне страны» (extra solum), ведь того, кто находится вне страны, называют изгнанником (exul)[119]. Откуда *postliminium redeuntibus,* то есть право постлиминия для тех, кто возвращается из изгнания (оказавшись там незаконно), то есть из-за пределов (limen) их родины. Изгнание делится, однако, на изгнание сосланных (relegati) и изгнанных [из числа граждан] (deportati). (29) Сосланный (relegatus) – тот, кто сохраняет за собой свое имущество; изгнанный (deportatus) – тот, кто утрачивает свое имущество. (30) *Proscriptio* (объявление вне закона) – осуждение на «далекое изгнание», как бы *porro scriptio*. Кроме того, лицо, объявленное вне закона названо *proscriptus* оттого, что оно «внесено в список открыто» (palam scriptus). (31) Рудник (metallum) есть то [место], куда [осужденные] изгнанники направляются вырубать руду и мраморные плиты. (32) Рабство (servitus) названо так от [глагола] «сохранять» (servare). Ведь древние называли рабами (servi) тех, кому сохраняли (servare) жизнь во время войны. Это худшее из всех зол; для свободных оно тяжелее всякого наказания, ибо когда потеряна свобода, вместе с тем потеряно все[120]. (33) Есть различные способы умерщвления, среди которых крест (crux) или виселица (patibulum), на чем распинаются (cruciare) или претерпевают страдания (pati), привязанные к ним люди; оттуда и их названия[121]. (34) Виселицу же обычно называют *furca* (вилы), как если бы [говорили] *ferens caput*[122]. Подвешивание на ней и удушение [с ее помощью] приводит к смерти; но наказание виселицей является меньшим, чем распятие на кресте. Ибо повешенные на виселице гибнут моментально, распятые на кресте умирают медленно; откуда в Евангелии (Ioan. 19:32) [сказано, что] разбойникам перебили голени, чтобы умертвить их, дабы снять с креста до субботы, поскольку распятые на кресте они не могли быстро умереть. (35) Различаются также меж собой и виды казни. Более жестокие: быть утопленным в воде, будучи предварительно связанным, сгореть на костре, претерпеть смерть от холода и голода, быть брошенным [на растерзание] собакам и животным. Действительно, древние предпочитали умереть от меча, ведь меч позволяет легкой смертью закончить жизнь без тяжкого мучения. (36) *Culleum* – мешок для отцеубийц, назван так от *occulere*, то есть «запирать». Мешок этот сделан из кожи; отцеубийца, помещенный в него вместе с обезьяной, петухом и змеей, сбрасывается в море. Все виды приведенных смертоубийств именуются словом «кара» (animadversio). (37) Ведь кара есть то, на что судья осуждает виновного; говорится *animadvertere*, то есть «обратить его внимание» (animum illuc advertere), с тою целью, чтобы сосредоточиться на наказании виновного, потому как он судья. (38) Римляне отказывали в воде и огне некоторым осужденным, чтобы не пользовались они тем, что всем предоставлено природой, поскольку воздух и вода доступны каждому и даны всем[123].

[119] Ср.: *Non. Marc*. s.v. Exules. P. 12 M.
[120] См.: D. 50. 17. 106; 176. 1.
[121] См.: *Non. Marc*. s.v. Patibulum. P. 221 M.
[122] Букв.: «возносящаяся голова».
[123] См.: *Fest*. s.v. Aqua et igni. P. 3 L; *Gai*. I. 90, 128, 161; D. 4. 5. 5pr.; 28. 2. 29. 5; 37. 1. 13.

Isidorus Hispalensis. Etymologies sive origins.
Liber V. De legibus et temporibus

The publication is a translation of the fifth book (first part) of a well-known encyclopaedic work ("The Etymologies") devoted to the laws and times written by Isidore of Seville (560–636), a bishop of Seville. Isidore's work is based mostly upon the Roman antiquarian, grammatic and encyclopaedic tradition and the work itself became the basis of a medieval encyclopaedic tradition, but its first part based on the sources of the Roman law. The book has never been translated into Russian in full. The preface gives brief data on its structure and sources.

Keywords: Isidore of Seville, "The Etymologies", Roman antiquarian and grammatic tradition, early medieval encyclopaedia, Roman law

Павлов Андрей Альбертович, *кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и зарубежных стран Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина; aapavlov@rambler.ru*

Andrey Pavlov, *PhD (History), Associate Professor, Department of Russian and Foreign History, Syktyvkar State University; aapavlov@rambler.ru*

В.Г. Ананьев, М.Д. Бухарин

ВРЕМЯ ОЛЬДЕНБУРГА. POSTFACTUM II. СОХРАНЕНИЕ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ АКАДЕМИКА С.Ф. ОЛЬДЕНБУРГА В ПИСЬМАХ И ДОКУМЕНТАХ[1]

В статье публикуются письма и официальные документы, освещающие попытки сохранить научное наследие академика С.Ф. Ольденбурга в 1935–1944 гг. Усилия Е.Г. Ольденбург, а также коллег ее супруга по академии наук не увенчались успехом. Резкие перемены в условиях научной работы, смещение приоритетов в научной политике государства и начавшаяся Великая Отечественная война отложили на несколько десятилетий возобновление диалога со временем Ольденбурга.

Ключевые слова: *Академия наук СССР, С.Ф. Ольденбург, В.И. Вернадский, научное наследие, И.Ю. Крачковский, В.Л. Комаров, Н.П. Горбунов, архив РАН*

Первые попытки увековечить память академика С.Ф. Ольденбурга, сохранив и введя в научный оборот не опубликованное им при жизни научное наследие, были предприняты практически сразу после его кончины, но оказались безуспешны. Усилия вдовы Е.Г. Ольденбург, друзей и коллег по академии наук практически не привели ни к каким результатам. После Большого академического дела 1928–1929 гг. сменилась эпоха в научной политике советского государства и в истории самой советской науки. Поколение Ольденбурга оказалось быстро вытесненным из науки как по естественным причинам, так и вследствие репрессий. Государство не могло напрямую отказать в минимальной поддержке усилий вдовы С.Ф. Ольденбурга, но, как показывают документы, публикуемые ниже[2], не предприняло никаких решительных действий для увековечивания памяти ученого, фактически руководившего отечественной наукой в первой четверти XX в. Публикуемые документы наглядно демонстрируют в каких условиях протекала работа по составлению первой научной биографии ученого и подготовке к изданию его научных трудов, в т.ч. монументальных экспедиционных материалов. Сети персональных связей и личных отношений оказывались в этот период более действенным средством для сохранения исторической памяти, а отсутствие институциональной поддержки не позволяло перевести это сохранение на уровень актуализации. Материальные объекты (рукописи дневников и заметок) выступали в роли равноценных акторов сложного процесса конструирования и трансляции этой памяти.

[1] Статья подготовлена при поддержке РНФ (проект «Всемирная история в системе советской науки, культуры и образования в 1917–1947 гг.» № 18-18-00367).

[2] В данную публикацию, продолжающую первую часть (см.: Ананьев, Бухарин 2019) включены: три письма Е.Г. Ольденбург И.Ю. Крачковскому, четыре письма Е.Г. Ольденбург В.И. и Н.Е. Вернадским, пять – В.И. Вернадскому, два письма В.И. Вернадского Е.Г. Ольденбург, шесть писем Е.Г. Ольденбург к В.Л. Комарову, три письма В.Л. Комарова Е.Г. Ольденбург, одно письмо Е.Г. Ольденбург Н.П. Горбунову.

Всего в научный оборот вводится 24 документа[3].

Е.Г. Ольденбург – И.Ю. Крачковскому [1]

Многоуважаемый Игнатий Юлианович,

Как то на улице я встретила профессор Чернова[4], который, разговорившись со мною о бумагах и письмах Сергея Федоровича, предложил мне – не прочитаю ли я в Комиссии по истории Академии Наук сообщение о роде Ольденбургов, детские и гимназические годы Сергея Федоровича? Подобный материал у меня имеется, и половина уже написана, и я могу с большим удовольствием прочитать подобное сообщение. Довожу до Вашего сведения, как Председателя Комиссии. […]

Уважающая Вас

Елена Ольденбург

28 августа 1934 г.

Ленинград.

СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 686. Л. 1–1об.

Е.Г. Ольденбург – И.Ю. Крачковскому [2]

Многоуважаемый Игнатий Юлианович,

[…] Вероятно, в конце мая я уеду с внуком в Лугу до 25 июня. Буду сюда приезжать по выходным дням.

Биографическая канва Сергея Федоровича вплоть до его избрания в Академию Наук составлена мною полностью, т.е. на тех материалах, которые я могла достать. Дальнейшая канва [2об.] на основании *только* (пока еще) академических материалов составлена мною до 1933 г.

Я бы лишь просила Вас просмотреть вместе со мною первую часть работы и сказать, какие в ней недостатки и как ее надо переделать. Но это возьмет у Вас часа два. Я свое время уже буду пригонять к Вашему более или менее свободному времени. […]

Благодарная и уважающая Вас

Елена Ольденбург.

25 мая 35 г.

СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 686. Л. 2–2об.

Е.Г. Ольденбург – И.Ю. Крачковскому [4]

16 августа 1935 г.

Многоуважаемый Игнатий Юлианович,

Сегодня отправляюсь на Волгу, после того, как с небольшими перерывами я проболела два месяца. Вернусь или в сентябре или октябре. Биографическую канву довела до 1933 года. Конечно, некоторые годы придется усиленно дополнить по возвращении по материалам архива Академии Наук и отчасти ИВ АН.

Две коробки с карточками находятся у меня в квартире в конторке И.П. Минаева[5] (сын мой знает) и если Вам будет угодно, Вы во всякое время можете взять этот материал для просмотра.

Секретарю Издательства Академии Наук я подала заявление 14 августа, что в виду моей продолжительной болезни я не могу сейчас брать на себя никаких

[3] Пагинация листов не соответствует хронологии записей. Документы публикуются в современной орфографии. Сокращения раскрываются. Подчеркивания передаются курсивом. Вычеркнутые слова выделены звездочками (**), пропущенные и дополненные поставлены в угловые скобки (<>), квадратные скобки […] обозначают пропущенные фрагменты писем, не имеющие прямого отношения к теме публикации.

[4] Чернов, Александр Александрович (1877–1963) – российский советский геолог, палеонтолог, профессор МГУ (1917).

[5] Минаев, Иван Павлович (1840–1890) – выдающийся российский востоковед-индолог, учитель С.Ф. Ольденбурга и Ф.И. Щербатского, профессор СПбУ (1873).

обязательств, но после моего возвращения [4об.] я с удовольствием стану помогать в издании фольклорных материалов Сергея Федоровича. Самого заведующего Издательством не было, и мое заявление взяла заменяющая его т. Кузьмина.

Я уже в апреле передала около полутора десятка статей Сергея Федоровича по фольклору в Фольклорную секцию Академии Наук. В сентябре я надеюсь из Саратова прислать на Ваше имя перевод его доклада о народной сказке, читанный им в 1929 г. в Париже.

Простите за беспокойство. Привет Вере Александровне и большого ей успеха на конгрессе.

Будьте здоровы и всего Вам хорошего.

Уважающая и благодарная

Елена Ольденбург

СПбФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 686. Л. 4–4об.

Е.Г. Ольденбург – В.И. Вернадскому [3]

12/XII 1935.

Дорогой Владимир Иванович,

[…] Вы меня спрашивали в Вашей открытке, как обстоит дело с изданием трудов Сергея? Главное, большое дело с изданием трудов экспедиции в Турфан стоит на месте. (Бумага) Заявление, подписанное группой академиков и обращенное в Президиум, вот уже скоро год, как где-то застряло в Москве. Самойлович, как председатель востоковедной группы и директор Института Востоковедения, что-то промычал мне неопределенное на вопрос мой – оно в Президиуме, *кажется*(?) находят, что будет стоить дорого. Орбели[6] ничего не делает. Щербатский при личном свидании повел сам со мною разговор, что после смерти S.Lévi нет специалиста, нет друга такого и т.п. и тоже что-то очень расплывчато говорил мне, что теперь он единственный специалист, что он издает вместе с учеником своим Востриковым[7] серию буддийских образов, которые Сергей не нашел в Институте Востоковедения, а Востриков нашел в рукописном Отделе[8]. Я тут же сказала Щербатскому, что было бы очень хорошо, чтобы он взял на себя работу. Он беседовал вяло – ни отказ, ни согласие. У Крачковского (он Вам усердно кланяется) дело идет, но очень медленно, хотели начать печать в сентябре, хорошо, если начнут весною[9]. У Азадовского[10] собирается (мною) материал для издания сборника трудов Сергея по фольклору, но тоже это дело еще в колыбели[11]. А Н Самойлович просил меня (и я сделала уже) [4] собрать материалы для нового сборника – (биографии) некрологи ученых, написанные Сергеем. Как

[6] Орбели, Иосиф Абгарович (1887–1961) – российский советский востоковед, директор Государственного Эрмитажа в 1934–1951, действительный член АН СССР (1935).

[7] Востриков, Андрей Иванович (1902–1937) – советский востоковед, исследователь буддийской культуры, ученик и коллега Ф.И. Щербатского; расстрелян.

[8] О вкладе Ольденбурга в тибетологию см.: Востриков 1935: 59–81.

[9] И.Ю. Крачковский готовил к печати лекции С.Ф. Ольденбурга по истории Индии. Об этом он писал В.И. Вернадскому в письме от 7 февраля 1936 г. и приблизительно в той же тональности, в которой об этом пишет Е.Г. Ольденбург: «Работа, по обычаю, движется медленнее, чем хотелось бы; часто отрывают всякие случайные дела. Подготовляю к печати том с неопубликованными лекциями С<ергея> Ф<едоровича> по Индии; затрудняет, главным образом, дешифровка мест, пострадавших от наводнения» (АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 859. Л. 3об.); цит. по: Росов 1993: 83 (№30). Работа Крачковского по подготовке к изданию неопубликованных лекций С.Ф. Ольденбурга увидела свет только в 1991 г.: Ольденбург 1991.

[10] Азадовский, Марк Константинович (1888–1954) – российский советский литературовед, этнограф. В 1931–1942 гг. – руководитель фольклорных отделений Института по изучению народов СССР и Института русской литературы.

[11] Сборник работ С.Ф. Ольденбурга по фольклору издан не был.

видите, дело ползет, но именно ползет, а не идет. Я хожу в Издательство, в Архив, собираю материал, но есть много причин, которые не дают мне быть более активной, да и очень я близкое лицо Сергею. Главное нет объединяющего центра, с весом, с палкой в руках. Вот я теперь и решила, поговорив с И.Ю. Крачковским, просить нового Непременного Секретаря образовать при Академии (обязательно *вне* всяких институтов) Общую Комиссию по изданию трудов академика С.Ф. Ольденбурга и ему как Непременному Секретарю взять на себя председательство в Комиссии, а лицо, которое будет все это ворочать – секретарь Комиссии Ольга Александровна Крауш, бывшая жена Александра Евгеньевича[12]. Она чтит память Сергея глубоко, прекрасный работник и *желает очень* взять эту работу. Я напишу Николаю Петровичу[13] небольшое письмо и при нем приложу записку более подробную о деле. К Вам просьба *лично специально* ради только этого дела побывать у Н.П. Горбунова и лично от себя просить Н.П. Горбунова взять на себя председательство в этой новой Комиссии. Может быть, если Александр Евгеньевич здоров, Вы захватите и его, я думаю, что он не откажет. А здесь в группе востоковедов на заседании академики-востоковеды от группы будут просить Щербатского взять на себя редакторство над Турфаном, а т.к. материалы в Эрмитаже и работники-археологи-специалисты там, то эта же группа будет просить одновременно редакторства и академика Орбели. Я пишу (А.С.) Александру Семеновичу Стрелкову[14], специалисту Эрмитажа, чтобы он зашел к Вам и развернул перед Вами практически картину издания Турфана. Стрелков живет в Москве – 95: Арбат, Калашный переулок, дом 6, кв. 3.

Ну, вот и все, дорогой Владимир Иванович. Если еще что надо, сейчас же напишу. Обнимаю Вас крепко, будьте здоровы.

Елена Ольденбург.

АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1193. Л. 3–4.

Е.Г. Ольденбург – В.И. и Н.Е. Вернадским

Рукопись [5]

31. XII. 1935

Дорогие Наталия Егоровна и Владимир Иванович,

Уже больше недели, как я получила Ваше письмо, где Вы писали о нездоровье Владимира Ивановича и о его посещении Горбунова. Спасибо огромное. Я особенно сильно благодарна, зная, как занят Владимир Иванович, а теперь тем более после недавнего возвращения в Москву. Собственно свою научную и деловую жизнь в Москве Владимир Иванович по-настоящему начинает именно теперь, так как после переезда в Москву Вы были или в доме отдыха или заграницей. Еще раз самое искреннее и горячее спасибо.

Ольга Александровна Крауш в Москве видела Горбунова, и он ей тоже изъявил свое согласие, но просил предоставить ему для ознакомления подробную записку о всем, что сделано, что предположено сделать и самое главное – смету. Конечно, первая самая верная вещь – [5об.] это издание экспедиционных материалов. Во главе издания, как редактора, группа востоковедная выставляет Ф.И. Щербатского. Я сама была у него и говорила с ним. *Как будто* он согласен, но много всяких осложнений, т.к. Федор Ипполитович не хочет работать вместе с Орбели, а материалы все в Эрмитаже. Все же я надеюсь, авось дело как-нибудь пойдет. Сейчас надо ждать заседания востоковедной группы, затем составление

[12] Имеется в виду А.Е. Ферсман (1883–1945) – российский советский геохимик, минералог, действительный член РАН (1919), вице-президент АН СССР (1926–1929), директор Минералогического музея РАН (1917–1945).

[13] Имеется в виду Н.П. Горбунов (см. выше).

[14] Стрелков, Александр Семенович (1896–1938) – советский востоковед, специалист по истории искусства греко-римского Египта, Ирана, Индии, Средней Азии; неоднократно подвергался репрессиям, в том числе по обвинению в связях с И.А. Орбели.

записки для Горбунова, затем заседание Президиума Академии Наук и образование особой Комиссии[15]. Это самый первый этап. Скажу откровенно, что много тяжелого пережила я в связи с продвиганием вопроса об издании работ Сергея, и очень мало уверенности, что будет что-нибудь сделано. Все эти сборники – индийский, фольклорный и отчасти биографический – это все мелочи и второстепенное дело в связи с изданием его дневников по экспедициям. И, повторяю, у меня очень мало уверенности, что при моей жизни будет положено начало этому делу – слишком все сложно, слишком [6] все заняты и нет людей, которые были бы искренно заинтересованы по тем или другим причинам начать это ответственное, кропотливое и сложное дело издания. Сам и Сергей сознал, что без него это будет трудно, слишком трудно. И вот на мою долю выпало двигать это дело, и скажу на душе у меня очень смутно и не уверенно. Хотя бы если бы был здесь Борис Федорович Ромберг[16], как было бы облегчило дело. Не знает ли Ниночка[17] его адреса? Это мне было бы очень важно. Ведь, один только он остался в живых из участников экспедиции. Когда говоришь об издании работ Сергея с академиками, то чувствуешь, точно они делают одолжение, принимаясь за это дело. Одним словом, не знаю, что из этого всего выйдет, и я лично совершенно не подготовлена к такого рода занятиям. Но все-таки пока приходить в уныние не станем, авось что-нибудь и выйдет! […]

Александра Александровна Марр[18] бесконечно вяжет платки и шарфы, у нее постоянно бывает 4–5 человек ее близких людей; смерть сына[19] она перенесла мужественно. Очень была довольна, что годовщина смерти Николая Яковлевича не была забыта, а была почтена целым рядом заседаний и собраний, и выражала мне свое сожаление, что Сергей Федорович так скоро забыт и о нем никто нигде не вспоминает. […]

АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1193. Л. 5–7.

Е.Г. Ольденбург – Н.П. Горбунову

[28 февраля 1936 г.[20]]

Многоуважаемый Николай Петрович,

28 февраля исполнится два года со дня смерти Сергея Федоровича.

Весною 1934 г. группою востоковедною АН СССР были намечены к изданию некоторые работы Сергея Федоровича и академик И.Ю. Крачковский принял на себя редакторство сборника […]

После Сергея Федоровича осталось много научных незаконченных трудов, среди которых одно из первых мест принадлежит материалам по буддийской иконографии, привезенным им в 1914–1915 из *Турфана* Китайского Туркестана, из местечка Дун-Хуан […]

За это время группою востоковедов, а также и другими академиками, был несколько раз поднят вопрос об издании *незаконченных научных* работ, оставшихся после Сергея Федоровича неоконченными, которые имеют большое научное значение. В настоящее время намечаются 3 рода сборников трудов Сергея Федоровича, а именно: 1) не напечатанные нигде его статьи и лекции по истории индийской литературы, искусства и истории Индии, 2) его научные материалы, от-

[15] Речь идет о комиссии по изданию работ академика С.Ф. Ольденбурга; см. выше.

[16] Ромберг, Борис Федорович (1882–1935) – художник, фотограф, участник II Русской туркестанской экспедиции 1914–1915 гг. под руководством С.Ф. Ольденбурга.

[17] Может иметься в виду как Вернадская, Нина Владимировна (в замужестве Толль; 1898–1967), дочь В.И. Вернадского; жила в Чехословакии и США, так и ее полная тезка Нина Владимировна Вернадская (урожд. Ильинская, 1884–1971) – жена Г.В. Вернадского, сноха В.И. Вернадского.

[18] Имеется в виду супруга академика Н.Я. Марра (1865–1934).

[19] Речь о кончине Юрия Николаевич Марра (1893–1935), ираниста, кавказоведа, поэта.

[20] Датируется по содержанию.

носящиеся исключительно к фольклору, 3) история науки – биографии, некрологи и характеристики ученых, главным обр. востоковедов, западноевропейских и русских, 4) четвертый род работ представляет собою *проект об* издание имеющее общеевропейское значение – *мат* археологических материалов экспедиций Сергея Федоровича в Китайский Туркестан за 1914–15 г. и 6 тетрадей его экспедиционных дневников. Проект об этом издании был подан в качестве заявления в Президиум АН СССР, подписанный многими академиками, уже год тому назад.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 5. Д. 19. Л. 6–6 об.

Е.Г. Ольденбург В.И. и Н.Е. Вернадским

Рукопись. [24]

[2 декабря 1936 г.[21]]

Дорогие Владимир Иванович и Наталия Егоровна,

[…] Биографическую канву Сергея я довела до конца его жизни, теперь главная основа есть, надо ее расширять и углублять, а из большого всегда можно сделать маленькое. В связи с ходом моей работы я написала письмо Н.П. Горбунову, копию с которого прилагаю к этому письму. К Вам, дорогой Владимир Иванович, очень большая моя просьба – узнайте, пожалуйста, от Горбунова у него ли мои тетради и отправил ли он их мне?

Об этом же я прошу и А.Е. Ферсмана, который часто бывает в Президиуме и может чаще встречаться с Горбуновым. Но здесь говорят, что, будто, Александр Евгеньевич не ладит Николаем Петровичем, и может быть, что Александр Евгеньевич не захочет говорить с Горбуновым о моих тетрадях.

Вообще на Александра Евгеньевича у меня мало надежды, но Вы, пожалуйста, очень, очень прошу Вас поговорить с Горбуновым и написать мне, что он Вам будет говорить. […]

Любящая Вас Елена Ольденбург.

АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1193. Л. 24–24об.

В.И. Вернадский – Е.Г. Ольденбург

Москва, 13 XII 1936

Дорогая Елена Григорьевна,

Очень извиняюсь, что не сейчас же написал Вам после разговора с Николаем Петровичем Горбуновым. Но мы оба с Натальей Егоровной эти дни были нездоровы и лежали. Она с воспалительным процессом думали в печени – теперь выясняется в пузыре – я со своим обычным сердечным недомоганием. Сегодня я выйду – она еще лежит – но чувствует себя лучше.

Горбунову не передавали Ваших дневников. Он говорит, что они у Воробьева[22], *должны быть,* а тот где-то на Востоке. У него ложное представление, что это дневники Сергея Федоровича. Он, по-видимому, думает, что это Сергей Федорович *диктовал* и что это, следовательно, бумаги официального характера. Он их не видел, а говорит, что знает по официальным указаниям лиц, осматривавших бумаги Сергея Федоровича после смерти (очевидно Князев). Он говорит, что был у Вас с Дебориным и спрашивал Вас, и Вы заявили ему, что дневников Сергея Федоровича нет. Он *правильно* указывает, что Институт Востоковедения не имел права принимать и хранить эти бумаги. Это и в старое время было запрещено и все хранящееся считалось научным имуществом. И сейчас по-видимому так. Это я от себя говорю и считаю, что Вы напрасно, конечно, такие дневники – личные – в институт передали. Боюсь, что они Вам не отдадут их – легально правы –

[21] Датируется по контексту.

[22] Воробьев, Павел Иванович (1882–1937) – лингвист-востоковед, директор Русского музея в 1926–1930, сотрудник Института востоковедения (1931), заведующий ГИМ (1932–1934), директор МАЭ (1934–1935), советник Ученого комитета при правительстве МНР (1936–1937); репрессирован.

а сейчас приходится ждать возвращения Воробьева. Конечно, не надо было их им отдавать. Об историческом *значимости* интересе дневников он вполне в курсе.

Я ему еще напишу – то, что говорил, что это дневники не Сергея Федоровича, а Ваши лично.

Для пользования архивом он даст разрешение – подайте заявление.

Надеюсь – вероятно, после сессии приехать в Петербург – и повидать Вас. Нездоровье внесло путаницу. Мне надо приехать в Радиевый Институт дня на 2–3. Едва ли успею до сессии (23–26).

Наталья Егоровна поправляется – но хотелось бы съездить в Узкое до сессии. Не знаю, будет ли это возможно.

Ваш В. Вернадский.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 5. Д. 17. Л. 13–13 об.

Е.Г. Ольденбург – Н.П. Горбунову

Рукопись. [25] Копия

Многоуважаемый Николай Петрович, после смерти академика С.Ф. Ольденбурга Институт востоковедения, приступив к обработке оставшихся после него материалов, поручил мне составить биографическую канву жизни и деятельности академика Ольденбурга. Личный архив Сергея Федоровича, находившийся после его смерти у него дома, был мною передан, по совету академиков-восточников, в рукописное отделение Института востоковедения. Одновременно с материалами Сергея мною было передано в рукописный отдел Института востоковедения с разрешения его директора академика А.Н. Самойловича на временное хранение две тетради большого формата моих личных записей о работе академика Ольденбурга, как Непременного Секретаря с 1925 по 1929 г. Эти тетради были мною переданы именно на временное хранение в виду того, что при составлении биографической канвы они должны мне понадобиться, когда я в своей работе подойду к этим годам жизни Сергея Федоровича.

В августе месяце этого года я обратилась к академику Самойловичу с просьбою выдать мне обратно согласно находящейся у меня на руках расписки от Института востоковедения мои личные записи. Академик Самойлович уведомил меня, что мои тетради были переданы его заместителем Н.И. Воробьевым Непременному Секретарю, и в настоящее время они находятся у Вас!

[25об.] В августе я была в Москве и хотела лично просить Вас вернуть мне мои тетради для дальнейшей моей работы. Но я заболела, лежала в больнице, затем довольно долго хворала в Ленинграде. Теперь оправившись после болезни, я снова начала работать над биографической канвой Сергея Федоровича и мне необходимы для дальнейшего продолжения моей работы мои личные записи. Прошу Вас, будьте любезны, вернуть мне мои тетради, если же они представляют для Академии Наук какой либо интерес, то я верну их обратно, добавив к ним случайно оставшуюся у меня третью тетрадь записей, касающихся работы Сергея Федоровича конца 28 г. и за 1929 г.

Также прошу Вас дать мне разрешение для работы в архиве Академии наук СССР на 1937 г. над материалами, относящимися к деятельности академика Сергея Федоровича Ольденбурга.

АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1193. Л. 25–25об.

Е.Г. Ольденбург – В.Л. Комарову

Рукопись. [1] В левом верхнем углу отметка В.Л. Комарова: «Где же рукописи? Выяснить срочно». В правом верхнем углу отметка: «Отвечено. 8. VIII».

Президенту Академии наук СССР
академику В.Л. Комарову
Вдовы академика Сергея Федоровича Ольденбурга
Елены Григорьевны Ольденбург,
живущей в Ленинграде, Васильевский остров, 7 линия, д. 2, кв. 31

Заявление

С разрешение директора Института востоковедения Академии наук СССР академика Александра Николаевича Самойловича мною было передано в Отдел рукописной книги и документа Института Востоковедения на временное хранение в Отделе – две тетради моих личных записей о работе покойного мужа моего академика С.Ф. Ольденбурга Непременным секретарем Академии наук СССР с 1925 по 1929 г. Рукописи были запечатаны сургучной печатью и хранились в шкафе, инвентарный № 22518, как показано в расписке, полученной мною от Ученого секретаря Отдела А. Кобахидзе[23].

В мае месяце 1936 г., когда я хотела взять рукопись из Отдела для моих работ по составлению биографической канвы академика С.Ф. Ольденбурга, Ученый секретарь Отдела А. Кобахидзе, а затем и директор ИВ академик А.Н. Самойлович заявили, что моя рукопись пропала, и что они ищут ее.

В конце июля 1936 г. директор ИВ академик Самойлович по телефону передал мне, что ему известно, что моя рукопись была взята из Отдела исполняющим обязанности директора ИВ Павлом Ивановичем Кораблевым[24] и отдана им Непременному секретарю Академии наук СССР Николаю Петровичу Горбунову, и что он, академик Самойлович, уполномочивает меня передать его эти слова при моем свидании в Москве Непременному секретарю Н.П. Горбунову.

В августе 1936 г., будучи в Москве, я три раза просила академика Н.П. Горбунов принять меня, но получала отказ. Затем в Москве я заболела и пролежала в больнице 6 недель. [1об.] Возвратившись в Ленинград и оправившись после болезни, я в ноябре месяце 1936 г. написала заявление Непременному секретарю, прося его или вернуть мне мои рукописи или передать их в общий Архив Академии наук СССР, где я могла бы продолжать над ними мою работу по биографии академика С.Ф. Ольденбурга.

На мое заявление мною не было получено никакого ответа от Непременного секретаря академика Н.П. Горбунова.

Тогда по моей просьбе академик В.И. Вернадский имел беседу с академиком Горбуновым и спросил его о судьбе моих рукописей. Академик Горбунов ответил академику Вернадскому, что мое заявление он получил, но что рукописи мои находятся не у него, а у П.И. Воробьева.

Прошу Вашего содействия в выяснении, у кого же, в конце концов, находятся мои рукописи и в предоставлении мне возможности работать над ними для биографии академика Сергея Федоровича Ольденбурга.

Елена Григорьевна Ольденбург.

Расписка. *Копия.*

Отдел рукописной книги и документа Института востоковедения Академии наук СССР получил на временное хранение в Отделе две тетради личных записей от Елены Григорьевны Ольденбург во время работы академика Сергея Федоровича Ольденбурга с 1925 г. по 1929 год. Рукопись запечатана сургучной печатью Отдела и хранится в шкафе инвентарный № 22518. Принял Ученый секретарь ОРКИД ИВ 11 мая 1934 г. А. Кобахидзе.

Ленинград

1937. 12 июля.

АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 1099. Л. 1–1об.

В.Л. Комаров – Е.Г. Ольденбург

Машинопись. [1]

8 августа <193>7

---

[23] Кобахидзе, Александр Георгиевич (1889–?) – историк-востоковед, искусствовед, литературовед, с января 1934 – ученый секретарь Отдела рукописей Института востоковедения АН СССР.

[24] Ошибка, имеется в виду П.И. Воробьев.

Вдове академика С.Ф. Ольденбурга
Е.Г. Ольденбург
Ленинград, Васильевский остров, 7 линия, д. 2, кв. 31
Многоуважаемая Елена Григорьевна!

В ответ на Ваше письмо относительно двух тетрадей Ваших личных записей о работе покойного академика С.Ф. Ольденбурга, к сожалению, должен ответить Вам, что о хранении этой рукописи мне до сих пор не было совсем что-либо известно. По справке у академика П.П. Горбунова[25], где находится рукопись, о которой Вы справляетесь, – дело яснее не стало, так как академик Горбунов заявил, что ему неизвестно, где в настоящее время хранится разыскиваемая Вами рукопись.

При свидании с академиком А.Н. Самойловичем нам необходимо уточнить этот вопрос для скорейшего нахождения Вашей рукописи.

Президент Академии наук СССР
Академик (В.Л. Комаров).
АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 131. Л. 1.

Е.Г. Ольденбург – В.Л. Комарову.
Черновик отпуска письма. Рукопись
[4 февраля 1938 г.[26]]
Многоуважаемый Владимир Леонтьевич,

Обращаюсь к Вам с просьбой поддержать мое ходатайство перед Президиумом Академии Наук *в* об ассигновании *средств* 2 000 руб. на предварительную перепечатку на машинке дневников экспедиции Сергея Федоровича в Китайский Туркестан в 1914 году. Фотографии фресок буддийских пещер *находятся* переданы Сергеем Федоровичем в Государственный Эрмитаж, дневники, в количестве 6 тетрадей, *формата обыкновенных* так называемых «общих» *ученических* тетрадей находились на дому у Сергея Федоровича и ныне лежат у меня, вместе с остатками его архива.

По вопросу об издании *его* экспедиционных материалов Сергея Федоровича академики-восточники, как мне известно, обращались два раза в Президиум Академии Наук прежнего состава – в 1934 и 1936 г., *но по неизвестным мне причинам* дело это *не* двигалось. Нынче 28го февраля исполняется 4 года со дня кончины Сергея Федоровича, и на этот раз я позволяю лично себе от своего имени обратиться к Вам, многоуважаемый Владимир Леонидович, и к президиуму Академии наук с просьбою об издании экспедиционных материалов Сергея Федоровича.

Академик И.А. Орбели подтвердит Вам мои слова о том, что прежде чем приступить к изданию дневников экспедиции Сергея Федоровича, записи эти, которые велись на месте *экспедиции* в пещерах и носят спешный характер «полевых» записей, нуждаются в тщательной их переписке и до некоторой степени в выправке, и поэтому вполне возможно, что их придется переписать на машинке два раза; *как думает академик Орбели*. Толико *толико* после этой предварительной переписки дневников можно поставить вопрос об издании экспедиционных материалов Сергея Федоровича в том или ином виде. Поэтому я решаюсь обратиться в Президиум Академии Наук с просьбою об ассигновании ᵛмнеᵛ, *надобной суммы от 1 800* 2 000 руб. на предварительную переписку.

Я думаю, многоуважаемый Владимир Леонтьевич, что долголетняя работа Сергея Федоровича в Академии Наук дает мне право надеяться на то, что Президиум не откажет мне в ассигновании *денег* 2 000 на переписку *его* дневников экспедиции Сергея Федоровича и Вы с Вашей стороны поддержите мою просьбу.

---

[25] Ошибка в оригинальном документе. Правильные инициалы Н.П.
[26] Датируется по содержанию.

Как только я получу извещение об ассигновании денег, то сей час мною дневники Сергея Федоровича будут переданы в Государственный Эрмитаж академику И.А. Орбели для переписки. Если президиум не найдет удобным ассигновать лично мне 2 000 руб, то, я думаю, эту сумму можно перевести директору Института Востоковедения с тем, чтобы я могла получать эти деньги уже от него по мере надобности.

Уважающая Вас Е.Ольденбург.

Е.Г. Ольденбург – в Президиум АН СССР

В Президиум Академии Наук СССР

Вдовы академика С.Ф. Ольденбурга

Елены Григорьевны Ольденбург

Заявление

28 февраля 1938 г. исполняется 4 г. со дня смерти академика С.Ф. Ольденбурга. За это время академики *восточники* два раза (1934 и 1936 г.) обращались в Президиум АН прежнего состава с заявлением о желательности изданий экспедиционных трудов академика С.Ф. Ольденбурга, но *по неизвестной мне причине дело* вопрос об издании трудов покойного Сергея Федоровича до сих пор остается открытым. Поэтому я лично от своего имени обращаюсь в Президиум Академии Наук с просьбою оказать свое содействие в издании *научных* экспедиционных трудов академика С.Ф. Ольденбурга в настоящее время и *как пр*, *первоначально* ассигновать мне 2 000 р. на предварительную переписку на машинке 6 тетрадей дневников Сергея Федоровича. Я думаю, что долголетняя работа академика Ольденбурга в Академии Наук позволяет мне надеяться, что Президиум Академии Наук *исполнит* не откажет мне в моей просьбе.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 5. Д. 19. Л. 4–5об.

Е.Г. Ольденбург – В.Л. Комарову

Рукопись. [2]

В правом верхнем углу отметка В.Л. Комарова: «В дело». Другой рукой поставлена дата, вероятно, получения письма: 7/III <3>8

1938 г. 2 марта.

Многоуважаемый Владимир Леонтьевич,

Сегодня академик Федосеев уведомил меня по телефону, что 2000 р. получены из Москвы в мое распоряжение.

Приношу Вам искреннюю мою благодарность, т.к. полагаю, что благодаря Вашей поддержке Президиум ассигновал мне эти деньги.

Мне уже удалось организовать предварительную обработку дневников экспедиции Сергея Федоровича. Главное редакторство любезно принял на себя академик Ф.И. Щербатской. Я очень тронута его отзывчивостью, т.к. человек он занятой своими научными трудами, которые он спешит закончить, т.к. последние два года здоровье его значительно ухудшилось. Черновую, кропотливую работы взяла на себя Ольга Александровна Крауш. Ей придется потратить много времени и труда, чтобы войти в совершенно незнакомую ей область буддийской иконографии, прежде чем приняться за расшифрование сокращенных полевых записей Сергея Федоровича. Она же будет переписывать текст на машинке. С нею я заключу договор, вероятно, с оплатою 200–225 р. в месяц. Думаем, что при благоприятных обстоятельствах работа будет закончена через 8 месяцев.

Еще раз примите от меня мою искреннюю благодарность.

Уважающая Вас

Елена Ольденбург.

АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 1099. Л. 2.

Е.Г. Ольденбург – В.Л. Комарову

Рукопись. [3]

21 мая 1938 г.

Многоуважаемый Владимир Леонтьевич,

мне очень захотелось поделиться с Вами своим большим горем – серьезною болезнью академика Щербатского. Врачи нашли у него кровоизлияние в правое полушарие около виска. Чем это кончится – надо ожидать, но все же есть надежда небольшая на то, что процесс может рассосаться.

Вчера 30 мая я зашла к Федору Ипполитовичу, будут ли вечером, как все эти 3 месяца, его занятия со мною и О.А. Крауш по рукописям Сергея Федоровича. Федор Ипполитович с первого же разу показался мне странным. Хотя он встретил меня и провел в своей кабинет, и мы сели, но сейчас же на мои вопросы он стал отвечать мне несообразности: на сессии танцевали, он тоже, все сидели в ложах и т.п. Затем он стал мне жаловаться, что не понимает напечатанного в газетах и, взяв в руки «Правду», он стал читать мне какие-то непонятные звуки – бра – тра, мра и т.п. Я сразу же поняла, что ему плохо, стала его уговаривать лечь в постель и хотела позвать врача. Он не хотел ложиться, не отпускал меня, и вместо врача [3об.] очень просил позвать к нему Сергея Федоровича. Выбрав удобный момент, я оставила его с домработницей и стала из чужой квартиры звонить к его доктору Мюллеру, затем в гараж академии наук за автомобилем за врачом. Через час доктор Мюллер приехал сам и привез с собою еще невропатолога. Доктор показывал Щербатскому разные предметы и спрашивал его – что это такое? Вместо очков он назвал свеча, вместо книги – стол и т.п. На вопрос, сколько будет 7+5, Федор Ипполитович с усилием отвечал 64. У него провалы памяти. Некоторые фразы он говорит логично, а затем не может связать двух слов. Людей он пока узнает. Утром сегодня Федор Ипполитович очень горевал, что не может читать. За ним организован надлежащий уход и медицинский надзор, сделано все, что надо. Но каков будет результат?

Ужасно жалко его, когда вчера он пытался читать… Страшно было тяжело. Такой крупный ученый, такой большой ум! И такой одинокий… Мне еще особенно больно, что за эти три последние месяца Федор Ипполитович так много и хорошо помогал мне по разбору рукописей экспедиции Сергея Федоровича.

Мне очень захотелось написать Вам под первым впечатлением. Желаю Вам здоровья. Сердечный привет Вашей супруге.

Елена Ольденбург.

АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 1099. Л. 3–3об.

В.Л. Комаров – Е.Г. Ольденбург

Машинопись. [3]

В правом верхнем углу отметки экспедиции

4 июня <193>8

Глубокоуважаемая Елена Григорьевна,

Большое спасибо Вам за сообщение о здоровье дорогого Федора Ипполитовича. Желаю ему восстановления памяти и речи и очень сожалею, что прервались его работы над рукописями Сергея Федоровича.

Желаю всего лучшего.

В. Комаров.

Е.Г. Ольденбург

Ленинград 34 7 линия, д. 2, кв. 31.

АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 131. Л. 3 (то же рукописный черновик Л. 2).

Е.Г. Ольденбург – В.Л. Комарову

Рукопись. [4]

Многоуважаемый Владимир Леонтьевич,

Федору Ипполитовичу гораздо лучше, врачи считают, что на 90% организм поборол болезнь. Я передала ему о полученном мною Вашем письме, и Федор

Ипполитович благодарит Вас за внимание. Его сейчас беспокоит одно – достанет ли он себе место для отдыха на июль в Петергофе, куда его направляют врачи, но я полагаю, что и здесь дело должно устроиться хорошо.

Благодарю Вас за Ваше письмо.

Уважающая Вас

Е. Ольденбург.

1938 г. 6 июня.

АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 1099. Л. 4.

Е.Г. Ольденбург – В.И. Вернадскому

Рукопись [9]

1938 г. Ленинград

Дорогой Владимир Иванович и Наталья Егоровна, Димитрий Иванович довольно часто пишет мне, так что я в курсе всех Ваших событий. Волнуют они нас очень, и мы все всегда делимся друг с другом всеми новостями о Вас, печалимся, если что не ладно, и радуемся, когда дело у Вас налаживается. Слава богу, что Наталье Егоровне врач разрешил сойти с постели. Хорошенько окрепнуть, а затем вон из Москвы на хороший воздух. За лето надо его набраться к зиме.

Я довольно часто вижу Щербатского. Он все пытается поехать на Кавказ, чтобы подправиться, врач же его не советует ему длинных передвижений и выходить из колеи. Федор Ипполитович очень деятельно помогает при работе над дневниками Сергея. Он сейчас очень высоко ставит результаты его экспедиции и все толкует мне о том, что работа эта должна быть издана Академией непременно в виду ее научного интереса. Если все дело пойдет так, то осенью – октябре, ноябре, может быть, Щербатской и я поедем в Москву толковать в Президиуме об издании работы. Сейчас, конечно, надо многое проработать, подготовить. О.А. Крауш работает прекрасно, Щербатской не перестает ее хвалить. Но вместе с тем, вероятно, и встает вопрос о том, что этих 2000 руб. не хватит на первоначальную подготовку, [9об.] т.е. на первоначальную обработку материала. Тот же Щербатской, который в начале, не будучи знаком с материалом, говорил мне, что нельзя тратить академические деньги на такие работы, сейчас твердит одно – Академия должна дать, требуйте, просите, она обязана на это дать. Он находит, что 1800 р. будет очень малая оплата за труды Крауш, что ей необходимо прибавить значительную сумму. Но, конечно, это разговор дальнейшего, а сейчас надо, как можно скорее, двинуть работу вперед. Приготовлено из 171 пещеры только 40. Но кроме описания пещер, у Сергея есть еще особая тетрадь – это его мысли, его выводы на всю эту работу вообще, его попытки ставить вопросы о развитии индийского религиозного искусства и намечаемые им ответы. Но эта тетрадь под силу только специалисту. […]

Елена Ольденбург.

АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1193. Л. 9–9об.

Е.Г. Ольденбург – В.И. Вернадскому

Рукопись. На почтовой карточке. Почтовый штемпель с датой 5 2 38 17. [10]

Москва 2, Дурновский переулок, д. 1б, кв. 2

Владимиру Ивановичу Вернадскому

[10об.]

5 февраля 38 г.

Дорогой Владимир Иванович, только что по телефону уведомили меня, что в архиве получено письмо от академика Деборина[27], и он просит мне сообщить, что в первой половине февраля будет в Ленинграде и лично передаст мне тетради-дневники. Я даже не верю, что это может быть! Я в январе написала Дебори-

[27] Деборин (Иоффе), Абрам Моисеевич (1881–1963) – советский ученый-философ, действительный член АН СССР (1929), в 1935–1945 гг. – член Президиума АН СССР.

ну, что если он почему-либо находит для себя неудобным обращаться к Горбунову относительно моих тетрадей, то я могу сама написать Горбунову… но пока тетради не будут у меня, я все еще не верю в это. Может быть, они будут переданы в архив и мне будет дана возможность лишь работать над ними? Но мне сказали по телефону, что Деборин передаст мне дневники. Увидим. Хорошо то, что тетради живы, не уничтожены. Значит, они были у Горбунова. Видела вчера Ивана Михайловича. Оба они страшно заняты, переписывают к 1 марта книгу Ивана Михайловича[28]. Катя хорошеет и бодра. Жду каждый день Наташу, у которой кончились ее злоключения и полная победа ею одержана. Как только получу тетради, сейчас же напишу благодарственное письмо Комарову, это все сделано благодаря ему.

Привет Наталье Егоровне и Прасковье Кирилловне.

Е. Ольденбург.

АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1193. Л. 10–10об.

Е.Г. Ольденбург – В.И. и Н.Е. Вернадским

Рукопись [8]

8 ноября 1938 г.

Ленинград.

Дорогие Наталья Егорович и Владимир Иванович,

Дело мое с Азадовским кончилось совсем для меня неожиданно. Азадовский в присутствии Академика Струве[29] отрекся от всех своих слов. Он уверял меня, что в разговоре по телефону со мною он никогда не говорил, что договор расторгнут, что за меня фольклорная секция уплатила Издательству 3000 р., что рукописи Сергея находятся в Музее МАЭ[30] и т.п. – одним словом отрекся от всего и уверял меня, что я оклеветала его в глазах Президиума, говоря, что его статья к сборнику не готова, что она написана им еще летом 36 г. и что я знала об этом, что может быть детали статьи не отделаны и потому она лежит у него в портфеле и не сдана им в Издательство. Уверял в своей любви к Сергею и в том, что мысль издать фольклорный материал Сергея всецело принадлежит ему, и сколько он положил сил и волнений за этот сборник – это все мне хорошо известно – и как это я могла быть неблагодарной и (сказать) написать[31] Президиуму, что его статья не готова? Мне было стыдно за него, за его ложь. Я предложила Струве в виду того, что Президиум считает договор в силе – поставить + над всеми старыми недоразумениями и приложить силы к изданию сборника. Струве согласился со мной и обещал в свою поездку в конце октября в Москву повидать Шпаро[32] и [8об.] переговорить с ним. На этом дело пока остановилось. Уходя, я сказала Азадовскому, что напишу Шпаро, что Азадовский в присутствии академика Струве сказал, что статья его написана им в 1936 г., но в Издательство он ее не отдавал. Вообще, все это очень неприятно, но что делать? Профессор Привалова[33], близкий друг О.И. Капицы, которая теперь живет с

[28] Вероятно, имеется в виду книга И.М. Гревса «Тацит», вышедшая в 1946 г.

[29] Струве, Василий Васильевич (1889–1965) – российский советский востоковед, действительный член АН СССР (1935), в 1938 – директор Института этнографии АН СССР, т.е. начальник М.К. Азадовского.

[30] Имеется в виду *Музей антропологии и этнографии* им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук.

[31] Надписано сверху.

[32] Шпаро Борис Александрович – с 1938 г. референт президента АН СССР В.Л. Комарова. См., напр., его письмо Комарову от 14.10.1940 г.: АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 1627.

[33] Привалова, Екатерина Петровна (1891–1977) – литературовед, заведующий Детской библиотекой ЛГПИ (1920–1942).

семьей Капицы, была у меня и сказала, что всем известно, что Азадовский очень непорядочный человек, что надо остерегаться иметь с ним дело, но что сейчас, несмотря на всю его непорядочность, он втирается повсюду и везде делает не совсем чисто дело. Бог с ним со всем, лишь бы сборник вышел.

Теперь я хочу спросить Вас, Владимир Иванович, – мне нужно просить у Президиума еще денег на обработку дневников Сергея, вероятно, 3000 р., я привезу в Москву одну тетрадь совсем готовую с чертежами и в переплете, может быть и даже 2 тетради, т.к. вторая почти тоже готова, – но когда лучше приехать просить денег и показать работу – в ноябре или в январе 1939 г.? Остановиться я могу у кузины, она очень меня зовет, муж ее как раз уезжает через две недели в Сочи. Кстати нужно будет побывать у Шпаро и в Издательстве.

[…]

Щербатской пока хорош и обещает работать.

Е. Ольденбург.

АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1193. Л. 8–8об.

Е.Г. Ольденбург – Б.А. Шапиро[34]

[не ранее 11 октября 1938 г.[35]]

Товарищу Б.А. Шапиро.

На Ваше отношение от 11 октября 1938 г. № Ак-2а сообщаю Вам, 1) что рукописи сборника статей по фольклору академика С.Ф. Ольденбурга были переданы мною зимой и весною 1936 г. иногда лично профессору Азадовскому, иногда через Издательство в лице т. Кузьминой. Последняя рукопись была передана т. Кузьминой в июле 1936 г. В настоящее время рукописи находятся у проф. Азадовского, в фольклорной секции Института Этнографии и Антропологии, что говорит и сам профессор Азадовский, 2) вводная статья к сборнику не была написана профессор Азадовским в течение этого 1938 г., что я слышала лично от него самого; думаю, что статья не написана и теперь, иначе она была бы представлена Издательству и тогда не был бы поднят вопрос о расторжении договора.

Затем добавляю, что в разговоре по телефону от 8 октября сего года профессор Азадовский сообщил мне, что договор с Издательством расторгнут директором Института Этнографии и Антропологии академиком В.В. Струве и что им уплачено в Издательство 3378 р. аванса, которые Издательство выдало мне. При личной беседе моей с академиком В.В. Струве 14 октября, академик Струве заявил мне, что профессор Азадовский ввел меня в заблуждение, т.к. академик Струве договора не расторгал и 3378 руб. за меня Издательству не платил.

Обращаюсь к Вам с просьбою содействовать насколько возможно печатанию сборника статей по фольклору академика С.Ф. Ольденбурга.

СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 5. Д. 19. Л. 7–7 об.

Е.Г. Ольденбург – В.Л. Комарову

Рукопись. [5]

В правом верхнем углу приписка: «Заявление направлено Данилову с резолюцией академика Чудакова[36] – дать объяснения»

Многоуважаемый Владимир Леонтьевич,

Простите меня, что беспокою личной просьбой – из прилагаемого мною заявления в Президиум Академии наук Вы увидите, что я прошу оказать мне помощь в приведении в порядок могилы Сергея Федоровича на личные мои сред-

[34] Очевидно, ошибка: правильно: Б.А. Шпаро.

[35] Датируется по содержанию.

[36] Чудаков, Евгений Александрович (1890–1953) – специалист в области машиноведения и машинной техники, действительный член (1939), вице-президент АН СССР (1939–1942).

ства. Мне нужно только добиться от Общества «охраны памятников и старины» разрешения на постановку ограды. Так как – когда Вы прочитаете мое заявление в Президиум – Вы, я думаю, согласитесь, что Академия наук виновата в том, что могила Сергея Федоровича приходит в разрушение, то Вы не осудите меня за мое беспокойство и, я уверена, поможете мне в этом деле.

Будьте здоровы.

Уважающая Вас

Е. Ольденбург.

4 июля 1939 г.

АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 1099. Л. 5.

В.И. Вернадский – Е.Г. Ольденбург

Машинопись [22]

Москва, 5/XII 1944г.

Дорогая Елена Григорьевна,

Давно мы не имеем от Вас никаких известий. Аня Вам писала 16 октября большое письмо, но и на него нет никакого ответа. Она не помнит, послано ли оно было заказным. […]

Как Ваша работа над биографией Сергея? […]

АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1193. Л. 22–23.

Е.Г. Ольденбург – В.И. Вернадскому

Рукопись. [21]

16 декабря 1944 г.

Дорогой Владимир Иванович, сегодня получила Ваше заказное письмо, а недели две тому назад было большое письмо от Ани. Отвечаю по порядку. Работа над материалами по биографии Сергея идет, но медленно. Я взяла из архива на дом весь материал, который был на карточках, и теперь переписываю с карточек в тетрадь – во-первых, карточки могут затеряться, во-вторых материал должен быть записан подряд, в виде текста. Я все же удивляюсь, какую массу я успела сделать до войны – эти годы я не работала нисколько. При переписке будет виднее, где больше пропусков, какие годы и месяцы надо пополнить. Но работа идет очень медленно. Причина – нет времени. Бытовые условия настолько тяжелы, что берут массу сил и все время. Нынче я в школе уроков не даю – это мне сейчас не по силам; второй месяц я работаю в Эрмитаже – хотела, было, попасть в архив, чтобы быть поближе к материалам Сергея, но Князев отказал мне, сказав, что нет мест. Хотя и взял другое лицо. Конечно, я стара и неполноценный работник. В Эрмитаже меня взяли с радостью – там у меня есть очень близкие люди в Отделе Востока, где я работала раньше до 30 года. Пошла я в Эрмитаж в силу бытовых условий – есть разные привилегии работающим. Но я не на полной ставке и хожу туда через день. Главное время берет самообслуживание, хотя я обедаю (очень неважно) в Доме Ученых. Дома – уборка квартиры, топка печей, стирка, бесконечная починка и штопка, стояние в очередях – вот на что уходит время, и ты чувствуешь усталость, усталость без конца. […]

Е. Ольденбург.

АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1193. Л. 21–21об.

СОКРАЩЕНИЯ

АРАН – Архив Российской академии наук.

ИВ АН – Институт востоковедения АН СССР

ИИМК АН СССР – Институт истории материальной культуры АН СССР.

МАЭ – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)

СПбФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Ананьев В.Г., Бухарин М.Д. Время Ольденбурга. Post factum I. Е.Г. Ольденбург и академическое сообщество в деле сохранения научного наследия академика С.Ф. Ольденбурга // Диалог со временем. 2019. Вып. 68. С. 318-328 [Anan'ev V.G., Buharin M.D. Vremya Ol'denburga. Post factum I. E.G. Ol'denburg i akademicheskoe soobshchestvo v dele sohraneniya nauchnogo naslediya akademika S.F. Ol'denburga // Dialog so vremenem. 2019. Vyp. 68. S. 318-328].

Ольденбург С.Ф. «Памяти академика А.Ф. Кони». Красная газета. Ежедневная газета Ленсовета. 1927. 18 сентября (вечерний выпуск). № 252 (1570). С. 2. [Ol'denburg S.F. «Pamyati akademika A.F. Koni». Krasnaya gazeta. Ezhednevnaya gazeta Lensoveta. 1927. 18 sentyabrya (vechernij vypusk). № 252 (1570). S. 2]

Ольденбург С.Ф. «Несколько черт работы А.Ф. Кони». Памяти А.Ф. Кони. М.; Л., 1929. С. 23–29 [Ol'denburg S.F. «Neskol'ko chert raboty A.F. Koni». Pamyati A.F. Koni. M.; L., 1929. S. 23–29]

Ольденбург С.Ф. Культура Индии:[Собрание непубликовавшихся работ / сост., ред. и предисл. И.Ю. Крачковского. М., 1991 [Ol'denburg S.F. Kul'tura Indii:[Sobranie nepublikovavshihsya rabot / sost., red. i predisl. I.YU. Krachkovskogo. M., 1991]

Росов В.А. В.И. Вернадский и русские востоковеды. Мысли–источники–письма. СПб., 1993 [Rosov V.A. V.I. Vernadskij i russkie vostokovedy. Mysli–istochniki–pis'ma. SPb., 1993].

Ананьев Виталий Геннадьевич, *кандидат исторических наук, старший преподаватель, Институт философии, Санкт-Петербургский государственный университет; v.ananev@spbu.ru*

Бухарин Михаил Дмитриевич, *доктор исторических наук, академик РАН, главный научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН; michabucha@gmail.com*

Time of Oldenburg. Postfactum
II. Preservation of Scientific Heritage of Academician S.F. Oldenburg in Letters and Documents

The letters and official documents revealing attempts to preserve scientific heritage of the academician S.F. Oldenburg in 1935–1944 are published in the article. Efforts of E.G. Oldenburg and those of colleagues of her spouse from Academy of Sciences of the USSR were not successful. Sharp changes in the conditions of scientific work, the shift of priorities in the scientific policy of the state and the beginning of the Great Patriotic War postponed for several decade resumption of the dialogue of Oldenburg over time.

***Keywords*:** Academy of Sciences of the USSR, S.F. Oldenburg, V.I. Vernadsky, I.Yu. Krachkovsky, V.L. Komarov, N.P. Gorbunov, archives of the Russian Academy of Sciences, historical memory, scientific heritage

Vitaly Ananiev*. Dr., Senior tutor, Institute of Philosophy; Saint-Petersburg State University; v.ananev@spbu.ru*

Mikhail Bukharin, *D.Litt., Chief Researcher, Full Member of the Russian Academy of Sciences Institute of World History (RAS); michabucha@gmail.com*

CONTENTS

Theory and history

Kseniya Khvostova
Once more of historical events..... 5
Sultana Ktsoeva
Psycho-historical method of Karl Jaspers: features and approbation.……..…..... 16

Science, history and politics

Andrei Shutov, Vladimir Sobolev
Formation of political science in the USSR: to the 30th anniversary of official recognition……. 28
Nail' Mukharyamov, Ol'ga Yanush
Historical intertextuality in Russian legal discourse on languages ……... 39

Crossroads of interdisciplinarity

Sergey Volodenkov
One-dimensional society 3.0: from H. Marcuse to the digital world of the XXI century……... 49
Oleg Mikhaylenok, Aleksey Nazarenko
Desiring-machines, network axiomatics and quantum mechanics…….. 57
Sergey Spartak
Thomas Ferguson's Golden Rule……..... 66
Yulia Artamonova
The return of "sensus communis"
in modern strategies of socio-humanitarian research……..…….…… 73
Sergey Tsaregorodtsev
"All art is an imitation of nature": history of the idea and modernity……..……... 83
Paul Karabushenko
Elitology of history in search for meaning of the idea of goodness……... 89
Victor Mironov
Historical diplomacy by H. Butterfield and the balance of power…… 98

To the sourses… Updating the heritage

Sergei Perevezentsev, Arman Abramyan
The ideological origins of the genesis of messianic concepts
in European sociopolitical thought…….…….…… 105
Alexander Chanishev
J. G. Fichte on the role of language and spiritual culture
in the formation of the national sovereignty of the German Nation ……..…… 115
Alexey Zotkin
The problem of war and peace in German political thought of XVIII – early XIX centuries …... 127
Olga Boytsova
A Trap for the Predator: Oswald Spengler on the Fate of Religion in the West…….... 134
Bekchan Agaev, Vladimir Gutorov, Alexander Shirinyants
Birth of the idea of legal socialism: S.I. Hessen……. 141
Olga Puchnina
Ideological modulations of V.V. Rozanov's intellectual biography……..... 152

Words and meanings

Bartosz Hordecki
On some concepts of *honor*
within the sphere of ancient and contemporary legal imaginary…… 161
Andrei Abramov
“Tsar, tsar’s son, king, king's son”: the image of the ruler in the Russian folk fairy tale…….. 173
Boldin Vladimir, Strahov Aleksandr
National vs All-Slavic in Russian historical sources of the XVII century……. 182
Boris Prokudin
The social ideal in Leo Tolstoy’s novel “Anna Karenina” 192
Intigam Mamedov
Ordering chaos. On the G.I. Mirsky's contribution
to definition of certain concepts and categories……..... 204
Alina Margusheva
«Этика верности фактам» Бернарда Уильямса…….. 211
Anastasia Ashaeva
Reception of antiquity in the Cold war period (1946–1953)…….. 217

To the jubelee

Aleksandr Shirinyants
«We are not ahead, we are above»: Kirill Anderson in science and education…… 226
К.М. Андерсон, О.Д. Тальская
Co-Shared Paradise: the Visions of John A. Etzler……..... 234
Ivan A. Kozikov, Maria Zvereva, Baltash Karipov
Anderson's “Worlds”
(about book “Utopians and pragmatics: episodes in the history of western social thought”)... 245

Historical essays

Vasily Dudarev
“The sky is still light, but the clouds are already gathering”
Russia in the perception of the Prussian diplomat Kurd von Schlözer…….. 251
Zhanna Chernenko
The tragedy on Haymarket square and in the hearts of three anarchists……... 260
Yuri Kurdin, Aleksandr Panov
«What is beneficial for Russia, it is beneficial for both Serbs and Bulgarians and all Slavs»
Serbian-Turkish Campaign of 1876
according to correspondence by M.G. Chernyayev and I.S. Aksakov……... 271
Anna Myrikova
L.N. Tolstoy in Croatia. Text sent by Prof. Josip Badalich to Selca in 1978
for the celebration of the 150th anniversary of the birth of L.N. Tolstoy……... 283
Elena Serapionova
N.O. Lossky in Czechoslovakia……. 290

Reading books…

Vitaliy Belsky, Andrey Zolkin
Spiritual and political thought and Russian Guardianship
(reflections on the anthology «Guardians of Russia»)…… 299
Vladimir Yerokhin
English Studies in Imperial Russia: New Monographs by I. R. Chikalova……. 309
Andrey Korenevskiy
«Straighten joints for dislocated times…»…… 317
Irina Variash
The paradise fruits of Postmodern ……... 325

Sergey Zanin, Svetlana Zavodyuk
Diderot's «Rossika» and the Prospects for its Studying
(About the book «Diderot and the Civilization of Russia» by S. A. Mezin)…….. 332
Aleksandr Ischenko
«Oleg, the wise Prince, roused to arm…»
the first monograph about the legendary warrior……..... 340
Liudmila Bushueva
The life of St. Petersburg students……..……. 346
Irina Krasnova
Hungarian nobility of the 16th – 17th centuries searching for estate and ethnic identity…….. 352
Marina Arzakanyan
History makers……..... 359
Vladimir Shishkin
Portulans as an instrument of military and political struggle
(notes on Dmitriy N. Kopelev's book "Battle of Portulans")…….. 367

Events and projects

Vera Budanova, Larisa Selivanova
Traps, ambushes and abysses of latent barbarity: interpretation and perspectives
of the historical research of the shadow zone of civilization..... 372
Maya Petrova, Irina Konovalova
Russia and Hungary in the past and present: cross-cultural dialogue……. 380
Olga Okuneva
Manuscripts on the brink of a precipice: notes on the exhibition
held in French National library from April 9 until July 7, 2019…….…… 386

Translations and publications

Isidorus Hispalensis. Etymologies sive origins. Liber V. De legibus et temporibus
(translated by *Andrey Pavlov*)……..... 391
Vitaly Ananiev, Mikhail Bukharin
Time of Oldenburg. Postfactum II.
Preservation of Scientific Heritage of Academician S.F. Oldenburg in Letters and Documents.... 408

CONTENTS……..... 424

СОДЕРЖАНИЕ

Теория и история

К.В. Хвостова
Еще раз об исторической событийности..... 5
С.К. Кцоева
Психоисторический метод Карла Ясперса: особенности и апробация……..…... 16

Наука, история и политика

А.Ю. Шутов, В.А. Соболев
Становление политической науки в СССР: к 30-летию официального признания……... 28
Н.М. Мухарямов, О.Б. Януш
Историческая интертекстуальность в российском правовом дискурсе о языках……. 39

Перекрестки интердисциплинарности

С.В. Володенков
Одномерное общество 3.0: от Г. Маркузе к цифровому миру XXI века……. 49
О.М. Михайленок, А.Н. Назаренко
«Желающие машины», сетевая аксиоматика и квантовая механика…….. 57
С.А. Спартак
«Золотое правило» Томаса Фергюсона……...……... 66
Ю.Д. Артамонова
Возвращение «sensus communis»
в современные стратегии социогуманитарных исследований…… 73
С.С. Царегородцев
«Всякое искусство есть подражание природе»: история идеи и современность……... 83
П.Л. Карабущенко
Элитология истории в поисках смысла идеи блага……... 89
В.В. Миронов
Историческая дипломатия Г. Баттерфильда и баланс сил…… 98

К истокам… Актуализация наследия

С.В. Перевезенцев, А.С. Абрамян
Идейные истоки формирования концепций мессианизма
в европейской социально-политической мысли…….. 105
А.А. Чанышев
И.Г. Фихте о роли языка и духовной культуры 115
в становлении суверенитета немецкой нации……
А.А. Зоткин
Проблема войны и мира в немецкой политической мысли XVIII – начала XIX вв……... 127
О.Ю. Бойцова
Капкан для хищника: О. Шпенглер о судьбах религии в западном мире…….... 134
Агаев Б.В., Гуторов В.А., Ширинянц А.А.
Рождение идеи правового социализма: С.И. Гессен……. 141
О.Е. Пучнина
Идейные переливы интеллектуальной биографии В.В. Розанова……... 152

Слова и смыслы

Б. Хордецки
О некоторых концепциях чести
в пространстве древних и современных правовых представлений..... 161
А.В. Абрамов
«Царь, царевич, король, королевич»: образ правителя в народной русской сказке……. 173
В.А. Болдин, А.Б. Страхов
Национальное vs общеславянское в русских источниках XVII века…….. 182
Б.А. Прокудин
Общественный идеал в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина»…….…… 192
И.Б. Мамедов
Упорядочить хаос. О вкладе Г.И. Мирского
в определение отдельных понятий и категорий……... 204
А.З. Маргушева
«Этика верности фактам» Бернарда Уильямса……... 211
А.В. Ашаева
Рецепция античности в эпоху холодной войны (1946–1953)…… 217

К Юбилею

А.А. Ширинянц
«Мы не дальше, мы выше»: К.М. Андерсон в науке и образовании…….. 226
К.М. Андерсон, О.Д. Тальская
Рай вскладчину, или озарения Джона А. Этцлера…… 234
И.А. Козиков, М.С. Зверева, Б.Н. Карипов
«Миры» Андерсона
(о книге «Утописты и прагматики: эпизоды истории общественной мысли Запада»)…. 245

Исторические очерки

В.С. Дударев
«Небо еще светло, только вот тучи уже сгущаются»
Россия в восприятии прусского дипломата Курда фон Шлёцера……... 251
Ж.И. Черненко
Трагедия на площади Хеймаркет и в сердцах трёх активисток…….. 260
Ю.А. Курдин, А.Р. Панов
«Что выгодно для России, то выгодно и для серба и для болгарина
и для всего славянства» (сербско-турецкая кампания 1876 г.
в свете переписки М.Г. Черняева с И.С. Аксаковым)…….. 271
А.В. Мырикова
Л.Н. Толстой в Хорватии…… 283
Е.П. Серапионова
Н.О. Лосский в Чехословакии и его позиция
по ключевым вопросам, волновавшим Русское Зарубежье……. 290

Читая книги…

В.Ю. Бельский, А.Л. Золкин
Духовно-политическая мысль и русское хранительство
(Антология «Хранители России»: В 6 тт. М., 2015–2018)…… 299
В.Н. Ерохин
Англоведение в императорской России: новые монографии И.Р. Чикаловой……. 309
Кореневский А.В.
«Вправлять суставы вывихнутым временам»…… 317
И.И. Варьяш
Райские плоды постмодерна…… 325

С.В. Занин, С.Ю. Заводюк
«Россика» Дидро и перспективы ее изучения
(о книге С.А. Мезина «Дидро и цивилизация России»)…… 332
А.С. Ищенко
«Как ныне сбирается Вещий Олег…»
первая монография о легендарном воителе Руси……... 340
Л.А. Бушуева
Жизненный мир петербургских студентов……. 346
И.А. Краснова
Венгерское дворянство XVI–XVII вв. в поисках сословной и этнической идентичности….. 352
М.Ц. Арзаканян
Люди, творящие историю.
О книге В.П Смирнова «Что такое история и зачем она нужна?..... 359
В.В. Шишкин
Портуланы как средство военно-политической борьбы
Заметки о книге Д.Н. Копелева «Битва портуланов»…… 367

Научная жизнь: события и проекты

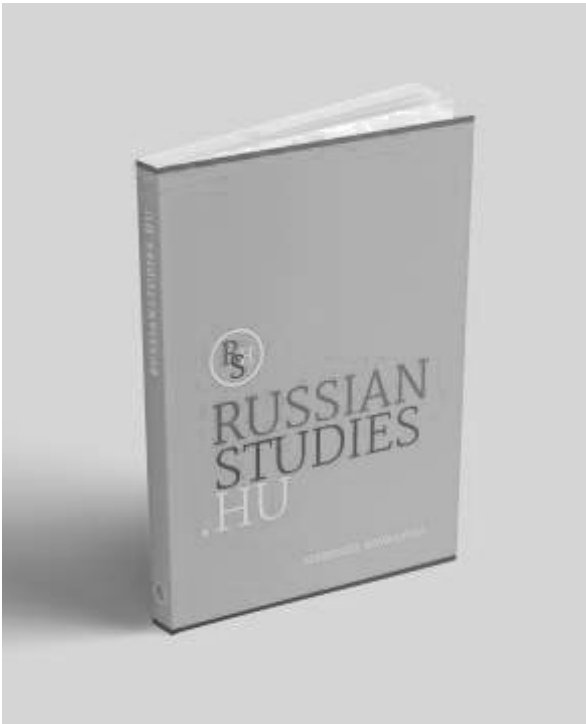
В.П. Буданова, Л.Л. Селиванова
Ловушки, засады и пропасти латентного варварства: интерпретация и перспективы
исторического исследования теневой зоны цивилизации..... 372
М.С. Петрова, И.Г. Коновалова
Россия и Венгрия в прошлом и настоящем
кросс-культурный диалог…… 380
О.В. Окунева
Рукописи «у бездны на краю»
выставка «Les manuscrits de l'extrême» в Национальной библиотеке Франции…… 386

Переводы и публикации

Исидор Севильский. Этимологии, или Начала
Книга V: О законах и временах (пер. с лат. *А.А. Павлова*)……..... 391
В.Г. Ананьев, М.Д. Бухарин
Время Ольденбурга. Postfactum II. Сохранение научного наследия
академика С.Ф. Ольденбурга в письмах и документах…… 408

CONTENTS……..... 424

ОНЛАЙН-ИЗДАНИЕ ***RussianStudiesHu*** по исторической русистике
с постоянно расширяющимся содержанием,
приглашает к участию всех исследователей,
работающих над любыми вопросами
восточнославянской, русской и советской истории
(включая венгерские и восточноевропейские аспекты)
в научно-методологических рамках исторической науки
или её вспомогательных дисциплин



Публикации принимаются
на венгерском, русском и английском языках

Интернет-ресурс russianstudies.hu, обеспечивающий web-площадку и
профессиональную базу для ***RussianStudiesHu***, создан в 2019 г.
Габором Дьёни, Тамашом Краусом, Балинтом Мезеи и Дюлой Сваком

Диалог со временем: dialogue.time@yandex.ru
Поиск DOI: http://search.rads-doi.org/index.php/ ; http://www.doi.org/

К.В. Хвостова
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.71.63438
С.К. Кцоева
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.71.63583
А.Ю. Шутов, В.А. Соболев
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.71.63584
Н.М. Мухарямов, О.Б. Януш
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.71.63586
С.В. Володенков
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.71.63587
О.М. Михайленок, А.Н. Назаренко
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.71.63592
С.А. Спартак
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.71.63593
Ю.Д. Артамонова
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.71.63594
С.С. Царегородцев
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.71.63595
П.Л. Карабущенко
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.71.63596
В.В. Миронов
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.71.63607
С.В. Перевезенцев, А.С. Абрамян
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.71.63609
А.А. Чанышев
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.71.63610
А.А. Зоткин
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.71.63611
О.Ю. Бойцова
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.71.63612
Агаев Б.В., Гуторов В.А., Ширинянц А.А.
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.71.63614
О.Е. Пучнина
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.71.63618
Б. Хордецки
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.71.63621
А.В. Абрамов
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.71.63624
В.А. Болдин, А.Б. Страхов
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.71.63626
Б.А. Прокудин
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.71.63630
И.Б. Мамедов
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.71.63707
А.З. Маргушева
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.71.63710
А.В. Ашаева
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.71.63711
А.А. Ширинянц
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.71.63712
К.М. Андерсон, О.Д. Тальская
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.71.63774
И.А. Козиков, М.С. Зверева М.С., Б.Н. Карипов
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.71.63775
В.С. Дударев
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.71.63776
Ж.И. Черненко
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.71.63777
Ю.А. Курдин, А.Р. Панов
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.71.63779
А.В. Мырикова
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.71.63959
Е.П. Серапионова
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.71.63961
В.Ю. Бельский, А.Л. Золкин
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.71.63962
В.Н. Ерохин
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.71.63964
Кореневский А.В.
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.71.63967
И.И. Варьяш
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.71.63968
С.В. Занин, С.Ю. Заводюк
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.71.63969
А.С. Ищенко
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.71.63971
Л.А. Бушуева
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.71.63972
И.А. Краснова
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.71.63975
М.Ц. Арзаканян
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.71.63980
В.В. Шишкин
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.71.63982
В.П. Буданова, Л.Л. Селиванова
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.71.63983
М.С. Петрова, И.Г. Коновалова
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.71.63984
О.В. Окунева
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.71.63985
А.А. Павлов (Пер.)
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.71.63987
В.Г. Ананьев, М.Д. Бухарин
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.71.63988

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ
71 / 2020

●

Главный редактор
Лорина Петровна РЕПИНА

Адрес редакции
119334, Москва, Ленинский проспект, д. 32-А, к. 1423
Тел. (495) 938-53-91
Web-страница: http://roii.ru/about
Электронная почта: dialogue.time@yandex.ru

Фонд содействия развитию политической науки (Москва)
www.fsrpn.org

Дизайн обложки *И. Н. Граве*

Формат 60x90 / 16. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 25. Тираж 600. Заказ № 91627.

Отпечатано в типографии Onebook.ru
ООО «Сам Полиграфист»
Москва, Волгоградский пр., дом 42, строение 5.
Электронная почта: info@onebook.ru
Адрес в интернете: www.onebook.ru
Тел.: +7 495 545–37–10

ISSN 2073–7564

Журнал индексируется в Российском индексе научного Цитирования (РИНЦ).
Журнал включен в каталог «Роспечать» (подписной индекс 36030).
Журнал включен в базу данных SCOPUS (с 2016 г.)
Полные электронные версии статей представлены на сайте:
http://roii.ru/publications/dialogue
Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия (Свидетельство ПИ № ФС 77-24798 от 29 июня 2006 г.).
Электронная версия — Эл. № ФС 77-53624.